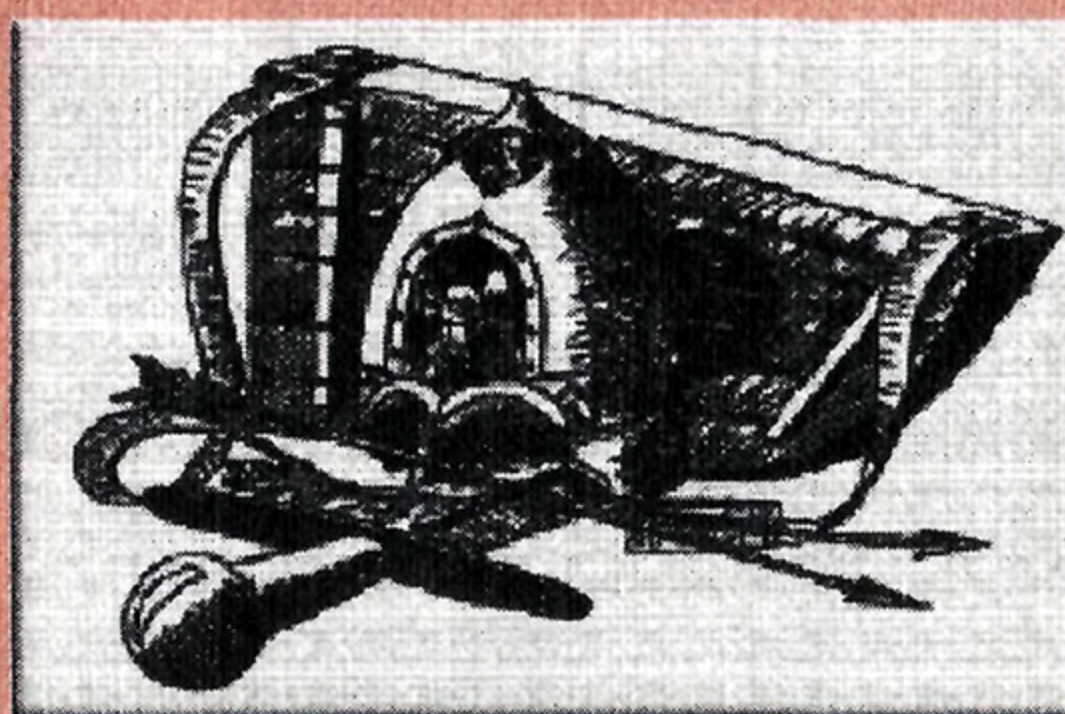

Е. А. ШИНАКОВ

**ОБРАЗОВАНИЕ
ДРЕВНЕРУССКОГО
ГОСУДАРСТВА**

**Сравнительно-
исторический
аспект**

Брянск 2002

Министерство образования Российской Федерации
Брянский государственный университет
имени академика И.Г.Петровского

Е. А. ШИНАКОВ

**ОБРАЗОВАНИЕ
ДРЕВНЕРУССКОГО
ГОСУДАРСТВА**

Сравнительно-исторический аспект

Брянск 2002

ББК 63.3(2)С

Ш 62

Рецензенты:

В.Л.Янин – академик РАН.

Г.С.Лебедев – доктор исторических наук, профессор.

В.Я.Петрухин – доктор исторических наук, профессор.

Ш 62

Шинаков Е.А. Образование древнерусского государства: Сравнительно-исторический аспект. – Брянск: Издательство БГУ, 2002. – 488 с.

ISBN 5-88543-100-0

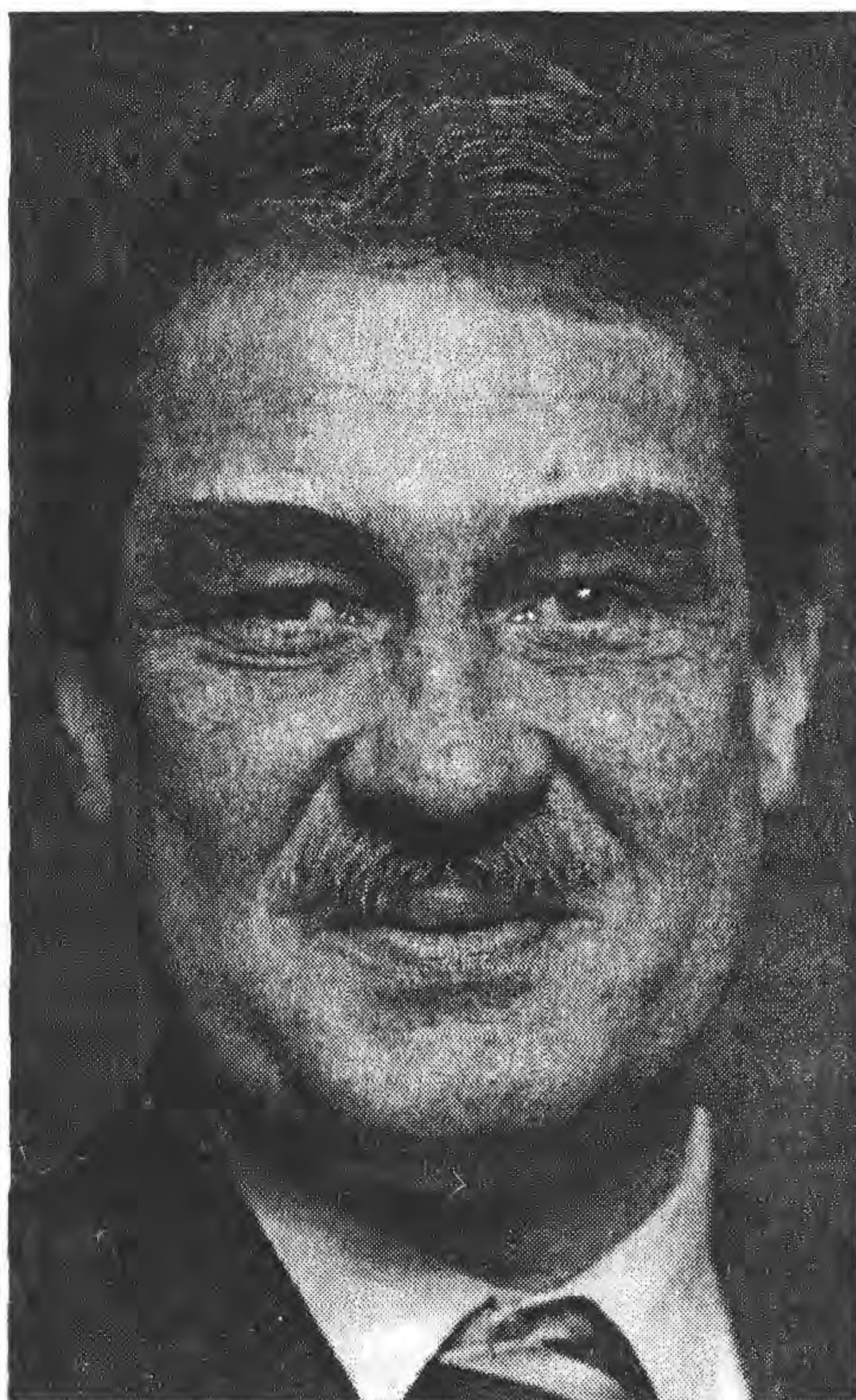
В данной монографии автору, доктору исторических наук Е.А.Шинакову, на основе компаративистских методов и комплексного привлечения источников неписьменного типа привлечения удалось по-новому взглянуть на казалось бы уже хорошо известные страницы истории образования Древнерусского государства, фактически впервые после окончания господства монодоктрины дать целостную картину этого процесса и структуру ранней государственности на Руси.

ББК 63.3(2)С

ISBN 5-88543-100-0

© Шинаков Е.А., 2002.

© Издательство БГУ, 2002.

Е.А.Шинаков – археолог по первоначальному образованию, свыше 20 лет занимается изучением предметного мира Юго-Востока Древней Руси, что отразилось на степени ориентированности работы по этому региону (Юго-Западу России и Северо-Востоку Украины)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Последние годы ушедшего XX столетия ознаменовались для отечественной историографии появлением нескольких обобщающих трудов по истории Древней Руси. Они принадлежат представителям сразу нескольких научных школ: московской, ленинградской(петербургской), киево-черниговской, ряда провинциальных центров, отдельным авторам и обнаруживают, с одной стороны, плодотворную преемственность с лучшими достижениями историографии ещё советского периода (школ Д.А.Авдусина, А.В.Арциховского, А.А.Горского, Б.Д.Грекова, А.Н.Пасонова, В.П.Пашуто, Б.А.Романова, В.Л.Янина и других корифеев славяно-русской медиевистики), а с другой – концептуальное и источниковедческое новаторство. По сути, сейчас начинается складываться качественно новая парадигма изучения цивилизации восточных славян и Руси, преодолеваются многие идеологемы и просто устаревшие тезисы на их счет.

К числу такого рода безусловно приоритетных как в эмпирическом, так и в историософском планах работ отмеченного тематического круга относится монография Е.А.Шинакова. Эта работа отличается тем, что представляет собой едва ли не первый за последние десятилетия *опыт системной теории и истории начала отечественной государственности*. Аналогичные по тематике работы недавних лет издания, при всех их несомненных достоинствах, все же так или иначе специализированы: *регионоцентричны* (имеют в виду разные очаги восточноевропейского политогенеза: северный, циркумбалтийский; центральный, поднепровский; южный, лесостепной); или же носят выборочный, *очерковый характер*; либо обращены по большей части к прошлому опыту изучения этого периода и потому скорее *историографичны*; либо являются прежде всего *учебными пособиями*, лекционными текстами, а не собственно монографическими разработками; наконец, рассматривают Русь сквозь призму какой-то одной, пусть и очень важной проблемы (скажем, всплеск интереса к феномену первых городов на Руси в трудах В.П.Даркевича, А.В.Кузы, Е.Н.Носова, В.В.Седова, П.П.Толочко и др.; или же недавние работы К.А.Соловьёва по легитимности средневекового государства на Руси). Более же ранние варианты книг со стереотипным названием “Киевская Русь” и тому подобными были по большей части ограничены рамками формационно-феодальной теории, которая чем дальше, тем больше демонстрировала “потребительское отношение к источникам” (как выразился С.Н.Чернов на докладе Б.Д.Грекова “Рабство и феодализм в Древней Руси”).

Монографии Е.А.Шинакова, напротив, в гораздо большей степени присуще, на мой взгляд, внутреннее единство теории, метода и результатов исследования,

которое, представляется мне *качественно новым и по содержанию, и по жанрово-тематической форме*. По столь давно, массивованно, масштабно, можно сказать, увлечённо разрабатываемой теме, какова государственность восточных славян и Руси, появление столь оригинальной работы является неожиданным и приятным сюрпризом своего рода.

Могу уверенно констатировать, что высокой степенью научной новизны обладают обе стороны работы Е.А.Шинакова – и политологическая, и историко-археологическая. Не менее бесспорна их логическая взаимосвязь. Приходится только удивляться, насколько корректно автор проанализировал и подытожил огромную и противоречивейшую историографию проблемы происхождения государства, как отечественную, так и зарубежную, причем в их лучших образцах. Преодолев односторонность марксистской, тем более ленинско-советской модели политогенеза, Е.А.Шинаков сумел извлечь из неё рациональные моменты, причём показать их внеэрадикалистский, вполне респектабельный научный генезис (основоположники марксизма, оказывается, и в этом вопросе многим обязаны либеральной науке своего времени). Остальные версии поздней потестарности и ранней политичности, их предпосылок и механизмов удачно сгруппированы и соотнесены Е.А.Шинаковым с восточнославянско-русским материалом. В столь толерантном, конструктивном, но и одновременно смелом, принципиальном подходе к потестарно-политической теории я вижу главный “секрет” успеха Е.А.Шинакова. Почти все его предшественники по данной проблеме или продолжали упрямо цепляться за давно устаревшие теоретико-методологические вехи, или совершали от них головоломный прыжок ко всем без исключения новым концепциям, оказываясь в болоте эклектизма.

Теоретическая новизна работы Е.А.Шинакова бросается в глаза на фоне исторических работ последних десятилетий по сходной тематике, но вполне “истматовских” по своему категориальному антуражу. Если же рассматривать её в более широком историографическом контексте, то она, на мой взгляд, достойно продолжает весьма плодотворную традицию изучения первых веков отечественной истории на стыке социологии, правоведения и истории, археологии. Имеются в виду представители так называемой государственной школы в российской историографии второй половины XIX – начала XX вв. К.Д.Кавелин, А.Д.Градовский, Б.Н.Чичерин, М.М.Ковалевский и др. Будучи известнейшими теоретиками права и государства, они же оставили фундаментальные труды по Древней Руси. Очень близкие монографии Е.А.Шинакова по жанру работы (конечно, давно устаревшие по содержанию) имеются в наследии историка-юриста и археолога Д.Я.Самоквасова (1843-1911): Исследования по истории русского права. Вып. 1. Критический анализ теорий догосударственного быта русских славян; Вып. 2. Средства познания системы русского права языческой эпохи. – М., 1896, где также использованы сравнительно-исторические материалы первобытных и архаичных этно-

сов Сибири, Америки, Океании и т.п. “заповедников” политической антропологии. Так что исследователи, походя сравнивавшие славян-роменцев, допустим, с ирокезами и другими “племенами”, просто повторяют неплохо забытое старое.

В современной российской науке такого рода материал накапливался исподволь, прежде всего московскими, петербургскими, дальневосточными этнографами и историками-античниками, востоковедами (см. цикл коллективных монографий: Ранние формы социальной стратификации. – СПб., 1993; Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. – М., 1995; Символы и атрибуты власти. – СПб., 1996; Потестарность: генезис и эволюция. – СПб., 1997; Голубева Е.С. Община, племя, народность в античную эпоху. – М., 1998; др.). Однако даже в этом, уже солидном по объему и разнообразию тематике цикле потестарно-политологических штудий древнерусская тематика ютится на последнем месте, до монографии Е.А.Шинакова по сути отсутствовала (не считая оригинального, но вполне “фрояновского” по духу реферата А.Ю.Дворниченко, можно отметить только опять же сугубо информационный, причем выборочный обзор Е.В.Пчелова (Альтернативные пути к ранней государственности. – Владивосток, 1995). Таким образом, на современном этапе изучения политической истории Отечества монография Е.А.Шинакова являет собой совершенно приоритетное исследование, как по тематике, так и по формату.

Сформулированная им четырехэтапная периодизация восточноевропейского политогенеза (вождества – “варварское” – раннее – зрелое государство) безусловно войдет в научный обиход и учебники как вполне доказанная теоретически и эмпирически. К таким выводам шло обсуждение этой сложнейшей тематике, но именно Е.А.Шинаков внес в нее взыскуемую ясность.

Вполне естественно, что у разных читателей этой новаторской монографии найдутся свои вопросы к автору и даже возражения ему. Это положительная сторона любой научной работы, тем более столь важной для российской историографии, какова эта. Мне показались проблематичными следующие положения диссертанта.

Тезис об акефальном состоянии “племен” Днепровского Левобережья в период их подчинения Хазарии. Сколько я могу судить, акефальностью отличаются вполне первобытные социумы, на какое-то время адаптированные к внешним и внутренним условиям своего обитания. Это население, живущее дискретными общинами. Главным образом в условиях присваивающего хозяйства, с минимумом прибавочного продукта. Между тем, само образование роменской археологической культуры (северянского этноса) предполагало синтез аборигенных остатков вольтинцевской культуры с некими новыми волнами переселенцев с Правобережья и, как видно, не только оттуда; под влиянием салтовских племен и не их одних. Автору лучше меня знаком такой феномен, как массовое строительство городищ с началом IX в. на Левобережье, которое прежде, в колочинско-вольтин-

цевский период их почти не знало. Выполнение общественных работ такого масштаба вряд ли возможно без некоторого потестарно-политического прогресса, о степени которого, конечно, судить мудрено по имеющимся у нас источникам. Да и сам сбор дани в пользу Хазарии скорее всего осуществлялся некими местными, славянскими инстанциями, поскольку опорные пункты “салтовцев” располагались куда южнее Посеймья и тем более Подесенья. О социальной стратификации (или по крайности, ранжировании) уже раннероменского общества говорят и “антские клады” второго периода (по О.А.Щегловой). Относительно же позднероменского социума сам Е.А.Шинаков (вкуче с А.В.Григорьевым) в своё время пророчески предположил альтернативное Киеву возникновение государственности. Пожалуй, этап вождеств стоит несколько удревить и несколько иначе периодизировать, по сравнению с рассматриваемой диссертацией, по крайней мере для носителей роменской археологической культуры.

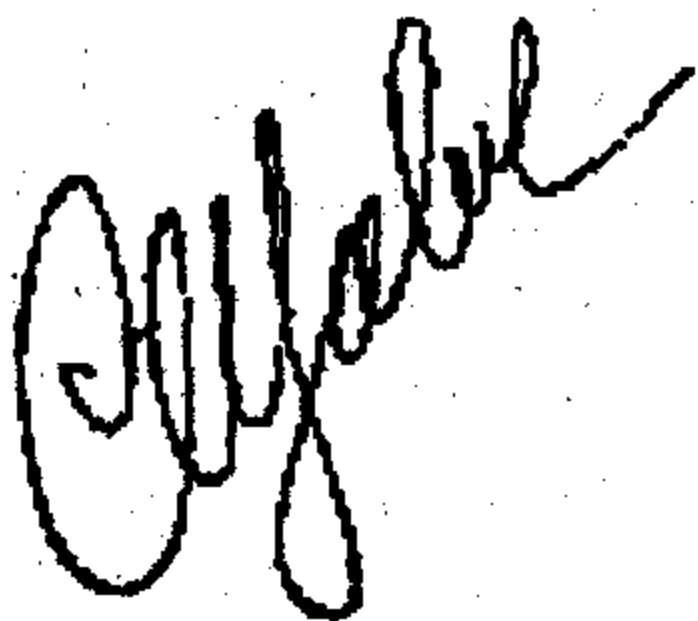
Особо отмечу поистине удивительное обстоятельство: концепция Е.А.Шинакова составляет лишь своеобразную “вершину айсберга” – того вклада, что внёс этот автор в отечественную историографию. Археологи волей-неволей делятся на эмпириков (большинство) и теоретиков (чей авторитет в глазах упомянутого большинства невысок). Нередко эти ипостаси сменяют друг друга в одной и той интеллектуальной биографии. Е.А.Шинаков был и остается активным участником и руководителем полевых экспедиций, умелым и удачливым открывателем древностей. И столь же успешно он занимается обобщением, интерпретацией, причем не только вещественных, но и письменных, иных источников. Ведь изложенные в монографии выводы опираются на куда больший массив авторских аргументов, чем вместила в себя непосредственно эта работа. Причём речь идет не только о сугубо эмпирическом материале разведок, раскопок, музейных коллекций, который введен этим исследователем в научный оборот в большом объеме, но и об их систематизации, интерпретации. Стоит припомнить, что в науку этот автор вошёл работой типологического плана – атрибуцией многолучевых височных колец, ставшей уже классической.

Кроме открытия массы артефактов и их типологий, Е.А.Шинаков сформулировал немало идей, теоретических моделей меньшего уровня абстрактности, чем его теория отечественного политогенеза, но в свою очередь весьма эвристичных для понимания древней Руси. Это, скажем, его концепции внутренних пограничий между восточнославянскими “славиниями”; уточнение маршрута большого полюдья киевских князей; полевая фиксация и социально-историческая интерпретация новых для нашей археологии видов памятников (погосты, ловища, дружинные лагеря); корректное разведение понятий “русы” и “славяне” арабских источников; выделение так называемых восточных территорий Руси; северных древностей на её Юго-Востоке; экологических микрорегионов последнего; расширение понятия роменской археологической культуры; ряд других.

Очень мало кто из современных историков и археологов способен столь органично, как автор рассматриваемой монографии, сочетать в своем научном творчестве этапные работы источниковедческого, вещеведческо-типологического плана (кроме атрибуции лучевых височных колец, еще типология погребений известнейшего Гочевского некрополя, керамики Подесенья, локализация нескольких летописных центров, и многое другое) со столь масштабными историческими построениями, какова его же докторская диссертация и отмеченные выше историко-культурологические разработки.

Особенной ценностью обладают предлагаемые Е.А.Шинаковым методики археолого-исторических исследований. По крайней мере, в собственных исследованиях материалов соседнего с Подесеньем региона – Курского Посеймья я (с соавторами) неоднократно отталкивался от идей и методов этого автора.

*Доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии Курского
государственного медицинского университета*

С. П. Щавелёв

ВВЕДЕНИЕ

Историографические замечания

Целью настоящей монографии является стремление отчасти ликвидировать разрыв в данном вопросе между старой, как советской, так и зарубежной, моноконцептуальностью и ситуацией 90-х годов, имевших две крайности: с одной стороны, уход в эмпирику, исследование частных фактов, агностицизм в теоретической области; с другой – массовое появление новых или возобновление старых гипотез, обоснованных выборочно подобранными источниками либо вообще общей логикой. Содержание их не суть важно, существенна их общая на деле методологическая основа. В первом направлении во многом замкнулись специалисты академической школы, второе представлено широким спектром авторов, иногда имеющих к профессиональному историческому образованию весьма опосредованное отношение. Это направление заняло ту лакуну, которая образовалась в научной литературе благодаря возникшему противоречию между возрастающей общественной потребностью и интересом, с одной стороны, и отсутствием, за небольшим исключением, обобщающих работ профессиональных историков по образованию нашей государственности, с другой.

Главным в методическом подходе к рассматриваемой проблеме является соблюдение принципа непротиворечивости разных категорий, типов и видов источников друг другу при описании тех или иных фактов, событий, явлений. С другой стороны, при частой недостаточной информативности даже комплекса источников по образованию Древнерусского государства, большое значение приобретает сравнительно-этнологический подход, впервые применяемый системно.

По методологическим позициям автор наиболее близок к тому направлению в отечественной историографии, которое сформировалось в 80-е гг. XX в. на базе синтеза теоретических достижений зарубежной политической антропологии и эмпирико-теоретических исследований советских востоковедов, медиевистов, этнографов, в наибольшей степени сконцентрированных в так называемой потестарно-политической этнографии.

Конкретно автор избирает теорию этапности и обратимости поли-

тогенеза, большой роли и самостоятельного (этапообразующего) значения переходных периодов, с присущими для них особыми *формами государственности*. Аккумулируя достижения современных теорий государствогенеза на стыке политической антропологии, этнологии, политологии, теории государства и права, конкретно-историческими исследованиями, автор считает возможным остановиться на 12-ти формах зрелой государственности, из которых четыре выделяются автором впервые.

В плане этапности можно проследить следующие этапы образования государственности, в том числе древнерусской. Это – “вождества” разных форм, в том числе религиозно-общинной, военно-демократической, типа протогорода-государства и т.д. Затем следует переходный, потестарно-политический период, заполненный разного рода сложносоставными предгосударствами (уровня “сложных вождеств” политической антропологии). Раннее государство обладает всеми или почти всеми формально-юридическими признаками государства в целом (территориальное деление вместо племенного, постоянные налоги разных форм, аппарат власти, независимый от “общества” и могущий в случае необходимости противостоять ему, переход права в руки государства). Три первых признака взяты из марксистской теории государства, четвертый – из политико-антропологических теорий, не отвергавших, впрочем, и марксизма. В сущностно-социальном плане в раннем государстве существуют в разной степени развития и взаимоотношения друг с другом зачаточные фракции различных экономических классов. Победа одного из них в экономическом, а затем и политическом аспектах приводит к формированию зрелой государственности, отличающейся от ранней наличием у правящего слоя классово-охранительной или классово-примирительной функции.

Группа функций (общенародные, классовые и, выделенная автором, – самообеспечения правящего слоя) является одним из сущностных показателей как для разных форм зрелой государственности, так и для этапов ее становления. К примеру, в “вождествах” преобладали общенародные функции, в предгосударствах переходного периода – “самообеспечивающие”, в разных формах ранней государственности – различные их комбинации. В зрелых государствах первые эти две группы часто в реальности поглощаются классовой (в полисах, например), хотя в сфере идеологии, особенно в чиновничье-бюрократических и религиозно-общинных государствах, особый акцент делается на общенародных функциях.

Из 12 форм зрелой государственности (см. приложение) для главных целей исследования наиболее важны те, которые возникают на более ранних этапах политогенеза (раннегосударственном и переходном): *земледельческий город-государство, корпоративно-эксплуататорское и "двухуровневое" государство, сложный город-государство, сложносоставное государство*. Фактически все эти формы, кроме последней (Куббель, 1988), выведены автором. Так называемое "дружинное государство" является, по нашему мнению, частным случаем и стадияльно-локальным проявлением второй формы прежде всего.

§ 1. Типы (социальная основа) государственности в отечественной литературе конца XX века

В период господства в СССР (конец 30-х – начало 60-х гг.) тенденциозно понимаемой марксистской (точнее, ленинско-сталинской) доктрины образования государства, в том числе и на Руси, явные отклонения от нее допускались (или существовали "полуподпольно") в трех, по нашему мнению, направлениях.

Первое. Вначале скрытая, а зачастую и имплицитная, восходящая к конкретному материалу, а затем (с середины 80-х гг.) и открытая апелляция к теориям зарубежной политической антропологии или самостоятельная разработка в рамках прежде всего этнографии и африканистики аналогичных концепций. Суть их – отсутствие прямой детерминированности образования классов и государства при взаимопереплетении социально-экономических и политических процессов; этапность политогенеза, ступенчатость государствообразования; допустимая полилинейность генезиса государства¹, с преобладанием разных линий (тенденций) развития не только в разных регионах мира с различными экономическими условиями, но и на разных ступенях политогенеза. Сторонников этого направления можно, в свою очередь, разделить на тех, кто выбирал в качестве опорной одну из основных зарубежных политико-антропологических теорий (например, африканист Н.Б.Кочакова – Г.Клессена и П.Скальника, специалист по инкской цивилизации Ю.Е.Березкин – Р.Адамса и т.д.), и тех, кто, перерабатывая некоторые общие для разных теорий положения зарубежной политической антропологии (например, этапность по

Э.Сервису, М.Фриду, Р.Карнейро) и пытаюсь синтезировать их с нетрадиционным марксизмом, создавал (или делал такие попытки) свои схемы и модели политогенеза.

Наиболее яркими представителями второго “ответвления” первого направления являются создатель современной теории этноса Ю.В.Бромлей, африканисты О.С.Томановская, Л.Е.Куббель, Ю.М.Кобищанов, востоковед Л.В.Васильев².

Второе направление родилось и практически существовало в ходе второй дискуссии об “азиатском способе производства” (середина 60-х гг.) прежде всего в среде востоковедов, философов, теоретиков истории. Конкретным толчком для нее послужила работа французского марксиста М.Годелье, переведенная на русский язык³. Хотя эта дискуссия касалась скорее социально-экономических основ государства, чем его самого как целостного (или надстроечного, в плане специфики правящего класса и госаппарата) явления, тем не менее в ее ходе не могли затрагиваться и последние вопросы.

Наиболее рациональным, с этой точки зрения, результатом дискуссии⁴ нам представляется выделение “большой феодальной формации” с многочисленными территориально-этапными вариантами и двумя крайними (типично “западный” и “восточный феодализм”) полюсами притяжения. Между двумя крайними, по существу “идеальными”, в чистом виде не существующими моделями, находится множество переходных форм государственности, что, впрочем, прямо не постулировалось. Рабство присутствует почти повсеместно и в синхронном, и диахронном аспектах в качестве уклада, но господствующим способом производства было лишь в Средиземноморье, да и то ограниченный период.

При этом, как выяснилось в ходе дебатов, и чистому рабству предшествует так называемый “раннеклассовый” (“раннефеодальный”) период (“кабальная формация”, по Ю.И.Семенову), определяемый как *переходная ступень* между собственно родоплеменным обществом и органами управления и классовым строем и сложившимся государством. Наличие этого переходного периода признали все – и сторонники, и противники специфики Востока – “азиатского способа производства”. Различия в терминах особой роли не играли, т.к. суть переходного состояния общества и государства описывалась по существу одинаково⁵. Это – *самостоятельная ступень* развития, а не заключительная фаза первобытного или на-

чальная – классового общества. В зародыше в обществах и государствах переходного периода имелись все *возможные* классы, из которых в дальнейшем одерживал победу только один. В связи с этим говорить о “раннефеодальном”, “раннеполитарном”, “раннерабовладельческом”⁶ государствах можно лишь с учетом тенденции, известной современным историкам, но не современникам.

Синхронистический, сравнительно-исторический, регионально-типологический подход к “переходности” помогает без особого труда решать проблему обществ и государств на грани цивилизаций. Характерный пример – Византия, ряд стран Центральной и Восточной Европы, в которых непредвзятый анализ может выявить как специфически “западные” и “восточные”, так и типологически “свои”, переходные элементы государственности⁷.

Третье направление представлено медиевистами, начиная от С.В. Юшкова и А.И. Неусыхина, введших понятие переходного периода для европейского средневековья. “Варварское” или “дофеодальное” государство С.Юшкова, базирующееся на конгломерате трех укладов (работы 1946-1948 гг.), А.И. Неусыхин разделил в плане политического развития на два этапа. Это – осевший на определенной территории союз племен и сменившее его “варварское королевство” с феодализмом в качестве “тенденции” наряду с другими укладами⁸. Несколько позднее А.И. Неусыхин делит второй этап на две части по критерию основной социально-политической опоры королевской власти – на дружинников и бенефициариев⁹. Развивая эти идеи, базировавшиеся на материалах “классического” франкского предфеодализма, для других регионов Европы, Н.Ф. Колесницкий, А.Р. Корсунский, А.Я. Гуревич, кроме выявления местной специфики “варварских королевств” разработали более детально и некоторые вопросы общего методологического характера. С разделения Западной и Центральной Европы на синтезную и бессинтезную зоны зарождается и “горизонтальная” типология государственности переходного периода¹⁰, из которой затем логично проистек и конкретно-локальный метод исследования сложившихся феодальных государств, причем не только Европы, но и Азии¹¹.

Параллельно шло типологическое исследование промежутка между “Востоком” и “Западом” – Византии и связанных с ней стран Балкан и Закавказья, в ходе которого была выделена “контактная”, славянская по преимуществу, зона между “синтезным” и “бессинтезным” региона-

ми и определился *третий* тип генезиса феодального государства – бессинтезный, но “романский” (Грузия, Армения).

Началось выделение конкретных моделей развития и типа государственности, причем наиболее удачными оказались “окраинные” (для Европы) региональные – скандинавская, центрально- и восточноевропейская, балканская (включая Византию). Здесь следует отметить не только отечественных (В.Д.Королук, М.Д.Лордкипанидзе, А.П.Каждан, Г.Г.Литаврин, Б.Н.Флоря, В.К.Ронин, З.В.Удальцова, Е.В.Гутнова, А.Я.Гуревич, А.А.Сванидзе и др.), но и зарубежных исследователей, по крайней мере формально стоявших на марксистских позициях. Это и Г.Ловмянский для Польши, Д.Тржештик, И.Жемличка, Р.Марсина для Чехии и Центральной Европы, Е.Койчева, Б.Кочев, Х.Матанов, В.Тыпкова-Заимова для Дунайской Болгарии и Балканского региона. В итоге достаточно аргументированно было обосновано существование “Среднеевропейской модели” и наличие типологической связи Шведской, Поморской и, отчасти, Приморско-хорватской моделей¹², первоначальное доминирование в качестве “государственного” элемента биэтничной Болгарии тюркской кочевой аристократии и протоболгар в целом¹³, и копирование правящей верхушкой этой страны византийской системы управления и атрибутов власти еще начала IX в. до принятия христианства.

Кроме “византийско-кочевнического” Юго-Востока, в Европе убедительно выделен культурно-исторический тип – Балтийское культурно-экономическое сообщество с его международными связями, викингским движением (не только в Скандинавии) и их четким материально-археологическим отражением – протогородами-виками с интернациональной культурой¹⁴.

Достаточно “модной” стала разной степени аргументированности констатация наличия связей и параллелей отдельных черт и явлений государственности и цивилизаций в целом в разных регионах и культурах мира. Отмечались элементы сходства как внешних, в том числе материальных, проявлений (тип храмов, города, монументальные регалии власти), так и форм государственности – “восточного” города-государства и деспотии¹⁵. Большинство же исследователей считало вышеуказанные черты сходства не типологически-регионального, а стадияльного происхождения. В этом аспекте наиболее частым является отождествление с “варварскими королевствами” Европы как более хронологически поздних позднепотестарных обществ Тропической Африки, так и намного более ранних, но синх-

ростадиальных Гомеровской Греции и Царского Рима¹⁶, как обществ “предклассовых, дуалистичных”¹⁷. Перспективным стало считаться применение термина “варварский” вообще ко всем государствам доцивилизационного уровня, проведенное для Сабейского ареала, сочетавшего две формы протогосударственности в одном социально-политическом организме¹⁸. К выводам последнего (политического, прежде всего, плана) привел синтез обобщений по нескольким регионам мира африканиста-этнографа Л.Е. Куббеля. Используя за исходную посылку трехчленную формулу признаков государства по Ф.Энгельсу¹⁹, он, во-первых, вывел шкалу вертикальных детерминант “вождества” – “раннего государства” – “сформировавшегося государства”: отсутствие в первом из них *всех* признаков, наличие во втором одного-двух в разных регионально-типологических сочетаниях, и, наконец, последнее *обязательно* имеет все три признака²⁰. Во-вторых, именно конкретное сочетание этих признаков на этапе “раннего государства” является одним из важнейших цивилизационно-культурно-этнических принципов классификации.

На базе как марксистского положения о нескольких путях государствообразования, так и сравнительно-типологического метода, развитого М.Вебером, выделившим на его основе особый европейский путь развития, основанный на протестантской этике, сначала слабо²¹, а к началу 90-х гг. – в качестве господствующего в историографии направления, появляется идея бинарности политогенеза на этапе “ранних государств” и выше – вплоть до современных “демократических” и “тоталитарных” государств.

При формальном постулировании известной “триады” путей, Л.Куббель все же резко отделяет государства-общины (в основном полисы) от “надобщинного варианта”, куда включаются вместе и племена германцев, и “королевства” Тропической Африки, и “централизованные деспотии речных долин”²².

В настоящее время среди историков России, начинавших на базе марксизма, “бинарная” концепция политогенеза наиболее последовательно постулируется китаеведом Л.В.Васильевым²³.

В ходе определения специфики развития Востока и Черной Африки сначала имплицитно, а затем и концептуально, оформилось представление о доклассовом государстве (как одной из его ранних, но равноправных форм), что, впрочем, не противоречило и взглядам Ф.Энгельса (но не К.Маркса и В.И.Ленина)²⁴: “Более ранний и всеобщий путь классовообразования – через

монополизацию общественной должностной функции, чем через монополизацию средств производства”²⁵. Это положение, с одной стороны, очень напоминает “римский” путь, по Ф.Энгельсу, а с другой – развитие через “стратифицированное общество” политической антропологии.

Этот положительный, по нашему мнению, результат – неконъюнктурное сближение, начавшийся синтез положений зарубежной политической антропологии и творческого марксизма, в наиболее полном виде представленный к концу 80-х гг. в потестарно-политической этнографии, был в дальнейшем излишне “форсирован” и вульгаризирован, но уже в другом от марксизма направлении. Впрочем, в одном и том же сборнике начала – середины 1990-х годов могут встретиться и такие, все еще ортодоксально марксистские взгляды²⁶.

§ 2. Вопрос о социальной сущности и механизмах образования Древнерусского государства в отечественной историографии последней четверти XX в.

Наиболее четко и полно ход дискуссии по данному вопросу изложен в статье А.А.Горского (Горский, 1984). Он выделяет 4 основных направления в современной советской историографии по отношению к классовой сущности Древнерусского государства:

1. Сторонники точки зрения Б.Д.Грекова.
2. Последователи “государственного феодализма” (делящиеся на тех, кто считает IX – середину XI вв. временем только государственного феодализма, и сторонников параллельного с ним развития вотчинного хозяйства).
3. “Рабовладельцы” (Горемькина, 1970, 1987; Покровский, 1970; Пьянков, 1980).
4. Сторонники концепции, “согласно которой Киевская Русь представляла собой родоплеменное общество последнего периода его существования” (Горский, 1984. – С.78; Фроянов, 1974, 1980)²⁷.

Будучи в целом согласны с классификацией А.А.Горского, расценивая ее как наиболее удачную, мы считаем необходимым отметить, что первая точка зрения, по его классификации, сторонников в настоящее время не имеет и представляет чисто историографический интерес.

С другой стороны, за пределами его классификации остался взгляд на Древнерусское государство, как на “торговую федерацию” (Soloviev, 1979. – Р.3), где основная причина образования государства – защита и организация международной торговли, а господствующий класс – купцы и занимающиеся торговой деятельностью “княжеская элита” и “их вассалы” (Soloviev, 1979. – Р.3). Элементы этой торгово-городовой теории были заложены еще В.О.Ключевским (1987. – С.141, 144), продолжены Г.Вернадским (1948), а к настоящему времени развиты (или самостоятельно разработаны) рядом зарубежных (А.Соловьев, Дж.Линд, Й.Херрман) и российских (в основном петербургских) ученых (А.Н.Кирпичников, Г.С.Лебедев, В.А.Булкин, В.А. Назаренко, И.В.Дубов). Последние, правда, распространяют положение о большой роли международной торговли в формировании государственности и классовых отношений лишь не Северную Русь²⁸, входившую в так называемую “Балтийскую экономическую систему”.

Близкие к этой группе историков (точнее, археологов) взгляды высказал советский востоковед А.П.Новосельцев²⁹. В отличие от них он делает попытку определить нишу Древней Руси IX – X вв. в общей формационной схеме, определяя ее вслед за Ф.Энгельсом как “варварство”, эпоху сложения предпосылок государства (Новосельцев, 1991. – С.4, 11). В этом А.П.Новосельцев наиболее близок по взглядам 4-й группе авторов (по классификации А.А.Горского)³⁰.

Промежуточной между взглядами сторонников особой роли международной торговли и “государственной” формы раннефеодальных отношений является точка зрения В.Я.Петрухина и Е.А.Мельниковой о параллельности формирования сети опорных пунктов международной торговли и великокняжеской власти (виков и хусабю) по скандинавской терминологии), при победе в XI в. последних (Мельникова, Петрухин, 1986; Петрухин, 1987; Мельникова, Петрухин, Пушкина, 1984). Последняя точка зрения представляется наиболее приемлемой.

Для лучшего понимания дальнейших судеб наций и особенностей национального характера гораздо большее значение имеют первоначальная форма правления и механизмы образования конкретного государства³¹. Оба эти вопроса взаимосвязаны, ибо от пути образования государства чаще всего зависел его тип (“форма правления”) и в политическом, и территориально-этническом планах.

По В.О.Ключевскому, Древнерусское государство представляло собой

добровольное объединение торгово-городовых волостей под властью варяжской династии киевских князей с целью обеспечения общенародных функций (обеспечение внешней торговли и обороны в первую очередь) (1987. – С.163). В основе – теория “общественного договора”, добровольной уступки обществом части своих прав госаппарату. Налицо государство, республиканское в низовых звеньях и монархическое в верхнем эшелоне власти: все его части (в территориальном плане) равны, но все безусловно подчиняются Киеву (унитарная монархия).

Фактически так же оценивает Древнерусское государство и М.Б.Свердлов, по-иному трактуя, однако, механизм его образования – насильственная ликвидация независимости племенных княжеств³² и союзов племен (Свердлов, 1983. – С.32-34).

Очень четко говорится о механизме образования первоначальных “низовых” ячеек государственности – городов-государств с общинно-республиканской формой правления и весьма туманно – о едином Древнерусском государстве и пути его образования у Н.Я.Фроянова и А.Ю. Дворниченко³³.

Наоборот, достаточно подробно говорится об особенностях и причинах образования единого Древнерусского государства (“федерации княжеств”), находившихся в разных отношениях с ее столицей – Киевом в силу разных путей включения этих княжеств в ее состав (у А.П.Новосельцева). Что же касается первоначальных звеньев государственности, то к ним применяется расплывчатый термин “политические образования”, “княжения” (Новосельцев, 1991. – С.11). Ясно, однако, что автором подразумевается только монархическая форма правления. О механизме формирования государственности на уровне княжений не говорится, однако само допущение возможности первоначального существования нескольких восточнославянских государств является важным.

По Б.А.Рыбакову, Русь уже в начале IX в. представляла собой иерархически организованную раннефеодальную монархию (1982. – С.570), судя по контексту работы – унитарную, но образовавшуюся в основном мирным путем (в отличие от точки зрения М.Б.Свердлова).

Достаточно четко, хотя схематично и одинаково для всех восточнославянских племен, процесс формирования первоначальной государственности путем поэтапной узурпации власти разного ранга князьями, опиравшимися на дружину, изложен в работе А.А.Горского (1984. – С.81-34, а

также 1988. – С.82-88). Само же Древнерусское государство, скорее всего, характеризуется как унитарная монархия, в территориально-этническом плане, основанная с помощью насилия.

Хотя и далеко не новая, но добротная для советской историографии схема государствообразования, состоящая из четырех этапов, обобщена в работе И.П.Шаскольского (Шаскольский, 1972; 1978)³⁴.

Были предложены и иные механизмы государствообразования, единые для Руси и Скандинавии (Шаскольский, 1986), – через посредство создания надплеменной властью князя-конунга сети опорных пунктов своей государственности, которая “набрасывается” на территорию сразу нескольких союзов племен (Мельникова, Петрухин, 1986; Петрухин, 1987).

Наиболее обоснованные археологическими материалами механизмы образования государственности на уровне племя – союз племен (на примере белых хорватов) изложены в работах Б.А.Тимощука (Тимощук, 1990 а, б; 1995), который показывает процесс поэтапной насильственной узурпации власти племенным князем, а затем великим киевским князем.

Таким образом, из трех основных путей государствообразования, которые предусматривала первоначально³⁵ марксистская историческая теория, в современной советской историографии присутствуют, правда, не всегда в чистом виде и редко называясь по “именам”, все три. Это может говорить либо о том, что правы не все историки, либо что на Руси существовал некий синкретичный набор механизмов государствообразования, либо о множественности путей сложения государственности на территории Восточной Европы.

Фактически седьмым направлением историографии (если считать взгляды Е.А.Мельниковой и В.Я.Петрухина (по “городовой сети”) за отдельную, шестую группу) могут являться теории, абсолютизирующие то или иное направление внешних влияний. Своими “этническими” приоритетами они напоминают достаточно давние (еще до его “новой теории” 1982 г.) посылки Б.А.Рыбакова и современные, рубежа 80 – 90-х – Л.Н.Гумилева, только с точностью до наоборот. Если у последних упор делается на национальную самобытность, существование славянского “каганата Русь” еще в начале IX в., а то и раньше (Гумилев, 1996. – С.241) и, в общем признаваемую, но более позднюю и отрицательную роль варягов в дальнейшем развитии древнерусской государственности, то сторонники седьмого направления делают упор на от-

сутствие у славян до варягов или хазар (здесь “внутреннее” различие этой группы историков) чего-нибудь, “что бы напоминало хотя бы самую рудиментарную форму государственности”³⁶ (Пайпс, 1993 (по англоязычному изданию 1974 г.). – С.45).

Отчасти истоки седьмого направления можно видеть в “геополитических” трудах Г.В.Вернадского, однако внимательное их прочтение вряд ли позволяет сделать это даже с малой степенью категоричности. Так, преобладающая роль скандинавов отмечается этим исследователем лишь для образования единого Древнерусского государства, но зачатки государственности существовали у “руси и антов” еще в VII – VIII вв. (Вернадский, 1996 (по лондонскому изданию 1948 г.). – С.26), хотя они и находились “под руководством хазар” (Там же). Государственность на Руси до Рюрика была представлена “системой классических городов-государств – древнерусских земель” (Там же. – С.191). Высоко оценивается Вернадским и уровень социального развития славян до создания государства Рюриковичей, хотя его термин “классы” скорее соответствует “стратам” политической антропологии (Там же. – С.144-163).

В этом аспекте Г.Вернадский скорее выступает как последователь М.Грушевского с его поляно-русской теорией³⁷ и социальным расслоением, предшествовавшим созданию государства, отчасти (роль торговли и городов) – В.Ключевского. В качестве же его последователей можно скорее назвать Б.Рыбакова и Л.Гумилева, чем современных “норманистов” и “пантюркистов”. Последние, в лице, например, О.Прицака, по сути, абсолютизируют явно “проходное” высказывание Г.Вернадского о роли хазар, превращая их в создателей (наряду с варягами) Древнерусского государства и основателей Киева (Pritsak, 1981; Golb, Pritsak, 1982). Критике этих взглядов посвящена обширная отечественная и зарубежная историография (Wilson, 1978. – P.165-156; Мельникова, 1984; Новосельцев, 1986. – С.38-39; Петрухин, 1995. – С.95)³⁸.

Своеобразно пересматривает хазарскую версию основания Киева М.Э.Аджи, вводя в свою книгу раздел “Кипчакский Киев”, и относя термин “Гардарики” не к славянским землям, а к степному Дешт-и-Кипчаку” (1994. С.55). Впрочем, не только кипчаки, но и “варяги оставили славянам Русь” (Там же. – С.59). Лишь позднее “конспект будущей российской истории” “набросал” Владимир Мономах, а сгладил ее шероховатости “руководитель всего летописания”, “Первый Главный Редактор на Руси” Мстислав

Великий (Там же. – С.75-76). Впрочем, мы отвлеклись на характеристику книги, которую сам автор оценивает как проблемную, скорее публицистическую, чем строго научную.

В итоге круг сомкнулся: летопись оказалась неудовлетворительна прежде всего для сторонников “этнической чистоты” государства – будь оно исконно славянским или созданным на “пустом месте” норманнами или тюрками.

В этой связи характерна судьба работ Л.Н.Гумилева³⁹: возникшие в какой-то степени как “оппозиция” официальной версии Б.А.Рыбакова, они в настоящее время поддерживаются именно “патриотами”⁴⁰, чему, безусловно, есть основания: взять хотя бы его оценку уровня восточнославянской государственности на начало IX в. как “сильного каганата “Русь” (1996. – С.241). Роль же норманнов сугубо отрицательна, они чуть не погубили эту “суверенную державу”, поставив ее в зависимость от хазар (Там же. – С.243, 247)⁴¹.

Таким образом, невольно, но вполне логично этнотипологическая односторонность сближает внешне полностью противоположные концепции (О.Прицака, Р.Пайпса, Б.Рыбакова, Л.Гумилева).

Очевидно, что полностью сбрасывать со счетов концепции внешних воздействий, имеющие под собой определенную и источниковую, и методологическую базу, нельзя. Так, достаточно взвешенной выглядит новая теория В.Я.Петрухина о создании русами, пришедшими в Поднепровье с севера, опорной базы формирующейся государственности в зоне бывшей “хазарской дани” (территориально ограниченной и имеющей свои, археологически определяемые рубежи), ставшей “внутренней Россией”. Институт дани перешел к “руси” от хазар как бы по наследству. В этой связи логично и допущение участия хазарских элементов (наряду с другими) в русских полиэтничных дружинах (Петрухин, 1995). Внешнее влияние здесь налицо, но опосредованное, адаптированное к “своим” потребностям.

Еще одной существенной альтернативой исключительно скандинавской “традиции” источника влияний явилось западное, германо-баварское направление (А.В.Назаренко). Развивая как высказывания А.П.Новосельцева (1991. – С.15) о зоне чешско-польского влияния, так и Й.Херрманна о ранних германо-русских контактах (1988. – С.164)⁴², Назаренко связывает эти отрывочные положения в целостную теорию об изначальном преобладании контактов славян Среднеднепровского региона именно с Цент-

ральной Европой и с ее гегемоном – Восточнофранкским, затем Германским королевством через Карпаты – Прагу⁴³ – верхний Дунай в Баварии, Регенсбург прежде всего (1994. – С.24-29; 1996. – С.17). Отсюда прямые влияния на Русь (он не разделяет ее и восточных славян)⁴⁴, вплоть до денежно-весового обращения (Назаренко, 1996. – С.12-13; 1996 а).

§ 3. Образование Древнерусского государства: политико-антропологический и сравнительно-типологический аспекты

В последних работах И.Я. Фроянова акцент от “городов-государств”, обладавших таким элементом полисов, как суверенитет самоуправляемой общины, был смещен к *общинам* в целом (но обязательно городским), т.е. произведен почти полный возврат к идеям XIX в.⁴⁵

От античности, в сравнении с которой и заключалась новизна концепции этого автора для советской историографии⁴⁶ (совместно с А.Ю. Дворниченко, работы 1986 и 1988 гг.) “уцелело” рабовладение как преобладающая система эксплуатации, и территориально-политическая разьединенность, раздробление суверенитета, но практически ушла ранее превалировавшая идея о политической форме города-государства как основной структурной единице государства уже в IX – X вв.

В работе 1996 г. господствующей силой государства (точнее, “конгломерата племен” (Фроянов, 1996. – С.447) объявляется и не князь с дружиной-”русью”, и не город-государство Киев, а “полянская община в целом” (Там же. – С.497). В определенной степени (по территориально-этнической организации управления, но не определению его политико-социального уровня) это сближает его современные взгляды с концепцией Б.А. Рыбакова. Во втором же аспекте (уровень развития славянского общества) его взгляды близки из современных авторов Пайпсу⁴⁷. Если ранее акцент делался все же на “переходном периоде” (по А.И. Неусыхину и А.Я. Гуревичу), то в настоящее время – на первобытности, отсутствии государства (любого этапа) вплоть до конца X в.⁴⁸ Этим же временем И. Фроянов считает возможным датировать начало разложения родовых отношений на Руси (например, 1996. – С.497).

Не подвергая критике в историографической главе сущность концеп-

ции И.Я.Фроянова, позволим привести несколько замечаний по ее частным моментам.

Первое. Недостаточно обоснованным представляется абсолютизация исключительно духовного, сакрального элемента как внутри *каждого* из восточнославянских племен (общин, союзов племен), так и во взаимоотношениях между ними.

И.Я.Фроянов сделал ссылки лишь на две работы по первобытности, где этот фактор ставится на первое место (Л.Леви-Брюль, 1994; История первобытного общества, 1986). Однако первая *специально* посвящена *только* проблеме “сверхъестественного” в первобытном мышлении”, что же касается второй, то здесь сакральный фактор упоминается *наряду* с другими. В любом случае, даже из этих двух книг (что само по себе недостаточно) отнюдь не следует категоричный вывод И.Фроянова: “присоединение земель побежденных к земельным владениям победителей... в силу сакральных причин... было попросту невозможно” (1996. – С.499)⁴⁹.

Преувеличенное значение ритуально-мистического и престижно-психологического факторов для всей эпохи первобытности повсеместно звучит и в критике И.Фрояновым взглядов Ю.Кобищанова о полифункциональности полюдья. Выборочно цитируя его же работу, Фроянов отбирает лишь те факты, которые свидетельствуют о сакральном характере полюдья. Звучит также “обвинение” Кобищанова (и других этнографов, называя, впрочем, лишь одного – В.А.Попова) в том, что они “не различают внешние поборы от внутренних сборов” (1996. – С.450)⁵⁰.

Второе. К методологическим недостаткам его работы можно отнести следующие: по сути весь период IX – X вв. у И.Я.Фроянова объединяется в один этап. В частности, это сказывается на статичной характеристике отношений между племенами, неизменности “политической” формы и социальной основы как последних, так и их объединения во главе с “полянкой общиной” на протяжении всего вышеуказанного периода. Своеобразным проявлением “статичности”, универсализации “по горизонтали” является отсутствие попыток уловить различия не только между восточнославянскими племенами, но и специфику по отношению к ним самой “Русской земли”.

Третье. При критике построений таких историков, как А.В.Черепнин и М.Б.Свердлов (идеологи “централизованной эксплуатации” и “государственного феодализма”), И.Я.Фроянов исходит не из оценки соот-

ветствия конкретных их положений состоянию источниковой базы, а из их приверженности “одностороннему, сугубо классовому критерию”⁵¹.

Четвертое. Концептуального значения момент – о принципиальном различии даней и полюдья. Возможно, это и так, но вот Константин Багрянородный, которого вряд ли можно заподозрить в “несовременности” (как и ПВЛ) описываемым реалиям, некомпетентности, недобросовестности и нехватке информаторов, политической предвзятости (работа писалась как инструкция для сына), однозначно соединяет их. Для сомнений в сообщениях такого рода источников нужны очень весомые основания. Однако: “в этих сведениях... смешаны два древних сбора, различные по сути, – полюдье и дань. Трудно сказать, кто тут *повинен*: Константин или его информатор. Но, узнав о хождении русов за данью и (!) в полюдье, *кто-то* из них не сумел различить два разнородных явления и слил их воедино, посеяв у позднейших историков иллюзию тождества полюдья и дани, от чего они, к *сожалению*, не избавились до сих пор” (1996. – С.477) (курсив – *Е.Ш.*). Об этом методе еще говорил В.О.Ключевский, правда, об историках-“патриотах”, отвергавших “варяжскую” легенду” в контексте ПВЛ: они “вступили в полемику с летописцем... и хотят не только доказать, что он написал неверно, но и указать ему, что он должен был написать” (1989. – С.143).

Столь подробный анализ последней крупной работы И.Я.Фроянова связан с тем, что в свое время его творчество, по сути, начало “переходный период” в позднесоветской историографии Киевской Руси. Его выводы об отсутствии классов и особой форме государственности, сравнимой с полисами античности, отличались новизной для *советской* научной мысли, по крайней мере для историков-русистов (как уже говорилось, у медиевистов, востоковедов и этнографов ситуация была несколько иной).

Собственно, наши многочисленные критические замечания в адрес книги 1996 г. касаются не столько самой концепции ее автора, сколько его методики (выборочности примеров и статичности описания) и, иногда, способов ведения полемики с оппонентами⁵². Если И.Я.Фрояновым по существу отрицается этапность процесса образования Древнерусского государства (выделяется лишь одна принципиальная грань – правление Владимира Святого, до которого была первобытность, после которого “варварское государство” просуществовало в неизменном виде вплоть до татаро-монгольского нашествия), то в настоящее время выделяется группа истори-

ков, делающая упор именно на *этапности*. Гносеологически их взгляды восходят, на первый взгляд, к “четырёхэтапным” концепциям И.П.Шаскольского (1972) и В.Мавродина (1971).

Отчасти эта стадияльная классификация была одобрена, воспринята и развита М.Б.Свердловым в плане распространения ее, в основном с использованием опыта В.Д.Королюка в этой сфере. Отличие – М.Свердлов основное внимание уделяет не процессу становления государственности, а феодальных отношений⁵³ в широком смысле слова (по Ю.Кобищанову, мнению многих востоковедов, некоторых медиевистов (Н.Колесницкий, А.Гуревич)). Общей чертой “большого феодализма” как общественного строя М.Свердлов в настоящее время считает “основание” его “на неземельных и земельных феодах – рентах как форме обеспечения за вассальную службу и на взимании разных видов ренты в господском хозяйстве” (1998. – С.104). В горизонтальной (региональной) классификации феодализма Свердлов следует в основном подразделению Европы на разные по типу синтезные, бессинтезные и контактные зоны, выделенные медиевистами и славяноведами В.Королюком и А.Новосельцевым. Сам он считает возможным выделить славянскую модель, распространяя на нее в основном дефиниции “государственного феодализма” с верховной земельной собственностью государства на землю, “фьефами – деньгами” и “фьефами – должностями”, позднее (на втором этапе (?) – *Е.Ш.*) подкрепленная “податной системой”. Лично свободные производители, вероятно, попадают в зависимость к владельцам фьефов – полным земельным собственникам (на третьем этапе – *Е.Ш.*), на переходной стадии от раннего к развитому феодализму” (Свердлов, 1993. – С.69). Еще позднее (четвертый этап?) формируется условная земельная собственность (Там же). Исключения из “славянской модели” допускаются лишь для Великой Моравии и Хорватии (балканской) “вследствие развития частной собственности на землю в результате славяно-германского и славяно-позднеримского синтеза” (Свердлов, 1993. – С.70).

Сравнительно-типологический анализ является тем новым, что внес в свою теорию “государственного феодализма” М.Б.Свердлов после работ 1980-х гг.⁵⁴ Однако сам принцип сравнений (по этническому признаку) представляется нам далеко не бесспорным. Упомянем хотя бы отмеченное Б.Н.Флорей и В.К.Рониным сходство славянского Поморья и отчасти

Хорватии с синхростадиальной Швецией, но их отличие от славянских же держав “центральноевропейского типа” (1991. – С.132, 197, 203 и др.).

Если научные интересы В.Я.Петрухина, считая примерно со статьи 1987 г., начали с русско-скандинавских связей и аналогий государственного развития смещаться в сторону Южной Руси и Хазарского каганата, то Е.А.Мельникова продолжает сохранять верность традиционной тематике, но на новом методологическом уровне. Используя терминологию политической (в ее статье – социальной) антропологии, Е.А.Мельникова определяет “племенные княжения”, возникающие на базе “этно-социальных племен” как “догосударственные потестарно-политические структуры – “вождийства” (такой перевод термина *chiefdom* принадлежит ей – Е.Ш.), стоящие над ранжированным обществом” (1995. – С.20, 21). Первой ступенью государственности на Руси Е.А.Мельникова считает конфедерации племен, среди которых ведущую роль в образовании единого государства играла “Северная” (1993). В социальном плане им соответствует “стратифицированное общество”, в политическом – “раннее государство” (1993) “дружинной (так исследовательница переводит политикоантропологический термин *military government* – Е.Ш.) формы” (1993, 1995. – С.22).

Применение подобной классификации представляется нам вполне приемлемым для древнерусских реалий и является, по сути, *первой* попыткой такого рода среди специалистов по истории Руси.

С другой стороны, Е.Мельникову можно считать в этом аспекте и преемницей “процессуалистов” отечественной историографии (В.Мавродина, И.Шаскольского, М.Свердлова), не искавших обоснование своих периодизаций в зарубежной антропологической науке.

Достаточно четким манифестом “этапности” и полилинейности процесса политогенеза в отечественной русистике можно считать следующие положения Е.А.Мельниковой, с которыми мы отчасти солидаризируемся. “Переход от первобытного (эгалитарного) общества к стратифицированному, на позднем этапе – с государственным (вероятно, раннегосударственным – Е.Ш.) политическим устройством является длительным процессом и состоит из ряда этапов, социально-экономическая сущность которых неопределима в терминах формационной схемы (отчасти – Е.Ш.). Вместе с тем, конкретные формы, в которых протекал этот переход в различных регионах мира, существенно различались, в первую оче-

редь – в зависимости от соотношения основных факторов, стимулировавших развитие общества: природных условий, определявших возможности интенсификации хозяйственной деятельности; воздействия более развитых обществ; перспективности внешней экспансии и вообще военной активности; условий для широкого обмена, а затем и крупномасштабной торговли” (1995. – С.23). В то же время в перечислении конкретных форм вождеств она ограничивается констатацией наличия “теократии” (по Э.Сервису) и “военных по преимуществу... потестарных структур” (Мельникова, 1995. – С.21).

Имеющиеся материалы позволяют говорить о гораздо большем разнообразии как форм вождеств, так и механизмов⁵⁵ их перехода к ранним государствам.

Кроме того, лишь с очень большой натяжкой, по сути во всем “дополняя” источники, можно отнести “Северную конфедерацию племен” к тому этапу государствообразования, который соответствует понятию “раннее государство” зарубежной политической антропологии и отечественной потестарно-политической этнографии (этнологии). В частности, одним из обязательных его признаков является кодифицированное государством право, единственное косвенное доказательство наличия которого Е.Мельникова видит в “самом заключении “ряда” – договора с варягами” (Мельникова, Петрухин, 1991. – С.219-229; Мельникова, 1995. – С.31).

Вопрос об адекватности друг другу “военного” вообще и “дружинного” в частности государств также является спорным (как и “дружинный тип” “северной конфедерации”) и будет рассмотрен после анализа взглядов другого современного “этаписта”, отчасти опирающегося на положения политической антропологии – Н.Ф.Котляра, а также, возможно первого в советской историографии, апологета дружинного характера Древнерусского государства во все периоды его существования – А.А.Горского.

Украинский исследователь, наиболее, пожалуй, близкий по взглядам московскому историку Е.А.Мельниковой (во всяком случае, явно относящийся к тому же научному направлению и по подходу к вопросам методологии, и концептуально), Н.Ф.Котляр традиционно критикует два полюса советской историографии – “грековцов” и “фрояновцев”. Первых – за социологизм и догматизм, удревление феодальных отношений на Руси (и у “всех славян”) – с VI – VII вв., вторых (точнее второго) – за архаизацию социально-полити-

ческого строя последней, родоплеменного даже в X–XI вв., и (как и М.Свердлов) за отсутствие анализа его динамики (Котляр, 1995. – С.35)⁵⁶.

Классификация Н.Ф.Котляра этапов государствообразования конца IX–начала XI вв. (после “Северной конфедерации”) достаточно противоречива. С одной стороны, он распространяет на всю Русь термин “дружинное государство”, применяемый Мельниковой для этого, первичного, по ее мнению, государственного образования, и относит его ко всему периоду IX–X вв. как неизменную в этих рамках форму государственности (1999. С.45).

С другой, он четко делит этот период на два принципиальных этапа – до и после середины X в. (реформ Ольги)⁵⁷ (1995. – С.44). То, что было до этого и образовалось путем слияния уже существовавшего на Юге в середине IX в. восточнославянского государства (форма его не указана) с пришедшей с Севера новой (варяжской) династией Олега (вопрос о происхождении Аскольда и Дира в одном случае (С.41) решается в пользу “варяжской легенды”, в другом (С.42-43) – “полянской”), названо *надплеменным* государством (С.45), *федерацией княжеств* (С.38). То, что получилось после начавшегося при Ольге, завершившегося при Владимире “огосударствления земель племенных княжений”⁵⁸, хотя и осторожно, все же названо государством “феодальным” (С.44).

Противоречит, как большинству политико-антропологических теорий, так и большей части линий политогенеза (кроме кочевнической и через торговые города-государства), положение о ведущей роли возникающей частной собственности “при переходе от союзов племен к племенным княжениям, т.е. “вождествам” (так, в отличие от Е.А.Мельниковой, переводит Н.Ф.Котляр термин “chiefdom”). Причина – неправильно интерпретированные положения М.Фрида и Э.Сервиса о стратифицированном обществе и вождестве (Котляр, 1995. – С.37). Разный “доступ к жизненным ресурсам”, “доступ к распределению” отнюдь не были вызваны, по мнению этих авторов, “возникающей частной собственностью” на средства производства, а зависели от места, роли, значения выполняемой функции в системе управления. Не “система распределения ресурсов” – причина той или иной формы “политической (на самом деле – еще потестарной – Е.Ш.) системы”, а наоборот⁵⁹.

Критикуя догматический марксизм, Н.Ф.Котляр, тем не менее, вполне сохраняет именно его представления о функциональном соотношении “экономики и политики”.

Н.Ф.Котляр, хотя и не очень последовательно методологически, не очень четко (и противоречиво) типологически, все же остается одним из немногих историков-русистов, пытающихся внедрить достижения политической антропологии и потестарно-политической этнографии, а также (впрочем, достаточно выборочно) сравнительно-исторический метод в процесс изучения генезиса государственности на Руси.

А.А.Горский, ранее всех поднявший в советской историографии вопрос о роли дружины в политической системе Древнерусского государства, не заканчивает, как Н.Ф.Котляр (1995. – С.47), период “дружинной формы” эпохой Владимира Святого, а доводит его, как и ранее (1989. – С.87), до эпохи феодальной раздробленности.

Но главное различие между А.А.Горским, с одной стороны, Е.А.Мельниковой и Н.Ф.Котляром – с другой, не в сроках существования “дружинного государства”, а в понимании его сущности и, главное, ведущей функции.

По Горскому, дружина – институт, структура государственного управления, присущая обществам “государственного феодализма” (генезиса феодализма, раннего феодализма), и главный источник “иерархической системы собственности, свойственной развитому феодализму”, переход к которой начался в конце XI, а завершился в начале XIII в. (1989. – С.87).

Е.Мельникова считает дружину институтом и главным органом управления “зарождающегося государства”, призванным потеснить “родовую знать, носительницу “центробежных тенденций”, “противостоящую центральной власти” (1995. – С.22). С ней согласен и Н.Ф.Котляр, но, как и в остальном, *не очень* последовательно. Так, указывая на главную “государствообразующую” (1995. – С.46) функцию дружины, в том числе и в борьбе с сепаратизмом племенных князей и родовой аристократии, он в то же время говорит и о возможности их “временного, номинального” зачисления в великокняжескую дружину времен Олега и Игоря и даже включения их в “ее привилегированную верхушку” (Котляр, 1995. – С.45).

§ 4. Вопрос о “дружинном государстве”

1. По-видимому, все же нельзя категорично смешивать понятия “военное” и “дружинное” государства и безоговорочно относить последнее только к раннегосударственному этапу. Действительно, и сама Е.А.Мельникова отмечает возможность монополизации функций управления не

только дружинной, но и “аналогичной ей военной организацией” (1995. С.22). А ведь именно форма последней может служить косвенным индикатором линии и этапа политогонеза. Достаточно назвать рабскую гвардию (“восточные деспотии”), монополизировавший военную деятельность род правителя (Дагомея, где военная и работоторговая функция “государства” была не только главной, но и единственной), “благородные роды” (у туарегов, например), вооруженный (добровольно) народ, господствовавший над другим народом (племенем) (многие примеры), насильственно военизированный народ (банту юга Африки), гардинги у нестготов и бенефициарии у франков, военно-кастовая система (деление родов, общин “по вертикали”, конический клан, касты, сословия воинов и т.д.), военизация определенных возрастных групп, составлявших постепенно основу дружин племен; что уж говорить о поголовной военной обязанности (праве) граждан полисов. Кроме того, как военные механизмы институционализации власти, так и линии развития через военизированные государства хотя и очень часты, но все же не являются единственно возможными.

Кроме того, в терминологически-приоритетном аспекте есть и иная точка зрения именно на “дружинное государство”. Один из классиков советской потестарно-политической этнографии Л.Куббель, считал его одной из форм промежуточных звеньев (наряду с “протогородом-государством”, “сложносоставным государством” и т.д.) между “вождеством” и “ранним государством” (Куббель, 1988. – С.52, 147). Оно обычно рождается из тех вождеств – союзов племен, для “руководства” которых “экзоэксплуатация” становилась главным и даже единственным источником прибавочного продукта”, затем – “экономической основой его политического господства” (Там же. – С.152).

2. Наличие дружины (в строгом смысле слова) еще не говорит о “дружинном государстве”. Дружины, как элитная часть ополчения, были и при позднепервобытном строе, но отмечается (Ф.Кардини, например) их принципиальное отличие от государственных. В Скандинавии эпохи викингов, в отдельных англо-саксонских королевствах были и частные, и викингские, и королевские дружины, но для внешних войн главную роль все еще играло ополчение (“кэрлов и бондов”). По нашему мнению, о “дружинном государстве” можно говорить лишь тогда, когда дружина становится если не единственной, то главной внешневоенной силой, устраняя все другие

виды формирований, монополизировав, не только как источник кадров, но и как институт, все управленческие функции. Но, во-первых, это должна быть *именно* дружина, отличная от других типов военно-корпоративных организаций – инструментов и даже субъектов власти, во-вторых, она должна быть не “гвардией”, хотя и стоящей у власти, а составлять всю (или главную) военную силу “государства” как для внешних, так и для внутренних целей. Существенными, хотя и “не обязательными” формально признаками являются ее особые отношения с правителем, способ обеспечения, корпоративно-элитное сознание, внутренняя иерархичность и идеологические стимулы к действию.

Кроме этих новейших подходов, попыток применить элементы методологии компаративизма, политической антропологии и позднесоветской (российской) потестарно-политической этнографии, представляются полностью сохраняющими силу и предполагающими дальнейшую разработку и углубление более ранние теории “городовой сети” (Е.А.Мельникова, В.Я.Петрухин, Т.А.Пушкина), полицентризма и разнотипности развития *внутри* Древней Руси (в последнее время – Г.С.Лебедев, А.П.Новосельцев) и особой, государствообразующей роли международных торговых путей, особенно с добавлением южного меридионального (А.П.Новосельцев, Е.А.Мельникова, Е.А.Носов, И.В.Дубов, А.В.Назаренко, Й.Херманн, А.П.Моця, А.Х.Халиков, А.З.Винников, А.В.Пряхин), влияния синхростадиальных или более развитых зон государственности, заимствование или взаиморазвитие схожих ее элементов и механизмов становления (с Чехией и “Среднеевропейской моделью” в целом – Б.Н.Флоря, А.П.Новосельцев, отчасти – В.Д.Королюк, Скандинавией – И.П.Шаскольский, Е.А.Мельникова, В.Я.Петрухин, Т.А.Пушкина, Хазарией (аспект преемственности “хазарской дани” в “Русской земле”) – В.Я.Петрухин). Вне всякого сомнения, большие перспективы имеют разработки и нумизматического направления (А.В.Фомин и др.). Безусловно заслуживают внимания и единственные до сих пор опыты комплексного, системного привлечения археологических и других вещественных и эпиграфических источников для реконструкции социально-политических отношений и процессов на уровне социально-политического анализа (Б.А.Тимощук, В.Я.Петрухин, Т.А.Пушкина, Е.А.Мельникова, А.Н.Кирпичников, Г.С.Лебедев, С.В.Белецкий, И.В.Дубов). В масштабах всех славянских племен проводятся многолетние обобщающие

исследования В.В.Седова⁶⁰: берется, правда, в основном этнокультурный аспект, однако для ранних этапов политогенеза, как известно, этническое самосознание и культура (в том числе ее археологическое отражение) тесно связаны с потестарными структурами, зачастую совпадая с ними территориально.

В целом, однако, можно констатировать в основном региональный либо узко-типологический характер исследований, базирующихся на данных "неписьменных" источников, если же специалисты по конкретному региону выходят на уровень общедревнерусских обобщений (Б.А.Тимощук, 1990, 1995, например), то, зачастую и даже как правило, при этом используются в первую очередь результаты анализа "своих" материалов, что, с одной стороны, естественно и оправдано в аспекте профессионализма, но методически, как минимум, небесспорно.

В связи с этим, несмотря на большую, в том числе и базирующуюся на археологических источниках, историографию образования Древнерусского государства, остается перспективная исследовательская "ниша" в этой области. Прежде всего она заключается в разработке методологических и методических аспектов применения данных археологии и иных специальных исторических дисциплин для реконструкции потестарно-политических структур и процессов, рассмотрении их на максимально широком историческом и сравнительно-типологическом фоне.

Глава 1

ИСТОЧНИКИ

§ 1. Общий обзор, оценка степени информативности и достоверности

Скудность, противоречивость (точнее, способность быть основанием для разнонаправленных интерпретаций), разнохарактерность традиционных (письменных, а в последнее время – и археологических) источников стала достаточно общим местом историографии. С точки зрения структурно-процессуалистских методов, применявшихся в отечественной историографии лишь к анализу африканских, “восточных”, индейских структурированных обществ, но никак не к Руси,⁶¹ ценность могут иметь еще меньшее их (источников) количество. Сразу оговоримся, что чисто этноидентификационный (и этнолокализационный) подход в интересующих нас аспектах может играть роль средства, но не главной цели. К последней же можно отнести, в первую очередь, установление (со степенью вероятия, связанной с информативными возможностями источников) в компаративистском аспекте форм, этапов истоков и тенденций развития конкретных позднепотестарных (а также потестарных, акефальных и потестарно-политических) структур Восточной Европы на потенциально древнерусской территории в синхронном (но не синхростадиальном) срезе.

Главным источником до сих пор считается космографическое введение к Повести временных лет, часть так называемой варяжской легенды, повести об отдельных князьях Руси в области их отношений со славяно-финскими племенами (особенно – описание Древлянского восстания и его подавления). Основной плюс – приведение этнонимов и их точных географических привязок, отчасти, версий их расшифровки, генеалогическо-топонимических легенд. Характер потестарных отношений реконструируется по скудной терминологии, поведенческим стереотипам лишь для некоторых этнопотестарных организмов. Самый же главный недостаток – большое хронологическое расстояние (100 – 250 лет) между событием или ситуацией (середина IX – конец X вв.) и временем его записи (с середины XI по начало XII вв.)⁶². Неизбежна поэтому модернизация соци-

ально-политической терминологии и даже прямой перенос некоторых явлений и ситуаций раннего государства рубежа XI – XII вв. не только на хронологические, но и стадияльно более ранние этапы политогенеза. Необходим текстологический (контент) и ситуативный анализ в каждом конкретном случае, вызывающем подозрение на модернизацию ситуации или явления.

Не скрывают (чаще подчеркивают) авторы летописей прямых заимствований описаний событий и их датировки из византийских источников (хроник продолжателей Феофана и Амартола, прежде всего), что, впрочем, не затрудняет, а облегчает анализ и придает летописям большую достоверность. Обратная ситуация складывается с реальным или гипотетическим использованием в некоторых случаях библейских стереотипов описания (Барац, 1913; Петрухин, 1995. – С.25-40). Кроме того, нельзя исключать (хоть нельзя и обвинять без конкретных веских оснований) возможную сознательную тенденциозность древнерусского летописания как составной части раннесредневековой славянской исторической мысли не раз в этом грехе замеченной (Щавелева, 1978; Лаптева, 1993).

О событиях ранней русской истории повествуют, в основном, поздние западнославянские историки, в частности, Ян Длугош (XV в.), один из первых создателей поляно-русской концепции. Однако, даже с учетом того, что он, возможно, основывался на недошедших до нас русских летописях, созданы они были позднее ПВЛ (например: Голб, Прицак, 1997. – С.87; Петрухин, 1997. – С.65-70).

Болгарская литература, при всем ее признаваемом влиянии на древнерусскую (из некоторых специальных работ: Горина, 1991; Турилов, 1996), не содержит в немногих сохранившихся или реконструируемых фрагментах никаких данных о потестарно-политических структурах и процессах Восточной Европы IX – X вв.

Наоборот, специально последним посвящена не одна глава труда Константина Багрянородного “Об управлении империей”. Характер работы (секретная инструкция сыну-наследнику престола) и ее одновременность описываемым реалиям делают ее, пожалуй, самым ценным и достоверным письменным источником по ранним этапам древнерусской государственности. Пост автора и фиксируемые источниками тесные торговые, военные и политические контакты Византии и Руси с большой долей вероятности заставляют отвергнуть предположение о недостатке информа-

ции и информаторов. Взгляд как бы “сверху”, с точки зрения главы зрелой и древней государственности, обладавшей развитой политической культурой, мог, в принципе, заставить Константина несколько модифицировать потестарно-политические отношения и структуры Восточной Европы, но, судя по контексту, этого не наблюдается. С другой стороны, несколько архаизирующий оттенок мог придать описанию варваров так называемый “ромейский расизм” автора (Ahrweiler, 1975. – P.35-36, Литаврин, 1979. – С.78), однако этому противоречит, как уже говорилось, сам характер труда-инструкции, справочника.

Хазарские источники не столько повествуют о структурах восточнославянских потестарно-политических организмов и взаимоотношениях между ними, сколько по-новому освещают деятельность, степень и характер собственно хазарского политического воздействия на некоторые из этих структур (две редакции “Ответного письма кагана Иосифа” и так называемый Кембриджский документ (или “Письмо Шехтера”) в сопоставлении (Коковцов, 1913; Барац, 1913; Петрухин, 1997; Цукерман, 1996).

Аналогичный комплекс сведений (характер скандинаво-славяно-финских (бьярмских) взаимодействий, преимущественно военно-политических) додревнерусской эпохи (или, во всяком случае, до раннего государственного этапа) содержат скандинавские саги. Это прежде всего “Отдельная сага об Олаве Святом” (гл. 72, 73 – речи Ингигерд к отцу и Торгнира на тинге в Уппсале; гл. 93 – о переговорах Ингигерд и послов Ярослава и о ярлстве Альдейгьюборг), “Сага о Хальвдане, сыне Эйстейна” и “Бандадрапа” Эйольва Дадаскальда (с пространным пересказом ее в “Саге об Олаве, сыне Трюгтви” (описание похода ярла Эйрика в Гардарики)).

Недостатки “Саг” – поздняя, в XIII–XIV вв., их запись (исключение – “Бандадрапа”), что не могло не исказить их сведений и не наложить на них “модернизаторский” отпечаток, неоднократно отмечался также не историко-хроникальный, а литературно-эпический их характер (Стеблин-Каменский, 1971; Гуревич, 1972; Рыдзевская, 1978; Джаксон, 1993; Глазырина, Джаксон, 1987; Мельникова, 1990). Добавим достаточно очевидное влияние отдельных фрагментов русских летописей (“Сказания о крещении Руси”, например, на “Сагу об Олаве Святом”) и византийской (а через нее – античной) литературной традиции (описание сицилийских деяний Харальда Гардрада в одноименной саге).

Знаменитые “Бертинские анналы”, кроме одного из первых доказательств скандинаво-хазарского влияния на восточнославянское общество, не дают ничего для характеристики структуры последнего. Из западноевропейских латиноязычных источников особое значение тесной контаминацией его данных с полулегендарными сведениями саг является “Жизне Св. Ангария” Римберта, написанное через 20-25 лет после описываемых в нем восточнобалтийских событий и реалий (Кирпичников, 1988. – С.47-49; Джаксон, 1994. – С. 152).

Анализу восточных (мусульманских) источников в вышеуказанном (структурно-процессуалистском) контексте посвящено несколько работ автора (1988, 1990 а, например). Главный вывод, основанный на контент-анализе текстов в переводах А.П.Новосельцева, А.Я.Гаркави, И.Ю.Крачковского и др. повторяет лежавший на поверхности еще в XIX в. (Х.М.Френ, А.А.Куник, В.Р.Розен, Ф.Вестберг), но основательно “забытый” в середине XX в. тезис – при описании “русов” и “славян” восточные авторы имеют в виду разные не только в социальном, но и в этнографическом плане общности. Новое – заключение о более высоком потестарно-политическом уровне развития “славян”, чем “русов”, на середину IX в. (Шинаков, 1988. – С.208-209), а также подробный структурно-статистический анализ обеих общностей.

Обращение снова к этому сюжету продиктовано тем, что выводы большинства востоковедов-переводчиков XIX в., как и современных, об абсолютном этнопотестарном различии русов и славян, являлись для них столь очевидными, что не подкреплялись четкой системой доказательств. С другой стороны, в среде специалистов по Древней Руси (в плане их изначальной специализации) закрепилось во второй половине XX в. как прямо противоположное, или компромиссное мнение (одно исключение – Г.С.Лебедев). Эти последние путем сложных построений всестороннего источниковедческо-логического анализа могли доказать, например, что “русы” – это все восточные славяне за исключением “славян”-вятичей, оставшихся за пределами их (древнерусской) государственности (Рыбаков, 1982).

Достоинства восточных источников – в их хронологической одновременности описываемым реалиям и явном отсутствии заинтересованности в сознательных искажениях. Недостаток – неточность и спорность этнографических локализаций, достаточно детальное описание, возмож-

ное получение информации через вторые руки, влияние стереотипов описания (литературных традиций).

Разнородный и в общем небольшой корпус письменных источников еще более сокращается, если учесть специфику их объекта. А это прежде всего – “империя Рюриковичей” второй половины IX – X вв., потестарно-политическое образование априори переходного между простыми вождествами и ранней государственностью этапа.

Форма этого образования, в вертикальном плане, – двухуровневое государство, верхний (“федеральный”, “имперский”) уровень которого образует правящая военно-торговая корпорация “Русь”, нижний – князья, вожди, старейшины отдельных подчиненных ей субгосударств – территориальных вождеств-княжеств и протогородов-государств (Шинаков, 1988, 1993а). В итоге – это, скорее всего, сложнотипологическая система протогосударственных организмов, обладающих каждый своей спецификой, из которых вниманию создателей отечественного обоснования власти – авторов ранних летописей – интересовал только верхний, “русский”, уровень.

С другой стороны, процессы самостоятельного развития отдельных суборганизмов, отчасти “вторичного”, под влиянием того или иного военно-политического и торгового контрагента Руси, продолжались и в составе этого государства, приводя иногда к полной временной самостоятельности или возобновлению зависимости от “третьей силы”. На периферии Руси формирование вождеств разных типов и их перерастание в более потестарно-политически высокие организмы не прекращалось и в конце IX – X вв., или стимулируясь, или тормозясь вхождением в состав относительно единого государства. Эти процессы фактически остались “за кадром” летописей и иностранных источников, однако не могли не найти отражения в более многозначных, сложно интерпретируемых, но и более объективных данных археологии, нумизматики, эпиграфики.

Кстати, и сами письменные источники на современном уровне могут вызывать разноречивые, зачастую диаметрально противоположные оценки явлений, ситуаций, процессов без привлечения материалов как этих наук, так и топонимики, эмблематики, дипломатики, антропонимики, в несколько меньшей степени – этнонимики. Соотношение их значений различно при характеристике разных этапов древнерусского государствообразования.

§ 2. Источники по этапу “вождеств”

К ним относятся, прежде всего, восточные источники 1-й группы (по А.П.Новосельцеву), “Бертинские анналы”, жития Георгия Амастридского и Стефана Сурожского, космографическая и этнографическая часть “Повести Временных Лет” и НПЛ.

Специфика “восточных” источников.

Контент-анализ содержания их “первой традиции”

Восточные (точнее, мусульманские) источники, фиксирующие ситуацию на середину IX в.⁶³, принадлежат шести авторам второй половины IX – начала X вв., тексты которых сохранились в более поздних редакциях. Сведения их в основном повторяются, отчасти дополняя, отчасти противореча друг другу, восходя (трое из четверых) в итоге к почти “современнику” событий – автору 40 – 80-х гг. IX в. Муслиму Ибн Абу-Муслиму-ал-Джарми (Новосельцев, 1965. – С.392)⁶⁴. Пять авторов пишут и о “русах”, и о “славянах”, наиболее вероятно – Восточной Европы, и лишь один (ал-Якуби) – только о “русах” (в Севилье) (Минорский, 1964. – С.24).

При любых разночтениях в определении “протографа” сведений арабских авторов, в любом случае относится к IX в., т.е., с точки зрения приближенности ко времени (но не “театру”) событий, сведения восточных источников являются вполне достоверными. Что касается приоритетов по степени информативности в интересующих нас аспектах, то это прежде всего Ибн Русте и следовавшие за ним и вносявшие некоторые дополнения (Гардизи, например) авторы “первой традиции”. Именно эти переводные тексты и подвергаются более подробному исследованию с помощью контент-анализа, т.к. содержат единственно целостный комплекс сведений о политическом устройстве славян (в том числе и восточных) и русов на середину IX в.

Методика и главные выводы проведенного контент-анализа уже публиковались автором (1988, 1990а), так что в данном случае мы приведем более подробно его ход и результаты в аспекте именно социально-политических отношений как внутри “славян” и “русов”, так и между ними. При контент-анализе мы пользуемся результатами исследований отечественных и зарубежных востоковедов в том, что касается определения различ-

ных традиций описания славян и русов, и авторов, принадлежащих к той или иной традиции⁶⁵.

Прежде чем приступить к изложению предмета данного исследования, несколько предварительных замечаний.

Во-первых, о праве востоковеда пользоваться данными восточных источников, правда, “когда совершена в полном объеме работа специалиста-ориенталиста” (В.Р.Розен)⁶⁶, писал А.П.Ковалевский, переводчик и комментатор сочинения Ибн Фадлана. “Основная задача русского перевода – дать возможность человеку, не знакомому ни в какой степени с арабским языком, все же критически толковать текст...”⁶⁷

Во-вторых, учитывая тот момент, что “почти все авторы пишут по книгам, не называя своих источников и не определяя их времени, и часто бывает, что в сочинении XI в. использован более ранний источник, чем в сочинении X в.”⁶⁸, мы привлекли методiku выделения общих для разных авторов тем, предложенную Б.Н.Заходером. “Наличие постоянно встречающихся в восточных текстах заимствований, так смущавшее исследователя, при употреблении описанного выше приема становится условием, которое позволяет восстановить не только наиболее старую редакцию, но и дает возможность проследить изменения, которым подвергалась эта старая редакция за время бытования в письменной литературе”⁶⁹. Рассмотрение сведений различных авторов, касающихся одной “темы”, в совокупности позволяет использовать эти сведения “без боязни опереться на неполный или искаженный вариант”⁷⁰.

Подобное пространное введение потребовалось для обоснования возможности использования восточных источников вообще и специалистами по Древней Руси в частности.

Целью данного параграфа является контент-анализ темы (термина) “русы”, выделение традиций в описании русов и сравнительная характеристика этих традиций. Исследование термина “славяне” проводится лишь для уяснения его взаимоотношения с термином “русы”. При этом мы исходим из допущения, что литературные стереотипы, традиции описания имеют под собой реальную основу. Вначале мы стараемся “работать” только с терминами, по возможности избегая их исторической интерпретации. Только путем сравнения восточных с другими видами источников по Руси можно показать степень достоверности или, наоборот, абсурдности нарисованной ими картины.

В какой-то степени выделение наиболее часто встречающихся характеристик тем “русы” и “славяне” проведено Б.Н.Заходером, однако он, во-первых, не рассматривал эти темы в их развитии, во-вторых, не выделял четких характеристик (групп или блоков признаков), одинаковых или сравнимых для “русов” и “славян”, или для “русов” в разных традициях описания, в-третьих, не использовал частоту упоминания признака для сравнительных характеристик.

Кроме исследования Б.Н.Заходера, можно упомянуть лишь одну работу, сходную с данной если не по методике, то по целям: небольшую, но важную своей редкостью для советской историографии, статью Г.С.Лебедева⁷¹, в которой впервые после значительного перерыва показано четкое противопоставление русов и славян в мусульманской историографии.

Отличие предлагаемого параграфа – в максимально возможном охвате всех категорий признаков (хозяйство, социальные отношения, погребальный обряд, одежда и т.д.), максимальной формализации анализа, четкости и доказательности выводов, а не их “новизне”.

Отбор авторов, представляющих традиции описания русов, проведен в основном на основе более раннего исследования А.П.Новосельцева. Отдельные более поздние коррективы не имеют принципиального значения для достижения целей данной работы, т.к. не ставят под сомнение ни сам факт существования текстов “первой традиции”, ни основы датировки описываемых ими реалий.

Первоначальной задачей работы являлось лишь установление частоты взаимовстречаемости термина с теми или иными его качественными характеристиками, по возможности без всякой попытки объяснить его этническое и социальное содержание. Как и положено при контент-анализе, первым и самым ответственным этапом работы является отбор признаков. При этом учитывалось не само звучание слова, а его смысловое содержание, так как, например, понятие “царь”, “правитель” могло обозначаться несколькими терминами. Безусловно, на этой стадии исследования неизбежен момент определенной субъективности. Первый список признаков был составлен для текстов авторов, описывающих реалии IX в. (остров “Русов”)⁷², где даются примерно равные по количеству сведения о русах и славянах. Сведения о славянах также должны быть хотя бы относительно одновременны, касаться только славян Восточной Европы⁷³ в узком смысле слова (выпадает, например, ал-Масуди). Список признаков раз-

делен на 9 “блоков”: I – общая характеристика (страна, народ, несколько народов), II – хозяйство, III – социальные отношения, IV – религия, V – погребальный обряд, VI – жилища, VII – одежда, VIII – быт и нравы, IX – военное дело.

Поскольку никто из восточных авторов, за исключением Ибн Фадлана и, возможно, Ибн Хаукаля (для X в.)⁷⁴, не был на границах Восточной Европы, а получал информацию через вторые, а то и третьи руки, то их географические описания не учитываются вообще. Кроме того, описание быта и нравов, вооружения, проще “проходят” через многие руки без искажений, чем требующие специальных знаний географические детерминанты. Особое внимание к деталям поведения, религии, погребального обряда диктовал, кроме того, и сам строго регламентированный шариатом строй мусульманской жизни⁷⁵. При желании, географические описания восточных авторов могут послужить основой для различных построений, причем каждое, взятое в отдельности, будет выглядеть весьма “убедительно”.

Для IX в. (точнее, его середины) и “русы”, и “славяне” в сумме обозначаются следующим списком признаков по блокам:

I) 1 – страна, область; 2 – народ (племя); 3 – несколько родов (племен); 4 – часть более крупного целого;

II) 1 – наличие земледелия; 2 – зафиксированное отсутствие земледелия; 3 – наличие скотоводства; 4 – зафиксированное отсутствие скотоводства; 5 – бортничество; 6 – торговля; 7 – эксплуатация иных народов в разных формах (военный грабеж, контрибуция, дань); 8 – корабли как средство передвижения;

III) 1 – царь (“глава глав”, “хакан” и т.д.); 2 – наместники царя (иерархия управления); 3 – знать; 4 – рабы; 5 – царский суд, 6 – “божий суд”; 7 – кровная месть; 8 – малая семья (“супружеская верность”); 9 – многоженство; 10 – отдельные крупные города (столицы); 11 – “многочисленные” города; 12 – крепости (“кала” и “хисар”); 13 – эксплуатация своего народа (“полюдь”);

IV) 1 – земледельческий культ; 2 – культ быка; 3 – служители культа (“знахари”); 4 – человеческие жертвоприношения; 5 – жертвоприношения скота⁷⁶;

V) 1 – курганы (“холмы”); 2 – кремация; 3 – тризна; 4 – заупокойные пища и питье; 5 – убийство жен при смерти мужа; 6 – захоронения в погребальных камерах (?);

VI) 1 – землянки; 2 – хижины;

VII) 1 – длинные рубахи; 2 – высокие сапоги; 3 – широкие шаровары; 4 – широкий пояс;

VIII) 1 – гостеприимство; 2 – храбрость и воинственность; 3 – жестокость и коварство; 4 – чистоплотность (прообраз бани); 5 – чистота одежд; 6 – украшения у мужчин; 7 – хмельные напитки из меда; 8 – музыкальные инструменты; 9 – честность (нетерпимость к воровству);

IX) 1 – нападающая сторона; 2 – обороняющаяся сторона; 3 – наличие верховых коней, 4 – “плохие наездники; 5 – походы на кораблях; 6 – копья; 7 – дротики; 8 – стрелы; 9 – щиты; 10 – кольчуги; 11 – мечи.

Вышеуказанные признаки выявлены по текстам Ибн Хордадбега, Ибн Русте, Гардизи, ал-Марвази и анонимного автора “Собрания истории”, сведения которых, по А.П.Новосельцеву, зачастую восходят друг к другу, а в конечном итоге во многом – к автору 40–50-х годов IX в. Муслиму ибн Абу-Муслиму-ал-Джарми⁷⁷, и отражают реалии этого и чуть более раннего времени.

У всех авторов (во всяком случае, в поступивших нам русских и польских переводах их произведений) комплексы сведений о славянах и русах примерно одинаковы по объёму, структура их описания (блоки признаков) почти идентична.

И славяне, и русы в данной традиции описания выступают как единое целое. Сравнение этих двух терминов (понятий), проведенное первоначально по отдельным авторам, далее, во избежание ошибок, возможность которых указана во введении, дается синтезированно, как бы суммируется.

Распределение некоторых признаков по блокам может, вероятно, быть проведено и по-иному. Например, погребальный обряд является частью религиозных воззрений, жилища и одежда – частью “быта” и т.д. Но в конечном итоге имеет значение не распределение признаков по блокам, а взаимосвязь признаков с терминами “руссы” и “славяне”, выраженная количественно. Признаки внутри блоков сгруппированы по следующему принципу: на первом месте стоят более-менее общие для славян и русов, на втором – характерные только для славян, на третьем – только для русов.

Анализ данных сравнительной таблицы. Наличие страны у славян фиксируется один раз, у русов – три, количество упоминаний славян и русов как племен одинаково – по одному разу. В этом наблюдается сходство этих двух категорий. Один раз у русов упомянуто несколько племен

(родов) и один раз (у Ибн Хордадбега) русы, точнее, русские купцы, характеризуются как “вид славян”, но в социальном или этническом плане — не совсем ясно⁷⁸.

Блок II (хозяйство) дает как схожие, так и совершенно различные признаки славян и русов. Примерно одинаково количество отрицаний земледелия, но носят они для славян противоречивый характер, а для русов — безусловный. У славян “нет виноградников и пахотных полей”, но в том же источнике — “большая часть их посевов из проса”⁷⁹, явно существует земледельческая магия. Русы же “не имеют пашен, а питаются лишь тем, что привозят из земли славян”, и “нет у них недвижимого имущества, ни деревень, ни пашен”⁸⁰. Таким образом, можно предположить, что у славян земледелие было (четыре положительных упоминания), но в формах, непривычных для арабов и иранцев (например, подсечное), что и вызвало отрицание “пашен”. Известную роль могла сыграть и более ранняя византийская историографическая традиция, упоминавшая о полукочевом быте славян. Русы же, безусловно, в те времена и на той территории, где они сталкивались с мусульманами и славянами, земледелием не занимались вовсе, что касается и скотоводства как основы, или даже одного из видов, хозяйства (скот в связи с жертвоприношениями упоминается).

И славяне, и русы занимаются торговлей, но она имеет у них различный характер и удельный вес в хозяйстве. У русов — 12 упоминаний торговли, причем, внешней, заморской, транзитной (с “Румом”, “Хазараном”, “Булкарном”). Объект торговли — меха, рабы, деньги (дирхемы?), “сулеймановы” (у Ибн Фадлана в начале X в. — “франкские”) мечи. Многие из этих товаров русы берут в землях славян путем грабежа (военной контрибуции или откупа). У славян торговля стоит отнюдь не на первом, как у русов, месте по количеству упоминаний и носит явно иной, “ярмарочный” характер в столичном городе (Джарваб)⁸¹.

Второе и, судя по всему, “параллельное” место в “хозяйстве” русов занимает разбой, прежде всего в виде морского и речного пиратства. “И они народ сильный и могучий и ходят в дальние места с целью набегов, а также плавают они на кораблях в Хазарское море, нападают на корабли и захватывают товары” (ал-Марвази)⁸². Торговля и грабеж — две стороны одной медали в “хозяйстве” русов. Основной объект их нападений в IX в. — славяне⁸³, а по византийским источникам — и сама Византия. Русы служили и как бы “мостом” между странами, где производятся мечи, водятся

пушные звери и можно захватывать рабов, и теми, где они пользуются спросом и где в массовом масштабе чеканятся деньги (Рум и Халифат). Эти торговые пути, несомненно, проходят через земли славян, но не влияют на их хозяйственный уклад (естественно, в описаниях восточных авторов), если не понимать сообщение Ибн Хордадбега в том смысле, что русы – купцы славян.

У славян на первом месте стоят животноводство (свиноводство) и бортничество.

Итак, налицо почти полное несовпадение или взаимодополнение в описаниях хозяйства русов и славян.

Блок “социальные отношения” – один из наиболее сложных в плане определения признаков, входящих в него. С одной стороны, грабеж как форма добычи средств существования, особенно в форме дани или кормлений как способов извлечения прибавочного продукта, могут входить не только в “хозяйственный”, но и в этот блок. С другой стороны, формы семьи могут быть отнесены к “быту и нравам”, а наличие крепостей – к “военному делу”. Однако все эти признаки как бы “пересекаются” в социальных отношениях и поэтому отнесены к этому блоку (III).

В данном блоке обнаруживается максимальное совпадение признаков терминов “славяне” и “русы”, но и в этом случае простейший коэффициент сопряженности равняется лишь 0,4 (показателем наличия положительной связи является коэффициент не меньший 0,5). Почти одинаково по количеству и достаточно значимо упоминание признаков “царь” и “рабы”. У славян рабы упоминаются в связи с домашним хозяйством, или они сами через русов выступают как поставщики рабов для рынков Востока. Для русов рабы – источник торговых доходов, но в то же время “как рабы служат русам и славяне”⁸⁴.

У славян существует “государственная” система эксплуатации своего населения в виде ежегодных “объездов” царя – полюдья (?), (признак 3), имеются намеки на иерархическую систему управления: кроме царя (“главы глав”) имеются также его “наместник”, “правители” и “военачальники” (признак 2). У русов один раз упоминается “знать” (признак 3), что также говорит об определенной социальной дифференциации, однако живут они в основном за счет других, прежде всего “славян”.

Несмотря на термин “царь”, положение правителя у славян и русов несколько различно. Для славян: “глава их коронуется, они ему повинуются”.

ются и от слов его не отступают”. Для русов – “есть у них знахари, из которые иные повелевают царем, как будто бы они их (русов) начальники”⁸⁵. У славян никаких признаков теократии нет.

Нет у них также намека на такой пережиток родового строя, как “божий суд” (поединок на мечах), практикующийся у русов. Власть “царя” у славян носит явно более абсолютный характер, чем у русов, которые имеют право быть “недовольными” решением царского суда и прибегать в этом случае к “божьему”.

Такой пережиток родового строя, как кровная месть, фигурирует также в основном у русов. И многоженство, и тенденции (?) к моногамной (выделение “любимой” жены среди прочих) семье прослеживается и у русов, и у славян. Впрочем, в этом раннем круге источников об отношениях русов к женщинам говорится весьма мало. У славян “распространены прелюбодеяния”, но с ними ведется борьба, в частности, жена за измену предавалась смерти.

Что касается населенных пунктов в социальном плане, то у славян упоминаются отдельные крупные города – столицы (Джарваб, Вант) и крепости (кала, хисар), у русов – “много городов”, но ни один из них не назван.

В блоке III достаточно часто выступает примерно один уровень социального развития славян и русов, причем первые во многом идут впереди⁸⁶. У них более развит аппарат управления, эксплуатации собственного народа, более непререкаем авторитет царя, меньше, чем у русов, пережитков родового строя. У русов жрецы (“знахари”) выступают реальными соперниками царей (“хаканов”), сами русы (во всяком случае, их знать) живут лишь за счет торговли и эксплуатации не своего народа, что характерно прежде всего для стадии военной демократии, чему не противоречат и пережитки родового строя в виде “божьего суда” и кровной мести.

Религиозные представления славян и русов, как это ни странно, слабо отражены в произведениях мусульманских авторов IX – начала X вв., но и здесь улавливается разница между описаниями этих двух групп (блок IV). Для славян отмечены земледельческие культы и культ быка, а также общий для всех язычников, в представлении последователей Мухаммеда, культ огня. Русы же, судя по косвенным свидетельствам арабских и персидских текстов, верили только в меч, хотя слово “поклоняться” в связи с этим не употреблялось. Отмечено лишь наличие служителей культа – “зна-

харей”, обладавших значительной властью, в том числе и над “царем”. Особенно поразили внимание мусульман человеческие жертвоприношения у русов – они отмечены три раза.

Нет почти никакого сходства в описаниях погребального обряда славян и русов (блок V). Сближает славян и русов обычай захоронения вместе с мужем одной из его жен, упомянутый для русов тремя, для славян – одним (Ибн Русте) автором. У последних в жертву добровольно приносится та из жен покойника, которая “утверждает, что особенно любила его”, причем перед погребальным костром она подвергается удушению. Русы же “кладут в могилу живую любимую жену покойника, “...жена умирает в заточении”⁸⁷. Нюанс довольно существенный: в первом случае – почетное право любимой жены, во втором – тяжелая и, вероятно, не очень почетная обязанность.

В остальном детали погребального обряда не совпадают вообще: у славян – кремация (на стороне) с занесением пепла на “холм” (курган?) и тризной; у русов (во всяком случае, “знатных”) – захоронение в “могиле в виде большого дома”, с обилием погребального инвентаря (одежды, “золотые браслеты”, “чеканная монета”), заупокойной пищи и питья.

В блоке VI (жилища) – только два признака, и оба они (хижины и землянки) относятся к славянам. Мусульманские географы не только никогда не видели жилищ русов, но и, скорее всего, не имели их описаний, приводя в то же время такое подробное описание землянок славян, каких не было у византийских авторов.

Вероятно, в отличие от “острова русов”, земля славян была в пределах досягаемости арабских и персидских авторов или их непосредственных информаторов, о чем косвенно свидетельствует достаточно подробное описание их (славян) жилищ.

Информация об одежде славян и русов (блок VII) далеко не полна – описываются лишь отдельные детали мужского туалета – длинные рубахи и высокие сапоги у славян, широкие шаровары и пояса (куда они завязывают деньги) – у русов.

Анализ признаков блока VIII позволяет сделать предположение о том, что на Востоке часто сталкивались с русами-купцами, но никогда – с их страной, о стране же славян знали больше, чем об их “национальном характере”, т.е. встречались со свободными славянами редко⁸⁸. В характере русов все авторы отмечают храбрость и воинственность в сочетании с же-

стокостью и коварством (в том числе и по отношению друг к другу), гостеприимство.

Характерны для русов мужские украшения – золотые браслеты. Несколько сближает славян и русов любовь к чистоте. У славян – это своеобразный прообраз бани, а у русов – “чистота одежд” и наличие “кувшина для омовений” (Гардизи). У славян можно отметить нетерпимость к воровству – казнь вора по приказу царя.

Вполне сочетается с такой деталью погребального обряда славян, как тризна, наличие у них хмельного напитка из меда (десять упоминаний) и музыкальных инструментов. В данном блоке, как и в предыдущем, ни один из “славянских” признаков не сочетается с “русскими”.

Очень четко выступает различие двух этих комплексов признаков в блоке IX (военное дело). Относительное сходство наблюдается в том, что и славяне, и русы выступают и как нападающая, и как обороняющаяся сторона. Однако сходство это действительно относительно, т.к. русы выступают как нападающая сторона шесть раз, а обороняющаяся – один (!), славяне же – наоборот, причем русы обороняются не от славян, а славяне нападают не на русов. “Венгры ходят к гузам, славянам и русам и берут оттуда пленников” (Гардизи), ал-Марвази упоминает “взаимные набеги венгров и славян”⁸⁹.

Русы, являясь плохими наездниками, “на коне смелости не проявляют и все свои набеги, походы совершают на кораблях”⁹⁰. Корабли в связи с военными действиями упоминаются четыре раза, столько же – в связи с торговлей. У славян конница также не упоминается, но их “царь... имеет верховых лошадей”⁹¹ (три упоминания).

Набор оружия у славян – такой же, как описанный у Прокопия Кесарийского, Иоанна Эфесского и Псевдо-Маврикия – щиты, дротики, стрелы, копья, но добавляются “прекрасные, прочные и драгоценные кольчуги”, имеющиеся у “царя”⁹².

Мечи – единственный, но самый весомый в таблице 1 (15 упоминаний) признак вооружения русов, причем, это не только оружие, но и в какой-то степени предмет культа, абсолютно не встречающийся у славян.

Итак, анализ данных таблицы позволяет прийти к следующему выводу.

Даже учитывая многослойность восточных источников, разный характер и степень достоверности их “информаторов”, традиционализм схем описания народов определенного типа, подтверждает методами статистики непреложный для исследователей XIX в. вывод: употребляя термины

“славяне” и “русы”, мусульманские авторы подразумевали под ними абсолютно разные в этническом и экономическом плане общности. Это не два названия одного и того же народа, не составные части друг друга ни в этническом, ни в социальном аспекте, это – два разных, хотя и тесно связанных и в чем-то взаимодополняющих друг друга народа. Именно в стране славян русы брали значительную часть товаров для торговли с Востоком и “Румом”, именно славянские рабы служили для них переводчиками.

Каких именно “славян” (ас-сакалиба) имели в виду авторы традиции “острова русов”, описывавшие реалии середины IX в.? В задачи данной работы этот вопрос не входит, однако мы считаем возможным чисто гипотетически смоделировать характер взаимоотношений терминов “русы” и “славяне” в случаях различной этнической интерпретации последних. Предлагаемые “понимания” терминов “славяне” и “русы” не во всех моделях вытекают из того содержания, которое восточные авторы в эти термины вкладывали, тем не менее объективности ради приведем их все.

1. Подразумеваемая под “ас-сакалиба” всех славян, восточные авторы распространяют на них характеристики прежде всего славян западных, точнее, лишь некоторых их регионов⁹³.
2. Тот же вариант, но описания даются на примере славян восточных, а не западных⁹⁴.
3. “Славяне” – часть восточных славян, не охватываемая понятием “русы”⁹⁵.
4. “Славяне” – население севера Восточной Европы (славяне плюс финны). Могли “включаться” в термин “ас-сакалиба” и другие неславянские народы (тюрки, немцы)⁹⁶.
5. “Сборная” характеристика разных частей славянского мира, отвечающая характеру получения информации о славянах из разных источников в разных концах арабского мира (через Каспий, Кавказ, Византию, Испанию) “обобщающая” теория. В описаниях “славян” используются как данные о вполне стройной государственной системе во главе со “Светмаликом”, которого отождествляют либо со Святополком Великоморавским, либо с титулом “светлый князь”. В последнем случае при соотнесении с топонимом “Джарваб” его можно отнести к владыке хорватов. Каких хорватов – вопрос другой⁹⁷. Другой топоним – “Вантит” (есть и другие прочтения) переносил эту государственную иерархию на Краковскую землю, вятичей, полян⁹⁸.

Ключевым моментом к решению данного вопроса представляется более точное определение времени получения сведений информаторами и Ибн Хордадбега, и Ибн Русте (в данном контексте несущественно, кто они были – ал-Джарми (по А.П.Новосельцеву) или автор “Анонимной записки” (по Т.М.Калининой). Действительно, в этих сообщениях упоминаются печенеги как соседи славян. Если исходить из датировок⁹⁹ обоих предлагаемых протографов, этого народа в Северном Причерноморье быть еще никак не могло (дата его расселения здесь варьируется в пределах 889 – 895 гг.). В таком случае под терминами “славяне”, по-видимому, должны были, хотя бы частично, скрываться славяне восточные (“10 дней пути” от Волги, т.е. 300 – 400 км), тогда у западная границы печенегов могли проходить только пределы северян или, что более вероятно (“Вантит”), – вятичей¹⁰⁰.

В этом случае другой географический ориентир – Хордаб (“Джарваб”) находится по другую сторону земель восточных славян – в Карпатах, а антропоним Свт.м.л.к. (в случае его прочтения как “Святополк”) ведет к западным славянам. Столицей последнего назван Джарваб, и в случае “объединительного” толкования термина “славяне” мы имеем обширную супердержаву от Чехии до Хазарии.

Автор отнюдь не является сторонником такого слишком гипотетичного “панславистского” образования, однако не может не отметить соблазнительность сопоставления с сообщением особняком стоящего автора середины X в. – ал-Масуди – о “былом славянском единстве” – Валинана (Гаркави, 1870. – С.140). Этнонимически-территориальная близость последней с Джарвабом “первой традиции” настолько очевидна (хорваты и вольняне), что заставляет задумываться о допустимости существования надплеменного славянского образования IX в. (?) с центром именно в Прикарпатье и на Волыни.

Сведение воедино Святополка Великоморавского, Джарваба и Вантита в таком случае является искусственным, литературным соединением трех примерно синхронных реалий славянского мира. Впрочем, относительно Святополка, при всей предпочтительности этой трактовки “Свт.м.л.к.’а”), остается одно сомнение.

Если работы не только Ибн Русте, но и всей “первой традиции”, включая Ибн Хордадбега (дата его записей – либо 60 – 70-е гг. IX в.¹⁰¹, либо (два варианта “издания”) – 846/847 и 885/886 гг.¹⁰²), восходят к еще более ранней “Анонимной записке”, не говоря уже о версии А.П.Новосельцева,

относящего весь этот круг сведений к середине IX в. (1965. – С.392), то годы правления Святополка (870 – 894) никак не стыкуются не только с описываемыми реалиями, но даже и со временем составления самих литературных протографов произведений “первой традиции”. Недаром не только советские (А.П.Новосельцев, Б.А.Рыбаков и др.), но и некоторые польские исследователи считают возможным видеть в “Свт.м.л.к.’е” все же не имя собственное, а титул (“светлый”, “святой” правитель)¹⁰³. Либо речь идет не о Святополке, либо что-то не так с определением источниковой базы работы Ибн Русте и его последователей. Поскольку у нас нет никаких ни оснований, ни прав сомневаться в источниковедческом анализе, проведенном различными востоковедами с аналогичным в целом результатом, приходится считать более верной на данном этапе исследований все же версию о титуле, а не имени правителя¹⁰⁴.

К этому склоняет также упоминание двумя независимыми и от восточных, и друг от друга источниками, правда, более поздними (середины X в.), самостоятельной, обладающей князьями “Великой” или “Белой Хорватии” на границе западно- и восточнославянского мира (Константин Багрянородный и сведения о миссии Адальберта на Руси в немецких латиноязычных источниках). Константин указывает на местоположение Хорватии или у границ франков, или прямо под властью Оттона, в соседстве с некрещеными сербами. С другой стороны, она в хороших отношениях с венграми, доступна для грабежей печенегов и связана с Черным морем, хотя и не относится к числу “пактиотов” Руси. Противоречит “чешской” версии отождествление Хорватии (Белой) и прямое указание на ее язычество (чем оно продиктовано – другое дело, но контекст именно такой). На это указывает и другой источник (Бруно Кверфуртский), называя князя “хорватов” по имени Славник (в Чехии был Болеслав). В 961 г. он был христианином, находился в родстве с Оттоном (Акимова, 1991. – С.371).

По нашему мнению, вариант может быть только один – Зличанское княжество, объединявшее несколько племен Восточной Богемии, Моравии, Словакии (?), во главе с известными и в Чехии хорватами и династией Славниковцев, крестившихся где-то в середине X в. Это, конечно, гипотетическое построение, особенно если включить сюда и карпатских хорватов (печенеги, Черное море). Но если и говорить о сознательном замалчивании такого государственного образования, то оно как раз может по-

дойти к “Великой Хорватии” (Зличанскому княжеству?), уничтоженной соседями (Чехией, Польшей, Русью) в 90-е гг. X в.

Вспомним, с другой стороны, более поздние тесные связи Галицких земель именно с Венгрией и претензии королей последней на власть над ними. Лишь в этом случае данные восточных, немецких и византийских источников не противоречат друг другу. Этому не противоречит и версия о смене при Болеславе I природно-родовых князей в “зличанской” части “Белой Хорватии” на представителей чешской “большой дружины” (Жемличка, Марсина, 1991. – С.169). В концепции “поэтапного перехода” логичной выглядит не ликвидация “поста” сразу, а сначала замена занимавших его лиц на не имеющих местных корней и связей, а лишь затем уничтожение и их вместе с “постом” (убийство Славниковцев в 995 г.). За 2 года до этого Владимир Святой покоряет карпатскую часть “Белой Хорватии”, еще ранее отсеченную от “зличанской” венгерскими, чешскими, польскими владениями. “Мост” между двумя Хорватиями возможен лишь в первой половине X в., до завоевания Болеславом Малой Польши. Впрочем, реконструируемое для X в. одно или два княжества “Белой Хорватии” лишь с очень большой степенью осторожности можно ретроспективно сопоставлять с реалиями середины IX в., описываемыми восточными источниками “первой традиции” (Хордаб, Свт.м.л.к.). Ее дополняет “Иосиппон”, также упоминающий хорватов для этого времени (Петрухин, 1998. – С.39). Однако и отбрасывать безоговорочно теорию о карпатской, или “Великой”, более обширной Хорватии, созданную Л.Нидерле (1910), развитую некоторыми чешскими и польскими историками (Ф.Дворник, 1949; Н.Гачиньский, 1968), источники вряд ли позволяют. В то же время нет сомнений и в реальности “чешской” Хорватии Славниковцев (о ней говорят и юридические акты, в частности грамоты Пражской епархии 1086 г.), но отождествлять с ней все Чешское государство (Ловмянский (Lowmianski), 1953. – С.163-168) или делать его дуалистическим (чешско-хорватским) (Dvornik, 1967. – P.97) можно лишь с очень малой долей вероятия.

Но как бы не решался вопрос об этно-территориальной принадлежности этой обладавшей развитой государственной организацией и полным суверенитетом части “славян”, в источниках “первой традиции” отчетливо прослеживаются сведения о другой их группе. Эта часть подвергается набегам русов на кораблях, становится их рабами, вероятно, именно в их землю ходят русы отрядами в 100 – 200 человек (по ал-Масуди – экипаж

одного-двух кораблей). Речь идет, скорее всего, не о подданных Свт.м.л.к., кем бы он ни был, т.к. тот сам собирал дань со своей страны, обладал хорошо вооруженной дружиной. Кроме того, корабли русов просто не могли бы попасть ни в Прикарпатье, ни в Моравию, ни в горную Хорватию на Балканах (побережье Адриатики не в счет, т.к. нападения проходили по рекам, а пленных продавали на Волге (в Болгарии или Хазарии) (Новосельцев, 1965. – С.397).

К первой группе славян можно отнести если и не полностью Великую Моравию, то сферу ее влияния (Хорватия Карпатская), а ко второй – разрозненные и не обязательно только славянские племена Севера¹⁰⁵ Восточной Европы, предположительно вдоль Волжского пути. При дифференцированном понимании сводных данных о “славянах” источников “первой традиции” “Вантит” может стать обозначением еще одной, условно третьей, группы этого народа, наиболее близкой к печенегам.

При соотнесении с исторической реальностью в первой модели за термином “русы” теоретически могут скрываться франки, фризы, датчане, восточные славяне, часть западных славян (поморская ветвь, например). Во второй модели “русами” могут оказаться либо часть восточных славян, либо неславянский народ, живший или активно действовавший в Восточной Европе. В третьей – русы идентичны большинству восточных славян или вообще народов, входящих в состав “государства русов”. Четвертая модель фактически исключает русов из числа автохтонов Восточной Европы или соотносит их с народом, не входящим в указанный список, например, балтами.

Возможно построение и других вариантов моделей “разнесения” русов по разным концам Восточной, Центральной и Северной Европы, однако из 11 приведенных вариантов более половины противоречат основному выводу контент-анализа: русы и славяне – разные, но тесно связанные народы, причем в политическом (но не социальном) плане “славяне” (по крайней мере, их часть) – выше русов. Рассмотрение степени вероятности реального существования вышеуказанных моделей имеет смысл только при сопоставлении данных, полученных при контент-анализе восточных источников с другими видами источников. Предварительно же представляется, что более всего не противоречит ни данным восточных авторов, ни европейским историческим реалиям модель 2, вариант 2.

§ 3. Иные виды письменных источников о славянах и русах первой половины IX в.

Если данные о “разнообразии” славян следуют лишь из анализа контекста авторов “первой традиции”, а напрямую они пишут об одной “стране” этого “народа” (лишь один раз говорится об их “племенах”), то в более поздней (по традиции описания) работе ал-Масуди племенное, культурное, конфессиональное разнообразие славянского мира выступает во всей полноте¹⁰⁶. Однако и по дате создания (947 г.), и по вероятному времени получения им сведений (перед 926 г., Brockelmann, 1936. – P.464), и по традиции описания, и по его контексту, его работа “Золотые луга” может быть использована для анализа более поздних реалий (не ранее середины IX в.).

Что касается русов, то сопоставление восточных источников с иными, упомянутыми ранее, фиксируют их до середины IX в. в Константинополе, на малоазийском побережье Византии, в Крыму (?), на Волге (Булгар и Итиль), Каспийском море, даже в Багдаде и Мавераннахре (по Ибн Хордадбеху), с другой стороны – в Севилье и Ингельгейме. Уже упоминалась и тесная взаимосвязь русов с частью “славян”: на Востоке они даже воспринимались как купцы из земель славян, и знали их язык (“переводчиками для них служат славянские рабы” (Новосельцев, 1965. – С.397)). ПВЛ конкретизирует и подтверждает место соприкосновения “русов” и славян – Север Восточной Европы, бассейн Балтики.

Не вдаваясь в подробности многодесятилетней дискуссии об этническом содержании понятия “русы”, “русь” для первой половины IX в. (это не является задачей работы), отметим, что регионом, где русы не выступают как послы, купцы, грабители, может быть только Север или Северо-Запад Европы (от линии Ладога – Ингельгейм – Севилья). Если учитывать датско-фризскую теорию происхождения Рорика Ютландского, то сфера первоначальной деятельности русов может локализоваться между Дорестадом, леном Рюстрингия и о. Вальхерен, Хайтхабу и областью Розенгау между Данией и ваграми и виком Бирка в Центральной Швеции (область Рослаген)¹⁰⁷. Но это уже допущение, которое хотя и согласуется с проведенным обзором источников, но отнюдь не является единственно возможным¹⁰⁸. Впрочем, все источники характеризуют русов – росов и их дей-

ствия достаточно однозначно, что не позволяет, исходя только из их данных, предполагать здесь разные народы.

Что же касается соотношения трех почти синхронных друг другу и описываемым событиям сообщений (Бертинских анналов, Жития Георгия Амастридского и ал-Якуби), то попробуем предложить свою гипотезу по этому поводу. Отметим, во-первых, явную “трехслойность” данных Анналов: письмо Феофила, личные наблюдения окружения Людовика Благочестивого (в том числе и возможного автора сообщения) и слова самих посланцев “кагана рос” после *дознания*. В Константинополе их видят впервые, поэтому любые их сообщения принимают на веру, в Ингельгейме знают хорошо¹⁰⁹. Свою принадлежность к “народности шведской” послы тщательно скрывают (этот факт – результат расследования). По-видимому, предположение, выдвинутое Людовиком, – о шпионской их миссии в Византии (но не в своей империи, где она, вероятно, не была ни столь необходима, ни столь возможна) – и является наиболее правильным. Речь идет не о заключении мира после нашествия на Амастриду (Александров, 1997. – С.222) (об этом ничего не говорится в письме Феофила, да и ясно, что росов в Константинополе видят впервые), а о разведке перед проникновением в бассейн Средиземноморья. При таком понимании этих событий вполне логично выстраиваются в одну цепочку и грабеж малоазийского побережья (скорее всего, в 842 г.)¹¹⁰, и совершенное по той же “методике”¹¹¹ нападение на Севилью в 843/844 гг. Речь во всех трех случаях, вероятно, идет об одном и том же народе, несмотря на некоторые различия в названиях (“рос” – письма Феофила (вероятно, от библейского “рош” – см. историографию вопроса: Мельникова, Петрухин, 1991. – С.295-296), “рус” – в остальных двух сообщениях). Вероятно, нападения и на Амастриду, и на Севилью были частью одного (или двух, но взаимосвязанных) похода на еще не знавших их, “русов”, Византию и арабский мир. В этой связи достаточно убедительно начинает звучать и более отдаленное по времени сообщение ПВЛ: “В лето 6360 индикта 15¹¹² начаша Михаилу царствовати начася прозывати Русская земля. Об этом мы знаем, поскольку при этом царе приходила Русь на Царьград, как пишется в летописанье греческом¹¹³ (ПСРЛ. Т. II. Л. 8). Учитывая время восхождения Михаила III на престол – 842 г. (в четырехлетнем возрасте) и правления его матери, обострившуюся борьбу (именно в 840-844 гг.) между Византией и африканскими мусульманами в Италии (взятие Бари в 841 г.), расправы с ико-

ноборцами и павликианами, момент для “экспериментального” похода был выбран исключительно удачно.

Разбитые омейядским эмиром Абд ар-Рахманом, вероятно, на обратном пути, те, кто напал на Севилью (только их называют просто “ал-Маджус”, т.е. норманны), присылают к нему через год мирное посольство (Хеннинг, 1961. – С.177). Они – вассалы Лотаря, правителя центральной части Франкской империи, т.к. именно с ним ведет в 847 г. переговоры посольство кордовского эмира (Там же. – С.179). Почти параллельно (в 844 г.) заключают невыгодный для них, но все же мир с Аббасидами византийцы (Дашков, 1996. – С.157). Характерно, что после заключения этого мира и вплоть до похода Михаила III на сарацин (860 г.?), и вообще нового обострения мусульмано-христианских войн, ни одного факта военной активности росов и норманнов в Средиземноморье не отмечено.

Контекст всех письменных источников в сравнении с общеполитической ситуацией на середину IX в. не позволяет делать однозначный вывод о существовании именно славяно-русского государства, затрудняет и определение “государственной территории” отдельно русов (если таковая вообще была) на этот период. Единственная фраза Бертинских анналов (точнее, письма Феофила) о “Хакане рос” может трактоваться по-разному. Это может быть и неадекватный греческий перевод скандинавского титула “конунг” или имени “Хакон”, более знакомым византийцам термином “каган”, или сознательный обман последних разведчиками – “послами”, или желанием поднять свой престиж и т.д. Во всяком случае, делать на основе этого сообщения далеко идущие выводы о существовании “сильного [славянско-го] каганата Русь” уже в начале IX в. (Гумилев, 1996. – С.241; Седов, 1999. – С.63, 69; Лебедев, 1994. – С.151), по меньшей мере, преждевременно.

Источники периода “двухуровневого государства” переходного этапа

Для первой его фазы (становления) наиболее информативна (кроме данных ПВЛ и НПЛ) “вторая традиция” восточных источников (три “группы” русов). Возможно (или отчасти), имеют значение сообщения ал-Масуди (государство “ад-Дир”), “Отдельная сага об Олаве Святом” и соответствующий раздел “Круга Земного”, косвенно – Житие Святого Ансгария, византийские произведения (патриарх Фотий, Никита Пафлагонский, в меньшей степени – Константин VII).

Для второй – Ибн Фадлан, отчасти (и возможно) – ал-Масуди, “История Дербенда” XII в. и табаристанский историк Ибн Исфендийар (XIII в.), допустимо – вторая традиция восточных источников (ал-Идриси, по крайней мере), без конкретных хронологических привязок – Константин VII¹¹⁴, договоры Олега (?) с Византией, подлинность которых, впрочем, неоднократно ставилась под сомнение.

Для характеристики третьей фазы можно использовать также и хазарские источники, сведения Ибн Мискавейха и Льва Диакона.

§ 4. Иностраные источники. Контент-анализ “восточных” источников “второй традиции”

Мусульманские авторы “второй традиции”

Вторая группа (традиция) источников – упоминавшая о трех группах (“джинс”) русов – относится в основном к X веку (ал-Балхи – 920-921 гг., ал-Истахри – 930-933/950 гг., Ибн Хаукаль – 50-60 гг., X в., 977 г.) (Новосельцев, 1965. – С.408), но “отражает реалии IX в., приблизительно его третьей четверти” (Новосельцев, 1985. – С.296). Дополняет и завершает эту традицию в том, что касается русов, придворный географ сицилийского короля Рожера II ал-Идриси (середина XII в.).

Характерной чертой данной группы источников является почти полное отсутствие сведений о славянах, в то время как у ал-Масуди и Ибрагима Ибн Якуба количество данных о них резко возрастает. У ал-Истахри, в частности, можно извлечь только то, что “славяне имеют одинаковую веру с Румом” и являются поставщиками рабов, у Ибн Хаукаля упоминается торговля хорезмийцев со славянами, “рабы из славян” и нападение на них русов (Гаркави, 1870. – С.191, 213).

В данной связи дальнейший анализ направлен не на сравнение русов и славян, а на изучение развития самого термина “русы” сначала у ал-Истахри – Ибн Хаукаля – ал-Идриси, затем у Ибн Фадлана и Ибн Мискавейха. В силу того, что первые три автора черпали свои сведения из одного источника (ал-Балхи), дополняя их, как Ибн Хаукаль, своими наблюдениями, то их данные рассматриваются, как и у пяти авторов первой группы, совокупно.

Анализ данных сравнительной таблицы II. В блоке 1 сохраняется такой признак, как “страна”, но этот термин относится уже не ко всем

русам, а к одной из их “групп”. Слова “племя”, “род”, несколько племен или “народ” в связи с русами не используются ни разу. Термин “джинс” переводится только как “группа”. Описываемых групп три – Славийя, Куйаба, Артания, но в динамике (изменение характеристик от автора к автору) даются две первые группы; описание “Артании”, или “Арты”, весьма стандартизировано и статично¹¹⁵.

Описание трех групп в отдельности составляет основную часть текстов ал-Истахри, Ибн Хаукаля и ал-Идриси, посвященных русам. Общие признаки немногочисленны, они концентрируются в блоках II и V.

“Цари” упоминаются во всех трех группах, общее число их упоминаний лишь на одно уступает их количеству у пяти авторов “второй традиции” (7 и 8). Но “главный” царь (в Куйабе) фигурирует лишь один раз, в самом позднем источнике (ал-Идриси). Вероятно, при всей верности традиционной схеме, автор XII в. не мог не отметить столицу тогдашней Руси – Киев (если отождествлять с ним Куйабу). У Ибн Хаукаля “самая высшая (главная)” из групп русов – “ас-Славийя, и царь их в городе Салау”.

В блоке II на первом месте безусловно стоит торговля, причем, характер ее несколько иной: если по данным авторов “первой традиции” русы продавали на восточных рынках меха, рабов и мечи, получая взамен деньги, то теперь (при сохранении преобладания торговли русов на Востоке и в “Руме”) “достигают люди с торговыми целями Куйабы и района его”. В ассортименте товаров исчезают мечи, зато добавляется олово (свинец), впрочем, вывозимое только из мифической “Арсы”. Общее количество упоминаний торговых операций не увеличилось (12), но, учитывая меньшее количество авторов, удельный вес ее несколько увеличился, особенно в сравнении с грабежом иных народов – всего три упоминания. Вместо славян основным объектом нападений и получения “дани” стал Рум. Об использовании кораблей для торговли и набегов имеются лишь косвенные данные – “они спускаются по воде для торговли” (два упоминания).

Сведения о социальном строе русов у авторов второй группы очень скудны. Имеются семь упоминаний о царях, их количество снижается за счет отдельных характеристик Куйавии, Славийи, Артании до четырех (один раз – “главный царь” и у каждого автора – “тройка” царей групп русов). В отличие от текстов первой группы авторов, в этих произведениях отсутствуют данные о статусе “царей”. Есть упоминания рабов, имущественного расслоения, впервые – крупных городов – “столиц”.

В блоке IV нет никаких признаков, кроме косвенного свидетельства человеческих жертвоприношений, да и то только “чужеземцев”.

Абсолютно новым для русов признаком в блоке V (погребальный обряд) является кремация, впрочем, как и все остальное у данной группы авторов, упомянутое как бы вскользь. У А.Я.Гаркави для текстов ал-Истахри и Ибн Хаукаля упомянуты также сожжения вместе с покойным его наложниц и “девушек” (Гаркави, 1870. – С.191, 218). О жилищах, вооружении и одежде русов не говорится ничего, лишь ал-Истахри и ал-Идриси упоминают по одному разу “короткие куртки” (новый, 5-й признак блока VII), и у всех трех авторов русы выступают как нападающая сторона (признак 1 блока IX) в отношении “Рума”. В блоке VIII (быт и нравы) не дается, как у авторов группы Ибн Русте, никакого описания “национального характера” русов, за исключением приобретения ими такого нового признака, как жестокость к чужеземцам на своей земле, скрытность (правда, касается это только жителей Арсании). Ибн Хаукаль в ал-Идриси упоминает обычай бритья бороды или их завивки и окраски (Там же. – С.218).

В целом, сведения, содержащиеся в произведениях, упоминавших о трех группах русов, гораздо более скудные, чем у группы авторов, упоминавших “остров русов”. Во “второй традиции” меньше удельный вес грабежа как способа добычи средств существования в сравнении с торговлей, но ни земледелие, ни скотоводство не упоминаются.

Сохраняется обычай захоронения вместе с мужчинами их наложниц, только теперь этот обряд сочетается с новым признаком – кремацией, присущим ранее только славянам. Всего исчезают 26 признаков, характеризующих русов у группы Ибн Русте, сохраняется 8, от славян “перенимается” 2, но очень важных (кремация и крупные города), и добавляется 5 новых признаков (№ 1, 5 – “группы русов”, III, 1 – имущественное неравенство, VIII, 10-12 – негостеприимство к чужеземцам, бритье и завивка бород).

Объясняется подобная картина, вероятно, не реальной утратой русами ранее присущих им характеристик, а иными источниками информации описывающих их авторов, желанием последних подчеркнуть именно новые черты в жизни русов, а также (если принять некоторую разницу в датах создания традиций) какими-то, не сразу понятными мусульманам, изменениями в социальном или каком-либо ином статусе русов.

Дополнения Ибн Фадлана и Ибн Мискавейха

Наиболее полный набор признаков (как упоминаемых ранее, так и “новых”) для всех блоков, кроме первого, имеется у непосредственного наблюдателя русов в 921 – 922 гг. – Ибн Фадлана.

Как уже говорилось, этот автор не дает никаких данных о том, кто такие русы – народ, племя, “группа”, есть ли у них страна и где она расположена. Блок I полностью пуст. Блок II говорит о том, что в Булгаре русы выступали прежде всего как торговцы (шесть упоминаний разных форм торговли), причем чрезвычайно богатые. Три раза у них упомянуты импортные для Восточной Европы, прежде всего византийские, товары, огромное количество дирхемов, являющихся, судя по всему, основной целью их торговых операций. Дирхемы и динары не на вес, а по объему (“мерные чаши”), используются меховые деньги, существует и меновая торговля.

Впервые прямо или косвенно говорится о наличии у русов скотоводства и ремесла (кожевенного) (новый, 9-й признак). Земледелие и бортничество не упомянуты ни разу, хотя и об отсутствии их прямо не говорится, зато корабли – почти 20 раз!

Признаки блока III (социальные отношения) со всей определенностью говорят о развитой социальной в имущественной дифференциации внутри русов и в то же время – об очень сильных родовых пережитках. Царя окружает дружина – “богатыри” (Ковалевский, 1956. – С.146), пирующая вместе с ним. Внутри дружины имеются “главари”, “военачальник” – с одной и “отроки” (“соумирающие” при смерти царя) – с другой стороны. Социальный статус определяется, вероятно, местом в иерархии управления – степенью близости к царю.

Царь выступает на фоне дружины как “первый среди равных”, “богатыри” кормятся за его столом. Отличается он большим, чем остальные дружинники, количеством наложниц. Это первое “прямое” описание положения “царя” и его окружения – для более ранних времен имеются лишь косвенные данные. Наряду с “богатырями”, упоминается и знать, вероятно, родовая (роль “родовитости”, т.е. определения знатности, в данном случае – по количеству родственников, подчеркивается не менее трех раз). Имеется и третий вид дифференциации – по богатству (упомянут два раза).

Кроме свободных, в социальную структуру русов входили и неволь-

ники, причем об их чужеземном происхождении не говорится. Подчеркиваются различия в обрядах захоронения знатных русов, бедняков и невольников.

Кроме определения степени знатности по количеству родственников, к пережиткам родового строя относятся многоженство в разных формах (одиннадцать упоминаний), “право любви” родственников на жену умершего, “божий суд”, впрочем, такое же количество раз, как и царский. Кровная месть не упоминается ни разу.

Крепости, ранее характерные только для славян, теперь есть и у русов, причем, только у их царя.

Из “старых” признаков блока IV (религия) присутствуют жертвоприношения человека и животных. Знахарей, во всяком случае, в том смысле и с таким высоким социальным статусом, как у Ибн Русте, нет. Подробно описано капище с одним главным и несколькими второстепенными идолами вокруг него. Кроме идолов, новыми признаками являются подношения богам продуктами, представление о наличии рая и вознесении туда посредством огня и дыма погребального костра.

Наиболее ярко и полно у Ибн Фадлана описан обряд захоронения знатного руса, основу которого составляет кремация в ладье. Подробно перечисляются животные и птицы, используемые в качестве заупокойной пищи или для иной “службы” умершему: собака, крупный рогатый скот, лошади, петух, курица. Стержнем же записок Ибн Фадлана является описание обряда умерщвления любимой жены покойного. В отличие от более ранних обрядов русов, она убивается до погребения и решается на смерть добровольно (Ковалевский, 1956. – С.146), а не по выбору родственников. Эта черта так же, как и насыпание курганов на месте сожжения и тризны, ранее была присуща только славянам. Сохраняются и элементы “старого” обряда захоронения в могиле – в ней покойный находится до костра. Впервые описано обилие оружия, которое кладут в ладью вместе со знатным русом.

В блоке VI (жилища) появляются большие дома купеческих товариществ и временные шалаши (палатки). В блоке VII (одежда) добавляется один “славянский” признак (сапоги), кроме того – соболья шапка, куртка и кафтан из византийской парчи, гетры, при сохранении широких шаровар и пояса.

Среди предметов вооружения к мечу (один раз определенно сказано – франкскому, а всего шесть его упоминаний) добавляются топор и боевой

нож, а также щит, упоминаемый в “первой традиции” только у славян. Есть три свидетельства об использовании русами верховых коней.

На грани между одеждой, религиозными представлениями и нравами находятся описания различных амулетов и украшений, условно отнесенных нами к блоку VIII. “И от края ногтей иного из них (русов) до его шеи (имеется) собрание деревьев, изображений (картинок) и тому подобного. А что касается их женщин, то на (каждой) их груди прикреплена коробочка из железа, или из серебра, или из меди, или из золота, или из дерева в соответствии с размерами (денежных) средств их мужей. Из коробочки – кольцо, у которого нож, также прикрепленный на груди. На шеях у них мониста из золота и серебра” (Ковалевский, 1956. – С.140) (динаров и дирхемов?). Столь подробное описание украшений у русов понадобится нам позднее, а пока добавим, что у них сохраняются “ручные” и “ножные” кольца (браслеты), появляются импортные (привезенные на кораблях) бусы.

Показателем относительной заботы русов о своем туалете являются гребни, но в целом Ибн Фадлан шесть раз отмечает их нечистоплотность, называя их “грязнейшими из тварей Аллаха” (Там же. – С.141). Данное сообщение звучит диссонансом с более ранними описаниями (“чистота одежд”). Этот признак не встречен в более ранних источниках, от славян же “взяты” признаки 7, 8, 9 (хмельные напитки “набиз” и злоупотребление ими – семь упоминаний), музыкальные инструменты (три упоминания) и нетерпимость по отношению к ворам и грабителям (честность?) – одно упоминание. Полностью отсутствует у Ибн Фадлана, как это ни странно для очевидца, описание характера русов, хорошо представленное у группы авторов, писавших об “острове русов”, и упоминания о брадобритии и т.д., а также “негостеприимстве” части русов (ал-Истахри – Ибн Хаукаль – ал-Идриси).

Всего по сравнению с произведениями, касающимися реалий середины IX в., исчезло 18 ранее присущих русам признаков. При этом из 12 общих¹¹⁶ для русов и славян “выбыло” 6 признаков, из 22, присущих только русам, – 9, в том числе ранее такой весомый, как грабеж, и существенный, как знахари, стоящие над царем.

От авторов, описывавших реалии середины IX в. (“остров русов”) “сохранилось” лишь 19 признаков, к ним от славян “перешло” еще 13 (особенно много в блоке V – погребальный обряд) и появилось свыше 20 новых признаков:

II) 9 – импортные товары; 10 – подробности денежного обращения и торговых операций (меховые деньги), меховая торговля, измерение дирхемов и динаров мерными чашами, десятки тысяч дирхемов; 11 – кожевенное ремесло;

III) 14 – (от ал-Истахри) – имущественная дифференциация; 15 – дружина (“богатыри”); 16 – “демократизм” отношений царя и “богатырей”, дружинные пиры; 17 – дифференциация внутри дружины; 18 – “право любви” родственников на жену умершего;

IV) 6 – приношения богам продуктами; 7 – идолы; 8 – наличие рая и вознесения туда посредством огня;

V) 7 – сожжение в ладье; 8 – жертвы скота и птицы; 9 – оружие в могиле; 10 – “соумирание младших дружинников и слуг”;

VI) 3 – “большие дома”; 4 – шалаши, палатки;

VII) 5 (от ал-Истахри) – короткие куртки; 6 – “соболья шапка”; 7 – гетры;

VIII) 13 – гребни; 14 – амулеты, привески у мужчин; 15 – “коробочки” (фибулы?) у женщин; 16 – мониста из монет (?) у женщин; 17 – нечистоплотность;

IX) 12 – топор; 13 – боевой нож.

Существенные дополнения к сообщениям Ибн Фадлана, особенно касающиеся военного дела русов, черт их характера (описание которых у Ибн Фадлана отсутствует), содержится в рассказе Ибн Мискавейха о походе русов на Бердаа (943 – 944 гг.).

В блоке I один раз русы упомянуты как “народ”, причём, “могущественный, один раз говорится о наличии у них “страны”.

Блок II. Торговля, земледелие, скотоводство не упоминаются ни разу (но и прямого отрицания их тоже нет), что объясняется, скорее всего, спецификой описываемых в источнике событий. Этим же можно объяснить и “всплеск” (после полного отсутствия у Ибн Фадлана) упоминаний (5) грабежа (прямого и в виде выкупа) и его последствий (богатства, пленные). Имеется одно прямое свидетельство о наличии плотничьего ремесла у русов (топор, пила, молоток), причём эти инструменты они “привешивают на себя” (Якубовский, 1926. – С.65). Возможно, это свидетельство наличия корабельных плотников.

В блоке III нельзя судить о состоянии семейных отношений (факты прелюбодеяния имеют место), т.к. русы находились в походе на захвачен-

ной территории. В целом, социальные отношения внутри русов почти не освещены – есть одно косвенное свидетельство о наличии рабства иноплеменников (угон пленных), одно упоминание “начальников” и их сыновей. Ибн Мискавейх упоминает исключительно ингумации в ямах, с захоронениями вместе с покойными оружия (в осажденном городе!), в том числе мечей (два упоминания). Новым является то, что в могилу кладут и “орудия” труда (?) (одно упоминание). Сохраняется старый признак – захоронение жен и вообще женщин вместе с покойником, а также впервые упомянутый у Ибн Фадлана обычай добровольного “соумирания” слуги.

Вероятно, отсутствие признака “кремация” в рассказе Ибн Мискавейха – результат той экстремальной ситуации, в которой оказались русы в осажденном мусульманами Бердаа. Устройство погребального костра – вещь достаточно трудоемкая, как, впрочем, также отсутствующее в описаниях насыпание кургана.

Чрезвычайно полно представлены у Ибн Мискавейха черты характера русов: храбрость и воинственность, презрение к смерти, воинское мастерство упомянуты десять (!) раз, жестокость (но без коварства) – один раз, при этом данный признак частично “нейтрализуется” честностью русов – избивание жителей началось лишь после предупреждения и трехдневной отсрочки. О честности говорит также факт справедливого раздела добычи с воинами, караулившими корабли.

Корабли упомянуты три раза и в связи не с торговлей, как ранее, а с боевыми действиями. Прямых указаний на отсутствие конницы у русов нет, но сказано, что сражаются они пешими, “особенно эти, приплывшие на кораблях”. Среди предметов вооружения (блок IX) добавляется последний, ранее имевшийся у славян, но отсутствовавший у русов – копье, причем, как массовый вид оружия (признак 14). Как новый признак появляются “дубины” (палицы?), упоминаются также один раз щиты, дважды – кинжалы и мечи. Исчезает как боевое оружие упомянутый у Ибн Фадлана топор (признак 12).

Специфика событий увеличила количественные показатели признаков IX, 1, 2. Шесть раз русы выступают как нападающая, четыре раза – как обороняющаяся сторона.

В связи с тем, что русы у Ибн Мискавейха описаны в экстремальной ситуации и вдали от своей “страны”, что, естественно, заставило обратить особое внимание на одни стороны их жизни, полностью затушевав дру-

гие, общего подсчета исчезнувших и сохранившихся старых, “перенятых” от славян, и новых признаков не производилось.

Новые признаки появились лишь в блоке IX, т.к. описываются в основном военные действия, и несколько увеличился вес (за счет смысла фразы, а не количества упоминаний) появившегося у Ибн Фадлана признака “ремесло”.

Сопоставление данных таблиц I и II в отношении русов дает картину “перехода” части признаков, присущих славянам, но не русам в “первой традиции”, на описание русов во “второй традиции” у Ибн Фадлана. “Появляются” и “новые” признаки, не присущие в “первой традиции” ни русам, ни славянам. Конечно, это естественно и в случае различных источников информации авторов различных традиций в описании русов, но отнюдь не противоречит и версии А.П.Новосельцева о хронологических привязках обеих традиций (сведения Ибн Фадлана и Ибн Мискавейха датированы точно). В таком случае изменение характера описаний русов может быть связано не только с разными источниками и пластами информации, но и с реальными изменениями разных сторон жизни русов середины IX – середины X вв.

Скандинавские источники

При всей их противоречивости, разнородности (саги и житие) и разновременности, хронологическом диапазоне, отделяющем их от описываемых реалий IX в. (исключение – “Житие Святого Ангария” Римберта), они однозначно свидетельствуют о военно-торговой активности скандинавов, вплоть до основания ими поселений, в Восточной Прибалтике (Аустрвег, Аустерленд) к середине IX в. Сведений – множество, и, кроме двух эпизодов, связанных со сватовством Ингигерд (ее беседа с отцом и речь Торгнира на тинге в Упсале), их авторов и персонажей-передатчиков вряд ли можно заподозрить в предвзятости. Другое дело – состав этих земель: Финланд, Кирьяланд, Эйстланд и Курланд (Джаксон, 1994. – С.73), от которых четко отделяются “Гарды” и “Гардарики” – объект лишь торгово-политических связей, а не военной экспансии и дани. Впрочем, земли в “Аустленд” иногда текстуально отличаются от вышеперечисленных. Если дополнить это “сомнение” упорным желанием Ингигерд получить для Регнвальда “ярлство Альдейгьюборг” (Там же. – С.74-78), можно заподозрить наличие претензий конунгов Швеции и на часть словенских земель,

якобы входивших в “государство” в Аустрвеге при конунгах Олаве из Бирки и Эйрике из Уппсалы (середина IX в.) (Там же. – С.152). Но даже если считать созданное шведскими конунгами “государство” на Аустрвеге реальностью, а не полемическим ходом Ингигерд, тем более приписанным ей более поздним автором, то неизвестно, насколько оно захватывало будущие древнерусские земли, в частности, включало ли Альдейгьюборг и племена, платившие, по летописи, дань варягам.

Контент-анализ, аналогичный проведенному при работе с восточными источниками, здесь мало поможет из-за фрагментарности и разновременности данных, не подлежащих (на данном уровне исследования) систематизации. Кроме того, для данного этапа государствообразования на Руси (середина IX – середина X вв.) саги и иные виды произведений частично могут осветить лишь его начальную фазу.

Значение скандинавской литературно-эпической традиции в ином: в прямых аналогиях вейцлы и полюдья, взаимоотношениях князей (конунгов) и дружины “русского (неславянского) уровня”, отношений власти и общества, особенностей законотворчества и использования правовых норм, дружинной идеологии и т.д. Синхростадиальность и типологическая однородность развития двух регионов Европы доказывалась неоднократно (И.П.Шаскольский, Е.А.Мельникова, В.Я.Петрухин, Т.А.Пушкина, Г.С.Лебедев и др.).

К скандинавским тесно примыкают западноевропейские (франкские) латиноязычные источники, имеющие, правда, ценность лишь в сочетании с данными ПВЛ об антиваряжском восстании северных племен (Житие Святого Ангария) и личности первого русского князя (сведения о деятельности Рорика Ютландского во Фрисландии, Дании, Швеции). О структуре государственности Древней Руси середины – третьей четверти IX в. и процессах ее формирования, однако, они ничего не говорят.

Византийские источники

Византийские источники делятся на три неравные по объему и значению хронологические группы. В многочисленных (14 минимум) сочинениях, в которых с той или иной степенью подробности говорится о нападении Руси на Царьград в 860 г., содержатся лишь подтверждающие восточные источники первой традиции сведения о “национальном характере” и основной профессиональной направленности русов (росов) как на-

рода (да и то у очевидцев нападения – Фотия, Никиты Пафлагонского, Георгия Амартола)¹¹⁷, но нет данных об их государственности. Они имеют значение, прежде всего в сочетании с рассказом ПВЛ о походе Дира и Аскольда на Царьград, упоминанием ал-Масуди о государстве ал-Дира¹¹⁸ и описанием “второй традиции” восточных источников одной из трех групп русов (с центром Куйабе), для хронологических привязок сведений трех последних видов источников.

Расхождение в датах начальной части ПВЛ, связанное с неправильно определенной датой восшествия на престол Михаила III (852 год вместо 842), допускает три возможных объяснения расхождения в определении времени похода на Царьград Аскольда и Дира между ПВЛ (866 г.) и Фотием (860 г.).

1. Было два похода, первый из которых возглавлялся неизвестными лицами, второй – летописными князьями.
2. ПВЛ в корне неверно описывает всю ситуацию, приписывая более ранний поход киевских князей, с Рюриком никак не связанных, его “мужам” (боярам). Отсюда и дата похода – *после* 852 г.

ВАРИАНТЫ:

- а) оба князя – варяги, ранее Рюрика пришедшие в Восточную Европу и до него (точнее, Олега) “оседлавшие” Днепровский путь;
  - б) оба князя – потомки полянской династии Кия;
  - в) один из них (Дир) – наследник Кия, второй (Аскольд) – более поздний, хронологически одновременный Рюрику, варяг (?) (Мавродин, 1945. – С.217-218; Брайчевский, 1968; 1988. – С.35; Лебедев, 1994).
3. 860 г. является действительной датой *одного* похода “мужей” Рюрика Аскольда и Дира (Хаскульда (Освальда?) и Тюра), действовавших первоначально по заданию первого, затем на свой страх и риск возглавивших формировавшееся в Южной Руси протогосударство. Антиваряжское восстание же и приход Рюрика, в полном соответствии с данными скандинавских и франкских источников, следует отнести где-то к середине 50-х гг. IX в. Сведения ПВЛ полностью верны, допущен лишь сдвиг в датах примерно на 6 лет.

Поскольку летописец был *реально* “уличен” лишь в последнем “грехе”, наиболее приемлемой считаем последнюю версию¹¹⁹.

Собственно византийские источники косвенно свидетельствуют о до-

статочном высоком уровне политогенеза южной группы русов, заключавших договор¹²⁰ (но не с Михаилом, во время которого был поход, а уже с его преемником Василием I) и принявших крещение от архиепископа (по Константину VII) или епископа (по “Окружному посланию” Фотия).

О значении *единственного* (включая и данные ПВЛ) квалифицированного (в силу профессии и образования автора), непредвзятого (в связи с характером произведения – инструкции сыну-наследнику престола) и *достоверного* (абсолютно одновременного описываемым реалиям и обеспеченного информаторами) произведения Константина VII для воссоздания структуры и системы правления “варварского” двухуровневого государства эпохи стабильности говорить не приходится. Именно его данные, наряду со скухими, критически отобранными сведениями ПВЛ, будут использованы как главный источник по анализируемым нами вопросам.

И наконец, сведения лаконичные, но детализирующие и подтверждающие реальность событий Древлянского восстания, знаменовавшего пик кризиса двухуровневого государства, содержатся у Льва Диакона.

Иудео-хазарские данные

Они составлены *post-factum*, при последнем кагане Иосифе или даже после падения Хазарии (письмо неизвестного еврея X в.), и зачастую несут печать явной тенденциозности (желания превознести религию Израиля и преувеличить те блага, которые Бог дает принявшим ее).

Кроме того, этот вид источников предоставляет сведения в основном по международному положению Руси, а не ее внутреннему устройству. Данные же письма кагана Иосифа о славянских племенах “В-н-н-тит, С-в-р, С-л-виюн”, платящих дань хазарам, имеются и в ПВЛ. По сообщениям последней, вятичи входили в состав Каганата вплоть до походов Святослава, северяне же, дань от которых перенял на себя еще Олег, могли быть снова “уступлены” Хазарии (или добровольно вернулись под ее протекторат) в годы кризиса Древнерусского двухуровневого государства (941 – 947 гг.). Об этом косвенно свидетельствует и другой иудео-хазарский документ (“Кембриджский”, или “текст Шехтера”): “Господь подчинил его Песаху... тогда была подчинена власти хазар (Голб, Прицак, 1997. – С.142).

В этой связи не очень невероятным представляется отмеченное ранее Френом, Гаркави, Марквартом и Вестбергом сопоставление “С-л-виюн и Арису” письма кагана Иосифа с “ас-Славийа и ал-Арсанийа” “второй тра-

диции” восточных источников. Если же взять наиболее вероятную дату описываемых в “письме неизвестного еврея” событий – рубеж 30 – 40-х гг. X в. (см., например: Петрухин, 1997. – С. 68), то на следующем уровне допущений можно предположить сохранение к этому времени нескольких “групп” русов и их князей. Последнее вполне согласуется с новым пониманием перечня послов “руси” в договоре Игоря с греками именно как представителей княжеского рода, владевших частями государства (Назаренко, 1996; Платонова, 1997). Впрочем, и в историографии, и с точки зрения логики и исторической ситуации допустимо несколько вариантов историко-хронологических привязок описываемых в “письме еврея” событий.

Возможны следующие толкования текста о войне X-л-гу, царя Руси, с каганом Иосифом “по наущению Романа”, победе хазарского полководца Песаха над первым, неудачным походе X-л-гу на Романа (“македоняне осили (его) огнем”) и морском походе в Персию, завершившемся (за морем?) гибелью всего войска русов и их предводителя.

1. Имеются ввиду события 882 – 884 гг., когда “Пайнила” (в понимании “поляне”) во главе с князем Руси Олегом захватили “С-м-к-рай” (северян, в понимании Шехтера). Недостаток гипотезы (кроме весьма сомнительного с точки зрения лингвистики чтения названий) – отсутствие данных о походе Олега на Царьград в конце 80-х гг. IX в. Главное же – в эти годы в Хазарии еще не правил Иосиф, а в Византии – Роман. Впрочем, известен первый поход русов на Восток до 884 г. (Коновалова, 1997. – С.24).

2. Второй вариант последовательности событий: неизвестная война Олега с Хазарией в начале X в., известный по ПВЛ поход 907 г. (впрочем, успешный для русов, не столкнувшись тогда с греческим огнем), и походы на Каспий 909-913 гг. (или один поход 910-912 гг. (Калинина, 1997. – С.16)). Достоинство гипотезы, кроме частичного совпадения с ПВЛ и восточными источниками, – возможность гибели князя Олега “за морем”, на Каспии, именно в 912 г. Недостаток – тот же (еще не правил ни Иосиф, ни Роман). Кроме того, высказываются вообще сомнения в достоверности сообщений о походе Олега на Царьград (Брайчевский, 1960; 1983; 1988; Franklin, Shepard, 1996. – P.106).

3. Неизвестный поход руси на хазар где-то в конце 30-х гг. X в., их поражение, неудачный, если не сказать катастрофический поход на Византию в 941 г., закончившийся сожжением русского флота, несчастный в итоге рейд на Бердаа в 943 г. во главе с неизвестным по имени предводите-

лем – третий вариант объяснения. Достоинство версии, кроме ее подтверждения в русских, византийских и восточных источниках, – полное совпадение имен хазарского (Иосиф) и византийского (Роман I Лакапин) правителей. Недостаток – имя предводителя похода на Византию – не Игорь, а Олег (Х-л-гу).

Здесь два варианта объяснения: либо, отчасти, в соответствии с данными НПЛ, “омолодить” время правления Олега Вещего (после 911 г.) (Цукерман, 1996), либо считать последнего и Х-л-гу “Кембриджского документа” двумя разными лицами. В этом случае Х-л-гу можно расценивать как одного из воевод Игоря, но не князя (Гумилев, 1996. – С.246), либо как “прозвище Игоря” (Там же). Однако в “письме” Х-л-гу прямо называется “царем Руси”. Допускается и возможность принадлежности Х-л-гу к княжескому роду – русскому “княжью” (Назаренко, Платонова, Петрухин), причем не обязательно Рюриковичей (Новик, Шевченко, 1995). Трудность – в скандинавском происхождении имени предполагаемого князя, т.к. в Скандинавии, в отличие от славян, не было четкой социальной ранговости антропонимов.

4. Если учитывать, что “письмо неизвестного еврея” было написано после падения Каганата, то для полноты картины можно выдвинуть еще одну гипотезу, исходящую из “реабилитационной” цели написания письма. По ПВЛ в 965 г., при кагане Иосифе, Святослав (Х-л-гу – “святой”) взял *только* один “град” хазар – Белую Вежу – Саркел (ПСРЛ, Т.1. Л.19).

Нам представляется не менее допустимым (с формально-логической, лингвистической и конкретно-исторической точек зрения) отождествлять С-м-край “письма еврея” с Саркелом, чем с Самкерцем (Тмутараканью), а тем более с северянами. До 963 г. в Византии правил сын Константина VII Роман II¹²⁴, для которого первый и писал свое наставление “Об управлении империей”. Он вполне мог натравить молодого Святослава, чей первый поход на владения Каганата (вятичей) состоялся еще в 964 г., на врага империи. Ответный ход Иосифа автор “письма” мог по инерции “нацелить” против только что умершего Романа II, тем более что после него десять лет правили узурпаторы. Детали (то, что противниками Святослава первоначально были болгары, а не византийцы) могли быть сознательно опущены автором письма, для которого были важны не они, а доказательство Божественного возмездия тому, кто посягнул на иудейское государство. Правда, Святослав пал не в Персии, а в стране печенегов, но важен сам факт неудачной войны и гибели. Противоречат этой версии многие детали – война ве-

лась “на море”, и короткий срок (4 месяца), использовался “огонь” (Коковцов, 1996. – С.615), что более подходит к походу Игоря 941 г.

Мы не являемся сторонниками последней (четвертой) версии, однако посчитали необходимым ее изложить, чтобы показать всю возможную широту диапазона трактовки не очень ясных данных иудео-хазарских источников по истории Руси.

Наиболее приемлемой представляется третий вариант объяснения событий, описанных в “Кембриджском документе”. Он объясняет и то, почему в письме Иосифа не только вятичи, но и ранее покоренные Олегом северяне¹²⁵ и даже, возможно, часть русов объявляются снова данниками хазар. Главное же, что эта версия проливает новый свет на политическое устройство “верхнего уровня” власти на Руси в первой половине – середине X в., в частности – множественность князей, обладавших каждый своей долей власти, войском, правом самостоятельной внешней политики.

Но “работают” эти источники либо во взаимодействии с также скудными и подвергаемыми сомнению сведениями ПВЛ, особенно договорами 907, 911, 944 гг. и их летописным “обрамлением” (термин А.Горского, 1997).

§ 5. Отечественные источники и их взаимоотношения с иностранными

Для наших задач существенным является установление на основе достижений современного источниковедения последовательности (относительной хронологии, а, если возможно, и абсолютной) включенных в летописный текст фрагментов, содержащих прямые или косвенные сведения о государственном устройстве Руси. Важно и выявление предполагаемых их источников, и характера (сказание – сага, дидактическая вставка, исторический экскурс, хронограф (погодные записи), прямое (переводное) заимствование (из хроники Амартола, например), юридический документ).

Оценки в этих планах различных списков ПВЛ, их соотношения с фрагментами Начального свода, сохранившимися в НПЛ, сведениями, содержащимися в более поздних летописных сводах, а также степени достоверности их известий до сих пор являются весьма разнообразными в зависимости от методики исследования и исторических взглядов авторов исследований. Тем не менее, можно вычленить довольно общепринятую последовательность включения тех или иных фрагментов в летописи.

Если разделить текст на условные блоки информации, то получаем “варяжскую легенду”, состоящую из 4-х примерно частей, в своей третьей части (“Аскольд и Дир”) стыкующейся с “полянской”, а также с византийскими (Фотий) и восточными (ал-Масуди) источниками.

Четвертая часть “варяжской легенды” вставлена в погодные записи, включая упоминание десятка “пустых” лет до событий 879 – 885 гг. и десятка – после. Эта часть легенды как бы обрамлена “снизу” и “сверху” заимствованиями из византийских и, возможно, болгарских источников, причем “снизу” они отделены от событий (отдельного сказания, по сути) “пустыми” годами (870 – 878 гг.), а “сверху” – наоборот, замыкаются упоминанием начала царствования Леона – Льва (887 г.). Последний факт оставляет свободу для маневра датами 70-х, но не 80-х гг. IX в. Удревнение действий Олега, приведших к захвату им Киева, не противоречит и общей тенденции к сдвигу дат второй половины IX в. ближе к его середине, в частности, упомянутой в НПЛ (а значит, и в “Начальном своде”) дате призвания Рюрика – 856 г. Возможно, позднее, попытка связать эту хронологию с началом царствования Михаила III (852 г. вместо 842 г.) и привела к искажению даты в ПВЛ (862 г.). С учетом “Жития Св. Ангария” и сведений о деятельности Рюрика в Западной Балтике антиваряжское восстание можно отнести и 852 – 854 гг., приглашение же Рюрика – Рорика гипотетически либо к 854 г., либо к упомянутому НПЛ (т.е. Начальным сводом) 856 г. В 852 г. Рорик с датскими кораблями мог принять участие в рейде Амунда на Бирку, а затем – в “страну славян” (параллельно, примерно в эти же годы, совершают поход на куршей и в “Аустрвег” и шведские конунги (Ловмянский, 1963. – С.242; Джаксон, 1994. – С.152). Выпадает 855 г., когда конунги Олав и Эйрик пытаются подавить антишведское восстание в Аустрвеге, а Рорик (исторический) действует в Дании и Фрисландии (Ловмянский, 1963. – С.228). Затем с 857 по 867 г. Рорик фактически ежегодно “должен” присутствовать в Дании, Германии, Фрисландии, участвуя и в решении вопросов “имперского” уровня. Отсюда вполне объяснима особая роль его воеводы (по ННЛ) или родственника с неизвестным “титолом” (по ПВЛ) Олега. Окончательное закрепление Рюрика, точнее, его потомства в Гардах, возможно, связано с его изгнанием из Фрисландии в 867 г., а затем и разделом его лена по Мерсенскому договору. Отсюда вполне объяснимо и малолетство сына Рюрика Игоря, наследовавшего восточную часть владений первого.

Такого рода сопоставление источников разного происхождения, про-

веденное с целью уточнения хронологии первой и второй частей “варяжской легенды”, ставящее, в том числе, на свое хронологическое место и поход Аскольда и Дира на Царьград именно в 860 г. (через 4 или 6 лет после восняжения Рюрика в Ладоге), имеет смысл лишь при изначальном допущении реальной основы “легенды” и историзма Рюрика. Впрочем, наличие этих последних в составе еще “Начального свода” (Шахматов, 1908. – С.308, 312, 314; 1904. – С.352-353; Лихачев, 1947. – С.93; Творогов, 1981. – С.32, например), что ясно из хронологии НПЛ, снимает возможность политических аргументов о ее включении в ПВЛ при новгородском князе Мстиславе Великом (по гипотезе Б.А.Рыбакова, 1963. – С.285).

Не исключением, а достаточно широко распространенным обычаем почти на всех континентах являлось приглашение иноземных правителей на этапах перехода от вождеств к ранним государствам либо при изменении территориальной и политической структуры (формы) уже сложившейся государственности. Иногда местные династии в моменты конфликтов, от исхода которых зависели дальнейшие судьбы стран, их пути развития, настолько противопоставляли себя “народу” (включая старую знать), что вынуждены были обращаться за морально-политической, а то и военной поддержкой к соседним, даже этнополитически враждебным, государствам (ободритские князья, знать Карантании, Прибыслав-Генрих Стодоранский, Венгрия при Гезе и Иштване I). Более территориально далекие, но типологически схожие примеры, где “приглашение” зачастую неотделимо от “навязывания”, дают страны “Черной Африки” с ее экспортом правителей. Что же касается конкретно-исторического контекста, то для условий Северной Европы эпохи викингов основным поставщиком такого рода правителей являлась Скандинавия.

“...В контексте международных отношений “эпохи викингов” изгнание и последующее призвание варягов – кажущаяся проблема: правители “разных стран призывали норманнов и заключали с ними соглашения о том, чтобы они защищали свои земли от своих же соотечественников” (Петрухин, 1995. – С.118). В тех случаях, когда эти правители появлялись не в качестве ленников уже давно созданных ранних государств (Франкской империи и ее наследников), а принимали участие как один из факторов в создании или трансформации ранней государственности, они не могли не привнести в этот процесс свою лепту. В данном случае это могли быть такие черты Североевропейской модели, как “юридизм” (источник права – народ), защищенность прав

личности и ее имущества даже перед лицом правителей, долгое время выступавших как субъекты частного, а не публичного права. Наряду с этим – юридически предусмотренная возможность на *практике* решать спорные вопросы с помощью силы или богатства. Сыграли свою роль (впрочем, отчасти в плане преодоления их на славянской почве) такие черты Североевропейской модели переходного периода, как отсутствие непроходимой грани между династией и остальной знатью (как по происхождению, так и по богатству), религиозный конформизм и этнополитический космополитизм. Нельзя не отметить и особую роль международной, в том числе посреднической, торговли, наличие навыков и кораблей для дальних морских плаваний. Последние факторы единодушно подчеркивают для русов восточные, для росов – византийские источники, да и сама ПВЛ.

Доказательством достоверности ядра легенды В.Я.Петрухин (вслед за Н.Н.Топоровым (1989), В.В.Колесовым (1989) и Е.А.Рыдзевской (1973)) считает то, что ее терминология (“творить ряд”, “ряды рядити”) “принадлежит древнему пласту русского и славянского (вероятно, праславянского) права (1995. – С.123). Второе доказательство – “лексические параллели с договорами руси и греков” (Там же).

Так же считает, что договор Рюрика с племенами, причем *письменный*, был, и Н.Н.Гринев, но он связывает его скорее со скандинавской правовой практикой (написан старшими рунами на древнешведском языке) (1989. – С.41). Отсюда ошибка переводчика и редактора 90-х гг. XI в., результатом которой стало появление братьев Рюрика – Тувора и Синеуса (Там же. – С.41-42)¹²⁶.

На первый взгляд, обе точки зрения дополняют друг друга, противоречали лишь в деталях: Петрухин считает “Трувора” и “Синеуса” личными именами князей, а не транскрипциями шведских слов “верная дружина” и “свой дом” (1995. – С.125).

Однако, по сути, вопрос в другом: относился ли Новгород и вообще Северо-Запад Руси к сфере влияния скандинавских либо славянских правовых традиций? Если же взять еще более широко: какое направление развития означал сам факт заключения ряда, включая и его формулы, – к Североевропейской или Среднеевропейской (славянской основе) моделям ранней государственности? Дальнейшая история Новгородской государственности и ее внутри- и внешнеполитических актов свидетельствует, скорее, в пользу первого решения. Впрочем, само наличие оформленного

“ряда”, а тем более письменного договора, остается пока гипотезой, хотя саму “легенду” нет достаточных оснований считать записанным народным преданием, а тем более – вымыслом летописца.

Второй блок, содержащий прямые, в том числе юридической точности сведения о политическом устройстве “варварского государства” на Руси, связан с походом Олега на Царьград и заключенным договором.

В него входят абсолютно легендарного характера эпизоды, своеобразные “живые картинки” или сказания-саги (корабли на колесах и смерть от черепа коня); два договора: летописная преамбула и послесловие к ним (“обрамление”, по терминологии А.А.Горского). Все это перемежается сообщениями, взятыми из “Продолжателя Феофана”, хроники Логофета, дополнений к “Летописцу вкратце” или болгарских источников. Подробное перечисление *возможных* восточно-христианских протографов некоторых “переводных” статей этого блока (887, 898 (о славянской грамоте), 902, 911) показывает сложный, компилятивно-литературного происхождения состав этого второго после “варяжской легенды” блока сведений. Абсолютно особняком, как будто взятое из иного повествования, стоит сообщение 803 о женитьбе Игоря на Ольге (по Ипатьевскому), Олене (Лаврентьевскому и Радзивилловскому) спискам ПВЛ.

Главными проблемами, которые, по мнению многих исследователей, делают все княжение Олега или часть сведений о нем в ПВЛ недостоверными, являются хронология, отсутствие данных в иностранных источниках (кроме походов на Каспий, как раз в ПВЛ и не упомянутых), и сам характер сообщений (явно легендарный некоторых). Это, в частности, скомпилированный из разных частей текста летописи (по мнению А.Г. Кузьмина) состав войска князя Олега в 907 г., калькирование договором 912 г. статьей документа 945 г.¹²⁷, завышенный размер дани и т.д.

Определенную роль играют и расхождения ПВЛ с фрагментами, особенно хронологией “Начального свода”, сохранившимися в НПЛ, и, на первый взгляд, более им соответствующими сведениями о Х-л-гу из “Письма еврея”.

Хронология. Если следовать летописной биографии Игоря, Ольги и Святослава, то к моменту рождения последнего первым было соответственно свыше 60 (что допустимо для мужчины) и около 50 (что невозможно для женщины) лет. Кроме того, по летописному преданию, княгиня Ольга во время визита в Константинополь произвела неотразимое впечатление (как женщина) на василевса, будучи в 60-летнем возрасте! Даже

если принять дату первого визита Ольги в Царьград по Г.Г. Литаврину (946 г.), то и здесь разница в годах явно престарелой княгини не столь уж велика, особенно, если и принять во внимание византийскую традицию жениться на достаточно “зрелых” императрицах-вдовах для сохранения преемственности власти, особенно распространённой во второй половине X – середине XI вв. (Феофано, Зоя). Возможно, играл роль и “шарм власти”. С другой стороны, известны примеры “долгожительства” как женщин именно русских княгинь XI в. – Елизаветы и Анны Ярославны, сменивших каждая двух коронованных мужей. Впрочем, искать объяснение “привлекательности” Ольги для пусть и престарелого императора Константина вряд ли необходимо, т.к. сам эпизод носит явно тенденциозно-легендарный характер, являясь частью “сказания”, по сути – жития. А вот вопрос о рождении наследника, причем одного (братьев у Святослава, во всяком случае после 945 г.¹²⁸, не было) – более принципиален.

Учитывая допустимость и даже обязательность для царей русов многоженства (по восточным источникам “первой традиции” и особенно – Ибн Фадлану, не говоря уже о более поздних сообщениях летописи о Владимире Святославиче), эта триада: Игорь – Ольга – Святослав выглядит достаточно странно.

Принимая во внимание взаимосвязанность, достоверность (без некоторых легендарных деталей), хронологическую “плотность” событий 40-х, возможно – середины 50-х гг. X в., связанных с блоком сведений Игорь – Ольга – Святослав, возможны следующие решения:

1. В 903 г. Игорь женился не на Ольге, и детей от этого брака, скажем, не было. Эта версия отпадает, т.к. в более ранних редакциях ПВЛ, сохранившихся в Лаврентьевской и Радзивилловской летописях, Ольга названа своим более поздним христианским именем – Елена (Олена) (ПСРЛ. Т.1. Л.14 об.; Т.38. Л.14 об.), что исключает возможность разночтений.

2. Речь идет о разных Игорях: один, как при желании можно понять из НПЛ, прожил до начала 20-х гг. X в. и к Ольге – Елене отношения не имеет, а второй – герой событий 40-х гг. X в. Эта версия требует слишком много допущений.

3. Остается третий и самый простой вариант объяснения: Игорь женился на Ольге – Елене не в 903 г., а гораздо позже, возможно, после смерти Олега, и, вероятно, не первым браком. Исключение из летописи остальных жен и наложниц может объясняться как лакуной в источниках, так и дидактической направленностью “Сказания о княгине Ольге”.

Возможны и иные варианты объяснения – но не даты женитьбы, а именно странных для князя-язычника матримониальных отношений. Что же касается одной *изолированной*, как показано ранее, от контекста летописи даты, явно (судя по имени Олена) вставленной *после* создания “Сказания”, то ее незнание автором ПВЛ или искажение редакторами и переписчиками вряд ли может вызвать удивление. Как раз ошибка в датах – это та погрешность, в которой летописец был реально “уличен”.

Второй, и гораздо более существенный факт, от которого нельзя просто отмахнуться – отсутствие любого упоминания как похода Олега на Царьград, так и всего его княжения в достаточно многочисленных и разнообразных византийских источниках и даже у Илариона¹²⁹, который не должен был бы опустить столь важную для возвеличивания Русской земли фигуру.

Это тем более странно, ведь о походе 860 г. упоминается в 14 (!) произведениях византийских авторов, минимум в двух версиях, в пользу заключения договора с Русью свидетельствуют четверо из них. Кроме того, о тех же событиях сохранились данные в письме их современника – папы Николая I и (очень подробные) – у капеллана венецианского дожа XI в. Иоанна Диакона (Сахаров, 1980. – С.51).

В этой связи уже говорилось о теории, связывающей мифический поход и реальный договор, якобы лишь приписываемый (Franklin, Shepard, 1996) Олегу, с именами Аскольда и Дира (Брайчевский). Другая гипотеза – поход 907 г. и договор 911 г. – реальности, а вот “договор” 907 г. – результат текстологической случайности (Приселков, Шахматов, Оболенский, Горский). Третья – весь блок сведений, связанный с походом Олега, – вымысел летописца (зарубежные византинисты 30–40-х гг. XX в.), соединившего отчасти данные сказаний-саг, описания похода Аскольда и Дира (и отчасти – договора 907 г.) и текст договора 944 г. Достаточно влиятельным, впрочем, является и доверительный подход к летописным известиям, существовавший при Татищеве, Погодине и Соловьеве. В соответствии с ним имели место и самостоятельное значение все упомянутые ПВЛ походы и договоры руси с греками. Относительно рассматриваемого блока сведений события 907 г. и “свещание”, тогда произошедшее, рассматриваются как предварительное соглашение к договору 911 г. или даже как отдельный документ (Эверс, Ламбин, Срезневский, Самоквасов, Истрин, Пашуто, Сахаров, Литаврин)¹³⁰.

Частичный контент-анализ данных отрывков в сопоставлении с окру-

жающим летописным контекстом позволил нам прийти к следующим предварительным заключениям.

Текст летописного сообщения 907 г. явно распадается на несколько логично продолжающих друг друга, но разных по стилю, характеру и предполагаемым источникам частей, фактически одинаковых в Лаврентьевском, Ипатьевском и Радзивилловском списках ПВЛ. В начале идет стилевое подражание хроникам, но с реальным содержанием (перечень племен – участников похода), взятым из разных частей “Начальной летописи”, “варяжской легенды”, космографического введения и “Сказания о начале славянской письменности”. В.Я.Петрухин выделяет 3 группы племен (“русь”, члены “северной конфедерации”, южные племена во главе с полянами) (1995. – С.135-137). А.Г.Кузьмин считает, что в список “попали и племена, явно не подчиненные Олегу” (1977. – С.329), что вполне вероятно, но не обязательно говорит об их неучастии в походе последнего. От начала статьи и до листа 15 явно единая смысловая синтагма, по стилю подражающая предыдущей переводной статье (902 г.). Фразы же, описывающие зверства русских, живо напоминают описание Фотием похода 860 г. и могли либо быть прямо заимствованы, либо подражают ему (или “Продолжателю Георгия Амартола” (Истрин, 1920; Шахматов, 1940)).

Далее весь 15 лист Лаврентьевской летописи содержит фрагмент легенды-саги о Вещем Олеге. На следующем листе со слов “Олег же мало отступи от града...” снова возобновляется жанр развернутой записи. Эта синтагма продолжается почти два листа без разрыва, содержит условия установленного мира (точнее, краткое изложение наиболее существенных из них, с точки зрения летописца) и логично заканчивается словами “и утвердили мир”. После них идет продолжение “легенды”, содержащее сказание о парусах, щите на воротах и завершающееся осуждением язычников, считавших Олега “вещим” (ПСРЛ. Т.1. Л.16 об.).

При таком решении вопроса о соотношении двух частей текста с разными стилями (жанрами) повествования снимается и противоречие, заключающееся в двух упоминаниях дани. В “легенде” говорится о 12 гривнах на человека, по 40 человек в 2 000 кораблей. В “записи” же упоминается о 12 гривнах “на ключ” (уключина, руль?) – т.е. о более реальном ее размере. Дважды, но в разном контексте (в связи с выплатой укладов на грады и “великих князей под Ольгом суще” и получения гостями из конкретных градов “месячинного”), повествуется о градах Руси как части ее

социально-политической структуры. Последнее особенно важно: эти уникальные сведения содержатся не в “легендарной”, а “повествовательной”, частично заимствованной из греческого (или болгарского?) источника, — синтагме данной части текста. В ней один из “царей” назван (дважды) на греческий манер Леоном, без перевода, а из юридических формул присутствуют лишь византийско-болгарские (“творити”, “утвердити мир”, но не упоминаются славянские “положити ряд”. В “повествовательном” тексте отсутствует концовка, связанная с “послесловием”. Ее, судя по имени “Леон”, можно видеть в статье 912 г. (по ЛЛ) на второй половине Л.18 об. со слов: “Царь же Леон почти послы Руские дарами...” и до слов “...и тако отпусти я во свою землю с честью великой”.

В то же время сразу после этого абзаца на границе Л.18 об. и 19 идет логичное в смысловом и текстологическом плане завершение начала статьи 912 г. “Посла Олег мужи свои построити мира и *положити ряд* (ряды — в ИЛ) межи Русью и Греки...” — “...Посланные Ольгом послы (слы — в ИЛ) приидоша к Ольгови и поведаша все речи обоих царей о том, как сотворили мир и уряд *положиша* между Грецкою землею и Рускою” (ПСРЛ. Т.1. Л.16об., 18об. — 19)¹³¹.

Далее по тексту идет продолжение “легендарной” части статьи 907 г. о коне, отосланном от хозяина перед его походом на Царьград. В этой линии текста под 912 г. (907 + 5) нет места никаким переговорам с греками, говорится только об обстоятельствах смерти князя, имевшихся в несколько ином варианте и в Начальной летописи (по НПЛ).

Стиль пространных погодных записей, тесно взаимодействующих с переводными сведениями из сферы болгаро-византийских отношений, продолжает через фрагмент статьи 912 г. “повествовательную” часть статьи 907 г. Характерно, например, упоминание имени “Леон”, а не Лев, как в договорах 912 и 944 гг. Это касается всех погодных записей (и кратких, и пространных) вплоть до 941 г. (913, 914, 916, 920, 929, 934 гг.). В блоке 907 — 912 гг. есть и жанр дидактического комментария к легенде, в какой-то степени оправдывающего волхования и чародейство на основе примеров из римской и Священной истории.

Основное же ядро статьи 912 г. явно выбивается и из “повествовательной”, и “легендарной” линий как по стилю (жанру), так и по некоторым деталям лексики. Так, например, здесь упоминаются наряду с “греческими” уже термины и славянского права — “положити ряд”, вместо

имени “Леон” употребляется переводное “Лев” и др. Последнее, даже если не рассматривать суть и форму, вплоть до деталей, отдельных статей, отделяет текст договора 912 г. в изложении ПВЛ от формул “свещения”, “построения мира” 907 г. и объединяет его с “харатьями” 944/945 гг.

Учитывая все вышесказанное, мы считаем все события, описанные в “повествовательной” части статьи 907 г. и отчасти 912 г. за реальность, текст договора, преамбулу и послесловие к нему – за творческую работу Нестора (?), переработавшего текст 944/945 гг. (который, возможно, он и перевел с греческого, используя уже имя “Лев” вместо “Леон” более ранних записей)¹³². Отсюда и схожие формулы преамбулы – “равно друго свещения (переговоров, процесса “построения мира” и “положения ряда” –?) бывшаго при...” Последнее косвенно свидетельствует о том, что создатель статьи 912 г. считал переговоры 907 г. фактом, причем известным достаточно широкому кругу лиц. Сама эта фраза, апеллировавшая к уже известному (летописцам, по крайней мере)¹³³ “свещанию”, должна была как бы подтвердить легитимность и перекинуть мостик к вводимому в текст летописи договору 912 г. Но если в преамбуле к статье этого года отсылка на “тех же царей Льва и Александра” звучит естественно (они правили в 907 г., и их имена (для Льва – в иной транскрипции) имеются в статье этого года), то для 944 г. автор вставки договора в текст летописи допустил явную оплошность. Он утверждает, что “свещание”, послужившее образцом договору 944 г., происходило при Романе, Константине и Стефане¹³⁴. На уровне приближения к гипотезе допустимо предположить, что Нестор (?) удачно изобрел связующую события 907 и 912 гг. фразу, предшествующую собственно тексту договора 912 г. Затем, для придания большего сходства “летописного обрамления” обоим договорам, он вставляет ее между летописным введением и текстом договора 944 г., не обратив, возможно, внимания, что в данном контексте она уже не соответствует истине. Кроме того, фраза “равно другого свещения...” в первом (912 г.) случае прямо вложена в уста Олега (или его послов: “Посла мужи свои Олег построити мира и положити ряд между Русью и Греки. И посла глаголя: “Равно другого свещения...” и т.д. (ПСРЛ. Т.2. Л.13). В 944 г. та же фраза приводится лишь косвенно и может расцениваться как прямая речь, причем неизвестно чья (Романа, одного из его уполномоченных сановников, или кого-то из русских послов). “Присла Роман и Константин и Стефан слы к Игореву... Роман же (после прибытия мужей Игоря) созва бояре и сановники, при-

ведоша Русские слы и велеша глаголатя и писати обоих речи на харатью” и далее – “Равно...” и т.д.

Что касается именника послов, то, по-видимому, не перечень 907 г. является сокращением списка 912 г., а последний – продуманной компиляцией данных 907 и 944 гг. Из 14 имен списка послов 912 г. 5 целиком (за исключением допустимого расхождения Веремуд – Вельмуд) совпадают с полным перечнем 907 г., а 6 контаминируют с преамбулой договора 944 г., лишь 3 – абсолютно оригинальны (№ 9 – Фрелав, № 11 – Актеву и № 12 – Труан (см. таблицу). В ней дается три написания одного имени: по Лаврентьевскому, Радзивилловскому и Ипатьевскому спискам ПВЛ последовательно; цифры в скобках в 3-й колонке (944 г.) соответствуют порядковому номеру посла и князя в списке.

907 г.	912 г.	944 г.
1. Карл Карл Карл	1. Карлы Карлы Карлы	
	2. Инегелд Инегелд Инегелд	Игелд (15 от “купец”) Ингелд Ингелд
2. Фарлоф Фарлоф Фарлоф	3. Фарлоф Фарлоф Фарлоф	
3. Вельм”д Вельмуд Велмуд	4. Веремуд Веремуд Веремуд	
4. Рулав Рулав Рулав	5. Рулав Рулав Рулав	
	6. Гуды Гуды Гуды	Гудов (или 23 22 среди князей?), Алвад Гудов; Гудов, Сфирка; Алвад Гудов (23); Гудов, Сфирка, Алвад Гудов;

7. Руад	Роалд (12 от купцов), Руалд (18 от купцов); Алд (Роалд), Руалд; Роалд (12), Руалд (21);
Руалд	
Руалд	
8. Карн	Кары (посол 12-го князя – “Тудков”); Кары Студеков; Кары Тудков;
Карн	
Карн	
9. Фрелав	
Фрелав	
Фрелав	
10. Руал (Руар)	Руалд (18 от купцов); Руалд (21 от купцов); (см. №7 – Руалд, Руад, Руалд, Руалд
Руал (Руар)	
Рюар	
11. Труан	
Труан	
12. Актеву	
Актеву	
Актеву	
13. Лиду Фост	Либиар Фастов (8 посол и князь); Иабар Фастов (9 посол с князем); Либи Арьфастов (Арфостов)
Лидул, Фост	
Лидульфост	
5. Стемид	14. Стемид
Стемид	Стемид
	Стемир (9)

Правда, в случае с 944 г. явственно видны следы творческой выборки и переработки либо русского перевода, либо даже греческого оригинала (раздельно для статей 944 и 911 г.). Отсюда большее, чем в случае с 907 г., где, вероятно, имела место прямая переписка с более раннего или иностранного источника, расхождение в написании некоторых имен. Оно, однако, не больше, чем между Лаврентьевским, Ипатьевским, Радзивиллов-

ским вариантами ПВЛ (Либиар Фастов, Либи Арьфастов (Арьфостов), Иабар Фастов). Данный факт может быть как результатом ошибки переписчиков, так и свидетельством самостоятельного обращения авторов разных редакций ПВЛ к одному и тому же источнику¹³⁵.

Это особенно видно в трактовке для статьи 911 г. последней пары имен, в которой первое (по теории Назаренко – Платоновой) означает посла, второе – князя. В ЛЛ оно звучит наиболее приближенно по смыслу к прототипу – “Лиду Фост”, являясь двусоставным наименованием одного человека, в ИЛ слилось, образуя антропоним “Лилульфост”, а в РЛ наоборот, разделилось на два – “Лидул, Фост”.

Принцип избирательности не совсем ясен: имена взяты (?) достаточно равномерно из всего перечня 944 г. Это полная пара “посол – князь”, стоящая на 9-м месте (уже упомянутые Либиар Фастов), посол “князя” Тудка – Кары (Кар) на 12-м месте и “князь” Туды, пара которого помещается на 22-м или 23-м месте. Добавлены также три имени, стоявшие на 12-м, 15-м и 18-м местах в списке “купцов”. Таким образом, возможно, перед нами попытка более-менее адекватно перенести социальный состав посольства 944 г. на 912 г.

Оперировать дальше с “магическими” цифрами состава послов 912 г. (3 “современных” и 5 “старых” + 6 (3 + 3) или 7 “будущих” (с учетом двойного “Лиду Фоста”) мы не будем. Но тем не менее антропонимия договоров не может не оставить определенные обоснования искусственности того из них, который в ПВЛ помещен под 912 г.¹³⁶

О противоречии с легендой об Олеге, в которой под этим годом нет никаких намеков на переговоры с греками, уже упоминалось.

Кроме того, отмечается тот факт, что *вслед* за договорами с Византией следуют походы русов на Восток (Новосельцев, 1997. – С.57, например). Действительно, после похода 860 г. и мира 867 (?) следует, по Ибн Исфендийару, экспедиция 864 – 884 гг. на Абаскун (Коновалова, 1997. – С.24).

Возможно, следствием неудачного предприятия Игоря против Византии в 941 г. стал рейд на Бердаа в 943 г. При Олеге поход или походы на Каспий датируются от 909 по 913 гг.

По мнению Т.М.Калининой и А.П.Новосельцева, был один поход 909/910-912 г., направленный в помощь союзной Византии Армении против мусульман в целом (1997). И.Г.Коновалова считает, что поход был один, но в 912-913 гг. (по ал-Масуди) и совершался в интересах и по договорен-

ности с Хазарией прежде всего (1997). Л.Н.Гумилев солидарен в последнем с точкой зрения, высказанной уже после публикации его работы Коноваловой, но полагает, что походов было 2 (909/910 и 913 г.) (1996. – С.242), разделяя данные Ибн Исфендийара и ал-Масуди. Разногласия в оценке хазаро-мусульманских взаимоотношений у вышеупомянутых авторов нас в этом случае не интересуют, знаменателен сам факт действия русов во всех трех (или четырех) случаях в интересах Византии, во всяком случае, *объективно*.

Важно то, что лишь по единственной из версий (Коноваловой и отчасти – Гумилева) лишь *один* из этих походов мог гипотетически состояться после возможного договора 912 г. В то же время версии о “свещании” и “построении мира” в 907 г. не противоречит ни один из вариантов датировки походов русов на Каспий при князе Олеге¹³⁷.

Таким образом, на уровне гипотезы можно высказать предположение о литературно-компилятивном происхождении статьи 912 г., исключая ее “легендарные” (о смерти Олега от коня) и “повествовательные” (ознакомление русских послов царем (“Леоном”, как в ст. 907 г.) со святынями Константинополя).

Поскольку самые сумбурные сведения содержатся не в них, а в преамбуле к договору, то переносить фразу о “светлых и великих князьях и боярах”, “иже суть под рукою его сущих Руси” (ПСРЛ. Т.1. Л.16 об., 17) на политические реалии Руси начала X в. следует с большей осторожностью, чем сообщения статьи 907 о градах, где “сидят великие князи под Ольгом суще” (ПСРЛ. Т.1. Л.15об.). Договор же 944 г. содержит сведения о территориально-политическом устройстве “варварского” двухуровневого государства не периода его расцвета и стабильности, а кризиса и предстоящей трансформации, т.е. иной фазы того же (переходного) этапа государствообразования.

Соответствует этому положению на Руси как раз фраза преамбулы к договору 944 г., отражающая не столько стройную иерархию князей¹³⁸, сколько их совместное участие в управлении Русью и в получении своей доли доходов от всех предприятий – “от всея княжъя” (ПСРЛ. Т.2. Л.11об.), в *целом* стоящего на ступень ниже *одного* великого князя, но выше “всех людии Руския земли” и его (князя) “бояр” (Там же). Интересно также совпадение одной важной детали в договорах 907 и 944 г., отсутствующей в статье 912 г. Это – перечисление русских градов (Киева, Чернигова, Пере-

яславля и др.), купцы которых имеют право на получение месячного содержания, а по соглашению 907 г. – и беспошлинной торговли (ПСРЛ. Т.2. Л.16). Худшие для Руси условия торговли по “ряду” 944 г. вполне логично вытекают из обстоятельств ее “положения” после 941 г. Последнее обстоятельство лишний раз свидетельствует о самостоятельном происхождении, оригинальности текстов именно 907 и 944 гг.

Однако именно список основных городов, составляющих правящую “триаду” в “Русской земле” с 1054 г. до начала XII в., наряду с фактом умолчания в византийских источниках как о событиях 907, так и 912 г., снова возвращает нас к сомнению либо в реальности описанных под этими годами событий, либо в их датах.

И здесь уже сделать более ничего нельзя, разве что выдвинуть очередную гипотезу, объясняющую *появление* их в летописи.

Вероятно, существовало *две* попытки реконструкции событий и дат правления Олега. Цель обеих – закрыть хронологическую лакуну в несколько десятилетий, недопустимую для летописей-хроник, связать конец варяжской легенды, включая поход на Царьград, отраженный в византийских источниках, с концом правления Игоря, также в них достаточно освещенным. Таким образом, решались две задачи – восстанавливалась преемственность внутри династии и находило свою хронологическую привязку бытовавшее на Руси (или привезенное из Болгарии в середине XI в. (?) – у Илариона его следов нет) сказание о Вещем Олеге.

Первая попытка, вероятно, могла исходить из имевшихся еще в распоряжении автора Начального свода большей части варяжской легенды, византийских данных о походе 860/866 гг., киевского сказания о Кие (еще не связанных между собой), каких-то погодных записей (если существовал “Хронограф по великому изложению”) и самого “Сказания о Вещем Олеге”.

В этом случае вопрос решался “снизу” в хронологическом плане. Если существовал поход и мир с греками где-то во второй половине IX в. (т.е. в конце 6360 – начале 6370-х гг. от сотворения мира), то он был, судя по противоречивым византийским источникам, *возможно*, известным на Руси – либо при Михаиле III и Фотии, либо при Василии I и Игнатии. Отсюда как бы “промежуточная” дата похода в летописи – 866 г., но зато подробное его описание. Крещение Руси в это время, если и известное летописцу, могло быть убрано из соображений противоречий со сказаниями об

Ольге и крещении Руси при Владимире и принижении в этом случае роли последних.

Но суть не в этом, а в том, что именно эта дата могла послужить исходным моментом для вычислений автора Начального свода. Если ему было известно, что *после* этого похода, состоявшегося при Михаиле III (а этим фактом он располагал достоверно), был, но уже при Василии I, заключен мир, то, с учетом возможного сдвига в датах летописи (ошибка в определении начала царствования Михаила), дата заключения Василием предполагаемого мира с Русью могла отодвигаться на середину 70-х гг. IX в. Допускается также то, что он мог знать о том, что “в византийской дипломатической практике “вечный мир” заключался на 30 лет” (Петрухин, 1995. – С.132).

В этом случае поход, в описании которого отразилось как “Сказание о Вещем Олеге”, так и реалии из византийских источников, повествовавших о зверствах русов во время более ранних их нападений на Константинополь, мог быть вполне логично отнесен к началу X в., и дата “907” здесь ничем не хуже других. Объективная натяжка здесь – сам текст договора, в сказание не входивший. Возможно, он действительно был приписан Олегу, но вряд ли сочинен летописцем. Учитывая исключительно благоприятные для Руси его условия, он также не мог быть следствием событий 941 – 944 гг., тем более что текст последнего договора, скорее всего, был неизвестен автору Начального свода.

Остается два варианта: либо действительно прав М.Брайчевский, либо все же состоялся еще один поход *других* русов, возможно, во главе не с киевским, а новгородским князем (или еще воеводой Рюрика) Олегом, но в правление Василия. Именно он отражен во второй версии византийских источников (Константина VII). С учетом же дальнейшего соотношения летописных дат правлений Аскольда и Дира, с одной стороны, и Олега – с другой, и поход, и договор были “перенесены” на время правления “Леона и Александра”. Возможно, впрочем, и случайность: как бы “витающий в воздухе”, без даты, имени “царей” и князя документ, точнее, его часть, был связан с эпизодами “Сказания” и привязан к конкретным именам и дате (907 г.). Однако связь его с русскими реалиями последней трети IX – начала X вв. вполне возможна.

Вторая попытка “локализовать” Олега во времени могла иметь место лишь после введения в научный оборот текста договора 944 г. и составления на основе византийской (правда, с ошибкой в 10 лет) хронологии списка

князей. Характерно, что в нем отсутствует Рюрик, Аскольд и Дир. В связи с этим его автор мог реконструировать события времен Олега как бы “сверху”, от 941-945 гг. В ней главными являются три момента: хронологическое расстояние от даты воскняжения Олега (по списку и, возможно, “варяжской легенде”) совпадение года заключения престижного мира с Империей, как кульминации деятельности князя, и года смерти Игоря; разрыв в 4 года между походом (941) и заключением мира (944/945).

Общая длительность правлений Олега и Игоря (с 879 по 945 г., оба года включительно) – 67 лет. Эту цифру, при отсутствии зафиксированной даты смерти Олега и воскняжения Игоря, логично было просто поделить пополам и получить по 33 с небольшим года. Поскольку год смерти князя совпадает (или чуть запаздывает) со временем установления мира с Византией, последняя дата (912 г.) почти получалась, если от 945 г. отнять традиционные три десятилетия (точнее, 33 года) (или, по общепринятым датировкам договоров – 944 и 911 гг.), что дает тот же результат). И, наконец, если исходить из ранее установленной даты похода – 907 г., то, добавив и ней 4 года “разрыва” между походом и договором 941-945 гг., получаем также одну из искомым цифр – 911 г. Естественно, гипотетические “операции” проходили с датами “от сотворения мира”, но сути дела это не меняет, т.к. длительность года (“лета”) в обеих календарных системах (византийской и юлианской) одинакова.

После установления дат все скрывающиеся за ними события по мере возможности были отредактированы для большего приведения их в соответствие друг с другом и общей концепцией автора ПВЛ, однако разнообразие жанров (стилей), составляющих отдельные части текста и их возможных источников, а также отдельные шероховатости стыковки устранить не удалось.

Однако сомнительными являются все же даты договоров (точнее, *одного* договора) времен Олега, но не сам факт их (его) существования. Об этом однозначно свидетельствует Лев Диакон устами послов Иоанна Цимисхия к Святославу: “(мы) не должны сами разрушать *доставшийся* нам от *отцов* (т.е. вряд ли речь может идти о договоре времен Аскольда и Дира – тогда правили “деды”) неоскверненным и благодаря споспоществованию Бога неколебимый мир” (Лев Диакон, 1988. – С.56-67). Об этом же косвенно говорит и обвинение Игоря в нарушении “клятвенного договора” (Там же. – С.57). Учитывая срок действия договоров – 30 лет, речь

может идти самое давнее о 912 г.¹³⁹, а возможно, и о более поздней дате. Сам контекст данного раздела “Истории” Льва Диакона, впрочем, не позволяет категорично утверждать, что речь идет именно о походе и договоре Олега (Сюзюмов, Иванов, 1988. – С.200).

Что касается третьего блока сведений ПВЛ, связанного с деятельностью Игоря, особенно в 40-е гг. X в., то безусловная историчность этого князя подтверждается как Иларионом, так и византийскими источниками. Проблема лишь в датировке его “несчастливого” похода в НПЛ 920 годом и иной характеристике личности Игоря, а также контаминации данных ПВЛ и византийских авторов (“Продолжателя Феофана”, Льва Диакона и др.) со сведениями “Кембриджского документа” (“Письма еврея”) и Ибн Мискавейха. Но, поскольку наша версия соотношения реалий, описанных в этих произведениях, не касается ни датировки, ни степени достоверности статей ПВЛ 941-946 гг. (для последнего нет никаких поводов в источнике и прецедентов в историографии), она и не рассматривается в обзоре источников.

§ 6. Реалии второй половины X – начала XI вв.:

ВОЗМОЖНЫЕ ИСТОКИ ОПИСАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ

Период (фаза) становления ранней государственности на Руси (эпоха от Ольги¹⁴⁰ до Ярослава) вряд ли страдает недостатком письменных источников и недостаточной степенью информированности их авторов (исключение – правление Ярополка). Однако сравнение последних со сведениями византийских современников русских событий этого времени (а более того – с подозрительным отсутствием таковых о крещении Руси, например), во многом мифологизированными, но во многом и достоверными данными “Саг” об Олаве Трюгвасоне и Олаве Святом и (особенно) – польской историографией (Галлом Анонимом, в первую очередь) заставляет сомневаться если не в достоверности, то полной адекватности и однозначности материалов ПВЛ об этом периоде древнерусского политогенеза.

Истоки искажений и приукрашиваний, более контрастных оценок, скорее всего, имеют уже не информационный, а литературно-политический, полемический и идеолого-концептуальный подтекст и являются частью идеологических механизмов институционализации власти и обеспечения

ее права на существование. В данной связи предлагаем свой вариант поисков этих истоков и объяснения причин их появления, отнюдь не претендуя на его хоть в какой-то мере категоричность и окончательность.

Однако и обойти полностью своим вниманием один из важнейших с момента появления письменности и государственной религии механизмов становления государственности на Руси, мы также не посчитали себя вправе.

Иларион

В связи с характером задач и элементарной хронологической последовательностью создания памятников, рассмотрим вначале тот из них, который принадлежит перу первого из зафиксированных авторов христианской политической концепции Древней Руси.

В “Слове” Илариона явственно ощущается влияние не столько византийско-православной, сколько феодально-католической государственной доктрины. Это и обоснование легитимности власти Владимира “благородством” происхождения, прямой линии родства с отцом (“Славным Святославом”) и дедом (“Старым Игорем”). Характерно (хотя и не обязательно неслучайно) умолчание о боковых линиях – братьях и т.д., и даже о знаменитом (предположительно к середине XI в.) князе Олеге Вещем, не предке Владимира. К феодально-иерархической шкале достоинств государя относятся его воинственность (“храборство”)¹⁴¹, “мужество” (Хрестоматия, 1990. – С.206). К исконно славянским обязанностям государя, в данном случае совпадающими с византийским “идеалом”, – можно причислить его заботу о “правде” (законе)¹⁴².

Чаще в идеологических обоснованиях власти в чиновничье-бюрократических (и стадильно более ранних “земледельческих” городах-государствах и мегаобщинах) государствах встречается упоминание о власти над “четырьмя концами земли”, хотя совпадение может быть и случайным (употреблены глаголы “ведома и слышима есть”) (Там же). Влияние болгарской политической терминологии можно усмотреть в употреблении термина “боярин” (Там же. – С.207) (если только это не поздняя замена), а также в сочетании тюркского титула “каган”¹⁴³ со славянскими (Владимир) (Там же. – С.206) и греко-православными (Георгий) (Там же. – С.212) именами. При создании “дружинного государства” в Среднеевропейской модели и чиновничье-бюрократического государства (раннего этапа), образованного посредством объединения нескольких земледель-

ческих протогородов-государств или “мегаобщин” используется такой идеологический мотив легенд обоснования власти, как построение *нового* столичного города или его “укрепление” монументальными зданиями (Там же. – С.210).

Термин “каган”, при отсутствии сравнения Киева как цветущего центра растущего христианства (Там же. – С.211) с Константинополем и в данном аспекте контаминации Руси и “Римской страны” по своему значению, уровню¹⁴⁴ можно поставить в ряд неоднократно упоминавшейся в литературе тенденции правящей (и церковной) верхушки Руси к “отстранению” от византийского “покровительства”, явственно проявившейся в 30–40-е гг. XI в.

Этому служит и уравнивание значения Владимира – Василия для Руси с ролью Петра и Павла для Рима и Константина Великого для христианства в целом, приписывание его обращения к Богу его собственному “смыслу” и просветлению (Там же. – С.210)¹⁴⁵, но не влиянию Византии. Отделяет от последней и сближает Илариона с доктриной западного христианства по смыслу фраза “царство [т.е. светскую власть] Богу покорил” (Там же).

Датируется создание “Слова о Законе и Благодати” либо 1049 г. (Розов, 1963. – С.147-148; Лихачев, 1975. – С.10-21; “История...”, 1980. – С.90), либо 40-ми гг. XI в. (“Древняя...”, 1988. – С.30), или еще более широко: 1037 – 1080 гг. (Кусков, 1982. – С.68). В последнем случае на этот период падают два важных с точки зрения формирования государственной идеологии события – создание митрополии (1039 г.) и повторное, достаточно длительное (1044 – 1047 гг.) пребывание при дворе Ярослава бывшего соратника Олава Святого и командира византийской варяжской гвардии, участника подавления Первого болгарского восстания 1040 – 1041 гг. Харальда Гардрада, конунга-скальда. К этому же времени (сразу после 1030 г.) часть ученых (Д.С.Лихачев, В.В.Кусков) относит первые попытки канонизации Ольги и Владимира, выразившиеся в создании “легенд” о княгине Ольге и крещении Руси. Рациональное зерно есть здесь и в том, что автор “Слова” Иларион после кратковременного (1051 – 1055 гг.) пребывания на митрополичьем престоле принимает постриг в Киево-Печерской Лавре под именем Никона, с которым связывают создание первых погодных записей – собственно формы *летописи* в 1073 г. (Кусков, 1982. – С.47), включившей, кроме “Корсунской легенды”, и первый вариант “Сказания о Вещем Олеге”, наряду с другими повествованиями о походах первых русских князей на Царьград.

Наиболее принятая в историографии оценка идеологической деятельности *русской* по происхождению верхушки Церкви в 1039-1073 гг. (исключая митрополитов-греков: Феофемпта, Кирилла, Ефрема и т.д.) – утверждение самодостаточности, равновеличия с Византией государства “Русь” и его Церкви. Есть, впрочем, и иная точка зрения: об автокефалии русской Церкви до 1073 г. (при “протекторате” до 1018 г. не Константинопольской патриархии, а Охридской епархии) (Карташов, 1993. – С.189-165). Отсюда по-иному оценивается и деятельность новой митрополии по записи преданий о начале русской Церкви – в духе подчеркивания ее зависимости от византийской (Там же. – С.165).

Однако с учетом отсутствия в “Слове о законе и благодати” упоминаний таких эпически (и идеологически) значимых фигур, как Вещий Олег и Ольга, нужно предположить либо более позднее сложение “легенд” о них, либо другую, альтернативную той, что представлена Иларионом, линию идеологического обеспечения власти¹⁴⁶. С учетом достаточно вероятного влияния на первую из них римско-католической, отчасти, иудео-хазарской, возможно, болгарской и славяно-среднеевропейской (“дружинной”) политико-идеологических доктрин, для альтернативной остаются либо ортодоксально-византийская (как считает, например, А.Карташов), либо, что более вероятно, скандинаво-русская.

Рассмотрим факты, то есть, в данном случае, достоверно уходящие корнями в этот период (30 – 40-е гг. XI в.) литературно-эпические *иностранные* произведения (Саги об Олаве, сыне Трюггва, и Олаве Святом, а также повествования самого Харальда Гардрада и его соратников об их пребывании в Византии) в сравнении с легендами об Олеге Вещем, Ольге (у Илариона отсутствующими) и Владимире Святом. При этом учитываются вторичные эпические сказания “Старшей Эдды” и былин, возможное влияние Болгарии.

Олег Вещий

Во-первых, по “Саге”, Олав Трюггвасон, уехав из Руси, называл себя “Оли из Гардарики” (Круг земной, 1980. – С.116, 117, 127), что позволяет предположить, что его “русское” имя по созвучию (а не смыслу) могло быть именно Олег (к которому “Олав” ближе, чем Хельги). В случае “возврата” легенды на Русь при Олаве Святом, Магнусе Добром или Гаральде Суровом, чье довольно длительное пребывание при дворе Ярослава и Ин-

гигерд зафиксировано источниками, это прозвище Олава могло утвердиться здесь в окончательном варианте, соотношенное с реальным воеводой Игоря (или новгородским и ладожским князем – не Рюриковичем) по имени Хельги. В итоге последний оказался наделен не столько реальными чертами, сколько литературно-эпическим обрамлением Олава Трюгтвасона. Тем более что оба были скандинавами и служили русским князьям, только Хельги – Игорю, Олав – Владимиру.

Текстологические, не столько сюжетные, сколько метафорические, параллели “Саги об Олаве сыне Трюгтви” и “Сказания о Вещем Олеге” достаточно очевидны, хотя и не являются буквальными. Первый образ связан с волхованьем, конем вообще, захоронением, гибелью от коня. В “Саге” этому посвящены разделы XII, XIII, XIV. В них описывается противостояние Олава и колдунов, в которое вмешивается сам Один. Фигурирует здесь и захоронение, правда, не коня, а коровы, “которую он, Эгвельд конунг, брал с собой, куда бы ни ходил в поход” (Круг земной, 1980. – С.138). Сразу за рассказом Одина об этом следует эпизод с попыткой последнего погубить христианскую душу Олава, заставив его обманом съесть конину под видом говядины (Там же), и провидческий отказ конунга от этого.

С другой стороны, Олав гибнет на корабле – “морском коне”, носящем название “Змей”, а иногда – более нарицательное – “Гадюка” (Круг земной, 1980. – С.163, 166), нос которого назван “головой дракона” (Там же. – С.147, 152). Здесь налицо соединение образов коня, змеи, головы (черепа?). “Фигура” змеи переплетается не только с образом “морского коня”, “коня пены” и его “голова”, но и борьбой христианства с язычеством: смерть от змеи, вползшей в голову через рот (Там же. – С.147) – один из способов устрашения и наказания язычников.

Подчеркивается как “сила и ловкость” Олава-Оли, так и его “крайняя жестокость”, даже по скандинавским меркам, по отношению к “недругам” (Там же. – С.150). Такие же жестокости, но уже по отношению не к язычникам, а к христианам, приписывает ПВЛ (НПЛ и Начальный свод – еще Игорю¹⁴⁷) князю Олегу (ПСРЛ. Т.1. Л.14 об.). Впрочем, в описании конкретных “жестокостей” ПВЛ ближе к штампам византийских хронографов, а не к “Саге об Олаве”.

И наконец, достаточно редкий сюжетный ход – прибавление щита. В “Саге” – это показатель не победоносности, а “силы и ловкости”: “в одном из записан-

ных в Норвегии рассказов говорится, что он влез на Смальсархорн и укрепил свой щит на вершине этой скалы” (Круг земной, 1980. – С.150).

Что первично (“Сказание о Вещем Олеге” или “Сага об Олаве”) – сказать сложно. Однако у Илариона нет *никаких* данных о столь знаменитом персонаже, а Снорри Стурлусон в своем повествовании ссылается на множество источников, в том числе на свидетельства скальдов – почти современников, а иногда и участников описываемых событий (Герд, сын Кольбейна (974-1024), Халльфред Трудный Скальд (967-1007), Скули сын Торстейна¹⁴⁸, участник битвы при Свельде и др. (Стеблин-Каменский, 1980. – С.644, 645, 647).

Впрочем, возможно отраженное влияние пребывания Олава в славянских странах и “обратное” воздействие местных фольклорных образов и стереотипов описания именно восточных славян. Так, сочетается идея “почитания быка”, питания царя молоком с культом лошади в “первой традиции” восточных источников (Ибн Русте, Гардизи, ал-Марвази): “они почитают быка” Гардизи), “царь этот имеет верховых лошадей и не имеет иной пищи, кроме кобыльего молока” (Ибн Русте), “у царя (малик) есть верховые лошади, и он питается их молоком (ал-Марвази) (Новосельцев, 1965. – С.390, 388, 391).

В данном случае стереотип мог возникнуть в зоне славяно-тюрко-русских контактов, тем более что в некоторых случаях под “ас-сакалиба” могли подразумеваться либо прямо тюркские народы, либо использоваться элементы описания последних.

Теоретически (с учетом близкого соседства и печенегов, и венгров) такой славяно-тюркский синтез в описании несколько ретроспективно мог быть контаминирован с Болгарским “двухуровневым” государством VIII – начала IX в. С уже христианской Болгарией скандинавы, не говоря уже о русах, имели прямые и тесные контакты, по крайней мере дважды. Первый раз – в эпоху Олава Трюгтвасона, при походах Святослава и последующего участия варяжской гвардии в покорении Болгарии. Вторично – при подавлении восстания Петра Деляна с активным участием норвежца Харальда Гардрада, “бича болгар” (Круг земной, 1980. – С.402).

“Болгарский след” в “Сказании о Вещем Олеге” может, по нашему мнению, проследиваться в трех аспектах. Первый – отождествление князя-язычника с христианским святым – Дмитрием Солунским, проводимое уже в начальной (изложенной в НПЛ) версии “Сказания”. Оно могло быть

заимствовано из христианского, но, на момент создания “Сказания”, враждебного Византии источника.

Сам мотив военной помощи Дмитрия сражающимся не нов, в том числе и в описаниях славяно-византийского противоборства. Однако ранее (в повести об осаде Фессалоники славянами, например), он явно выступает не на стороне славян (Материалы..., 1985. – С.261, 262). Во времена византийского господства в Болгарии идеологи последней утверждали, что св. Дмитрий покинул “византийское отечество (Фессалонику) и перешел к болгарам, чтобы помогать им в борьбе за свободу против империи” (Литаврин, 1987. – С.116).

С Болгарией связаны и многие чудеса св. Георгия в его византийско-православной ипостаси. “Сказание о железном кресте”, созданное в византийско-болгарской среде в первой половине X в. (Калиганов, 1996. – С.334), посвящено, в частности, не только чудесам этого святого, совершенными в Болгарии, но и таким актуальным для идеологической среды Руси 40-х гг. XI в. сюжетам, как борьба с язычеством, крещение Болгарии, войны царя Симеона. Эти события, вероятно, из болгарских источников, нашли отражение и в ПВЛ. Здесь присутствует и пророчество св. Георгия о времени смерти боевого коня одного болгарина, из-за которого последний чуть было не погиб и спасся лишь благодаря молитве св. Георгию (Там же). Именно в 40-е гг. XI в. имя этого святого и интерес к связанным с ним событиям мог быть особенно велик из-за христианского имени Ярослава Мудрого и одного из героев, готовившихся в преддверии канонизации Бориса и Глеба сказаний об этих князьях.

И, наконец, можно предположить сознательно неправильную трактовку этнонима Βουλγαροι (в одном из склонений) в византийских источниках, повествующих о войнах с Болгарией, особенно о *реальной* и отчасти успешной осаде Константинополя войсками Симеона в 913 г. Этот подвиг также мог быть приписан “Вольге” (Βουλγα) при первых переводах византийских источников в русскоязычной духовной среде эпохи противостояния с империей. В звучании различаются лишь греческая “бетта” (русская “веди”), означающие звуки “б” и “в” соответственно.

В итоге, костяк легенды, сложившейся в устных беседах с норвежскими конунгами и их скальдами за столом Ярослава (Георгия) Мудрого, мог (при желании ее авторов) находить все новые “подтверждения” и дополняться деталями из болгарских и даже византийских источников. Благо-

приятной питательной средой для нее могла быть антивизантийская атмосфера при дворе Ярослава, которую дополнял и поддерживал своими “сагами” и вернувшийся из Византии Харальд Гардрад, стремившийся в застольных беседах произвести впечатление на невесту и будущего тестя, а также благожелательное отношение к болгарской литературе и политической идеологии. Возможно, знакомство с последней произошло еще во время визита княгини Ольги в Царьград, когда при дворе Константина VII произошла ее встреча с главным идеологом и религиозным главой Болгарии Григорием Мнихом (Оболенский, 1875. – С.122). Влияние же болгарской историко-политической мысли и конкретно – хронографии на русское летописание является не только достаточно “общим местом” источникововедения, но и поддерживается прямыми указаниями самих источников. В разделе о наложницах Владимира Святого приводится сравнение его с царем Соломоном, “рече бо книга царская Григорием Мнихом о Соломоне, яко име жен семьсот, а наложниц 300” (ПСРЛ. Т.41. Л.490 об.). Упомянутый в “Летописце ереяслава Суздальского” (в его разделе “Летописце русских царей”) Григорий Мних отождествляется с епископом Болгарии при Симеоне, пресвитером Григорием – автором гипотетичного, но вполне возможного “Болгарского хронографа” (одна из последних работ в этой сфере: Горина, 1991).

В итоге, появление в основных чертах образа Вещего Олега можно считать результатом синтеза скандинавской (конкретно – норвежской) и болгаро-христианской историко-политической мысли, проведенной идеологами русской Церкви русского же происхождения (в связи с возможной неточностью греческих переводов) в обстановке антивизантийской по направленности борьбы за уравнивание престижа Руси и империи, скорее всего – в 40-е гг. XI в. В дальнейшем к походу Олега был привязан и один из двух вариантов (более канонический) оснований для празднования хотя и христианского, но *чисто* русского праздника – Покрова Божьей Матери (1 октября по юлианскому календарю).

Известно, что “Сказание о Вещем Олеге”, отчасти о княгине Ольге, наряду с летописным повествованием о Всеславе Полоцком, послужили основой для русской былины о Волхе Всеславьевиче и, возможно, Вольге (см., например: Калугин, 1983. – С.61-63; 1991. – С.69-70, 122-123; здесь же краткая историография вопроса). Схожи не только и не столько имена, тем более не географические и исторические детерминанты, сколь-

ко сами образы главных героев и их литературно-эпическое обрамление. Этих былинных героев вряд ли можно связывать с каким-либо реальным прототипом. Так, некоторые сюжетные линии былины о Волхе (взятие столицы “Индийского царства” дружиной из молодежи (“...и вся его дружина по пятнадцати лет”), убийства “старого и малого” и, главное, попытка Волха и его дружины обосноваться в захваченном “Индийском царстве” (Былины, 1991. – С.72-77) напоминают о Балканских (или Хазарских?) походах Святослава¹⁴⁹.

В этих былинах ярко выступает князь-кудесник, оборотень, рожденный от змеи (“... она с каменю скочила на лютова на змея; обвивается лютой змей около чебота зелен сафьян... а втапоры княгиня понос понесла, а потом понесла и дитя родила” (Там же. – С.70-71). Отнюдь не менее, а в чем-то даже более, связан с “Легендой о Вещем Олеге” цикл “Песен о Хельги”, записанный, как и вся “Старшая Эдда”, в XIII в. и отражающий события с противоречивыми хронологическими и географическими привязками (Гуревич, 1975. – С.14, 15; Гуревич, Смирницкая, Стеблин-Каменский, 1975. – С.683). Среди исторически известных скандинавских конунгов только один носит имя Хельги – сын Хальвдана, конунг Дании в VI в. н.э. (Лебедев, 1985. – С.93). В “Песнях” – три сменяющих друг друга путем реинкарнации лица (сын Хьерварда, сын Сигмунда и Хаддингьяскати) (Старшая Эдда, 1975. – С.253, 259, 267). Конечно, речь могла бы идти о конунгах племен или фюльков, однако в “Песнях” подчеркивается, что он – “герой, меж князьями самый достойный” (Там же. – С.264); “так возвышался Хельги меж конунгов, как яшень гордый в зарослях терна” (Там же. – С.265). В Вальгалле “Один предложил ему править всем наравне с ним самим” (Там же).

Среди ангуража легенды имеются змеи, которые сопровождают не рождение героя (как в былине о Волхе), но и не его смерть, как в “Сказании о Вещем Олеге”¹⁵⁰, а сопровождают предчувствие смерти Хельги (Там же. – С.267, 258). Сохраняется мотив коня, но это уже кони ведьм – волки, с удилами из змей (Там же. – С.257). Волки в целом упоминаются чаще, чем в “Саге об Олаве Трюггвасоне” и “Сказании об Олеге” (где их нет вообще), но реже, чем в былине о Волхе и летописном повествовании о Все-славе Полоцком. Он еще не князь-оборотень, волкудлак у славян, но уже “друг волкам” (Там же. – С.248). Погибают оба Хельги (сын Хьерварда и сын Сигмунда) от мечей, однако синонимами последних являются “змеи

крови” (Там же. – С.248; Гуревич, Смирницкая, Стеблин-Каменский, 1975. – С.683). Меч первого из Хельги, подаренный конунгу валькирией Свавой вместе с именем, символизировал змея: “на лезвие змей окровавленный лег, другой обвивает хвостом рукоять” (Там же. – С.255). Образ змея, как, впрочем, и коня, не связан в этих “Песнях”, в отличие от “Саги об Олаве”, с кораблями. Зато щит перемещается с горной вершины в “Саге” и врат Царьграда в “Сказании об Олеге” на корабельную мачту: “вздернув на мачту щит червлёный с каймой золотою” (Там же. – С.280). Последние два мотива ближе друг к другу, чем к первому: Царьград был взят все же с помощью кораблей.

В итоге мы имеем трансформированные, конечно, но не в большей степени, чем в былинах, мотивы, взятые из “Сказания о Вещем Олеге” и более близкие литературно-эпическому обрамлению героев былины о Волхе¹⁵¹ и повествованию о Всеславе, чем “Саге об Олаве Трюггвасоне”.

Мотив смерти Хельги в результате мести за родственников, убитых им (Старшая Эдда, 1975. – С.264), напоминает причину (в летописном изложении) гибели Олега Святославича Древлянского, павшего жертвой мести воеводы Ярополка Свенельда за сына Люта. С учетом того, что Олег (Хельги) Вещий мог быть эпическим героем не только (кстати, и не столько) славян, но и скандинавов, нельзя исключить того, что он послужил первоначальным прототипом (в версии устной легенды или летописного “Сказания”) героя “Песен о Хельги”. Уже по чисто антропонимическим причинам им не мог быть, во всяком случае напрямую, помимо “посредничества” Олега, Олав Трюггвасон. Что же касается взаимоотношений “Песен”, былин и повести о Всеславе – то здесь скорее, вероятно, самостоятельное развитие от общего источника – легенды и “Сказания” о Вещем Олеге. Впрочем, Всеслав Полоцкий – герой даже исторически более поздний, и сложение легенд о нем – результат каких-то иных причин. В былине же о Волхе “Олегов пласт” – лишь *один* из многих.

Что касается причин реинкарнации героев с одним именем и “должностью” в “Песнях” – то она, возможно, в некоторой хронологической и географической отстраненности их прототипов от времени и места создания “Песен”. Олег Вещий (а возможно, две его ипостаси – герой “варяжской легенды”, убийца Аскольда и Дира, и более поздний глава несчастного похода на Самкерц и Царьград, погибший в “Персии”) вместе с Олегом Святослави-

чем Древлянским могли образовать цепочку перевоплощений князей, хорошо известных служившим им варягам, но лишь как смутные образы без географических привязок, дошедшие до времени записей “Песен” Эдды.

Для целей нашей работы важно развитие, в общем, в одном направлении представлений об “идеальном” правителе в древнерусском и скандинавском раннегосударственном и раннехристианском обществе, особенно во время прямых контактов идеологов, верхушки русского и скандинавского обществ в 30 – 40-е гг. XI в. Если легендарный Вещий Олег имел реального исторического предшественника в русской истории (а об этом говорит не только ПВЛ и НПЛ, но и “Кембриджский документ”), погибшего в результате конфликта руси со славянами (Петрухин, 1995. – С.143), то в характере мифологизации его образа явственно прослеживается результат русско-скандинавского творческого синтеза¹⁵².

Харальд и Ольга

Прямым заимствованием из рассказов Харальда Гардрода и его соратников по гвардии “верингов” о их подвигах в Сицилии¹⁵³ представляются некоторые эпизоды из “Сказания” о мести княгини Ольги древлянам и даже сама его четырехчастная структура (2 мести в Киеве, 2 – в земле Древлян).

Наиболее полную аналогию представляет описание взятия Харальдом первого города и последней мести Ольги – взятия Искоростеня с помощью подожженных птиц (Круг земной, 1980. – С.405). О подвигах Харальда рассказывали не только многие скальды XI в. (Тьодольв¹⁵⁴, Иллуги Скальд из Долины Брони, Торарин сын Скегги), “но и Харальд сам рассказывал так, да и другие люди, которые там были вместе с ним” (Там же. – С.410). Какая из версий звучала в Киеве (и одна ли!?) и осталась в памяти окружения Ярослава, Ингигерд-Ирины и Елизаветы, и насколько она соответствует записям Снорри Стурлусона, – вряд ли возможно установить. Однако то, что Харальд, а с его подачи – дружинники и скальды, вполне очевидно “привирал” перед лицом невесты и Ярослава, доказывает его утверждение, что он лично ослепил “конунга греков” Константина Мономаха (Там же. – С.410, 409). На самом деле ослеплен был не он, а Михаил V Калафат, причем кем именно, не указано (Михаил Пселл, 1978. – С.68) (не исключен, в принципе, и Харальд, который в 1042 г. был в Византии).

Еще один сюжет – когда самонадеянные жители третьего города выш-

ли навстречу императорским войскам, оставив ворота открытыми, очень напоминает один из эпизодов восстания Льва Торника.

Четвертый город, по "Саге", был взят точно тем же способом, что на 180 лет раньше городок Луна в Италии викингом Хастингом, притворившимся мертвым, что также порождает сомнения в достоверности рассказа.

Сомнительные, но весьма живописные драпы о Харальде, искаженные, видимо, еще и неточным переводом, могли несколько "подпитать" и былинное творчество: второй город в Сицилии был, якобы, взят с помощью подкопа и подземного хода. Способ напоминает взятие Волхом Всеславьевичем столицы "Индийского царства" – там, правда, присутствует и мотив "оборотничества": дружинники Волха, превращенные им в муравьев, подползли под ворота (Былины, 1991. – С.).

Более строгие летописцы использовали "байки" Харальда выборочно, в своих целях. Так как, вероятно, основная канва легенды о княгине Ольге уже сложилась к тому времени, то один из наиболее оригинальных рассказов конунга-скальда (о птицах, с помощью которых был взят первый город в Сицилии) успели вставить лишь в конец легенды – в качестве деталей последней, четвертой мести княгини. Очень важным для дальнейшего анализа выработки русско-скандинавских идеологических концепций является наличие в "Саге о Харальде" мотива о помощи ему "святого Олава" в борьбе с "конунгом греков" (Круг земной, 1980. – С.409-410).

Достаточно четко отразилась смена политических приоритетов, выразившаяся в антидружинных пассажах ("нача любити смысл уных") летописцев конца XI в. (ПСРЛ. Т.1. Л.72), и в желании по образцу чешских и польских князей подчеркнуть связь с народом через голову знати (в основе – "Далимилова легенда" о крестьянском происхождении Пржемысловцев (Толочко О., 1994)), и в подчеркивании иностранного происхождения ("варяжская легенда") и родства с василевсами (регалии и антропонимы).

Археология, в данном аспекте, через посредство эмблематики, эпиграфики и сфрагистики помогает уточнить титулатуру правителей, систему наследования, через них же – и непосредственные артефакты: регалии и атрибуты власти (ср., например, из последних исследований: Белецкий, 1997 б. – С.109-112; в основе – Янин, 1982. – С.149; Высоцкий, 1994; Щеглова, 1997).

§ 7. Обзор типов неписьменных источников

Некоторые особенности использования археологических источников

Вариант методики использования археологических источников с целью выявления признаков (“знаков”, “сигналов”) тех или иных элементов, этапов, линий процесса государствообразования и форм потестарно-политических структур был разработан автором и кратко изложен в 1993 г. Кратко ее суть: берутся хорошо изученные по материалам письменных источников и этнографии общества с четко выявленными структурами и процессами, определяются их типовые археологические признаки, проверяется их “работа” на нескольких внешне типологически схожих и синхростадиальных объектах, затем определяется степень наличия этих признаков в том или ином регионе и микрорегионе Руси. Например, для этапа вождеств только археология (временно без привлечения данных иных нетрадиционных источников) может дать “знаковые” сведения о наличии центров власти (княжеские или племенные “грады”), выявить нумизматические источники (которые далее “работают” отдельно), определить наличие и конфигурацию этнокультурных и потестарно-политических границ, наличие социально-ранговой и (для Руси) социально-этнической дифференциации внутри регионов, этапно чуть позднее – и между регионами, выявить следы этнокультурного и, возможно, политического воздействия соседних государств, наличие путей и пунктов дальней международной торговли (“вигов”).

Для более позднего этапа – сложения “сложных вождеств” и сложно-составного (в “двухуровневой” форме) варварского государства под эгидой летописной “руси” археология помогает выявить опорные пункты последней (“погосты”, “станы”), направления ее продвижения, изменение направлений движения монетных потоков, этно-потестарного обмена регионов и границ между ними и т.д. Наиболее перспективным представляется выделение типов поселений и их археологических признаков, затем “отработка” этого метода на практике посредством целевых археологических исследований.

Археологические источники (со своими нумизматическими, сфрагистическими, геральдическими составляющими и вкупе с ономатикой, осо-

бенно топонимикой (а также этнонимикой и антропонимикой) являются главной перспективой уточнения и возможного изменения концепций образования Древнерусского государства.

Они представляют собой единственный тип источников, фонд которых постоянно возрастает, обрабатывается и переосмысливается по-новому. Их специфика обговаривалась в литературе неоднократно и зачастую является предметом дискуссий. Особенно это касается степени информативности и применимости к прояснению не только общеисторических вопросов, но и более конкретных аспектов исторической этнической географии (ср., например, дискуссию на X Чтениях памяти В.Т.Пашуто между археологами (В.В.Седовым, в частности) и специалистами по отечественной и всеобщей истории).

По-видимому, по крайней мере применительно к истории Древней Руси, их использование представляется не только допустимым, но и необходимым, и плодотворным. При этом, однако, неизбежны определенные “правила игры”, соблюдение которых представляется обязательным. Во-первых, нельзя требовать от того или иного вида археологических артефактов исторической информации, им не свойственной по сути.

Во-вторых, следует, по возможности, соблюдать принцип синхростиальности и хронологической одновременности археологических фактов и явлений одного порядка в разных регионах (зонах) Восточной Европы или устанавливать их последовательность. В-третьих, учитывать большую степень и объективной, и субъективной выборочности археологических данных¹⁵⁵. В этой связи следует, например, в первом случае четко осознавать, что различия в погребальном обряде в пределах одного комплекса могут быть порождены не только социально-имущественной, но и профессионально-ролевой, этнокультурной и (особенно) религиозно-обрядовой дифференциацией. Наличие укреплений и оружия на поселениях может свидетельствовать о наличии разных форм государственности и ее элементов, но чаще – преимущественно и военных механизмах ее становления. В этом отношении археологические артефакты “работают” лишь вкупе с иными типами источников, причем абсолютно неизбежно – с письменными.

Второй момент требует относительных и (по мере возможности) абсолютных хронологических привязок конкретных памятников, комплексов, находок, их групп и типов, что ставит в особое положение монетные кла-

ды (отдельные монеты более случайны) и особенно – типологию массового материала, керамики в первую очередь, и в силу специфики целей работы, – предметов вооружения и, там где возможно, – атрибутов и символов власти (эмблемы Рюриковичей на массовых предметах и т.д.).

Третье условие значительно повышает *значимость факта наличия* того или иного археологического признака формы, этапа и механизма становления государственности, в то же время не позволяет абсолютизировать факт его *отсутствия*. Разрыв значений этих двух значений фактов тем больше, чем меньше степень обследованности конкретной территории, региона, зоны Восточной Европы для конкретного стадияльного и хронологического периода.

Последние два момента не обязательно совпадают: разные части Восточной Европы, вошедшие в состав Древнерусского государства или сферу его влияния, проходят разные стадии политогенеза в разном хронологическом диапазоне.

Кроме того, археологическое (вещное) отражение потестарно-политического явления, события, структуры или процесса всегда несколько запаздывает по сравнению с их реальным началом и продолжает существовать примерно в течение жизни поколения после изменения исторических реалий.

В итоге некоторой неадекватности самих реалий и их материального выражения, этапы их изменений также не полностью совпадают. Так, в историческом плане явно выделяются такие периоды, как конец VIII – середина IX вв. (этап отдельных “вождеств”); вторая половина IX – середина X вв. (фазы становления, расцвета и кризиса “варварского” “двухуровневого государства”); вторая половина X – начало XII вв. (“раннее” по форме Древнерусское государство также трех фаз развития).

Археологически, особенно из-за неточности и малой степени дробности датировок первые два этапа сливаются в один, т.к. явления первого зачастую находили свое адекватное археологическое отражение лишь на втором (с учетом характера накопления артефактов в культурном слое и обычно слабой его внутренней расчлененности на горизонты, а также того, что погребальный обряд отражает конец жизни носителей реально изменившегося социально-политического статуса). Кроме того, новые артефакты обычно попадали в землю не сразу после “введения их в оборот” (исключение – монетные клады “торгового” характера), а сфера материальной

бытовой культуры гораздо более консервативна, чем социально-политическая.

В итоге, в таблице археологического (и в иных специальных дисциплинах) отражения потестарно-политического процесса становления и консолидации Древнерусского государства (этапов древнерусского политогенеза) выделены лишь два периода: до и после середины X в. Отчасти этот рубеж, достаточно четко отраженный в материалах археологии и нумизматики (начиная, правда, уже со второй половины и даже последней трети X в.), подтверждает и степень объективности главной, реальной, принципиальной грани в процессе становления древнерусской государственности.

Иные виды вещественных и этнологических источников и методы их применения

Нумизматические источники, имеющие отчасти (по способам их получения, в частности) отношение к археологии, составляют, однако, отдельный тип, причем, с учетом особой роли международных торговых путей для государствообразовательных процессов в Восточной Европе IX – X вв., – особенно важный и достаточно объективный. Возрастание роли нумизматических материалов связано не только с обнаружением новых, но и (главным образом) с новыми методиками исследования “старых” кладов. Здесь следует отметить, в первую очередь, методы исследования состава кладов и их датировок, а также монетных потоков, использованные А.В.Фоминьм. Важна в данном аспекте контаминация последних с конкретно-политическими событиями, а не факторами торгово-хозяйственного развития. Другой, существенный в данной сфере исследования факт, – попытка выделения для части Днепровского Левобережья (“хазарско”-северянско-радимичского региона) X в. особой денежно-вещевой системы, основанной на обрезанных в кружок дирхемах и “варварских” (хазарско-северянских?) подражаниях последним (А.В.Куза, В.В.Зайцев, Е.А.Шинаков). Границы распространения монет общерусской и “левобережной” систем могут соответствовать этнополитическим пограничьям X века, хотя многозначность нумизматических источников иногда приводит к прямо противоположным интерпретациям содержащихся внутри этих границ потестарно-политических систем¹⁵⁶.

Эпиграфические источники IX – X вв. находятся в теснейшей взаимо-

связи с нумизматическими, т.к. основная часть буквенных, рисуночных и символически-геральдических знаков обнаружена и в последнее время исследуется (Е.А.Мельникова, А.В.Фомин, В.Е.Нахапетян, И.В.Дубов) в виде граффити на монетах. Основные результаты – определение зон культурно-политического влияния в пределах Восточной Европы на ранних этапах ее политогенеза. Попытку достичь последних целей, но опираясь не на граффити на монетах, а на весовые нормы, их названия и письменные источники, в последнее время предпринимались А.В.Назаренко (1996, 1997), О.И.Прицаком (1998)¹⁵⁷.

Эмблематика, отчасти представленная в вышеописанном типе источников, приобретает и самостоятельное значение в плане определения возможных истоков одной из этнопотестарных единиц Восточной Европы IX в., а затем “верхнего уровня” складывающейся государственности – летописной “руси”. Слабый момент – не всегда происхождение эмблемы, символического знака той или иной общности детерминировано происхождением последней, а может носить случайный, вторичный характер. Определенное значение для уточнения этно-потестарной структуры отдельных вождеств и племенных образований могут иметь их предполагаемые эмблемы – тотемы, отраженные в мелкой пластике.

Не только символические, но и реально-потестарные моменты (объяснение происхождения власти и обоснование права на власть в ранних формах государственности и при ранних линиях государствообразования) могут отражаться в *этногенетических, генеалогических и топонимических* легендах, в том числе заключенных в письменных источниках. Их изучение находится на стыке таких дисциплин, как *фольклористика, этнонимика, топонимика, генеалогия, антропонимика*. Их данные, в силу специфики источников и объектов исследований, представляются наиболее гипотетическими и в то же время – одними из самых перспективных в силу малого использования подобного рода материалов на широком сравнительно-историческом фоне (следует отметить попытки уточнения гносеологических корней некоторых русских генеалогических легенд у В.Я.-Петрухина (1982, 1995а) и О.П.Толочко (1994). Среди фундаментальных исследований по антропонимике и этнонимике до сих пор первенствующее положение занимают работы Г.К.Валеева (1982) и Г.А.Хабургаева (1979), с существенными дополнениями лишь по северянам (Багновская, 1979; Щавелев, 1996).

Однако в области методики исследования мифов для реконструкции породивших их потестарно-политических реалий существенными представляются некоторые современные этнологические исследования, сделанные не на древнерусском материале (Окладникова, 1996; Белков, 1996; Мыльников, 1997). Интересны также принцип и методика установления степени контаминации между некоторыми типами обрядовых действий, свойств личности и ее “ценности”, атрибутов того и другого с конкретными “моделями власти” и ее символами (Щепанская, 1996). В последних работах явно прослеживается последовательное применение *сравнительно-этнографического и сравнительно-исторического методов*, что позволяет разорвать “замкнутый круг” ограниченности источников и гиперкритического (наряду с полностью доверительным) к ним отношения.

В данном аспекте наиболее существенным является вопрос о степени корректности применения этих методов. Сравняться должны организмы, явления и процессы синхростадиальные (Ковалевский, 1910, 1914; Маркарян, 1966. – С.25), что отнюдь не обязательно предполагает их хронологическую одновременность и даже близость. Типологическая же однородность не означает обязательных контактов между потестарно-политическими образованиями и даже их расположения в одних физико-географических зонах и географических регионах. Наоборот, “подчас общество, очень далеко отстоящие – и территориально, и этнически, и хронологически – друг от друга, обнаруживают поразительную близость общественно-политических институтов” (Пашуто, 1973. – С.16). С другой стороны, недопустимо типологическое сопоставление рядом расположенных, хронологически одновременных и даже достоверно контактировавших друг с другом организмов, если один из них относится к “первичным”, а другой – “вторичным” государственным образованиям. Существенным для “чистоты” сравнения являются не только стадия развития общества, этап государствообразования, но и фаза развития конкретного этапа (становления, расцвет (стабильность), кризис, упадок, переходный период (о специфике последнего в целом – см.: Эволюция..., 1984. – С.9-12).

Глава 2

ГОСУДАРСТВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И СТРУКТУРЫ НА РУСИ ДО СЕРЕДИНЫ X ВЕКА

§ 1. Регионально-потестарное деление

Общие принципы

Региональное деление потенциально древнерусской части Восточной Европы IX в. важно прежде всего в природно-хозяйственном и (более гипотетично) – потестарно (политико)-культурном аспектах. “Опыт историко-географической характеристики” Восточной Европы в эпоху Древней Руси был уже однажды предпринят автором в весьма осторожной форме (1998 г.). В нем на основе обобщения данных археологической, прежде всего, историографии выделялось 4 зоны: северная (с Новгородом и Ростовом), западная (с Полоцком, Псковом, Вольной, Турово-Пинским княжеством), южная пограничная (Киевское, Переяславское, часть Галицкого княжества) и юго-восточная (типологически промежуточная) с землей вятичей, частично – северян, Черниговом, Новгород-Северским, Рязанью, Москвой, Брянском. За пределами вышеуказанных зон оказывался “центр” – Смоленщина, земли радимичей, частично дреговичей.

Во многом автор следовал укоренившейся в научной литературе традиции о главном делении на Северную и Южную (в целом) Русь, Запад и Юго-Восток, хотя уже и не столь последовательно. Более внимательное рассмотрение материала под углом зрения этнологических концепций потестарности и последовательное сравнение с довольно широким кругом типологических аналогий, в том числе достаточно территориально-хронологически отдаленных, заставили автора отчасти изменить взгляды по этому вопросу. В частности, указанные в статье 1998 г. четыре физико-географические и археолого-демографические зоны – реальные, но присутствующие не исходной, а завершающей фазе возникновения Древнерусского государства.

К настоящему времени вариативность регионов с разными формами потестарности более раннего этапа политогенеза и ее властных атрибу-

тов, основанная на разных ландшафтно-хозяйственных типах, субстрактах и направлениях культурно-экономических и этнополитических связей, представляется автору в следующем виде. Это, образно говоря, торгово-промышленный Север с сильной аристократией, основанной на родовом и “первопоселенческом” принципах и довлеющим над “государством” “обществом”¹⁵⁸ (в исторической перспективе), пронизанном отношениями правового регулирования. В итоге развития – города (в IX в., конечно, еще протогорода) – республики (с приглашаемыми правителями), господствующие и эксплуатирующие коллективно сельскую округу и города “второго сорта” (пригороды). В этом аспекте структура их чрезвычайно напоминает хронологически (ненамного) более поздний, но синхростадиальный Бенин¹⁵⁹.

В “Север” по вышеуказанным показателям можно включить не только Новгород (ранее – Ладогу), но и Ростов с Суздалем¹⁶⁰, хотя там подобные тенденции были отчасти переломлены князьями, избравшими новой столицей именно “пригород” Владимир и опиравшимися через голову родовой аристократии на другие слои населения. Псков (отчасти Полоцк) можно отнести скорее к Северу-Западу. Они хотя и имели многие признаки города-государства, но скорее не торгово-земледельческой, а полисной, “гражданской” форм. Разрыв между городом и сельской округой был не столь ярко выраженным, как в “деспотической” Москве или аристократическом Новгороде¹⁶¹.

Таким образом, позднее, на этапе зрелой государственности мы имеем нечто среднее между “полисной” формой и территориальным образованием. Дополнительным аргументом в пользу достаточно сильного первоначально типологического единства Пскова и Полоцка является отсутствие в них связанных с “Восточным путем” древностей, до событий условно 862 г. (Белецкий, 1980), а предметов скандинавского происхождения – до второй половины IX в. Последнее, возможно, может свидетельствовать о “неучастии” восточной торговли в становлении этих городов¹⁶². А они имели уже достаточно сложную структуру к середине IX в. (Тарасау, 1997. – С.233; Седов, 1985). Таким образом, эти процессы на почве псковско-полоцких кривичей были, вероятно, изначально стимулированы иными причинами, чем в Ладоге, Новгороде, возможно Ростове и Ярославском Поволжье.

Отметим также этническое (а для ранних этапов политогенеза это рав-

нозначно потестарному) сходство населения Поволховья, Ярославского Поволжья и Ростовской котловины, имеющего не только родственные финно-угорские субстраты, но и одинаковый суперстрат – словено-скандинавский, а не кривичский.

Большой, но компактный и достаточно однородный, с равномерным размещением населения Юго-Запад включает древлян, волынян, хорватов, с возможным тиверско-уличским ответвлением к югу, в лесостепи и гилеях вдоль рек. Основа хозяйства – земледелие; международная транзитная торговля письменными источниками не фиксируется¹⁶³. Потестарная организация – типичные территориальные “вождества” без признаков тенденций развития к городу-государству, точнее – потестарно-политические институты более высокого (переходного) этапа, но являющиеся логичным продолжением именно княжеско-дружинных вождеств.

Если сведения самой ранней группы восточных источников (Ибн Рус-те и др.) относятся к восточным славянам, то в основном к юго-западной их части. Если же с восточными славянами их не связывать (имеется в виду чешско-польско-российско-украинская историография, сопоставляющая эти данные с реалиями Великой Моравии или, по крайней мере, с промежуточной “Великой Хорватией” (Зличанско-Либицкой или Краково-Карпатской)), то даже этот факт показателен. Он как бы связывает политические реалии этих регионов и Юго-Запада восточного славянства¹⁶⁴ и позволяет отчасти рассматривать потестарно-политические институты последних как типологически сходные с первыми¹⁶⁵.

Юго-Восток – безусловно зафиксированная источниками зона влияния Хазарии. Спорен вопрос о его степени и территориальных границах, но анализ археолого-эпиграфико-нумизматических данных позволяет уточнить этот вопрос.

Предварительно же можно отметить безусловное в неё включение всех северян, вероятно, всех вятичей и, возможно, некоторой части радимичей.

Остается Центр с осью по Днепру. Он наиболее разнороден, а в силу политического значения хотя и наиболее освещен ПВЛ, но и наиболее “оброс” легендами, что требует самого осторожного и достаточно нового подхода. Сюда включаются поляне на его юге, смоленские кривичи на севере, дреговичи на западной окраине, часть радимичей и земли между ними (на западе), смоленскими кривичами (на севере), вятичами и северянами (на востоке), полянами (на юге) – так называемое “Подесенье”.

Центральный регион

Начнем с полян. Их генеалогические и топонимические легенды делают их самым древним и сильным племенем. Лишь один раз проскальзывает фраза: “По сих же летех по смерти братъе сех быша обидимы Древля|на|ми |и| инеми околними”¹⁶⁶ (ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. – М., 1962. – Л. 6)¹⁶⁷. Нам важно другое. Такого рода легенда характерна для потестарных организмов, где степень причастности к власти определяется правами первопоселения (чаще это – земледельческие протогорода-протогосударства). Кроме того, косвенно, данные о Кие, Щеке и Хориве могут смутно отражать наследование от брата к брату, а добавление Лыбеди – еще право женского наследования. Археологические данные на период VIII – первой половины IX вв. показывают отсутствие четкой иерархии городищ и особо крупных, укрепленных и богатых центров, которые можно было бы контаминировать с князем и дружиной¹⁶⁸, что не позволяет говорить о сложении общепольанской княжеской власти, а вопрос о государстве “ад-Дир” весьма спорен¹⁶⁹.

Крупные и богатые дружинные памятники (некрополь Киева, Лепляво, Шестовицы, “Черная могила” (и черниговские дружинные курганы в целом), во-первых, более поздние, а во-вторых, оставлены в основном не “туземцами”, а пришлыми русами (о них пока речь не ведется).

Итак, до середины IX в. поляне – конгломерат земледельческих протогородов этапа вождеств. Генеалогическая легенда о пришельце, иностранце относится к весьма распространенному типу обоснования происхождения власти, особенно в государствах, созданных из отдельных равноправных частей¹⁷⁰. Но важно и иное – по этой легенде у полян не было княжеской власти со времен Кия, и Дир (с Аскольдом), явные находники-варяги, “стали править всей полянской землей” (ПСРЛ. Т. I. Л. 7об).

Дреговичи также сходят со страниц летописи и составляют, судя по названию, объединение по чисто территориальному (Хабургаев, 1979), а не родственному или сакральному принципу. В последних случаях ранние потестарные организмы более устойчивы. Летописец упоминает у дреговичей “свое княжение” (ПСРЛ. Т. I. Л. 4). Однако “своего” княжеского стола у них не зафиксировано. Часть их вошла в состав Полоцкой земли, на другой части образовался основанный, по легенде, также находником-варягом престол в Турове. Никакого сопротивления руси дреговичи также

не оказали, что косвенно свидетельствует в пользу отсутствия у них какого-либо потестарного образования и даже осознания своего этническо-сакрального единства.

Иное дело радимичи. Наряду с вятичами, летописная легенда подчеркивает их “родовое” происхождение в этимологии названия. Возможно, летописец XII в. радимичское и вятичское родовые предания о происхождении их первопредков – братьев Радима и Вятко от “ляхов” – западно-славянских старейшин, т.е. их изначальную знатность воспринял как свидетельство их прихода из Польши, “от ляхов” (ПСРЛ. Т. I. Л. 40б, 5).

В таком случае еще более подчеркивается “аристократизм” (а не “монархизм”)¹⁷¹ радимичской потестарной традиции. В их земле не было городов: Гомий, Прупой и Кречют были основаны, скорее всего, княжеской властью как крепости – опорные пункты с разных сторон их территорий¹⁷². При упоминании присоединения радимичей и позднее – ликвидации их “мятежа” не говорится ни о каких князьях (как при Древлянском восстании, например). Но они выступают против руси как единое, монолитное целое, до середины XII в. сохраняют свое этническое лицо и археологически фиксируемую этнокультурную специфику¹⁷³. Ни одного княжеского стола на собственно территории радимичей образовано не было, что косвенно свидетельствует об отсутствии у них и додревнерусских “вождеско”-княжеских традиций.

В силу этого, но при доказанном факте этнокультурной (в основе религиозной?) сплоченности радимичей и их организованного сопротивления вторжению войск Волчьего Хвоста, воеводы Владимира I, можно предположить только одну форму потестарной организации¹⁷³ – религиозно-общинную. Возможно, здесь была отдельная каста жрецов, как у кельтов, лютичей, ранов, пруссов, но не исключено и “совмещение” сакральных и управленческих функций в руках родовой знати, как у поморян. Первый вариант предпочтительнее, ибо поморское общество в качестве дополнительного признака было основано на городах-субгосударствах, которые у радимичей явно не прослеживаются.

Радимичский погребальный инвентарь чрезвычайно богат артефактами, за которыми можно признать скрытое религиозно-символическое значение. Отметим хотя бы привески турицы, костяные уточки, разного рода солярные знаки. Именно радимичей христианская летопись ставит на первое место при описании языческих обычаев славян: “Радимичи и

Вятичи и Север один обычай имяху... схожахуся на игрища на плясанье и все бесовские игрища” (далее – подробное описание языческого погребального обряда) “си же творяху обычаи Кривичи |и| прочий погани не ведущие закона Божия но творяще сами себе закон” (ПСРЛ. Т. I. Л. 5, 50б). В данной гипотезе есть слабое место – там, где у власти стояли жрецы (лютичи, пруссы) или делили ее с “вождями” (князьями, королями), как, например, в Ирландии или на о. Рана, всегда фиксируются святилища “федерального” значения – Ретра, Ромове, Тара, Аркона. У радимичей такое летописью не упоминается и археологически пока не вычленяется из другого рода памятников¹⁷⁵. Впрочем, и поселения их, за исключением Гомия, изучены весьма плохо (основное внимание уделялось богатым курганным древностям). Исследования же последнего, проводимые О.Д. Макушниковым, позволяют подтвердить генетическое родство радимичей с северянами и вятичами, так как в Гомие был обнаружен слой роменской культуры (Макушников, 1990. – С.59).

Тем самым появились новые веские основания для выводов, сделанных ранее (Шинаков, 1980а, 1981; Шинаков, Гурьянов, 1996; Богомольников, 1993) на основе анализа сходства и общих роменских корней женских украшений северян, вятичей и радимичей – о принадлежности роменской культуры всем трем “племенам”¹⁷⁶. Это сразу выводит радимичей на проблематику Юго-Востока, в частности – хазарского влияния, что действительно нашло подтверждение в материалах нумизматики, например. С другой стороны, четко выраженный, в том числе на семантическом уровне, балтский субстрат и гипотетическое потестарное устройство сближают радимичей с Северо-Западной зоной, в частности, с кривичами (что косвенно отражено и летописью)¹⁷⁷.

Северо-Западный регион

Кривичи достаточно однозначно (за исключением мнений Е.А. Шмидта и В.В. Енукова) считаются этникосом, имеющим западнославянско-прибалтийское происхождение, с указанием на Висленско-Одерское междуречье, Мекленбург (Седов, 1989. – С.14; 1995. – С.216; Белецкий, 1989 б. – С.15)¹⁷⁸ или конкретнее – на ареал суковской керамики (Белецкий, 1980а. – С.10). Отмечается сильное западнобалтское промежуточное воздействие (Петрухин, 1995. – С.216). Правда, некоторые исследователи (Ле-

бедев и др., 1978, например) четко отделяют население Изборска-Пскова от кривичей, что не позволяет однозначно распространить этногенетические (прибалто-славянские и западнобалтские) построения, достаточно обоснованные для первых, на вторых (смоленско-полоцких кривичей), хотя В.В.Седов не менее убедительно доказывает обратное (1981. – С.7-10).

Единственной отправной точкой для характеристики потестарной организации кривичей до появления у них ранних городов – протогосударств (Псков (Изборск?) – Полоцк¹⁷⁹ – Смоленск)) может стать их этническое имя, дополненное возможным этническим источником их потестарных традиций. Этноним кривичи имеет балтское происхождение, в первоначальной транскрипции “криве”, “кривай” (Хабургаев, 1979. – С.196). Последний, однако, никак, не атрибутирует термин. Позволим высказать предположение о его связи именно с формой первоначальной потестарной организации кривичей (до появления у них ранних (прото)городов-протогосударств и фиксируемой летописью княжеской власти (для Изборска и Полоцка – основанной полулегендарными “пришельцами” (ПСРЛ. Т.1. Л.7, 23об)).

Единственно, но нашему мнению, приемлемая этимология слова, сознательно присвоенного латгалами (?) своим славянским соседям и неосознанно, без понимания семантики, воспринятая русским летописцем, может восходить к западнобалтскому обозначению верховного жреца, обладающего и высшей административной властью – Криве-Кривайтиса (Кулаков, 1994. – С.143, 151).

Другое дело, что теократия, стоящая во главе протогосударства – религиозной общины не обязательно могла быть всеобщей и единственной. Возможна структура типа ирландской, когда “имперский”, “федеральный” характер имела корпорация друидов, но в ячейках накинутаой ими на всю страну сети помещались отдельные королевства-вождества (Шкунаев, 1991). Допустим и лютический вариант (Ронин, Флоря, 1991. – С.117-118), только наоборот: последовательное размещение во времени потестарно-религиозной организации и княжений-вождеств; или прусский: постоянная оппозиция дружины и ее вождей (“нобилей”) и возглавляемого Криве-Кривайтисом религиозного протогосударства¹⁸⁰. Конкретные культы, объединявшие всех кривичей (да и были ли они?) вряд ли восстановимы, хотя существует предположение, что это был “священный конь” и “богиня-мать” (или “богиня плодородия”) (Модестов, 1995. – С.75-79).

Северный регион

Словене, Новгород, Рюриково городище, “Северная конфедерация”, Новгородское государство – понятия взаимосвязанные, но не взаимозаменяемые. Вопрос об их соотношении давно является дискуссионным и явно не близок к окончательному решению. Нам важно установить потестарную структуру только словен (хотя в состав гипотетической “Северной” или Новгородской “конфедерации”, позднее Новгородской республики, входили и иные этнические компоненты, зато не все словене) фактически до основания Рюриком (по летописи) Новгорода. Данных же об этом почти нет: прослеживается четкая родовая структура (“вста род на род” (ПСРЛ. Т. I. Л. 7), хотя в НПЛ – “всташа град на град (Л. 29об). Однако видимых противоречий в этих двух версиях событий нет – грады могли быть резиденцией правящей верхушки родов или, в зависимости от их размеров, – всего рода. С учетом более поздней социальной структуры Новгородской республики и гипотезы Янина-Алешковского об образовании Новгорода можно предположить, что выделялись “благородные” роды, монополия на власть которых, как и у полян, обосновывалась правом первопоселения.

Что касается самого Новгорода, то его политическая история и структура вплоть до XI в. покрыта мраком неизвестности. С учетом его топографии и потенциального развития, можно предположительно контаминировать ранние этапы его истории с таким земледельческим городом-государством, как Эдо, “расширившимся” затем до государства-мегаобщины Бенин (Бондаренко, 1993).

Схожи внешние атрибуты обоснования власти: легенды о трех братьях¹⁸¹ – первоправителях, о приглашении иноземной династии. Схожи территориальное устройство как столицы, так и всего государства. Единственно, имеются кардинальные различия в социальной структуре и в деталях оформления властных структур, системы правления.

Тем не менее, поразительное сходство внешних символов позволяет с определенной долей уверенности сопоставить достаточно хорошо освещенные ранние страницы истории Бенина с политической историей и структурой Новгорода конца IX – X вв. как предположительно синхростадийные и типологически если не однородные, то близкие.

Это – поселение “благородной” верхушки нескольких родов в одном

центре, причем каждый из них сохранил связи и контроль над определенным участком сельской округи (ср.: новгородские пятины и пять концов Новгорода). Это – выбор правителя только этими “первопоселенцами”, но не из своего состава. Это – наличие в Эдо ремесленно-торгового населения, проживавшего между “родовыми” кварталами, и позднее добившегося участия в управлении (их старейшина был главой ополчения, ср.: с новгородским тысяцким). Это – наличие на окраинах “пригородов” и колоний, подчиненных не одному из обладавших властью родов, а непосредственно правителю и его родственникам, а также вождеств-субгосударств (ср.: некоторые “пригороды” Новгорода (Псков, Ладога), обладавшие своими органами управления, и “пермские” княжества, платившие дань в Новгород).

Впрочем, в этих аспектах Новгород сближается с такими сложными, первоначально торговыми, городами-государствами древности и средневековья, как Карфаген и Венеция, а также земледельческая держава Ацтекков этапа “сложных вождеств” с особым статусом столицы.

Сходство наблюдается и в характере политических процессов – это внутренние конфликты, разрешаемые путем борьбы, но в конечном итоге – компромиссов и реформ. В этом плане интересны ранние реформы Бенина, предоставившие часть “политических” прав представителям неблагородных родов и отдавшие под их управление ополчение и часть “колоний”. В Новгороде трансформация статуса тысяцкого и представленных им слоев населения оказалась как бы “за кадром” (исключая события 1088/1089 гг., связанные с выбором тысяцкого на вече).

Существенные отличия (кроме социальных): механизм выборов и лишения власти правителя; характерное для потестарных традиций Черной Африки религиозно-мистическое обоснование и атрибутированное оформление власти; статус монарха и топографическое расположение его резиденции.

В Эдо дворец обы всегда находился в центре города, между родовыми кварталами и под их контролем, в Новгороде же аналогичный период был весьма краток (не весь XI в.).

В этой связи важен статус Рюрикова городища, особенно на раннем этапе (до конца IX в.). Очевидно, что это резиденция предводителя одной из варяжских дружин и, одновременно, торговая фактория – эмпорий (Носов, 1990. – С.190), возможно, подчиненная первоначально (до середины IX в.)¹⁸²

в административном отношении Ладоге. Однако и это городище, и сама Ладога связаны уже не со “славянской”, а “русской” проблематикой.

Известна точка зрения, что под “ас-сакалиба” восточных источников скрываются не только собственно славяне, но и другие, в первую очередь финно-угорские (“чудские”) племена Восточной Европы, контактировавшие с русами (“ар-рус”).

С другой стороны, по летописной традиции и археологическим данным, эти племена были тесно связаны со словенами, “подвергаясь” колонизации прежде всего со стороны последних (кривичи и вятичи явно уступали им в этом) и входя вместе с ними в состав первоначального Северного объединения¹⁸³, пригласившего русь, а затем отчасти и Новгородской республики (в меньшей степени – Ростово-Суздальского и Муромо-Рязанского княжеств).

Что касается остальных, кроме “всех кривичей”¹⁸⁴ (ПСРЛ. Т. I. Л. 7; Т. II. Л. 8об; Т. 38. Л. 8.) и словен, в состав гипотетичной “Северной конфедерации” или, по крайней мере, летописных событий 859 – 862 гг.¹⁸⁵, то в литературе высказывались неоднократные и обоснованные сомнения в реальности участия в них не только упомянутой НПЛ веси, но и чуди. Текстологически – начиная с Шахматова, обосновавшего (хотя это и подвергается обоснованному сомнению) наибольшую древность сведений НПЛ, отразившую данные “Начального свода”. Логически – упоминание веси и чуди, а то и мери (Е. Н. Носов, отчасти А. Е. Леонтьев) просто как племен, ассимилируемых словенами и подчиненных Новгороду. Археологически – отсутствие веси на Белом озере до X в.¹⁸⁶ (Голубева, 1965), и неясность этнопотестарного облика чудского в первоначальной основе Юго-Восточного Приладожья (Кочкуркина, 1973. – С. 53-80)¹⁸⁷. Нумизматически – отрицание наличия сквозного Волжского пути через земли чуди, веси и мери, и попадание дирхемов начала IX в. в земли последней из Новгородской округи в силу включения их в среду словенской колонизации или, по крайней мере, влияния (Леонтьев, 1986).

Остается меря и, по мнению А. Е. Леонтьева, – мурома¹⁸⁷, обладавшие хотя бы на части своих территорий (в ближайших округах Ростова и Мурома) (1986. – С. 6) зачатками позднепотестарной организации в виде собственной княжеской власти.

Если же княжества-вождества и были (летопись упоминает только, что “меря... имела волость свою” (НПЛ. Л. 29), то они охватывали лишь не-

большие плотно заселенные участки плодородных земель (котловина озера Неро, например, с его сапропелем) среди почти пустых лесных пространств, этим княжествам не подчиненным. Особую роль играли также связи с Восточным путем (неважно, напрямую по Волге – Оке или через земли словен), позволявшие правящей верхушке иметь независимый источник избыточного продукта на свое содержание.

Мерянское княжество, как эталон и, возможно, наиболее развитый позднепотестарный организм финно-угорского компонента древнерусской народности, хорошо изучено археологически и дает, прежде всего, географо-топографическую структуру подобного рода и уровня этнопотестарных¹⁸⁹ (Леонтьев, 1984. – С.29) образований. Его поперечник – 20×20 км, предполагаемая столица – Сарское городище – находится на его окраине – местном отрезке Волжского пути (Лапшин, 1981. – С.47-48, рис. 1), остальные неукрепленные, но значительные по размерам поселения, наоборот, от этого пути удалены. Возможно, здесь случай, аналогичный Волховскому пути, где “жители небольших лесных поселков не ждали добра даже от незначительных отрядов вооруженных купцов, и поэтому сельское население, конечно, старалось избегать оживленных торговых магистралей” (Носов, 1981. – С.21). На сам путь по Саре была выдвинута лишь хорошо укрепленная “столица”, так что правящая верхушка одновременно могла и извлекать прибыли от контроля над торговой магистралью, и защищать границы своей волости, причем только с одной стороны – транзитного торгового пути. Ситуация в этом предполагаемом мерянском княжестве осложнялась с появлением на его границах уже с начала IX в. славянского (словенского?) населения (Леонтьев, 1984. – С.31). Впрочем, вероятно уже во второй половине IX в. самостоятельная княжеская власть, если она была, ликвидируется, на Сарском городище появляются многочисленные скандинавские вещи, рядом с ними возникает варяго-русский дружинный лагерь (Леонтьев, 1988. – С.14-15; Леонтьев и др., 1986. – С.7-8), в Ростове появляется русский “муж” – наместник Рюрика (ПСРЛ. Т. I. Л. 7), затем “великий князь, под Ольгом суще” (Там же. – Л.15об).

Если территориальная структура и внешнеполитическое положение одного из финно-угорских позднепотестарных образований достаточно ясно видны на примере “Сарского” княжества, то их внутренняя политическая структура по археологическим материалам не “читается”. Здесь на

помощь приходит фольклор доживших до нашего времени, но имевших княжескую власть в древнерусскую эпоху и тесно с Русью связанных и плативших ей дань (ПСРЛ. Т. I. Л. 4об), хотя в ее состав и не входивших, восточнофинских народов, в частности мордвы.

У ее эрзянской части князь наделяется функциями культурного демиурга; ритуально-магической¹⁹⁰, редистрибутивной, и вероятно, судебной. Отсутствуют функции: военно-организаторская, фискальная, внутреннего подавления (Маскаев, 1964. – С. 180-185). Первый князь (Тюштян) выбирается старейшинами (формально – “народом”) из числа “пахарей” (Там же).

Прямая аналогия с легендами о происхождении династий правителей Чехии и Польши у Козьмы Пращского и Галла Анонима, а также с ритуально-символической “крестьянской” атрибутикой и обоснованием княжеской власти в Чехии и Карантании является чисто формальной. В этих странах главными функциями князя были как раз военно-фискальные, а в идеологии господствовал аристократизм, идея превосходства князя и дружины над народом. “Крестьянские” генеалогии и атрибутика имеют литературно-книжное происхождение, явно навязаны “сверху” в демагогических целях.

Функции власти “князя” у эрзи (по легенде) более соответствуют статусу вождя позднепотестарного этапа (ср., например: Бочаров, 1995; Соболева, 1995), чем правителя переходного (в дружинной форме), а тем более раннегосударственного этапа.

Таким образом, среди обширных финно-угорских лесов Севера еще до образования Руси встречались на отдельных плодородных участках, через которые к тому же проходили торговые магистрали, типичные вождества, о чем свидетельствует сочетание фольклорных, археолого-топографических и нумизматических данных.

Однако вожди эти были, вероятно, по своему статусу и функциям (хозяйственно-редистрибутивным и сакральным) ближе к африканско-океанийскому типу главы – символа благополучия племени, чем к славяно-индейскому, где вождь выступал прежде всего как предводитель¹⁹¹, глава дружины. Возможно, совпадает лишь судебная функция.

С юга и юго-запада к мере, муроме и мордве примыкают земли вятичей, которые в большинстве своем, а для IX – начала X вв. – полностью, входят в состав Юго-Восточного региона форм потестарной организации и внешнеполитических воздействий.

Юго-Восточный регион

Среди источников по этому региону первое место в плане новизны занимают материалы нумизматики в сочетании с естественно-географическими данными и сведениями письменных источников хазарского происхождения в контаминированные с известными сообщениями ПВЛ о хазарской дани и военной деятельности в этом географическом направлении Олега, Святослава и Владимира.

В природном отношении Юго-Восточная зона (почти все Днепровское Левобережье без Чернигова, Переславля, Посожья, части Подесенья) характеризуется двумя факторами:

1. Наличием степных “языков”, вдающихся далеко вглубь не только лесостепей, но и лесной зоны, и пояс ополей на границе последней, дающей возможность для размещения и действий конницы;
2. Контрастностью зон (степь, лесостепь, ополья, полесья), границы которых зачастую совпадают с хозяйственно-культурными и этнополитическими рубежами и позволяют уточнить последние.

Природный фактор воздействовал по-разному и на разные стороны жизни (хозяйство, политика и т.д.) на разных этапах древнерусской истории Юго-Восточной зоны (подробнее: Шинаков, 1996 а).

В потестарно-политическом аспекте период конца VIII – начала XI вв. (генезиса древнерусской государственности) на Левобережье можно разделить на 5 этапов: конец VIII – начало IX вв. – сложение этнопотестарных общностей; IX в. – хазарское господство; конец IX – начало X вв. – политические изменения, связанные с установлением гегемонии русов; середина – начало второй половины X в. – независимость племен Юго-Востока, возможно, под хазарским протекторатом, связанная с кризисом и временным распадом Руси в 40-е гг. X в.; конец X – начало XI вв. – окончательное присоединение Юго-Восточной зоны (за исключением части вятичей) к Руси и начало ее “государственного освоения”¹⁹².

Каждый из этапов характеризуется своим набором археологических и нумизматических артефактов и в той или иной степени отражен в письменных источниках.

Прежде чем перейти к этнопотестарной характеристике первого этапа, мы должны остановиться на этнической предыстории Левобережья и Среднего Поднепровья в целом, связанной с пеньковско-пастырскими,

сахновскими и киево-кологичинскими древностями. Факты по вопросу их этнической характеристики известны уже давно (исключая трубчевскую и мужиновскую (Падин, 1995; Шинаков, 1995б. – Рис. 1; 1995 а. – Табл. XVIII) находки пеньковских артефактов в Брянской области в конце 1980-х – начале 1990-х гг.), однако их интерпретация до сих пор остается не только противоречивой, но и зачастую взаимоисключающей. Последние два фактора не только заставляют, но и дают определенное право автору высказать и свою точку зрения не по “своему” (в профессиональном плане) периоду.

Анализ непосредственно предшествующих волынцево-роменским древностям артефактов (украшений и жилищ, прежде всего) пеньковской культуры показывает их разнородное происхождение: прабалто-славянское в основе (выемчатые эмали, спиралевидные украшения, “штрихованная” и киевская керамика, столбовые прямоугольные жилища) при сильном провинциально-римско-латенском (гето-ясторфско-кельто-бастарнском в этническом плане) влиянии, выраженное еще в дочерняховской культуре Поянешти-Лукашевка (Корзухина, 1978; Перхавко, 1978. – С.70; Славяне и их соседи..., 1993. – С.94-95). Постепенно балтская (восходящая, вероятно, к зарубинецко-киевским¹⁹³ древностям) основа сменяется славянской (срубные полуземлянки с печами-каменками), усиливается тюрко-болгарское и аварское, при сохранении иранского субстратного (круглые жилища, наборные пояса), влияние, связанное, вероятно, с образованием в VII в. Великой Болгарии, а позднее – салтово-маяцкой культуры. Тогда же “проявляется” затухший на некоторое время латено-гето-германский культурный пласт, имевшийся в пшеворской и черняховской культурах, культуре Поянешти-Лукашевки (антропоморфные фигурки протомартыновского типа, прототипы пальчатых фибул (Славяне и их соседи..., 1993). Возможен, по крайней мере, на левобережье пеньковской культуры, повторный импульс из юго-восточной Прибалтики через кологичинскую культуру¹⁹⁴, выраженный появлением височных колец с “улитковидным” (спиралеобразным) завершением (Lietuviu Liaudies Menas, 1958. – С.257).

Семантически и функционально, вероятно, однотипные эти латено-германо-балтские по происхождению артефакты стилистически, однако, образуют совершенно независимую и абсолютно оригинальную группу украшений и деталей костюма, выраженную в термине “мартыновские древности” (Седов, 1995. – С.120, 122). Последние, вероятно, маркируют

разноэтничное военно-политическое образование VIII в. н.э., ранее известное под именем “анты” (являвшееся, скорее всего потестарным суборганом Великой Болгарии) как ранее разноэтничная Готская “держава”, отраженная черняховскими древностями¹⁹⁵.

Возможно, под давлением аваров, позднее – в результате болгаро-хазарских войн в Северном Причерноморье, некоторые группы смешанного населения антского союза переселяются в Нижнее (Ипотешти-Кындештская культура) и Среднее (“аварская” культура) Подунавье, возвращаются в Юго-Восточную Прибалтику (западномазурская, в основе германо-славяно-тюркская¹⁹⁶ культурная группа), расселяются на Балканах, в том числе и в пределах Византийской империи (особенно показателен в этом плане клад “мартыновских” фигурок из Валентино в Фессалии (Седов, 1995. – Рис. 51, 52). Скорее всего, эта группа “антского” населения (нижнедунайская) была славяногерманской (Там же. – С.97-98).

В общем анты представляются разноэтничным военно-политическим союзом, вначале с преобладанием венедо-балтов (прибалто-славян), с дальнейшим повышением доли ирано-тюркских элементов, при формировании на гето-латено-германской основе (при дополнении балто-иранскими чертами) общей по крайней мере для космополитичных верхов союза, культуры “мартыновско-пастырского” облика. Западная часть населения, контактировавшая с Византией и аварами (Ипотешти-Кындештская культура), говорила, скорее всего, на славянском языке.

Расселение этой части пеньковцев в Среднем Подунавье и в Юго-Восточной Прибалтике, возможно, привело путем подражания одному из типов пеньковских украшений балтского происхождения (кольца со спиралевидными концами) к возникновению типично западнославянских “поморских” эсо-конечных височных колец (Седов, 1995. – Рис. 11, 22). Впрочем, первые могли возникнуть и путем прямых контактов с балтами (ср.: Lietuviu Liaudies Menas, 1958. – С.253).

Главные особенности этнопотестарных традиций, по крайней мере юга Днепровского Левобережья:

1. Привычка входить в крупные иноэтничные надплеменные территориально-политические образования позднепотестарного этапа, подчиняться иноплеменным, в каждый данный момент наиболее сильным правителям.
2. Отсутствие племенного сепаратизма и замкнутости, вероятно, дос-

таточная веротерпимость и широта “политического” кругозора знати, ее определенный космополитизм.

3. Привычка всего населения к разного рода войнам, всеобщая военная подготовка и вооруженность.
4. Наличие значительного количества избыточного продукта в распоряжении знати, т.е. ее независимость от общества.
5. Обычай последнего выплачивать дань вышестоящей ЭСО и участвовать в ее военных предприятиях.

В VIII в. при переходе от пеньковской и колочинской культур к одновременно формировавшимся салтово-маяцкой и роменско-боршевской, а также как бы контактной между ними и в наибольшей степени отражавшей пеньковско-антские традиции волынцевской культуре, приоритет переходит к тюрко-болгарской потестарной культуре. Ее, как и иные кочевнические многоэтнические структуры, отличает приверженность к власти одного легитимного рода, привычка инкорпорировать в свой состав иные этнопотестарные суборганизмы, четкие, в том числе ранговые, внешние отличия военно-аристократической верхушки, всеобщая вооруженность народа. Происходит начавшееся еще в конце существования пеньковской культуры усиление роли тюрко-аланского компонента, выраженного так называемой пастырской керамикой, в славяно-балтской (или прабалтославянской)¹⁹⁷ среде выразившееся в вычленении волынцевской культуры и расширении ее ареала на северо-запад и север, параллельно и как бы “внутри” роменско-боршевской. Начинается естественный синтез славяно-балтских и болгаро-аланских этнокультурных и этнопотестарных традиций, использованный и получивший государственное регулирование позднее, в недрах Хазарского Каганата.

Как видим, для потестарной предыстории Юго-Востока важен не столько этнический, сколько “политический” момент. Потестарные традиции смешивались, наслаивались друг на друга, передавались от поколения к поколению, накапливались, но редко прерывались. Для этой зоны археологически и исторически (за исключением анто-готского и анто-аварского конфликтов по Иордану и Феофилакту Симокатте) не прослеживаются следов опустошительных нашествий, разгрома и уничтожения этносов и, соответственно, их потестарных традиций. Скорее, мы имеем дело со сменяющимися друг друга корпоративно-эксплуататорскими и многоуровневыми властными структурами. В этой связи можно высказать пред-

положение, что у наиболее тесно контактировавших с болгаро-аланским миром северян – основных носителей роменской культуры – родовые связи если и имели значение, то только в аналогичном, потестарном аспекте, а не структурообразующем, социальном, как, скорее всего, у радимичей.

Этническая природа северян чаще всего определяется, исходя, в основном, из их названия. Исторические и археологические данные при этом вторичны, подбираются в зависимости от этнонимической гипотезы. Можно отметить четыре главных варианта их происхождения: автохтонно-славянский, восходящий к антам-пеньковцам, черняховцам и даже зарубинцам (с учетом их временного ухода на север при нашествии готов и возврата оттуда) (П.Н.Третьяков, Б.А.Рыбаков, Д.Т.Березовец и др.)¹⁹⁸: западнославянско-висленский (с “прямой” версией – через Северо-Западную зону вместе с кривичами (“от них же и север” (ПСРЛ. Т.1; Сенаторский, 1902)) и через “Дунайский котел” (Щавелев, 1996); “иранский” (В.В.Седов, Н.М.Багновская): болгаро-дунайский (“северии” – одна из потестарных единиц “союза семи племен” (Трубачев, 1992; А.В.Григорьев). Особо следует отметить работы, в которых подчеркивается разноэтнично-политический характер Северянского союза¹⁹⁹; Багновская (1979. – С.23) включает в него радимичей и вятичей. Косвенно связь с “северой” кривичей, с одной стороны, вятичей и радимичей – с другой, вытекает и из сравнительно новой, протобалто-славянской концепции Г.С.Лебедева, отметившего “двойственное” этноязыковое положение этих трех этнических групп по ПВЛ (1989. – С.112). Поскольку летопись действительно подчеркивает в одном месте генетическое родство кривичей и северян (ПСРЛ. Т.1. Л.4), в другом – сходство на уровне обычаев и обрядов “северы” с радимичами и вятичами (ПСРЛ. Т.1. Л.5), то потестарно-типологически летописный “север”, скорее всего, логичнее поместить между этими двумя группами племен.

Археологически проблема происхождения типологических особенностей поздней потестарности Левобережья замыкается, в основном, на волынцевских древностях, имеющих двойственное – местное (относительно) пастырское и пришлое (салтовское или именьковское (среднеповолжское) (Щеглова, 1997. – С.10; Седов, 1995. – С.194-195) – происхождение. В.В.Приймак считает возможным говорить для VIII в. о сложном вождестве с центром в Битице, во главе с волынцевским дружинным элементом, но включающем и иные по этносу, в том числе славянские племена с собственной потестарной суборганизацией. Называется даже форма

получения правящей верхушкой избыточного продукта и одновременно – главный способ реализации власти – полюдье (1994. – С.26). В то же время подчеркивается зависимость от Хазарского каганата, хотя данный автор и не считает, в отличие от Д.Т.Березовца (1965), Битицу опорным пунктом хазарского владычества и местом дислокации хазарского воинского контингента.

В целом, соглашаясь с абрисом этой концепции, позволим некоторые коррективы, связанные с неразработанностью и неточностью внутренней хронологии вольтинцевских древностей и их верхней границы.

Обратим, прежде всего, внимание на характер размещения вольтинцевских древностей (Седов, 1995. – Рис. 56), которые, кстати, в территориально-хронологическом плане стыкуются не только с роменскими, но и сахновскими (полянскими?) (на Правобережье: Петрашенко, 1990. – С.49), колочинскими (прабалто-славянскими) в Среднем Подесенье²⁰⁰, финно-угорскими (на Верхнем Дону). Кроме достаточно компактного ядра культуры в междуречье Сейма и Ворсклы с центром в Битице и открытым выходом в салтовский ареал, остальные памятники вольтинцевского типа составляют шесть групп, оконтуриваемые, но вполне стыкующиеся с реалиями, границы Хазарского каганата: Правобережье в районе Киева, бассейн р.Снов (правый приток Десны), Брянское ополье, Верхняя Ока, Верхний Дон, Среднее Поволжье (Смирнов, 1968. – С. 168). От основного ядра культуры эти группы отделены роменскими, колочинскими, боршевскими древностями, а то и вообще слабозаселенными, либо степными пространствами.

Данная территория на своем западном участке, отчасти и на юго-востоке, совпадает с границами “взятой на себя” русскими князьями хазарской дани со славян, очерченными по более поздним дружинным камерным захоронениям В.Я.Петрухиным (1987, 1995 а,б). В этой же зоне преимущественно и встречаются варварские, скорее всего хазарской чеканки, подражания арабским дирхемам IX в.²⁰¹ (Быков, 1974. – С.56; Магомедов, 1983. – С.189; Кропоткин, 1968. – С.78), а в X в. к ним добавляется собственная денежно-весовая система, основанная на обрезанных в кружок монетах (Зайцев В., 1992), охватывающая земли северян (кроме ранее покоренных русами черниговских), южных вятичей и юго-восточных радимичей. В Хазарии этой системы нет, как, впрочем, и в Киево-Новгородской Руси.

Эти шесть вольнцевских групп перекрывают также все возможные водные пути из Черноморско-Каспийского региона на север и их ответвления.

Строительство крепостей на Дону именно с этой целью – для удовлетворения фискально-пошлинных интересов военно-торговой верхушки Каганата отметила С.А.Плетнева (1976. – С.55)²⁰², однако она не связывала эту функцию с вольнцевскими группами населения по окраинам внешней (славяно-балто-финской) зоны Каганата. Возможно (и скорее всего), именно этим фактором – контролем над торговыми путями (а не скудной данью) – объясняется выбор славяно-финских племен – данников Каганата, хотя одновременно группы вольнцевского населения с внешней (для Хазарии) стороны как бы оконтуривали земли ранних вятичей, северян, возможно, радимичей до их расселения на Соже. Само же появление вольнцевцев (кто бы они ни были в этническом плане) в Юго-Восточной зоне, вряд ли связано с государственной политикой переселения покоренных групп населения на окраины государства (Каганата, в данном случае (Михеев, 1991. – С.45-46; Приймак, 1994. – С.14-15)), т.к. в начале VIII в. (а именно тогда появляется вольнцевская культура) ослабленный арабскими войнами Каганат вряд ли мог предпринять подобную акцию, могущую вызвать недовольство как переселенцев, так и местного населения. Возможно, первоначальное бегство²⁰³ каких-то групп (предположительно – ирано-тюркского населения) к своим, уже жившим здесь, пастырским “родственникам” после гибели Великой Болгарии и во время арабских войн на Северном Кавказе могло иметь место. Роль степных поселенцев в славяно-балтской среде существенно менялась на рубеже VIII – IX вв., после внутреннего конфликта, в итоге завершившегося компромиссом хазаро-иудейской торговой верхушки и болгарских степных ханов, допущенных к кормилу власти. В итоге родственники последних – вольнцевцы – могли стать опорой властей Каганата во вновь присоединенных тоже славянских землях. Кратко их можно назвать “военными поселенцами”, выполнявшими, вероятно, и функции сбора дани со славян (от “дыма” или от “рала”), но самим от налогов освобожденными.

Не исключена вероятность, что в качестве компенсации того, что болгары-тенгрианцы стояли все же на ступеньку ниже хазаро-иудеев, им могло быть предоставлено право (и обязанность) контроля за “колониями”. Подобная практика известна в таких сложных по территориальному устройству государствах, как Карфаген или Бенин: “граждане”, но как бы

второго сорта, не принадлежавшие к правящим благородным родам, имели привилегию в обход последних поставлять наместников на окраины государства, где жили вообще “неграждане”, к управлению ни в коей мере не причастные.

В данном случае ситуация, возможно, облегчалась и традициями давнего ирано-тюрко-балто-славянского симбиоза на Левобережье, когда болгаро-аланы (или кто бы ни были “вольнцевцы”) не воспринимались местным населением враждебно, как завоеватели, и тем успешнее могли осуществлять свои функции в пользу Каганата. Недаром не известно ни одного восстания славян против хазаров (эпизод с полянской данью мечами неоднозначен) при том, что антиваряжскими, позднее антирусскими движениями и проявлениями враждебности буквально пестрят листы летописи. Дата прекращения функционирования Битицкого городища спорна и опирается не столько на археологически обоснованные датировки, сколько на ее контаминацию с потрясениями внутри Каганата и основанием в 30-х гг. IX в. крепости Саркел (Приймак, 1994. – С.14, 15)). Разница же в 30 лет (первая либо последняя (по нашему мнению) треть IX в. археологически вряд ли уловима. Если же принять как гипотезу одновременность Битицы в середине IX в. как центра сбора хазарской дани с данью варяжской, затем “русской” на Севере, то тогда имеет основание сравнение того же В.В. Приймака этого поселения Юго-Востока с таким центром Севера, опорным пунктом скандинавской колонизации, как Ст. Ладога²⁰⁴ (Там же. – С.27).

По аналогии с историко-археологически отраженным процессом сбора варяжской дани можно реконструировать этот процесс и для хазарской сферы влияния. Вероятно, из Битицы назначались наместники – тудуны в отдельные регионы Левобережья, охваченные хазарской данью. Возможно, свидетельством наличия дружины такого наместника в Брянском ополье является “этнически чистый” (как и собственно Вольнцевский на Сейме)²⁰⁵ могильник у с.Палужье на Десне. Вооружены эти воины (в Битице, по крайней мере) были салтовским оружием и снаряжением (Приймак, 1994. – С.14, 26), хотя, судя по обряду кремации, в религиозно-обрядовом отношении они не могут отождествляться с алано-болгарами напрямую.

Что же касается возможного наличия правителей “вождеств” славянского или балтского происхождения, то косвенные археологические свидетельства об их наличии относятся лишь к четвертому этапу (с середины X в.).

Третий этап преддревнерусского потестарного развития Юго-Восточ-

ной зоны связан с попытками русов (Аскольда и Дира, затем Олега) завладеть южными оконечностями тех путей, северными участками которых они владели уже сто лет. Отсюда в список первых данников Олега на Юге Руси входят те же поляне, северяне, радимичи, покоренные либо силой, либо ее демонстрацией и угрозой применения.

Именно с этими событиями, а не с внутренней гражданской войной в Каганате следует, вероятно, связывать гибель Битицкого городища, исчезновение (на Правобережье, в Чернигове, на р. Снов, в Брянском ополье, на р. Псел (Битица)) или архаизацию (переход от круговой к лепной посуде) и растворение в славянской сельской среде вольтинцевских древностей (Коваленко, 1988. – С.23-26; Григорьев, 1993), зарытие Железницкого (Зарайского) клада²⁰⁶.

Поскольку русы, в отличие от хазар, не располагали опытом управления и чиновничьим аппаратом, а также готовым контингентом “военных поселенцев” в славянской (роменской) среде, они при сборе дани по хазарской системе (от “дыма” или “рала”) вынуждены были, вероятно, опираться на местные органы власти, что не могло не усилить последние. Появляются хорошо укрепленные городища, окруженные селищами-посадами или поселениями-“спутниками” (Приймак, 1997. – С.10) с более богатым и оригинально-местным инвентарем, жилищами разных размеров, хотя и одного (в отличие от предыдущего этапа) типа. Опорных же пунктов верхнего (русского) уровня власти, в отличие от хазарского (второго) этапа нет вообще (исключение – Чернигов – Шестовица). Об их устройстве и функциях опять же нет никаких свидетельств. Можно лишь предположить, что северянско-вятичская, возможно, отчасти радимичская знать при создании органов управления и сбора уже киевской дани вряд ли могли использовать отсутствовавший опыт русов, самих находившихся “в поиске” форм организации власти над обширными землями Юга. Образцом могли послужить системы власти болгаро-аланского (или “вольтинцевского”?) варианта хазарского типа степной государственности с ее родовым правлением, иерархичностью уровней власти, развитой денежно-весовой системой, торговлей, всеобщим вооружением народа, при наличии привилегированной военной аристократии, воевод, дружины-“гвардии”.

Схожие, но более территориально отдаленные и опосредованные (и ослабленные) через Юго-Западную зону, потестарно-политические импульсы могла дать и Великая Моравия. На многих, особенно окраинных посе-

лениях, сохраняются постволынцевские (Кветунь) и салтовские (Титчиха) артефакты, свидетельствующие о частичном сохранении старых традиции и связей.

Четвертый этап подробно охарактеризован в концептуальной статье автора и А.В.Григорьева (1990). К ее положениям можно добавить открытие связывающей упомянутые в ней позднероменские протогосударственные центры особой, отличной от древнерусской, денежно-весовой системы 20 – 90-х гг. X в., основанной на обрезанных в кружок по единой норме дирхемах (не только арабских, но и хазарских) (Зайцев В., 1992; Шинаков, Зайцев В., 1993)²⁰⁷. Кроме того, пополнился за счет коренных северянских территорий в междуречье Сейма и Ворсклы список возможных претендентов на роль центров малых племенных княжеств, число которых в этом регионе, вероятно, превысило десяток. Добавим сюда такие окраинные вятичские и северянско-межэтнические предгородские центры, как Титчиха, Супруты, Кветунь, вероятно – Хотылевская агломерация в Брянском ополье.

Характерная черта материальной культуры всех этих центров – сочетание лепной роменской и “местной” (не шестовицко-древнерусской и не салтовской) ранне-круговой керамики (Шинаков, 1991 в; Григорьев, 1993).

Очевидной единой столицы этого предполагаемого северянско-вятичского, отчасти радимичского, межплеменного протогосударственного объединения пока не обнаружено. Наибольший сгусток городищ – в ядре северянской территории с географическим центром на верхнем Псле и Суле; затем на восток, север и северо-запад идут слабозаселенные земли вплоть до таких “гигантов”, как Титчиха, Супруты, Кветунь, в культурном плане имеющих генетически единый и, вероятно, социально-потестарно однородный с северянскими городищами облик. Последние представляют иерархию поселений (Приймак, 1990) – от гигантов с мощными укреплениями, посадами, селищами-спутниками и обширными некрополями (религиозными центрами?) до рядовых городищ. Среди первых все еще, возможно благодаря своей образцовой изученности (А.В.Куза), выделяется Горналь на Псле; только на нём обнаружены следы собственного монетного чекана (Куза, 1981) и прототипы украшений поздне- и построменского облика (лучевые ложнозерненные кольца группы IV (Шинаков, 1980 в)), распространившиеся на землях северян, вятичей, радимичей, а за их пределами – в основном в северо-восточной части Северной зоны (Шинаков, 1995 д).

Судя по “Письму хазарского еврея” и списку данников царя Иосифа, в середине X в., после поражения русского князя Х-л-гу (НЛГВ) от войск хазарского полководца Песаха (Голб, Прицак, 1997. – С.141-142) и повсеместных неудач князя Игоря в начале 40-х гг. X в., северяне и радимичи вновь обрели независимость от Киева, а вятичи – ее сохранили²⁰⁸. Находясь между почти распавшейся Древнерусской державой (лишь усилиями Ольги было сохранено ее ядро) и временно вновь усилившимся Каганатом, эти племена, во-первых, имели возможность воспользоваться ситуацией, во-вторых – вынуждены были это сделать для самостоятельной защиты от печенегов (в союзе с последними в 60 – 70-е гг. X в. находились русские князья Святослав и Ярополк). Скорее всего, возможен протекторат Каганата²⁰⁹ над северянами, вятичами и частью радимичей, объединенными в потестарно-политический организм конфедеративного типа (без единой столицы), но уже на новых, более выгодных для последнего, условиях. Об этом свидетельствует резко возросшее богатство правящей позднеероменской верхушки, сконцентрированной в отдельных крупных, достаточно далеко друг от друга отстоящих (Горналь, Супруты, Кветунь, Титчиха) предгородских центрах. Они обладают единой (хотя и отличной в деталях) синкретичной по истокам, но уже специфически-самобытной культурой (особенно это чувствуется в чисто серебряных деталях женского костюма).

Значительная часть восточного серебра из Хазарии уже не проходила транзитом через вятичско-северянско-радимицские земли, а оставалась в руках оседлавшей торговые пути правящей верхушки этих племен, создавая экономическую основу ее власти. Об этом свидетельствуют не только весьма многочисленные в Юго-Восточной зоне монетные клады X в., семь из которых содержали обрезанные в кружок по местной весовой норме дирхемы (Зайцев В., 1992), но и результаты “перераспределения” этих средств: мощные, в том числе на каменной основе (Горналь, Каменное, Ницаха, Журавное), укрепления, большие наземные дома (Новгород-Северский, Хотылево и др.), богатый и разнообразный специфичный для данной территории набор чисто серебряных украшений (по инерции этнокультурные северяне XI – первой половины XII вв. также сохраняют эту традицию (и запасы серебра для украшений)). Набор этот отличается чистотой серебра не только от других групп восточных славян, но и от собственно поздне- и построменских сельских поселений, для которых

более характерны балтские, скорее всего, по своим корням спиралевидные височные кольца (Шинаков, 1995д).

Кроме вполне очевидных на этих примерах функций самообеспечения правящего слоя, последний должен был также организовать защиту от печенегов – на южных, от русов (киевских, черниговских, смоленских) – на западных рубежах нового потестарно-политического образования (Шинаков, 1994; Григорьев, 1990; 1993), обеспечивать нормальное функционирование путей по Дону и Оке. Кстати, возможно, потребность в “обходном” движении потребовалась в связи с угрозой прямому Волжскому пути из Хазарии в Волжскую Болгарию со стороны печенегов и гузов; в этом аспекте знать данного территориального образования выполняла и своего рода международные обязательства (имея и свою выгоду), поддерживая данный “мост”. Интересно, что после присоединения юго-восточных северянских и вятичских земель, русы сохранили этот путь, только начинался он уже не в Хазарии, а в Киеве (Моця, 1985; Моця, Халиков, 1997).

О наличии полюдья (по предположению В.В.Приймака) прямых данных нет. Однако отсутствие четко выраженного археологически административного центра – резиденции можно объяснить не только конфедеративным устройством. Сопоставление проводится со славянскими державами, находившимися под воздействием потестарных (политических) “степных” и германских культур, институтов и структур одновременно. Это – прежде всего Великая Моравия, возникшая на стыке Каролингской империи (позднее – Германии) с Аварским каганатом. Кочевые ставки каганов, связанные с образом жизни и хозяйства, отчасти религиозными связями государя и подданных, сочетаются с “кочующим” имперским двором, перемещающимся между городами и имениями. В Великой Моравии в итоге – аналогичная ситуация (объезд “градов”, где были и постоянные гарнизоны, князем и дружиной). Для гипотетического северяно-вятичского, отчасти радимичского, протогосударства в качестве образца могли выступить скандинавская вейцла, кочевой образ жизни болгарских ханов и сезонные перекочевки хазарского двора (Коковцов, 1996. – С.595), в сочетании с зафиксированными более ранними (IX в.) связями с великоморавской зоной влияния.

Добавим к этим особенностям военно-ранговую дифференциацию болгаро-алан²¹⁰ (Афанасьев, 1993. – С.48, 49; Плетнева, 1989; – С.278, 280-282), перенятую, впрочем, судя по данным археологии, не только и не

столько северянами²¹¹, сколько русскими дружинниками (в противовес внутреннему “демократизму” варяжских отрядов). Эту же “ранговость” и ее внешние атрибуты переняла и великоморавская (затем чешская и польская) дружина, скорее всего от аваров (Laslo, 1955. – С.16, 51, 56).

Границы этого образования на севере проводятся по верховьям Оки (включая Супруты) и Дона; в пограничную территорию с финно-уграми под властью варяго-русов²¹² попадает (и маркирует ее) знаменитый Железницкий (Зарайский) клад, в котором стыкуются предметы роменско-боршевского, салтовского, муромско-мордовского, приуральского, венгерского, восточного (мусульманского) происхождения. Впрочем, на севере границы не очень четкие из-за вятичского проникновения в финно-угорские земли по Оке. На востоке граница совпадает с пределами боршевской культуры и проходит в междуречье Дона и Волги. На юго-востоке она размыта островками алано-болгарского населения на Северском Донце, возможно инкорпорированном в состав данного объединения. Южная – ограничена удобными для защиты от печенегов водными рубежами (верховьями и средним течением Ворсклы, средним течением Псла, низовьями Сулы (где стыкуется с русской крепостью Воинь). Западная граница в деталях “читается” в Подесенье, где иногда, между Черниговской Русью и позднероменской культурой пролегает несколько десятков километров незаселенного пространства²¹³ (Григорьев, 1990) либо имеются противостоящие друг другу крепости в непосредственном соседстве (Шинаков, 1994). Отсюда начинается особая переходная между Юго-Восточным и Центральным регионами, территория.

Наибольшую сложность по конфигурации представляет северо-западный участок границы от Десны до Ипути и Беседи, в который с юга на глубину до 75 км клином вдается территория “Росии” (по Константину Багрянородному), характеризующаяся многочисленными кладами “северной” системы, шестовицкой керамикой, предметами вооружения скандинавского происхождения, чуть позднее – камерными захоронениями (Фомин, 1988; Шинаков, 1990 б). Стержнем клина является р. Снов, северо-восточнее его верховий – Стародубское ополье, входившие в состав особой военно-административной единицы Руси – “Сновской тысячи” (Зайцев А., 1975), имеющей выраженные археологически и топонимически поселения “служебной организации” (Шинаков, 1999 а). К таковым, вероятно, относится и село Рогово на Судости (Поляков, Шинаков, 1997), разрывающее

цепочку роменских поселений на р. Судость. Вероятно, до кризиса “Большого полюдья” в середине X в. оно являлось одним из его станом, аккумулявавших дань с северян, радимичей, вятичей и одновременно разделявших их территории (Шинаков, 1986 а). К востоку от “Пути”, в расположенных на правом берегу Десны Вара-Судостьском, Трубчевском и Брянском опольях жили “чистые” северяне (Сухобоков, Юренко, 1985), несколько “разбавленные” вятичами и радимичами (Шинаков, Гурьянов, Миненко, 1998), к северо-востоку – вятичи (на Болве) и кривичи, к западу (на Ипути) – радимичи.

Восточная часть последних, судя по топографии кладов, наличию северянских и вятичских древностей (Пеклино, Ляличи, Людково) (Шинаков, 1990 в; 1993 в), относилась к зоне хазарской дани, затем – к предполагаемому северянско-вятичскому протогосударству. Его юго-восточная (со “Сновской тысячей”), северная и южная границы здесь совпадают с этнокультурными рубежами радимичей конца X – XII вв., прохождение западной, рассекающей их территорию с севера на юг, – тема дальнейших исследований. Сейчас можно провести границу “диких” (или подчиненных Киеву со времени Олега) и “хазарских” радимичей по линии: Стародединский клад на р. Остер – Ивановка (Лотаки) на Беседи – район Новозыбкова (Безымянный клад). В любом случае собственно Посожье в Восточный регион не входило. Это подтверждается и наличием двух основных групп концентрации курганов с этноопределяющими украшениями (Шинаков, 1980 б. – Рис. 3), разделенных “пустотой” между Беседью на востоке и Сожем на западе, смыкающихся лишь на юге, в Гомие, с его роменским слоем.

Достаточно большая точность при определении границ Руси с поздне-роменской культурой и ранними этнокультурными радимичами X в. в междуречье Ипути и Десны базируется не только на археологических и нумизматических данных, но и современных (XIX – XX вв.) этнографических и лингвистических материалах²¹⁴, а также физико-географическом районировании. В последнем случае автор исходит из неоднократно апробированного полевыми материалами допущения, что этнокультурные и постарно-политические границы в основном совпадают микрогеографическим членением и не пересекают единый ландшафтный микрорегион²¹⁵ “поперек”²¹⁶ (Шинаков, 1991 а, б; Шинаков, Гурьянов, 1994).

Значение подобного рода, возможно, излишне скрупулезной для целей нашего исследования, “демаркации” границ в том, что она лишняя

раз свидетельствует в пользу территориально-политического, а не этнокультурно-религиозного характера рассматриваемого “протогосударства”. Так, на севере в него могли входить финно-угорские элементы (рязанско-окские могильники, зона Железницкого клада), на юго-востоке – алано-болгарские. С другой стороны, в его состав инкорпорировалась лишь часть этнически и, вероятно, религиозно единых радимичей²¹⁷, последние, таким образом, оказываются разделенными между Центральным регионом потестарности и Юго-Восточным. С другой стороны, Подесенье и междуречье Десны и Ипути образуют для X – XI вв. такой сложный этнокультурный²¹⁸ и потестарно-политический калейдоскоп, что вполне могут быть выделены в особую, “буферную” между несколькими регионами зону (Шинаков, 1995 в, г).

Именно здесь, наряду со Средним Поочьем (Супруты), верхним течением р. Псел (Горналь) и Курским Посеймьем, хорошо прослеживается пятый этап – ликвидация независимости северян, радимичей и части вятичей и начало “государственного освоения” их территорий (середина 60-х гг. X в.²¹⁹ – середина XI вв.).

Этот этап хорошо освещен археологическими и нумизматическими источниками, находящими полное соответствие в данных летописи, и относится уже не к истории додревнерусских потестарно-политических структур, а к процессу создания территориальной базы самого Древнерусского государства. Примечательна лишь длительность и “этапность” данного процесса на Левобережье, в Юго-Восточной зоне, что свидетельствует о силе сопротивления живших здесь “племен” и относительной прочности²²⁰ созданного ими потестарно-политического объединения и его отдельных суборганизмов.

Юго-Западный регион

Юго-Западный регион потестарности является наиболее “чисто” славянским, с некоторым влиянием фракийского субстрата в Карпатах. К моменту начала древнерусских государствообразовательных процессов (середина IX в.) он, в отличие от остальных регионов, имел значительные собственные потестарные традиции (государство “Валинана”, по ал-Масуди, отождествляемое с “державой Дулебов”, по В.В.Седову (1982. – С.90-93) и Н.И.Милютенко (1993. – С.163), за которым скрывались не только

вольняне, но и древляне, дреговичи и даже поляне (Там же). Принадлежащая им культура Луки-Райковецкой, в отличие от роменско-боршевской, имеет прямое генетическое продолжение в общерусской христианской. Второй, более ранний по времени записи, но более поздний по описываемым реалиям пласт сведений принадлежит восточным авторам “первой традиции” (Ибн Русте, Гардизи, ал-Марвази, “Худуд ал-Алам”) сведения которых, по А.П.Новосельцеву, восходят друг к другу с некоторыми дополнениями, а в конечном итоге – к автору 40 – 50-х гг. IX в. Муслиму ибн Абу-Муслиму-ал-Джарми и отражают реалии этого и чуть более раннего времени (Новосельцев, 1965. – С.392). По вопросу авторства (см., например: Lewicki, 1977) и соотношения описания с конкретными (не восточнославянскими, а общеславянскими (Вестберг, Кмитович), великоморавскими (Тржештик, Достал), зличанско-хорватскими и краковско-хорватскими (Маркварт, Левицкий) реалиями имеются и иные точки зрения ряда российских, немецких, польских и чешских исследователей.

Мы исходим из уже высказанного допущения, что если описания все же касаются восточных славян, то Юго-Западной зоны (Хордаб (Джарваб, Хордаб) и основной массив сведений). Но не только ее: Вантит (Вабнит, Ва-ит), расположенный “на востоке земли славян” в двух (10) днях пути от венгров и печенегов (Новосельцев, 1965. – С.387, 389, 290), в IX в. кочевавших еще в Поволжье, мог находиться только в земле донских вятичей. Точная его локализация (по А.Н.Москаленко, А.Д.Пряхину или А.З.Винникову) в данном случае значения не имеет: важно его нахождение на Донском пути в славянских землях Каганата и получение сведений о нем из хазарских источников. Возможно, в Хазарии (но от русских купцов) или в Волжской Болгарии могли быть получены данные о более отсталых славянах (Севера (?)), в том числе финно-уграх (?), подвергавшихся набегам и поборам русов и служащих для последних рабами (Там же. – С.397, 399).

Для Юго-Запада интересен третий путь получения сведений – возможно, через Центральную Европу (далее – Византию или Кордовский халифат) – о юго-западной части восточных славян (хорватах). Эти данные о них выглядят как бы через великоморавскую призму. Впрочем, для второй половины IX в. включение не только западно-, но и восточнохорватских земель в состав державы Святополка (“Свт.м.лк’а”) (?) представляется вполне реальным, не говоря уже о прямом политическом влиянии Великой Моравии на потестарные структуры юго-западной части восточных славян.

Отсюда два исторических источника по данной проблеме. Первый – описание иерархически организованного дружинного государства с его столицей (Джарваб), крепостями, наместниками и “правителями по окраинам своих владений” (Там же. – С.388-389), полюдьем и судебными функциями “главы глав” (“раис ар-руаса”) (Там же. – С.388) (“первая традиция” восточных авторов). Второй источник (косвенный) – великоморавские аналогии, в целом совпадающие со сведениями первого источника). Оба источника свидетельствуют в пользу того, что перед нами – потестарно-политическое образование “Среднеевропейской модели” (Тржештик, 1982; Жемличка, Марсина, 1991).

Археология вносит следующие дополнения в реконструкцию структуры и динамики развития потестарности в Юго-Западном регионе.

1. Четко выделяются три периода этого процесса. Первый период – VII – VIII вв. характеризуется наличием гнезд поселений с культовым центром и городищем-убежищем. Явственно выделяется лишь один протогород с сильными укреплениями, длинными домами для дружины²²¹, предметами вооружения и конской упряжи – городище Зимно на Вольни, сопоставимое со столицей легендарной Валинаны, погибшей от нападения аваров (Тимощук, 1995. – С.25). Здесь встречены элементы “единой европейской дружинной культуры” (Рыбаков, 1953. – С.63; Русанова, 1976. – С.51).

Второй период (IX в.) наиболее четко прослеживается на хорватской территории (Северная Буковина), отчасти в земле древлян (Хотомель (Русанова, 1976. – С.21; Рис. 11), Малин (Звездецкий, 1994)). В Прикарпатье выделяются 7 административных центров (Тимощук, 1995. – С.30) с унифицированными укреплениями, включающими башни, длинными домами, развитым ремеслом, обслуживавшим, вероятно, не только общину, но и дружину, также представленную на этих городищах. Среди них размерами и наличием посада и, неподалеку, – отдельного культового центра (или дружинного лагеря, в зависимости от интерпретации длинных домов) выделяется одно: Добрыновцы на правобережье Среднего Днестра (Там же. – С.30 и след.).

Третий период (X – начало XI вв.) начинается с пожаров на некоторых хорватских (рубежа IX – X вв.) и древлянских (начало – сер. X в.) городищах. Их заменяют менее многочисленные, но более сильно укрепленные, хотя и меньшие по размерам “княжеские крепости”, зачастую на месте старых административных центров (Ревно, например) (Там же. – С.74).

Парадоксально, но только в X в. возникает общехорватский языческий культовый центр на р. Збруч, состоящий из трех городищ-святилищ (Русанова, Тимощук, 1993. – С.59-60)²²².

2. Археологически фиксируемая система поселений IX в. по крайней мере в хорватских землях (“грады”-крепости и столичный город) сопоставляется как с описанием государства славян со столицей в Хордабе, так и со структурой системы управления Великой Моравией: при наличии формальной столицы (Велеграда) князь с дружиной не жил в ней постоянно, а объезжал “грады”, где к его приезду собиралась дань и припасы для прокорма дружины, размещавшейся в специальных “казармах” (длинных домах в данном случае). Даже если Ибн Русте и его последователи писали о Великой Моравии, а не карпатской Хорватии, то в плане организации власти, отраженной в топографии поселений, последняя весьма аналогична первой.

3. Что касается изменения характера хорватских городищ и пожаров на некоторых из них на рубеже IX – X вв., то при всей сложности их интерпретации ясно одно: их вряд ли можно связывать напрямую с присоединением хорватов к Руси. Во-первых, сведения об этом отсутствуют в письменных источниках до 992 года (ПСРЛ. Т. I. Л. 42), в том числе у Константина Багрянородного, хотя, с одной стороны, он пишет о северных хорватах (1991. – С. 131), а с другой – подробно перечисляет “пактиотов” России, в том числе соседей хорватов “вервианов” (древлян) и “лендзанинов” (вольнян?) (Там же. – С. 45, 51), к которым хорватов не относит. Кроме того, с покорением древлян в 883 году связывается установление фиксируемого покладам рубежа IX – X вв. торгового пути по Припяти (Фомин, 1993) на запад через землю вольнян (лендзан?)²²³, в обход княжества хорватов. С учетом целей завоеваний русских князей того времени (контроль над торговыми путями), захват Карпат и не был необходим. Если не предполагать также венгерское вторжение в Паннонию и Великую Моравию, или чуть более раннюю экспансию последней (или восстание против ее гарнизонов), а об этом нет никаких свидетельств, то остаются внутренние причины. Среди последних, с учетом результата – строительства княжеских крепостей, можно предположить с наибольшей долей вероятности конфликт княжеской власти “микрофедерального” уровня с племенными князьями-вождями, старейшинами-аристократами, самоуправляемыми общинами (в зависимости от формы власти в том или ином гнезде поселений)²²⁴.

Внешнее воздействие могло использоваться лишь в своего рода дема-

гогических целях – прокламирования необходимости сплоченности под властью одного правителя для отпора внешнему врагу, либо – потребностей сбора дани в пользу вышестоящего сюзерена, с использованием, возможно, воинских контингентов последнего. Не могло не повлиять на усиление независимости восточнохорватской правящей верхушки от “общества” участие (возможно, легендарное²²⁵) первой в походах “руси” на Византию, используемое как источник получения независимого от общества избыточного продукта.

4. То же самое можно сказать и о восточной окраине Юго-Западного региона – земле древлян, за исключением абсолютной увязки пожаров и прекращения жизни на некоторых ее городищах с походом Игоря 913 г. либо “мстью Ольги” в 946 г. Именно в связи с последним событием летопись достаточно подробно описывает потестарное устройство княжества древлян с его иерархией представителей власти: “федеральный” князь Мал, возможно – племенные князья (“а наши князи добри суть” (ПСРЛ. Т. I. Л. 15)²²⁶, “лучшие” и “нарочитые” мужи, старейшины градов. Последний термин означает категорию людей, причастных к управлению, глав (иногда даже князей) какой-либо территории или организации (Завадская, 1989), а не возрастную группу, пусть даже в силу авторитета обладающую некоторыми властными функциями (“старцы”).

Разнообразие терминов может свидетельствовать о том, что древлянская потестарность была достаточно сложной, аналогично восточнохорватской до событий рубежа IX – X вв. В ней могли перекрещиваться старые ветви власти, аристократически-родового происхождения, представлявшие общество (старейшины градов), и стоящие уже над последним князь Мал и его “мужи” разных категорий (именно они как бы идеализируют древлянских князей при дворе Ольги – “иже распасли суть Деревьску землю” (ПСРЛ. Т. I. Л. 15). По сути, здесь наличествует отражение патриархального характера власти²²⁷ и отношений реципрокности между ней и обществом. Однако эти слова княжеских мужей – декларация, рассчитанная на внешнего потребителя (Ольгу, в данном случае), к тому же легендарного характера.

Завершающееся конфликтом или компромиссом на определенном (обычно переходном от вождества к раннему государству) этапе, развитие потестарности аристократически-родовых и военно-вождеских тенденций – явление достаточно обычное. Очевидно, разные фазы этого этапа и были представлены в Юго-Западном регионе в целом.

* * *

Итак, при всем типологическом различии отдельных позднепотестарных и потестарно-политических образований Восточной Европы IX – X вв., иногда реально, иногда достаточно условно группирующихся в 5 – 6 регионов потестарности, в среднем они соответствуют если не форме, то этапу “вождеств” (в сравнении, например, с отдельными оманами ашанти накануне их объединения в военно-торговую федерацию (Попов, 1990. – С.107-108)). Некоторые из них еще до Древнерусского государства образовывали неустойчивые союзы потестарных организмов, имели княжескую власть, другие оставались на уровне племенных вождеств или даже акефальных обществ, находившихся в сфере влияния различных политических культур, имевших разнонаправленные внешнеторговые связи и формы потестарности.

Идея разноуровневости и разнотипности, хотя и редко высказываемая и в советской, и в зарубежной, да и в современной российской (и украинской) историографии, отнюдь не представляется “сложной”. Она звучала еще в работе 1948 г. Г.В.Вернадского: “существовало значительное различие между отдельными племенами с точки зрения их экономических и культурных уровней...” (1996. – С.29). Впрочем, это наблюдение как бы лежало на поверхности, т.к. и автор ПВЛ, и его непосредственные предшественники, как минимум, дважды подчеркивали эти моменты (о наличии “княжений” лишь у некоторых (пяти) племен, и противопоставлении “мудрых и смысленых полян” “живущим зверинским образом радимичам, вятичам и северянам”).

Подробно и методически аргументированно их рассматривает Г.С.Лебедев (1985. – С.191-195). Анализ проводится без скидок на возможную недостоверность, суммарность, неточность из-за хронологической дистанции сообщений летописцев²²⁸. Однако “надо не исправлять летопись, а просто попытаться взглянуть на прошлое глазами летописца XI – начала XII вв.” (Новосельцев, 1991. – С.9). По мнению этого исследователя, разнообразие отношений отдельных восточнославянских “племен” с Киевом определяли не многообразные природно-хозяйственные условия Восточной Европы (как считал В.О.Ключевский) и свои потестарно-идеологические традиции, а методы подчинения их Киеву и додревнерусские внешнеполитические воздействия (чешско-польские и хазарские) (Новосельцев, 1991. – С.15). Что касается общей классификации “племен”, с точки зрения форм потестарности, то она представляется наиболее удачной у Г.С.Лебедева, по отдельным племенам – у А.А.Горского (1995)²²⁹ и Б.А.Тимощука (1990 а, б; 1995)²³⁰.

§ 2. Формы и элементы государственности в восточнославянских вождествах

Что касается механизмов создания собственно восточнославянских вождеств-протогосударств, то они реконструируются лишь сравнительно-типологическим методом. Отдельные внешние признаки того или иного механизма, зафиксированные той или иной специальной исторической дисциплиной для конкретного (из пяти вышеописанных) потестарного региона Восточной Европы, методом аналогий сравниваются с идентичными признаками конкретных механизмов формирования вождеств в тех регионах мира, где они хорошо известны по письменным и этнографическим источникам.

Реконструируемые таким образом механизмы (меритократические, половозрастные, родственно-аристократические, семейно-брачные, сакральные) становления власти (первоначального политогенеза) своим разнообразием еще раз подтверждают тезис о многообразии форм потестарности в Восточной Европе накануне и в процессе образования Древнерусского государства. Для наиболее развитого региона – Юго-Запада – присутствуют косвенные признаки восьмой, характерной уже для переходного этапа к раннему государству, группы механизмов – поллюдья. Нет признаков механизмов девятой – одиннадцатой групп (военных, договорно-правовых, конфликтно-компромиссных – см. Приложение I), что и неудивительно со стадильно-этапной точки зрения. Отсутствуют такие стадильно-подходящие, но, вероятно, типологически несовместимые с восточнославянским политогенезом раннего этапа, механизмы, как институционализация власти посредством накопления богатств и создания “тайных союзов”.

Среди форм “государственности” этапа вождеств у восточных славян на основе суммарных сведений восточных источников и “ПВЛ”, при региональном использовании внешних признаков той или иной формы по данным специальных дисциплин и применении метода аналогий, с разной степенью достоверности отмечаются пять: разноэтничный военно-потестарный союз; территориальное княжество-вождество дружинной формы; протогород-потестарная община; теократическая конфедерация племен; отдельные потестарные и даже акефальные племена.

Более подробно о структуре власти и системе управления, а также ис-

точниках обеспечения и функциях “государственного аппарата” можно судить лишь для Юго-Западного и Северного регионов.

Система управления “славянского” “государства” Юго-Западного региона наиболее подробно описана у мусульманских авторов. Она имеет четко выраженный характер унитарной монархии, во главе которой стоит раис-ар-руаса (“глава глав”), который “коронуется” и носит титул “Свт.м.лк”²³¹ (Новосельцев, 1965. – С.388). Власть “главы глав” абсолютна (иногда он именуется “царь” (Там же. – С.294), о чем свидетельствует фраза “...они ему повинуются и от слов его не отступают” (Там же). Система управления (модель) близка той (среднеевропейской), к которой приводят военно-дружинные механизмы государствообразования и ранняя узурпация судебной власти.

Об этой системе свидетельствует наличие супанеджей²³² – “заместителей” или “наместников”, намек на существование личной хорошо вооруженной конной дружины – наличие у царя “верховых лошадей” и “прекрасных, прочных и драгоценных кольчуг” (Там же), наличие единой столицы (города Джарваб) и многочисленных крепостей (“кала” и “хисар”) по всей стране. В пользу иерархической системы говорит сам титул царя – “глава глав” (сродни “князь князей” или “великий князь”) и присутствие “на окраинах владений” царя каких-то “правителей” (а не наместников).

Важным элементом все той же “среднеевропейской” системы организации управления (получения налогов – средств существования власти) является упомянутое один раз (только у Гардизи) полюдые – личный объезд “царем” своих подданных, причем сбор дани (если это он подразумевается в данном случае) – прямой, без промежуточных звеньев, которые были бы при наличии князей более низкого ранга²³³.

Для Северного региона в сообщении от 859 – 862 гг. “ПВЛ” говорится о том, что в северных гособразованиях словен, кривичей, чуди, веси и мери власть находилась не в руках князей, а в руках “родов” (ПСРЛ. Т. II. Л. 8 об.), что свидетельствует в пользу такой системы управления, как аристократическая республика, точнее, их конфедерация на стадии возможного перехода в федерацию (избрание столицы и единого правителя).

По комплексу письменных источников к функциям органов власти славянской²³⁴ части потенциально древнерусской государственности относились такие общественные функции, как осуществление правосудия (государство со столицей в Джарвабе), улаживание разногласий между правя-

щими родами отдельных племенных или территориальных (государственных) образований (“Северная конфедерация”), оборона границ от мадьяров и набеги на последних (государство “Джарваб”), борьба с господством обров (аваров) (дулебы-вольняне, “государство” (?) Валинана), хазар (княжество полян), варягов (княжество словен, племенные союзы (?) меря, кривичи, возможно, весь). К функции самообеспечения можно отнести дань в пользу “царя” славян, собираемую в форме объезда (полюдья). Функция осуществления классового господства у славян в источниках не прослеживается. Рабы были, но, вероятно, настолько немногочисленные, что общество справлялось с принуждением их к работе само, без помощи государства.

Отношения между органами управления и народом в “славянском” обществе строятся по принципу “господин – подданные” для Юго-Западного региона, хотя важнейшие решения принимаются всенародно²³⁵ (в Северном регионе, по крайней мере).

“Глава глав” “славян” уже явно узурпировал власть в своем княжестве, где правит единолично, опираясь при этом и на более мелких племенных князей, и на своих наместников. Это третий этап государство образования по “чешскому” типу (полный захват власти в своем племени, опираясь на завоеванные владения за его пределами).

Особое, археологически уловимое с ранних этапов политогенеза восточных славян, явление – тесная контаминация власти с системой “градов”, восточные авторы упоминают у той части славян, что явно достигла если не государственного, то предгосударственного уровня развития (во главе с “свиет-маликом”) немногочисленные, но крупные города – центры администрации и ярмарочной торговли. “ПВЛ” связывает установление господства “руси” над тем или иным племенем с “посажением” в принадлежавшем ему “граде” великокняжеских мужей либо с основанием такого града в “волости” (возможно, строительством новых укреплений или цитадели: термин “срубил град” касается оборонительных стен у башен).

Для периода VII – середины IX вв. у славян Восточной Европы можно отметить очень немного поселений, которые могли бы совмещать функции административного, военно-дружинного и ремесленного центра (достоверно известные культовые комплексы (на горе Богит, в Перыни) располагались (правда, в более позднее время) отдельно (Тимошук, 1990. – С.45-55)). Это – Ревнянский комплекс поселений на земле хорватов (Тимошук, 1990. –

С.59, 114; 1995. – С.192-193), городище Зимно на Вольни (Русанова, 1976. – С.51) и Хотомель у древлян (Там же. – С.51-52), в летописях не упомянутые, но, по нашему мнению, одни из возможных претендентов на отождествление с “Джарвабом” Ибн Русте и столицей “Валинаны” ал-Масуди, а, возможно, и с “Вантитом” (хотя в этом случае вопрос сложнее).

Северные центры известны прежде всего по “ПВЛ”, которая, правда, приписывает основание Новгорода (новой столицы нескольких, вероятно, племен), Полоцка, Ростова, возможно, Белоозера Рюрику и его “мужам” (ПСРЛ. Т. II. Л. 8 об). Впрочем, то же говорится о Ладоге, достоверно основанной задолго до Рюрика. С другой стороны, существовало до него, вероятно, и Сарское поселение под Ростовом в качестве “столицы” мерянского княжества (или одного из них) (Леонтьев, 1975; 1988)²³⁶. Но оба эти центра никак нельзя отнести к чисто славянским. Что касается Полоцка, то он не подходит к категории столиц племенных объединений не столько потому, что по летописи его “срубил” один из мужей Рюрика (“раздая... города рубити” (ПСРЛ. Т. II. Л. 8 об). Неточность здесь вполне возможна), сколько из-за мизерной площади первоначального поселения (даже вместе с селищем – чуть более 1 га (Древняя Русь..., 1985. – С.79). Зато “Изборск в VIII – IX вв. был не только административным, но и ремесленно-торговым пунктом кривичей” (Седов, 1985. – С.21). Возможно, к такого уровня и типа пунктам можно добавить и “Вантит”, понимаемый как агломерация поселений на юго-восточной окраине восточно-славянского мира в районе г. Воронеж (Рыбаков, 1982. – С.221; Пряхин, 1995. – С.171-175), или городище Титчиха на Дону (Москаленко, 1981. – С.79; Винников, 1990. – С.45). Не вдаваясь в детали аргументации, отметим, что данные локализации допустимы²³⁷ в двух аспектах: “суммарности” описания “славян” у восточных авторов “первой традиции” и нахождения объектов обоих вариантов юго-восточной локализации Вантита на международном торговом пути, наличие которого в настоящее время достаточно оживленно будируется в научных исследованиях²³⁸. В любом случае можно говорить о существовании “племенного княжения”, устойчивого предполитического (позднепотестарного) племенного объединения и преддневерусской ойкумене лишь при наличии археологически фиксируемого протогородского центра уровня Ревно – Ладоги.

Существование трех протогородов, как у кривичей, может свидетельствовать о появлении трех центров властвования в первоначально одном этнопотестарном организме. Возможен, хотя и менее вероятен, и иной ва-

риант: объединение трех племен (из нескольких?) в единую “конфедерацию” с последующим возникновением общего этникона “кривичи”.

В свете этих заключений в несколько ином аспекте представляются сомнения Маркварта и Грушевского о существовании карпатской, восточной Белой Хорватии и отождествление “Джарваба”, “Хордаба” восточных источников с Краковом (Marquart, 1903. – S.34; Грушевский, 1994. – С.212-213). Если хорватов (или их княжества, по крайней мере) нет в Карпатах, то кому принадлежит протогородской центр IX в. у с. Ревно? Или два равных по значению центра было у вольнян или древлян, или все же Белая Хорватия, с которой воевал еще Владимир Святой, а до этого привлекал к союзу Олег, существовала в Карпатах. Материалы археологии в этом случае могут на новом витке уровня допущения, позволить с не меньшей, чем Краков, долей вероятности, соотнести “Хордаб” письменных источников с Ревнянским городищем.

Международная торговля как главный фактор возникновения первых городов Восточной Европы породила такой археологически прекрасно уловимый признак и источник информации, как клады. Если брать все упомянутые письменными источниками археологически фиксируемые центры, имеющие более одного (по А.В.Кузе, 1983, 1989. – С. 46-55) “городского признака” в начале – середине IX в., то они находятся если не прямо на международных путях, то в сфере их воздействия (Ревно, Зимно, Хотомель, Киев, “Воронежская группа” – Вантит (?) – баварско-хазарского пути; Изборск, Ладога, Рюриково и Сарское городища – Балтийско-Волжской трассы). Учитывая их “предгородской” характер (наличие не одного, но и не всех городских признаков), они просто должны были, очевидно, выполнять не только международно-торговые (как вики) функции. Какие еще – вопрос объектно дифференцированный и дискуссионный. Очевидно одно: недопустимость на данном источниковом уровне универсализации (протогород (община) – государство (по И.Я.Фроянову, “вик” (многие исследователи), “племенные центры” (по Н.Ф.Котляру, 1986, близок А.Е.Леонтьев), спорные пункты формирующегося государства Рюриковичей (Мельникова Е.А., Петрухин В.Я., Пушкина Т.А.).

Вероятнее всего, перед нами центры, получавшие избыточный продукт разными способами, но явно не с территории одного племени или даже их объединения. Наряду с этим десятком существовали сотни укрепленных поселений, выполнявших обычно лишь одну функцию – управле-

ния (племенные грады), обороны (городища-убежища), культовую (городища-святилища)²³⁹.

Вполне возможно разное сочетание функций для трех групп протогородских центров (северной, западной и юго-восточной)²⁴⁰, находившихся в разных сферах культурно-экономического и политического влияния.

Важен, однако, сам факт их наличия еще на родо-племенной стадии, хотя и финальной ее фазе: для синхростадиальных германских варварских древностей при чисто потенциально феодальной бессинтезной²⁴¹ линии развития “*orrida* не играли никакой роли” (Стам, 1982. – С.99). Пункты же такого типа в варварской Европе сопоставимы даже не с восточно-европейскими протогородами типа десятка выше перечисленных, а с гораздо более многочисленными одно функциональными “племенными градами”. В итоге при всей возможной разности путей становления городской сети²⁴² Восточной Европы, само ее наличие в перспективе как института древнерусской государственности достаточно симптоматично. Линия развития через протогорода (некоторые из них – протогосударства) характерна для многих форм ранней и сложившейся государственности, но никак не феодально-иерархической. Точнее, на определенной ступени развития требовался (при той все же линии развития, как в Чехии, например) кардинальный поворот, который и был совершен в восточнославянском обществе первоначально инородной ему силой – “русами”.

§ 3. Социально-потестарная структура русов к середине IX в.

Что же касается “русов”, “руси”, “росов” первой половины – середины IX в., то основной фактический материал об их общественном устройстве и институтах управления дает контент-анализ восточных источников “первой традиции”. Оценивая его со стадиально-типологической точки зрения, можно прийти прежде всего к следующему выводу: это – стратифицированное, с личной собственностью на движимое имущество (землевладение не упоминается), саморегулирующееся общество, возглавляемое корпорацией международных торговцев и пиратов. Что касается наличия государственности, то о возможной трактовке сообщений Бертинских анналов о “царе по имени Хакан” уже говорилось в главе 1.

В “Житие Георгия Амастридского”, повествовавшего о последовавшем вскоре после “мирного” посольства народа рос к императору Феофилу нашествии “варваров, руси, народа, как все знают, в высшей степени дикого и грубого” (Материалы... – С.266), нет даже косвенного и отдаленного намека на возможность существования у руси какого-либо государственного устройства. Таким образом, о наличии такого устройства в первой половине IX в. у народа русь (рос) говорят восточные и франкские источники, русские же и византийские об этом факте не упоминают²⁴³.

Система управления русов намного более простая, чем у славян (“ас-сакалиба”, какой-либо одной столицы у них нет, как и внутренних налогов, власть их царя (“хакана”), в отличие от славянского, не имеет абсолютного характера: если человек не согласен с его судебным решением, он имеет право прибегнуть к “божьему суду” (поединку на мечах), кроме того, власть царя ограничена “знахарями” (жрецами). В ранних источниках нет никаких сведений о наличии внутри русов отдельного аппарата управления, а тем более системы организации власти. Всего один раз во всех источниках упоминается “знать”, что говорит о социальной дифференциации внутри русов, но едва намечающийся (иначе о ее наличии упомянули бы все авторы “первой традиции”). Вероятно, отношения внутри русов строятся еще на государственном, а не патриархально-родовом или, скорее, военно-демократическом принципе.

Что касается русов, то речь, скорее, следует вести не о функциях какого-либо отдельного их государственного аппарата, а о функциях их всех, их общества (или сообщества, народа). У русов полностью отсутствует такая функция (основная для всех восточных обществ “азиатского” способа производства), как организация хозяйственной деятельности²⁴⁴, если не считать за отрасли хозяйства грабежи других народов (прямой, в виде пиратских набегов, или в виде кормления части русов в земле славян), а также организацию международной торговли.

Отнесение этих функций к разряду общенародных или самообеспечения зависит от того, что представляли собой русы до середины IX в.: если народ – то к первому разряду, если социальную группу – то ко второму. Единственная функция из разряда общественных, которую выполняли органы управления (власти) у русов в лице “хакана” (да и то разделяя ее с властью религиозной – “знахарями”, а то и с самим богом (или богами²⁴⁵)), – судебная. Недаром “ПВЛ” убеждает, что основная причина приглаше-

ния руси в 862 г. – невозможность организовать именно высшую судебную власть силами аппарата управления самой славяно-финской Северной конфедерации (ПСРЛ. Т. II. Л. 8 об).

Внутри общества “русов” отношения строятся на родовых и, одновременно, индивидуалистских принципах. Оно делится на роды с их предводителями, среди которых выделяются правящие роды²⁴⁶. Роды эти могут быть достаточно самостоятельны в своих действиях по отношению к правящему роду²⁴⁷. В то же время отношения между индивидуумами базируются на праве силы, а не на силе права²⁴⁸, что говорит о слабости власти. Учитывая эту противоречивость, переходность их общественных отношений, можно высказать предположение, что родо-племенные нормы права и органы управления уже не пользовались у них авторитетом, а государственные – еще не приобрели его. Только грабительские войны заставляют и отдельные русов, и их роды забыть на время свои распри и сплотиться вокруг “царя”, который, таким образом, выступает прежде всего в роли военного предводителя (а не судьи, как у “славян”). Такое состояние отношений между властью и народом наиболее полно соответствует эпохе “военной демократии”.

Парадоксально, но именно более отсталая в плане государственности развития этносоциальная группа “русы” или “русь” (государством их организацию после всего вышесказанного назвать вряд ли возможно) занимает главенствующее положение в Восточной Европе. Ее отношения со “славянским” государством (точнее, государствами и племенными объединениями) характеризуются грабительскими набегами или получением дани (военной контрибуции или откупа) методом ежегодного кормления части русов в земле “славян”. “ПВЛ” расшифровывает это сообщение восточных авторов (Гардизи, в частности), уточняя, какие именно “славяне” платили дань русам²⁴⁹: это – чудь, словене, меря, кривичи, возможно, весь²⁵⁰, и откуда приходят русы – “из заморья” (ПСРЛ. Т. II. Л. 8).

Как видим, сведения об особенностях государственности русов до середины IX в., в отличие от славянской, гораздо более расплывчаты. Очевидно лишь безусловное отставание ее уровня развития от наиболее “передовых” из описываемых славянских регионов (общественных отношений это не касается).

В компенсацию этого весьма подробно описываются те виды практической деятельности русов, которые в дальнейшем могли использоваться

как механизмы институционализации государственной власти “варварского” уровня.

К механизмам институционализации власти у русов можно отнести грабительские войны, дававшие избыточный продукт как для непосредственного потребления, так и для международной торговли (к нему можно отнести и рабов, использовавшихся чаще не как рабочая сила, а как товар).

Другим, пожалуй, главным, источником получения “богатства” являлась международная торговля, и на ее базе действовали “плутократические” механизмы. Сакральные механизмы служили, скорее, интересам не формирующейся светской власти, а жреческой верхушки. Механизмы правового регулирования лишь отчасти принадлежат “царю”, причем он не располагает ни властью, ни возможностями насильственного навязывания своих решений. Никаких намеков на действия аристократических и иных, по косвенным данным источников, присущих славянам механизмов у русов ни внутри их общества, ни по отношению к славянам, нет.

Разные механизмы в принципе (хотя и не строго обязательно) должны приводить к образованию разных форм или, по крайней мере, моделей государственности. У русов, по-видимому, преобладают военно-плутократические²⁵¹ механизмы первоначальной институционализации власти.

Нет никаких данных о попытках русов установить прочное государственное господство над славянами: вероятно, постоянный грабеж и получение рабов были более выгодными для международных торговцев²⁵².

Лишь у Гардизи, сведения которого, возможно, отражают несколько более поздние реалии, содержатся данные о наличии “таможенных сборов” (Новосельцев, 1965. – С.400) и стабильной внешней эксплуатации (славян) в форме полюдья. Вероятно также, что у русов не было не только намерения, но и сил военным путем установить свое господство над всеми “славянами” восточных источников.

Численность русов на ранних этапах их существования внутри изначального периода можно определить следующим образом: Гардизи называет цифру в 100 – 200 человек, совершавших ежегодный объезд славянских земель. Это не все русы, но явно значительная их часть, ибо позднее в полудье участвуют “все русы” (середина X века, Константин Багрянородный). Русов – дружинников и купцов²⁵³ – было, вероятно, не более 1000 человек даже к середине X века. Учитывая женщин (жен и наложниц, а их могло

быть несколько десятков у знатных русов), слуг и рабов (а их тоже можно причислить к правящей корпорации в широком смысле, ибо “Русская Правда” и позднее защищает их более высокими мерами, чем простых свободных), численность русов могла равняться нескольким тысячам человек.

Процесс слияния двух тенденций становления государственности, синтеза “вождеств” различных форм, превращения русов из военно-торговой группы, не имеющей постоянной “прописки” в “верхний уровень” власти Древнерусского государства, составляет содержание второго этапа политогенеза. Он хорошо освещен разного вида источниками, составляя в том числе и основную канву событий конца IX в. в “ПВЛ”.

У восточных славян к этому времени существовали отдельные княжества, правители которых строили отношения с “обществом” уже явно не на принципах реципрокности, а господства-подчинения, опираясь на военную силу, узурпацию судебной (вплоть до права смертной казни) и, возможно, религиозной власти (не упоминается отдельного жреческого сословия, как у русов). Это – этап если не “раннего государства”, то переходный к нему период от “вождеств”.

Что касается русов, то их взаимоотношения с царями как раз наиболее адекватно характеризуются отношениями реципрокности, что соответствует уровню “простых вождеств”²⁵⁴. В общем и целом это соответствует Скандинавии с ее множеством конунгов на начало эпохи викингов (конец VIII – середина IX вв.), в том числе “морских”, т.е. не имеющих постоянных, наследственных земельных владений²⁵⁵. Однако реалиям описаний русов (руси, росов) всех видов источников, с их “блужданиями”²⁵⁶, появлением в разных частях Европы и Востока, но всегда в одной и той же ипостаси – пиратов и отчасти торговцев, могут в принципе соответствовать не только викинги²⁵⁷, но те славянские и балтские народы, которые заведомо занимались теми же видами “хозяйственной” деятельности (руяне, курши, возможно – пруссы и поморяне). Допустимо смещение центров активности русов, отраженное в источниках, передвижение территории их “оседлости”, частичное изменение этнического (но не “профессионального”) состава.

Нет никаких сведений письменных источников об основании викингских поселений ни в землях “славян” (по восточным источникам), ни “вендов” (по скандинавским), ни в “Восточных Странах” (Аустрленд, Аустрики) для данного периода (до середины IX в.). Основание Йомсборга в

земле вендского “короля” Бурицлейва, по приглашению последнего, людьми будущего конунга Дании Свейна Вилобородого (The Sada..., 1962. – P.17; Снорри Стурлусон, 1980. – С.119) – явление более позднее не только хронологически, но и стадияльно (возможно, связано с расширением влияния Датской державы (Снорри Стурлусон, 1980. – С.370, 391)). Назначение (в потестарно-политическом плане) и характер отношений как с местным населением и “властями” (если таковые были), так и со скандинавскими конунгами таких археологически выявленных международных торговых факторий с выраженным скандинавским компонентом²⁵⁸, как Ст. Ладога (Альдейгьюборг), Гробина и Трусо, не ясен для исследуемого периода. Для Гробина и наследника Трусо – Каупа, по которым отсутствуют письменные источники, и позднее нет определенности²⁵⁹ (Кулаков, 1990. – С.5; 1994. – С.118-119; Petrenko, Urtana, 1995. – P.18-19; Средневековая Ладога..., 1985).

Впрочем, автор отнюдь не настаивает, по крайней мере в данной части работы, на чисто скандинавской этнической идентификации как “варягов” “ПВЛ”, “русов” восточных и иных источников, описываемых реалий первой половины IX в., так и археологически определимых купцов, обеспечивавших начало функционирования как самого Волжского пути, так и его продолжений на Балтике и в Северном море. Теоретически это могли быть также пруссы, ибо существовали “торговые магистрали, ведущие по рекам Неман и Даугава на восток Евразии”, обслуживавшиеся в том числе и “прусскими купцами”, и 11 кладов дирхемов 740 – 880 гг. в “западной части прусского ареала” (Кулаков, 1994. – С.119). Клады арабского серебра первой половины IX в. встречены в южной части Балтийского региона, прежде всего в землях “вендов” (руян, ободри-тов, приморской части лютичей, западном Поморье) и славяно-датском пограничье (по данным Й. Херрманна, 1978. – С.195). Предметы западно-славянского происхождения есть в Старой Ладоге и на Рюриковом городище (Носов, 1990. – С.164-166; Кирпичников, 1985. – С.17, 18; Давидан, 1986. – Рис.1; Мачинский, Мачинская, 1988. – С.49-51). Порты южной Балтики и Фрисландии (последняя также могла иметь ранние контакты с Волжским путем через Ладогу) (Корзухина, 1971. – С.123) открывали самую короткую дорогу по рекам во Франкскую империю. С другой стороны, именно эти пункты (Дорестада, Вальхерен, Гамбург, какой-то славянский город из “Жития Ансгария”) становятся объектом на-

падения викингов в 30 – 40-е гг. IX в., после чего клады дирхемов начинают встречаться и в Скандинавии (Фомин, 1982). Возможно, именно эти факты свидетельствуют о попытках (и небезуспешных) скандинавов взять в свои руки не ими установленные, но сначала “ступенчатые”, а не сквозные²⁶⁰ связи с Востоком по Волжскому пути, начиная от его “истоков” во Фрисландии. Это, конечно, лишь гипотеза²⁶¹, но не противоречащая на данном этапе исследования ни письменным источникам, ни археологическим и нумизматическим данным. Действительно, функционирование Волжского пути археологи и нумизматы “начинают” с конца, а то и середины VIII в. (Носов, 1976; 1990. – С.172; Nosov, 1980. – Р.49-62; Рябинин, 1986. – С.162-164; Дубов, 1989. – С.175-176; Кирпичников, 1988. – С.42; Янин, 1986. – С.90; Фомин, 1982. – С.16-21). Интересно наблюдение В.Л.Янина о транзитном для севера Восточной Европы характере пути дирхемов в первый период их обращения здесь (конец VIII в. – 833 г.). “Любой пункт находки кладов конца VIII – первой трети IX вв. занимает такое положение на речных путях, что его теоретически можно связывать с торговым движением, берущим начало за пределами восточнославянских земель и оканчивающимся также за их пределами” (Янин, 1986. – С.108). Значительную же роль на путях балтийско-волжской торговли скандинавский компонент начинает играть с конца IX – начала X вв. в Каупе (Кулаков, 1994. – С.153), послужив катализатором усиления военно-дружинных элементов в противовес жреческим; на Рюриковом городище – со второй половины IX в. (Носов, 1990. – С.162), в Поволжье – даже по мнению сторонника самой ранней датировки – И.Дубова – с IX в., но не с его начала, т.к. вначале лишь “незначительные группы” скандинавов проникают сюда “в составе потока славян” (1988. – С.146) с северо-запада. Аналогичная ситуация (без точных дат внутри IX в.), вероятно, складывается в Гробини (Гробиняс) (Озере, 1985. – С.55; Petrenko, Urtans, 1996. – Р.18-19). Сарский комплекс “получает” на рубеже VIII – IX вв. “вещи североевропейского круга”, клады восточных монет – в начале IX в. Однако, по мнению А.Е.Леонтьева, их появление объясняется не прямыми контактами с Востоком с помощью скандинавов, а связями мерянской знати с Северной Русью (Леонтьев, 1987. – С.154).

В Изборске и Пскове IX в. скандинавских древностей вообще нет (Седов, 1989). Старая Ладога – единственный пункт, где скандинавские поселенцы присутствовали с самого начала (Корзухина, 1971. – С.134-144 и

др.), но и там его преобладание начинается, скорее всего, с горизонта E2 (842–855), со времени установления “варяжской дани” в результате датского похода 852 г. (Кирпичников, Лебедев, Булкин, Дубов, Назаренко, 1980. – С.27; Кирпичников, 1988. – С.48-49).

Г.Шрамм (1994), по-видимому, достаточно сильно преувеличивает роль скандинавов в основании городских центров Северо-Запада Руси: в частности, по данным топонимики считает их создателями первоначальной Ладogi (Aldagia), Белоозера (гипотетичный Valkaborq), Изборска²⁶² (предполагаемая форма Is(s)uborq), известный по сагам Алаборг располагается на берегах Онежского озера. Впрочем, он сам признает свои выкладки в качестве одних из возможных гипотез, в случае с Изборском даже как “резервную”. Даже он практически “отстраняет” викингов от создания Волжского пути, т.к. они “уже около 800 г. (а путь этот достоверно возник раньше)... обнаружили стремление и способность связать маршрутами плаваний все известные к тому времени моря” (Шрамм, 1994. – С.146). Впрочем, когда “доходность... Волжского пути возросла из-за курсировавшего по нему арабского серебра”, “возникла Северная Русь... как следствие усилий викингов, направленных на установление связи с Волжским путем” (Там же). В итоге у этого исследователя получается что-то близкое к теории Р.Пайпса о “Руси” как торговой компании по эксплуатации путей и сырьевых богатств Восточной Европы. Если не распространять сферу действительности этого вывода за хронологические пределы середины IX в., а стадияльно – этапы отдельных вождеств, то данная характеристика “русов” в целом представляется достаточно соответствующей большинству видов источников. Она не касается, безусловно, автохтонов Восточной Европы, славян в первую очередь, у которых к тому же времени образовались отдельные очаги своей государственности.

Глава 3

“ДВУХУРОВНЕВОЕ ГОСУДАРСТВО” ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА (СЕРЕДИНА IX – X ВВ.)

Чистый переходный период между этапом отдельных “славянских” вождеств и начальной фазой раннего государства Русь включает в себя фазы становления (до 885 г. в летописных датах); стабильного функционирования (реальное или отчасти легендарное правление Олега Вещего и, в значительной мере (до 941 г.), – Игоря Старого; кризиса 941 – 945 гг., в результате которого развитие было искусственно изменено.

Наиболее документированными иностранными источниками (“легендарный” характер именно этой части летописи обосновывался неоднократно, и данный факт нельзя сбрасывать со счетов) являются первая и третья фазы, наиболее “темной” (при обилии сведений “ПВЛ”) – вторая.

§ 1. Механизмы образования “варварского” двухуровневого государства Русь (“Росия”)

На первый взгляд, здесь задействованы в первую очередь военные механизмы типа “завоевание – оборона – восстание”, в ходе которых несколько простых вождеств консолидировались в сложное, вставшее на путь трансформации в раннее государство. Что касается чисто военного аспекта проблемы, то решение вопроса о хронологии может уточнить характер событий, помещенных в летопись под 859 г. Либо говорится о более раннем завоевании, каком-то периоде политического господства и освободительном восстании, либо об одной оборонительной войне с переменным успехом. В этом случае, вероятно, имеется в виду зафиксированный западными источниками под 852 годом поход конунга Бирки “в землю славян” при участии Рорика Ютландского (Ловмянский, 1963. – С.222, 224). Напрямую об этом, в частности о включении к середине IX в. части Восточной Прибалтики в состав древнешведских государственных образова-

ний, прямо говорят саги (об Инглингах, об Олаве Святом (ретроспективно), отчасти – “Житие Св. Ансгария”).

В “Отдельной саге об Олаве Святом” из слов бонда Торгнира на тинге в Уппсале, посвященном установлению мира между Норвегией и Швецией и сватовству Олава Харальдсона к Ингигерд, допустимо также вывести аналогичное заключение. “Торгнир, мой дед по отцу, помнил Эйрика Эмундарсона, конунга Уппсалы, и говорил о нем, что пока он мог, он каждое лето предпринимал поход из своей страны и ходил в различные страны, и покорил Финланд, и Кирьяланд, Эйстланд и Курланд и много (земель) в Аустрленд. И можно видеть те земляные укрепления и другие великие постройки, которые он возвел...” Далее Торгнир осуждает Олава Шведского за его намерение присоединить Норвегию и говорит о желании бондов заключить с ее конунгом мир. “А если ты хочешь вернуть под свою власть те государства в Аустрвеге, которыми там владели твои родичи и предки, тогда все мы хотим следовать в этом за тобой” (Джаксон, 1994. – С.73)²⁶³.

Однако дальнейшая, во второй половине IX – первой половине X вв., история этого (Северо-Западного) региона Руси отнюдь не свидетельствует о его вхождении в состав одного из скандинавских “варварских” государств, тем более – отдельных вождеств и их объединений, на которые до Эйрика Победоносного была поделена Швеция. С последней, однако, именно этот суборганизм Древнерусского государства, к которому, возможно, относился первоначально скандинавский политоним “Гарды”, сохранял приоритетные, “особые” отношения, особенно усилившиеся в начале XI в. “ПВЛ” (а, скорее еще Начальная летопись) и восточные источники первой традиции (особенно Гардизи), упоминая о дани славян²⁶⁴ в пользу варягов или русов, о грабеже и продаже в рабство (по Восточному пути?) последними первых, не говорят, однако, ни о какой зависимости ни от какого конкретного скандинавского государственного (точнее, предгосударственного) образования. Варяги (и русы) здесь характеризуются, скорее, как народ, или, точнее, этносоциальная группа, данные о метрополии которых неоднозначны. Речь может идти не о включении части территорий Древней Руси в состав какого-либо из складывающихся балтийских (скандинавских) государственных организмов, а, скорее, об “обретении родины” частью их представителей (изгоев?) на Востоке, в “Аустрвеге” и Гардах. Последнее говорит в пользу синтезного пути образования “варварского” государства на Руси, о его предполагаемом двухуровневом характере.

Дальнейшие 20 лет его генезиса и истории являются “темными”. Источники не проясняют, в частности, причины переноса столицы из Ладоги в Новгород, затем в Киев. Последнее же повлекло изменение не только “центра тяжести” формирующейся государственности, но в итоге ее модели и даже, отчасти, формы. На северные вождества могла оказывать влияние балтийская модель государственности с ее виками, особым значением международной торговли, культом индивидуализма, предприимчивости, юридизмом в широком смысле слова, отсутствием пиетета к правителям и в то же время “вождизмом”. На Юге преобладали совсем иные традиции – собственно славянские (Валинана?), при особом влиянии Среднеевропейской модели (Великая Моравия, Чехия, гипотетическое государство хорватов-зличан) на его западе (Правобережье Днепра). На его востоке (Левобережье) и центре (округа Киева), т.е. отчасти на территории будущей “Русской земли” господствовали хазарские политические институты, восприемником которых и стали “каганы” из Рюриковичей, а также степное (алано-болгарское) культурное влияние. Не надо забывать также о том, что все эти воздействия наложились не на вакуум, а на общинные общеславянские традиции, а кое-где на вождества-“княжения” и даже их объединения. “Лаконизм” и малая (по историографии) достоверность русских источников о первой четверти века государства Русь, абсолютное (если не относить к этому времени сведения второй традиции восточных источников и частично – ал-Масуди) отсутствие иностранных данных, может компенсировать лишь археология, нумизматика и компаративный метод.

Слабость археологических источников – в их неоднозначности и неточности датировок, однако относительно (для наших целей) точная дендрохронология Старой Ладоги и Рюрикова городища, а в связи с этим – более общая стратиграфия городищ Северо-Запада (Изборск, Псков, Полоцк), Северо-Востока (Сарское), культуры Луки-Райковецкой и части роменско-боршевской отчасти подтверждают механизмы, описанные летописями, их последовательность и хронологию. Так, пожар, возможно, связанный с событиями середины 50-х гг. IX в. “венчает” строительный горизонт E1 Старой Ладоги, деревья для которого были срублены в 842 – 855 гг. Возрождение Ладоги падает на начало 60-х гг. IX в., что допустимо связать с деятельностью Рюрика, чьей столицей она стала. Об этом говорится в НПЛ и в Ипатьевской летописи (1962. – Л.60б.) (см. также: Рябинин, 1985. – С.47; Кирпични-

ков, 1988. – С.49 (последний уточняет дату пожара – 852 г., связывая ее с датским набегом по “Житию Св.Ансгария”), в более общей форме ту же мысль высказывала ранее Г.Ф.Корзухина (1961. – С.82, 83).

На Рюриковом городище очередной комплекс укреплений сооружается, скорее всего, в конце 50-х гг. IX в., в конце 60-х гг. переживает пожар, и забрасывается в 880-е гг. (± 20 лет) (Носов, 1990. – С.147, 148, 149). Гипотетически эти даты (по хронологии НПЛ) можно связать с переносом столицы Рюрика из Ладоги в Новгород (на Рюриково городище), восстанием Вадима Храброго (если оно было, по Никоновской летописи), и переносом в начале 80-х гг. IX в. центра активности русов на Юг. С деятельностью Трувора и его варяжской дружины связывает С.Белецкий археологически фиксируемое, по его мнению, изменение взаимоотношений и значения как административных центров Изборска и Пскова во второй половине IX в. (Белецкий, 1990; Шрамм, 1994. – С.148). Впрочем, этому списку пунктов, где изменения в политической ситуации в Восточной Европе нашли свою более или менее достоверную фиксацию (добавим сюда Киев, где в конце IX в. появляются скандинавские древности (Моця, 1993, Зощенко, Моця, 1996), противостоят другие регионы²⁶⁵, где существенные социально-политические изменения происходили или раньше, или позже. К таковым можно отнести Сарское городище, ставшее важным центром (или на Волжском пути, по И.Дубову, или как столица мерянского княжества) в начале IX в. и сосуществовавшее в X в. со славянским (древнерусским) Ростовом (Леонтьев, 1986. – С.62)²⁶⁶. Грани здесь две: рубеж VIII – IX и X – XI вв., но не IX – X вв.

С Белоозером вопрос вообще даже предварительно не выяснен, в Полоцке, чье возникновение связывается с торгово-административными функциями, в слое IX – X в. первоначального городища так же, как на Сарском, никаких существенных внутренних изменений не прослеживается.

В Юго-Западном регионе (культура Луки-Райковецкой) существенные социально-экономические и, возможно, политические сдвиги наблюдаются, с одной стороны, в середине VIII в.²⁶⁷ (Русанова, 1976. – С.52; Тимощук, 1990 а. – С.86-95); с другой – на рубеже IX – X вв.²⁶⁸ или даже в начале X в. (Тимощук, 1990 а. – С.55; Он же, 1990 б; Он же, 1995. – С.161-185), а на территории древлян – лишь в середине X в., что и фиксируется летописью. Аналогичное явление присуще в целом и территории роменско-боршевской культуры (Куза, 1981. – С.30, 38, Шинаков, Григорьев,

1990)²⁶⁹, хотя и с запозданием (рубеж IX – X вв. является не верхней, как на западе Восточной Европы, а нижней гранью эпохи изменений). В последнем случае более ранние трансформации в недрах волынцево-роменской культуры связывают не столько с ее внутренним развитием, сколько с политическим процессом в Хазарии (Приймак, 1994. – С.27) и началом функционирования пути из нее “в Прибалтику и Скандинавию” (Сухобок, Вознесенская, Приймак, 1989. – С.104), а также более поздней трассы Киев – Болгар (круг вопросов, связанных с “Вантитом” на Дону или Воронеже в изложении Б.А.Рыбакова, А.Н.Москаленко, А.З.Винникова, А.Д.Пряхина). Исходные моменты развития региона, в котором нашли археологическое отражение события середины – второй половины IX в., дают смесь Североевропейской (скандинаво-балтийской) и Среднеевропейской модели “переходной” и ранней государственности и линий ее трансформации. Результат (в основном к XIII – XIV вв.) – сложные ступенчато-иерархические (Полоцк), по территориально-политической структуре простые и “распространившиеся” (Псков и, особенно, Новгород) города-государства. Наибольшее число элементов их государственности находят аналогии среди корпоративно-эксплуататорских аристократических полисов севера Малой Азии, Сицилии и Южной Италии, с одной стороны, сложных в территориально-политическом плане, “колониальных”, торговых прежде всего, городов-государств типа Карфагена или Венеции с республиканско-монархическими формами правления. С другой стороны, в начальный момент своего развития для них особую роль играли “родовые” механизмы и приглашение князей со стороны. Именно эти, достаточно “внешние”, факторы сближают города-государства Северо-Западной Руси с раннеземледельческими городами-государствами, с тенденцией превращения в ранние государства-мегаобщины (Йоруба, Эдо-Бенин)²⁷⁰.

Раз так, то механизмы формирования политических структур той части Восточной Европы, которая была захвачена событиями середины – второй половины IX в., предположительно должны быть аналогичны тем, что действовали при линии развития от вождеств – протогородов-государств к городам-государствам торговой и полисной, отчасти – земледельческой, форм. Это, прежде всего, внутренние конфликты и их разрешение путем политической борьбы и реформ, обязательно на договорной, правовой основе. Имеет значение и фактор завоевания, а затем – “колониальной” или корпоративной эксплуатации. Родовые, сакральные и плутократи-

ческие механизмы (в чистом виде) явно оттеснены на второй план: “родовой” фактор, преобладавший при формировании земледельческих городов-государств, и “плутократический”, доминировавший в торговой их форме, как бы взаимно нейтрализовали друг друга. Сакральные механизмы реализовались в становлении здесь Церкви как особой ветви власти республиканской администрации и в олицетворении единства “гражданской общины” (Дом Св. Софии, Дом Св. Троицы). Нет никаких данных ни о харизме правителей, ни о монополизации религии институтами светской власти (и наоборот), ни о религиозно-идеологическом обосновании необходимости государственной власти как таковой, ни ее конкретной формы как “наилучшей”. Все заменял практицизм и юридически-договорная основа.

Внутри нижнего, “славянского” уровня государственности, несмотря на формальное присоединение некоторых его вождеств и племен к державе Рюриковичей, никаких существенных изменений ни по данным письменных источников, ни по археологическим и нумизматическим источникам в IX в. не фиксируется. В сложении древнерусской государственности на Юге действовал один фактор (тип механизмов) – завоевания или угрозы применения силы²⁷¹, неравноправных и явно устных договоренностей с правящей верхушкой, сохранявшей власть на местах и после “присоединения”.

§ 2. Территориальная и этнопотестарная структура “варварского” двухуровневого государства (880 – 940-е гг.)

Источники по этому периоду дают достаточно сложную и подробную картину федеральной монархии, в состав которой на равных условиях входят до 12-13 различного уровня и типа политических образований Восточной Европы во главе с Русией. Независимы от руси²⁷² белые хорваты и волыняне, княжества которых сложились ранее, тиверцы, уличи и вятичи, политический статус которых не ясен²⁷³. Понятие “русь”, включавшее часть варягов и словен, но, вероятно, всех полян, как это следует из летописных сообщений о походе Олега на Киев (ПСРЛ. Т. II. Л. 9), в дальнейшем четко отделяется от первых двух и практически сливается с третьими²⁷⁴. У Константина Багрянородного термин “Русь” (“Росия”) используется уже не только для обозначения этнической и социальной группы, но и территории²⁷⁵.

На этом этапе уже можно говорить о восточноевропейском государстве Русь (Росия) со сложной этнической, территориальной, политической и гораздо более простой социальной структурой. Наиболее точно этот тип государства можно определить как федеративную монархию с сильными пережитками родоплеменной системы управления. Аппарат власти этого государства включает звенья разных уровней и даже форм правления.

Выделяется три группы публично-правовых отношений (между аппаратом управления и “подданными”, а также внутри этого аппарата), а значит три системы управления или три типа государственности:

1. Внутри “русов”, “руси”, “Росии”, составляющих как бы верхний эшелон или уровень власти.
2. Внутри “славянских” политических организмов, составляющих нижний эшелон или уровень власти.
3. Между этими двумя уровнями.

Систему управления внутри русов можно реконструировать в первую очередь по данным Гардизи и Ибн Фадлана, сведениями “ПВЛ” о походе Олега на “Греков” (907 г.) и мире с ними (912 г.), договоре Игоря с греками (944 г.). Трактат Константина Багрянородного и в этом аспекте важен тем, что лишний раз подтверждает сведения восточных источников и “ПВЛ”, посвященные более ранним периодам жизни русов, об их сплоченности, небольшом количестве²⁷⁶ и социальной однородности. Отношения внутри “русов” наиболее близко можно сопоставить с “военной демократией”, либо системой связей, складывающейся обычно внутри замкнутой военной (казацкого типа), пиратской или торговой корпорации.

Систему управления внутри “славян” для данного хронологического отрезка (конец IX – середина X вв.) проследить сложнее, т.к. и для иностранных современников, и для более поздних русских авторов “Повести временных лет” эта система связей полностью заслонялась системами отношений первой и, в первую очередь, третьей группы. Юридические документы также отражают интересы только представителей верхнего уровня государственности “руси”.

Наибольшее количество данных о системе управления одной из “славяний”, или княжеств; подчиненных Росии, дает та часть “Повести временных лет”, которая повествует о Древлянском восстании. Само политическое образование древлян носит название “земля” с “городами”, в том числе главным – Искоростенем, где (?) сидят несколько сот “лучших” или “нарочи-

тых” “мужей”, которые “держат Деревскую землю” (ПСРЛ. Т. II. Л.21 об., 23). В этом видится намек на что-либо подобное аристократической мега-общине и на наличие “градов” Среднеевропейской модели государства (Тржештик, 1987; Жемличка, Марсина, 1991; Тржештик, Достал, 1991).

Третья группа отношений (система управления) наиболее полно отражена в произведениях Константина Багрянородного, где славяне, объединенные в “Славинии”, названы “пактиотами”²⁷⁷ Росии (Константин Багрянородный, 1991. – С.45). “ПВЛ” добавляет, что отделенные славянские “княжения”, племена (“языки”) и города находились на разных ступенях взаимоотношений с русью. Это – договорные отношения²⁷⁸ с Северной конфедерацией, во всяком случае с Новгородом, возможно, с киевской и иными общинами полян, с внедрением “руси” в отдельные звенья их аппаратов управления; даннические отношения покоренных²⁷⁹ (или “освобожденных” от хазарского владычества) древлян, северян, радимичей, возможно дреговичей, при полном невмешательстве руси в их внутреннюю структуру управления; временные военно-союзнические отношения с вольнянами, белыми хорватами, тиверцами и уличами.

Таким образом, структуру государства, во главе которого стояли русы (русь, росы), можно представить следующим образом. Имеются государственные территории русов, которые у Константина Багрянородного передаются термином “Росия”, а “ПВЛ” конкретизирует, называя русские города (возможно, но не обязательно, с их волостями), дополняя тем самым список городов “внешней Росии” у Константина²⁸⁰.

Кроме “Росии”, раскинувшей сеть своих городов по всей Восточной Европе, между ними располагаются “славинии” кривитеинов (кривичей), лендзанинов, поставлявшие росам моноксилы, вервианов (древлян), другувитов (дреговичей), севериев, кривичей и других, по землям которых проходило “кружение” (полюдь) (Константин Багрянородный, 1991. – С.45, 49), “подплатежные стране Росии местности” – “ультины” (уличи), “дервленианы”, “лензанины” (Там же. – С.157). Кроме “славиний” и “местностей”, в союзных (договорных) или даннических отношениях с Росией находятся и отдельные “крепости” – Витичев, например (Там же. – С.47).

“Словене” и часто “растворявшийся” в этом термине Новгород занимали как бы промежуточное положение между “Росией” и “славиниями”. Так, в “легендарной” части летописного рассказа о походе Олега на Царьград в 907 г. “Словене” упоминаются отдельно от “Руси”, а Нов-

город не назван в числе “Русских городов”, однако только “Словене”, кроме “Руси”, получили дань особого рода, хотя и низшего, чем последние, качества: полотняные паруса (ПСРЛ. Т. II. Л. 12 об). Характерно, что ни варяги, с одной стороны, ни прочие славяне и финны, с другой, в этом эпизоде не фигурируют вообще. В конце правления Игоря Новгород также не упоминается договором 944 г. в качестве “русского города”, хотя Константин Багрянородный относит его к “внешней Росии”. С другой стороны, “русская” часть системы управления Новгородской землей (Словенами) в процессе подписания договора с греками была представлена в лице посла новгородского князя Святослава Игоревича (Константин Багрянородный, 1991. – С. 45. Вуефаства (ПСРЛ. Т. II. Л. 18). Данный нюанс был замечен изнутри летописцу, но не особенно понятен хотя и осведомленному, но иностранцу, который поэтому включил “Немогард” в состав “Росии”, хотя и “внешней”.

Если в нашей концепции сутью является бинарность государства по вертикали, то в последние годы появилось и обоснование его двусоставного в территориально-политическом, “горизонтальном” плане. Нельзя в данного рода исследовании пройти мимо и такой концепции²⁸¹, тем более, что по археологическим данным специфика развития как Днепровского Левобережья в целом, так и отдельных его микрорегионов (Подесенья, в частности) в период становления древнерусской государственности – не абстракция, а реальность.

Однако вряд ли этот факт можно связывать (Боровский, 1985) с тремя группами русов даже по версии “Эджаиб” (начало XVIII в.): Куйява (Киев). Ч-р-нк (Чернигов), Хород Серзк (Новгород-Северский), сопоставимых, по мнению Я.К. Боровского, с тремя центрами русской государственности у более ранних авторов (Куяба, Слава, Арта) (Боровский, 1985. – С. 22). Однако его, а также А.Е. Крымского (со ссылкой на географа XII в. Ахмеда ат-Туси, а в итоге – Ибн Фадлана, дававших формы “Киава”, “Черник”, “Серук”) сопоставление “триады” восточных источников с “трехградьем” договоров 907 и 945 г. (Там же. – С. 24), безусловно, имеет право на существование, как, возможно, производная от этих документов литературная контаминация. Возможны две разных по происхождению и отражаемых в них реалиях традициях интерпретации “троецентриа” Руси.

Как это ни парадоксально, вопрос о трех группах, видах русов в их первоначальном варианте (Куйявия, Славия, Артания) хорошо согласуется

с концепцией “двухуровневости” “варварского” государства конца IX – середины X вв. Куябия – верхний уровень, собственно “русь”, или гипотетическая “Внутренняя Росия” Константина VII. Славия – главная, в смысле самая многочисленная, группа русов, по ал-Истахри и Ибн Хаукалю – контаминируется с “пактиотами” “росов” (или только киевлян?), многочисленными “Славиниями” (Константин, 1991. – С.45). Остается третья составная часть державы Игоря – “внешняя Росия”, границы и статус которой четко не определены. Ясно только, что это не Славинии и не Киев, а “крепости” росов (не славян), список которых возглавляет “Немогард”, возможно, входят “Милински”, “Телиуца”, “Чернигога”, “Вусеград” (Там же). Для Артании остается три варианта – какая-то часть “внешней “Росии” (наиболее распространенная точка зрения в историографии проблемы), скорее всего, “Немогард”, т.к. там Константин упоминает князя (“Сфендослава, сына Ингора, архонта Росии”). Не исключено и отождествление с другими областями, где, не по Константину, но по “ПВЛ” и договорам с греками, сидят русские князья или их мужи (Ростов, например).

Второй вариант – “легендарный”. В отличие от В.Я.Петрухина, считавшего Артанию исключительно плодом чисто литературно-фольклорного процесса (1982), мы полагаем возможным на уровне очень осторожной гипотезы связать “Арсу” с мифической прародиной всех русов-скандинавов – страной Асов за “Танаквисле” (Доном)²⁸² и ее центром – Асгардом (Круг Земной, 1980. – С.11). Данное сообщение “Саги об Инглингах” может быть дальней реминисценцией лишь на державу готов со столицей в горах Крыма и может быть навеяно теми же мотивами, что и упоминание Архейма на Днепре (?) “Саги о Хервер и конунге Хейдреке” (Древнерусские города..., 1987. – С.154-155). Упомянутый в этой саге Хлед, герой одноименной песни “Старшей Эдды”, восходящей к эпохе “великого переселения народов” (IV – V вв.) (Стеблин-Каменский, 1975. – С.705), воевал в “Ессурских горах” с конунгом Хрейдготаланда Ангантюром (Старшая Эдда, 1975. – С.354-356). Сразу после гуннов упоминаются хред-готы в “Видсиде” (Древнеанглийская поэзия..., 1982. – С.17), называется “морским конунгом”, правившим на берегу Хрейдмара, Тиодрик (Теодорих готский?) на руническом Рёкском камне IX в. (Там же. – С.248. “Хрейд-море” иногда читается как “рейз-море” (Лебедев, 1985. – С.156; 1988. – С.95), а хрейд-готы, соответственно как “рейзготы” (hreip – “слава”), связывающиеся с “русью” в аспекте происхождения последнего названия (Будило-

вич, 1897. – С.118-119; Васильевский, 1915. – С.272). Контакты готов при Эрманарихе, отрицательном герое германской средневековой поэзии, с ромонами (независимо от этнической природы последних) также можно поставить в зависимость с происхождением названия “русь” в зоне ранних гото-славяно-финно-иранских и иных контактов (Лебедев, 1986. – С.95; см. также: Уманец, Шевченко, 1992. – С.39. О готских теориях см.: Мельникова, Петрухин, 1991. – С.302). Нам не следует далее вдаваться в лингвистические тонкости, хотелось только подчеркнуть возможную давнюю связь в германском эпическом сознании слов-созвучий более поздним Арсе (Арте) и Руси (Русь, Rws, Rur, Rhos): первая выступает как часть последней.

В свою очередь, именно в зоне достаточно стабильных скандинаво-русско-хазарских контактов, где в основном и получали информацию ал-Истахри и Ибн Хаукаль, и могла “родиться” отчасти легендарная, отчасти реальная Арса (Арта)²⁸³.

В этой связи выдвигаем вариант интерпретации Арсы в качестве реальной прародины (или временного, но компактного места обитания) русов (не всех скандинавов и не обязательно только скандинавов) до включения их в процессы образования Древнерусского государства. Вероятно, решение этого вопроса связано с локализацией “острова русов” первой традиции восточных источников. Не углубляясь в эту не менее многозначную и запутанную проблему, чем вопрос об Арте, позволим высказать только свое личное отношение к ней, не выдвигая новых концепций. Единственной соответствующей реалиям Восточной Европы середины – третьей четверти IX в. представляется, на наш взгляд, сопоставление “острова русов”, а в этой связи, возможно, и Арты – с волостью Ладоги, с будущим ярлством Альдейгьюборга²⁸⁴. Хотя название этого города имеет, по мнению большинства исследователей, финно-угорские корни (см. историографию в: Древнерусские города..., 1987. – С.17-18), но его уже древнерусское название, появившееся не позднее 870 г. (Шрамм, 1994. – С.148), успело, возможно, по очень давней концепции Френа, найти отражение в произведении ал-Масуди как один из русских племенных этнонимов (“лудагана” (Коковцов, 1996. – С.622).

Наиболее последовательно, хотя и имплицитно, идея о соотношении городской округи Ладоги с территорией первоначального расселения русов на севере Восточной Европы, в окружении болот и чуждого финно-

угорского населения, изложена у Г.С.Лебедева (1985. – С.199-217). Она переплетается с толкованием топонима “Холмгард” как “Город на острове” (Там же. – С.219; Мельникова, 1977. – С.208; Андрощук, 1991)²⁸⁵.

Слабость нашей концепции в этом звене не в том, что Асгард и Архейм – плоды эпоса (они как раз могли иметь реальные соответствия), а Ладога – факт источников, а в том, что они находятся по разные стороны Восточной Европы – в “Понто-Каспийской” и “Циркумбалтийской” ее зонах (по Г.С.Лебедеву, 1988).

Последнее противоречие, впрочем, снимается, если убрать отождествление Арсании с “островом русов” как их общей прародиной. Как уже говорилось, у нас нет отдельной аргументированной точки зрения о местоположении и степени реальности последнего.

Типологически Русь конца IX – середины X вв. наиболее близка, как уже отмечалось (Шинаков, 1993 а), территориально (этно)-политической структуре I Болгарского царства в VIII в. (до реформ Крума и Омуртага). В частности, бросается в глаза достаточно редкая деталь формы государственности: деление последней на “внутреннюю” (столица и ее округа) и “внешнюю землю”²⁸⁶ (в том числе Славинии). В последних было два уровня власти – “внешние бояре”, назначенные ханом (по крайней мере, с правления Крума) и местные князья и старейшины-жупаны (История Болгарии, 1987. – С.56; Тыпкова-Заимова, 1991. – С.138, Койчева, Кочев, 1991. – С.81, 56; Литаврин, Наумов, 1991. – С.238; Койчева, 1987. – С.152). Впрочем, “ярко выраженная дуалистическая структура (Литаврин, Наумов, 1991. – С.238) присуща не только двухуровневой форме государственности, но и так называемым “полукочевым” государствам в целом, образованным путем завоевания (без последующего компромисса и договора, как в Болгарии и на Руси) чаще земледельческих, но всегда инородных областей, без сохранения их самоуправления. Это – корпоративно-эксплуататорская форма государственности, частным случаем которой можно считать “полукочевые государства”, в том числе контактировавшие с Русью (или ее частями до образования единого государства): Аварский каганат и Венгерское объединение IX в.

Русь типологически ближе к Болгарии, хотя отличается от нее меньшей численностью членов “верхнего уровня” власти, его большей корпоративной сплоченностью²⁸⁷ и скорее социальной, чем этнической природой. “Рядовые протоболгары” же “не принадлежали к привилегированному

слою”, в то же время значительной независимостью и влиянием пользовалась славянская знать “нижнего уровня”, хотя верховная власть традиционно сосредоточивалась лишь у протоболгарской аристократии.

Дуализм власти, ее “двухуровневость” на Руси были подмечены по материалам археологии в известной теории конца 70-х – середины 80-х гг. “пар городов”, альтернативной концепции их переноса. В соответствии с ней каждому наиболее значительному племенному граду, центру союза племен или княжества, противостоял, контролируя и град и, одновременно, путь общегосударственного значения, а также сбор дани, опорный пункт формирующейся государственной (великокняжеской) власти (погост, дружинный лагерь) (Петрухин, Пушкина, 1979; Шинаков, 1987 а, б, 1993 в; Леонтьев, 1986, 1988). Расстояние между двумя разнофункциональными (Мельникова, Петрухин, 1986) предгородскими центрами определяется несколькими километрами, но политическая дистанция была огромной, зачастую непреодолимой. В настоящее время это противостояние центров двух уровней власти можно определить “модным” термином (по К.Леви-Стросу) “бинарная оппозиция” (Моця, 1995; Шинаков, 1997 а). Таким образом, не только концепция “двухуровневого государства” имеет археологическую поддержку, но и созданная в основном на материалах археологии теория “пар городов” получает обоснование на методологическом уровне.

Территориальное выражение характера взаимоотношений “верхнего” и “нижнего” уровня власти различается для Севера и Юга. Если первый как раз и характеризуется разветвленной сетью опорных пунктов “федеральной” власти (система “пар городов”) (Мельникова, Петрухин, 1986; Петрухин, 1987), внутри ячеек которой остаются племенные княжества, то на Юге создать такую систему территориального управления русы или не хотели, или не могли²⁸⁸. Здесь существует компактная “государственная территория” – гипотетичная “внутренняя Росия”, образованная из бывших хазарских владений в славянских землях (Петрухин, 1989; 1995 а, б) – будущий “домен” Рюриковичей, и полунезависимые Славинии, между которыми вдоль пути “Большого полюдья” располагаются “станы” русов (Рыбаков, 1979; Шинаков, 1986, 1987 б, 1990 б, 1998 б). Возможно использование в качестве пунктов “русской” государственной власти и “вигов” на пути Киев – Болгар (Рыбаков, 1969; Моця, 1985; Моця, Халиков, 1989; 1997).

§ 3. Форма правления

В связи со спецификой этапа развития государственности и состоянием источников, в этот параграф также включаются (отчасти) характеристики системы правления, политического режима, источников комплектования аппарата управления в целом и его взаимоотношений с верховным правителем и его родом.

Верхний уровень власти: “царь” (точнее, один из них) – лишь первый среди равных, напоминающий судью, военного вождя или атамана по характеру его отношений с “богатырями” (Ковалевский, 1956. – С.146).

Константин Багрянородный называет Игора “архонтом”, указывая в другом месте, что у “росов” таких архонтов несколько (Константин Багрянородный, 1991. – С.45, 51). Учитывая ту корректность, с которой данный автор обращается с терминами, особенно в том, что касается титулатуры правителей разного ранга, следует обратить внимание на то, что этот василевс понимает под титулом “архонт”. Хотя Константин не дает никаких сведений о положении “архонта” конкретно у “росов”, однако, поскольку этот титул не “туземный”, как, например, эмир, хаган, а “ромейский”, то возможно по аналогии выяснить причины его выбора для характеристики предводителя “росов”. Сравним характер применения этого термина к правителям “сарацинов”, армян, хорватов, сербов, венгров, Херсона (а кроме того, он применялся и по отношению к некоторым должностным лицам Империи). Во-первых, “архонт” – выше “старцев-жупанов” славян и “воевод” венгров, но ниже королей (Константин... – С.119, 121, 131, 366) эмиров, хаганов (кроме одного случая – Константин... – С.159). Кроме того, “архонты”-правители, либо недавно пришедшие к власти, либо лица, назначенные или выбранные (пусть даже из одного рода) (Константин... – С.113, 133, 159, 188, 221, 225), но не получившие ее по наследству, как короли (Константин... – С.113, 139). Исключение составляют Ашот II Ерекат, унаследовавший титул “архонта архонтов” от своего отца Смбата I (Константин... – С.411), “архонт Моравии Сфендополк” и его старший сын “великий архонт” (Константин... – С.169), “архонты” Болгарии (Константин... – С.139, 239) (в том числе и такой могущественный ее правитель, как Симеон), “катархонт” (халиф) “сарацинов” (Константин... – С.177) и “хаган-архонт хазар” (Константин... – С.159). В некоторых случаях “ар-

хонты” – правители отдельных составных частей государств Армении (Константин... – С.177, 179, 183), ломбардские герцоги (Константин... – С.119, 121, 366). При описании Далмации Константин ставит знак равенства (в территориальном плане) между “Славинией” (Константин... – С.113) и “архонтией”²⁸⁹, делящимися на “жупании” (Константин... – С.133) или воеводства (?). Учитывая данные иных письменных источников о предводителях “росов”, к ним с наибольшей долей вероятности можно отнести характеристику принципов прихода к власти, а, значит, и политического статуса “архонтов” хорватов и венгров: “Тогда, после крещения, он (василевс Василий I – *Е.Ш.*) поставил для них архонтов, которых они сами хотели и выбирали из рода, почитаемого и любимого ими. С тех пор и доныне архонты у них появляются (уже не выбираются – *Е.Ш.*) из тех же самых родов, а не из какого-либо иного” (Константин... – С.115). См. также: “Его-то (Арпада – *Е.Ш.*) они (венгры – *Е.Ш.*) и сделали архонтом... До этого Арпада турки (венгры) иногда не имели другого архонта, и с тех пор до сего дня они выдвигают архонта Турции из этого рода” (Константин... – С.161). Критериями выбора были не древность рода, а “разум, рассудительность, мужество, способность к власти” (Константин... – С.161). Налицо и второе отличие. Если в этих случаях инициаторами “выборов” “архонтов” был император ромеев и хазарский хакан, в случае с русами любое внешнее воздействие отсутствовало (“чудь”, “словене и кривичи” пригласили в качестве правителей не конкретного князя или род, а “варягов-русь” в целом.

По фактическому (территориальному) положению “архонты” “Росии” равны королям, т.к. ей подчиняется несколько “Славиний”, в некоторых из которых могут быть и свои архонты (князья) или что-либо типа “советов” жупанов – старейшин. Формально русский князь не имеет в глазах византийцев даже титула “архонта архонтов” (как ранее “глава глав” у славян), хотя в его подчинении и имеются несколько русских “светлых князей”. Последнее говорит о том, что для русов его статус еще не слишком отличается от положения последних, а восточноевропейское государство во главе с “Росией” (“Русью”) не имело еще унитарного характера или даже устоявшегося федеративного устройства.

Исходя из преамбул к договорам 911 и 944 гг. (фактически только последнего из них), во главе этой “корпорации”²⁹⁰ стоял определенный род²⁹¹, каждый из членов которого, включая женщин, имел своих представите-

лей в посольствах и право на долю власти. Вероятно, из членов этого рода происходили “князья, под Олгом суще” (ПСРЛ. Т. II. Л. 12) и “светлые князи” (ПСРЛ. Т. II. Л. 13 об), “сидящие” не во главе племен, народов, княжеств, а в “городах”²⁹², которые летописцем ретроспективно²⁹³ причислялись к первоначально русским, а не кривичским, мерянским и т.д.²⁹⁴ Кроме князей упоминаются в составе этой “военной касты” (Куник, Розен, 1878. – С. 112) “светлые бояре” (ПСРЛ. Т. II. Л. 13), “главари”, “военначальники” в одной, и “отроки” (“соумирающие” при смерти царя (Ковалевский, 1956. – С. 146)) – с другой стороны, причем дружина русов (т.е., возможно, почти все из них)²⁹⁵ состоит не только из “морской пехоты”, как ранее, но и из конницы, чем приближается к “славянской”²⁹⁶. Имеются также и “гости” (ПСРЛ. Т. II. Л. 18), входящие, судя по их роли в заключении договоров с Византией, в состав правящей верхушки русов (впрочем, роли купцов, дружинников и “администраторов” исполняли одни и те же люди, в зависимости от обстоятельств, эти роли менявших).

В целом, в системе организации управления налицо сочетание территориальных (в горизонтальном) и социальных (в вертикальном срезе) связей с родовым принципом подбора самого верхнего эшелона власти (князей).

Стадия развития родового принципа как механизма институционализации власти – ключевой пункт для определения тенденций политогенеза на Руси в середине X в. Либо это еще стремление к расширению своего рода, борьба за создание его монополии на власть (среди русов в данном случае), либо уже стремление заменить родовой принцип на личностный, ограничить власть рода над государем (с помощью дружины или династических связей, например). С другой стороны, на данном этапе государствообразования (“большой” переходный период между первобытностью и государственностью, точнее, между “вождествами” и ранним государством), существуют два главных типа отношений правителя и его рода при действии “родовых” механизмов. В первом случае правитель – игрушка в руках своего рода, как бы собственность последнего (Бенин, Хазария, например), во втором – даже члены его рода считаются, как и остальные его подданные, рабами правителя, только с высоким статусом (Асантаман).

Судя по синхростадиальным материалам типологически близкой Скандинавии, даже в эпоху викингов, как отражено, например, в “Гренландской песни об Атли”, родовый принцип господствовал над семейно-личностным (“братья ближе мужа”) (Стеблин-Каменский, 1975. – С. 898). Важ-

нейшим (если не единственным) источником по этому вопросу для Руси является преамбула к договору 944 г. (статьи 907 и 911 гг. ограничиваются простым списком имен, не указывая степень родства или служебных отношений между скрывающимися под ними людьми, не говоря уже об указанных ранее сомнениях в достоверности договора 911 г.).

Проанализируем его состав в дополнение собственных выводов 1990-1993 гг. и концепции Назаренко – Платоновой (1996-1997 гг.).

К роду Игоря безусловно относится его сын Святослав, князь Новгородский, и два его племянника – Игорь и Акун. Княгиня Ольга по старой традиции никак не могла относиться к роду мужа, но в переговорах представлена особым послом. Что касается Предславы, то, с учетом отсутствия указаний на ее мужа, она безусловно должна относиться к роду Игоря, будучи либо его сестрой, либо его дочерью. Наибольший интерес и основу для анализа дает сочетание “Шихберн [посол] Сфандры, жены Улеба” (ПСРЛ. Т. I. Л. 11). (Отметим сходство этого имени со скандинавской транскрипцией имени легендарной жены Рюрика Ефанды (Татищев, 1962. – С. 110) – Сфанда (Беляев, 1929. – С. 263-264). Сам Улеб, в отличие, скажем, от Игоря, не фигурирует как отдельный субъект “свещания”. Вариантов объяснения два.

1. Абсолютно строгое соблюдение родового принципа, и в этом случае Сфандра, родственница Игоря, даже выйдя замуж, остается членом великокняжеского рода и на свое отдельное представительство во внешних политических акциях. В этом случае и все остальные лица, имеющие отдельных послов (Владислав, Турд (Турдуев), Фаст, Сфирка, Тудк, еще один Турд, Евлиск, Войк (Иков?), Аминд (Амунд?), Берн, Гунар, Алдан, Клек, Етон, Гуда, Уто (Ото), – всего 17 имен (их этимология не имеет в данном случае значения, тем более что она отдельно и подробно рассматривается Г.К. Валеевым, 1982) – могли быть не просто *русскими* князьями, но и относиться к одному, имеющему право на власть над Русией (но не Славиями) роду, даже женщины которого юридически сопричастны власти. Вроде бы в пользу этого говорит отсутствие в списке таких, безусловно, занимавших высокие посты и известных личностей, как воеводы Свенельд и Асмуд. Странно, однако, что ни одно из этих княжеских, предположительно, имен не упоминается позднее (лишь Турд имеет некоторое топонимическое соответствие в топонимике). Нельзя, впрочем, со стопроцентной гарантией отрицать, что в некоторых случаях антропонимические пары составлены не именем посла и представляемого им князя (?), а име-

нем и отчеством (скажем, не князей, купцов или послов, а наиболее знатных и “лучших мужей”, бояр, упомянутых по титулу в тексте договора.

2. Сфандра представлена отдельным послом в связи с отсутствием ее мужа. Она не названа вдовой, значит, ее муж был жив в момент отправки послов (или так о нем думали) и имел право на представительство, т.е. княжеский титул. В 944 г. такая судьба могла постигнуть участников Каспийского похода на Бердаа, поголовно (по Ибн Мискавейху) уничтоженных на обратном пути хазарами (Сборник документов..., 1970. – С.71). К моменту отсылки послов о печальной судьбе участников похода и его главы в Киеве могли еще и не знать, в связи с чем права Улеба временно перешли на его жену. В последнем случае именно этот князь может гипотетически скрываться под Х-л-гу²⁹⁷ “документа Шехтера”.

При любом варианте отметим безусловное наличие (или усиление) брачно-семейного фактора, используемого примерно в то же время Харальдом Прекрасноволосым в качестве одного из механизмов²⁹⁸ объединения Норвегии. Он “выдавал большинство своих дочерей за своих ярлов внутри страны”, судя по всему, не для увеличения могущества и численности своего рода (в этом случае, наоборот, он бы брал замуж за себя и сыновей дочерей местной знати (Круг земной, 1980. – С.66), а для их ослабления. Укрепление личной преданности должностных лиц и местной аристократии конунгу достигалось посредством установления брачно-династических связей и создания многих новых “колен” (Круг земной, 1980. – С.66). Последнее положение доказывается характером действий конунга во время конфликта собственных сыновей с местной знатью: “Сыновьям Харальда казалось, что ярлы – ниже их по рождению..., но когда его сыновья убили ярла Регнвальда и захватили его земли, Харальд пошел против них и восстановил сына ярла на престоле... отдав за него дочь...” (Круг земной, 1980. – С.58).

Возможно, на Руси мы имеем дело с аналогичным обновлением рода за счет брачных “контрактов” дочерей и сестер великого князя Игоря, что фактически должно было вести к замене родового принципа династическим. Отсюда, возможно, и наделение женской части княжеского рода правоспособностью в политических актах и торговых сделках²⁹⁹. Схожая ситуация существовала и на противоположной от Скандинавии сфере контактов Древней Руси, имеющей с ней типологическое сходство в иных аспектах – в Болгарии. Аристократические роды здесь также были откры-

тыми для наиболее выдающихся по личным качествам представителей непривилегированных протоболгар, а позднее – и славян.

Стимулировались эти процессы соперничеством между тремя родами за верховную власть (Койчева, 1987. – С.152). Тенденция же к сокращению собственного рода, уничтожению или урезанию его привилегий перед лицом государя и остальных его подданных могла проявиться лишь после ликвидации межродового соперничества и закрепления монополии власти лишь за одним родом³⁰⁰. На Руси фиксируется как изначально легитимная лишь одна династия, хотя есть намеки на существование параллельных ей княжеских линий³⁰¹ (Олег, до него – Аскольд и Дир, после него – Рогволод). При этом имеются в виду лишь “русские князья”, т.е. верхний уровень власти, без “туземных” княжеских династий в Славиниях.

Для “нижнего уровня” говорится и о “нарочитых мужах”, и о князьях (ПСРЛ. Т.II. Л.22), неясно только, идет речь об иерархии нескольких одновременных князей, или о том, что ко времени Мала на престоле уже побывало несколько их поколений. Непонятно также, принадлежали ли они к одному роду, передававшему власть по наследству, или князья выбирались всеми древлянами или их “лучшими мужаами”. Ясно, однако, что отношения князей с “лучшими мужаами” да и всей “Деревской землей” еще достаточно “идиллические”³⁰², таким образом и княжеская власть, и аристократия занимали свою ячейку в системе управления, а в самой этой системе еще преобладали “общественные” функции. Это характерно для этапа “вождеств”.

Ибн Фадлан существенно дополнил бы данную картину, однозначно свидетельствуя в пользу наследственности “царской” власти и “славян”, однако в его “ас-сакалиба” следует, по всей видимости, видеть не восточных славян, а волжских болгар³⁰³.

§ 4. Функции аппарата управления “верхнего” и “нижнего” уровней. Источники и способы получения средств обеспечения правящего слоя

Зафиксированные в источниках функции государства, характер доходов правящей верхушки, способы их получения и распределения могут косвенно свидетельствовать об уровне и форме государственности.

Теоретически для этапа “вождеств” характерны отношения реципрок-

ности, добровольного отчуждения части избыточного продукта в пользу аппарата управления в обмен на выполнение последним “общенародных функций”. Очевидно, что эти положения в полном объеме можно отнести лишь к связям “государство-общество” внутри “нижнего уровня” государственности. Конкретные функции нижнего уровня власти можно реконструировать лишь предположительно, допустив вероятность сохранения судебной власти, о которой свидетельствовали более ранние источники, и обороны территории того или иного протогосударственного образования. Для Новгорода они дополнялись и обеспечением Днепровского пути с выходом к Византии (точнее, обеспечением участия словенского “купечества” в торговых операциях, находящихся уже в руках “руси”). Все эти функции относятся к разряду “общественных” или “общенародных”.

Для внутренних функций аппарата управления “Росии” можно отметить организацию получения избыточного продукта в пользу всех “русов” как путем сбора дани с зависимых “Славиний”, так и ее реализации на рынках Византии, а также организация в интересах и при помощи “всех росов” массовых походов многих народов Восточной Европы на Византию с целью получения как единовременной дани-откупа или контрибуции, так и заключения выгодных, для “руси” в первую очередь, торговых договоров³⁰⁴.

Важным элементом этой политики был наем варяжских отрядов, что предполагало обеспечение хороших отношений со скандинавскими странами. Судебная функция князя и органов власти вообще, вероятно, была минимальной, т.к. отношения между русами (“русинами”) еще в начале XI в. (до издания “Правды Ярослава”, по крайней мере) регулировались “обычным правом” – “Законом Русским” (Свердлов, 1988. – С.10-11). Функция самообеспечения внутри “корпорации” русов также была сведена к минимуму – князья и другие “должностные лица” имели право на определенную долю и от дани, и от торговли, и от добычи – на основе, вероятно, частного права, как любой член “корпорации” “русов” (естественно, размер доли был разным). Остальные функции по отношению к “русам” можно отнести к “общественным” или “общенародным”, однако со стороны “нижнего” уровня государственности (“славянского”), за исключением, возможно, правящей элиты Новгородской республики, они явно воспринимались как “самообеспечивающие”. Возможно, конечно, что правящие слои³⁰⁵ некоторых “Славиний” и Новгорода получали свою долю от грабе-

жа Византии (иначе трудно объяснить участие в походах “племен”, Русси не подвластных, ни по каким источникам (хорватов, тиверцев, скорее всего, и дулебов)³⁰⁶, однако о размерах этой доли не упоминается.

Кроме того, функции аппарата управления “руссов”, да и всех “руссов”, по отношению к “нижнему” уровню власти могли заключаться в помощи сбора дани этим уровнем власти, значительная часть которой могла на нем и “задерживаться”, не переходя выше – “руси”. Сохранение местных властей облегчало для “руссов” выполнение этой функции, лишая их в то же время реального контроля за размерами дани, собранной местными князьями (или иными органами управления) якобы только для удовлетворения appetитов “руси”. Мечи “руссов” или даже их появление заставляли покориться строптивых неплательщиков, а наиболее закоренелые могли и просто уничтожаться или высылаться. Кандидатуры этих “закоренелых” назывались, вероятно, именно местными властями, которые таким путем, с помощью “руссов”, упрочивали собственную власть. В этом плане, обеспечивая наиболее успешное выполнение своей функции самообеспечения, “русы” для “нижнего” уровня власти осуществляли классово-сословную³⁰⁷ и даже, в какой-то степени, общественную функцию, способствуя укреплению системы управления отдельных потестарно-политических образований Восточной Европы.

Конкретизация этих положений по материалам источников дает следующую картину.

Функции госаппарата у “руссов”, по данным восточных авторов, остаются прежними с некоторым смещением их соотношения внутри группы “общественных” (или “самообеспечения”, в зависимости от того, как оценивать “руссов” – как народ или социальную группу, о чем только по данным источников первой и второй традиций описания сказать невозможно). Увеличился удельный вес организации внешней торговли в ущерб грабежу иных народов (и в форме пиратства, и в форме сбора дани-откупа или контрибуции). Изменились и объекты нападений и получения “дани” – вместо “славян” им стал в основном “Рум” (Византия). Все это полностью подтверждается “ПВЛ” и византийскими источниками. В частности, в отношениях варягов – руси и славян вместо старой формулы “грабитель” – “подвергающийся ограблению”, стали преобладать разного рода государственно-договорные отношения, установленные (по крайней мере, по данным “ПВЛ”) мирным, добровольным путем. Для византийцев этого

времени или нет различия между русью и славянами, или в походах на “Рум” тогда действительно участвовали только русы.

В структуре гипотетичной славяно-финской Северной конфедерации, судя по “ПВЛ”, предводители русов получают судебную функцию, т.е. замещают одну из важнейших, если не важнейшую, должностную обязанность славянского “главы глав”, “царя” первой традиции восточных источников.

Второй важной функцией новых органов управления (“руси” в целом) было установление и поддержание кратчайшего пути в Византию. Именно таковым было задание отряда Аскольда и Дира (или только Аскольда, если Дир действительно правил раньше), а захват маленького “градка” Киева был их самодеятельностью.

Типологические аналогии как функциям верхнего (“федерального”, по современной терминологии) уровня власти, так и источникам и направлениям распределения её доходов, в аспекте взаимодействия с “обществом”, дает синхростадиальная и сходная в плане тенденций и направлений развития Скандинавия.

Не только для легендарных Инглингов, но и вполне реального конунга Норвегии эпохи викингов Хальфдана Черного подчеркивается как главная их сакральная функция (Круг земной, 1980. – С.34, 42). Начиная с этого же конунга, подчеркивается все возрастающая судебная функция монархической власти. Конунг становится не только гарантом и инструментом (через своих должностных лиц) исполнения законов, но отчасти и их источником³⁰⁸.

Во время расцвета эпохи викингов (Хальфдан умер в 860 г. (Лебедев, 1985. – С.98)), т.е. “большого переходного периода” от вождеств к раннему государству, судебная функция сочетает в себе еще черты реципрокности (“соблюдал их сам”) и нарождающееся отражение интересов господствующих в обществе страт³⁰⁹.

Начиная с Хальфдана, но особенно при его преемниках Харальде Прекрасноволосом и Хаконе Добром, как одна из основных обязанностей (и прав) верховного конунга страны упоминается сбор дани (податей, выкупов) (Круг земной, 1980. – С.39, 44, 71 и др.). Сбор дани воспринимается не только как источник доходов конунга и его людей, но и как один из механизмов объединения страны посредством повышения материальной заинтересованности местной знати в этом процессе³¹⁰.

Надо, впрочем, сказать, что в этих (судебной и фискальной) сферах управления Норвегия, судя по “Сагам”, немного опережала Швецию и отчасти (до Харальда Синезубого, т.е. до середины X в.) – Данию. Впрочем, исследователи скандинавского раннесредневекового общества рисуют его не столь развитым, как представляется по “королевским сагам”. Так, А.Корсунский считает короля подсудным тингу до XII в. (1966. – С.122-130), А.Гуревич отмечает, что областные законы, составленные по указаниям норвежских королей³¹¹ второй половины XI – XII вв. были в основном памятниками обычного права, обязательного для всего населения страны, независимо от статуса (1977. – С.13).

Независимо от причин “модернизации” скандинавского общества в “королевских сагах”³¹² по сравнению с правовыми документами, можно констатировать, вероятно, опережающее развитие судебно-фискальной практики (отраженной в “Сагах”) по сравнению с ее текстуально-юридическим оформлением.

Ретроспективно желательные для “общества” функции государства были очерчены Торгниром в речи против конунга Олава в Уппсале. Это – увеличение государства за счет чужих земель, “обязанных данью”, и их последующая “защита” как “своих”, для шведов конкретно желательное направление экспансии определялось как “те государства в Аустрвеге, которыми там владели твои (Олава Шетконунга) родичи и предки” (начиная от Бьерна (Эйриксона (?), умер в 930 г.)³¹³ (Джаксон, 1994. – С.73). Подтверждением правильности выбранной аналогии является апологетизирование автором так называемого “Введения к НПЛ” “древних князей” именно за такого же рода деятельность (НПЛ. 1950. Л.11 об). В последнем случае функции князя и дружины прямо увязаны с источниками их обеспечения.

С учетом синхростадиальности развития Руси и Скандинавии в “варварскую” эпоху и сходства “политической культуры”, можно, вероятно, контаминировать “скандинавский” набор функций и источников получения избыточного продукта и с верхним уровнем древнерусской государственности конца IX – середины X вв. Однако, в отличие от Скандинавии, в источниках по Древней Руси явно отсутствуют сведения о кормлениях правителя и его окружения за счет собственных “усадеб” и “пиров” или за счет местных жителей в них (см., например, “Сагу об Инглингах” (Круг земной, 1980. – С.30, 82). На Руси “круговой объезд” (полюдье) носил первоначально несколько иной, отнюдь не сакрально-интеграцион-

ный характер. Он имел, скорее, функцию “самообеспечения” власти и подтверждения ее насильственно установленных “прав”. “Всегда 100 – 200 из них (русов) ходят к славянам и насильно берут с них на свое содержание, пока там находятся” (Новосельцев, 1965. – С.400). Эти сведения Гардизи, которые, как уже говорилось, относятся к “завершению” списка авторов “первой традиции”, вероятно, можно отнести ко второй половине IX – началу X вв. Сам характер получения избыточного продукта оказывается где-то между грабежом чужого народа и сбором податей-налогов со “своего”³¹⁴, типологически отличается, но, вероятно, синхростадиален “пирам” скандинавских конунгов у “своих” подданных. Одновременно у того же автора в глаза бросается еще одна специфическая “русская” (для стадии “варварства”, конкретных регионов и времени) статья “государственных” доходов: торговые сборы (“их царь взимает с торговли 1/10”) (Там же).

Особая роль международной торговли в качестве одного из главного, если вообще не ведущего и даже единственного, фактора становления и первоначального развития Древнерусского государства давно стала общим местом историографии, особенно зарубежной. Именно “монетарность” экономики считается (данным и археологии, и нумизматики вроде бы подтверждается) той особенностью, которая сближала Русь с Византией³¹⁵ и отделяла ее от “классической” позднекаролингской) Западной Европы (Вернадский, 1996. – С.15).

Не с внутренней экономической потребностью, а с торговлей на дальних зарубежных рынках связан такой источник обогащения “верхнего” уровня власти в целом, т.е. “корпорации русь”, как рабство (особенно высока была продажная стоимость некоторых рабынь на Востоке, в то время как в “Циркумбалтийском регионе” дороже стоил раб)³¹⁶. В связи с этим очевидно, что при невозможности использовать в крупном землевладении свободных общинников (Аллода, как на Западе, не было) и невыгодности “наймитов”, оно в зоне подобной торговли могло получить развитие лишь в результате нарушения традиционных связей или перенасыщения рынка рабов в Византии и на Востоке. Другим фактором, ограничившим работорговлю, могло стать воздействие христианской идеологии.

Купцы составляли часть “корпорации русь”, и если и не были причастны к управленческим функциям верхнего уровня власти, то, как говорят договоры с греками, пользовались его финансово-торговыми привилегиями. Отношения этой части господствующей (но не обязательно пра-

вящей) верхушки Древней Руси с князем реконструируются не по отечественным, а по восточным (Ибн Фадлан) и скандинавским источникам (“Сага об Олаве Святом”)³¹⁷. Первые свидетельствуют о ранговой стратификации участников торговых предприятий русов, наличии в их среде как “знати”, с одной стороны, так “девушек” и “рабов”, с другой. При этом модно говорить об известном демократизме отношений между этими категориями при жизни (“собираются” в “одном большом доме”), но очень четкой дифференциации погребальных обрядов по знатности и богатству (Ковалевский, 1956). Конунги также участвуют в международной торговле, но как частные, хотя и высокопоставленные, лица, вступая в купеческие “товарищества”³¹⁸. “И когда Гудлейк пришел к нему, говорит ему конунг, что он хочет вступить с ним в товарищество, попросил его купить себе те ценные вещи, которые трудно достать там в стране” (Древнерусские города, 1987. – С.71). Цель торговых сделок – предметы “престижного потребления”. В данном случае идет речь о короле Норвегии и его участии в торговле по Восточному пути с Хольмгардом и Гардарики в целом. Можно предположить, что такой же характер носило участие правителей в торговле русов с “Румом, Хазараном и Булкарром” (Новосельцев, 1965. – С.397, 399), отмеченное, кстати, в “договорах руси с греками”.

Очевидное отличие, отмеченное Гардизи, – получение “царями” русов доходов и с чужой торговли, заимствованное, вероятно, у правителей Византии или, скорее, Хазарского каганата (Ибн Хордадбех: Там же. – С.387).

Еще одно отличие, косвенно фиксируемое данными о “полюдь” у Константина Багрянородного – реализация его (полюдь) вещественных результатов ежегодно на рынках Византии (а, вероятно, и Востока). Возможно, именно возможность сбыта продуктов, полученных в лесах Восточной Европы, в “Каспийско-понтийском” регионе послужила главным стимулом изменения экономического содержания данного процесса. По более, вероятно, ранним данным Гардизи, “русы” брали у “славян” лишь на свое содержание. Здесь мы сталкиваемся с двумя видами источников получения избыточного продукта правящей верхушкой русов и всей их “корпорацией”. Один из них в свете гипотезы “двухуровневости” можно отнести к эндоэксплуатации, другой (в широком смысле, т.е. что источники дохода находятся за рубежами данного потестарно-политического организма) – к экзоэксплуатации.

И полюдь, и международная торговля – две стороны одного взаи-

мосвязанного процесса эксплуатации населения “верхним уровнем” власти формирующегося государства. Процесс этот одновременно относится к сфере и функций “государства”, и его взаимоотношений с “обществом”.

В отношении полюдья в последнее время появилась тенденция считать его не просто способом сбора дани, а достаточно универсальным для определенной стадии (“раннегосударственной”, по Ю.Кобищанову, 1995)³¹⁹ политогенеза механизмом реализации властных функций государства, как бы подтверждением его сакральных связей с обществом” (Кобищанов, Данилова³²⁰, Фроянов).

В этом отношении И.Я.Фроянов считает возможным четко отделять для Руси полюдье, как механизм сакральной интеграции “своих”, от дани. Последняя взимается с чужих не столько из экономических соображений, сколько в целях регулярно повторяемого напоминания и подтверждения идеологически-сакральными средствами права на господство над теми, кто дань платит (Фроянов, 1996. – С.501, 802).

Идея разделения эксплуатации на “эндо” и “экзо” не нова, она неоднократно постулировалась в позднесоветской этнографии (см., например: Бромлей, Першиц, 1984. – С.56). Что же касается ее конкретного применения к такому чисто русскому явлению, как полюдье (недаром Константин наряду с весьма неадекватным переводом “кружение” приводит и славянскую транскрипцию “полюдия” (Константин..., 1991. – С.51), то оно весьма спорно.

Во-первых, вряд ли правомерно отождествлять действительно носящее сакральный оттенок описание “поборов” славянского “главы глав” со своего населения у авторов “первой традиции” восточных источников и фиксируемое на 100 лет позже “полюдье”, осуществляемое всеми росами. В качестве объекта полюдья выступают у Константина не они сами, а зависимые (союзные) от “Росии” Славинии (Константин..., 1991. – С.51). Таким образом, здесь речь идет о явлениях двух разных уровней и систем отношений. Второе, скорее, восходит к упомянутому Гардизи ежегодному кормлению части русов в земле славян.

Что же касается гипотезы И.Я.Фроянова о том, что полюдье относилось лишь к “Росии” (т.е., в его понимании, – к землям полянской общины) и носило лишь ритуально-магический характер, а со Славинией бралась дань, не находит подтверждения в источниках. Предположение о том, что Константин VII мог в данном случае смешать два разных явления (дань и полюдье) (Фроянов, 1996. – С.486-487) вряд ли можно считать оправданным, ис-

ходя как из эрудиции автора трактата “Об управлении империей”, так и характера самого произведения, способов и сроков получения информации.

Вероятнее вообще отсутствие какой-либо эксплуатации внутри “Росии” (за исключением рабов, разумеется) и наличие коллективной эксплуатации всеми росами (включая, возможно, и интегрированных в их состав полян) Славиний и, отчасти, “внешней Росии”.

Другое дело, как уже говорилось в начале данного параграфа, теоретически “федеральная” дань (точнее, ссылка на нее) могла использоваться местной правящей верхушкой “Славиний” для укрепления экономической базы своей власти. Это особенно существенно для “княжений” за пределами зоны “хазарской дани”, где, возможно³²¹, отсутствовала до присоединения к Руси традиция регулярного отчуждения избыточного продукта в пользу своих князей.

Наличие последних в зоне полюдья, документально подтверждаемое, по крайней мере, для “вервианов” (древлян), снимает возможность существования управленческой, судебной и сакрально-интегративной роли полюдья. В плане же чисто экономическом оно имеет двойственную природу: по отношению к “Росии” и Славиниям, взятым отдельно, оно является формой и механизмом экзоплуатации, а для “двухуровневого государства” в целом выступает как эндоэксплуатация³²².

Спорен вопрос об объектах и субъектах дани, особенно для внешней Росии. Он базируется на летописном сообщении 882 г. о наложении Олегом (Игорем, по НПЛ) на гипотетичных членов бывшей Новгородской (Северной) “конфедерации” дани в пользу варягов (ПСРЛ. Т. I. Л. 8, 8 об.). Не исключено, что в трактовке этого пассажа более прав И. Фроянов, считая, что дань платилась не “словенами, кривичами и мерей”, а в их пользу от вновь покоренных земель Южной Руси (1996. – С. 371). Действительно, текст позволяет различные его чтения (“и дани устави Словеном и Варягом даяти, и Кривичем и Мерям дань даяти Варягом, а от Новагорода 300 гривен на лето мира деля, еже не дают” (НПЛ. 1950. Л. 3); “и устави дани Словеном, Кривичом и Мери и (устава) Варягом дань даяти от Новагорода гривен 300 на лето мира деля еже до смерти Ярославле даяже Варягом” (Лаврентьевская летопись, с уточнением (устава) (по Троицкому списку: ПСРЛ. Т. I. Л. 8, 8 об). В Ипатьевской летописи – то же самое, но глагол “устава” перед “Варягом” стоит однозначно (ПСРЛ. Т. II. Л. 9); “и устави дани словеном, и кривичом, и мерям, и устави варягом дань даяти от Но-

вагорода гривен 300 на лето, мира деля, еще и до смерти Ярославле даа-ша” (Радзивилловская летопись; ПСРЛ. Т. XXXVIII. Л. 11 об.).

Налицо три трактовки:

1. Объединение словен и варягов в одну группу – получателей дани неизвестно от кого; выделение варягов, которым должны платить дань Кривичи и Меря, и Новгорода – плательщика фиксированного платежа (он же назван данью), причем, по контексту, не обязательно варягам (возможно, самому Олегу).

2. По неоткорректированному списку Лаврентьевской летописи объединяются в одну группу – скорее, получателей дани (от Новгорода?) все четыре этнонима.

3. В остальных случаях четко отделяются варяги как получатели дани от Новгорода, от “словен, кривичей и мери”, которым (непонятно, с них или в их пользу) “установлена дань”. Учитывая, что последняя трактовка доведена до логического завершения: варяги и Новгород, с одной стороны, словене, кривичи и меряне, с другой, разведены по разным предложениям – в достоверно наиболее позднем “Летописце Руских Царей” (ПСРЛ. Т. XII. Л. 484), движение сюжета можно установить от НПЛ к нему.

В этом случае наиболее ранней, хотя и не обязательно самой достоверной, версией события, является запись НПЛ. Вне зависимости от дискуссионной в источниковедении степени соотношения НПЛ и Начального свода, степени достоверности последнего в сравнении с “ПВЛ”, мы имеем перед собой эволюционный ряд вариантов изложения одного и того же факта. Дань платилась словенам и варягам, которые только что были отождествлены с “русью”, пришедшей с Олегом в Киев (ПСРЛ. Т. I. Л. 8; НПЛ. 1950. Л. 30). Новгород, наоборот, выступает исключительно как объект дани, что, возможно, связано с причинами ухода оттуда Олега “с русью” и переноса их столицы в Киев. Кривичи и меря (вероятно, за исключением “прочих” из них, вошедших в состав “руси” Олега) должны были платить дань (откуп?) варягам Севера (не исключено, что ладожским) взамен того содержания, которое раньше могло выплачиваться варягам-руси за защиту от “диких” варягов, по ряду”³²³.

Вряд ли, однако, мы, при отсутствии иных источников, можем превзойти летописцев конца XI – начала XII вв., не очень четко воспринимавших и передававших в противоречии друг с другом события уже для них 200-летней давности. Можно с известной долей достоверности констати-

ровать наличие привилегированного слоя – “руси” (варягов, словен и прочих)³²⁴ – только получателей дани; Новгорода – только плательщика ее, и промежуточного слоя с неопределенным фискальным статусом у словен, кривичей, мери. Смоленские и полоцкие кривичи, безусловно, не участвовали в первоначальном ряде “руси” с родами некоторых северных племен, а были присоединены позже и отчасти – насильственно. Кривичи, по крайней мере с центром в Смоленске (Милински), наряду со Славиниями, являются объектом полюдья росов (по Константину Багрянородному, 1991. – С.45, 51). Вероятно, эти “три племени” полностью или частично занимают в фискальном плане промежуточное положение между “Росией” и Славиниями, составляя так называемую “Внешнюю Росию”, т.е. территорию тех племен, где, наряду с их племенными градами, находились и опорные пункты русских князей – погосты и летописные города Севера с закрепленной за ними данью (или “оброками”). Косвенно об этом “промежуточном положении” свидетельствует и легенда о дополнительной дани с Царьграда только для руси и словен, не равной по ценности для тех и других (парчовые и полотняные паруса) (НПЛ. 1950. Л.81). Последнее, безусловно, нельзя отнести к другому концу процесса обогащения правящей верхушки – “корпорации” русов – международной торговли и пиратских походов в Византию и на Восток.

Впрочем, и сами торговые договоры с Византией, как показывают исследования некоторых византинистов, навязывались ей (по крайней мере до X в.) и скорее являлись одной из форм эксплуатации последней, наряду с данью, чем взаимовыгодного международного торгового сотрудничества (Курбатов, 1988. – С.226-228).

Массовые грабительские (не завоевательные) походы, возглавляемые (или инспирируемые) центральной властью, присущи как раз переходному между этапами “вождеств” и “ранних государств” периоду, например, “эпохе викингов” в Северной Европе, особенно ее первой половине. Данный факт косвенно подтверждает отнесение нами “двухуровневого государства” на Руси именно к этому этапу государствообразования.

Главный принципиальный вопрос в этом аспекте – распределение полученной добычи или дани (“откупов”, “контрибуций”). Частные вопросы – достоверность и масштабы конкретных походов, степень регулярности дани, соотношение Южного и Восточного направлений военно-торговой экспансии.

В походах участвовала прежде всего “русь”, в состав которой для ранних походов включались словене, варяги, поляне. Это – поход Игоря, датированный НПЛ 920 г., “ПВЛ” – 941 г.; Аскольда и Дира – 866 г. по “ПВЛ” (в Никоновской летописи при “Михаиле и Василии”); не датированное, но, судя по описанию, взятое из византийско-болгарских источников, нападение 860 г. (при Михаиле и Фотии); поход на Константинополь тех же Аскольда и Дира при Василии, закончившийся неудачей, миром и принятием русами христианства (Никоновская летопись: Материалы..., 1988. – С.283). О том, что под термином “русь” скрываются именно эти (или их часть) составляющие, косвенно свидетельствуют данные о “реабилитационном” походе (Олега – в 922 г., по НПЛ; Игоря – в 944 г., по “ПВЛ”). В первом варианте среди участников упоминаются “вои многы” – варяги, поляне, кривичи, а особую дань (тканями) получали до этого не названная “Русь” и словене. В статью 944 г. Русь уже вставлена между варягами и полянами. В переданной здесь же болгарской версии похода термин “Русь” охватывает всех вышеназванных участников (включая новый (по сравнению с НПЛ) элемент – тиверцев), за исключением наемных печенегов (ПСРЛ. Т.1. Л.10 об.).

Для статьи 922 г. было бы непонятно отсутствие “руси” среди участников похода и её неожиданное появление на первом месте при распределении добычи, если бы не сопоставление с описанием похода 866 – 867 гг. Аскольда и Дира по Никоновской летописи. На Царьград “пошла” только “русь”, ее же много и погибло во время бури, а в Киев вернулось “малое количество дружины” (Материалы..., 1985. – С.283). “Русь” здесь прямо отождествляется с дружиной (тем более и кораблей было всего 200), т.е. на первое место ставится социальный аспект. Когда же говорится о больших походах, с 10 000³²⁵ или “бещисла” кораблей, то “Русь” упоминается или как собирательное название (941 г.), политоним, или берется этнический аспект этого термина и перечисляются выходцы из племен, его составляющих (“Варяги и Словене” в статье 907 г. по “ПВЛ”).

В любом случае торговые привилегии получает только “русь”, на ее же долю приходится и лучшая часть дани. Второе место занимают то варяги, то словене, то поляне, иногда – кривичи. Далее идут “южные” племена, полностью (за исключением полян и тиверцев) упомянутые лишь в статье 907 г. по “ПВЛ”. Но даже если летописец перечислил реальных участников похода, а не добавил³²⁶ древлян, радимичей, северян, вятичей,

хорватов, дулебов, тиверцев “для полноты картины”, взяв их из перечня “славянских языков” на Руси³²⁷, то “ПВЛ” прямо не говорит о получении ими хотя бы части дани, не говоря уже об участии в торговом договоре.

В статье 921 – 922 гг. НПЛ есть еще одно, более существенное для ответа на главный вопрос данного параграфа, отличие от, очевидно, имевшей в виду то же событие, статьи 907 г. “ПВЛ”. “И заповеда Олег дань даяти на 100, 200 (“сто”) корабль, по 12 гривен на человек, а в корабле по 40 муж” (НПЛ. 1950. Л.31). Для перечня участников похода по “Начальному своду” – варяги, поляне, словене, кривичи (скорее, выходцы на числа последних), делящиеся на группы по качеству добычи, число кораблей и дань вполне реальны. Для огромного и пестрого по составу войска Олега по статье 907 г. было изменено и число кораблей – 2000, при сохранении старого указания на размеры их экипажей; если добавить к этому указание на то, что часть войска продвигалась на конях (ПСРЛ. Т. I. Л. 14 об) (НПЛ об этом не упоминает), получаем гигантскую численность войска, масштабы похода и полученной (во всяком случае, “заповеданной”) дани-контрибуции (960 000 гривен, минимум)³²⁸. Возможен компромиссный вариант решения вопроса о масштабах и похода, и о его экономических результатах. В нем могли участвовать конные дружины племен Юга, прошедшие через Болгарию либо по договоренности с Симеоном, либо вместе с его войсками (например, в 897, 904 или 912 г.). Возможен и флот однодеревок-моноксиллов (для части словен, кривичей) (по НПЛ), чуди и мери (по “ПВЛ”), отсюда и число в 2000 “кораблей”. Но дань-контрибуция давалась только “морской” части войска – 100 – 200 судов большой, сравнимой с драккарами и морскими лодьями, вместимости (по 40 человек). Возможен, хотя и более гипотетичен, вариант: 100 кораблей принадлежали тем варягам и выходцам из словен, полян и кривичей, которые входили в состав дружины “руси”, а 200 лодий – словенскому (новгородскому, “внешнеросскому” в целом) “лейдунгу”. Тогда все становится на свои места и, не меняя ни слова ни в одной из статей возможно если не примирить, то объяснить содержащиеся в них очевидные противоречия и привести в соответствие с реальностью размер единовременной дани-контрибуции (или откупа) с Византии: от 48 000 до 144 000 гривен, поступавших почти полностью в распоряжение “государственной” дружины-“руси”, городов “внутренней” и “внешней Руси” и (или) их князей из правящего рода (родов?), отчасти словен и тех кривичей, которые, очевидно, имели с “ру-

сью” “особые” (договорные) отношения. Отдельной “статьей” в некоторых походах (944 г., например) проходят варяги, в состав руси не входившие³²⁹. Добавим к единовременным даням-контрибуциям, “подаркам” и добыче более-менее регулярную дань-откуп (включая сюда, вероятно, “слюдное” и “месячину” русским послам и купцам, их дорожное довольствие и снаряжение за счет византийской казны). В договоре 907 г. (922 г., по НПЛ), кроме разовой дани из расчета количества кораблей и “подарков” лично Олегу, предусматривались постоянные выплаты. “И возложи дань, юже дают и доселе князем руским” (НПЛ. 1950. Л.31). В “ПВЛ” конкретизируется форма уплаты дани: “И потом даяти уклады на Рускыя грады: первое на Киев да на Чернигов и Переславль, и на Полтеск, на Ростов, и на Любеч и на прочие города, “...по тем бо городам сидяху великие князи под Олгом суще” (ПСРЛ. Т. 1. Л. 16 об). Возможно, спорен по составу и происхождению список городов-получателей “укладов”, но сам принцип распределения дани вполне согласуется и с делением государства на “Росию” и “внешнюю Росию” и системой управления через города – опорные пункты власти русских князей на некоторых землях. Симптоматично отсутствие Новгорода в этом списке, что согласуется с противопоставлением Руси и Словен в конце этой же статьи (ПСРЛ. Т.1. Л.16; НПЛ. 1950. Л.31). С учетом, вероятно, очень ограниченного числа “потребителей” дани (несколько тысяч человек (4 000 участников морского похода – “руси” (без словен) 922 г. по НПЛ (40 чел. × 100 кораблей), плюс остававшиеся в Киеве и других городах князя, дружинники, купцы) она была одним из важнейших источников высокого уровня жизни “верхнего уровня власти” за счет “экзоэксплуатации”. Еще один источник средств для ее военной части – коллективное наемничество у той же Византии и, возможно, Хазарии. Так, по “Кембриджскому документу”, “Роман злодей послал также большие дары Х-л-гу, царю Русии, и подстрекнул его на его (собственную) беду” к нападению на хазарский С-м-к-рай (Коковцов, 1996. – С.615). В свете задокументированного, но стадильно более позднего, “государственного наемничества” Святослава у Империи в борьбе с болгарами, представляется отражением явления того же порядка сообщение Никоновской летописи об убийстве болгарами (впрочем, неизвестно какими) “Аскольдова сына” (Материалы..., 1985. – С.283).

Что касается Хазарии, то, не считая зафиксированного ал-Масуди “частного” наемничества русов и славян у ее “царя” (или хакана), существует

точка зрения о действиях русов на Каспии и, возможно, небескорыстных, не только со своими грабительскими целями, но и в интересах (по заданию) “третьих держав”³³⁰.

Нельзя пройти и мимо отсутствия в русских летописях каких-либо упоминаний о походах на мусульманский Восток. Факт такой же труднообъяснимый, как и “роскошное” описание похода Олега на Царьград, абсолютно отсутствующее в византийско-болгарских источниках.

Одной из попыток решения этой проблемы можно считать гипотетичное наличие бицентрализма в собственно “внутренней Руси”. В восточной экспансии участвовала та ее часть (Чернигов – Шестовицы), которая тесно контактировала с Хазарией. “Хазарскому присутствию” во многом обязаны и противостояние между родами черниговских и киевских владетелей второй половины IX – середины X вв., и автономные акции левобережных дружин русов. Анализ источников позволяет с полной уверенностью говорить об основании комплекса памятников Шестовиц под Черниговом участниками каспийских походов 60-х гг. IX в., 912–913 гг., 944 г. Гибель дружинного поселения в Шестовицком урочище Коровель в 60-х гг. X в. также логически увязывается с хазарской войной и “имперской” политикой Святослава Игоревича (Зоценко, Моця, 1996. – С.3.). Один из авторов этого категоричного высказывания (А.П.Моця) имеет более осторожную точку зрения в этом вопросе, хотя В.Я.Петрухин (1998), отчасти Ф.А.Андрощук (1995), но особенно Т.Г.Новик и Ю.Ю.Шевченко, допускают “существование черниговских династов северо-западного происхождения, породнившихся с хазарской аристократией” (Новик, Шевченко, 1995. – С.100). Соответственно, возможен раздел сфер “экзоэксплуатации” между двумя частями Руси (не считая региона Новгород – Ладога, с возможно самостоятельными направлениями внешней экспансии). Гипотетично отсюда и могло произойти абсолютное умолчание киево-новгородскими летописцами деяний “черниговских династов” на Востоке, но непонятной остается забота владык Киева о Чернигове и его князьях при заключении договоров с Византией.

В целом, несмотря на единственную попытку объяснения “факта умолчания” летописью восточных походов, эта проблема остается.

Решение конкретного вопроса о датах и руководителях походов, как частных проявлениях созданной русами на этапе “двухуровневого государства” системы экзоэксплуатации, не является принципиально важны-

ми для анализа ее сути и элементов. С другой стороны, автор не может полностью устраниться от этой темы, ставшей вновь актуальной в современной историографии, особенно в связи с новым введением в научный оборот, иудео-хазарских источников.

Анализ функций, источников и способов получения избыточного продукта, отношений внутри правящей верхушки и двух ее уровней с “обществом” позволяет прийти к следующим выводам. Функции двух уровней власти абсолютно различны: в нижнем преобладают “общенародные”, в верхнем – “самообеспечивающие”. В нижнем уровне его взаимоотношения с “обществом” покоятся еще на принципах реципрокности, внутри верхнего господствует корпоративный дух при “ранжированности” и частноправовых отношениях (“русь” – коллективная власть корпоративно организованных индивидуалистов). “Обществом” для него выступают Славинии, включая их “туземных” правителей, и отношения с ним строятся в основном на насилии и эксплуатации. Средний уровень (“внешняя Росия”, Новгород прежде всего) строит отношения с высшим эшелонem власти на договорных началах, традиции, отчасти – экономическом интересе. Одна и та же функция, но взятая в разных системах отношений, может быть отнесена к разным из трех групп. Абсолютно то же можно сказать и о разных способах извлечения избыточного продукта исключительно для нужд “руси”, отчасти – словен. По отношению к “славиниям” “Росия” не выполняет никаких “общенародных” функций³³¹, ибо своего купечества³³² (не путать с “внешней”, северной “Росией”!), заинтересованного в нормальном функционировании международных торговых путей, они не имеют, внешней опасности нет (русская не меньше хазарской, “варяжская” не отменяется). Экономическая заинтересованность в походах на Византию также отсутствует, т.к. даже правящая верхушка “нижнего уровня” была устранена от доли в добыче, дани, торговых привилегиях. В итоге мы видим по вышперечисленным показателям “двухуровневое государство”, но с сильным “креном” в сторону “корпоративно-эксплуататорского”, т.к. нижний уровень власти хотя и сохраняется, но не имеет общих функций³³³, источников дохода, линий отношений с “обществом”, с верхним уровнем. Между двумя уровнями власти фактически (за исключением гипотетического использования русской дани правителями Славиний в своих фискально-идеологических целях) нет связующих их политико-экономических интересов. Некоторый запас прочности такому государству придавало на-

личие “третьей силы” – “внешней России” и Новгорода (или “Словен”) в особенности, но оно не могло быть долговечным, базируясь лишь на военном превосходстве, внешних успехах и разрозненности Славиний перед “Росией”. Этот факт интуитивно подметил еще Н.М.Карамзин: “тишина... опасна для воинственной державы (Олега)” (1989. – С.103), которая должна доказывать свое право на власть посредством регулярной демонстрации военного превосходства и получением богатств из-за ее рубежей.

Анализ территориального устройства, типов внутренних конфликтов (между “уровнями”, между родами, претендующими на власть, в “верхнем уровне”) и дуализм языческого “идеологического обеспечения” власти (“варяжская” и “полянская” легенды) также свидетельствуют в пользу “двухуровневости” “варварского”, переходного между отдельными “вождествами” и ранней государственностью, “государства” на Руси. Среди ее территориального окружения ближайшими типологически аналогиями служат Болгария VIII в., отчасти Хазарский каганат и даже Венгрия X в., нет никакой близости с Византией, что и понятно, учитывая гигантский стадийный и идеологический разрыв. Северо- и среднеевропейские модели дают аналогии скорее в “общественном”, чем политической аспектах. Схожи лишь положение и “образ” верховных правителей: славянско-го князя-судьи патриархальных времен и конунга эпохи викингов, их отношения с остальными представителями “нижнего” и “верхнего” уровней власти, взятыми по отдельности, но не между ними и “обществом”. В территориально-политическом плане положение “Росии” (внутренней) лишь отчасти напоминает ситуацию со Свитьодом внутри Швеции.

В целом мы имеем синкретичную и достаточно редкую и оригинальную (особенно с учетом тенденции к городам-государствам на Северо-Западе) модель государственности переходного периода, не классическую, но все же наиболее близкую в итоге к “двухуровневой” ее форме, хотя имеющей более случайные и частные аналогии (в механизмах образования, некоторых функциях, деталях территориальной структуры, некоторых сторонах идеологического обоснования власти) о корпоративно-эксплуататорской формой государственности, и такими конкретными и оригинальными синхростадиальными руси эпохи “варварского государства” потестарно-политическими образованиями, а как расширившиеся ранние (земледельческие) города-государства (“мегаобщины”)³³⁴, как “империя Ацтеков” и Бенин (средней ступени своего развития).

Образно “империю Рюриковичей” конца IX – середины X вв. можно сравнить с деревом, ствол которого составляет Среднее Поднепровье от Витичева до Любеча, ветви протянулись по пути полюдья через Гнездово – Смоленск и Подесенье (Шестовицы – Чернигов) до Полоцка, Изборска – Пскова, Новгорода (Рюрикова городища) – Ладоги, Алаборга – Белоозера (?), Сарского – Ростова, Тимерево, Мурома, составляя на Севере достаточно густую крону. Корни, питающие дерево соками “доходов”, протянулись в южные Славинии, а наиболее длинные достигали Каспия и Царьграда.

§ 5. Кризис “двухуровневости” в 40-е годы X века и его стадияльно-типологические аналоги

“Двухуровневость” присуща, в основном, переходному периоду между вождествами и ранним государством. Встречается она и на этапах зрелой государственности при завоевании друг друга чаще разностадияльными организмами: “вожеством” Македония “перезрелых” Восточных держав, “вождествами” Литвы части раннефеодальных (или просто: раннегосударственных) русских земель, военно-духовной феодально-иерархической общиной меченосцев и Церковью “вождеств” латгалов при сохранении на некоторое время “нижнего уровня” власти.

Но при стадияльно более раннем (этапа “Большого переходного периода”) оформлении двухуровневости (Болгария, Хазария, инки, ацтеки) переход к новому этапу (раннегосударственному) должен сопровождаться кардинальной перестройкой не только отдельных элементов, но и всей формы государственности. В противном случае фактически неизбежна гибель конкретного потестарно-политического организма (или их объединения), во всяком случае как единого целого.

Фиксация и сакрализация старой формы на новом этапе в Хазарии – одно из наглядных тому свидетельств. “Государство” Ацтеков погибло именно потому, что сохранившие “автономию” суборганизмы (неацтекские протогорода-государства и “вождества”) перешли на сторону новых завоевателей в борьбе со старым верхним уровнем власти. Болгария и держава Инков перестроились, но каждая своим путем. То же (трансформация системы управления) случилось и с Древнерусским государством, хотя в конце правления Игоря Старого оно и оказалось на грани распада.

Никаких существенных и обоснованных состоянием достаточно многочисленных, достоверных и однозначных источников разногласий по поводу данных событий в историографии не наблюдается. Единственная неясность, связанная с “Кембриджским документом” – вопрос о главе неудачного похода 941 (?) года и его судьбе. Но и это противоречие данного источника, русских летописей и византийских хроник снимается, если обратиться к версии не “ПВЛ”, а указаниям автора “Начального свода”, измененным в “ПВЛ” и более согласованным с данными византийских источников (“продолжатель Амартола”). “И посла князь Игорь на Греки вои Русь скъдей 10 тысяч” (НПЛ. 1950. Л.30 об) – т.е. сам в походе этот князь не участвовал. В “ПВЛ” он уже возглавил это неудачное предприятие, появляется и описание сухопутного сражения под Авидосом, в дополнение к известному морскому эпизоду с “греческим огнем”.

Если принять описание “Начального свода” и тех византийских источников, которые использовал его автор, то вполне можно допустить, что поход 941 г. возглавлял некий Х-л-гу, в котором видят Олега – воеводу Игоря или, скажем, новгородского (до Святослава) или черниговского князя³³⁵, но никак не Олега Вещего. Мы уже высказывали гипотетичный вариант этимологии этого имени – Улеб, князь, судьба которого была неясна к моменту отправки послов для подписания мира с греками (конец 944 г.), и его особу представляла жена Сфандра. В этом случае снимается и недоумение по поводу отхода разбитого русского флота (или его части) не к Днепру, “а к Киммерийскому Боспору” (Лев Диакон, 1988. – С.57)³³⁶. Последний факт объясняет сообщение “Кембриджского документа” о том, что Х-л-гу “бежал... и постыдился вернуться в свою страну, а пошел морем в Персию (нападение на Бердаа в 943 г.?). И пал там он и весь стан его” (Коковцов, 1996. – С.615). Некоторое противоречие в том, что, по Льву Диакону, уцелел лишь десяток лодок, но это может быть гипербола наоборот, вполне допустимая по контексту источника (передается текст послания Иоанна Цимисхия для “вразумления” Святослава на примерах печальной участи его отца, “презревшего клятвенный договор” (Лев Диакон, 1988. – С.57), и объяснимая с точки зрения стиля (антитеза “10 000 судов” – десять лодок). Впрочем, из сообщения Ибн Мискавейха и так можно вывести косвенное заключение о небольшом числе русов, т.к. против них в течение часа сражалось 300 Дейлемитов и наемников (“бродяг и курдов” плюс 5 000 добровольцев-опол-

ченцев (Якубовский, 1926. – С.65), при этом что сам мусульманский историк (Ибн Мискавейх) отмечает, что “они (русы) до тех пор не могли быть убиты, пока не убивали в несколько раз большее число мусульман” (Там же. – С.69).

Сведения “Текста Шехтера” приоткрывают завесу над причинами достаточно авантюрного похода 943 г. вглубь “материка”: возможно, не столько “стыд”, сколько страх вернуться к Игорю после бесславной потери почти всего доверенного Х-л-гу войска³³⁷, заставил последнего искать новую родину на границе Хазарии и исламского мира. В этом плане представляется не столь уж беспочвенным заключение о том, что поход на Бердаа свидетельствует о попытке смены грабительской политики русов на Востоке на завоевательскую, отсюда и гипотетичное желание “закрепиться в Бердаа, опираясь на поддержку местного населения” (Коновалова, 1997. – С.27). Впрочем, последний факт также может являться косвенным свидетельством начала кризиса старой системы власти и системы получения доходов. В связи с теорией Зоценко – Новика – Шевченко о предполагаемом разделе сфер зарубежного грабежа и торговли между Киевом и Черниговом, допустимо предположение о возможном нарушении этого “раздела сфер” остатками киевского войска и либо переход его на службу Чернигову, либо прямо кагану Хазарии.

В описании Ибн Мискавейха проскальзывает и интересная в плане определения динамики изменения содержания понятия “русы” деталь. Охранявшие оставленные в устье Куры суда люди делились на “матросов” и “300 человек Русов” (Якубовский, 1926. – С.67). Последнее предполагает лишь трактовку: “русы” в данном случае тождественны воинам на судах, “морской пехоте”, дружине.

Второе проявление кризиса, уже внутреннего, – Древлянское восстание. Дискуссионными остаются не столько его причины³³⁸, сколько то, зачем потребовалось Игорю собирать дополнительную дань с древлян. В НПЛ содержится вполне исчерпывающий ответ на этот вопрос. Древлянская часть дани была отдана в “кормление” Свенельду в ознаменование его побед над “угличами” и взятия Пересечена после трехлетней тяжелой осады. Возможно, это было сделано как бы в компенсацию утерянной возможности брать дань с этого племени, покинувшего свое место обитания (“и посем приидоша межи Буг и Днестр и седоша тамо” (НПЛ. 1950. Л.31 об). Текстуально это произошло после успешного похода на Царьград, воз-

главленного, по НПЛ, Олегом, что по контексту “ПВЛ”, и в связи с возможной коррекцией ее автором дат по византийско-болгарским (?) источникам, можно сопоставить с незавершенным походом Игоря в 944 г. Во всяком случае, подготовка к ним описана одинаково и свидетельствует как о напряжении всех сил державы, так и о ее более ограниченных возможностях после разгрома войска Х-л-гу в 920 или 941 г.

Если сопоставить с версией “ПВЛ” о походе Олега (907 г.), то в 944 г. не участвовали в походе, т.е. фактически вышли из подчинения “верхнему уровню” власти (“росам”), многие “славинии”. Если все же считать перечень племен сочинением Нестора, отражающим этнический состав Русской державы в целом, то предшествующее предприятие (920 или 941 г.) было все же гораздо более масштабным: 10 000 “скедий” Руси, которая в данном случае понималась, вероятно, византийскими авторами как сводное наименование всего разноплеменного войска, посланного Игорем. Для русских же летописцев (в данном случае солидарны авторы и “Начального свода”, в “ПВЛ”) вопрос о полном представительстве в походе 920/941 г. всех “языков” державы Рюриковичей был настолько очевиден, что они не стали раскрывать взятый у византийцев этноним “Русь”.

Во всяком случае, в 944 г. Игорь уже вынужден был “послать по Варяги многи за море” (ПСРЛ. Т. I. Л. 10 об), а “воев” дали только поляне, словене и кривичи (по НПЛ), т.о. обе Росии и та часть кривичей, которая относилась не к ним, а составляла отдельную славинию (?). “ПВЛ” добавляет, что кроме варягов были “наняты” и печенеги, и, возможно, на таких же условиях, участвовали тиверцы. Имеющиеся источники (а новые вряд ли появятся) не дают оснований для категорических выводов, однако с точки зрения структуры державы Игоря, ее функций и источников доходов правящей верхушки, катастрофа 941 г. вполне логично могла (и должна была) привести к таким внутренним последствиям. Они, что достаточно редко, нашли отражение в материалах археологии и нумизматики. На Левобережье начинается перестройка и укрепление некоторых роменских городищ³³⁹, в которых формируется общая для этих нескольких центров, более богатая, чем на окружающих поселениях, но не салтоидная и не древнерусская, а самобытная культура (Шинаков, 1980 а, б; Куза, 1981). Возникает самостоятельная денежно-весовая система (Зайцев В., 1991, 1992; Шинаков, Зайцев, 1993) даже с возможной чеканкой местных монет на хазарско-восточной основе (Куза, 1981. – С.29,

38). Все эти изменения могут, на уровне гипотезы, свидетельствовать о зарождении на хазаро-русском пограничье некоей третьей суверенной государственности, получившей возможность развиваться в условиях прогрессирующего ослабления Каганата и кризиса “Росии” (Шинаков, Григорьев, 1990). Кризис коснулся не только ее отношений со славиниями, но и ситуации внутри ее самой.

Поход 944 г., судя по позднее заключенному договору, не привел к восстановлению более или менее регулярной выплаты дани-откупа с Византии (дело ограничилось компенсацией “золотом и паволоками” дружинникам – непосредственным участникам похода на Дунай).

Были ограничены и многие торговые привилегии, пребывание русов “без купли” в Константинополе, затруднено их передвижение не только в столице, но и дальних окраинах империи (запрет на зимовки в Белобережье, находившимся, судя по всему, в сфере интересов Корсуня), отменена торговля “без мыта” (ПСРЛ. Т. I. Л. 12, 12 об., 13).

С другой стороны, вполне логично предположить, что сюжет “Саги о Хальфдане, сыне Эйстейна”, повествующей о борьбе между собой фактически независимых “конунга Альдейгьюборга” и “ярла Алаборга” (Древнерусские города..., 1987. – С. 161-162), навеян именно реалиями середины – начала второй половины X в.³⁴⁰

Действительно, отсутствие обычных для саг такого рода упоминаний конунгов Гардарики или Хольмграда возможно лишь в конце правления Игоря – начале княжения Ольги, до возмужания Святослава, когда земли к северу от Новгорода могли быть предоставлены сами себе и возобновилась самостоятельная варяжская активность там, достигшая завершения в походе ярла Эйрика на Ладогу в 997 г. (Круг земной, 1980. – С. 152-153).

Добавим сюда независимого и не из Рюриковичей князя Полоцка Рогволода (Регнвальда?), убитого Владимиром, известного по “Договору Игоря” Турда (затем правителя Турова?) и, наконец, Олава Трюгтвасона, служившего конунгу Гардарики Вальдамару³⁴¹, вероятно, еще в начале новгородского периода его правления (Олав участвовал затем с “вендским” войском своего тестя Буришлаейва в походе Оттона II в 974 г. на Данию (Круг земной, 1980. – С. 112-113, 645).

В целом ситуацию во “внешней Росии” середины – начала второй половины X в. по китайской аналогии (“эпоха борющихся царств”) мож-

но назвать “периодом враждующих князей”. Если к концу правления Игоря и была выработана какая-то система правления в высшем эшелоне власти, “соподчинение князей”, то она была нарушена после его смерти. Наивысшей ценностью правителя считалась его “удача”, а она явно оставила Игоря в начале 40-х гг. X в. (подряд три поражения – от Песаха, Византии и в каспийском походе). Авторитет князя пал так низко, что дружина открыто указывала ему, что ему следует делать³⁴² (НПЛ. 1950. Л.31 об.; ПСРЛ. Т. I. Л. 14 об.).

Всплыл вопрос о неоправданном наделении лишь одного “мужа” (старшего по рангу дружинника в данном случае) Свенельда и его “отроков” (младший дружины, в данном случае “личной”)³⁴³ данью с целой земли. Вероятно, не только славинии, но и русские князья “внешней” (а то и части внутренней – Чернигова?) “Росии”, не получив ничего от похода 941, 943, 944 гг., “повернули” все “внутренние” доходы в свою пользу³⁴⁴. В итоге после провала попытки получить дань с Византии и, наконец, ожидаемой добычи с Каспия (гибель войска X-л-гу), источником доходов личной дружины Игоря оставалась лишь одна славиния – земля древлян³⁴⁵, с которой уже получил дань на свою дружину Свенельд.

Отсюда естественно выглядят фразы “ПВЛ” “и нача мыслити на Древляны, хотя примыслити большую дань”, “и примышляше к первой (свенельдовой?) дани и насиляше им” (ПСРЛ. Т. I. Л. 14 об.).

Результат был предсказуем, если уж вторая дань бралась “насильем”, то что говорить о “третьей шкуре”? Сравнив Игоря с “волком”³⁴⁶ (кстати, эпитет – весьма обычный для литературно-эпического “обрамления” скандинавских конунгов), древляне и поступили с ним соответственно, “разорвав надвое”, “привязав к стволам деревьев” (Лев Диакон, 1966. – С.57). Этот символический акт как бы завершает, знаменует собой конец “варварского” двухуровневого государства.

Глава 4

ПОИСК ПУТЕЙ: ОЛЬГА И СВЯТОСЛАВ

Элементы и признаки ранней государственности, заключающиеся в резко возросших возможностях реализации избыточного продукта как в “престижных” для власти, так и общенародных целях, нашли яркое внешнее проявление в правление Владимира Святого. Это и массовое строительство “градов”, в том числе таких гигантов, как Белгород, перепланировка столицы, начало монументального каменного строительства, сопряженного с принятием общей для всех частей государства “мировой” религии, сооружение масштабных пограничных линий, включая “Змиевы валы”, и заметные переселенческо-интеграционные мероприятия.

Ряд признаков раннего государства (первые шаги по замене племенного (этнического) деления территориальным и введения для некоторых земель фиксированной дани – налога, создание постоянного войска – дружины) начал проявляться на предыдущем, “переходном”, этапе государствогенеза. Эти процессы получили полное завершение при Владимире Святом. Что касается оторванной от “народа” публичной власти, то, хотя потенциальный аппарат внутреннего насилия в лице “большой дружины” появился, но сама система отношений управляющий – управляемые подлинно государственного уровня окончательно не сложилась даже к началу феодальной раздробленности: князь все еще оставался объектом частного права. Не получала четкого правового оформления и дихотомия “государство – общество”, грань между ними оставалась весьма зыбкой. Конфликты старой родовой знати с новой, общегосударственного уровня, начались до Владимира (Древлянское восстание), но основной их пик и “окончательное решение” в форме государственного освоения приходятся именно на его правление (еще позднее – часть вятичей и, возможно, северян). Конфликты “новых властей с “народом”, носящие религиозно-социальный характер и обычно происходящие сразу после грани, с которой можно начинать раннюю государственность, падают на годы правления сыновей и внуков Владимира, совпадая своим окончанием (1071 г.) с началом конфликтов нового типа (1068 г.), зародившихся уже в недрах

ранней государственности (вече городов – князья). В итоге временем окончательного создания раннего государства на Руси следует считать рубеж X – XI вв. (эпоху Владимира Святого), хотя оформление ее продолжалось и позднее, она меняла свои элементы (систему престолонаследия, территориально-политическую структуру, отчасти – социальную базу и отношения с “обществом”). Генезис же ее начался гораздо раньше, при Ольге, и заключался в “толчкообразном” переходе от “двухуровневости” “варварской” империи, если не конгломерата потестарно-политических организмов, к достаточно унитарному организму раннегосударственного этапа под названием Русь.

§ 1. Реформы Ольги и их последствия

Их можно разделить на три группы: изменения в системе “налогообложения”, отношений “верхнего” и “нижнего” уровня власти и статусе верховного правителя внутри самого правящего слоя.

По первому вопросу можно отметить, что дань с “чужих” (в этно-потестарном и сакральном планах) территорий начинает напоминать “плату за мир” или “дань с мира” (*tributum pacis*) (Жемличка, Марсина, 1991. – С. 170) по чешскому типу или даже регулярные налоги византийско-болгарской модели. Это регулярные платежи, раскладываемые, вероятно, “подымно” и собираемые пообщинно (как хазарская дань с юго-восточных племен), а не с подчиненного социально-политического организма в целом (“...и иде Ольга (Вольга) по Деревеньской (Деревстей) земли... уставляющи... уроки” (ПСРЛ. Т. 41. Л. 31; Т. 1. Л. 17). Прямая смысловая и терминологическая аналогия того же времени (середины XI в.) – “А се урок мостникам” (ст. 43 Краткой редакции “Русской Правды”), где он выступает в качестве платежа за выполненную работу (в случае с Ольгой – “управленческую”, перенятую от Мала). Таким образом, по нашему мнению, “уроки” восходят к реципрокным отношениям внутри славиний, и в этом плане их “наследником” наиболее вероятно может являться государственный налог, а “уроки” Ольги – шаг к нему. Сохраняется и “дань” как пережиток экзозексплуатации “верхним” уровнем власти “нижнего”. Неупорядоченность ее сбора при Игоре (часть, в виде кормления, – одному из членов старшей дружины, возможно, наместнику; другая – личной дружине Игоря; третья, так и не собранная в 945 г., – самому князю, сменяется

четкой регламентацией. Две части дани должны были привозиться в столицу и, вероятно, распределялись (в разных формах и степени) между членами ее общины и дружиной великого князя (Святослава, в данном случае). Одна, доставляемая в резиденцию Ольги и ее личное владение – “Вышегород град Вользин”, шла в распоряжение княгини, возможно – ее дружины и слуг. Первые две части могли составлять прообраз собственно государственных доходов, третья – “расходов на представительство”, содержание будущего “государева двора”, “дворца” и т.д. Основанием для фиксации столь “тяжкой дани” было незыблемое право раннего средневековья – право завоевания³⁴⁷.

Вопрос – о правовом статусе власти и собственности киевского князя (а местных после “мести” Ольги не осталось) на земле древлян. Был ли это только государственный суверенитет, без собственности на землю, как в Византии, сочетание того и другого – превращение земли древлян в основу и прообраз великокняжеского домена, или начало превращения всех земель государства (а не только “домена”) в собственность Рюриковичей? От ответа на этот вопрос зависит терминологическая оценка взимаемых с древлян после реформ Ольги платежей: были они государственным налогом, рентой-оброком или рентой-налогом. Ответа в летописях нет. В “Русской Правде” речь идет о судебных штрафах и расходах, процентах за кредит, компенсациях пострадавшим, даже “зарплате” (“мостникам”, например), но никак не о налогах. Территориально-типологические аналогии позволяют предположить, что в отдельно взятой Древлянской земле Ольга имплицитно, а может, и сознательно (зная и используя примеры), попыталась воспроизвести чешскую (и шире – “славянскую”) систему “финансовых” отношений государя и подданных, где “верховное право на их землю имел князь” (Жемличка, Марсина, 1991. – С.170). Если Русь в целом отставала в своем политическом развитии от Чехии, то, возможно, именно земля древлян стала, благодаря стечению обстоятельств и близости к Киеву, своеобразным “полем” для проведения испытаний “прогрессивных” социально-экономических и политических отношений, своего рода финансово-фискального эксперимента. На его “славяно-чешскую” “чистоту” могла в дальнейшем повлиять византийская налоговая система, особенно ее синтез с “собственническими” воззрениями правителя на свою страну в славяно-болгарском варианте. Знакомства с последними княгини Ольги нельзя исключить в ходе ее визита в Константинополь (или даже

двух, по Литаврину, 1986), тем более что там она виделась не только с Константином VII, но и с главным политико-религиозным идеологом Болгарии пресвитером Григорием (Горина, 1991. – С.127).

Синтезируя данные компаративистского анализа, можно, скорее, отнести “равнодействующую” индивидуальных и коллективных платежей древлян в “казну”, киевской общине и лично княгине (на частном праве?) к ренте-налогу.

В реальности же они делились по своей “социальной” сути минимум на три вида (добавим элементы добычи и единовременной дани-контрибуции как наказание за “мятеж” и выкуп за убийство Игоря, по “обычному праву”), но самим древлянам от этого не стало легче: нет никаких данных об облегчении “налогового бремени” при Ольге, по сравнению со временем князя Игоря (Фролов, 1996. – С.412). Три вида установленных ею платежей сравнимы с тремя данями Свенельда/Игоря, только они носили более цивилизованный, “юридически” обоснованный характер. Это – выросшие из внутренних сборов в пользу “своего” князя Мала и перенятые на себя Ольгой “уроки” (?); платеж в пользу вышестоящей власти (знак “завоевания” и подчиненности) – дань в Киев и, возможно, результат формирующихся представлений о домениальной земельной собственности – дань-рента (?) лично Ольге на Вышгород³⁴⁸.

Признавая реформаторский характер деятельности Ольги в сфере древлянских “уроков” и “даней”, не считаем возможным на основании летописных данных расширить сферу их применения за пределы именно этой бывшей “славинии”, составившей затем Правобережную и основную часть Киевской земли, “домена” Рюриковичей. Что касается остальных “славиний”, то о них ни при Ольге, ни при Святославе, ни при Ярополке нет никаких данных – бралась ли с них дань в пользу киевских Рюриковичей или нет.

“Налоговая реформа”, безусловно, коснулась некоторых частей “внешней Руси”, в частности Новгородской земли. В вопросе о “северной” части дани главная источниковедческая проблема – “оброки”, упоминаемые во всех ранних редакциях “ПВЛ”, но отсутствующие в НПЛ. Лаврентьевская и Радзивилловская летописи единогласно разделяют Мсту и Лугу: на первой “установлены” погосты и дани, на второй – оброки и дани, Ипатьевская (южнорусская) добавляет погосты и на Луге, а также меняет местами остальные две составляющие, перенося оброки в конец фразы (ПСРЛ. Т. I.

Л.17; Т.38. Л.31; Т.II. Л.24). В последних летописях конструкция и смысл фразы зачастую меняется полностью: “И прииде в Киев... и уставя погосты, поиде к Новугороду” (ПСРЛ. Т.41 (Летописец Переславля Суздальского). Л.487 об.), а на Мсту и Лугу добавляются и все остальные пункты (ловища, знамения и т.д.) (Там же). По правилам эволюционного ряда следовало бы в его начало поставить НПЛ, где оброков нет вообще, затем ЛЛ и РЛ, после – ИЛ и в завершение – ЛПС.

Однако сообщение 947 г. попадает в ту часть НПЛ, которая отражает уже не общерусский “Начальный свод”, а новгородскую интерпретацию “ПВЛ”. Если принять версию сознательного, не случайного исключения “оброков” из списка повинностей населения течения р. Луга, т.е. части Новгородской республики времени составления НПЛ, перед князем, то приходится признать за этим термином какое-то значение, неприемлемое в контексте отношений этого государства с князьями. С учетом того, что князья и в XIV в. получали в “кормление” те или иные города и волости с их “данями”, т.е. фактически государственными налогами, оброки не могли быть таковыми. (Представляется маловероятной и синонимичность “оброков” “по Лузе” “урокам” древлян (Янин, 1990. – С. 430-431, вслед за: Дьяконов, 1912. – С.184-185) в одной статье летописи о начале реформаторской деятельности Ольги, хотя и разнесенной по разным годам (946 и 947) (6454 и 6455)).

Остается, по-видимому, решить два вопроса: чем для “севера” X в. отличалась “дань” от “оброка” и почему последний вид повинностей перед князем был, возможно, неприемлемым для новгородцев XII – XIII вв., а упоминание его в летописи нежелательно с точки зрения прецедентного во многом характера древнерусского права и любви ссылаться на “старину”; “ряд”, “свещание” (т.е. обычай, традиции, старые договоренности). И второй: чем вызван в летописи выбор именно Мсты и Луги из всех новгородских земель, и чем по социально-политическому и фискальному статусу отличались друг от друга две этих территории, если все же принять трактовку событий Лаврентьевской и Радзивилловской летописей?

В первом случае на уровне гипотезы возможен такой ответ. Поскольку оброк в основном значении слова связан с земельным владением, а не собственно использованием права власти, то борьба бояр-землевладельцев велась с княжескими вотчинами и закончилась итоговым запрещением приглашаемым князьям приобретать земли в собственность в пределах

республики (Мартышкин, 1992. – С.234-235). Точка зрения последнего автора на самом деле отнюдь не противоречит и взглядам главного современного исследователя новгородского средневековья В.Л.Янина: “Подкняжескими земельными владениями³⁴⁹ в Новгороде подразумевается древний княжеский домен, пределы которого были фиксированы” (Янин, 1987. – С.120). Именно в границах бывшего домена Рюрика – Олега, выделенного им по договорам с руководством призывавшей их новгородской общиной (Гринев, 1989)³⁵⁰, могли выделяться земельные владения с “государственными смердами”³⁵¹ для кормления каждого нового князя. Другое дело, что им (князьям) могли по усмотрению веча или Совета господ выделяться и иные земли³⁵².

Именно земли по Луге и могли составлять этот домен, о котором мог “забыть” занятый делами Юга Игорь, но вынужденно “вспомнила” лишенная большинства, особенно внешних источников дохода мужа Ольга. Отсюда и “оброки” с княжеских сел-вотчин. Наличие сел делало излишним сооружение “погостов” – опорных пунктов государственной власти, куда свозилась до отправки в Киев собранная их округи дань (Рыбаков, 1979; Петрухин, Пушкина, 1979). Соответственно, остальная часть населения Полужья была свободными общинниками, государственная дань с которых свозилась в села княгини, и откуда вместе с оброком шла в Киев (или Вышгород). Возможно и разделение: “оброк” – лично Ольге, “дань” – на Киев и великокняжеской дружине либо княжескому посаднику (в 40-е гг. – малолетнему Святославу и его “кормильцу” Асмуду; в конце 60-х – начале 70-х гг. – Владимиру и его дяде Добрыне (ПСРЛ. Т.1. Л.15, 21) в Новгороде. То же можно сказать и о Мсте, только в связи с отсутствием здесь княжеских сел специально сооружались погосты³⁵³.

Сохранение Новгородом верности киевскому престолу в годы кризиса 40-х гг. X в. диктовалось не только его экономическим интересом – сохранением пути “из варяг в греки”, но и, возможно, тем, что там находился с дружиной и Асмудом сын Игоря Святослав. Затем он был вызван, по-видимому, Ольгой, в Киев как “символ” преемственности и легитимности власти и для концентрации всех уцелевших и сохранявших верность ее семье военных сил против древлян. Гипотетично, но вероятно, что семья Игоря в составе рода имела такого рода личные и “государственные” податные владения и в других землях “внешней Руси”, но о них либо нет сведений, либо они были потеряны во время кризиса.

Упоминание лишь “новгородской” части даней “внешней Руси” связано, возможно, с ее регламентацией и территориальным ограничением³⁵⁴ лишь землями вдоль Луги и Мсты. Вероятно, облегчение новгородского бремени в пользу Киева непосредственно или через киевского посадника (или князя в Новгороде) связано с участием новгородских “воев” в подавлении Древлянского восстания³⁵⁵. Выбор для великой княгини податных регионов внутри Новгородской земли мог диктоваться не только традицией старого “ряда”, соображениями этнического и владельческого порядка, но и военно-стратегическими факторами. Кроме того, князьям в более позднем Новгородском государстве часто представлялись владения на границах (Копорье, Корела, Руса в XIV в.), что определялось их военной функцией на службе республике. По Луге и Мсте могли проходить границы с волостью “Альдейгьюборга” и “ярлством Алаборга”, где, по “Саге о Хальфдане...”, сидели независимые норманнские конунги и ярлы (Древнерусские города..., 1987. – С.161, 163). В данном случае рубежи Новгородской волости могли совпадать с северными пределами владений киевских Рюриковичей.

Третий вариант получения доходов Ольгой связан с “Днепром и Десной”, где упоминаются перевесища (какие-то рыболовческие или охотничьи угодья) и одно “село Ольжичи” (ПСРЛ. Т. I. Л. 17). Не совсем понятно, к какой территории относятся другие охотничьи угодья – ловища – к “Лузе” или “всей земле” (“...и ловища ея суть по всей земли и знаменья и места и погосты” (ПСРЛ. Т. II. Л. 24). Любопытно, что этот вопрос, по-видимому, был неясен и для самих летописцев. Так, если в Радзивилловской летописи явно прослеживается вариант отделения “ловищ” от “Лузы” (ПСРЛ. Т. 38. Л. 31), то “Летописец Русских Царей” однозначно упоминает их и на этой реке. Зато все летописи единодушно помещают княгинины “ловища” в Древлянской земле. По-видимому, они могли располагаться только в “домениальных” и частновладельческих землях правящего дома; там же, где были “оброки”, “села” и княгинин “град”, т.е. на Луге, Днепре, Десне и в приравненной к ним не по фискальным, а по владельческо-правовым показателям земле древлян. Вероятно, по традиции земли гипотетической “внутренней Руси”, частично совпадающей с будущей “Русской землей”³⁵⁶, были субъектом, получателем дани и поставщиками “воев”, т.е. занимали в державе Рюриковичей положение, аналогичное Свитьоду³⁵⁷ в Шведском королевстве. С другой стороны, именно на них, наряду с “завоеванными” по статусу землями (древлян, возможно, веди), ранее всего

стало распространяться право княжеской земельной верховно-государственной и частной³⁵⁸ собственности (вначале на охотничьи и рыболовецкие угодья и отдельные “села” и “грады”). В Древлянской же земле “скрестились”, по-видимому, все возможные и “юридически” допустимые формы эксплуатации: от поставки рабов-пленных до государственных налогов разных видов и даже прообраза ренты. Эта “земля” долгое время вынуждена была служить одним из основных поставщиков прибавочного продукта³⁵⁹ для правящей верхушки Руси (киевской ее части, по крайней мере) в связи с резко сократившейся в результате кризиса и отпадением многих земель фискально-экономической ее базы. В итоге перед нами три территории с разным, по крайней мере, фискально-правовым статусом.

Нет никаких данных “налоговой эксплуатации” собственно “Росии”, в пределах которой гипотетически могло действовать своеобразное “корпоративное” право – “Закон Русский”. С “внешней Росией” отношения сложные, регулируемые давней договорной основой: “рядом” Новгорода и северных “родов” с Рюриковичами в целом, договорами каждого города Севера с конкретным князем. Последний выступает скорее не законодателем, а гарантом исполнения местного права и заключенных соглашений: двухуровневость власти здесь не только сохранялась, но и подтверждалась. В земле древлян она была уничтожена, временно введено прямое правление киевской княгини или ее наместника. Выступая наследником “туземных князей”, она должна была взять на себя и часть их “общенародных” функций. По славянским “патриархальным” традициям князь, по крайней мере со времен “вождеств”, выступал как “отец” подданных, а значит, судья и законодатель, обычное право было не развито или, по крайней мере, не кодифицировано государством³⁶⁰ (что для германцев было невозможным). В итоге, сместив Мала, Ольга при объезде Древлянской земли давала не только “уроки”, но и “уставы”, что однозначно можно понять как княжеские указы, “законы” и т.д. “Идеалом” для Ольги, возможно, было распространение “древлянской модели” (а не “Закона Русского, ограничивавшего права князя даже по отношению к собственной дружине и городам) на все государство. Но это было реально недостижимо в силу разнородности даже оставшихся под ее властью земель.

В территориально-политическом аспекте главные изменения коснулись отношений между теми славянами и теми частями “внешней Росии”, что оставались в составе державы Ольги.

Судя по летописи, это была полянская округа Киева (возможно, без Чернигова), бывшая “Славиния” древлян и Новгородские волости, а также, скорее всего, связующие их земли дреговичей и кривичей (кроме полоцких). Достоверно не входили (их позднее покоряли Святослав и Владимир) вольняне, вятичи, радимичи, хорваты, не говоря уже и о ранее не подчинившихся (или очень недолго входивших в сферу влияния) Руси уличах и тиверцах. Свои “русские”, но, скорее всего, не из Рюриковичей князья-конунги сидели в городах Северо-Запада (Полоцк, Ладога, Алаборг), а также Турове, которые главенствовали над землями части дреговичей, кривичей, чуди, веси. Под вопросом Ростов и Муром с прилегающими волостями, а также северяне. Последние вместе с вятичами и, возможно, радимичами либо заново вошли в сферу влияния Хазарского каганата, либо пытались встать на путь самостоятельного политического развития (по данным археологии и нумизматики). Нельзя исключить возможности включения хорватов в состав “империи” Болеслава Чешского, вольнян (наряду с Червенскими градами) – в сферу притязаний формирующегося польского государства³⁶¹.

“Двухуровневость” власти зашла в тупик. Исторические выходы из него лежали в искусственной консервации существовавшей этно-политической и социальной грани между “уровнями власти” при полной ликвидации даже видимости суверенитета “нижнего”, т.е. вели к кастовому (в более мягкой форме) или исключительно насильственному корпоративно-эксплуататорскому государству (типа Руанды и Бурунди, Тевтонского, отчасти Ливонского, орденов). В отношении древлян, чьи органы власти и знать были полностью ликвидированы, а их остаткам не позволяли влиться в правящую верхушку Руси – “Росии”, проявляется именно эта тенденция развития. В плане конкретных механизмов Ольга действовала точно так же, как Болеслав II Жестокий, лично убивший и униживший родовых старейшин племени пшован, построивший на их земле и их руками новый град³⁶² в свою честь и имя. В данном случае он вел себя не как старый племенной князь, связанный с подданными отношениями реципрокности, договора, а как покоритель и господин, хотя пшоване были присоединены к Чехии мирно, путем династического брака, а их княгиня Людмила даже стала первой чешской святой. Наместником в землю древлян назначается внук Ольги Олег (970 г.), а до его возмужания, вероятно, им оставался тот же Свенельд, что собирал с них дань до 945 г.

Но древляне воспринимались как мятежники³⁶³. Как относились Ольга и Святослав к равным им по рангу и, иногда, происхождению князьям Чернигова (?) и “внешней Руси” – неизвестно (лишь, по мнению В.Зоценко, Святослав начал свою военную активность с того, что уничтожил физически соперничавшую династию Левобережной “Руси” (Зоценко, 1996. – С.3). Зато стал хрестоматийным факт расправы Владимира с суверенным (и также русским) князем Полоцка Рогволодом (Рогнвальдом) и его сыновьями. Впрочем, Владимир поступил с семьей полоцкого князя все же мягче (взяв себе в жены, как законную добычу и как повод стать законным сувереном Полоцка, дочь Рогволода Рогнеду), чем в той же ситуации и примерно в то же время действовал его чешский собрат Болеслав. Последний приказал поголовно, включая женщин и детей, уничтожить правивший в соперничавшем с Прагой зличанско-хорватском княжестве род Славниковцев, хотя его представитель и был первым епископом Чехии.

Однако вышеуказанный путь требовал военного превосходства, которого у Ольги не было, и постоянных наступательных действий, чего она, вероятно, и не могла, и не желала делать – возможно, отложила до возмужания сына, т.к. удачливый военачальник не из членов княжеской семьи мог представлять для нее большую опасность, чем покоренная им родоплеменная знать.

В итоге она, вначале интуитивно, а после контактов с правящими верхами Византийской и Германской империй, возможно, сознательно, вынуждена была начать готовить почву к движению по направлению к достаточно унифицированному чиновничье-бюрократическому государству, в котором все подданные равны перед государем.

В Византии, а вслед за ней и Болгарии (за исключением резни знатных тюркских родов в столице и комитатах в 866 г., но это была борьба внутри “верхнего уровня власти” за изменение формы правления)³⁶⁴ использовалась совсем иная практика ликвидации отрицательного воздействия многоэтничности. Здесь правящая верхушка покоренных народов не уничтожалась, а переселялась на противоположную границу государства с целью разрыва связей со своими бывшими подданными и в то же время – укрепления рубежей³⁶⁵.

Не имея правовой и военно-силовой возможности реально осуществлять эту политику, Ольга начала идеологическую подготовку межплемен-

ной интеграции. И принятие христианства в этом контексте было первым реальным шагом по “унификации” населения. Однако парадокс заключался в том, что Ольга этим шагом искусственно оторвала себя не только от подданных, но и от языческого большинства собственной дружины, а только она могла послужить источником управленческих кадров для нового государства. Благо еще, что как мудрая правительница она не стала пытаться вводить христианство насильственными мерами (как Олав Святой, например) и не закончила при этом, как некоторые скандинавские конунги, унижением и даже гибелью от рук подданных. В этом плане абсолютно аналогично действовал на рубеже XI – XII вв. князь Ободритской федерации Генрих, выстроивший свой христианский “столичный округ”, фактически анклав, Любек, на стыке трех составлявших объединение племен во главе с еще языческими князьями. Судьба его отца Готшалка, погибшего от рук подданных, возглавленных племенными князьями, родовой знатью и жрецами племенных культов, не только послужила предостережением сыну, но и может иллюстрировать возможный ход событий и на Руси в случае попытки форсировать насильственными методами введение новой религии.

С учетом того что после древлянских событий и предполагаемого, а скорее всего реализованного на практике, сепаратизма русских князей “внешней Руси” с их дружинами, главной военной силой становилась собственно великокняжеская дружина, именно от ее позиции зависел изначальный успех христианизации. В Дании, например, сравнительно быстрая (за 40 лет (Ресдаль, 1986. – С.135)) и ненасильственная, хотя и поверхностная, христианизация была связана с авторитетом конунга Харальда Синезубого внутри дружины, и с силой последней, ставшей при Харальде “новым господствующим слоем” (Лебедев, 1985. – С.86): “Харальд конунг крестился со всем датским войском” (Круг земной, 1980. – С.114). О какой бы части войска – только ли дружине, которая, судя по вместимости “лагерей викингов”, насчитывала несколько тысяч человек, или тем более “всего войска” – ледунга в 30 – 40 тысяч³⁶⁶ (Лебедев, 1986. – С.147), его позиция оказалась решающей. Кроме авторитета конунга, на нее могла оказать влияние проигранная в 974 г.³⁶⁷ война с христианской Германией, наглядно доказавшая народу воинов превосходство нового Бога. В итоге, хотя на Руси дружина еще и не стала исключительной силой (оставались города Севера, община Киева и т.д.), даже ее христианизация зависела от

позиции Святослава. Юный же, ничем еще себя не проявивший, князь не обладал еще достаточным влиянием на нее. Об Ольге как женщине, вероятно, и речи не шло: недаром для военных действий против Мала потребовался Святослав, хотя и малолетний, но мужчина.

Важнее другой вопрос: почему восточное, а не западное христианство? Для Владимира значительную роль сыграл прецедент, пример “мудрейшей из всех человек” Ольги (ПСРЛ. Т. I. Л. 37об). А. В. Назаренко (1994, 1995а, 1996) ищет ответ прежде всего в конкретно-политической ситуации 50 – 60-х гг. X в., по сути, объясняя действия Ольги как тактические ходы. Это можно отнести к ее посольству в Германию в 959 г., связанное с “неудовлетворенностью результатами своей поездки на берега Босфора” (Назаренко, 1994. – С. 69).

Идя “от обратного”, т.е. учитывая конечный провал миссии Адальберта на Руси в 961 – 962 гг., можно рассмотреть, что именно могло не устроить Ольгу в католической религиозно-политической доктрине и феодальной практике. Начнем с последнего. Ленно-рыцарский способ обеспечения дружины мало подходил для Руси. Для его возникновения необходим либо аллод, отчуждаемый разными способами, либо массовое завоевание, создающее фонд коронных земель и потенциально зависимых крестьян. Ни того, ни другого на Руси не было (точнее, земли найти было можно, но вот с закабалением свободных “людей”-общинников дело обстояло сложнее).

Кроме того, обеспечение дружинников независимыми от князей “милости” источниками дохода, введение строгой правовой регламентации отношений сюзерена и вассала лишь ослабляли и так не слишком сильное влияние Ольги на собственную дружину³⁶⁸. Это явно противоречило ее планам по усилению независимости княжеской власти от правящей верхушки. Вряд ли могла привлечь Ольгу и известная на Руси (судя по “Слову” митрополита Илариона) католическая доктрина о подчинении светской власти Церкви, об освященности сословной иерархии, явно посягавшей на суверенные права государя возвеличивать и ниспровергать любых подданных. Вряд ли могли найти реальное применение на Руси и идеи о праве насильственной христианизации.

Более гибкая в этом аспекте византийская политическая доктрина, вкупе с идеей о Богоизбранности императора и его праве в связи с этим на автократическое правление, более соответствовала как русским реалиям, так и, вероятно, политическим устремлениям самой княгини.

Поднятию авторитета Руси и ее правительницы более соответствовало принятие инсигний власти из рук императора, а не короля, что как бы приравнивало титул “великого князя” или “кагана” к королевскому. Если принять даже самую позднюю дату крещения Ольги (967 г.), она в любом случае предшествует принятию Оттоном I императорского титула.

Другое дело, что Ольге не удалось получить инсигний власти, несмотря на крещение, хотя именно это могло служить главной целью ее визита (или визитов) в Константинополь. О том, что такая попытка могла ею предприниматься, косвенно свидетельствуют рекомендации Константина VII ни в коем случае не давать “варварам” регалий. “Если потребуют когда-либо и попросят либо хазары, либо турки, либо также росы, или какой иной народ из северных и скифских – и подобное случается частенько – послать им что-нибудь из царских одеяний или венцов, или из мантий ради какой-либо из службы и услуги” (Константин..., 1991. – С.55), то им следует отказать под любым предлогом. Учитывая время написания работы Константина и его возможную реакцию на просьбу Ольги, становится более вероятной дата первого ее визита: 946 г. (Литаврин, 1986. – С.54), а также плата, которую она могла предложить за услугу – “вои в помощь” (ПСРЛ. Т. I. Л. 18). Высокомерие императора – идеолога “ромейской чистоты” – оказало ему отрицательную услугу. Ольга не только унизила его послов (Там же. – Л. 18-18об), но и отправила своих к Оттону. Когда же последний ход возымел свое действие, судя по участию русских “в операциях... на Крите в августе 960 – марте 961 гг.” (Назаренко, 1994. – С.72), ненужный уже Адальберт был отослан с Руси (или он уехал сам из-за нетерпимой обстановки, создавшейся вокруг его миссии (Там же. – С.72-73, 86).

Дипломатическая активность Ольги, принятие ею христианства, возможные попытки обрести освященные Богом и авторитетом императора регалии могли диктоваться желанием получить идеологическую и политическую поддержку, повысить престиж великокняжеской власти, сделать ее более независимой не только от старой, родо-племенной, но и новой дружинной (Свенедьд, Асмуд) знати, поставить киевских Рюриковичей на ступень выше прочих русских князей. И здесь христианство, особенно византийско-православного, “самодержавного” варианта, его политическая доктрина (“василевс от Бога”, народы, принявшие от Империи христианство, должны повиноваться ей), могло послужить Ольге отправной точкой, поставить Русь и ее саму вровень (хотя бы идеологически) с веду-

щими держателями и правителями Европы. Последнее не является чем-то исключительным для славянских “вождеств” и ранних государств IX – X вв. Если сильные державы (Болгария при Симеоне) действовали насильем в стремлении приобрести императорские титулы³⁶⁹ и инсигнии, то более слабые выступали в роли просителей при дворах франкских и германских королей и императоров. Напомним хотя бы факты таких обращений со стороны Карантанских князей и знати, некоторых ободритских, стодоранских и чешских правителей и даже такого сильного государя, как Болеслав Храбрый. Если там получение поддержки было обусловлено признанием себя вассалами на феодальном праве, то Ольга была признана “дочерью” василевса ромеев (ПСРЛ. Т. I. Л. 170б).

В плане формы правления княжение Ольги являет собой реализацию на практике тех брачно-семейных (в противовес родовым) тенденций, которые выявляются при определенном прочтении преамбулы к договору 944 г. О том, что княгини Гардарики и “страны Вендов” (в данном случае либо Польша, либо Поморье, либо Ободритская “федерация”) были субъектом не только частного, но и публичного, по сути государственного права, говорится в “Саге об Олаве Трюгтвасоне”. “У могущественных конунгов был тогда такой обычай: половина дружины была у жены конунга, и она должна была содержать ее на свои средства, и ей причитались налоги и подати, которые были ей необходимы для этого. Так было и у Вальдамара конунга: у его жены была не меньшая дружина, чем у него, и конунг, и его жена соперничали в том, чтобы заполучить к себе в дружину наиболее доблестных мужей” (Круг земной, 1980. – С. 111). Если не ставить под сомнение сроки пребывания Олава у Владимира (а оснований, ни текстуальных, ни конкретно-исторических для этого нет)³⁷⁰, то это могло быть лишь самое начало новгородского правления этого князя, когда его отец еще был жив, но находился в Болгарии, либо только что погиб (начало 972 г.). В любом случае может иметься в виду только первая и, безусловно, не только законная, но и очень знатная жена Владимира. Новгородцам важно было поднять статус “робичича”, фактически бастарда³⁷¹.

Что касается сведений о пребывании Олава в Стране Вендов после его женитьбы на дочери князя “Бурицлава” Гейре, то они свидетельствуют о наличии отдельных податных владений³⁷² у женской половины правящего рода, их прямой и законной причастности к суверенной власти³⁷³.

Правом на власть и суверенитет над земельными владениями облада-

ли в X в. и женщины-родственницы викингских “королей” Ирландии и Англии. Одна из них, Гюда, сестра “короля” Дублина и Нортумбрии Олава Кворана³⁷⁴, вышла замуж за Олава Трюггвасона после смерти его славянской жены Гейры (Круг земной, 1980. – С.117). Третья, несостоявшаяся (из-за отказа принять христианство) (Там же. – С.137) жена Олава – вдова Эйрика Победоносного Сигрид Гордая, имела “много больших поместий в Швеции” (Там же. – С.125), еще ранее заявила другому неудачливому претенденту на ее руку, “что не считает свои владения и свою власть в Швеции меньшими, чем его власть и владения в Норвегии” (Там же. – С.126).

Скандинавская традиция наследования власти и собственности, в том числе и по женской линии, кроме “обычного права” эпохи варварства³⁷⁵, для Руси могла найти поддержку и в византийско-христианском варианте римского права, которым охотно могла воспользоваться княгиня Ольга. Действовавшая тогда Эклога, с дополнениями времен Македонской династии, рассматривала брак как договор, “союз мужа и жены, пользующихся равными имущественными правами” (Медведев, 1983. – С.220). Нередкие для Византии (Феодора II, Феофано, две Зои), встречающиеся у ранних Меровингов (Фредегонда, Брюнеста) регенство матери при малолетнем сыне было повторено и Ольгой³⁷⁶, имевшей, правда, по скандинавской (точнее, “балтийской”) традиции и свои, независимые от поста мужа и сына, частные источники дохода (град Вышгород и села). Интересно, что Анна Ярославна, очутившись во Франции в той же ситуации, что и Ольга (дофину Филиппу было 8 лет, как и (примерно) Святославу), не была назначена регентшей, да и сама не была расположена фактически вмешиваться в государственные дела, ибо это не соответствовало традициям феодально-рыцарской государственности.

Таким образом, форму правления в той части Руси, что сохранила верность престолу Рюриковичей, можно охарактеризовать с 945 по 964 г. как фактическое регенство византийского образца. Отличие в том, что Ольга управляла действительно и непосредственно, а не являлась лишь средством легитимизации власти, как Феофано для “солдатских императоров” Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия.

Что касается легендарных черт описания посольства Ольги в Царьград, то о пропагандистско-дидактических причинах их появления, как и “сказаний” о Вещем Олеге и Крещении Руси, – в отдельном разделе. Однако сам мотив сватовства “от обратного” отражает вполне объяснимое

желание княгини путем престижных зарубежных династических браков укрепить положение своей семьи не только по отношению к “племенным” династиям и “русским князьям” не из Рюриковичей (Ронгвальд – Рогволод, Турд – Тур и др., как из преамбулы договора 944 г., так и, например, “Саги о Хальфдане...”), но и внутри самого правящего рода.

В новейшей историографии можно выделить две крайние оценки характера и результатов деятельности Ольги: “...Приведенные выше факты и соображения вынуждают нас отказаться от бытующих в научной литературе представлений об административно-финансовой реформе, проведенной якобы Ольгой и будто бы ускорившей процесс феодализации восточно-славянского общества. Реформа Ольги – один из историографических мифов, характеризующих прошлый день исторической науки” (Фроянов, 1996. – С.432).

В.Я.Петрухин оценивает деятельность Ольги как всеобъемлющую правовую реформу, распространившую “государственные правовые нормы от Среднего Поднепровья до Новгорода: при этом реформе подвергается и архаическое государственное право (полюдь), и “племенные” традиционные нормы, послужившие правовым основанием для казни Игоря” (Петрухин. 1995. – С.151).

Точка зрения автора настоящей работы достаточно очевидна из вышеизложенного: реформы были, причем именно они послужили базисом для дальнейшего развития от “варварского” и “раннему государству”. Они не ликвидировали “двухуровневости” потестарно-политических структур, но наметили пути и механизмы этого, положили начало руководимым сверху интегративным процессам. Другое дело, что в силу разнородности территорий, даже оставшихся под властью Ольги, она никак не могла ввести единое право, хотя вероятно, и поставила это своей целью. Этот процесс не был завершен и к моменту создания “Краткой редакции “Русской Правды”. Основные же идеи реформы, осуществленные при Ольге на ограниченных территориях (регламентированные налоги, княжий суд, замена племенного деления территориальным, христианизация, монополизация власти Рюриковичами), были распространены почти на все земли государства лишь к середине правления Владимира Святого. Главная заслуга Ольги в том, что она интуитивно (а, возможно, и сознательно – “мудрейшая из человек”) оценила переломное значение древлянского конфликта. Проиграй она в нем, как в 1066 г. Готшалк Ободритский, – и необратимых процессов распада было бы уже не избежать.

§ 2. Святослав – “имперский” эксперимент: причины и перспективы

Причины, ход и противоречивые оценки в историографии последствий походов Святослава получили достаточное освещение в литературе (историографию вопроса см., например: Сахаров, 1982). Рассмотрим поэтому причины, ход и последствия его деятельности лишь в интересующих нас для раскрытия темы “государствообразовательных” аспектах.

В территориально-завоевательном аспекте первые походы Святослава – против вятичей в 964 и 966 г. и промежуточный (966 г.) “хазарский” – выступают логическим продолжением внутренней политики Ольги по восстановлению ранее распавшегося государства. Укрепив в финансовом, правовом и потестарно-политическом отношениях уцелевшее после кризиса трехсоставное³⁷⁷ ядро державы, “кормилица”-регентша Ольга подготовила базу для усиления военной мощи державы с последующим решением территориально-политических задач военными средствами. Для этого был нужен князь-воин, аналог скандинавскому “конунгу-викингу” (Гуревич, 1967. – С.90-91; Кан, 1980. – С.18; Лебедев, 1983) (если сравнивать Ольгу с “конунгами-конформистами”, реформаторами)³⁷⁸ (Лебедев, 1986. – С.98). Кандидат на такой пост, заранее ставивший во главу угла своего будущего правления отношения с дружиной, был. Возможно, на уровне гипотезы, он мог проходить военно-политическую “стажировку” под руководством одного из воевод отца (Асмуда, Свенельда) на “чудской границе” с Ладожским “конунгством”, например³⁷⁹. С другой стороны, для дружины необходима была военная практика, которая отсутствовала при княгине Ольге (во всяком случае, по данным письменных и археологических источников) и внешних, и внутренних войн³⁸⁰. В этой связи участие “росов” в завоевании Никифором Фокой при Романе II Крита (Продолжатель Феофана, 1988. – С.103, 105) могло иметь для первых не только описанные в предыдущем параграфе внешнеполитические последствия (сближение с Византией), то также военно-тренировочное и разведывательно-ознакомительное значение. Впрочем, не имеется точных данных о том, что эти “росы” были присланы именно княгиней Ольгой в обмен на какие-то политические уступки (Назаренко, 1994. – С.72). Статья 955 г., судя по которой послы “Царя Греческого” в Киеве напомнили Ольге о ее, дан-

ном в Константинополе, обещании прислать “вои в помощь”, не говорит однозначно, было ли это обещание исполнено (ПСРЛ. Т. I. Л. 18, 18 об). В контексте русско-германских контактов 959 – 961 гг. вполне допустимо предположение, что летом 960 – весной 961 гг. действовал совместно с войсками Никифора Фоки отряд, предоставленный каким-то иным “русским князем”.

В любом случае эти военные действия могли сломать тот психологический барьер, преодолеть своеобразный “комплекс”, который мог сложиться у русских после катастрофы 941 г. (недаром в 944 г. дружина Игоря предпочла взять на Дунае дань-откуп с Византии, чем попытаться призрачного военного счастья, особенно в морском походе (ПСРЛ. Т. I. Л. 11).

Открытое и резкое увеличение числа дружинников “ПВЛ” увязывает с взрослением Святослава и, вероятно, полным вступлением его в свои права суверена. Сравнительно позднее начало походов этого князя (964 г., когда ему было уже явно за двадцать лет) можно связать либо с непонятным умолчанием летописи о его более ранней деятельности, либо с ее ограничением реальными правами “регентши” Ольги. Возможен (хотя и менее вероятен) факт участия Святослава в Критской операции или порядок набора дружин только на личной основе даже внутри великокняжеской семьи (т.е. дружина Святослава – действительно его, а не его матери или, скажем, Свенельда).

В любом случае, к 964 г. соединились воедино четыре фактора, позволивших перейти к внешней экспансии: 1) политико-экономическая, базирующаяся на ближайших последствиях реформ Ольги, их подготовка; 2) приобретение опыта (?) и определенного авторитета в дружине ее потенциального вождя; 3) качественная и психологическая подготовка костяка войска – дружины; 4) начало создания достаточно массового войска, которое можно было прокормить в условиях “на грани” перехода к экспансии, за счет пока еще внутренних резервов (эндоэксплуатации)³⁸¹.

В этом аспекте покорение восточнославянских, а то и прямо “русских”, городов, княжеств, племен преследовало прежде всего цели расширения податной базы для содержания все увеличивавшейся дружины, необходимой для успешной внешней экспансии. Однако в русле политики своей матери Святослав действовал недолго. Убедившись, что покоряемые им вятичи находятся под протекторатом хазар, князь совершает поход на последних. Доказав свое “право на власть” военным превосход-

ством над бывшими хозяевами вятичей, он побеждает и их. Однако зависимость этого племени (вождества? вождеств?) ограничивалась, как и при Игоре, уплатой дани (ПСРЛ. Т. I. Л. 19). Таким образом, принципы отношений с покоренными племенами, установленные Ольгой для древлян, Святославом в жизнь не претворялись. В итоге Владимиру Святому снова, причем также дважды, пришлось присоединять вятичей (ПСРЛ. Т. I. Л. 26).

Если Святослав не пытался закреплять славянские племена за Киевом, то по отношению к иным странам он действовал совершенно иначе. Если не в первый (965 г.), то во второй, хотя и гипотетичный, но вполне возможный, поход на Хазарию (Мошин, 1933. – С. 193-195; Новосельцев, 1968. – С. 95; Калинина, 1976. – С. 92) Святослав предпринял попытки закрепить их земли за собой³⁸². Реально это могло произойти, если сопоставлять сведения Ибн Хаукаля и “ПВЛ”, лишь в период паузы в военных действиях на Балканах в 968 – 970 гг., как это и считали вышеуказанные исследователи. С учетом гипотезы о существовании самостоятельных русских династий в Чернигове с 944 по 1023 г. (Новик, Шевченко, 1995. – С. 97, 99, 100) или, по крайней мере, до конца 60-х гг. X в. (Андрощук и др., 1994; 1995. – С. 120; Зоценко, Моця, 1996. – С. 3) второй поход, впрочем, мог быть совершен ими самостоятельно или по заданию Святослава³⁸³ (в зависимости от характера связей Чернигова с Киевом). Не исключена и возможность совершения “набега” неподчиненными Киеву русами, скажем, из Ростова-Сарского, Ладоги³⁸⁴, Алаборга или Полоцка, тем более что после его завершения ничего не говорится о возвращении участников в Киев³⁸⁵.

Рассмотрение вопроса о количестве, времени и маршрутах походов русов на Хазарию, тем не менее, дает один важный вывод для решения главных задач работы – восстановления динамики государственных структур Руси. Версия о двух походах, совершенных разными русами и, кстати, в разные части Хазарии (965 г. – в Причерноморско-Донскую, 969 г. – Приволжско-Каспийскую), вполне укладываются в рамки гипотезы о полицентризме Руси именно в 50 – 70-е гг. X в.

Другой важный аспект этих походов – торгово-государственный. После походов русов на Хазарию временно сократившийся поток дирхемов с Востока вновь резко возрастает (Фомин, 1995. – С. 84). Однако А. В. Фомин связывает этот факт не с “прочисткой” Волжского пути русами, а со “значительным притоком чеканного серебра в результате одной из интенсивных

денежных эмиссий, периодически имевших место в государстве Саманидов” (1995. – С.64). Главное же – оба потока монет в 70 – 80-е гг. (“западный” и “восточный”) полностью миновали Южную Русь³⁸⁶, в том числе Чернигов и Киев (Фомин, 1995. – С.68): восточная торговля не была в руках их князей.

Восток, который в торговых связях Киевского Поднепровья имел и раньше гораздо более скромное место, чем Северная Русь, занимает и все более монополизирован, судя по данным нумизматики, метрологии, археологии, “Югом” (западнопонтийским христианским регионом). Черниговская “Росия” еще более “специализируется” на Юго-Востоке – бывших восточнопонтийских землях Каганата.

Механизмы завоевания Болгарии особенно подробно, хотя иногда и до альтернативности противоречиво, освещены в “ПВЛ”, но особенно в византийских источниках (у Льва Диакона и Скилицы прежде всего). О них написано много, и в то же время проблема определения степени сравнительной достоверности источников останется, вероятно, нерешенной либо до появления новых их видов, либо методов исследований. Но касается это положение в основном хода военных действий, численности войск и т.д. (Шинаков, 1995. Гл. III, IV).

Что касается методов Святослава по отношению к болгарам, то и русские, и византийские источники здесь едины: вначале применялась наглядная демонстрация военного превосходства и устрашение, затем – компромисс. Первое наглядно продемонстрировал пример Филиппополя³⁸⁷, а также то, что “росы рассматривали Болгарию как свою военную добычу”, а болгары считались “порабощенными”³⁸⁸ (Скилица, 1988. – С.122), в то же время признавая, с одной стороны, определенные права ромеев на нее, с другой – на определенную долю суверенитета. Так, законный царь Болгарии Петр не был убит Святославом, а умер сам. (Лев Диакон, 1988. – С.44), его сын Борис сохранил престол в Преславе³⁸⁹, правда, под наблюдением русского воеводы Сфенкела и византийского “советника” Калокира (Там же. – С.71-72), а отношения с “мисянами” названы “союзом” (Там же. – С.73). Болгары (мисяне) входили в состав войска Святослава во время Фракийского похода и сражения под Аркадиополем (Лев Диакон, 1988. – С.56; Скилица, 1988. – С.122). Отношения с ними стали меняться после взятия (“освобождения”, по византийской терминологии) (Скилица, 1983. – С.126) Преслава Иоанном Цимисхием, когда болгарские горо-

да без боя стали сдаваться его войскам (Лев Диакон, 1988. – С.73). Снова начались репрессии, носившие, правда, скорее превентивный и ритуальный характер (Лев Диакон, 1988. – С.73, 74; Скилица, 1988. – С.127). Византийцы в той же ситуации действовали совершенно по-иному: взяв Преслав, Иоанн Цимисхий отпустил пленных болгар (Скилица, 1988. – С.127), а за “схваченным” Борисом сохранил царский титул и регалии (Лев Диакон, 1988. – С.72; Скилица, 1988. – С.125), “уверив, что он явился отомстить за мисян, претерпевших ужасные бедствия от скифов (Лев Диакон, 1988. – С.72). Проявив наглядно свою традиционную политику “разделяй и властвуй”, заставив удалиться Святослава и заключив с ним мир, византийцы укрепили болгарские крепости и города, как свои (Скилица, 1968. – С.133), переименовав часть из них, включая столицу Болгарии (Там же. – С.132; Лев Диакон, 1988. – С.73). Они заставили “царя мисян Бориса” “сложить с себя знаки царского достоинства”, введя его, правда, в круг византийского чиновничества (дав “сан магистра”) (Лев Диакон, 1988. – С.83). Здесь наглядно проявляются разные методы реализации одной – “имперской” – идеи у прямолинейных, неискушенных в политике росов и у “коварных греков”. Если же говорить по сути, то механизмы образования “империи” Святослава более всего напоминают попытку реанимации “двухуровневости” власти по образцу Игоря и Болгарии до реформ Крума и Омуртага (с сохранением “местных” княжеских династий). Были и дополнения в духе отношения правителя “дружинного государства” средне-европейской модели³⁹⁰ к своим подданным (кроме дружины, естественно), как к рабам. В Византии – наоборот: подданные “свободны”, но никакой власти, кроме от Бога данной василевсу, быть не должно. Сочетание мер устрашения с предоставлением известного самоуправления позволило Святославу использовать воинов завоеванной им страны – но лишь в период успехов. В дальнейшем на позицию болгар решающее влияние оказал, как это и характерно для чиновничье-бюрократических государств, переход столицы и царских регалий в руки более сильного из противников. Однако Иоанн Цимисхий, имеющий свои планы относительно Болгарии, не стал использовать ее воинов против Святослава.

Вопрос об “империях” достаточно сложен, т.к. этот термин применяется к разным формам государственности. Отсюда попытки вывести диаметрально противоположные, но претендующие на универсальность, определения империй как таковых, как самостоятельных форм государствен-

ности. На самом деле вопрос решается проще: империи, как особая территориально-политическая “оболочка” существования разных форм государственности, присуща им всем, но на разных этапах из генезиса и развития³⁹¹. В этом плане правы Р.Адамс, Ю.Березкин, В.Никифоров, утверждавшие универсальность такого рода территориальных объединений. Однако они не правы в другом – вовсе не все конкретные модели каждой данной формы государственности обязаны проходить через “имперскую” стадию. Подход должен быть конкретным для Руси – и типологически, и регионально, и стадияльно. Вертикально-типологически (стадияльно) мы имеем для той эпохи, когда законно подозревать попытку образования “империи”, – переход от двухуровневого государства, почти погибшего при Игоре, к достаточно унитарному и почти дружинному раннему государству Владимира. Если бы не города Севера, особенно Северо-Запада (Циркумбалтийской зоны), то державу Ольги и Святослава можно было бы назвать потенциально дружинной. В этом плане можно выделить два аспекта: 1) распространение порядков, введенных в Древлянской земле, на все вновь присоединенные территории; 2) растущую социальную дифференциацию внутри “Руси” как привилегированного ядра государства, в частности разделение “руси” как однородной ранее военно-торговой правящей корпорации на дружину и все остальное население. В любом случае, и при “регенстве” Ольги, и при Святославе дружина отчетливо становится если не единственной политической и военной силой в сложносоставном государстве, то безусловно самой ведущей и влиятельной, хотя она вряд ли составляла еще единое целое³⁹², как в эпоху расцвета “дружинных государств” в Чехии, Польше, Дании.

С учетом иных факторов и признаков уровня генезиса государственности (принятие общегосударственной религии, кодификация права или его монополизация князем, замена племенного деления территориальным, вытеснение в военном плане народного ополчения “государственной дружиной” и введение в связи с этим налогов в разных видах) гипотетическую империю Святослава можно поместить в “малый” переходный период между “варварской” и “ранней” государственностью³⁹³. Конкретно для Руси, где этот переход заключался, прежде всего, в ликвидации “двухуровневости власти”, данный период знаменовался институционализацией “государственной” дружины как главного инструмента “перехода” и органа власти начала ранней государственности.

В регионально-типологическом плане следует отметить начавшийся в то же время (а в Дании и завершившийся) процесс создания единых государств в скандинавской части Циркумбалтийской зоны, расцвет “дружинного государства” в Чехии, его зарождение в Польше и (с определенными оговорками) в Венгрии. Нельзя сбрасывать со счетов и культурно-идеологическое влияние кочевников, и находившейся в агонии Хазарии на формирующуюся русскую (а через нее – и скандинавскую) дружину (Моця, 1987. – С.14; 1993. – С.128-129; Петрухин, 1995. – С.170; Шинаков, 1995а. – С.127), а на правителей Руси – византийско-болгарской “имперской доктрины” Константина VII и возрастающих богатств Византии. Венгрия дает “перекрестное” среднеевропейское и кочевое воздействие, причем непосредственное³⁹⁴.

Представляется наиболее корректным рассматривать “завоевательные амбиции” Святослава и попытки их реализации (Шинаков, 1995. – С.87) в том же ключе, что и непосредственно предварившее образование ранних государств возникновение и распад эфемерных разноплеменных дружинных держав Болеслава II Жестокого, Болеслава Храброго Польского, Свейна Вилобородого и Кнута Великого в Дании и Англии³⁹⁵. Цель же последних – прежде всего, обеспечение огромных дружин, созданных вначале лишь для внутреннего объединения своих стран. Отличие попытки, предпринятой в этом же аспекте Святославом, и причина в конечном итоге ее еще более быстрого (чем в Чехии, Польше, Дании) провала и в том, что она была сделана не только до внутренней консолидации своей страны, но и даже до простого, механического объединения ее частей. В итоге Святослав не имел (или, по крайней мере, не хотел иметь) опорной базы в своей “метрополии” (где все же концентрировали приобретенные богатства и оба Болеслава, и Свейн, и Кнут)³⁹⁶.

В этой связи следует рассмотреть отдельно декларируемую Святославом “имперскую модель”, и ту реальную структуру, которую ему все же удалось создать и удержать от распада в течение трех лет.

Программа “империи”, хотя и вложенная, вероятно, в уста Святослава автором “ПВЛ”, но вряд ли без всяких на то оснований, изложена в его речи к “матери своей и боярам своим” за три дня до смерти Ольги в 969 г. “Не любо мне в Киеве быти, хоцю жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середина земли моей, яко ту вся благя сходятся: от грек паволокы, и злато, и вина, и овощи разноличныя; из Чех и из Угор серебро и кони, из

Руси же скоро, воск и мед, и челядь” (ПСРЛ. Т.38. Л.36). Ключевое значение в этой фразе имеет локализация Переяславца. Последняя достаточно аргументировано, с обзором всех вариантов точек зрения и анализом разных видов источников дается В.Б.Перхавко (1995; 1997). Нам остается присоединиться к его точке зрения о наличии двух “Переяславцев” “ПВЛ”: столице Болгарии Преславе и Малому Преславу на Дунае (Перхавко, 1995. – С.172-173; 1997. – С.64)³⁹⁷. Болгарский порт X в. Преславец (“Прославица” XV–XVII вв., село Прислава (Нуфэру) в румынской Добрудже) находился на правом берегу Дуная, неподалеку от его устья (в 8-10 км к юго-востоку от Тулчи) (Там же, 1995. – С.171). В случае такой локализации гипотетическая столица “империи” Святослава находилась и не на Руси, и не в Болгарии, а действительно между ними, кроме того, неподалеку от печенежской степи зоны венгерского расселения в Трансильвании, фактически в политическом вакууме, отчасти заполненном валашско-молдавскими воеводствами-“вождествами”. По Дунаю существовала прямая связь не только с северной Болгарией и Венгрией, но и с Моравией, присоединенной к Чехии после сражения при Лехе (955 г.), а при желании – и с Сербией. С учетом возможных стратегических и даже геополитических замыслов Святослава лучше места для “имперской” столицы было не придумать. По своей концепции, замыслу планируемое Святославом “государство” не должно было иметь единого ядра, соединяя воедино разнородные составляющие (с сохраненными “своими” правителями) лишь личностью Святослава и, возможно, династическими комбинациями. В этом смысле оно ближе “дуалистичной” англо-датской державе Кнута, опираясь все же две главные части – Русь и Болгарию, но отличается и от нее. Кнут и его ближайшие наследники были в одном лице королями и Англии, и Дании (Круг земной, 1980. – С.310, 324), Святослав же, сделав своей резиденцией нижнедунайский “анклав” между Русью и Болгарией, оставил в каждой из них своего правителя (князя Ярополка и царя Бориса). Подобная концепция была, безусловно, диаметрально противоположна и замыслам, и направленности реформ Ольги по созданию достаточно унитарного в политическом и однородного в этническом плане государства, в потенции – византийского образца. Если первые шаги Святослава (удар по Хазарии 965 г. с целью лишить защиты вятичей, закрепление Белой Вежи³⁹⁸, отрезавшей северян и радимичей от остатков Каганата) формально можно расценить как хотя и несколько обходные, но все приближа-

ющие консолидацию восточных славян в едином государстве меры, то его дальнейшие кампании шли явно вразрез с политикой своей “кормилицы”.

Впрочем, внешне помощь Византии против Болгарии можно было вначале рассматривать в русле поставленной Ольгой задачи сближения с центром восточного христианства и поиска источников содержания и увеличения дружины, необходимой для достижения внутривосточных целей. Однако для того, чтобы оно действительно было таковым, данное предприятие должно было ограничиться одним ударом по Болгарии для “отработки” полученного “аванса” и использованием приобретенного военного опыта, авторитета и средств для покорения “своих” племен. 968 год стал годом альтернативы. Влияние Ольги на Святослава, этого варварского князя-викинга, было побеждено чьим-то иным. И источники не делают секрета, чьим именно.

Об этом прямо говорит Скилица – автор, писавший через такой хронологический диапазон времени от событий, который позволял вскрыть тайные их пружины³⁹⁹. “Особенно побуждал их (росов) к этому (остаться в Болгарии) Калокир, который говорил, что если он будет провозглашен ими императором ромеев, то отдаст им Болгарию, заключит с ними вечный союз, увеличит обещанные им по договору дары и сделает их на всю жизнь своими союзниками и друзьями” (Скилица, 1988. – С.122). По данному автору, Калокир стал подстрекать Святослава к реализации своей “имперской” программы после убийства Иоанном Цимисхием своего покровителя Никифора Фоки. Лев Диакон считает, что Калокир с самого начала побуждал Святослава нарушить договор с еще живым Никифором, что якобы только это подвигло князя пойти на Болгарию. “Калокир уговорил (его) собрать сильное войско⁴⁰⁰ и выступить против мисян с тем, чтобы после победы над ними подчинить и удержать страну для собственного пребывания, а ему помочь против ромеев в борьбе за овладение престолом и ромейской державой” (Лев Диакон, 1988. – С.44).

Первый вариант (Скилицы) более реален, т.к. известно, что в первый поход Святослав ограничился лишь “добычей” и вернулся к себе (Скилица, 1988. – С.121).

Идея остаться в Болгарии могла быть продиктована тремя причинами: во-первых, влиянием Калокира (“выслушав слова” которого, Святослав “не в силах был сдержать своих устремлений” (Лев Диакон, 1988. – С.44); “гордясь этими словами” (Калокира) “росы рассматривали Болгарию как

свою военную добычу” (Скилица, 1988. – С.122). Во-вторых, упоением своими военными успехами и “красотами”⁴⁰¹ страны (“...взяв в плен Бориса и Романа, двух сыновей Петра [Святослав], не помышлял больше о возвращении домой. Пораженные прекрасным расположением местности, (росы) разорвали договор, заключенный с императором Никифором, и сочли за благо остаться в стране и владеть ей” (Скилица, 1988. – С.121-122). Третий фактор – возможность постоянного “давления” на Византию с целью получения даней-откупов (“за это Калокир обещал ему огромные, несказанные богатства из царской сокровищницы” (Лев Диакон, 1988. – С.44); “и седе княжа ту в Переславци емля дань на Грецах” (ПСРЛ. Т. II. Л.26).

В борьбе за Болгарию столкнулись обоснования двух имперских концепций, по одной из которых “Мизия” является давней, исконной частью империи ромеев (Лев Диакон, 1988. – С.56). Судя по тому, что затем следует обширный пассаж, доказывающий вторичность и зыбкость прав именно протоболгар (булгар, мисян), пришедших от Меотиды, а не славян⁴⁰², на Фракию и Македонию, Святослав мог использовать именно великоболгарскую идею (“Великая Болгария” от Боспора Киммерийского до Босфора), которая позволяла идеологически объединить его владения от Волжской Болгарии и Хазарии до Македонии. В этом случае получает логическое обоснование гипотетическое использование в его войске болгарских пленных с Волги, захваченных, по ал-Масуди, русами в 968 – 969 гг.

Иоанн Цимисхий признал права Святослава на восточнопонтийские области, захваченные у хазар в 965 г. (“Боспор Киммерийский”: Лев Диакон, 1988. – С.56), и обещал, по сути, финансовую компенсацию за уступку Дунайской Болгарии. Когда же это не подействовало, прибег к тем аргументам, которые могли вбить клин между язычником Святославом и его союзниками, с одной стороны, и болгарами-христианами, “порабощенными” языческой “империей”, – с другой: апелляцией к Богу⁴⁰³ и освященным Его именем мирным договорам.

Святослав, возможно, по совету того же Калокира, мог попытаться сыграть на славяно-болгарском “национализме”, выступая как бы преемником христианина Симеона, который “повелел ромеям провозгласить его своим самодержцем” (Лев Диакон, 1988. – С.56). Упоминание Симеона было бы явно не к месту, если бы в его походе на Константинополь и попытке получить венец императора не просматривалась аналогия действиям Святослава. Последние же могли найти поддержку в окружении царя

Бориса, променявшего часть суверенитета своей страны на расширение ее пределов на юге, хотя бы и под верховной эгидой иноземного, языческого, но близкого по языку и отчасти образу жизни (особенно для наследников протоболгарских родов) правителя.

Фактически Святославу удалось создать, “прочно овладев страной “мисян” (Лев Диакон, 1988. – С.56), державу, состоящую из пяти частей (Болгарии, Киева, Новгорода, земли древлян и русских владений на Боспоре Киммерийском). В четырех из этих частей правили назначенные им князья Рюриковичи: Ярополк, Олег, “бастард” Владимир, породненный, возможно, для поднятия престижа, с болгарским царским домом (его сына от “болгарыни” звали Борис) и царь Борис в Преславе Великом. Боспорские владения бывшей Хазарии, возможно, вместе с каганским (важным для населения этого региона и престижным)⁴⁰⁴ титулом, а также нижнедунайский “домен” с Переяславцем⁴⁰⁵ Святослав мог сохранить за собой лично. Наименее тесно был связан со структурой этого образования Новгород, который, только оказавшись без князя и дружины в условиях вероятного утверждения в его городах-соперниках – Полоцке и Ладоге, более гипотетично – Белоозере и Ростове независимых от Киева конунгов-князей, попросил себе князя – Рюрика. Поразителен сам антураж выбора – не окажись под рукой Владимира, новгородцы имели право (и это право Святослав не оспаривал, по тексту “ПВЛ”) приглашения князя “со стороны”⁴⁰⁶ (“налезем князя себе” (ПСРЛ. Т. I Л. 21)). Возможно, лишь соперничество других торговых центров Севера, уже обзаведшихся в условиях распада державы Игоря своими династиями, а также сохранявшаяся заинтересованность Новгорода в прямых связях с Византией и, возможно, с Болгарией и Крымом, заставили “людей новгородских”⁴⁰⁷ “поять к себе Владимира” (ПСРЛ. Т. I. Л. 21) как представителя южных русов, уже оторвавшихся от варяжских правителей Севера.

Не менее специфично в свете не только данных археологии, но и неоднократно отмечаемого в литературе “странного” поведения воеводы Претича в 968 г., положение Днепровского Левобережья. С одной стороны, Претич не был князем, хотя и располагал “людьми” и “дружиной”, боялся гнева Святослава. С другой – действовал как представитель если не суверенной, то автономной военно-политической силы, имевшей свои отношения со Степью и явно не “подотчетной” Ольге и вообще Киеву, а лишь (возможно) Святославу лично. Наиболее вероятно – если речь идет о Чернигове, а не гипотетичном северянско-вятичском государстве (Шинаков,

Григорьев, 1990) – его вхождение как равного Киеву субъекта в “империю” Святослава. “Субъект” этот включает свой мир с одним из печенежских “князей” и, как отмечали многие авторы (Шевченко, Новик, Уманец, Моця, Зоценко, Петрухин), имеет особые, отличные от Киева, интересы на Востоке и отношения со Степью. Кстати, на что не обращали внимания исследователи – в летописном тексте Претич прямо не называет своим князем Святослава. Наоборот, печенежский “князь” принял самого воеводу за князя (не обязательно Святослава), на что Претич ответил: “Аз есмь муж его и пришел есмь в стороже и ко мне идет полк со князем бесчисла множество” (ПСРЛ. Т. I. Л. 20). О том, что под этим князем подразумевался (Претичем, по крайней мере, а что думал вождь печенегов – это было уж его дело, на то и “хитрость”) не обязательно Святослав, косвенно свидетельствует последующий за переговорами Претича ход событий.

1. “Муж” этот пришел явно не от Святослава, т.к. последний был извещен о печенегах лишь после действий Претича.

2. Для того чтобы прогнать печенегов, Святослав “прииде Киеву... с дружиною своею ...и собра вои” (Там же), но не использовал (по тексту “ПВЛ”) войска Претича.

3. Последний же никак не “отчитывался” перед Святославом, а тот, в свою очередь, не благодарил его за находчивость и спасение матери и детей, что было бы логичным литературным приемом в случае, если бы Претич был воеводой действительно Святослава и встретился с ним после ликвидации печенежской угрозы Киеву.

Так могло получиться, если бы между Претичем и Святославом стоял еще один владыка, чья позиция по отношению к Киеву, Святославу и печенегам не была однозначной. В силу этого его можно считать князем-воеводой (или наместником) северянского княжества (либо, скорее, одного из них); предводителем одной из “вольных дружин”, “ленником” Святослава, поставленным охранять Левобережье Днепра (Щавелев А., 1998); воеводой одного из черниговских “династов”, чьи захоронения содержат “большие курганы” Чернигова, в том числе “Черная могила”⁴⁰⁸.

Территориально-политическая прочность подобного разнородного образования зависела не только от позиций правителей его отдельных частей, но и от хороших отношений и с большинством печенежских орд, контролировавших сухопутные маршруты, и с Византией, флот которой с 941 г. безраздельно господствовал на Черном море.

§ 3. Функции, источники получения средств содержания военно-административного аппарата державы Святослава

Из трех групп функций наиболее четко прослеживается “самообеспечение” аппарата власти, куда, правда, демократически включается все войско Святослава, находившееся при нем, и отчасти – правящая верхушка и войско его Болгарского “протектората”. Получением средств на дружину, на “щедрость”, представительские расходы, престиж, но не накопление, пронизаны как главной целью деятельности Святослава все виды письменных источников, включая и “ПВЛ”. Важен состав войска Святослава, во всяком случае, “русской” его части. Но именно на этот вопрос ответа нет, точнее, он слишком многозначен. Уже приводилось высказывание Льва Диакона, что туда входило все молодое поколение “страны росов”, что ассоциируется с понятием “младшая дружина”, отроки. “Бояре” вместе с Ольгой составляют как будто отдельную силу, к которой обращается князь со своей программной речью в 969 г. (ПСРЛ. Т. I. Л. 20). Один из самых приближенных бояр – дядя Владимира по матери – Добрыня в мероприятиях Святослава не участвует (ПСРЛ. Т. I. Л. 21). Византийские авторы не дифференцируют войско Святослава, выделяя лишь отдельных, обычно лучше вооруженных богатырей и полководцев (Сфенкел (Сфангел), Икмор (Шинаков, 1935. – С. 90-93, 37-93). Главное, что все же остается непонятным из источников, если исключить иностранных наемников и союзников, союзных или “порабощенных” болгар, процентное и ролевое соотношение “воев”-ополченцев и дружины в Дунайской армии Святослава, степень выполнения дружинниками административно-управленческих и фискальных функций в Болгарии в соотнесении с местным аппаратом во главе с царем Борисом. Ясно одно – вся Дунайская армия выступает как достаточно монолитный организм и в функциональном плане, и в фискально-экономическом аспекте. Она не только главный инструмент получения “избыточного продукта”, но и единственный его потребитель. На Русь не отправлялось, судя по источникам, ничего ни из добычи, ни из “дани”. Наоборот, сама Русь, наряду с “Греками”, Венгрией, Чехией выступает как поставщик “скоры, воска, меда”, челяди (ПСРЛ. Т. I. Л. 20 об) в “имперский центр” – Переяславец, т.е., по сути, выступает не как субъект, а как объект эксплуатации. В этом аспекте, отчасти, возможно, был прав

М. П. Погодин, утверждающий буквально следующее: Святослав “владел собственно одним Киевом... Еще более – самый Киев он считал постоем, и решил оставить его, как Олег оставил Новгород. Ему мало стало скудной дани по какой-нибудь веренице с дыма, когда Греция предлагала ему кучи золота, и он решился не перенести столицу (это неверное выражение)⁴⁰⁹, а, говоря просто, переехать на другую квартиру, переселиться к другому словенскому племени, в страну, им покоренную, Болгарию, и перенести семя (русской государственности – *Е. Ш.*) в другую почву... Зародыш покинут. Болгарии сделался жребий сделаться Русью, Нормандией” (Погодин, 1847. – С.475).

С финансово-экономической точки зрения, из речи Святослава следует, что именно Болгария, а не только Дунайский “домен” с Переяславцем, являются ядром его державы. Действительно, объектами получения “благ”⁴¹⁰ являются не только Византия и Русь, но даже (в форме каких-то поступлений, возможно, торгового характера) Венгрия и Чехия, но не Болгария⁴¹¹ (ПСРЛ. Т. I. Л. 20 об).

Поскольку ни реальная византийская и болгарская, ни гипотетичная хазарская дань в Киев не поступала, вся оседающая на Дунае, оставленные на Руси сыновья Святослава, а ранее и Ольга, должны были “кормить” себя, своих бояр и дружины за счет эндоэксплуатации округ Киева и Новгорода, земли древлян. Доходы с торговли с Востоком, судя по распределению кладов, могли иметь “русские князья” Севера и, возможно, Чернигова, не подчинявшиеся ни Киеву (Ярополку), ни, скорее всего, роду Рюриковичей в целом во главе со Святославом. То есть последний, действительно, владея чужими землями, не получал доходов от “своих”.

С “классовой” группой функций косвенно можно связать лишь предполагаемую попытку “расчистить” Восточный путь в интересах военно-торговой верхушки Руси, которую, впрочем, классом назвать нельзя. Также, даже если Святослав и преследовал такую цель, ему не удалось повернуть поток дирхемов на Киев, они продолжали идти по Волге в обход его владений (за исключением Новгорода), а поступления через Хазарию (судя по монетам-подражаниям) не заходили западнее Десны и Снова, образуя на Левобережье свою систему. Более успешными оказались действия Святослава на Юге, где ему удалось, поставив чуть ли не главной статьёй договора 971 г., восстановление им же прерванных торговых отношений с Византией.

Более удачно (хотя и поневоле) князю удалось выполнить одну из “общенародных” функций – оборону рубежей “Росии” от печенегов. Да и то его подвигло к этому, вероятнее всего, желание и обеспечить тыл в предстоящей схватке за Преслав и с Византией, и пополнить свое воинство⁴¹². Эту же цель, скорее всего, преследовал и мир с печенегами.

Реальные управленческие функции в собственно русских владениях “империи” Святослава вначале выполнялись престарелой Ольгой, а затем были возложены на ее малолетних внуков. Функции же консолидации этих владений и их территориального расширения за счет восточнославянских и финно-угорских племен и княжеств, “русских градов” были отложены.

Итак, с финансовой точки зрения власть Святослава была для Руси необременительной, хотя и доходов его “имперская” политика никому, кроме его войска, не приносила. В итоге, после гибели его дружины, наиболее богатыми людьми в государстве оказались не его сыновья, а снова, как и в 945 г., “отроки” Свенельда и, возможно, “вой”, вернувшиеся в “Росию” сухим путем. Таких было 22 000 (Лев Диакон, 1988. – С.81), хотя и не все из них вернулись на родину⁴¹³. Византийские историки не говорят ни о дани, ни о сохранении росами добычи, но “ПВЛ” устами “перяяславцев” однозначно свидетельствует, что Святослав “взем имение много у Грек и полон бесщисла”⁴¹⁴ (ПСРЛ. Т. I. Л. 23).

Общество и государство, если брать только “Росию” и Новгород, при Святославе находились в достаточной гармонии. Особенное одобрение, как уже говорилось, получила финансовая политика Святослава у представителей “просвещенной общественности” Новгородской “республики” XIII в. – автора введения к НПЛ. Объективно именно для Новгорода деятельность Святослава умела самые благоприятные последствия в торгово-экономическом плане. В этой связи вполне объяснима положительная оценка Святослава и иных “древних князей” – “викингов” по роду деятельности именно в новгородском летописании. Вопреки ставшей уже традиционной точке зрения о тождественности преамбулы НПЛ по Толстовскому и Троицкому спискам и введения в “Начальный (или “Второй Киево-Печерский”) свод” (А.А. Шахматов, Д.С. Лихачев, А.Г. Кузьмин, О.В. Творогов, В.В. Кусков и др.) мы считаем, что она создана не в 1095 г., а в начале XIII в., именно для Новгородской летописи и новгородским автором, а не переписана с “Начального свода”, вполне возможно, включенного в “ПВЛ”. Аргументация первой точки зрения основана на

отождествлении “цесарей... Александра (Олексы) и Исакья” (НПЛ. 1950. Л.28) с Исааком I (1057 – 1059) и Алексеем I (1081 – 1118) Комнинами. В этой связи под осуждаемыми методом антитезы современными летописцу князьями подразумеваются Всеволод Ярославич и Святополк Изяславич, а под теми “поганьми”, которых “за наше несътство навел Бог” (НПЛ. 1950. Л.1) – половцы, опустошавшие окрестности Киева (в том числе Печерский монастырь) в 1093 – 1096 гг. Однако в тексте НПЛ предполагаемый Алексей упоминается не после, а до “Исакьи”. Кроме того, этих двух василевсов (“цесарей”) разделяет свыше 20 лет и четыре императора (Константин X Дука, Роман IV Диоген, Михаил VII Дука, Никифор III Вотаниат, все правившие дольше Исаака Комнина. Непонятен принцип выбора василевсов и увязка “Лексы и Исакьи” воедино как определенного хронологического этапа. Вторая “пара” – Исаак II (1185 – 1195), (1203 – 1204) и Алексей III (1195 – 1203) Ангелы⁴¹⁵ (последний в глазах летописца мог “слиться” с малолетним Алексеем IV (1203 – 1204) Ангелом). То, что судьбы этих императоров тесно переплетаются, и повторное правление Исаака было позже, чем Алексея III, заставило, возможно, автора НПЛ поставить их имена вместе, но “Лексу” – впереди. Что касается в этом случае идеи наказания за грехи, “несътство” “наше” (т.е. всех православных) – то это могло быть как нашествие Батые, в случае, если летописец писал после него, но изложение событий доводил до “Олексы и Исакьи”. Однако Новгород, за исключением событий второй половины 50-х гг. XIII в., татарское иго мало затронуло. Второй вариант – захват Константинополя, метрополии всех православных, “поганьми” латинянами как раз при Алексее IV и Исааке II Ангелах. Идеологическое же содержание вводного пассажа НПЛ – осуждение приглашаемых в Новгород князей XIII в. (особенно Ярослава Всеволодовича) за превышение судебной власти (“виры и продажи”) и использование ее в целях личного обогащения, вплоть до отдачи суда на откуп (Мартышкин, 1992. – С.232). В осуждении же в форме антитезы тех князей, которые “збираху многа имения”, проглядывает идеологическая подготовка лишения князей права иметь земельную собственность в пределах Новгородского государства, ставшее фактом при наследниках Александра Невского. С другой стороны, хваля “древнии князи”, летописец косвенно положительно оценивал князей новгородских, подобных Мстиславу Удалому в 1214 г., чья “дружина... кормяхуся, воююще ины страны” (НПЛ. 1950. Л.1 об), да еще и приносила доход (а не расход)

новгородцам⁴¹⁶. Фигура Мстислава Удалого достаточно близка Святославу, так же и как князя-полководца в первую очередь, но превосходит последнего как защитника Руси в целом. Поэтому “Кияне” более жестки к Святославу, не выполняющему свои функции по отношению к “метрополии”, чем более поздний новгородский летописец: “Ты, княже, чужой земли ищещь и блюдещь (ее), а свою охабил (забросил), а нас чуть было не взяли печенеги...” (ПСРЛ. Т. I. Л. 20). Для самого князя было важно мнение не столько своей матери и семьи, бояр, не говоря уже о “людях”, сколько своей разноплеменной дружины и даже, возможно, иных, в том числе кочевых, народов. Кратко можно охарактеризовать отношения “имперской” верхушки в лице Святослава и его дружины фактическим “невмешательством” в дела друг друга и разделением функций и источников доходов.

То, что перед нами наследственная сложносоставная монархия, ограниченная в “вертикальном” плане дружиной и даже войском, в “горизонтальном” – монархами суборганизмов “империи”, вряд ли будет звучать слишком ново.

Византийские историки передают титул Святослава как “катархонт” (Лев Диакон, 1988. – С. 55) и “архиг” (Скилица, 1988. – С. 122). У Константина VII “катархонтом” назван халиф (1991. – С. 177), в подчинении которого находились правители низшего ранга – эмиры. В этом смысле данный термин аналогичен “архонту архонтов”, как Константин переводит армянский царский титул ишханац ишхан – “князь князей” (Арутюнова-Фиданян, 1991. – С. 407). Термин “архиг”, примененный к тому же лицу и в том же контексте, что и “катархонт”, также, возможно, должен означать высшего руководителя, но, допустим, с более военным оттенком.

Действительно, так можно было называть правителя, “прочно овладевшего страной”, властителя которой с 913 г. носили титул “василевса болгар”, признанный патриархом Николаем Мистиком (Литаврин, 1987. – С. 77; Тышкова-Заимова, 1991. – С. 140), а с 918 г. – “Цесарь всем болгарам и грекам”, официально признанный в своей болгарской части и Византией, после династического брака царя Петра I и внучки василевса Романа I Лакапина (Тышкова-Заимова, 1991. – С. 141). Впрочем, “законный” император-интеллигент Константин VII осуждал “солдафона” и невежу Романа I и за разрешение самого брака с варваром, хотя и христианином, и за использование титула “василевс”, “цесарь”⁴¹⁷ по отношению к правителю Болгарии (Константин..., 1991. – Гл. 13).

Сам Святослав по какой-то причине ни на такой титул, ни на пышные, аналогичные императорским, регалии не обращал внимания (Лев Диакон, 1988. – С.82-83; Сюзюмов, Иванов, 1988. – С.215; Иоанн Екзарх, 1981. – С.61; Койчева, 1987. – С.156). Его облик соответствовал вождю кочевников и аналогичным, особенно в сопоставлении с его предполагаемой “имперской концепцией”, должен был быть титул – каган. Он был близок и его подданным – хазарам, и даже легитимным в этом плане, и союзникам – печенегам, отчасти венграм. Что же касается болгар, то, в противовес византийской пропаганде христианской общности, сам титул мог апеллировать к протоболгарской языческой древности, идеям “Великой Болгарии”. Созвучие протоболгарского “кавхана”, второго лица в государстве (Койчева, 1987) и кагана для славяноязычных болгар X в. могло примирить их в плане “национальной гордости” со Святославом, формально как бы стоящим ниже цесаря (царя) Бориса II, преемника протоболгарских ханов. В реалиях того времени и региона каганский титул был высшим для тюрков, фактически равным императорскому, заполнял лакуну между князем-архонтом и василевсом-императором в славяно-скандинавской титулатуре. Достоверно зафиксировано применение термина “каган” к правителю Древнерусского государства середины XI в.⁴¹⁸ (“Слово” Илариона) и ретроспективно – к прямой линии его предков (Хрестоматия..., 1990. – С.206), начиная с Владимира. Игорь и Святослав каганами не названы, однако именно последнему по праву, а не претензии, подходило “присвоение” этого титула. Он ставил его и над цесарем болгар, и над князьями-архонтами Руси (и даже над самим собой как великим ее князем), и над тюркскими ханами и венгерскими воеводами. Мир Святослава с Византией часть из них (печенеги) могла расценить как предательство идеи Каганата: “пацанаки были раздражены тем, что он заключил с ромеями договор” (Скилица, 1988. – С.133).

О наследственно-родовом характере власти великого князя на самой Руси говорит процедура назначения-выбора князей-наместников из числа сыновей Святослава. Значительным влиянием пользовались бояре из числа родственников по женской линии (Добрыня – брат матери Владимира Малуши), воеводы-советники (Свенельд и Блуд при Ярополке), воеводы-правители (Претич при черниговских (?) князьях). Предполагается возможность и допустимость самостоятельных от своего князя действий бояр, что предусматривает и договор Святослава с Иоанном Цимисхием: “и иже суть подо

мною Русь, боляре и прочии до конца века яко николи же помыслию на страну вашу... ни на власть Корсунскую и елико есть городов их, ни на страну Болгарскую” (ПСРЛ. Т. I. Л. 22 об). На мысль о разном статусе подданных по отношению к “катархонту” наводит формула договора в изложении “ПВЛ”: “аз же и со мною и подо мною да имеем клятву...”⁴¹⁹ (Там же).

С учетом того, что “Русь” и бояре уже упоминались как находящиеся “под” (властью) князя, “со мною” могут быть только иные, отчасти равные Святославу по степени причастности к власти и суверенитету князя. Другое дело, что как участники похода в Болгарию и договора с Цимисхием последние не упоминаются. Вместо них в качестве совещательного органа при войске Святослава имелся “совет знати” – “комент” (Лев Диакон, 1988. – С. 79). Это единственное свидетельство “аристократических” элементов в структуре власти державы Святослава. Да и то неизвестно, что подразумевалось здесь под знатностью – “благородство” происхождения, близость к князю или личные качества. Скорее, последнее: так, Икмор, “предводитель войска”, “второй” после Святослава (Там же. – С. 78), “пользовался у них наивеличайшим почетом и был уважаем всеми за одну свою доблесть, а не за знатность единокровных сородичей или в силу благорасположения” (Святослава) (Скилица, 1988. – С. 129). Лев Диакон добавляет, что он – “храбрый муж гигантского роста” (1988. – С. 78). Принцип “подбора кадров” – явно меритократический, по личным качествам, присущий некоторым “неклассическим” моделям дружинной государственности (Швеция, Норвегия, Русь, возможно, отчасти Чехия, но не Польша).

Для дружины Святослав – первый среди равных, что выражается в отсутствии особых регалий власти – лишь “с одной стороны (головы) свисал клочок волос – признак знатности рода” (Лев Диакон, 1988. – С. 82). К “боярам” же, не входившим в его дружину, князь прислушивается не более, чем к “прочим людям” в иных обстоятельствах: “киянам” в 968 г., “новгородцам” в 970 г. (ПСРЛ. Т. I. Л. 20, 21).

В данном случае это признак силы власти – авторитет князя среди тех, чьим мнением он дорожит, настолько высок, что он может позволить себе пренебречь внешними эффектами, его подчеркивающими: одевается, как все, сам гребет в лодке и т. д. Отличие от пышных титулов и регалий царей Болгарии, вставшей на “византийский” путь развития государственности, разительно. Вероятнее всего, Святослав в качестве главы “империи” имел разный, неустоявшийся статус в разных составляющих ее частях.

Уровень развития (стадия политогенеза) этих отдельных ее суборганизмов был также различен.

О Хазарии (ее причерноморской части) и Болгарии, переживавших, хотя и в разных формах, раннегосударственный этап, уже говорилось. Что касается Руси, то на ней в трех разных формах (линиях развития) осуществлялся переход от “двухуровневой государственности” этапа “сложных вождеств” (эпохи “варварства”) к ранней государственности. У древлян – через трансформацию путем внешнего завоевания и конфликта, разрешенного в пользу государственности, в ущерб уже сложившимся структурам “племенного княжения” этапа вождеств. В “Росии” – через “дружинное государство”, жившее за счет экзосплуатации и внешней торговли. Новгород, судя по его будущему, шел по линии развития к сложному городу-государству, переживая в тот момент стадию протогорода⁴²⁰-государства, осложненную (причем добровольно) внешними дружинными тенденциями. Не говоря уже о временных союзниках Святослава – венграх и печенегах, возможно, волохах Нижнего Подунавья, ни одна из трех частей Руси, принадлежащих к его державе, не обладала не только ни полным набором сущностных признаков ранней государственности, но полностью – ни одним из них. Здесь нет ни замены племенного, этнического деления на территориальное, ни отделенной от “народа” публичной власти, обладавшей аппаратом с преобладанием функций внутреннего подавления. Налоговая система начала зарождаться с земли древлян и некоторых северных территорий при княгине-”регентше” Ольге, но она была неустойчивой, разнообразной и, главное, – не отделившейся идеологически ни от “добровольных” родоплеменных взносов на содержание власти (реципрокности), ни от военной контрибуции. То же можно сказать и о праве, которое не только не было кодифицировано, но и не находилось целиком в руках “государства” (“Закон Русский” в Росии, обычное право разных племен и “уставы” их князей, договоры некоторых протогородов-государств с князьями). Не выполняется и присущая для ранних разноэтничных государств интегративная функция. Нет и таких вторичных, внешних, но почти всегда обязательных признаков, как “масштабы утилитарных и ритуальных сооружений общегосударственного значения” (Куббель, 1988. – С.158) и принятия общегосударственной религии. В типологически схожих государствах Европы – Болгарии, Чехии, Дании – эти явления сопровождали процесс образования ранней государственности, как бы подчеркивая, “от-

тения” ее нижнюю хронологическую грань. Присущи они и Руси – но только эпохи Владимира Святого.

Активная внешняя государственно-завоевательная экспансия с попыткой создания межэтнических “империй” обычно следует в организмах этой модели за образованием основных структур и элементов ранней государственности, способствуя их институционализации и укреплению. Обратный пример, пожалуй, дала лишь Польша⁴²¹, наиболее типологически отличная от Руси среди государств дружинного образца (Шинаков, 1998в. – С.132), и Венгрия, где возможность успешной внешней экспансии и расширения границ корпоративно-эксплуататорского “протогосударства” (точнее, системы вождеств) мадьяров лишь оттягивала начало процесса “раннегосударственных” преобразований. Лишь неудачи венгров в Германии, Чехии, Византии заставили верхушку власти (но не всю военно-родовую “корпорацию”) искать пути к консолидации и, как следствие, – замене экзоэксплуатации на внутренние поборы (эндоэксплуатацию).

Держава Святослава стадильно предшествовала формированию ранней государственности на Руси, хотя и обладала некоторыми вторичными, характерными не только для нее, признаками последней: гетерогенностью и военно-завоевательной экспансией с целью расширения “налогового поля”.

Вероятно, причина еще большей, чем державы Кнута Великого, Болеслава II Жестокого, Болеслава Храброго; “василевса болгар и ромеев” Симеона, недолговечности “империи” Святослава – в ее стадильной “преждевременности”, а не только в полководческом таланте Иоанна Цимисхия и военно-техническом превосходстве “ромеев”. Все вышеперечисленные государственные образования, кроме Руси, провели к моменту начала внешней экспансии большинство “раннегосударственных” преобразований, в том числе и такое очевидное, как христианизация, хотя бы поверхностная. Попытка же создать языческую “империю” в христианской ойкумене удалась, и то временно, лишь Литве (и то при условии принятия православия литовскими кунигасами в инкорпорированных русских областях). Быстрый переход уже вроде прочно завоеванных болгар на сторону византийцев – не славян, но православных – тому наглядный пример. С другой стороны, христианизация “федеральной” верхушки Ободритского союза княжеств лишь помешала Готшалку создать из объединения “вождеств” что-либо более прочное и стадильно “продвинутое”, выз-

вав языческую реакцию и доказав на практике обратимость процесса государствообразования на ранних этапах. Впрочем, в последнем случае речь шла о внутренней консолидации, а не попытке создать разноплеменную “империю”.

Итак, “имперские амбиции” Святослава были заранее обречены на провал в силу объективных факторов и субъективных обстоятельств. Кроме первого порога, когда Святослав еще мог продолжить реформы Ольги и использовать свой авторитет, силу консолидированной в первом походе на Болгарию дружины и полученные тогда средства на воссоздание и интеграцию Руси в границах Олега и Игоря, был и второй. Это – спровоцированное, отчасти Святославом, отчасти – византийцами, вторжение “росов” во Фракию. Даже неустойчивый мир с Цимисхием, временные уступки, при условии принятия христианства и мер по “русско”-болгарской интеграции могли помочь Святославу создать на болгарской земле, в лучшем случае, что-либо подобное “викингским королевствам” в Нормандии, Нортумбрии, Сицилии под формальным сюзеренитетом Византии⁴²². Впрочем, Святослав, не стремясь созидать что-либо новое, а следуя традициям своего отца (но не матери), попытался, вероятно, и на болгарских территориях воссоздать структуры прошедшего этапа – “двухуровневых государств” в Болгарии и на Руси⁴²³.

Этот путь не имел перспектив. Как и в Скандинавии, политика “конунга-викинга” была безрезультатна, лишь растранив военные ресурсы Руси, но не укрепив ее структуры. Однако само средство, созданное Святославом в ходе “имперской” экспансии – “большая дружина” – была использована его преемниками для иных, внутренних целей⁴²⁴.

Глава 5

СТАНОВЛЕНИЕ И КОНСОЛИДАЦИЯ РАННЕГО ГОСУДАРСТВА РУСЬ

§ 1. Святославичи: поиски пути (механизмы создания территориальной базы раннего государства)

Главный инструмент объединения отколовшихся от “Росии” во время кризиса 40-х гг. X в. племен, протогородов и княжеств – большая дружина – был создан⁴²⁵ и сплочен как единый организм во время “имперского” эксперимента Святослава. Тогда же она получила зачатки навыков участия в управлении. Но кратковременность ее пребывания в Болгарии не позволила им развиться. Свенельд привел на Русь не менее 20 000 воинов (даже если считать, что именно это сообщение Льва Диякона повлияло на сказание “ПВЛ” о “хитрости” Святослава, вдвое преувеличившего число своих войск). Те же, кто в начале похода на Болгарию были ополченцами, “воями”, при возвращении в метрополию отвыкли⁴²⁶ от иных видов занятий, кроме войны и отчасти – управления. Содержать же такой огромный по тем временам профессиональный военный аппарат за счет узкой для эндэксплуатации экономической базы (а большая часть дружины во главе со Свенельдом (ПСРЛ. Т. I. Л. 23), с ее “привычкой” жить за счет других, оказалась в распоряжении князя “Росии”) было невозможно. Ярополк же Киевский “был лишен средств идти в Болгарию” (Погодин, 1847. – С. 476). Дальнейшее было делом времени – причина и следствие, переплетаясь, “подгоняли” друг друга. Большая дружина требовала все больших податных земель и давала возможность их завоевывать. Механизм присоединения “племенных” княжений, в случае разрушения их политической структуры и “столиц”, замены их опорными пунктами великокняжеской власти с русскими гарнизонами, обладавшими специфической культурой и погребальным обрядом, хорошо “читаются” археологически⁴²⁷. Проблема только в степени точности датировок. Так, гибель городища “Коровель” как центра черниговских династов некоторые исследователи (Зоценко, 1996; Андрощук, 1995; Коваленко, 1983) датируют концом 60-х гг., связывая и ликвидацию ее независимости, и ее самой с походами Святослава на

восток. Несколько противоречиво этот же вопрос трактуют Ю. Шевченко, А. Уманец, Т. Новик. С одной стороны, допускается возникновение этой династии еще в 40-е гг. X в., связывая датировки с некоторыми Шестовицкими курганами (1995. – С.98) и упоминанием Улеба и Сфандры в договоре 944 – 945 гг. в сопоставлении с Хельгу “Кембриджского документа” (1995. – С.66). С другой стороны, “наиболее удобным временем для основания независимой династии” считаются 70-е гг. X в., время “ослабления Киева” и “освобождения... от частичной вассальной зависимости от Каганата” после походов 965 – 969 гг. (1995. – С.65, 66). Судя по другой, с этим периодом связываются скандинавские курганные древности самого Чернигова типа “Черной могилы”, в которой был захоронен князь, погибший в борьбе с Владимиром Крестителем, пытавшимся в 992 г. христианизировать Чернигов и уничтожить местную династию (1995. – С.65). Именно с этой попыткой, хотя и неудачной, связывается гибель городища “Коровель” (1995. – С.99). Допускается и существование такой скандинавско-хазарской (“ассийской”, “савирской”) по происхождению династии в конце X – начале XI вв., представителями которой оставлены, в частности, сидячие погребения Шестовицкого некрополя (1995. – С.99)⁴²⁸.

Таким образом, небольшая, с точки зрения возможностей и степени информативности археологических источников и методов исследования и обработки, неточность датировок может существенно изменить нюансы одной концепции, не говоря уже о возможностях оперирования ими для построения разных гипотез. Тем не менее, и здесь более широкий подход дает свои результаты. Зная применявшуюся русскими князьями “методику” покорения славянских “племен” из нескольких центров (Зайцев А., 1975; Шинаков, 1998 б (для Подесенья)), можно сопоставить время и цели основания Белой Вежи, отрезавшей северян и вятичей от остатков Каганата, появление скандинаво-русских дружинных древностей в Чернигове, а затем в Посейме (конец X в.), а также Среднем Подесенье (район Стародубского и Трубчевского ополей – рубеж X – XI вв.: Шинаков, 1990 б, 1987 б, 1994, 1995а и др.)⁴²⁹, можно сопоставить их появление с поэтапным покорением левобережных, прежде всего северянских земель. Древнейший⁴³⁰ достоверный в этом плане археологический факт дается денежно-вещевым кладом и отдельными “варварскими” подражаниями дирхамам “левобережного веса” (обрезанных в кружок) 70-х гг. из слоя гибели городища Горналь (Куза, 1981. – С.29-30, 38; Зайцев В., 1991, 1992). Гор-

наль и Верхнее Посеймье в целом являются как бы отправной точкой завоевания земель северян, начатых, вероятнее всего, при Ярополке. Косвенным доказательством последнего является отсутствие упоминаний покорения северян при Владимире Святом и Святославе, в то время как иудео-хазарские письменные источники и археолого-нумизматические данные достаточно однозначно свидетельствуют в пользу либо их независимости, либо возвращения в сферу влияния Каганата с середины X в. “Корректировка” летописцев, обвинение их в умолчаниях или сознательных искажениях – дело, на которое можно пойти лишь в очень крайних случаях, при наличии весьма веских оснований. Однако в данном случае дело в другом: фигура Ярополка “выбилась” из прямой линии “демиургов” государства уже ко времени “Слова о Законе и Благодати”, не говоря уже о “Начальном своде” и “ПВЛ”. Как сводный брат Владимира, он как бы отошел в сторону от прямой генеалогической цепочки Игорь – Святослав – Владимир – Ярослав, что, возможно, диктовалось попытками создать автократический идеал власти, наследственной от отца к сыну, особенно актуальный при Владимире Мономахе.

Летописей при дворе Ярополка, вероятно, не велось, “дружинные легенды” и былины об этом непопулярном в среде окружения Владимира Святого князе не создавались. В итоге на страницы “ПВЛ” попали лишь те его деяния, которые были связаны с борьбой внутри клана Рюриковичей, но не государственные мероприятия.

Время массового появления скандинавских и русско-дружинных древностей на Левобережье⁴³¹ если и не указывает с абсолютной гарантией на начало наибольшей интенсивности киево-русской экспансии в этом регионе именно при Ярополке (в силу недостаточной точности для этих целей археологических датировок), то и не противоречит этому.

Дата присоединения среднего и верхнего течения р. Псел, а также и верхнего (Курского) Посеймья к Руси может определяться кладом на селище у с. Воробьевка, содержащим, в том числе, лучевое височное кольцо группы IV, абсолютно аналогичное горнальским, и дирхемы (последняя монета – 966 г.) (Шинаков, 1980а. – С.129; 1991). Причин выбора русами именно этих регионов первоначально как объекта, а затем как одного из плацдармов для наступления на земли северян могло быть как минимум две. Это: отсечение так называемых “Восточных территорий” от основного массива северянских земель в среднем и нижнем Посеймье и Подесе-

нье⁴³² и лишение последних выхода в степи – к осколкам Каганата, давним болгаро-аланским культурно-политическим контрагентам северян на Донце и Дону⁴³³, и потенциальным союзникам-печенегам. Вместо разрушенных центров роменской государственности (?) сооружаются такие крепости, как Гочево (Шинаков, 1980; 1982)⁴³⁴ и, возможно, Курск (Енуков, 1995. – С.30; Анпилогов, 1975. – С.43). Чуть позднее (на рубеже X – XI вв.) через эти пункты, а также Липовое, Зеленый Гай, Белгородка-Николаевка и др. (Моця, 1985, 1993. – С.69-70; Сухобоков, Моця, 1987; Моця, Халиков, 1997. гл. I, III) проходит⁴³⁵, наконец, прямой путь из Киева к источникам арабского серебра – в Булгар. В данном случае по целям войны с северянами можно отнести к типу завоевательных, с задачами не только присоединения податных территорий, но и создания лучших условий для торговли. Характерно, однако, что маршрут пути, проходя вдоль печенежских степей, минует не только земли “диких вятичей” по Оке, но и давно освоенный русами Черниговский регион. Вполне возможно, что там все еще правила русская, вероятно, “вассальная”, но и все же “альтернативная” киевской, династия (Новик, Шевченко, 1995) или “воспоминания” об этом были слишком свежи⁴³⁶ (Моця, Зоценко, 1996), чтобы рисковать надежностью пути в самом его начале. Возможно, именно в связи с этим первый гипотетичный поход на северян на Псел проходил не через Чернигов – Посеймье, а в южном варианте, в обход⁴³⁷, кстати, достаточно устоявшейся и, соответственно, укрепленной русско-северянской границы в нижнем Подесенье (Григорьев, 1988, 1990, 1993).

Однако, правила ли в Чернигове независимая (или вассальная), безусловно русская, а не “местная” (северянская) династия⁴³⁸, именно его округа стала, по данным археологии и нумизматики, исходной базой для второго направления “государственного освоения” земель не только северян, но и части радимичей и вятичей.

Исходными и подготовительными пунктами для этого могли послужить гипотетические “дружинные лагеря” вдоль русско-северянской границы: Шестовицы, Сновск, возможно, Блестовит, Ропеск (?), Левенка. Через эти пункты чуть позднее пролегла ось одной из единиц “служебной организации” (Кучкин, 1993) – Сновской тысячи конца XI – XII в. (ПСРЛ. Т. II. Л.139 об; Зайцев А., 1975; Фомин, 1985, 1988. – С.79), а чуть раньше – путь “Большого полюдья” первой половины X в. (Шинаков, 1986)⁴³⁹. Вполне естественно, что именно в этой зоне, где наиболее явно прослеживаются

ся признаки такого надежного индикатора “дружинного государства” и как этапа, и как формы, и как средства создания ранней государственности, следует искать и иные ее вторичные, “сигнальные” признаки, в частности – “дружинные лагеря”. Гносеологическими предшественниками данного термина в историографии можно считать лагерь варягов-наемников (например, Шестовицы под Черниговом), которых “селили... за пределами городских стен” (Рыбаков, 1982. – С.318). “Норманизм” этого исследователя по отношению к данному типа поселениям был значительно “разбавлен” комплексным подходом к определению их “более широкого значения... как в этническом, так и экономическом планах, хотя скандинавские дружинники и останавливались в этих пунктах” (Петрухин, Пушкина, 1979. – С.109). В дальнейшем был определен специфически древнерусский характер подобных поселений, хотя и близких стадияльно более ранним викам (Ладога, например) в “сети балтийских протогородов”, но, в отличие от последних, контаминированных прежде всего с государствообразовательными, а не торгово-ремесленными процессами. Эти “торгово-ремесленные поселения при дружинных погостах”, чье “ремесло и торговля” были “во многом ориентированы на нужды великокняжеской дружины”, “представляют собой уже отчетливую раннегородскую сеть”, связанную “со столичным Киевом” (Мельникова, Петрухин, 1986. – С.104). В целом соглашаясь с этой точкой зрения и даже развивая ее для Среднего Подесенья (Шинаков, 1987 б, 1990 б, 1993 а; Миненко, Сафронов, 1993), все же считаем необходимым несколько дифференцировать данный ряд поселений (Гнездово, Тимерево, Рюриково городище под Новгородом, Шестовицы, Сарское городище), отделив последние два. Тем более, что исследователи Сарского комплекса считают возможным отождествлять его главную часть (городище и селище 1) со столицей мерянского княжества, а селище 2 на другом берегу Сары – с “временным лагерем дружинников” (Леонтьев, Сидоров, Исланова, 1986. – С.7, 8; Леонтьев, 1988. – С.14-16). Под эту характеристику, по мнению некоторых современных исследователей, подпадает и Шестовицкий комплекс, “топографическое размещение (которого) совершенно не располагало к сооружению и функционированию здесь крупного торгово-ремесленного центра”⁴⁴⁰ (Андрощук, 1995. – С.120).

В проблеме типо-терминологического определения понятия “дружинный лагерь” можно выделить несколько аспектов.

1. Источники снабжения постоянных контингентов войск, сконцентрированных в одном месте в течение достаточно длительного времени.
2. Функциональное оправдание этого особыми, а то и чрезвычайными обстоятельствами; выделение возможных зон таких явлений.
3. Предполагаемый внутренний распорядок “лагерей” и его возможные внешние (археологические) признаки.
4. Соотношение “населения” “лагерей” с иными частями войска, отношения его с потестарно-политическими органами.
5. Наиболее вероятные “претенденты” на роль данного типа пунктов в Древней Руси (по материалам Левобережья Днепра).
6. Место таким образом идентифицированных “дружинных лагерей” среди других аналогичных им типов военных поселений.
7. Место “лагерей” в раннегородской сети на Руси.

1. Отпадают два основных способа обеспечения постоянной части войска дружины-“руси”: круговые объезды подвластных территорий и непосредственная добыча, дань-откуп или контрибуция. С другой стороны, нет еще никаких данных о натуральном самообеспечении типа чешских “*milites*”, русских военных поселенцев, византийских акритов или воинов зулусских краалей. Остается самый неэкономичный способ – содержание этих контингентов за счет доли общегосударственной дани – налога, что стало возможным, и то для ограниченных территорий, лишь после реформ Ольги.

2. Экономически рентабельно и военно-политически целесообразно было создавать такие “лагеря” на “государственном обеспечении” непосредственно перед решением поставленных перед ними задач и не более срока существования породившей их ситуации. Для Руси второй половины X в. таковых могло быть три: концентрация и обучение “молодого поколения” перед походами Святослава, а также временное размещение вернувшихся со Свенельдом войск; сосредоточение сил на границах подлежащих покорению племенных княжеств и временное размещение великокняжеской дружины в ключевых пунктах уже завоеванных земель; создание эффективной обороны степных границ (особенно актуальное в 90-е гг. X в.).

Первая ситуация отпадает сразу для тех поселений, рядом с которыми существовали более-менее значительные воинские некрополи, а без них трудно вообще идентифицировать именно военный характер того или иного пункта. Вторая ситуация вполне могла сложиться на границах Руси с

северой, радимичами, вятичами, особенно в конце 70-х – начале 80-х гг. X в.⁴⁴¹ Наиболее подходящий регион для этого – как раз будущая Сновская тысяча, от Шестовиц на юге до “Рюрикова городища” (Брянского)⁴⁴² на севере, а также крепости на верхнем Псле и Сейме. Создание “внутреннего” опорного пункта для контроля покоренной территории хорошо иллюстрирует Кветунь (Моця, 1988; Шинаков, 1987 б, 1998 б).

Создание укрепленных поселений для защиты от печенегов хорошо документируется летописью. От небольших временных застав (небольшие городища почти без культурного слоя) на границах и пограничных же крепостей с постоянными гарнизонами, зачастую быстро обраставшими торгово-ремесленными посадами, возможные “дружинные лагеря” должны отличаться отсутствием или минимальными размерами последних (если только они не перерастали в города, как Белгород, например). Их могут характеризовать большие размеры и степень военизации быта, чем у пограничных крепостей (Гочево, Ницаха, например (Шинаков, 1980), но меньший хронологический диапазон некрополей и их более выраженный военно-профессиональный состав, а также определенное расстояние (один переход) от пограничных линий (Белгород, Леплява).

3. Стадиально и типологически-территориально наиболее близко описание внутреннего социального устройства викингского центра Йомсборг в земле вендов (ободритов?), в котором (“Сага о Йомсвикингах”) некоторые исследователи считают допустимым видеть “типизацию реальных дружинных лагерей Дании” (Гуревич, 1966. – С.77; Щевелев А.С., в печати. – С.1). В этом описании можно выделить регулирование отношений с помощью не кровнородственных (они вообще в расчет не шли), а корпоративных связей, обобществления добычи, запрета держать женщин, строгого внутреннего распорядка (запрет отлучаться более чем на три дня (The Sada, 1962. – P.17-18), наличия собственных законов, гарантом соблюдения которых выступает создавший их военный вождь, основатель Йомсборга. Последний выступает посредником в отношениях двух своих сюзеренов – князя “Бурислейва” и конунга Дании Свейна (Круг земной, 1980. – С.119, 154), т.е. как достаточно самостоятельный и авторитетный (женат на дочери князя Вендов) правитель. Функции Йомсборга и его населения для “королевства” Бурислейфа – “защита своего округа (йом) и (всего) королевства (The Saga, 1962. – P.17). Источники снабжения не указаны, однако можно предположить, что это – подати с подвластного округа⁴⁴³

(по типу “кормления” ярла Рогнвальда и его сыновей Эйлива и Ульва в Ладогe (Джаксон, 1994. – С.75)⁴⁴⁴. Внешнее устройство Йомсборга, “огромного и прочно построенного города” (The Saga, 1962. – P.17), ориентировано на море, со стороны которого находится закрытая гавань “внутри города” с вместимостью в 360 “длинных кораблей”. Отсюда же ожидалось и нападение, т.к. от гавани город был отрезан каменной аркой с железными воротами в ней и башней с катапультами над ней. “Эпичность” описания очевидна, но содержит и некоторые примечательные моменты.

4, 5. Очевидно, что в “лагерях” могла находиться часть постоянной, находившейся на “государственном” обеспечении, дружины, но не ее верхушка (точнее, “ядро”), постоянно находившаяся при князе и пирующая с ним. В “провинциальных” дружинных погостах X в., по данным археологии, присутствует младшая дружина – отроки, “вооруженная (по данным захоронений) в основном стрелами, и наряду с ними богатые боярские захоронения с мечами” (Недошивина, 1991. – С.174). Кстати, почти такая же дифференциация наблюдается в тех курганных группах Гнездово, которые прилегают к Большому городищу на р. Свинец (“Sygnes”) (“Нос на р. Свинья” – Шрамм, 1994. – С.149). В то же время в самой дальней от него Заольшанской группе уровень “вооруженности” одинаково средний: копье – топор – стрелы, копье – топор (2 комплекса), копье – скрамасакс, в двух – только боевые топоры-чеканы, в том числе “болгарского типа” (Каменецкая, 1991. – С.141). Три самых богатых захоронения совершены в камерах, три самых бедных (чисто символически – по одному ромбовидному наконечнику стрелы) – по обряду трупосожжения на месте, но из самых богатых среди них (кург. 6, 60). При этом в двух курганах, где определение кальцинированных костей дало положительный результат (кург. 6, 18) символическое присутствие предметов вооружения (по одной стреле) – следствие, возможно, не бедности, а детского возраста погребенных (Там же. – С.130). “Средние” по богатству воинские захоронения (только с топорами-чеканами, со славянским топором и копьем (№ 4) совершены в узких ямах, прорезавших кострище. Заольшанскую группу можно связать с рядом расположенным Ольшанским городищем, слабо изученном раскопками. Если реконструируемый по погребениям в группах вокруг Большого городища состав дружины близок тимеревскому, то Заольшанская группа по некоторым показателям близка Шестовицким курганам (Каменецкая, 1991. – С.141), что, возможно, может косвенно свидетельство-

вать и о социально-ролевой контаминации связанных с ними поселений, изученных, к сожалению, в отличие от некрополей, явно недостаточно. Такая же “средняя” по степени вооруженности и, возможно, рангу дружина представлена в захоронениях предполагаемых “лагерей” Сновской тысячи – Сновске и Левенке, причем в последнем случае все подобные захоронения (впрочем, их всего два) совершены в камерах. Уровень шестовицкой дружины выше – в 50% курганов – мечи, скрамасаксы, сабля, предметы конской упряжи (Бліфельд, 1977. – С.64). Прямой корреляции степени богатства воинского убора и камерного обряда здесь нет, как, впрочем, и с другими типа обряда, играющими здесь скорее роль хронологического и этнического, но не социального признака (хотя и здесь почти все “камеры” (“срубы” по Бліфельду) содержали захоронение дружинников (9 их 10: Бліфельд, 1977. – С.60). Однако, скорее всего, в Шестовицах была просто более богатая в целом, а не более дифференцированная дружина. Речь так же, как на Олышанке, в Сновске, Левенке идет скорее о “средней” (по рангу, а не богатству и вооруженности) дружине и ее слугах, а не о немногих, сменявших друг друга боярах⁴⁴⁵ и массе слабее вооруженных “отроков”. Таким образом, для этих пунктов речь, вероятнее, идет не о личных или данных князем дружинах бояр-воевод, типа Свенельда или Претича, а либо о части “большой дружины”, временно сконцентрированной (и одновременно отчасти погибшей) на направлениях главных ударов против “племенных княжеств”, либо о вольных отрядах, находившихся как целое (наподобие йомсвикингов) на службе тех или иных князей. Вероятно, именно к последним местам поселений можно отнести отбор Владимиром от наемных варягов “мужей добрых и смысленых и храбрых” и “раздачу” “им градов” (ПСРЛ. Т. II. Л. 31).

Второе летописное известие, наиболее приближенное к искомому предмету – “Володимер заложи град Белгород и наруби в него от иных городов и многие люди сведе в нем бе бо любя град сей” (ПСРЛ. Т. I. Л. 42, 991 – 992 гг.). “Обширные (52,5 га) укрепления Белгорода вмещали не только постоянный гарнизон, но и значительные воинские резервы...” (Древняя Русь: Город..., 1985. – С.67). Он не является пограничной крепостью, т.к. отстоит на один дневной переход от Стугнинской оборонительной линии, одновременно с которой сооружался, но мог оказать быструю помощь любому ее пункту, либо прикрыть Киев в случае ее прорыва. Имеет мощные единовременно сооруженные укрепления с сырцово-кирпичной кладкой. В дан-

ном случае перед нами “военный лагерь”, выполнявший функции не внутреннего завоевания, а внешней обороны. О принадлежности этого поселения именно к великокняжеской дружинной организации говорят два факта: наличие там в 1113 г. тысяцкого (по Кучкину (1993) – “тысяцкая” организация связана с деланием государства по дружинно-служебному принципу). Возможно, Белгород был ее центром для правобережного пограничья, как Переяславль – левобережного, а Киев – общим центром. Участие тысяцких в решении важнейших государственных вопросов косвенно относит их к главам дружинной организации, что прямо подтверждает и сама фраза 53 ст. “Пространной Правды”: “созва дружину свою...” (Преамбула к “Уставу” Владимира Мономаха: Материалы..., 1987. – С.18). В Белгороде имелся и великокняжеский двор (Древняя Русь: Город..., 1985. – С.68), на котором размещалось 300 наложниц Владимира Святого (ПСРЛ. Т. II. Л.31 об). Последнее роднит Белгород уже не с “военными лагерями” и пограничными крепостями, а с княжескими градом Вышгородом и селом Берестовом, где находились остальные части “гарема” Владимира (Там же). Позднее, после ликвидации печенежской опасности и передвижки пограничной линии со Стугны на Рось, этот стационарный военный лагерь – частное (или “государственное”) владение князя⁴⁴⁶ превратился в город с религиозными, административными и ремесленными функциями, хотя и особым статусом (“служебная организация”?). С увеличением его площади еще на 48 га (Древняя Русь: Город..., 1988. – С.67) и образованием в нем княжеского стола в конце XII в. он стал вторым по размерам и значению центром Киевской Земли, до границ которой снова сократилось в конце XII в. (с 1180 г. по южному летописанию) понятие “Русь”, “Русская земля” (Флоря, 1993. – С.44-46).

Освещение в летописи проблемы заселения Белгорода при его расширении (“наруби (въ он) от иных градов и много людии (и) сведе в онъ”) отличается от статьи о распределении столов и организации обороны от печенегов категорией переселенцев: в 988 г. это были “лучшие мужи”, и не от градов, а “от Словен, и от Кривич, и от Чуди, и от Вятч” (ПСРЛ. Т. II. Л.45 об, 46; ПСРЛ. Т. I. Л.42).

Бросается в глаза, прежде всего, разница в масштабах – масса свободных общинников, вероятно, превращаемых в основу постоянного войска, и лишь военно-аристократическая верхушка “племен”, северных в основном. Белгород интересен еще и тем, что, благодаря значительным рас-

копкам различных его частей, хорошо “читается” по материалам археологии этапность его развития и динамика функций (Древняя Русь: Город..., 1985. – С.68). Данные о дружинном некрополе более скромные – за счет, очевидно, краткости языческого периода его существования и близости к центру христианизации – Киеву.

Иное дело второй “претендент” на то, что можно назвать крупным “дружинным лагерем” оборонительного значения – Леплява. Здесь исследованы в основном погребения, а данные о поселении сводятся к его внешним (топографическим) признакам и массе депаспортизированного материала в трех музеях (Шинаков, 1980. – С.96-101). Присутствуют 3 камерных захоронения (из 12, обряд которых определен), хотя ширина ям находится на грани допустимого для подобного типа обряда (Жарнов, 1990; Шинаков, 1995 г). Материал (не только из погребений), в основном конца X – XI вв. (хотя есть и XII – XIII вв.) – разноэтничен. Есть этноопределяющие украшения дреговичей, северян, полян, предметы скандинавского дружинного быта (костяное острие с головой дракона), многочисленные, в том числе западнославянского типа, предметы вооружения в основном “среднего” и “низшего” рангового уровня (наконечники копий, дротика, стрел (в том числе 70% – бронебойные и арбалетные), боевые топоры, многочисленные детали конской упряжи и снаряжения всадника). Нет мечей и сабель, хотя, возможно, из Леплявы происходят сфероконический шлем, меч XI в. и чекан, хранящиеся в Полтавском музее (Шинаков, 1980. – С.101). Много вещей, чьи хронологические рамки не выходят за пределы X в., причем среди них преобладают артефакты торгово-дружинного быта, аналогичные Гнездово, Шестовицам, Седневу. С “дружинным лагерем” датского типа также сближает предполагаемая форма городища – кольцевая на мысу в пойме Днепра (не сохранилось); отличает – его несомненно малые размеры⁴⁴⁷ (по сравнению с некрополем (свыше 1000 курганов в начале XX в., не считая христианских захоронений), несомненное наличие женского населения⁴⁴⁸ (хотя и сравнительно незначительного: из определимых захоронений конца X – XI вв. ему принадлежит 30% (Шинаков, 1980. – С.100).

К сожалению, из-за характера исследования и степени сохранности источников, несомненно, чрезвычайно репрезентативных и информативных самих по себе, их нельзя выстроить в стройную систему доказательств на основе типологического и корреляционного методов, поэтому выводы

о причинах возникновения и функциях данного поселения неизбежно будут иметь гипотетический характер.

Во-первых, перед нами постоянное военизированное поселение, существовавшее в течение длительного (150 – 250 лет) времени, что предполагает возможную его функциональную изменчивость. Создано оно было при несомненном участии (или даже для) скандинаво-русской дружины X в. Время возникновения – скорее всего до Владимира Святого или, по крайней мере, до создания им Посульской линии. Возможных причин – четыре: подготовка войны с уличами, когда они “сидели... по Днепру вниз”⁴⁴⁹ (НПЛ. 1950. Л.31, 31 об) воеводы Свенельда; размещение части войск Святослава перед походом в Болгарию или его остатков – после; собственно временный “дружинный лагерь” варягов, помогавших Владимиру в 980 г. взойти на киевский престол; зарождение системы обороны южной границы, которая при Ярополке или в начале правления Владимира могла проходить по Супою (в дневном переходе к востоку от Леплявского комплекса). В последнем случае в качестве ядра его гарнизона и запасных контингентов войск могли (при Ярополке) использоваться некоторые из воинов бывшей Дунайской армии Святослава, вернувшиеся со Свенельдом⁴⁵⁰, или (при Владимире) – те варяги, которых он принял к себе на службу после 980 г.

Пятый вариант интерпретации первоначальных функций и принадлежности (воеводе Претичу) городища Леплява недавно выдвинут А.С.Щавелевым (в печати. – С.2-3). В данном случае имеется в виду “лагерь-резиденция военного вождя, располагавшего своей дружиной, охранявшей прежде всего левую сторону Днепра”⁴⁵¹, по аналогии с “округом” Йом в державе вендов, находившимся под защитой предводителя йомсвикингов Пальнатоки и его преемников – вассалов вендского князя (Там же). Таким образом “претенденты” на роль чего-либо подобного “дружинным лагерьям” на Руси могут иметь размеры и укрепления от весьма скромных (Сарское-2, например) до гигантских (Белгород), но преобладают “средние”, соответствующие, кстати, и “средней”, в основном, определяемой по некрополям, степени вооруженности и, вероятно, рангу находившихся там дружинников. В этом аспекте они противостоят тем комплексам, где наблюдается большая дифференциация богатства, качества и категорий вооруженности и ранговости внутри воинских захоронений (курганы, связанные с Большим городищем в Гнездово на р. Свинец, Тимерево, Чернигов,

т.е. с центрами типа крупных великокняжеских погостов, городов, с одной стороны, и некрополи пограничных государственных крепостей – с другой). “Разноэтничность” артефактов для них – явление естественное, хотя и необязательное, женские захоронения присутствуют, но их процент обычно меньше, чем на поселениях иных типов.

6. Типологически (функционально и стадияльно) аналогиями гипотетичным “дружинным лагерям” Руси второй половины X – начала XI вв. (этапа генезиса и становления ранней государственности) могут служить прежде всего датские “лагеря викингов”. О времени их создания и преимущественного функционирования существуют две главных точки зрения. Первая: они созданы Свейном Вилобородым (995 – 1014) для подготовки воинов для вторжения в Англию (Мельникова, 1987. – С.35). Вторая: все крепости построены при Харальде Синезубом во второй половине X в., “ни одна на них не функционировала после 1000 г.” (Лебедев, 1985. – С.88). Косвенным доказательством последнего является предполагаемая одновременность сооружения “лагерей викингов” и реконструкции пограничных валов. На Руси, во всяком случае, было так: единственный известный по письменным источникам “лагерь” (Белгород) был построен по единому плану одновременно (как и датские крепости) с пограничными крепостями-градами по Стугне, Суле и т.д., а судя по типологическим и радиоуглеродным датам – и с реконструируемыми “Змиевыми валами” вдоль пограничных рек (см., например: Кучера, Иванченко, 1987. – С.74; Моргунов, 1996. – С.138). Если в Дании и валы, и “королевские крепости” (“лагеря викингов”), образовывали, как и на Руси, единую оборонительную систему только что родившегося раннего государства (а сомневаться в этом нет оснований), то дата их сооружения как бы маркирует это событие (дентродаты Даневирке (“Деяния датчан”)) – 965 – 968 гг. (Лебедев, 1985. – С.89). Действительно, под угрозой войны со стороны Оттона II “конунг датчан велел привести в порядок свою оборону, укрепить Датский вал... У конунга были тогда многие другие (кроме ярла Хакона, его вассала и правителя Норвегии) вожди, которые привели к нему людей”. Для размещения такого количества воинов и могли строиться специальные лагеря на наиболее угрожаемых от десантов Оттона II участках побережья⁴⁵². “Он (“Отто кейсар”) собрал свои корабли и (когда не смог прорвать Даневирке) переправил войско через фьорд в Йотланд” (Круг земной, 1980. – С.113). Само вторжение датируется 974 г. (Стеблин-Каменский, 1980. – С.645).

После заключения мира “расположенные по периметру еллингского королевства (“лагеря”) обеспечивали его безопасность и контроль над окраинными провинциями и торговыми путями⁴⁵³. Крепости располагали мастерскими, кладовыми, они были центрами ремесла, торговыми таможнями, а может быть, и монетными дворами, играя роль экономического регулятора провинции и в то же время – выкачивая из нее продукцию, отчуждаемую в пользу центральной власти” (Лебедев, 1985. – С.88). Однако функции эти, судя по устройству лагерей, были явно не изначальными и, вероятно, недолговечными, т.к. не успели внести изменений в топографическую их структуру. Предполагаемые древнерусские лагеря явно не имели столь обширного (и вообще единого) набора функций, как, впрочем, и строгой, единообразной планировки.

В этом аспекте датские “королевские крепости” больше напоминали лагеря легионеров и зулусские краали, также выполнявшие прежде всего военно-тренировочные⁴⁵⁴ и политико-контрольные функции. Но если римские лагеря были, по сути, просто большими укрепленными, отчасти самообеспечивающимися казармами, то краали зулусов были важными единицами “государственного управления”. Вместо племенного было введено территориальное деление по краалям и приписанному к ним населению (отдаленный аналог “тысячного” деления?)⁴⁵⁵. Тем не менее, любое сходство с зулусским “политогенезом” будет только внешним, вторичным, т.к. сущностные моменты, вплоть до основы хозяйства, социальной организации, правовых традиций и менталитета, а также тенденций развития, здесь изначально иные. Сходство же Дании с Русью вызвано не только близостью исходных позиций и синхростадиальностью, но и, возможно, контактами и взаимовлияниями. Правда, для последней трети X – начала XI вв. свидетельства о них единичны и зачастую не очень достоверны: это свидетельство Титмара Мерзебургского о многочисленных “данах” в Киеве в 1018 г. (Thietmar, 1953. VIII, 32), англо-саксонские пенни из державы Кнута Великого в русских кладах; это также некоторые военные артефакты, например, меч из Любожичей с рукоятью в еллинг-стиле и сходство конструкции укреплений Фюрката и Левенки-I (Шинаков, 1995а. – С.104, 157-159, табл. ХХХII, LV-LVI; 1998 б. – С.317), отмеченное В.Петрухиным, Е.Мельниковой (1993) и Т.Пушкиной (1997); аналогии на Руси датской христианской погребальной обрядности (свечи в камерных могилах)⁴⁵⁶. Но и эти факты тем более поразительны, что источники, в отличие от шве-

дов и норвежцев, не говорят ни о каком участии датчан в делах Руси и даже о контактах с ней. Кстати, и датские викинги, включаясь в королевские дружины, в X в. были полностью задействованы в предприятиях по территориальной консолидации своего государства, его обороне и внешней экспансии.

Полифункциональность “королевских крепостей”, “лагерей викингов Дании” сближает их не с гипотетичными “дружинными лагерями” Руси, а, скорее, с более реальными исходными пунктами “окняжения” присоединяемых к ней территорий – “дружинными погостами” типа Гнездово. Правда, в них, вероятно, наблюдается скорее не концентрация, а микро-пографическая рассредоточенность столь обширного набора функций. С другой стороны, “лагеря викингов” отличаются от “погостов” отсутствием сопровождавших их обширных дружинных некрополей.

Предполагаемые “дружинные лагеря” в последнем отношении занимают промежуточное место между ними. Так, в Шестовицах – всего 200 курганов (Жарнов, 1990. – С.165)⁴⁵⁷, хотя размеры и общее время существования синхронных им поселений не намного меньше, чем в Гнездово (“погосте” (?)) с его 4 000 захоронений, или пограничной крепости Гочево с приблизительно таким же их количеством (3 648, по Сосновскому, 1911. – С.313). Да и Леплява, при пограничном характере этого комплекса и достоверно большей, чем Гнездово, длительности его функционирования, имела всего 1000 погребальных насыпей. Эти факты, особенно для расположенных “в тылу” Шестовиц и Седнева-Сновска (70 курганов), могут отчасти объясняться (как и кенотафы) особенностями функций основной части их населения – дружинников, часто погибавших в дальних походах и захороненных на чужой земле, а не рядом со своими “базами”. С другой стороны, такое объяснение сравнительно небольшого числа захоронений рядом с весьма значительными поселениями как бы увеличивает удельный вес еще одного возможного видового признака “лагерей” – существенного превышения количества погребенных мужчин над женщинами (в Лепляве их соотношение, например, 2,2 : 1 (Шинаков, 1980. – С.100)).

В качестве предварительного итога можно констатировать частичную неадекватность предполагаемых (и весьма немногочисленных, возникших, скорее всего, по конкретным и разным поводам) древнерусских “дружинных лагерей” как датским “лагерям викингов”, так и русским погостам, не говоря уже о типологически, территориально и стадияльно-хро-

нологически более дальних их сородичах (лагерях легионеров и краалях зулусов), хотя и по разным причинам. Их также нельзя выделить и в особый устойчивый тип со стабильными признаками среди предгородских центров Древней Руси X в. Условно их можно поместить на перекрестье признаков таких типов поселений, как “дружинные погосты”, “ОТРП”, пограничные крепости и княжеские “грады”. Первые два типа могли включать “лагеря” в свою поселенческую структуру, последние – отчасти выполнять их функции, не выделяясь топографически.

Важнейшим элементом структурно-типологического анализа в этом случае может выступить исследование их некрополей, особенно “дружинной” их части с социально-ранговой точки зрения. Обряд и инвентарь захоронений при этом находятся в системной взаимосвязи, осложненной нивелирующим воздействием христианства. Так, хотя и на материалах в основном Южной Руси (Моця, Шинаков, Гурьянов, Андрощук), установлено два противоречивых факта по “камерному” обряду захоронения. С одной стороны, по аналогии с Данией и особенно – Швецией, где он контактирует с “королевской дружиной” (Лебедев, 1985. – С.81), он интерпретируется в качестве “рангового” отличия великокняжеских дружинников и членов их семей, т.е. социальной верхушки государства – “руси” (Моця, 1998, 1993. – С.145). С другой – встречаются мужские “камерные” захоронения без дружинного инвентаря (Гурьянов, 1993; Шинаков, 1995 а, г). При этом в Шестовицах, Лепляве и Кветуни, например, типологически, хронологически и этнокультурно схожий инвентарь встречается в погребениях четырех типов обряда – кремациях и ингумациях на горизонте, “камерах” и узких могильных ямах.

Преобладает взгляд на “камеры” как на захоронения военно-купеческого слоя скандинавского происхождения (Жарнов, 1990, например), или разной их принадлежности (“северные” и столбовые “камеры” – скандинавам, “южные” и срубные – “руси” как социально-политической общности, или даже “полянкой знати” (Кирпичников, Дубов, Лебедев, 1986. – С.231)). Подробнее о социальной значимости “камерного” обряда, на Юге Руси⁴⁵⁸, во всяком случае, из работ автора см.: Шинаков, 1995 а. – С.128-140, 144-149; 1995 г).

Предварительные выводы могут звучать так: “камеры” составляют значительный процент среди воинских захоронений либо в крупных центрах государственности (Киев, Гнездово, Тимерево), либо по окраинам

“Русской земли” (Левенка – 100%, Леплява (из определенных захоронений – 2/3 (плюс одна “камера” – женская)), но не в пограничных крепостях на дальних окраинах (в Гочево – около 10%) и не в предполагаемых внутренних “дружинных лагерях” (в Шестовицах – около 18%, в Сновске – 1 “камера”). В Курской волости также встречены “камерные” захоронения, однако они никак не выделяются по инвентарю не только среди воинских (их в Липино нет), но и вообще среди захоронений, хотя их в значительное количество (от 25 до 50% в двух разных, в том числе по времени, группах у Липинского городища) (Засурцев, 1949; Шинаков, 1980. – С.134-139). Итак, в сравнении с другими типами поселений, составлявших “раннегородскую сеть” эпохи образования Древнерусского государства, можно отметить, что предполагаемые “дружинные лагеря” отличаются от “погостов” – опорных пунктов государственной власти (где также была дружина), с одной стороны, и от пограничных “градов” с их постоянными гарнизонами, не столько набор функций и внешних (археолого-топографических) признаков, сколько соотношение, удельный вес и тех, и других. Скорее можно говорить об агломерациях на важнейших по разным причинам и в разное время участках территории. В агломерации (археологические комплексы и гнезда) могли входить структурные единицы различного назначения (собственно погосты, торгово-ремесленные поселения, культурные центры, “лагеря” сменных (наемных) дружин). В данном случае мы имеем в виду не “пары городов” типа Гнездово – Смоленск, Шестовицы – Чернигов, Левенка – Стародуб и т.д., а наличие в комплексах типа Гнездово, Шестовиц, Сарского, Сновска, Левенки нескольких синхронных (или почти одновременных) городищ и селищ с разными функциями, а также связанных с ними культовых и погребальных комплексов.

В динамичном русском политогенезе второй половины X – середины XI вв. неизбежным было изменение функций (или удельного веса тех или иных из них более стабильного набора), что не могло не отразиться, хотя и с некоторым запозданием, и на соотношении значения того или иного составного элемента агломерации, вызывая его расцвет и (обычно постепенный) упадок. Так, в Левенке стан на пути “Большого полюдя”, затем – “дружинный лагерь” для покорения части северян и радимичей (Шинаков, 1987, 1998 б) в XII в. сменяется небольшой укрепленной усадьбой с обширным селищем вокруг, находящейся в 5 км от первого комплекса.

Однако в конце XI – начале XII вв. оба комплекса, вероятно (судя по типологии керамики), сосуществуют, правда, центр тяжести от укрепленной части первого из них постепенно перемещается на “мозаичное” по топографии, “пульсирующее” селище (ОТРП?) в петле р. Вабли (Шинаков, 1995а. Табл. LV; см. также отчеты за 1985 – 1987 гг.).

Параллельно, в 8 км к западу от первого комплекса, в 10 км – от второго, достаточно резко возрастает значение Стадодуба как обычного раннесредневекового города – торгово-ремесленного, административно-фискального и культурно-религиозного центра с традиционной “трехчленной” структурой (см., например: Шинаков, Ющенко, 1993; Коваленко, Шинаков, 1997; Гурьянов, Шинаков, 1998, а также отчеты автора за 1982, 1983, 1985, 1987, 1994 гг., отчеты Ющенко за 1988-1989 гг.).

Стародубское же ополье в целом, как самая северная волость Сновской тысячи “Росии”, затем “Русской земли” в целом, явилось своеобразным “укрепленным районом”, опорной базой Владимира Святого для наступления на земли радимичей, части северян (Кветунь) и вятичей (через Брянск). Об этапах этой экспансии, сопровождавших ее археологических явлениях и артефактах, обосновании дат и направлений походов, мест возможных сражений – т.е. о конкретных проявлениях военно-наступательных механизмов достаточно подробно говорится в книге автора (1995), ряде статей и отчетов о раскопках.

Кроме земель северян, до начала правления в Киеве Владимира Святого, была, вероятно, присоединена к Древней Руси и Волынь. Начало интенсивных экономических связей этой области по Припяти с Поднепровьем, а через него – и с Востоком, датируется, по данным нумизматики, серединой 80-х гг. IX в.⁴⁵⁹ (Фомин, 1993. – С.79). После некоторой лакуны в 40 – 50-е гг. X в., связанной, впрочем, с событиями не на западной, а на восточной границе Руси (с Хазарией) (Фомин, 1995. – С.67, 72), поток восточного серебра по Припяти возобновляется в 70-е гг. X в. (Костомлотский клад на Западном Буге (Там же. – С.68). В этой связи начинает работать и такой, возможно, случайный и изолированный сам по себе факт, как находка в одном из двух больших “княжеских” (?) курганов с трупосождениями в Пинске дирхема Нух бен Насра самаркандской чеканки 952 – 963 гг. (Марков, 1910. – С.24; Кухаренко, 1968. – С.87). В.А.Кучкин, ссылаясь в том числе на данные А.В.Назаренко (в частности, 1990. – С.133-134), считает возможным вообще относить часть Во-

лыни в верховьях Западного Буга, до Карпат и “польских земель” (Кучкин, 1995. – С.95, 96) в состав изначальной “Русской земли”⁴⁶⁰. Но даже если и так, то свидетельствует не об отсутствии на Волыни в середине X в. самостоятельного княжества вообще, а лишь о таком во главе с местной, а не одной из “русских” династий (типа Турда в Турове). Однако, с другой стороны, вряд ли есть веские основания считать возможным существование в X – XI вв. “Туровского княжества, включавшего земли древлян и дреговичей (с Пинском), а какое-то время и Волынь” – преемника не менее могущественного и обширного союза племен во главе с древлянами (Милютенко, 1990. – С.174, 175).

Скорее можно говорить о том, что во время кризиса 40-х гг. или сразу после него некий “русский князь” (в данном случае предводитель варяжской дружины типа “морского конунга”), или основал город, названный в свою честь, и княжество на Припятском пути, соединявшем Волынь и западные границы с “Росией”, либо сделал их, принадлежавших ему при Игоре на “вассальных” (“под рукой”) правах⁴⁶¹, полностью независимыми от Киева. Абсолютно то же самое можно отнести к Полоцку и Рогволоду.

На какое-то время волыняне, даже если они и не хотели восставать против Киева (или русский наместник – объявлять себя независимым), то эта область силою обстоятельств на какое-то время была от него отрезана. Сначала Древлянское восстание, затем реальное правление Олега Святославича в “Деревах” и более гипотетичное, но весьма возможное – Тура-Турда в Турове. В итоге, абсолютно не освещенная летописью до 975 г. полоса борьбы внутри корпорации русских князей и даже в самом роде Рюриковичей с 970 по 975 г., могла разворачиваться по трем сценариям и этапам: захват Олегом или Туром Волыни и всех путей на запад (хорваты же достоверно не были подчинены Киеву; возможная ликвидация соперничавшей с Рюриковичами “русской” династии в Турове еще Олегом; усиление последнего и сознательное провоцирование конфликта с целью завоевания первенства внутри правящего рода (убийство Люта (Мстиши?) Свенельдича в 975 г.). Возможен иной вариант усиления власти Олега (в “обход” Турова) – за счет овладения непосредственно им землей волынян и установления компромиссных отношений с местной “нерусской” знатью”⁴⁶².

§ 2. “Гражданские войны” 977 и 980 годов в государствообразующем аспекте

В свете целей и механизмов объединительной политики трех сыновей Святослава, убийство одним из них (Олегом) Люта Свенельдича воспринимается лишь как повод к небезызвестному конфликту в борьбе за власть, расширение “податного поля”⁴⁶³ и торгово-политических путей на запад. Являлась ли причиной убийства Люта (был ли он при этом еще и Мстишей – Мстиславом (Щавелев А., 1998) или нет, в данном случае не суть важно) месть за Святослава родственникам Свенельда (Фроянов, 1994) или это был случайный конфликт на границе охотничьих угодий, был ли при этом Лют ловчим Ярополка (Топоров, 1988. – С.251-252) или законным претендентом на земли, пожалованные его отцу еще Игорем (Котляр, 1989. – С.148), в данном контексте – частные вопросы⁴⁶⁴.

С другой стороны, власть Ярополка, по данным археологии и нумизматики, расширялась на восток за счет укрепления суверенитета над Черниговом и зависимыми от него землями (возможно, и на восточной оконечности пути с Вольни – “Боспоре Киммерийском”, “Меотиде”) и завоевания части северянских земель по среднему и верхнему Пслу, верхнему Сейму. Если Олег, присоединив Туров, перекрывал Ярополку путь на запад, или последний, владея Днепром, – путь на восток, это уже могло служить причиной неизбежного столкновения. Однако для борьбы между близкими родственниками, в силу господствовавшей этики, требовался убедительный *casus belli*; найти его для обеих сторон было делом времени. То, что обе стороны готовились к решающему столкновению, говорит, возможно, иначе необъяснимая “оперативная пауза” между убийством Люта и началом военных действий (с 975 до 977 г.). Если учесть под этим углом зрения возможный контакт Ярополка с папством (Толочко П., 1987. – С.69) и полоцким князем Рогволодом, то для Олега вполне естественными, а в случае владения Вольнью и торговым путем – даже неизбежными, были тесные отношения с Болеславом II Жестоким, или с Хорватско-Зличанским княжеством. Как бы то ни было, путем чуть ли не ритуального сражения полками (ПСРЛ. Т. II. Л.29 об) “вшед Ярополк в город Олгов и прия волость его”, а затем, после бегства Владимира “за море”, “посади посадник свои в Новгороде и володея един в Руси” (ПСРЛ. Т. II. Л.30) (т.е.

Русь – Киев – Древлянская земля, Новгород и, возможно, Чернигов и Волынь). Поведение Владимира необъяснимо, если принять версию о случайности конфликта Олега и Свенельда, вызванного либо сведением личных счетов, либо пограничным спором. С другой стороны, оно вполне понятно в случае возможного союза Олега и Владимира против Ярополка и понимания Владимиром конечной цели последнего – стать “самодержцем” не только над Русью, но и над своим родом⁴⁶⁵. Таким образом, результатом этого этапа борьбы стало не расширение границ Руси, а изменение (как оказалось, временное) формы правления внутри нее. В том же контексте (усиление концентрации власти) можно расценить и попытку династического союза Рюриковичей и полоцкого дома Рогволода (Рогнвальда), начатую Ярополком и доведенную до конца Владимиром. К этому моменту можно с наибольшей долей вероятности отнести и присоединение Турова (если только еще ранее с этой задачей не справился другой Рюрикович – Олег).

По нашему представлению, момент столкновения между Рюриковичами назрел тогда, когда каждый из них смог подчинить “свободные” земли к востоку и юго-востоку от Киева, западу и северу от Вручия, во всех возможных направлениях от Новгорода⁴⁶⁶ (земля белых хорватов, скорее всего, входила в состав “империи” Болеслава II Жестокого непосредственно или через Зличанско-Хорватское княжество⁴⁶⁷. Полоцкое княжество Рогволода⁴⁶⁸, зажатое между Новгородом, где “сидел” Владимир, и Туровом (в том случае, если он уже принадлежал Олегу), могло ориентироваться (что и было в реальности) на Ярополка Киевского. Спорными между четырьмя (а то и пятью, если Туров еще сохранял в 975 г. независимость) князьями оставалась земля радимичей, возможно, Смоленск (наиболее реально – между Владимиром и Рогволодом). Не поделенной между Ярополком и Владимиром, в силу, вероятно, ее отдаленности и возможного сохранения связей с Волжской Болгарией и осколками Хазарии на Волге, оставалась земля вятичей. Что касается Ярославского Поволжья и центра мерянских земель – котловины озера Неро с Ростовом, то, по данным археологии, они в это время однозначно и прочно принадлежали Руси⁴⁶⁹. Но вот кому из Рюриковичей – Ярополку или Владимиру, либо какому-то неизвестному по имени “русскому князю”, возможно, не из рода Рюриковичей – неизвестно. Летописные данные методом “от обратного” склоняют, скорее, в пользу последнего предположения⁴⁷⁰. Но даже и в этом

случае новое “троецентрие” Руси⁴⁷¹ явно пошло ей на пользу, заставив трех Рюриковичей максимально использовать местные ресурсы⁴⁷², искать новые формы взаимоотношений с “племенной” знатью, отыскивать союзников за рубежами Руси.

В чисто военном отношении превосходство должно было быть за Ярополком, в чьем основном распоряжении оказались ветераны балканской кампании Святослава во главе со Свенельдом⁴⁷³. Олег и Владимир могли противопоставить этой силе и, очевидно, наибольшей агрессивности Ярополка (большую дружину нужно было содержать)⁴⁷⁴ договоренность с “нижним уровнем” власти (бывшим – у древлян, реальным и действенным в Новгороде). Кроме того, вполне вероятен союз между собой (в противовес планируемому династическому альянсу Ярополка и “дома” Рогволода) и, главное, – внешняя (по отношению в Руси в целом) поддержка.

Международная ситуация в Центральной, Северной и Восточной Европе 70-х – начала 80-х гг. X в. обрисована на основе латиноязычных источников А. Назаренко (1993; 1994. – С.99-121; 1996. – С.22-31). Не претендуя на дополнение и попытки оспорить достоверность самих фактов, считаем возможным высказать сомнение в степени информативности и интерпретации некоторых из них. Соглашаясь с А. Назаренко в главном: Русь в это время оказалась в гуще международных связей, отметим некоторые частные разногласия.

1. Нельзя для периода 972 – 977 гг. говорить о Руси в целом в плане международных союзов: они, вероятно, должны быть разнонаправленными для трех (а то и четырех, включая Рогволода) князей.
2. В этой связи не очень убедительно звучит мысль о том, что причиной, заставившей Болеслава II в 977 г. пойти на мир с Оттоном II, был династический союз последнего с Ярополком, точнее “Русью” (Назаренко, 1994. – С.118) сам по себе. Даже отдаленные восточные границы “империи” Болеслава (а не собственно Чехию, где велись боевые действия против немцев) отделяло от владений Ярополка княжество Олега, союзное, как отмечает сам Назаренко (и в чем мы с ним полностью согласны), Чехии (1996. – С.25)⁴⁷⁵. Ситуация здесь более сложная.
3. Вряд ли есть необходимость объяснять поход 981 г. Владимира на Червенские грады необходимостью для него выполнения союзных обязательств перед Германией, “по наследству” перешедших к нему

от Ярополка, и смещать для этого дату похода на 979 г. (Назаренко, 1996. – С.25), для чего нет веских оснований в ранних летописях. Вполне достаточно наличия у Олега и Владимира союза с Чехией, у которой как раз на рубеже 70 – 80-х гг. X в. Мешко I отобрал Краковскую землю (Buczek, 1959), и поход Владимира на “ляхов” преследовал как свои цели (восстановление связи с Чехией через Малую Польшу), так и выполнение союзнических обязательств (своих, а не побежденного и убитого Ярополка). Если не принимать точку зрения Бучека о потере Чехией Кракова именно в то время, а, согласиться с Козьмой Пращским, что это случилось позднее, уже при Болеславе Храбром, то, возможно, именно поход Владимира и его последующая поддержка Болеслава II Жестокого против германо-польской коалиции привели к провалу попыток Мешко I присоединить Краков к Польше (Успенский, 1873. – С.187-188).

Комплекс сведений: от участия послов Руси на Кведлинбургском соборе 973 г., до планируемого брачного альянса Ярополка с дочерью “знатнейшего графа Куно из Швабии” от дочери Оттона I (Назаренко, 1994. – С.102, 104, 113), и также, возможно, сопоставимых с генеалогией Вельфов сообщений Никоновской летописи и Иакова Мниха: “в седьмое лето Ярополка придоша послы из Рима” (с корректурами в 979 г. и дополнением “от папы” (ПСРЛ. Т.IX. – С.89; Зимин, 1963. – С.72), при всей уязвимости по разным причинам отдельных его составляющих, в целом, вероятно, верно отражает выбор союзников князем Ярополком.

Не исключена и заинтересованность Польши в этом князе, естественным врагом Олега – союзника Чехии, постоянного противника Пястов, во всяком случае, в условиях польско-германского сближения. Последнее возможно после мира 973 г. с Оттоном I. Участие Польши в чешско-баваро-датской коалиции против только что взошедшего на престол Оттона II слабо аргументировано источниками⁴⁷⁶, но если даже было и так, то до второго брака Мешко I и Оды Саксонской, произошедшем либо в 977 – 978 гг., либо (по Назаренко) – в 979 – 980 гг. Впрочем, реально ценным союзником для Польши Ярополк мог стать только после его победы над Олегом, что, с другой стороны, снимало для него необходимость такого союза⁴⁷⁷. Что касается договоренностей с печенегами, то о них нет сведений до 980 г. Кроме того, в силу низкой политико-правовой культуры “чистых” кочевников, каковыми были печенеги, а также наличия у них раз-

ных орд (Плетнева, 1990. – С.12-13; Константин Багрянородный..., 1991. – С.155, 157), какой-либо предварительный “союз” с ними имел малую цену. Возможны хорошие с ними отношения, перешедшие “по наследству” к Ярополку от черниговских “династов” либо правителей северянских постарных образований.

Реальных доказательств союза и Олега, и Владимира с Чехией больше. Это и прямые (для последнего) и косвенные (для первого) данные об их династических браках с чешскими принцессами (Назаренко, 1994. – С.121; 1996. – С.25; ПСРЛ. Т.1. Л.25 об), и сведения о восточных границах созданного в 973 г. Пражского епископства (Козьма Пражский, 1962. – С.181). Последнее, безусловно, включает Волынь и земли белых хорватов, хотя необходимо считаться с тем, что документ, восходящий к 1086 г., может оказаться неточным или неподлинным (Назаренко, 1994. – С.114).

Чешская церковь, в обмен на свободу миссионерской деятельности и даже ее поддержку, могла закрыть глаза (а то и благословить) браки чешских принцесс с князьями-язычниками⁴⁷⁸. Полоцк (и его протогосударственно-городская община, возникшая задолго до появления Рогволода)⁴⁷⁹, вероятно, так до конца борьбы и не определил однозначно свою позицию, судя по почти одновременному сватовству к Рогнеде и Ярополка, и Владимира (ПСРЛ. Т.1. – С.23 об, 24). После победы Ярополка над Олегом и – временно – Владимиром, единственным вариантом для Полоцка сохранить самоуправление и свою династию было “породнить” ее с Ярополком и, возможно, признать последнего сюзереном, поступившись частью суверенитета и, вероятно, дани.

Владимир, как князь Новгородский, вполне естественно избрал иное направление внешнеполитических связей (возможно, наряду с “чешским”), особенно после “выхода из игры” Олега и потери значимости возможных договоренностей с Болеславом II Жестоким. Как известно, он бежит “за море” и приводит “варягов”, но откуда именно и каких варягов, летопись не уточняет (ПСРЛ. Т.1. Л.23 об). С учетом внутреннего развития стран Скандинавии и международной ситуации середины – конца 70-х гг. X в. наиболее вероятным местом, где Владимир мог найти убежище и получить помощь, нам представляется Дания. Действительно, ему необходимо было в короткие сроки и не располагая, вероятно, наличными деньгами, набрать значительное, достаточное для начала борьбы с фактическим “самодержцем” Руси Ярополком, войско. Для того чтобы осуществить

такой процесс, необходимо было, как минимум, получить “мир” – разрешение на пребывание в стране от ее правителя (Джаксон, 1994. – С.107). И, максимум, – его помощь, в том числе, вероятно, и гарантии оплаты услуг наемников и, возможно, даже предоставление некоторого количества “королевских войск” (hirdmen). Такую помощь (и с охотой) мог оказать Владимиру в те годы только Харальд Синезубый. Он располагал после окончания войны с Оттоном II значительными контингентами подготовленных воинов, часть которых, вероятно, все еще проживала в “королевских крепостях” и находилась на содержании Харальда. Некоторые же вольные дружины викингов могли попытаться “трудоустроиться” самостоятельно, но при санкции датского конунга и в его интересах. Главный же его интерес (до начала массовых походов в Англию при Свейне Виллобородом) находился на датско-германо-“вендском” пограничье, где, вероятно, именно в связи с вышеуказанными обстоятельствами, возникает Йомсборг – полунезависимый “дружинный лагерь” – “город” викингов. Да и само это пограничье с виком Хедебю было естественной зоной концентрации как скандинавских, так и “вендских” пиратов⁴⁸⁰ – возможным объектом деятельности эмиссаров Владимира по вербовке наемников⁴⁸¹.

Сам Харальд, несмотря на то, что датская граница была укреплена не столько “Датским валом” и крепостями, сколько созданием “буферных” славянских княжеств (Вендское княжество Бурицлейва), находившихся отчасти под контролем и защитой датчан через Йомсборг, вряд ли мог полностью сбрасывать со счетов германскую угрозу и простить Оттону проигранную Данией войну. Зафиксированные источниками действия “вассалов” Харальда против тогдашнего союзника Германии – Польши, отчасти подтверждают эту мысль (имеется в виду уже упомянутое нападение йомсвикингов на Волин – Западное Поморье, тогда принадлежавшее Польше (Щавелева, 1987. – С.34)). Удар по Ярополку, хотя и отдаленному, но все же союзнику Германии, тоже вряд ли мог идти вразрез с планами датского конунга.

В итоге и внешнеполитические интересы, и необходимость избавиться от излишнего количества находившихся на его содержании дружинников и викингов, логически могли подталкивать Харальда воспользоваться ситуацией⁴⁸². Дальнейший же ход событий отчасти подтверждает эти предположения. В борьбе с Ярополком Владимир нанес удар прежде всего по его союзникам (реальным и потенциальным) – Полоцку, а затем (сразу

после захвата киевского престола) – Польше (ПСРЛ. Т. I. Л. 24, 26). В последнем случае, если его датировать все же 981 г., он мог фактически совпасть по времени с нападением йомсвикингов на Волин (Петрухин, 1985. – С. 251). Владимир, однако, ограничился этим успехом, не позволив себе в дальнейшем увязнуть в слишком “большой”, имперского плана, политике, обратив свои войска, в том числе и скандинавско- (“вендскую”?) их часть, на решение внутренних вопросов – завершение территориального объединения государства и его консолидацию.

В этой связи не столь уже необоснованными, вероятно, могут выглядеть предположения об участии тех же датчан (в том числе и “hird” в кампаниях против радимичей и вятичей в качестве инструмента данного (военно-организационного – подтип II; 3 “в”, “г”) механизма институционализации раннегосударственной власти. Действительно, в Южной Руси скандинавские древности (как, впрочем, и предполагаемые “дружинные лагеря” – кроме Белгорода и, возможно, Плисненска на Вольни) (Моця, 1993. – С. 88) концентрируются, в основном, на Левобережье Днепра (Андрощук, Зоценко (в печати), Андрощук, 1999).

В свете возможного участия именно датчан (или зависимых от их конунга викингских дружин) несколько по-иному проявляется летописное сообщение 980 г. о раздаче “градов” некоторым, наиболее “добрым, смысленым и храбрым” из варягов (ПСРЛ. Т. I. Л. 26) и контаминированные с ним, хотя и немногочисленные⁴⁸³, археологические и топонимические данные.

Разделим аргументацию на две части: этническую и социально-ранговую. Отметим достаточное количество предметов с орнаментацией в еллинг-стиле, датируемых не только периодом его бытования, но и более поздним (первая половина XI в.), когда в Дании он был уже изжит. Рукоять меча из Монастырища (Любожичи) (Тизенгаузен, 1871. – С. 176, табл. XIV; Кирпичников, Дубов, Лебедев, 1986. – С. 254, табл. 22, рис. 88; Шинаков, 1995а. – С. 104, табл. XXXIII), кроме того, изготовлена в той из стран Скандинавии, которая имела наиболее тесные контакты с Англией, т.к. ее еллингский стиль был осложнен англо-саксонскими декоративными элементами (Wilson, Klindt-Jensen, 1966. – P. 116-117, tab. XVI, XVII a; Кирпичников, Дубов, Лебедев, 1986. – С. 284). Это могла быть либо Дания, либо Норвегия – но последняя входила в державу Синезубого и по данным саг, и по надписи на руническом камне из Еллинга, синхронной (между 980 и 986 г.) описываемым событиям: “...Я,

Харальд, завоевал всю Данию и всю Норвегию и обратил всех датчан в христианство” (Викинги..., 1996. – С.36). Покрытое резьбой в еллинг-стиле костяное изделие из Седнева (Сновска) является, вероятно, частью обломанного остроконечника – детали скандинаво-дружинного быта (Шинаков, 1995а. – Табл. XLVIII: 17). И, наконец, стандартные, хотя и единичные и широко разбросанные медальоны из плохого серебра – женские привески с изображениями кусающего свой хвост (или, по крайней мере, с развернутой назад головой) животного, напоминающего дракона. Они встречены в Гнездово вместе с другими скандинавскими “геральдическими” бляшками (ворон-орел, маскароны Одина (?), а также “плетения из грызущихся животных” и т.д. (Толстой, Кондаков, 1897. – С.62-64, рис.61) в кладе 1868 г., включавшем разноэтничные по происхождению вещи (по монетам – вторая половина – конец X в. (Там же. – С.61-62). Кроме Гнездово, они найдены в радимичских курганах русско-радимичского этно-культурного пограничья начала XI в. (Ляличи, Митьковка (Архив ИИМК, 1891/50; ГИМ, № 32884, 121, опись 688; БОКМ, № БОМ 2604), в Саркеле, Гочево (Шинаков, 1982. Рис.Д), Белгородке-Николаевке на Псле (ГИМ, № 76990), возможно, на Свапе, притоке Сейма (Студзенец-Голубовка; судя по описанию автора, “медальоны с тератологическим орнаментом” находились в захоронении на горизонте с типично радимичским инвентарем (Сперанский, 1894. – С.264). Найдены также во Владимирской обл. (5 курганных групп), Ярославской (одна), Ленинградской (две группы) и Смоленской (3 группы, не считая Гнездово) областях (Успенская, 1967. – С.126). Во “владимирских” курганах и у с. Исаево Ленинградской области они “обнаружены при захоронениях по обряду трупосожжений” (Успенская, 1967. – С.106) в трех случаях, когда в кладах их сопровождали монеты, последние относились к середине X – началу XI вв.⁴⁸⁴ Несмотря на отнесение их к “предметам скандинавского импорта” (Там же), в самой Скандинавии их точных аналогий нет, хотя и стиль, и семантика изображения уходят корнями именно туда (Kivikoski, 1951. – S.11).

Вряд ли возможно говорить об их скандинавском производстве хотя бы потому, что во время их бытования (конец X – начало XI в. в основном), там уже господствовал новый стиль – “Маммен”, проявившийся впервые уже на руническом камне Харальда Синезубого, эмблема которого, в основном, еще выполнена в стиле еллинг (Викинги..., 1996. – С.83).

Нетрудно также заметить, что медальоны с “дракончиками” (?) в основном обнаружены в рядовых сельских захоронениях “племенного” облика, расположенных либо вокруг крупных дружинных центров (Гнездово), либо в регионах, откуда при Владимире Святом могло начаться “последнее” наступление на земли части северян, радимичей, вятичей (Средний Псел и Сейм, окраины Стародубского ополя, Смоленское Поднепровье, Ярославское Поволжье и Владимирское Поочье) (об идее “концентрического” наступления: Шинаков, 1995а. – С.73-75, 77-79). Кроме того, это были, очевидно, внутренние (например, русско-радимичское (Шинаков, Гурьянов, 1994) и внешние (со Степью – Гочево, с финскими племенами и Волжской Болгарией – “владимирские” курганы) пограничья. Примечательна “пограничность”, а иногда и совпадение некоторых этих регионов с пунктами и временем наибольшего распространения “камерного” обряда захоронения. Зародившись в Центральной Швеции (Свеаланде) еще в вендельскую эпоху (Петрухин, Жарнов), в Дании этот обряд, попавший сюда, вероятно, в период временного владычества шведов в Хедебю (90-е гг. IX в. – 934 г.) (Гуревич, 1966. – С.117; Лебедев, 1985. – С.80), переживает свой новый расцвет с середины X в. как под влиянием социальных сдвигов⁴⁸⁵ (появление hirdmenn'ov (Лебедев, 1985. – С.81), так и (причем, именно здесь в первую очередь среди стран Скандинавии) распространения христианства. Учитывая, что район наибольшей и ранней в Дании концентрации подобных захоронений (Южная Ютландия с Хедебю) был в 934 г. захвачен Генрихом Птицеловом (Гуревич, 1968. – С.117), его потенциальные “носители” также надолго могли оставаться не у дел, влиться в дружины Горма (Лебедев, 1988. – С.86) и Харальда, отправиться на Русь.

В качестве очень осторожной гипотезы можно выдвинуть предположение, что стандартные украшения со скандинавской семантикой восходят к опознавательным знакам королевской дружины Харальда (или ее непосредственного предводителя⁴⁸⁶, ибо сам конунг имел хотя и схожую, но иную эмблему (лев, перевитый змеей (Викинги..., 1986. – Рис. на С.83). Впрочем, наводит на размышление факт преимущественного их происхождения из “северских”, в основном женских, погребальных комплексов Юго-Восточного региона в целом (трофеи – дары женам (?), либо свидетельство присутствия скандинавов в военно-политической верхушке Юго-Востока)⁴⁸⁷.

Не углубляясь в психологию элитных коллективов, тем более в чуждом окружении, отметим хорошо известное по синхростадиальным этнографическим параллелям наличие для них общего тотема, символа, эмблемы⁴⁸⁸. Дракон, “мировой змей”, волк – кто бы ни был изображен на неясных по семантике бляшкам, был ничем не хуже других “геральдико-тотемических” фигур. Их подобия имеются и на синкретичных по происхождению и иконографии изображениях оковки турьего рога из “Черной могилы” (третьей слева и второй справа фигуры на развертке фриза по изд.: Толстой, Кондаков, 1897. – Рис. 15)⁴⁸⁹. Если эта эмблема могла быть символом корпоративного единства коллектива, то внутреннюю дифференциацию (по доблести, опыту, количеству подвигов) по восточноевропейской моде могли отражать наборные болгаро-аланские пояса (Плетнева, 1989. – С.280; Моця, 1993. – С.82; Шинаков, 1995а. – С.127-128), возможно, связанные также с хазарским (Петрухин, 1995а) или венгерским (Laslo, 1955) воинским ритуалом.

Составляя “добрую, смысленую, храбрую” (ПСРЛ. Т. I. Л. 25) часть варяжских наемников Владимира, к тому же, вероятно, не полностью, в отличие от “вольных дружин”, независимых в своих действиях, они были поставлены в ключевых пунктах “государственного освоения”, “окняжения” племенных земель. Геральдические символы этих дружинников могли каким-то образом перейти на украшения их жен или наложниц, далее вызвали “престижные” подражания, потеряли первоначальную смысловую нагрузку (мировой змей – Ермунгард?) и т.д. Объяснимо и попадание подобных медальонов обратно в Скандинавию. Конечно, здесь много неясного, но иного объяснения непонятной схожести разделенных сотнями километров находок в разноплеменных курганах, тем более с “неместной”, но устойчивой символикой, подыскать трудно. В этом контексте, возможно, не является случайностью схожесть конструкции укреплений⁴⁹⁰ стана – “дружинного лагеря” Левенка под Стародубом и крепости Харальда Фюркат (Шинаков, 1995а. – С.158, табл. LV), потерянный в бою под стенами Любожичей – Монастырища датский парадный меч. Несколько по-новому в этой связи может выглядеть и летописное сообщение о религиозных преследованиях варягов-христиан, помещенное под 983 г. (ПСРЛ. Т. I. Л. 26 об): именно в датской королевской дружине могли быть более-менее убежденные адепты новой религии, ибо только Харальду в Дании удалось ввести ее за 20 лет до описывае-

мых событий (Стеблин-Каменский, 1980. – С.645; Ресдаль, 1986. – С.135) на государственном уровне⁴⁹¹.

На социально-ролевом уровне присутствие королевских дружинников объясняет появление на рубеже X – XI вв. неславянского термина “гридь”, который не относился к варягам-наемникам⁴⁹². Присутствие их не только в качестве профессиональных воинов, но и советников⁴⁹³ великого князя может объяснить весьма продуманные операции по завершению объединения и территориально-политическому переустройству страны. Ведь к Владимиру, в случае такого допущения, попали непосредственные участники только что завершённой аналогичной деятельности Харальда в Дании. Отсюда и сходство конструкции укреплений “дружинных лагерей”, и общий замысел укрепленных пограничных линий против печенегов, в Европе того времени имевший предшественников лишь в Дании (Кограбен, Даневирке). Нельзя исключать и влияния чешских советников двух жен Владимира. В Чехии Болеслав II завершил длившееся уже 100 лет объединение племенных княжеств. Возможно, строительство градостроительных сооружений вокруг Киева, помещенное в летописи под 988 г., – не только аналог, но и прямая попытка заимствования “градской системы” дружинного государства в Чехии, тогда как идея “лагерей” и общегосударственной системы укреплений могла возникнуть под влиянием датского государственного опыта. Переселенческая же политика начала действовать сразу по возвращении Владимира из Византии и начала христианизации страны, действия Владимира выглядят чрезвычайно продуманными, решительными и в то же время осторожными⁴⁹⁴. Он воссоединяет только те земли, которые входили в державу Игоря⁴⁹⁵, стараясь не затрагивать “чужого” (во внешнеполитическом плане), в отличие от своего отца. В некоторых случаях, на спорных и не имеющих “хозяина” землях также происходит как бы “проба границ” (поход на ятвягов в 983 г., на Волжскую Болгарию в 985 г.). Встретив сильное сопротивление и, очевидно, не желавшую подчиниться Киеву сформировавшуюся структуру, Владимир вовремя останавливался, не давая себе увлечься “имперской” химерой. Этим, возможно, объясняется и знаменитая фраза летописи о невозможности покорить болгар, которые ходят в сапогах⁴⁹⁶ (ПСРЛ. Т. I. Л. 27).

§ 3. Механизмы консолидации "сложносоставного" государства и его трансформация в "раннее" "дружинной формы"

При Владимире внимание удалялось не столько "завоеванию" земель (это уже происходило неоднократно), сколько их закреплению. Для этого использовались уже не военные методы (хотя крепости-погосты на захваченной территории, типа Кветуни под Трубчевском, имели место). Какие именно? На первом плане явно видна попытка легитимизации новой власти в бывших "племенных" землях на основе соблюдения старых, привычных норм и традиций. К этим методам, вероятно, вынужден был прибегать Владимир еще в ходе борьбы с Ярополком, не располагая, как последний, "отней дружиной". Возможно, прежде всего в свете этих задач нужно рассматривать создание языческого "пантеона" в Киеве, а также матримониальные мероприятия князя. О них следует сказать особо, и именно в сравнительно-историческом аспекте. Возможно, летописец упоминает 800 наложниц Владимира и его "женолюбие", чтобы по принципу контраста оттенить значение его последующего христианского, апостолического подвига. Конечно, летописец напрямую заимствовал и текст, и смысл в "Книге Царств", сравнивая Владимира с Соломоном, также "женолюбом", имевшим "жен 700 (800) и наложниц 300", и также "покаявшемся" и осознавшим "зло бо есть женская прелесть" (ПСРЛ. Т. I. Л. 28 об.). Несомненно использован сам факт, оттенявший наиболее наглядно контраст между Владимиром-язычником и христианином, число жен Соломона также совпадает с количеством наложниц Владимира. Однако указание летописца на точные места их размещения (Вышгород, Белгород, Берестов) наводит на мысль о реальной подоснове литературно-нравоучительного пассажа. Вполне вероятно, что отбор наложниц в княжеские грады и села имел то же значение для внутренней консолидации государства, какое династические браки означали для налаживания внешних связей. Мы имеем в виду механизмы институционализации власти через брачные связи. Однако вопрос этот чрезвычайно спорный и фактически не обеспечен для Руси источниковой базой, что делает любые сравнительно-исторические реконструкции слишком рискованными.

В контексте этого типа механизмов институционализации власти "офи-

циальные" жены Владимира выглядят как средство легитимизации и концентрации, монополизации его власти как внутри рода Рюриковичей, так и "корпорации" "русских князей" в целом. То есть, если "наложниц" воспринимать как один из вариантов, способов налаживания и укрепления отношений между "верхним" и "нижним" уровнями власти, то "жены" представляются таковыми же "методами" для первого из них⁴⁹⁷. Кроме того, такой механизм мог косвенно предотвращать возникновение горизонтальных связей между еще, вероятно, сохранявшимися к 980 г. "местными" правителями "нижнего" уровня власти.

Эти же цели – консолидацию государства на старых основах и легитимизацию его территориально-политического центра, "столицы" преследовала, возможно, и языческая "реформа" Владимира. При этом не суть важно, оказывалась ли "племенным" богам-идолам особая честь, и они приравнивались к киевским и дружинным, либо они оказывались на положении своеобразных сакральных заложников.

Судя по летописным данным, логике и последовательности обозначенных ими событий, такие механизмы использовались для закрепления тех земель (и легитимизации там власти Владимира), которые ранее были уже включены в состав княжеств трех Рюриковичей, или были присоединены в ходе войны 980 г. Далее снова действуют механизмы завоевания, но уже иного варианта: "центр остается в старом ядре, в новых землях уничтожаются старые структуры управления, назначаются наместники центра". Реализация второй части "формулы" этих механизмов дана не в статьях 981 – 986 гг. о походах на "Червенские грады", вятичей, ятвягов, радимичей, волжских болгар, а подробно описывается в конце статьи 988 г. Если первые традиционно повествуют о возложении дани, "яко же и отец его имяше" (ПСРЛ. Т. I. Л. 26) или захвате "колодников" (при той же, но не достигнутой цели – дани) (Там же. – Л. 27), то в последних говорится о новой системе управления. Везде правили только Рюриковичи, в данном случае – только сыновья великого князя⁴⁹⁸. Дань с земель была поделена в той же пропорции, что установила Ольга с древлян: 1/3 лично князю и его "гридям", 2/3 шло "к Киеву" (ПСРЛ. Т. I. Л. 44 об.). Сохранялись, вероятно, земли, находившиеся в непосредственном управлении Владимира и его бояр – бывшая "Росия", будущая "Русская земля" с Киевом, Черниговом, Переяславлем, пограничные со Степью земли на Суле, возможно – Волынь (если только она не входила во владения Туровского или "Деревского" князя-наместни-

ка) и Ладога с округой⁴⁹⁹. Скорее всего, под непосредственно “столичным” управлением (через бояр-воевод, посадников) находились только что присоединенные вятичи и радимичи. Во всяком случае, последние и в начале XII в. платили дань непосредственно “Руси” и сами “везли повоз”, минуя посредническое звено в лице князя-наместника (ПСРЛ. Т. I. Л. 27). Вероятно, тем землям и городам, которые привыкли к “своей” княжеской власти, князья предоставлялись, но уже только из Рюриковичей, а на центр, вновь завоеванные Владимиром и стратегически важные в тот момент окраинные земли распространялась власть и право полного сбора дани непосредственно великого князя. Для закрепления “домениальных” территорий и создается “градская” система. “Грады” ставятся по периметру “Росии” (по Стугне, Трубежу, Остру, нижней Десне), возможно, в Среднем Подесенье, разделявшем северян, вятичей, радимичей и кривичей, и на вновь создаваемой степной границе на Левобережье (ПСРЛ. Т. I. Л. 42). Налицо внешняя аналогия с подобными же явлениями, имевшими место при создании “классических” дружинных государств: Чехии раньше Руси, Польши и лишь отчасти “дружинной” Венгрии (“кастелянская система”) – позже ее. Функции градов – размещение части дружины, ее кормление, контроль и управление прикрепленными к граду землями, сбор с них налогов, предоставление “убежища” верховному правителю во время его объездов страны, выполнение в это время судебных обязанностей (Галл Аноним, 1996. – С. 338, 341 и др.; “Великая Хроника...”, 1987. – С. 67; Козьма Пражский, 1962. – С. 88; Тржештик, 1987; Жемличка, Марсина, 1991). Эти грады, особенно “пограничные”, являлись одновременно и “сторожевыми крепостями” (“Великая Хроника...”, 1987. – С. 67). В первом (административно-фискальном) смысле эти славянские грады сближаются с датскими “королевскими крепостями” во время их “вторичного использования”, с точки зрения Г. Лебедева (1985. – С. 88-89). Однако последние, как мы уже выяснили, в этой своей ипостаси имеют на Руси другой аналог – “погосты”, “станы”, отчасти предполагаемые “дружинные лагеря”. Первоначальное же значение “града” – это резиденция князя либо центр властвования в целом, символ “волоости”, государства на своей территории (“всташа град на град”, по НПЛ. 1950. Л. 29 об.) “и прия власть и раздал грады мужем своим” (ПСРЛ. Т. I. Л. 7), “Рускыя грады... по тем бо городом седяху великие князья под Олгом суще” (Там же. – Л. 15 об.), “Вьши-город град Вользин” (Там же. – Л. 17). Имеют “грады” и “местные” княжества, в них сидят причастные к управлению “старейшины града” (Там же. –

Л.16-17), как верно, вероятно, заметил И.Фроянов, “занимавшиеся гражданскими делами” и отличавшиеся этим от “князей и их сподручников бояр, профилирующихся прежде всего в области военной”⁵⁰⁰ (1974. – С.32). Таким образом, “грады” для IX – X вв. – прежде всего административные центры на “своей” (в том числе, например, для древлян) территории, в отличие от “погостов”, “становищ”, находившихся среди хотя и подчиненных, но особых, зачастую враждебных или только что покоренных потестарно-политических организмов. В последнем аспекте “погосты” близки франкским опорным пунктам на завоеванных Саксонских землях, существовавших, как и “погосты” Руси и “королевские крепости Дании, лишь короткий период – утверждения государственных порядков (Mruzek, 1965. – S.9; Рыер, 1997. – С.225), с “погостами” их сближает и отделяет от “королевских крепостей”, “лагерей викингов” небольшие (0,5 га) размеры укрепленной части (Рыер, 1997. – С.225).

“Грады” создавались Владимиром прежде всего на пограничье “своей” и “чужой” территорий, и уже в силу этого должны были иметь в том числе и военно-оборонительное значение. От более ранних “градов” они могли перенять, вероятно, юридический статус (принадлежность князю, но и свои органы самоуправления) и право на власть и часть дани с закрепленных за ними волостей. Явное преобладание военных функций у градов, возникших в последние 20 лет X в., что отразилось и в мощности укреплений (Белгород, Воинь, Витичев, Переяславль), и в единовременности и скорости их сооружения, заставляет искать их аналоги (как и пограничных линий в целом) в государствах, постоянно, или кратковременно, но интенсивно, выполнявших функцию внешней обороны. В последних аспектах Русь могла использовать датский, но прежде всего – многовековой византийский опыт. Ситуация, вынудившая Владимира к попыткам его использования, могла сложиться в середине 80-х гг. X в., после завершения в основном объединительных войн. С точки же зрения межплеменной интеграции существенно не военно-оборонительное назначение “градов”, а способ их “населения”: “поча нарубати мужи лучшие от Словен, и от Кривич, и от Чуди, и от Вятч и от сих насели грады” (ПСРЛ. Т.1. Л.42). Важен не отбор летописцем территорий, был ли он случаен или сознательно им определен, отражал ли их владельческую принадлежность. По данным археологии, к нему однозначно следует добавить, по крайней мере, радимичей (Шинаков, 1980 а, б, 1982, 1991; Моця, 1987, 1993).

Важная категория переселяемого населения: военная или родовая аристократия “местного” происхождения. Причины этому могли быть разные – от простого наемничества утративших свои привилегии и привычные источники существования военных-профессионалов и плена (как “ляхи” при Ярославе, поселенные на р. Рось), до выполнения общенародной функции – привлечения всех сил нового государства к обороне его в данный момент наиболее опасной границы. В промежутке находится точка зрения П.П. Толочко – о попытке таким образом приобретения Владимиром на враждебном ему Юге “своих людей” с Севера (1987. – С.51). Нам представляется здесь осязаемое влияние византийско-болгарской практики искусственного “перемещивания” разнотничного населения путем переселения на противоположный конец государства главных носителей этно-политического сознания – аристократии того или иного народа.

Не осознавая этого, борясь лишь с “политическим” сепаратизмом, Владимир фактически предпринял первый шаг к межплеменной интеграции в составе древнерусской народности, сформировавшейся к концу “раннего” Древнерусского государства, у истоков которого (и в конце генезиса) стояли реформы этого князя. Обобщение многих этнографических материалов подводит к однозначному выводу, что на потестарно-политическом уровне, на стадии перехода от “вождеств” к пусть “раннему”, но государству, и этническое самосознание, и культура этноса в целом “выражается прежде всего через потестарно-политическую организацию” (Куббель, 1988. – С.57). В итоге ликвидация органов власти “нижнего уровня” путем их отделения (переселения) от своих этникосов было первым шагом на пути ликвидации бикультурализма – наследия “двухуровневого государства” (космополитической, социально ориентированной дружинной культуры верхов и многочисленных племенных культур “низов”). Однако нивелировка их произошла не столько за счет их синтеза, сколько с помощью наложения на обе субкультуры, в том числе потестарно-политические, религиозно-политической культуры извне и гораздо более высокого уровня.

Попытка синтеза (980 г.) и начало нивелировки на новых основах (988 г.) хронологически весьма близки, однако в тексте “ПВЛ” они разделены подробнейшим, с религиозно-философскими отступлениями, “Сказанием о крещении Руси”. Возможно, это случайность – результат компоновки текста авторами “ПВЛ”. Однако вполне вероятен и иной ва-

риант. Одним из факторов “выбора веры” является сознательное ознакомление и выбор опыта обустройства земель в разных моделях государственности. Само христианство в этом контексте также следует воспринимать как один из сознательно выбранных методов межэтнической интеграции и поднятия престижа центральной власти. Христианская религия также могла использоваться как катализатор сплочения рядов форсированными темпами (в силу экстренных обстоятельств – печенежской опасности) вновь создававшейся из разнородных элементов большой государственной дружины.

Механизмы оборонительных войн сыграли, вероятно, решающую роль в ускорении темпов унификации государства и нового, для новых целей, резкого увеличения его вооруженных сил. Применение же одного из самых сильнодействующих механизмов сакрального типа именно в преддверии возникновения необходимости организации стройной системы обороны выглядит достаточно неожиданно. Если исключить традиционную для подобного рода повествований летописную версию о чудесном исцелении Владимира в Корсуни (ПСРЛ. Т. I. Л. 38, 38 об.)⁵⁰¹, остается либо дальновидное и абсолютно “плановое”, в духе продолжения реформ Ольги⁵⁰², мероприятие, состоявшее из тщательного отбора вер и связанных с ними моделей идеологического обеспечения власти, а затем решительное, с использованием всех средств и разных методов, приобщение своей правящей верхушки к наиболее ей подходящей и импонирующей; либо этот шаг был вынужденным, и Владимир пошел на него под давлением каких-то неизвестных нам обстоятельств середины 80-х гг. X в., показавших неэффективность ранее задействованных “семейно-родовых” и языческо-сакральных механизмов консолидации страны и повышения престижа и монополии на власть великого князя⁵⁰³ – “кагана” Владимира.

Вопрос о “крещении” Руси – отдельный, как и его историография. Здесь хотелось бы отделить необходимость использования сакрального механизма в трех аспектах: этнокультурной и этнополитической консолидации государства; поднятия престижа верховной власти, ритуально-идеологическое ее отделение от ближайшего окружения (рода, дружины) и, через их голову, мистическое сближение с “народом”; внешнеполитического.

В каждом аспекте есть две стороны: осознание необходимости принятия общей религиозной идеологии и обрядности и выбор для этого именно православия (случайность или “предопределение”). Кроме того, важно по-

мнить еще и то, что философские основы нового мировоззрения обычно воспринимаются позднее, чем его внешняя, ритуально-обрядовая сторона⁵⁰⁴.

1. Первую сторону первого аспекта мы уже рассмотрели – вероятно, к середине 80-х гг. X в. для Владимира стал очевиден по каким-то причинам провал “языческой реформы” и необходимость принятия новой, одинаково “чужой” и дружинной, и “народной” субкультурам, религии. Отсюда и реальные, вероятно (записанные не только в “ПВЛ”), миссийные посольства от мусульманского (Булгар – Хорезм, по ал-Марвази) и католического мира.

Вторая сторона данного аспекта – необходимость избрания “чужой”, но не “чуждой” для русско-славянского менталитета религии, которую с наибольшей легкостью могло бы воспринять население. Философская и мистико-догматическая стороны религии в этом аспекте играли абсолютно подчиненное значение по отношению к ритуальной. Отсюда и то, что Владимир и его окружение не удовлетворились изложением символов веры иностранными миссионерами-теологами, а послали своих в эти страны изучить характер воздействия той или иной религии на массы верующих непосредственно в храмах, во время богослужения.

2. Во втором аспекте ведущую роль играла вторая сторона: в какой именно из выбираемых религий как внешнее (ритуальное – для “масс”), так и внутреннее (мистико-догматическое – для образованной части правящей верхушки) идеологическое обеспечение власти было наиболее эффективным, а ее оформление титулами, инсигниями и ритуалами – наиболее впечатляющим. В этом аспекте показательны два факта: запрет передачи императорских инсигний “варварам” и осуждение династических связей с их правителями (Константин Багрянородный, 1991. – С.54-65) и ярко выраженное желание Владимира породниться с византийским правящим домом (как до этого удалось это сделать с чешским и, возможно, болгарским) (ПСРЛ. Т.1. Л.37 об., 38). В обеих этих случаях язычество выступает для Владимира, решившего добиться цели, досадным, но легко (по викингской традиции) устранимым препятствием. Безусловно, и византийские атрибуты власти были самыми “привлекательными” и династический брак с родственницей василевса – самым престижным⁵⁰⁵.

3. Внешнеполитический аспект – на самом деле самый сложный и дискуссионный, как и детали пребывания русских в Византии в 988 г. в освещении отечественных и византийских источников. Логическим продол-

жением деятельности Владимира по восстановлению границ державы Игоря после Волжской кампании 985 г. должно было стать движение в южном направлении, с целью подтвердить власть над крымскими и “хазарскими” владениями Руси. Их потеря (если не для Руси, то для Владимира) косвенно доказывается господством в степях враждебных лично ему, до этого – благорасположенных к Ярополку, печенегов. Другой косвенный факт – наличие в 986 г. в Киеве общины⁵⁰⁶ “Жидов Хозарстиих”, которые наряду с зарубежными послами проповедовали свою веру. Третье доказательство (от “умолчания”) – отсутствие упоминаний о других походах русских в Крым, кроме 988 г. на Корсунь. С учетом того, что в этом году в данном регионе упоминается в качестве князя Тмутараканского сын Владимира Мстислав (ПСРЛ. Т. I. Л. 42), увязываются воедино два направления внешней политики – “поиск веры” и возврат утраченных владений, оба связанные с корсунскими событиями в трактовке “ПВЛ”.

В отличие от предыдущих “внутренних” (лишь война с Волжской Болгарией потребовала союза с торками)⁵⁰⁷, эта “воссоединительная” кампания требовала выхода на международную арену и определенной дипломатической подготовки. После разгрома Каганата и оттеснения Болгарии от Черноморских берегов, здесь оставалось лишь две серьезных силы – печенеги и Византия. Последняя уже выступала посредницей в отношениях первых с русскими князьями, Святославом в частности (Скилица, 1988. – С. 132). Врагом империи, при любых отношениях ее с кочевниками, Владимиру становиться не было никакого резона. Сделать же “греков” союзниками, даже против их воли, – абсолютно оправдано во всех отношениях. В этой связи вполне естественным жестом представляется присылка русского (“тавроскифского”) вспомогательного отряда, использованного для подавления мятежа Варды Фоки (Михаил Пселл, 1978. – С. 10, 266)⁵⁰⁸. Отсутствует логика в упорном (по версии НПЛ) и странном, в свете общих принципов византийской внешней политики, нежелании Константина и Василия пойти навстречу желанию Владимира принять крещение во владениях ромеев, в нехарактерной для династийно-брачной практики присылке военного отряда в качестве “вена”. Скорее всего, либо, как это уже упоминалось в литературе, предположительно мятежный Херсонес был взят тем же русским отрядом для василевсов, либо последние соглашались крестить князя, но без представления титулов и инсигний, приличествующих правителю державы, принявшей одну из “легитимных” ре-

лигий, а также без необходимого Владимиру по многим соображениям династического брака. Политические же интересы двух стран если где на Понте к перекрещивались, так в Корсуни, т.к. для Византии главным на ближайшую перспективу было покорение Болгарии, а для Руси – закрепление в восточно-крымских и таманских владениях бывшего Каганата, и отношения с печенегами.

Но главный вопрос был не в князе: Ольга и, возможно, даже Святослав понимали выгоду христианизации во всех аспектах, но против нее была главная военная и, все более, политическая сила державы – дружина. Также осознавая это, Владимир обращается не к ней, а к “болярам”⁵⁰⁹ и старцам градским”, и именно с ними решает вопрос о выборе веры. Именно этому слою, причастному к управлению, излагал свою внешнеполитическую программу Святослав в 969 г. (ПСРЛ. Т. I. С. 20, 20 об.; Л. 36 об., 37). Но “испытывать веру” (а не принимать ее) посылает Владимир “имаше у себе мужи”, “добры и смыслены” (Там же. – Л. 36 об.), т.е., судя по всему, верхушку дружины, мнение которой значило много, доверие же князя льстило. Именно они должны были определить, какая из служб какому из богов может быть “люба ... князю и всем людям” (Там же)⁵¹⁰. Вопрос же о необходимости введения общей, новой веры, был, вероятно, еще на “свещании” князя, бояр и старцев. Они же и принимают окончательное решение, выслушав последних “мужей”, т.е. узнав мнение дружины (Там же. – Л. 37 об.). Та же, по “Сказанию”, крестилась достаточно “импульсивно” в Корсуни, по примеру князя (Там же. – Л. 38 об.). Дружина зарождается на Руси, как и в Чехии и Польше, в период “объединительных” и завоевательных войн, но наибольшего развития достигает уже после их завершения, в ходе обороны уже сложившегося “раннего государства” от кочевников.

§ 4. Роль оборонительных войн в консолидации государства

Этот подтип военных механизмов (оборонительные войны) (подтип 3) стал единственным среди них и, на какое-то время (после 992 г.), – главным фактором развития и консолидации данного государства, ведущей функцией власти, идеологическим оправданием ее усиления.

Русско-печенежские отношения были напряженными все 80-е гг., о чем свидетельствует сообщение “ПВЛ” о Варяжко, воеводе Ярополка, который “многа воева Владимира с Печенеги” (ПСРЛ. Т. I. Л. 25) и (под 988 г.)

“бе бо рать от Печенег” (Там же. – Л.42). Однако печенежская опасность еще не приобрела тогда угрожающих масштабов, не мешала Владимиру решать задачи внутренней и внешней политики, уводить войска в дальние доходы. Столкновения с печенегами были (“и бе бо воююся с ними”), но успешные для русских (“...и одоляя их” (Там же). Во многом этому способствовали сооруженные в рекордно короткие сроки (наиболее вероятно – в 986 (988) – 991 гг.) оборонительные линии по Стугне и Суле (Довженко, 1968; Кучера, Иванченко, 1987; Моргунов, 1996) В качестве тыловых баз концентрации войск использовались, скорее всего, возникший спонтанно “дружинный лагерь” близ Леплявы на Левобережье и специально построенный Белгород к западу от Киева. В конструкции валов последнего, ядро которых сооружено из кирпича-сырца (Древняя Русь: Город.... 1965. – С.67, табл. 79), ощущается участие византийских архитекторов и фортификаторов. В Левенке под Стародубом один из валов также содержит глинобитные конструкции (Шинаков, 1987а; 1995а. – С.157), хотя планировка укреплений и их общее устройство, как уже говорилось, больше ассоциируются с датскими “лагерями викингов” (Шинаков, 1998 б. – С.317), Влияние “греческих” специалистов видно и в общей организации обороны – жесткой, но эшелонированной в глубину, опирающейся на возможность получения резервов как из отдельных ее пунктов, так и из тыловых лагерей типа Леплявы и Белгорода. Идея же реконструкции “Змиевых валов” может восходить как к датским линиям, восстановленным современником Владимира Харальдом Синезубым, так и, в более отдаленной ретроспекции, к римскому лимесу. В организации же постоянных гарнизонов, снабжении войск, “военных поселенцев”⁵¹¹ типа акритов вполне мог использоваться византийский опыт. Четко бинарная организация русской обороны также имеет в основе линию р. Днепр, но и может испытывать влияние известного русским (ПСРЛ. Т.1. Л.10) деления византийской полевой армии на “войска востока”, с одной стороны, “Македонии и Фракии” – с другой. Впрочем, наблюдаются и аналогии с Норвегией середины X в. Здесь, как и в русском случае, врагами вначале были “свои” на службе у “чужих” (сыновья неудачливого претендента на престол Эйрика Кровавая Секира, погибшего в Англии, нашли убежище и военную помощь у конунга Дании). Для предупреждения об их набегах и сборе войск создавалась система световых сигналов (Круг земной, 1980. – С.78-79). Идею создания такой же системы оповещения вдоль Днепра вплоть до

Киева (Рыбаков, 1965. – С.33; Довженок, 1968. – С.39-41) вполне можно приписать Олаву Трюггвасону, чей отец вместе с конунгом Хаконом Добрым участвовал в ее создании в Норвегии. Сам Олав, правда, мог стоять только у истоков ее непосредственной организации, т.к. покинул двор Владимира самое позднее в 986 – 987 гг. (по “Королевским анналам” и Т.Джаксон, 1994. – С.118), а то и (по контексту “Саги” о нем) гораздо раньше (Круг земной, 1980. – С.111-112). Кстати, последняя прямо называет Олава одним из “военачальников” Владимира, располагавшим собственной “дружиной” и участвовавшим в “битвах” именно по “защите своей страны” (Там же. – С.110).

Что же касается неудержимого натиска печенегов, обошедших в 992 г. через “степной коридор” к северу от Сулы Посульскую линию обороны⁵¹² и остановленных лишь в районе Переяславля на Трубеже, а в 997 г. даже осадивших центр правобережного сектора обороны – Белгород (ПСРЛ. Т.І. Л.44), то ему необходимо найти объяснение. Это не обычные грабительские набеги отдельных орд, а чуть ли на целенаправленное наступление (“бе бо рать велика без перестани”), показавшее недостаточность ранее подготовленной обороны (в 997 г. Владимир отправился “за верховные вои на Печенеги” в Новгород (Там же)⁵¹³).

Вряд ли случайна связь последней “объединительной” (хорватской) и первой, конкретно названной “оборонительной” (“переславской”) в одной летописной статье 992 г. Сыграл свою роль, вероятно, и фактический “раздел” Причерноморья между Русью и Византией без участия печенегов. Не последнюю роль могли сыграть и совместные действия войск Владимира с торками в 985 г. Последние являлись для печенегов главным и, как бывает внутри кочевого общества, самым безжалостным врагом. Торческое давление естественным образом подталкивало печенегов, однако в описываемый период еще не имело массового характера, приобретя характер нашествия лишь после 1015 г. (Плетнева, 1990. – С.22, 24), когда заставило печенегов штурмовать византийские пограничные укрепления на Дунае в 1028 г. (Михаил Пселл, 1978. – С.18, 266) и стены Киева в 1034 – 1036 г. (ПСРЛ. Т.І. Л.51; Т.ІІ. Л.56-56 об.). Но без внешней причины непонятна измена кочевников своей обычной тактике – коротким неожиданным наездам с грабительскими целями. Что могло заставить бросаться на штурм пограничных линий, осадить главную военную крепость, искать столкновения с основными русскими силами? Вряд ли “воинственность”

и жажда добычи. Традиционно, по опыту, стимулом могло служить византийское золото, либо какие-то действия русских, ставящие под угрозу жизненно важные интересы всех печенегов.

Византия, занятая в Болгарии, могла быть заинтересована в нейтрализации печенежских действий в Крыму и на Дунайской границе. Против Руси она ничего не имела, возможен даже союзный договор и помощь фортификаторов в укреплении русской степной границы. Но вот в постоянной “занятости” печенегов в попытках ее преодоления интерес был, дабы предотвратить их использование против Византии комитопулами Западной Болгарии.

Русь была опасна прежде всего для только что пришедшего к власти Болеслава Храброго, лелеявшего широкомасштабные захватнические планы. Присоединение Белой Хорватии к Руси в 992 г., была ли она до этого независимым княжеством или находилась под “протекторатом” Пражского или Зличанского княжества, уводило ее буквально из-под носа у Болеслава, расширившего свои владения за счет Краковской земли. Последний, конечно, не в силах был самостоятельно подкупать печенегов или повлиять на них с “политической” точки зрения, но в этот период он действовал в союзе с Германской империей, а последняя имела зафиксированные источниками, хотя и более поздние, контакты с печенегами (миссия Бруно Кверфуртского в 1008 г. (Назаренко, 1996. – С.32). Болеслав мог попытаться воздействовать на печенегов через своего зятя и союзника Святополка Туровского, имевшего хорошие отношения с некоторыми печенежскими ханами – но тоже позднее. Кроме того, и Болеслав, и Германия имели общие интересы, но в конце X в. совсем в ином регионе: в землях восставших в 983 г., после смерти Оттона II полабских славян. Опасаться же вмешательства Владимира на стороне последних или даже Чехии, вряд ли сохранившей союз с Русью после “аннексии” ею Карпатской Хорватии, вряд ли приходилось. Нейтрализация Руси как потенциального союзника Дании также потеряла актуальность. Последняя могла не опасаться германского вторжения из-за славянского восстания на их пограничье и восстановления дружественного Дании (“Сага о йомсвикингах”, “Об Олаве Трюгвасоне”) Вендского (Ободритского?) княжества. Сам же Свейн Виллобородый в 90-е гг. имел интересы уже не в Поморье и Прибалтике, где мог быть хотя бы отчасти заинтересован в содействии Руси, а в Англии и Норвегии. В последней же утвердился бывший соратник Владимира – Олав

Трюггвасон, являвшийся врагом (посла 995 г.) и для Свейна Датского, и для Олава Шведского. В итоге последний охотно поддержал норвежских изгнанников, напавших в 997 г. на Ладогу. Но все эти события на Балтике могли отрицательно сказаться на обороне южных рубежей Руси лишь в плане ограничения притока варягов. Действительно, "ПВЛ" ни разу их в этот период не упоминает, хотя в статье 997 г. об обращении Владимира за помощью на Север могла бы (по аналогии, например, с событиями 1034–1036 гг., где их активное участие в борьбе с печенегами же отмечено). Однако это ни в коей мере не означает заинтересованности ни одной из скандинавских стран в натравливании печенегов на Русь, хотя действия норвежских изгоев под Ладогой и печенегов под Белгородом в 997 г. выглядят на удивление согласованными. Остается одно направление – к югу от Карпат, где границы державы Владимира вышли к подчиненной венграм Словакии и Трансильвании. Однако ни о каких планах экспансии Древней Руси в этом направлении в источниках не содержится ни малейшего намека, что, кстати, и неудивительно в свете предполагаемой "доктрины" Владимира по восстановлению границ времен Игоря. Сами же Геза и Иштван в это время готовили дипломатическую почву на Западе в преддверии борьбы с мадьярской военно-родовой аристократией (Жемличка, Марсина, 1991. – С.180-182). Их вряд ли заботили вопросы расширения или сохранения территориальных рамок еще не устоявшегося и сложносоставного Венгерского "государства", если только Владимир с какой-то целью не собирался установить отношений с кем-либо из местных "племенных" князей, что маловероятно. По этим же причинам нереален русско-венгерский союз антипеченежской направленности. Остается одно: продвижение русских на те территории, где пытались закрепиться и печенеги. После присоединения Хорватии открывался путь вниз по Пруту, Днестру и Южному Бугу к землям, хотя и формально, но входивших в державу Олега и Игоря, тиверцев и уличей. Именно здесь могли скреститься интересы Руси и не менее трех из восьми печенежских "фем" (Гиасихопон, Нижняя Гиля, Иавдиертим) (Константин..., 1991. – С.157). По данным археологии, славяне удерживались на Днестре по крайней мере до середины XI в. (Седов, 1982. – С.130), а то и позднее, но уже именно в "киевских", а не местных крепостях (Русанова, Тимощук, 1977. – С.74-81; Винокур, Тимощук, 1977. – С.73-80). Продвижение русских на юг по этому коридору могло сомкнуть границы Руси, Первого Болгарского царства

или Византии в низовьях Прута и Дуная, что грозило непредсказуемыми последствиями как для последней (в свете ее борьбы с Болгарией), так и для печенегов, закрывая им в случае чего выход из Причерноморского “мешка” через Добруджу, особенно в связи с достоверно существовавшими русско-торческими контактами. Безусловно, это гипотеза, причем пока абсолютно “открытая”, но она хотя бы отчасти объясняет заинтересованность и Византии, и самих печенегов в давлении на русские границы. Со времен Святослава прошло не так много времени, призрак Переяславца на Дунае как столицы его “империи” был еще жив в умах василевсов⁵¹⁴. Выход же русских к “Белобережью” (доступ куда им специальной статьей закрывал договор 944 г. (ПСРЛ. Т. I. Л. 13) и устьем Дуная, да еще по суше, минуя и печенежские степи, и море, где все еще господствовал византийский флот, был вряд ли по душе Василию и Константину, несмотря даже на возможные перспективы совместной борьбы с печенегами, особенно в Крыму⁵¹⁵. Наоборот, действия воинов “фемы” Харавои (Константин..., 1991. – С. 157), а скорее всего и других печенежских орд, как обозленных, так и использовавших последствия хорватской войны Владимира в 992 г.⁵¹⁶, безусловно, отвлекали печенегов от разорения окрестностей Херсонеса и “Климатов”. Каковы бы ни были причины натиска большинства печенежских орд (лишь 2-3 из восьми могли быть скованы гузами – торками и, отчасти, аланами (Там же)), он породил к жизни такой механизм укрепления власти, как оборонительные войны. Именно этот вид данного подтипа механизмов ускоряет и служит главным фактором консолидации уже созданного, особенно в дружинной форме, государства. С другой стороны, он в некоторых аспектах тормозит внутренний политогенез, сосредоточивая не только военные, но и, на какое-то время, все виды функций государства в руках дружины. Главный вопрос здесь – не столько источники, сколько методы ее комплектования и средства содержания.

В отличие от Святослава, Владимир располагал практически неограниченными людскими ресурсами. Однако он не мог воспользоваться бывшими “племенными” ополчениями, находившимися на самообеспечении – как в силу характера только что завершеного объединения племен, так и их малой пригодности в военном отношении для борьбы с кочевниками (исключение составляли новгородские, “верховные вой”)⁵¹⁷.

С варягами и гридями (бывшими *hirdmenn'*ами) дело было сложным. В 980 г. Владимир сам спровадил большую их часть в Византию без опла-

ты, затем предпринял репрессии против варягов-христиан. Не способствовало притоку их на Русь и создание, кстати, с помощью того же Владимира (после событий 980 или 987 – 988 гг.), гвардии “варангов” при дворе василевса, служба в которой была и престижнее, и выгоднее, и безопаснее, чем на печенежских рубежах. Не исключен и вариант самовольного, по приглашению василевсов после разгрома Варды Фоки под Авидосом, но без разрешения Владимира, перехода на службу империи “отряда отборных тавро-скифских воинов” и “других чужеземцев”, которых до этого Василий II уже “задержал у себя” (Михаил Пселл, 1978. – С.10). Упомянем еще раз как о внутрискандинавских, так и лежащих в плоскости русско-скандинавских отношений, причинах, ограничивших приток варягов именно в конце 80-х – 90-е гг. X в. Добавим уход отряда Олава Трюгтвасона – и получим причину умолчания “ПВЛ” об участии варягов в отражении печенежских нашествий 90-х гг. X в. Кроме того, варяги были идеальной силой для внутренних скоротечных или прибыльных завоевательных войн. При долгой, постоянной, нудной, не обещающей добычи пограничной службе на первое место вставал вопрос об источниках их снабжения, весьма дорогостоящего (см. например: Шинаков, 1995а. – С.90-94, 97, размеры платы указаны в “Эймундовой саге” (Джаксон, 1994. – С.107-108). Это уже не могла быть контрибуция и добыча. Кроме того, варяги не могли составить и конницу, необходимую для оперативной борьбы со степняками. Сами они также вряд ли были заинтересованы в подобного рода службе.

Собственно великокняжеская дружина – “русь” составила поэтому основу “большой”, “государственной” дружины, увеличившись численно, вероятно, в несколько раз. К этому времени отпало, возможно, главное препятствие для комплектации “большой дружины” из “отечественных” кадров: полное господство родовых связей и малое количество изгоев. Как и во многих других странах, особенно в Византии, благодатным исходным материалом служила плененная при объединительных войнах военно-родовая аристократия – “лучшие мужи”, дружины, в том числе конные, южных племен (о наличии таковой в Хордабе говорил еще Ибн Русте). Для потерявшей власть на местах родовой аристократии включение в военно-дружинную верхушку “имперского”, “федерального” уровня отчасти примирило ее с великим князем, было престижно и даже... выгодно (ср.: Круг земной, 1960. – С.44). В Польше, вероятно, именно этот источник был главным для “большой дружины”, аристократической по происхождению. В Скан-

динавии, как и на Руси, на первом месте стоял иной принцип отбора. “Харальд конунг брал в свою дружину только тех, кто выделялся силой и храбростью и был во всем искусен” (Круг земной, 1980. – С.46). В нее (дружину Олава Трюггвасона) брались как изнутри страны, так и из других⁵¹⁸ стран самые сильные и храбрые” (Там же. – С.158). В этом случае главным был уже не вопрос платы, а воинского снаряжения: если сильный и храбрый человек не был богатым или профессиональным (наследственным) воином, перед вступлением в дружину его вооружал князь (конунг). Отчасти на этот вопрос отвечает единственное сообщение “ПВЛ” о правовой стороне деятельности Владимира: “Володимер же отверг виры, начал казнити разбойников (по византийско-христианскому и славянскому, но не скандинавскому и “русскому” (по восточным источникам) образцу – *Е.Ш.*) и реша епископы и старцы (но не дружина – *Е.Ш.*): рать многа, если уж брать виру – то на оружии и на кони” (ПСРЛ. Т.І. Л.43 об.). Это напоминает специальную подать на содержание дружины в Польше – “сторожу” (“Великая хроника..., 1987. – С.67), но та бралась деньгами. Здесь же речь идет о централизованном снабжении дружины оружием, вероятно, еще в условиях отсутствия постоянно работающей только на нее “служебной организации” (институт тысяцких, который Кучкин (1993) связывает с этой организацией, зафиксирован лишь с 60 – 80-х гг. XI в.)⁵¹⁹. Наглядно результат такой политики, начатой в 90-х гг., продемонстрировали события 1068 г., когда княжеских “арсеналов” и конюшен хватало не только на снаряжение постоянной дружины, но и на вооружение по крайней мере части киевских “людей”, “воев”, по решению веча (ПСРЛ. Т.І. Л.57 об.).

К ранним вариантам содержания части дружины за счет личных княжеских доходов можно отнести ее размещение в принадлежащих князю на частном праве “градах”. Так, для убийства Бориса Святополк использовал “Вышегородских боярцев” в количестве четырех человек, один из которых, судя по имени-прозвищу (Ляшко), имел польское происхождение⁵²⁰, т.е. к местной аристократии не относился (ПСРЛ. Т.І. Л.45 об., 46).

Наиболее информативной как по вопросу источников содержания “столичной” части дружины, так и ее составу в целом остается сообщение “ПВЛ” о “пирах” “на дворе в гриднице”. В первом аспекте – это вариант натурального, “безденежного” ее обеспечения, как и личной дружины конунгов (*hirdmenn'ov*) во время ежегодных объездов (“поездок по пирам”). Отличие – в постоянном месте ее дислокации, что, вероятно, связано с

фактической отменой полюдья⁵²¹. Важно установить, кто же пользовался этой, несомненно престижной, но и выгодной обеим сторонам, привилегией. “ПВЛ” перечисляет следующие категории дружины: бояре, гриди, сотские, десятские, нарочитые мужи (ПСРЛ. Т. I. Л. 43 об.). Не упоминаются “русины” (судя по “Правде Ярослава”, вполне реальная тогда категория) и отроки. Вариантов объяснения два: локационный и социально-престижный, которые, впрочем, могут и переплетаться. С боярами вопрос ясен, важно лишь то, что они в одном контексте упоминаются отдельно от “нарочитых мужей”, что исключает употребление разных (по происхождению и времени возникновения) терминов, к одной категории населения⁵²². Гриди, с учетом предшествующего анализа происхождения термина и понятия, – личная, постоянно находящаяся при князе дружина, но не “русины” (т.е. не Поднепровского происхождения). Не имея, в отличие от последних, постоянного хозяйства в Киеве, и в то же время будучи обязанными находиться “под рукой” у князя, они даже дали название постоянному месту своего расположения (что не исключает наличия у них частных “дворов”)⁵²³. Сотские и десятские явно не относятся к их числу, т.к. частное автоматически было бы поглощено целым. Для них возможен вариант принадлежности к “офицерскому” и “унтер-офицерскому” корпусу младшей дружины – отроков. Это было эффективным средством контроля за последними, но в то же время повышало престиж их военачальников как в глазах подчиненных, так и в собственных, усиливая преданность князю. “Нарочитые мужи”, судя по местному происхождению термина, наличием в “племенных” княжениях” и конфликту с дружиной Ярослава в 1015 г. (ПСРЛ. Т. I. Л. 15 об., 38), – вероятно, и есть представители “туземной” военно-родовой аристократии на службе великому князю.

Территориальный вариант объяснения: гриди – “столичная” гвардия⁵²⁴, остальные – те категория “провинциальных” дружинников, гарнизонов крепостей, которые, находясь в Киеве, имели право на стол в гриднице (что не исключает постоянного размещения части представителей этих категорий дружинников в Киеве). Место их базирования – “грады” на рубежах “Росии” – “Русской земли” и общегосударственных границах (“наруби мужей лучших... и от них засели грады” (“ПВЛ”. Т. I. Л. 42). Бояре же, как военачальники, и отроки, кормившиеся за счет части собранной ими дани и “полюдья”⁵²⁵, размещались в опорных пунктах по всей территории государства.

Что касается функций “гражданского” управления, в том числе и законодательного уровня, то, судя по ранее приводившимся фактам, связанным с принятием христианства и вопросом отмены виры за разбой, они скорее принадлежали боярам (причем, не обязательно дружинным) и “старцам градским” (ПСРЛ. Т. I. Л. 36 об. 37 об., 43 об.).

§ 5. “Дружинное государство” на Руси в сравнительно-историческом аспекте и тенденции развития ранней государственности

“Дружинное государство”, в строгом смысле слова, – достаточно редкое и узколокальное явление, в наиболее полном виде представлено в Чехии и Польше, возможно, Дании, отчасти, за короткий период и только как инструмент политогенеза – в Венгрии. Суть понятия, нашедшего наиболее полное отражение на определенном этапе становления и развития так называемой “среднеевропейской модели” государственности (Тржештик, 1987; Жемличка, Марсина, 1991) – полное сосредоточение всей власти в руках князя и его дружины, четкое разделение общества на “воинов” и налогоплательщиков (в разных формах, в том числе “служебной организации”); представление о территории государства как собственности князя или династии (рода), а через их посредство – и преданной лично им дружины; комплектация госаппарата исключительно из ее состава; формирование двух полярных ментальностей в обществе, иногда оформляющихся и религиозно-идеологически.

Если при вождестве обязательна всеобщая реципрокность (за исключением рабов и коллективно эксплуатируемых инородных организмов) и “обратная связь”, то в ранних государствах преобладает диктат власти (поразному внутренне организованной при разных ее формах) над подданным. Ритуально обставленные “жесты”, показывающие все же наличие мистической связи государя и подданных, их как бы взаимную необходимость, имеют место, но зависят лишь от доброй воли первого и не предполагают контроля его действий со стороны вторых. Это тип отношений “господство – подчинение”, зачастую более полное, чем в “сложившихся государствах”, где действия структур управления ограничены интересами и реальным, иногда юридически оформленным, контролем со стороны эко-

номически господствующего класса. При “многофракционности”, глубокой и разноплановой структурированности общества “ранних государств”, лишь отчасти связанные с частной собственностью на средства производства (да и то одновременно разных ее форм) правитель или стоящие у власти (традиционной еще не в силу экономических только причин) круги получают большую свободу действий. Сравнить ее можно лишь с властью государей некоторых чиновничье-бюрократических государей Востока и европейского абсолютизма, да и то последняя чаще имеет более ограниченный характер за счет религиозно-ритуальных и формально-юридических факторов.

“Дружинное государство” – одно из средств превращения отношений “взаимных обязательств” в систему “господство – подчинение” даже по отношению к своему этносу и социально-политическому организму. Реципрокность сохраняется внутри дружины, при отношениях только ее с государем. Взамен она обеспечивает для последнего новый тип отношений с подданными. Это может и не быть откровенный диктат, он чаще закамуфлирован религиозно-ритуальными проявлениями “милости” к подданным, показной “непредвзятостью” во время периодически повторяющихся в ходе объездов страны судебных процессов. Однако никаких покушений на исключительную прерогативу государя и как источника, и как главного гаранта исполнения правовых актов, быть не может. В этом отличие от другой (“северной”) линии развития, где формирующееся государство, формально – в интересах “общества”, берет на себя кодификацию сложившегося в последнем “обычного права” (иногда с некоторыми коррективами) и гарантирует его неукоснительное соблюдение, выступая в то же время не только его субъектом, но и объектом. При линии развития через “дружинное государство” кодификация и вообще юридическое оформление права нежелательно, т.к. ограничивает волю государя. Допустима (и даже необходима) фиксация системы отношений внутри дружины, между нею и подданными: обязательными являются акты, регулирующие положение Церкви в обществе и государстве.

Промежуточные в территориально-типологическом плане модели, к которым относится и Древняя Русь, дают образцы и того, и другого: здесь и ранняя кодификация права, и его откровенно “дружинный” (в ранней части) характер. В конкретных условиях перерастания “двухуровневой” государственности в более-менее унитарную “раннюю” (объективно, нео-

сознанно, конечно) задачей “дружинного государства” было либо перемещение социальных верхов и даже правителей “племенных княжений” в разряд “подданных”, либо, в крайнем случае – интеграция их в состав великокняжеской дружины.

Было ли в таком случае “чистое” дружинное государство (или этап политогенеза) на Руси? Сравним с классической, хорошо отраженной в источниках польской структурой эпохи Болеслава Храброго. Объектом сравнения выберем Древнерусское государство, имевшее внешне наиболее выраженный “дружинный” характер при Владимире Святом⁵²⁶.

Состав и размеры “большой дружины” Болеслава I описаны у Анонима Галла, с дополнениями Винцента Кадлубка и особенно – “Хроники великопольской”. Численность только главной части польской дружины, дислоцированной в столичных городах Великой Польши и Силезии (Гнезно, Познань, Гдечь (Геч), Вроцлавек) – 16 900, из них 3 900 “рыцарей” (по Анониму Галлу), сравнимых, вероятно, с “гридями”, и 13 000 “щитников” – что-либо подобное русским “отрокам” или “детским”. Значительная часть дружины должна была составлять гарнизоны пограничных крепостей, располагаться в не упомянутых Мазовии и Малой Польше, нести “оккупационную” службу в Мишенской марке (земле сорбов и части лютичей), Поморье, Моравии, “Червонной Руси”, временно – Чехии и Словакии⁵²⁷. В итоге мы имеем цифру, явно превышающую 20 000 человек постоянного состава⁵²⁸.

На Руси дружина никогда не достигала такой численности. Реконструируемый по сопоставлению письменных источников размер “большой дружины” Владимира Святого, включая гарнизоны степной линии, вряд ли превышал 5 – 7 тысяч человек. К этому, правда, надо добавить личные дружины некоторых из его сыновей. Реконструируемый по системе оплаты (ср.: Шинаков, 1995а. – С.93) состав таких “малых дружин” (у Ярослава) – около 500 воинов (и гридей, и отроков).

Социальный состав и иерархия внутри русской дружины подробно рассмотрены А.А.Горским (1989. – С.39-56), что же касается польской – то она состояла из “князей” не из рода Пястов, образовывавших отдельный полк, “комитов”, выполнявших одновременно функции местных управителей – “вельмож”, “рыцарей” и “щитоносцев”.

Что касается этнического состава польской дружины, то и письменные, и археологические, и ономастические источники свидетельствуют о ее национальной (великопольско-силезской) однородности (Ловмянский,

1985. – С.36-56). Русская дружина (даже без учета ополчений земель и городов, наемников и “своих поганых”, пленных ляхов на р. Рось) была полиэтнична. Она включала, кроме “изгоев” и “лучших” мужей” из восточных славян также финно-угров (“Чудин”, погребения в Киеве (Моця, 1987. – С.116) и Кветуни (Шинаков, 1995а. – С.112) и др.), пруссов (Кулаков, 1993. – С.45), “кочевников” (Моця, 1987. – С.14) и даже, по некоторым данным, хазар (Петрухин, 1995 б. – С.122).

И численность, и этнический состав польской и русской дружин диктовались разными задачами, стоявшими перед ними, при общей цели – ликвидации племенных пережитков и консолидации государства на новой основе. В Польше эта цель достигалась инкорпорацией не только местных дружин, но и князей в состав “королевской” дружины и примирение князей с потерей традиционной власти на местах за счет занятия престижных и доходных должностей, участия во внешней экспансии и получении дани от окружающих Великую Польшу народов. На Руси эта же цель достигалась военным, по преимуществу, путем – местные знать и “князь” (за исключением некоторых регионов) ликвидировались или переселялись в пограничные со Степью крепости. Для выполнения подобных “внутренних” функций иностранцы или “изгой” были лучше представителей племенных дружин⁵²⁹ (Мельникова, Петрухин, Пушкина, 1984. – С.86).

Что касается главной особенности “дружинного государства” – использования дружины как основного или даже единственного аппарата управления, то это можно отнести лишь к Польше (позднее здесь добавляется церковная организация, а с начала XII в. – королевская канцелярия). На Руси в большей степени сохранялись (или создавались заново) органы местного самоуправления в виде веча, а в Новгороде – недружинное боярство (судя по летописной статье 1018 г. (ПСРЛ. Т.II. Л.54), кроме того, все больше функций брали на себя тиуны (Даниил Заточник, 1988. – С.120), часто холопы – рабы (Материалы..., 1987. – С.23) управителей княжеских вотчин. В этом плане Русь больше напоминает Швецию с ее развитым местным самоуправлением и хусабюменами, рабами конунга, чем Польшу. Впрочем, воеводы, посадники, сборщики даней, судебные исполнители были все же исключительно дружинниками.

Меньшая численность русской дружины диктовалась, однако, не только ее функциями, но и возможностями снабжения. В Польше, как и в Чехии, вся вторая половина общества была подчинена нуждам “воинов”. Это и

“служебная организация” (Галл Аноним, 1996. – С.341), и “сторожа” (регулярная натуральная подать) (“Великая хроника...”, 1987. – С.67), “миткалы” (деньги на содержание дружины)⁵³⁰ (Kowalski, 1946. – S.80; Тржештик, 1987. – С.138, 133). Кроме того, дружина (или, по крайней мере, ее высшая и “столичная” часть, ездившая вместе с королем) одевалась в “одежды различного цвета” по полкам (Галл Аноним, 1996. – С.338), получала единовременные дары-награды из казны правителя, кормилась за его счет на “золотой” и “серебряной” “посуде” в “убежищах для его остановок” (Там же. – С.341). Добавим сюда внешние источники прибавочного продукта, получаемые в ходе завоевательных войн.

Максимальное же использование внутреннего прибавочного продукта, которое, собственно, и позволило определенное время содержать “большую дружину” не только в Польше, но и в Чехии и Венгрии было возможно только посредством создания системы “государственной эксплуатации” недружинной части населения. В этом аспекте Д.Тржештик сравнил среднеевропейскую модель государства с одной большой княжеской усадьбой (Тржештик, 1987. – С.127).

На Руси подобных благоприятных для правящей верхушки условий не было, землевладение было четко отделено от власти, суверенитета. Внешние же источники дохода (международная торговля, добыча, дани-контрибуции и откупи) именно в конце X в. практически отсутствовали⁵³¹. После завершения объединения и похода на Корсунь войны Владимира носили оборонительный характер и приносили не прибыль, а расходы на укрепление степной границы. Дани и платежи населения имели сравнительно скромный характер⁵³², что не позволяло постоянно содержать “большую дружину” только за их счет. Временные наемники в случае “денежного” содержания войска были экономически выгоднее, но в случае, если плату им можно было переложить на проигравших, как было в Родне в 980 г. (да и то Владимир в этом плане “сольстил” (обманул) варягов) (ПСРЛ. Т. II. Л. 31). Расхожим местом стало упоминание о знаменитых пирах⁵³³ Владимира и серебряных ложках (ПСРЛ. Т. II. Л. 47 об.), но так могла содержаться только часть дружины – “столичные” гриди, скорее всего. Самая высшая ее часть – “лучшие мужи”, затем – бояре, “кормились” за счет части собранной ими дани, позднее – вотчин, самая низкая (смерды, по мнению Б.А.Рыбакова, 1979) – сами трудились на земле. Зарождается, возможно, также служебная организация (Флоря, 1987), которую иногда

связывают с институтом тысяцких (Кучкин, 1993), впрочем, как уже говорилось, зафиксированных лишь в 60–80-х гг. XI в. Дружина до середины XI в. была постоянно действующим советом при князе (Юшков, 1939. – С.188-192).

В Польше, несмотря на кажущееся самовластие даже Болеслава Храброго его власть была реально ограничена советом знати и “рыцарями”. Об этом можно судить не только по польским источникам, которые, особенно Винцентия Кадлубка, можно вполне обоснованно заподозрить в симпатиях к “можновладству”, но и иностранным (Видукинд Карвейский (о Мешко I), Титмар Мерзебургский (о Болеславе Храбром). Последний все еще являлся для дружины не господином, как для кметей, а вождем, “первым среди равных”⁵³⁴. Не только польские хроники, но и русские летописи единодушно отмечают как его личную храбрость, так и полководческие способности, которыми, как известно, ни один из князей “дружинной” Руси, за исключением Святослава, не обладал. Владимир “брал” только щедростью к своим воеводам, сила Ярослава заключалась в его политических способностях, новгородцах и варягах-наемниках.

С народом, обществом, по отношению к которому польский, в меньшей степени русский, князь выступал как господин (даже суд, в отличие от Скандинавии, и в Польше, и на Руси был только княжеский⁵³⁵), проводилась политика заигрывания как бы через голову дружины. Однако из контекста даже весьма лояльного к Болеславу Галла Анонима ясно, что жалобы крестьян на “чиновников” князя могли закончиться хуже для них (Галл Аноним, 1996. – С.333), а “благотворительность” Владимира Святого распространялась в основном на столичную чернь, которую всегда и всюду подкармливало любое правительство. Есть, впрочем, два существенных отличия: одно – формально-стадиальное, второе – типологическое. Владимир и Ярослав (а до них Святослав, но по иным причинам) прекратили ежегодный объезд своих владений, управляя через сыновей и посадников. “Путешествия” же Болеслава по стране были важным элементом управления и общения с народом. Второе – на Руси право на княжескую власть только рода Рюриковичей (Назаренко, 1962) не оспаривалось не только подданными, но и, что более существенно, дружиной, гораздо более “демократической” и разнородной по составу, чем польская. В Польше же право на власть только у Пястов для “можновладцев”, зачастую не менее знатных, было отнюдь не безусловным (как показали, например, со-

бытия, связанные с попыткой воеводы Сецеха захватить трон (Галл Аноним, 1996. – С.358-360).

В связи с последним фактором, а также более резким, в том числе религиозным, антагонизмом между дружиной и основной массой населения в Польше, чем на Руси, в первой, как и в Чехии, уделялось гораздо больше внимания идеологическому обоснованию прав князя и “можновладцев”. Этому служили и “крестьянские легенды” Пястов и Пржемысловцев (для народа), и представления о “богоизбранности” именно этих родов, неоднократное принятие “королевского” титула (для остальной знати) (ср.: Жемличка, Марсина, 1991. – С.176-179). На Руси все ограничилось “легендой” об особом, иностранном происхождении Рюриковичей, что, впрочем, имело под собой реальные основания. Для народа на Руси существование дружины долгое время оправдывалось печенежской опасностью, что нашло отражение и в былинах. Завоевательные войны Болеслава обогащали дружину, а для народа лишь увеличивали налоговый гнет. И тем не менее на Руси слишком большая забота князя о дружине, особенно “младшей”, осуждалась даже церковной “интеллигенцией” (ПСРЛ. Т. II. Л. 72-72 об.). Неудачи в борьбе со Степью сразу же вызвали попытку заменить дружину иным типом войска – ополчением киевлян, претендовавших на вооружение и снаряжение из княжеских дружинных арсеналов (Там же. – Л. 57 об.).

В территориальном плане “дружинное государство” в Великой Польше и Силезии, позднее Краковской земле, составляло главное, господствующее ядро сложной державы Болеслава Храброго. Однако Мазовия представляла более раннюю ступень того же направления развития, а Поморье – абсолютно иную модель, где собственная “большая дружина” не сложилась (Ронин, Флоря, 1991. – С.133), а польская расценивалась как временная “оккупационная” сила. Конфедерация торговых городов-государств при наличии экстерриториальной к ним княжеской власти более напоминала бы Скандинавию эпохи викингов либо Новгородскую республику. Однако в первой вики имели более ограниченный суверенитет, а в Новгородском государстве главный город господствовал над “пригородами”, а одно время – и над князем⁵³⁶. Потеря Поморья и временно – Мазовии донельзя упростили структуру Польши.

Русь представляла собой в территориально-типологическом плане существенно более сложное явление, в котором собственно дружинный аспа-

рат занимал гораздо более скромное место, особенно в городах-государствах северо-запада⁵³⁷. Да и в военном плане дружина постоянно дополнялась новгородским и киевским городскими ополчениями, варягами-наемниками, позднее – “своими поганьими” и даже – наемными печенегами, венграми (при Святославе) и “дикими половцами” (во внутренних войнах).

При процессуалистском подходе “дружинное государство” в Польше представляется инструментом старой племенной знати для резкого повышения своих доходов путем внешней экспансии и получения независимого от “общества” прибавочного продукта, а в итоге – “узурпации власти” над “народом”. Огромный, пожалуй, самый большой в Европе, размер дружины привел при неизбежном наступлении полосы внешних неудач уже в конце правления Болеслава Храброго к гигантскому перенапряжению сил страны. Аристократический ее характер не позволил ни ему, ни его преемнику решить вопрос о радикальном сокращении численности воинского сословия⁵³⁸. Рассредоточение же дружины по земельным владениям лишь облегчило уничтожение значительной ее части во время грандиозного антихристианского, антигосударственного восстания середины 30-х гг. XI в. и чешского вторжения 1039 г. Последнее было остановлено лишь вмешательством германского императора. Восстание было подавлено с помощью отряда германских рыцарей и русских войск, вернувших в 1047 г. польской короне Мазовию, но число дружинников-“рыцарей” даже в начале XII в. в несколько раз уступало дружине Болеслава Храброго (Галл Аноним, 1996. – С.338). В дальнейшем Польша пошла, хотя и медленно, по феодальному пути германского образца, лишь Мазовия в XII – XIII вв. в миниатюре повторила “дружинный путь”, но со своей спецификой (“военные поселенцы” – рыцари-крестьяне) (Руссоцкий, 1974. – С.143).

На Руси великокняжеская дружина – русь возникла как альтернатива “племенным” князьям и их дружинам (хотя и могла включать отдельных их представителей) и использовалась как инструмент ликвидации племенного сепаратизма и создания территориальной структуры (как в Болгарии – в ходе подавления антихристианского мятежа тюркской знати 865 г.).

“Дружинное государство” на Руси не имеет не только четко выраженного характера, но и хронологических рамок, как в Польше. Оно зарождалось как бы “рывками” при Олеге и Святославе, пережило расцвет при Владимире, а затем медленно трансформировалось в иные структуры при Ярославе и его наследниках. Идеологические обоснования не-

обходимости ее существования исчезли после возврата Червенских градов, смерти главного политического оппонента Ярослава – Мстислава Храброго и разгрома печенегов под Киевом⁵³⁹, произошедших почти одновременно в середине 30-х гг. В этой связи в новом свете, как средство “занять” дружину, оправдать ее существование и одновременно обеспечить в материальном плане, предстает достаточно необъяснимым (точнее, слабообъяснимым) поход 1043 г. на Византию. Этот же фактор, возможно, послужил одной из причин непрерывных походов Ярослава в 30 – 40-х гг. XI в. в Прибалтику, Польшу (борьба за Червенские грады в 1030 – 1031 гг.) и Мазовию, апофеозом которых был возврат последней польской короне в 1047 г. после убийства русскими местного князя Моислава (Мечислава) (ПСРЛ. Т.II. Л.58)⁵⁴⁰.

Хронологически периоды “дружинного государства” в Польше и существования “большой дружины” на Руси практически совпадают: примерно 960 г. – середина 30-х гг. XI в. Однако фаза расцвета первого падает на начальные 20 лет XI в., второй – на последние 20 лет X в.⁵⁴¹ Кроме того, если польская дружина, не меняясь по составу и функциям, постепенно численно возрастала, от сравнительно небольшой у Мешко I до поистине огромной у Болеслава Храброго, то русская как раз в момент возникновения при Святославе⁵⁴² достигла наибольших размеров для выполнения его геополитических целей, за счет щедрой византийской субсидии (15 кентенариев (455 кг) золота) (Лев Диакон, 1988. – С.37, 183) и хазаро-болгарской добычи. Функций управления собственным государством эта дружина, как и ее вождь, практически не несла. Четкая дата – 1035 г. – знаменует падение “дружинного государства” в результате народного восстания в Польше и последующего чешского вторжения. На Руси, где необходимость в “большой дружине” отпадает, примерно в это же время она стала дробиться между князьями, ее элементы, в том числе в управлении, продолжают существовать, постепенно уменьшаясь по удельному весу.

В течение этапа “раннего государства”, когда дружина расслоилась, ее место в управлении заняли, с одной стороны, органы местного самоуправления – веча, с другой – должностные лица князей или даже они сами, в связи с разрастанием рода Рюриковичей, затем она снова стала возрождаться в отдельных княжествах в виде “милостников” княжьего двора. Эти люди уже не были “соуправителями”, как “старые” дружинники. Новая дружина более зависела от князя, являющегося для нее уже не вождем, а

милостивым, но “господином”, “отцом” (Даниил Заточник, 1988. – С.120). Русь, в итоге, представляла собой в конце X – начале XI вв. некую особую модель, равнодействующую среди синхростадиальных (и хронологически одновременных) ей держав – Швеции, Польши, Чехии, Поморья, Болгарии, более всего, пожалуй, напоминая Данию в усложненном варианте.

Дальнейшие изменения в структуре сложившегося к 990-м гг. “раннего” государства касались кодификации дружинного права и создания княжеского писаного права, приобретения верхушкой дружины независимой от исправления государственных должностей экономической опоры и попытки государства (“Устав” Владимира Мономаха) затормозить этот процесс, экспериментов с системой наследования киевского престола и распределения столов внутри уже монополизировавшего верховную власть рода Рюриковичей, а также с титулатурой (“каган”, “цесарь”). Безусловно, можно констатировать общее усиление роли веча, унификацию типов предгородских поселений в “города” разного размера и статуса, вплоть до городов-государств. Можно отметить две попытки оформления границ: “мягкого”, по западноевропейскому образцу, и “жесткого”, по византийскому типу. Это создание (точнее, возрождение) Ладожского ярлства, вероятно, по образцу каролингских и германских “марок”⁵⁴³, и образование системы “федератов” – поселенных кочевых племен (“своих поганых”) на южной границе⁵⁴⁴. И, наконец, сначала формальное (по формуле Любечского съезда 1097 г. “каждый да держит отчину свою” (ПСРЛ. Т. II. Л. 86 об.), а затем и реальное введение новой, но в рамках этапа “ранней государственности”, системы правления⁵⁴⁵.

С учетом фактов генезиса древнерусской государственности, можно наметить три стадии параллельно ей шедшей дружинной линии развития.

1. Наличие многочисленных мелких дружин разного типа: “племенные” дружины у самых низких по уровню политогенеза социальных (этно-потестарных) организмов внутри двухуровневого Древнерусского государства; дружины местных князей; дружины отдельных представителей рода Рюриковичей и “русских князей”, к нему не относившихся; частные “младшие” дружины (“отроки”)⁵⁴⁶ у отдельных старших членов (лучших мужей, бояр) великокняжеской дружины (Свенельда, например). Последние две категории в сумме, вместе с “купцами” конкретных городов, где сидели “русские князи”, составляли верхний уровень власти – правящую корпорацию “русь”. “Большой”, государственной дружины, составляющей

важнейший внешний признак не просто дружинных тенденций или линий развития, а именно государственности, очевидно, не было.

Дружины как органы управления дополняются такими родовыми пережитками, как “старейшины городов” (ПСРЛ. Т. I. Л. 17), просто “людье”, “древляне”, выступающие как самостоятельный субъект политико-правовых действий (“сдумавше же Поляне и вдаша от дыма меч” (Там же. – Л. 6). На севере можно предполагать зарождение аристократически-родовой, а не “дружинно”-княжеской формы правления, а также органов городского самоуправления.

2. Период собственно дружинного государства, когда создается “большая дружина” одновременно и как главный (но на Руси, как и в других странах “неклассической” дружинной модели – не единственный) военный и управленческий орган.

3. Адаптация дружины к структурам и системе управления закончившего свой генезис раннего государства, постепенная ликвидация “большой дружины” и как единого целого, и как главного инструмента управления.

Вероятно, что 1-я стадия в основном совпадает с этапом “двухуровневого” государства, вторая – с правлением Ярополка и Владимира Святого, третья отчасти началась при Ярославе Мудром, но не нашла своего завершения в стадильно-хронологических рамках Киевской Руси.

* * *

Итак, переход к “ранней государственности” на Руси произошел почти полностью (исключение – кодификация права, не являющаяся обязательным универсальным признаком данного этапа) в правление Владимира Святого, хотя начало его становлению положили реформы Ольги. Зародившееся при Святославе “дружинное государство” в качестве инструмента внешней экспансии и эксплуатации чужих народов, уже при Ярополке и Олеге стало служить целям эндоэксплуатации и использоваться как главное средство межплеменной интеграции в интересах исключительно бывшего “верхнего уровня” (хотя возможны компромиссы с местной аристократией у Олега и Владимира, не располагавшими, как Ярополк, остатками “большой дружины” Святослава). Основными, если не единственными (как и при Святославе), оставались функции самообеспечения власти. С этими же субъективными целями, но объективно в инте-

ресам всего государства и общества, с помощью механизмов различного типа (военно-объединительных, сакральных, “родственных”, возможно – семейно-брачных (“женских”), реформаторско-правовых, демографически-интеграционных) завершает консолидацию суборганизмов разного типа и уровня в рамках уже почти унитарного государства Владимир Святославич. Хотя сами объединительные мероприятия проходили в рамках и посредством “дружинной” по форме государственности (что было дополнительно стимулировано временно возросшим значением военно-оборонительного фактора), их результат имел уже все признаки “раннего государства”: смена племенного деления территориальным, принятие мировой религии, изменение статуса великого князя и, возможно, его титула (“каган”, “цесарь”, “единодержец”), переход в его руки судебной власти вплоть до права смертной казни (но без кодификации). Эти существенные изменения сопровождались характерными именно для “ранней” по этапу государственности внешними признаками: строительство “градов”, пограничных линий, монументальное строительство, поощрение грамотности. Несмотря на начало масштабных мероприятий по унификации этнополитического состава, это государство обладало и таким, хотя “вторичным”, не универсальным, но все же одним из признаков “раннего” этапа, как политэтничность. Налицо также постепенное возрастание “многофракционности” правящего слоя Руси, максимально унифицированного в основном до рамок дружины при Святославе, Ярополке и отчасти – Владимире. При последнем из них в принятии важнейших решений принципиального характера (“выбор веры”, правовая реформа) участвуют не только “бояре”, но представители городского самоуправления, “старцы градские” (институт которых берет начало еще на этапе отдельных “вожеств”). Характерная отличительная черта древнерусского политогенеза этого периода – отсутствие ярко выраженных конфликтов между “государством” и “обществом”, которые имели место, например, в таких государствах “среднеевропейской модели”, как Польша и Венгрия XI в.⁵⁴⁷, “Северной” (“Скандинаво-балтийской”, особенно в Норвегии конца X – начала XI вв. и второй половины XII – начала XIII вв. и Ободритской (Вендской) державе Готшалка в середине XI в. Точнее, конфликты были, но они происходили внутри слоя, так или иначе к управлению и власти причастного, даже в рамках самого правящего рода. В этом плане Русь гораздо ближе “классической” стране “Среднеевропейской модели” – Чехии (в Польше и Венг-

рии все же сильно ощущалось влияние аристократических и феодально-иерархических импульсов, идущих из Германии) и наиболее к ней близкой среди стран “северной модели” – Дании. Как мы пытались показать, это было результатом не только, возможно, действия схожих внутренних и внешних (военно-оборонительные и объединительные механизмы) факторов, но и прямыми контактами и заимствованиями в области политической культуры. Есть определенное сходство и с Болгарией, которая гораздо раньше Руси должна была решать те же задачи ликвидации “двухуровневости” и ее последствий и стояла перед выбором линии дальнейшего государственного развития, политической и религиозной культуры. И, как и Русь, взяла за образец идеал, к которому нужно стремиться – византийскую модель, относящуюся, безусловно, хотя и к “неклассической”, но все же форме чиновничье-бюрократической государственности. От “восточной деспотии” последнюю отличают не столько государственные структуры, сколько их социальная база, вопросы собственности на землю и отношения по линии “государство-общество” (то, что в правоведении получило название “политический режим”). Уже Ольга, но в основном Владимир, Ярослав и их преемники (особенно Владимир Мономах) использовали византийский опыт государственного строительства и правового регулирования общественных отношений, сказавшийся, например, в некоторых разделах Пространной редакции “Русской Правды”.

НАЧАЛО РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ (вместо заключения)

Механизмы создания “ранней государственности”, институционализации соответствующему ей уровня власти, в общем, одинаковые в “средне-европейской”, “северной” и “болгаро-византийской” моделях, но их последовательность существенно различается. Рассмотрим три конкретных варианта “идеализированных схем” государствогенеза в этих трех моделях.

Чехия

1. Формирование княжеской власти, сразу монополизировавшей область права.
2. Христианизация (одноактно).
3. Создание “большой дружины” (позтално).
4. Уничтожение племенной знати и главный конфликт, от исхода которого зависел путь развития.
5. Введение регулярных налогов, создание территориального деления, “градской системы” и “служебной организации”.
6. Внешняя экспансия, “имперский эксперимент”.
7. Начало кодификации права. Длительность “переходного периода” – 180 лет.

Скандинавия

1. Образование государственной территории, ликвидация “племенных” конунгов, интеграция местной и “дружинной” знати.
2. Создание системы “королевских усадеб” (в Дании – “крепостей”, “лагерей викингов”), “большой дружины”.
3. Введение даней и создание территориального деления (из-за оборонительных войн).
4. Кодификация конунгами норм “обычного” областного права (длительный период).
5. Конфликты из-за “присвоения одаля” – область имущественного права.
6. Христианизация (в несколько приемов) и конфликты из-за христианизации.
7. Внешняя экспансия на государственном уровне.
8. “Феодализация” знати, кое-где (Швеция) введение налогов вместо ледунга.

9. Полный переход судебной власти в руки короля. Длительность генезиса структур “раннего государства” – от 70 (примерно, в Дании) до 400 лет (Швеция), свыше 280 лет – Норвегия.

Болгария

1. Создание кодифицированного общегосударственного законодательства (“Законы Крума”).
2. Создание территориального деления по византийскому образцу взамен племенного.
3. Введение системы налогов и повинностей.
4. Создание ханской дружины при сохранении остальных видов войска и чиновничьего аппарата.
5. Христианизация, новый статус ханской власти, новые титулы и регалии.
6. Конфликт со “старой” тюркской языческой знатью, разрешенный одноактно (путем уничтожения) в пользу “государства”.
7. Внешняя экспансия (точнее, новый ее виток при Симеоне).
8. Неудачные оборонительные войны (со Святославом, Византией) и гибель “ранней государственности”.

Период становления (без внешней экспансии) – 60 лет (808 – 866 г.).

Русь (от Ольги до Ярослава)

1. Введение на части территорий княжеского суда и налогов (“Уставы и уроки” Ольги).
2. Создание “большой дружины”.
3. Внешняя экспансия и ее провал.
4. Объединительные войны, начало ликвидации племенной знати.
5. Конфликты внутри правящей верхушки из-за раздела даней.
6. Христианизация (одноактно).
7. Завершение интегративных мероприятий, строительство “градов” и княжеских чиновладельческих поселений, создание новой территориально-фискальной системы.
8. Объединительные войны как консолидирующий фактор.
9. Начало перехода судебной власти в руки князя.
10. Первые шаги кодификации “обычного”, дружинного и княжеского права (уставов) (1016 – 1072 гг.)

Длительность основного периода (без кодификации) – 60 лет, с ее учетом – 125 лет.

Автор воздерживается от подробных комментариев этих четырех родов последовательности механизмов, сознавая во многом их субъективность (из-за характера источников) и условность (в плане повторного действия тех же механизмов, их хронологического “наползания” друг на друга, иногда “спрессованности” дат (особенно в “ПВЛ” в 80 – 90-е гг. X в.). Однако они, очевидно, отражают какие-то объективные реалии, в частности следующие моменты: в обществах, пронизанных правовыми отношениями, на одном из первых мест стоит кодификация “обычного права”, а на одном из последних – создание королевских законов (Скандинавия). В славянских странах Средней Европы судебная власть чуть ли не изначально принадлежит князю, а вот с кодификацией права дело обстоит с точностью до противоположного. В Болгарии – то же, но из-за влияния Византии оба эти момента ситуативно и хронологически совпали. Везде, кроме Руси, внешняя экспансия как главная функция государства завершает список механизмов (в Чехии после нее идет только кодификация, в Швеции – узурпация правовой сферы королем). Христианизация в Скандинавии (кроме Дании), растянувшаяся на столетие даже на государственном уровне, во всех славянских странах была в этом плане (как введение государственной религии) проведена одноактно (кое-где – у ободритов – “сорвалась”). Но если в Чехии она, по сути, начинает список “институционализационных” механизмов, а в Болгарии его “закрывает”, то на Руси стоит (по последовательности, но не хронологии) в его середине.

В любом случае, даже механизмы становления власти этапа “ранней государственности” на Руси однозначно указывают на ее особое, специфичное место среди трех, безусловно, связанных с ней моделей “ранней” европейской государственности.

Древнерусское государство относится, во-первых, ко “вторичным” государствам, но, во-вторых, возникшим в бессинтезной зоне Европы. Именно в этой связи и необходимо рассматривать его политическое окружение в динамике на разных этапах государствообразования с IX по середину XI в. При этом необходимо учитывать, что воспринимаются влияния, во-первых, превосходящих, но близких по стадияльному развитию социально-политических организмов, во-вторых, это влияние сказывается в первую очередь на внешнем оформлении государственных институтов и ритуалов.

Очевидно, что для этапа отдельных “вождеств” (племенных княжеств и протогородов-государств) можно отметить два влияния: Хазарии на Юго-

Восток будущего Древнерусского государства, Великой Моравии – на Юго-Запад. Воздействие это на Юго-Восток продолжалось до середины 80-х гг. IX в., да и дальше Киев брал дань с северян и радимичей по хазарским нормам, а вятичи, вероятно, сохраняли связи с Каганатом до 965 г. Волыняне и белые хорваты не упоминаются как племена, покоренные Олегом, а в походе 907 г. они уже участвовали. Возможно, они сохраняли верность Великой Моравии вплоть до ее падения в 906 г. или, по крайней мере, до захвата Словакии венграми, отрезавшими их протогосударство от ядра Великоморавской державы.

В X в. практически синхростадиально шло развитие Древней Руси, Швеции, Дании, Польши, несколько опережала их Чехия, Здесь возможно не влияние, а взаимодействие в процессах формирования государств друг у друга. Взаимодействие (точнее, даже “взаимоучастие”) могло быть положительным (дружественным) или отрицательным (враждебным) в прямом, субъективном смысле. Объективные последствия этих прямых воздействий не обязательно должны были быть полностью адекватными субъективному характеру последних.

Наибольшее же непосредственное участие из “иностранцев” в процессе государствообразования на Руси приняли скандинавы. Объясняется это как стадиальными особенностями развития Скандинавии в IX – X вв., так и спецификой ее природно-географического положения. В эпоху “варварства” почти повсеместно, в результате разложения родовых институтов, появляется слой населения, молодежи в первую очередь, для которого война, набеги становятся “сезонным” занятием. Вспомним “священную весну” у германцев. В Скандинавии в силу ограниченности ее природных ресурсов, вызвавших “демографическое давление”, это движение приобрело на данном этапе беспрецедентный для оседлых народов размах, а море, отделявшее ее от объектов грабежа, заставило это движение принять специфическую форму “викингов” (сезонных морских походов за добычей). Для самой Скандинавии это движение послужило первоначально тормозящим моментом государственного развития, т.к. снижало “внутреннее давление” и удаляло из страны наиболее активные элементы, в том числе знать – не только хевдингов и ярлов, но и конунгов. Объясняется это наличием множества “вождеств” во главе с конунгами и особенностями престолонаследия, когда наиболее достойный из состава одного рода практически занимал престол в процессе борьбы с другими пре-

тендентами. Последним оставалось искать счастья за пределами страны. И, как и в Западной Африке, эти грабительские походы возглавлялись титулованными особами, что позволяло последним, завоевав славу и “престиж” за рубежом, вернуться домой “на коне” (Харальд Гардрад). Другие же так и оставались за пределами Скандинавии – или как слуги, или как господа и даже создатели государств на чужой территории.

Шведские викинги (варяги), возглавляемые в 60-е гг. IX в. обоими (Упсала и Бирки) конунгами союза племен свеев, занимались транзитной торговлей с Каспийским Востоком и Уралом по Волжскому пути. Недаром эта территория названа ими “Аустрвег”. Попутно они собирали дань с окрестных славяно-финских племен и “вождеств”. Это субъективно, безусловно, отрицательное, воздействие вызвало объективно положительный результат – сплочение этих социально-политических организмов в единую конфедерацию. Положительное же воздействие (“призвание варягов”) никакого влияния первоначально не оказало, т.к. дружина из нескольких сот русов была просто инкорпорирована в уже складывающуюся структуру и заняла там свою нишу. Поражение Игоря в 941 и 944 гг. могло явиться стимулом перехода к внутренней эксплуатации, но поражение государства (“руси”) в столкновении с обществом (древлянами), наоборот, вызвало регресс политогенеза.

В конце IX в. – 40-е гг. X в. скандинавы составляли самый важный “иностраный” компонент “государственной дружины” сложного вождества во главе с “русью”, занимая второе место после самой правящей дружинной верхушки под этим названием в военной иерархии “варварской” державы имперского территориального типа (“двухуровневого государства”). Середина X в. означала территориальный регресс державы взамен явного социально-политического прогресса “толчкообразного” характера ее ядра. При Ольге началось положительное воздействие Византийского “зрелого” государства, частично обновляющегося на путях феодализации. Но воздействие это имело ограниченную самую правительницей сферу, т.к. за исключением земли древлян, ставшей доменом и по типу – ранним государством, остальная территория державы была отделена от византийского уровня минимум этапом развития. На Руси – финал “сложного вождества”, в Византии – финал чистой бюрократической монархии, находившейся на переходе (не завершенном) к сложнотипологической модели (бюрократически-феодальной). 60-е гг. характеризуются отрицательным

воздействием Византии, т.к. она, хотя и была частично жертвой агрессии, отвлекла активные силы Руси от позитивного процесса государственного созидания, отодвинув момент перехода к внутренней эксплуатации, хотя и стимулировала создание главного субъекта и инструмента последней – “большой дружины”. Это же касается и первого контакта с “ранним”, потенциально бюрократической формы, Болгарским государством. Поражение Святослава ослабило отрицательные последствия (длительность) этого отвлечения сил. За это время волыняне, хорваты, северяне и другие, вышедшие из державы, сами, вероятно, перешли к стадии “военной иерархии”. Вместо одной линии политогенеза могло появиться несколько, причем разнотипных (Новгород, Полоцк – протогорода-государства с округой). Но Новгород при всех коллизиях сохранял верность центру и даже выступал гарантом целостности системы.

В конце 70-х (при Ярополке) – начале 80-х гг. X в. Русь, практически одновременно с Данией и Польшей, чуть позже Чехии (где-то на 30 лет) и на столько же раньше Венгрии, переходит к начальной фазе “раннего государства”. Процессы государствообразования в них проходят почти синхростадиально и взаимно переплетаются, стимулируя друг друга и в сотрудничестве, и в борьбе. Налицо и прямая взаимопомощь: политическое убежище норвежских и шведских конунгов на Руси (и обратно, вплоть до Андрея Ярославича в 1263 г.), союзы, спасение польской ранней государственности от полной гибели после поражения при столкновении с “обществом” в 1035 – 1037 гг. и дальнейшей дезинтеграции. Швеция и Норвегия, отставая от Руси (поражение государства в “пробе сил” с обществом из-за христианства в Упсале и по вопросам единства (при Харальде Гардраде), поставляли ей кадры для ее процесса государствообразования. Во все критические моменты жизни русы, особенно новгородские, всегда могли получить “варяжскую” помощь (хоти и не бесплатную). Однако, в отличие от скандинавов, до 60-х гг. X в. остававшихся зачастую в составе правящего слоя Руси, эти новые предпочитали, “заработав” деньги, вернуться на родину, где изменившаяся социально-экономическая ситуация и общественное мнение уже позволяли ими воспользоваться не только для “престижа”. Интересно, что “возросшее значение” сакрализации в виде принятия новой интегрирующей религии в этих странах происходит практически одновременно: 60-70-е гг. X в. – Дания и Польша, 80-е гг. X в. – Русь, около 1000 г. – Венгрия, Швеция, Норвегия. Везде это событие ста-

диально совпадает с переходом от “военной иерархии” (или “сложносоставного государства”) к “раннему государству”. Лишь в Швеции и (не настолько) в Норвегии этот факт оказался несколько преждевременным – и то потому, что у государства не хватило чисто военных сил “внушить” обществу необходимость перехода к новой религии. Там состояние “сложного вождества” продлилось еще 150 – 250 лет. Недаром “последний конунг-викинг” был именно в Норвегии и позволил вовлечь себя в авантюру в старом духе. В Дании же, наоборот, королям удалось включить викингов в выполнение нужных государству задач, их “заперли” в специальные лагеря и превратили в королевских дружинников, заменив ими, хотя и не сразу, народное морское ополчение – ледунг. Характерно появление “образа врага” и широкомасштабной внешней экспансии, на Руси частично замененной обороной от кочевников. Кроме того, Русь, как и Венгрия, частично “перебесилась” в этом плане в эпоху “вождеств”. Венгерские короли, справившись с сильными племенными вождями – родовой аристократией (с помощью немецких “раннефеодалных” рыцарей), наверстали свое в конце XI – в начале XII вв. – присоединением Хорватии и, позднее, – Галиции. Русь, встретив преграды на Западе и Востоке (Волжская Болгария) и проверив последний раз “прочность” Византии на Юге, ограничилась натиском в Прибалтике и на Севере, половину сил тратя на оборону (в начале XII в. – контрнаступление на Степь: ее жители и были главным “образом врага”). У поляков в качестве таковых были в основном чехи (особенно после похода Бржетислава II в 1039 г.), у чехов – поляки, у тех и других (хоть и в меньшей степени) – немцы, у датчан – саксы и, в меньшей степени и позднее, – славяне-вагры, какое-то время (особенно с 965 по 1016 г.) – англичане (впрочем, тоже потомки саксов).

Чехия также приняла христианство “раньше времени” – отсюда смерть Вацлава и Людмилы, борьба с еще “не тронутой” христианством своей родовой знатью. На Руси главный эпизод борьбы со знатью северян, радимичей, вятичей, вольнян, еще ранее – древлян, новой военной знатью Полоцка, был завершен до акта смены религии, когда знать не успела оправиться от поражения и воспрепятствовать этому. Наоборот, своевременное принятие христианства закрепило политическую победу “интернациональной” дружины над племенной (точней, “вождийской”) знатью. То же – в Венгрии: недаром христианскому королю в борьбе с языческой знатью пришли на помощь немецкие рыцари. В Польше христианство было

принято только верхами с утилитарной целью – получить поддержку Чехии, а затем императора во внешней экспансии. Откровенно “иностранная” религия, как и слишком быстрый процесс “огосударствления” и даже зачаточной феодализации (за 30 лет!), чуть ли не переход от “раннего государства” к “зрелому” вызвал ответную предохранительную реакцию общества (крестьян и Мазовии) и едва не привел к “возвратному процессу”. Только солидарность христианской Руси и раннефеодальной Германии предотвратили его.

Пример Ободритского государства, как Швеции и Норвегии, говорит о том, что, не создав предварительно “большой дружины”, великий князь (даже “король”) проигрывал конфликт с “родовыми дружинами” аристократов и иногда погибал при попытке ввести христианство как фактор интеграции. Там, где эти три момента хронологически почти совмещались, достигался наиболее быстрый и “бескровный” успех (Дания, Русь), где были асинхронны (Чехия X в.) или некоторые из них вообще отсутствовали (Польша, Ободриты, Швеция), либо внутренние коллизии являлись более катастрофическими (Ободриты, Польша), либо процесс был очень длительным (Швеция).

Для Руси конца X – середины XI вв. основой являлась корпоративно-дружинная форма ранней государственности с элементами (в регионально-, или структурно-политическом плане) линий развития к городам-государствам (не только Новгород, Псков и Полоцк, но и такой институт, как “вече”, во многих городах, а также боярско-аристократические тенденции в Ростове, Галиче и др.). Эта основа дополнялась некоторыми элементами “политарной” (всеобщность государственной налоговой эксплуатации) и феодально-иерархической (система “кормлений” – “ярлств”) форм государственности. Даже не зная заранее итоговых форм “зрелой” государственности Руси XIX – XVII вв. в разных ее частях, можно предположить линии развития от исходного раннегосударственного материала к аристократическим республикам смешанной между земледельческими, торговыми и общинными (полисными) городами-государствами формы; неклассической, но все же феодально-иерархической и чиновничье-бюрократической государственности.

В этом, кстати, кроется и одно из значений примененного нами в данном случае метода: по исходным формам прогнозировать тенденции развития (что существенно для политологии) и наоборот. Исходя из “итого-

вых” форм зрелой государственности, при недостатке источников, можно ретроспективно реконструировать формы ранней государственности того же (или схожего) этнополитического организма с большой долей вероятности. Сравнительно-исторический анализ процессов образования Древнерусского государства доказывает правомерность и продуктивность самого этого метода.

Лишний раз апробируется и в свое время сделанное В.Т.Пашуто наблюдение о “поразительной близости общественно-политических институтов” очень далеко (“и территориально, и этнически, и хронологически”) друг от друга отстоящих обществ (1973. – С.16). Оно косвенно служит одним из обоснованной правомерности широкого (но корректного, с учетом фактора синхростадиальности) применения сравнительно-исторического метода. В нашем случае оно получает доказательство “от противного” – даже рядом расположенные, этнически и экономически схожие и даже синхростадиальные, тесно между собой контактирующие государственные образования могут относиться к абсолютно разным формам государственности. Выявление причин последнего явления – пожалуй, тема отдельного исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Отметим как предшественника идеи “многолинейности эволюции” общества, в том числе и государства (наиболее последовательные ее проводники – Д. Стюард и Э. Сервис), русского историка первой половины XVIII в. В.Н. Татищева (1962. – С.360).
2. У последнего, впрочем, наиболее явно ощущается абсолютизация цивилизационно-ирригационного пути становления государственности (Стюард, Витфогель, отчасти Салинз и Адамс), что, возможно, диктовалось и спецификой изучаемого (китайского, прежде всего) материала.
3. Годелье, 1965.
4. В наиболее полном виде они представлены в сб.: Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. – М., 1966.
5. Классический пример – интерпретация одинаковых фактов истории западно-африканского “королевства” Бенин: как последней стадии первобытности (Б.А. Дэвидсон), раннеклассового (борьба трех укладов – первобытности, рабовладения, феодализма) общества (И.Б. Кочакова, И.И. Потехин), “государственный феодализм” (И.А. Сванидзе, Ю.М. Кобищанов). При наличии разногласий о “типе” государства Бенин (в марксистском понимании “типа”, т.е. стадийном уровне), споров о форме государственности не возникало.
6. В наиболее полном виде эти положения развиты в статье Ю.И. Семенова “Терминология и теория” //СЭ. – 1983. – № 5), опубликованных в вышеуказанном сборнике 1966 г. докладах Ю.М. Кобищанова и Б.В. Крылова. Восходит же идея о всеобщности раннего феодализма, как бы его ни называть, к точке зрения правоведа С.Е. Десницкого (1740-1789) о феодальном характере всех “первоначинающих государств” (Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в. Т.1. – М., 1952. – С.285).
7. См., например: Хвостова, 1966; Удальцова, 1975.
8. Неусыхин, 1967. – С.60-82.
9. Неусыхин, 1974. – С.230-231.
10. Корсунский, 1963. – С.83.
11. Люблинская, 1968; Гутнова, Удальцова, 1975; Гуревич, 1970; Статьи В.А. Тюрина (Юго-Восточная Азия), Н.А. Ивановой (османский феодализм), Б.А. Ивановой (Непал), Г.И. Подпаловой в сборнике “Типы общественных отношений на Востоке в средние века”. – М., 1982.
12. Первая была разработана чехословацкими учеными Д. Тржештиком, Й. Жемличкой и Р. Марсиной, а с перенесением отдельных ее элементов на восточнославянскую почву (и наоборот) соглашался Б. Флоря. Последний вместе с А. Роговым проводит параллели между моделями второй группы (1991).

13. Два “уровня господствующего класса” выделяли для Болгарии VIII в. Е.Койчева, Н.Кочев (1991. – С.52), “два уровня государственности” для Руси конца IX – середины X в. – Е.Шинаков (1993).
14. В последнем случае свою роль сыграли не только советские, но и зарубежные ученые, в частности, немецкий историк Й.Херрман. Термин “балтийская культура” был употреблен им в 80-е гг., но описание скрытых за ним общих явлений было дано ранее: Негтман, 1975; Херрман, 1978; Он же, 1986. – С.34. Параллельно в этом же ключе действовали российские специалисты: “русско-балтийское “торгово-экономическое сообщество”, объединенное судоходной торговлей” (Кирпичников, 1979. – С.98); “Балтийское культурное сообщество” (Лебедев, 1986. – С.47). По сути, в проблемном, а не терминологическом плане, эти определения восходят к статье В.А.Булкина и Г.С.Лебедева “Гнездово и Бирка” (1974. – С.12, 15-17), базировавшейся, как и чуть более позднее исследование В.Я.Петрухина и Т.А.Пушкиной (1979. – С.111-112), на труде: Jankehn, 1971.
15. Обычная линия сопоставлений – города-государства майя – Шумер-номы Египта и (реже) – городские царства ахейской и Гомеровской Греции; индейские “империи” Центральной и Южной Америки – ранние централизованно-федеративные державы Месопотамии (государства Саргона, Шульги, Нарам-сина) – Ангкор в Кампучии. Наиболее последовательно эти идеи проводятся американцами В.И.Гуляевым и Ю.Е.Березкиным (Гуляев, 1968. – С.139, 140-141, 147, 149, 154). Последний автор, впрочем, проводит аналогии не столько со синхростадиальными инками цивилизациями Старого Света (“иньским, или раннечжоуским Китаем, Египтом начала III тысячелетия до н.э.), сколько с тоталитарными, в том числе социалистическими, государствами или “имперским государством” (в понимании Ю.Березкина) вообще (Березкин, 1991. – С.180-218).
16. Дэвидсон, 1975. – С.154-156; Кочакова, 1986. – С.10; Бондаренко, 1993. – С.158.
17. Кочакова, 1986. – С.3.
18. Коротяев, 1993. – С.311.
19. 1 – налоги, 2 – независимая от народа публичная власть, располагающая аппаратом внутреннего подавления, 3 – смена родоплеменного деления народа территориальным.
20. Куббель, 1988. – С.132-133.
21. В сборнике 1966 г. “Общее и особенное в историческом развитии стран Востока”, посвященном дискуссии об “азиатском способе производства”, бинарность четко выражена у двух авторов. Э.О.Берзин прямо выделяет пути полисного и “восточного государствообразования” (ст. “Некоторые вопросы возникновения раннеклассовых формаций”. – С.71). Л.А.Седов, предложивший

свою “триаду”, отделяя от “кочевничества” 2 аграрных типа обществ, разделяет их между собой по форме собственности (частной и государственной) прежде всего (“О социально-экономических типах развития”. – С.51-54). В дальнейшем эти идеи не имели концентрированного выражения вплоть до конца 80-х гг.

22. Куббель, 1987. – С.6.
23. Васильев, 1994. – С.16-19, 23, 31-82, 242 и др. Он же. Что такое государство? //ПИШ. – 1996. – № 2.
24. Впрочем, и Маркс допускал для “Империи Рюриковичей” государственную форму эксплуатации (“феодализм без феодалов или феодалы, состоящие из дани” (“Секретная дипломатия XVIII века”). Что же касается В.И.Ленина, то и его оправдывали от обвинений в упрощенчестве, вульгаризации и “политизации” (см., например, ст. М.А.Виткина “Подход к проблеме азиатского способа производства” в сб. “Общее и особенное в историческом развитии стран Востока”. – М., 1966. – С.103).
25. Куббель, 1988. – С.129.
26. Сравните, например, следующие цитаты. “Возникновение государственных институтов раньше классов... демонстрирует универсальный, единственный повсеместно реально реализовавшийся путь появления государства” (Бондаренко, 1993. – С.165-166). “Государство – средство осуществления экономической власти меньшинства над большинством”, “в переходный (между первобытностью и классовым обществом) период собственность (в том числе на недвижимость, землю) замещает личность как мерилу социальной значимости” (Белков, 1993. – С.75, 91-92).
27. В работах этого автора и А.Ю.Дворниченко, вышедших после публикации статьи А.А.Горского, употребляется более осторожный термин: “переходный период” (Фроянов, Дворниченко, 1988. – С.19).
28. Делает попытку перенести некоторые особенности развития Северной Руси и Балтики в целом (например, наличие вигов) на Южную Русь украинский археолог А.П.Моця (Моця, 1985. – С.13; он же, 1987. – С.166). До своего “логического завершения” торгово-городовая теория доведена у Р.Пайпса, сравнивавшего Древнерусское государство с Ост-Индской компанией (1993. – С.40). Не относясь к отечественной историографии, теория Р.Пайпса вносит мало нового, по сравнению с распространенной в XIX в. (особенно у К.Д.Кавелина, отчасти у славянофилов и народников) идеей о дихотомии и разном происхождении общественных и государственных структур Киевской Руси и с зародившимся у В.Ключевского, развитым Г.Вернадским и распространенном у зарубежных историков 70 – 80-х гг. XX в. представлении о “монетарном” характере экономики (Вернадский, 1996 (по изд. 1948). – С.15) и первоначально внешнеторговой ориентации правящего слоя Древнерусского государства.

29. Важнейшим фактором образования единого Древнерусского государства он считает международную торговлю и необходимость ее организации.
30. Кстати, как и у них, у А.П.Новосельцева имеется определенная непоследовательность в вопросе о возможности существования доклассового государства: если отдельные “политические формирования” являются как бы недогосударствами, т.к. в них нет классов, то Древнерусское государство IX – X вв. является, судя по контексту, государством подлинным, хотя реальных классов в нем автор также не указывает.
31. Уместно вспомнить высказывание М.П.Погодина о том, что “начало государства есть самая важная, самая существенная часть, краеугольный камень его истории и решает судьбу его на веки веков...” (1846).
32. Сами же эти княжества образуются по классической схеме – путем узурпации власти представителями родоплеменного управления.
33. Сосредоточение власти в городе порождало тенденции к отрыву власти от широких масс родового населения и, следовательно, превращению ее в публичную власть. Это превращение стимулировало подчинение восточнославянских племен Киеву, завершившееся образованием грандиозного межплеменного суперсоюза под гегемонией полянской общины. Существование подобного союза невозможно было без насилия со стороны киевских правителей по отношению к покоренным племенам. Отсюда ясно, что публичная власть “материализовалась в насильственной политике, идущей из Киева” (Фроянов, Дворниченко, 1988. – С.38).
34. Об этом см. также у М.Б.Свердлова (1983. – С.29).
35. Еще В.И.Лениным (“Государство и революция”. – С.15) фактически был признан только один путь (“афинский”), который позднее в советской историографии зачастую смешивали с “римским”, полностью отбрасывая “германский” (называя созданные таким путем государства (ацтеков, например) союзами племен либо (для Европы) “варварскими королевствами”).
36. Максимальный уровень “социально-территориальных общностей”, достигнутый славянами до Рюрика, по Пайпсу (1993. – С.45) – племя во главе с патриархом, “обладавшим практически безграничной властью над единоплеменниками и их имуществом”.
37. Этот активный антинорманист в обоснование своей теории о р. Рось как источнике происхождения названия Руси ссылается на прямое свидетельство Густынской летописи и данные лингвистики (1994. – С.192-193).
38. В то же время Е.А.Мельникова, В.Я.Петрухин отмечают преобладание взвешенных подходов к проблемам образования Древнерусского государства в западной историографии (1985. – С.232-234). Для целей нашей работы особо существенно признание процессуалистского подхода в работах крупного немецкого русиста Г.Рюса (1979, 1980). Характерно наличие критики как тра-

диционного преувеличения значения норманнского фактора (в современной историографии – Р.Пайпс в особенности) и хазарского влияния (О.Прицак) в самой зарубежной литературе (Stokl, 1965; Wilson, 1978).

39. Этот исследователь также *сознательно* “вольно” относится к источникам (ср.: 1993. – С.86-102) (впрочем, в его высказываниях есть и рациональное зерно: Там же. – С.97-98) и считает, что “летописец отразил древнюю историю Руси неадекватно, и факты учел выборочно” (Гумилев, 1996. – С.247).
40. В.О.Ключевский в свое время подметил причины этого в очерке по поводу историка-патриота И.Е.Забелина (1879), которому “почему-то кажется, что русский народ мнстифицирован и запуган иностранцами, по их внушениям ценит себя ниже действительной стоимости. Он хочет правдивым изображением деяний предков ободрить соотечественников, внушить им уважение к себе, взирать с доверием на свое будущее” (Ключевский, 1989. – С.374). Сама версия Забелина о происхождении “Руси” летописной от балтийских славян Поморья, Вислы – Одры о. Рюген (“велеты-рюгенцы, руяне, рути, русы, русь), велетов-руси Неманского Поморья (“Поросья”) и в настоящее время имеет серьезных сторонников, и получены новые лингвистические подтверждения, что действительно “Новгородский край заселили славяне с Поморья”, вендской группы (у Забелина первоначально – ободриты) (см., например: Седов, 1989; Залзняк, 1981, 1984, 1989). Важнее в данном случае цель, смысл аргументации исследователя: “это все равно”, откуда происходит русь, лишь бы не из Швеции, как считают те, кто “одержимы немецкими мнениями о норманстве Руси” (Ключевский, 1989. – С.376, 373).
41. В этом плане (патриотизма) Л.Гумилев пошел дальше не только И.Забелина, но и Б.А.Рыбакова, который все же признал скандинавское (хотя и не *шведское*, а датское) происхождение династии Рюриковичей и выделил “варяжский период” в истории Руси. Варяжские князья были, конечно (летописи и иностранные, в данном случае хазарские, источники не отбросишь). Но пришли они “на готовое”, в уже сложившийся к IX в. и “процветавший, вопреки версии летописца”, на исключительно местной восточнославянско-росомонской базе “русский каганат”. Предки русов – росомоны IV в., “скандинавское племя”, пришедшее с готами, смешиваясь со славянами, породили полян (Гумилев, 1996. – С.245). Второе же “пришествие” варягов-норманнов, проигравших все возможные войны, чуть не привело Русь к гибели (Там же. – С.247, 251). Фактически вообще обходит варяжский вопрос, оставляя во главе конгломерата племен “Русь” лишь “полянскую общину”, другой главный оппонент Б.А.Рыбакова и господствовавшей в 70-е – середине 80-х гг. теории “государственного феодализма”, И.Я.Фроянов (1996). Более осторожен в обращении с источниками, хотя по сути солидарен в главном и с Рыбаковым, и с Гумилевым, и с Фрояновым, один из основных критиков последнего на со-

временном этапе, Н.Ф.Котляр. Указав для начала на безусловно более быстрое социальное развитие Юга Руси, чем ее Севера, и гипотетичное существование там “племенных княжений” в VIII в. (1995. – С.37, 43), этот ученый говорит следующую осторожную фразу: “Предлагая считать временем возникновения первого восточнославянского – еще не Древнерусского – государства середину IX в. (имеется в виду “Киевское княжество Аскольда” – Е.Ш.), мы не можем отрицать того, что систематические сведения о развитии государственности появляются в летописи с последней четверти этого столетия” (Котляр, 1995. – С.43). С приходом Олега с Севера она становится собственно русской и развивается “в основном на юге” (Там же).

Внешне близка к “южной теории” (“Руси Аскольда”, по М.Брайчевскому) современная концепция Г.С.Лебедева. Однако, по сути, этот ученый уравнивает ее и по степени развития, и по роли в сложении Древнерусского государства, с северной Русью – “Русью Рюрика”, связывая оба эти образования с зонами хазарской и варяжской дани (1994. – С.149). В этом аспекте положения Лебедева сближаются не с “южной теорией”, а с концепцией “двоецентриа”, в наиболее полном виде изложенной В.В.Мавродиным (1971).

Новым является гипотетично реконструируемый предшественник и южной, и северной Руси – каганат Дира (“условно 838 – 859 гг.” “от Балтики до Черного моря” (Лебедев, 1994. – С.151).

42. Этот исследователь считает, что взаимодействие проходило в IX – X вв. по “трансевропейскому торговому пути из Испании через Рейнскую область и Эрфурт на Краков или от Рейнской области через Прагу на Краков и Киев” (Там же).
43. Впрочем, контакты Чехии с Русью относятся (зафиксированы разного рода источниками) к более позднему периоду – X в. На конец X в., как время усиления значения западных торговых связей, указывает и А.П. Моця (1997. – С.9). Опираясь не предполагаемое заимствование древнерусского денежного счета в “Баварской восточной марке” “уже к рубежу IX – X вв.” (Назаренко, 1996. – С.77), этот автор намного удревяняет существование устойчивых торговых связей между Русью и Германией. Впрочем, нумизматические источники (состав кладов, указывающий на изменение потоков восточного серебра (Фомин, 1993, 1995, например), граффито на монетах, с 80-х гг. вводимых в научный оборот как новый вид источников (одна из последних комплексных работ – Нахапетян, Фомин, 1994), соотношение веса монет, обращавшихся на Руси, с весовыми единицами различных стран, находившихся с ней в торговых контактах (Прицак, 1998, например)), позволяют выявить и иные направления контактов, особенно алано-болгарское и хазарское (Нахапетян, Фомин, 1994. – С.173-176; Мельникова, 1998; Прицак, 1998). Устанавливается также наличие локальных рынков внутри Восточноевропейского пространства.

- (Нахапетян, Фомин, 1994. – С.176), допускается наличие собственного “варварского” монетного чекана и денежного обращения в отдельных его славянских регионах, северянско-вятичском, под хазарским влиянием, прежде всего (Куза, 1981. – С.29, 38; Шинаков, Григорьев, 1990. – С.67; Зайцев, 1991, 1992).
44. В этом А.Назаренко вполне солидарен с Й.Херрманом, а недавно специально обосновал это положение в специальной работе, с русско-германскими отношениями уже не связанной (1998).
45. “Мы считаем, что племенные центры это и есть города в социальном смысле слова”, “...всеобщая функция города состоит в том, что он является жизненно важным, опосредующим социальные связи центром, без которого тот или иной общественный союз существовать не может” (Фроянов, Дворниченко, 1988. – С.34).
46. В русской научной литературе это сравнение неоднократно проводилось с 70-х гг. XIX в. по 30-е гг. XX в. (М.Затыркевич, А.Никитинский, Н.Костома-ров, Н.Кареев, Н.Рожков, Т.Ефименко, А.Пресняков), что и считается авторами возрождаемой теории И.Фрояновым и А.Дворниченко одним из аргументов в пользу ее правильности (1986. – С.204-207).
47. Сам Фроянов, впрочем, предпочитает возводить свои взгляды в этом вопросе к работам В.А.Пархоменко 20-х и С.В.Бахрушина 30-х гг. Однако и у того, и у другого говорится не об отсутствии государственности вообще, а в цитируемых, кстати, самим И.Я.Фрояновым отрывках, о государстве непрочном, не-сформировавшемся, с расплывчатыми и неустойчивыми границами и территорией, в крайнем случае – об отсутствии *единого* государства (Бахрушин, 1938. – С.95; Пархоменко, 1924. – С.209). Естественно, наличие хоть и непрочных, но уже государственных институтов отнюдь неравнозначно их полному отсутствию.
48. Формально соглашаясь с вышеуказанными медиевистами и перенося реалии описанного ими “варварского общества” переходного периода на русскую почву, Фроянов считает, что здесь эти реалии имели место лишь в XI – начале XIII вв. (1996. – С.163), что и подразумевает “чистую” первобытность до этого времени. Учитывая сходство сущностных характеристик “варварского общества” у медиевистов и “дофеодального” – у историков Руси (С.В.Бахрушина, С.В.Юшкова, Б.А.Рыбакова, отчасти В.В.Мавродина и В.Т.Пашуто), И.Я.Фроянов, несмотря на критику их концепций, фактически солидарен с ними в этом аспекте, хотя и относит хронологически данный этап к более позднему периоду, чем они все.
49. Отметим здесь лежащий буквально на поверхности факт – великое переселение народов, в котором активнейшее участие приняли и находившиеся на стадии первобытности славяне. Что же касается славян восточных, то они вообще жили на чужой этнически (балтской и финно-угорской), а не только в пле-

- менном отношении территории. Кроме того, выпадают кочевники, в единстве которых главную роль играло осознание не территориальной, а демосоциальной общности. Приведем хотя бы уже цитированную нами точку зрения Ю.Семенова (1982) о различии племени и государства именно как организмов демосоциальных и геосоциальных. Специфика первых – способность легко менять территорию обитания, “оставаясь единым организмом” (С.57).
50. Это положение не совсем верно, ибо у “классиков” “позднесоветской” этнографической теории (Ю.В.Бромлей, А.И.Першиц, Л.Е.Куббель) абсолютно четко различаются разные виды “эндоэксплуатации” и “экзоэксплуатации” (внутри этнопотестарных племен и между ними) (Бромлей, Першиц, 1984. – С.66; Куббель, 1988. – С.152).
51. В то же время Фроянов сам фактически связывает начало государственности в Древней Руси с “завязыванием процесса формирования холопства как сословия или класса...”, начиная и то, и другое с конца X – начала XI вв. (1996. – С.235). В данном аспекте с Фрояновым солидарна в настоящее время и автор работы о сельской общине Л.В.Данилова (1994. – С.133).
52. Впрочем, это в какой-то степени объяснимо для исследователя, чьи работы, пожалуй, подвергались наибольшей критике, не столько по их сути, сколько по методологии и политическим причинам, в советской историографии 70-х – середины 80-х гг.
53. В плане стадильной политической (а не социальной) классификации этот исследователь не отказывается от своей ранее (1983, 1988) созданной трехэтапной схемы. Применяя к ней современную политико-антропологическую (этнологическую) терминологию, соответствующую сути описываемых им структур и явлений, кратко ее можно обрисовать следующим образом.
1. “Сложное вождество” (объединение племен) – до конца IX в.
  2. “Варварское государство” переходного периода – конец IX – первая половина X вв.
  3. Формирование в середине – второй половине X в. “раннего государства” (Свердлов до сих пор определяет его “феодалную природу” (1995. – С.13).
54. Уже в них ученый как бы наметил программу своих дальнейших исследований именно в этом направлении: “Последовательное сравнение восточнославянских общественных структур с южно- и западнославянскими является темой специального исследования” (1983. – С.30). Таких сравнительных работ появилось немного, в основном по такому элементу “среднеевропейской модели”, как служебная организация (Флоря, 1987; Кучкин, 1993, например).
55. Даже наличие сакральных механизмов, при существовании еще минимум шести первоначальных их типов, не обязательно свидетельствует о теократии, понимаемой как верховная власть в руках священнослужителей. Они могли использоваться для институционализации, обоснования и укрепления

власти родовой знати, отдельных “избранный богами” родов и лиц, богатых людей и т.п., или приводить к харизме, что теократии неравнозначно.

56. При этом критика функциональной зависимости появления классов и государства явно запоздала (ранее она уже присутствовала у советских медиевистов, этнографов-африканистов, этнологов-теоретиков, востоковедов), да и в самом первоначальном марксизме (у Ф.Энгельса), эта тесная увязка отсутствовала.

По сути, данный аспект грековской концепции образования Древнерусского государства был признан устаревшим еще в отечественной русистике конца 70-х – начала 80-х гг. И это не только работы И.Я.Фроянова. Концепция “государственного феодализма” (М.Б.Свердлов, Б.А.Рыбаков, В.Г.Абрамович, А.А.Горский и др.), как и введение “дофеодального” и “раннефеодального” периода в медиевистике, являлись попытками преодолеть очевидное по источникам противоречие между явным отсутствием классов, но наличием государства на Руси X – XI вв. С другой стороны, Н.Котляр излишне “льстит” И.Фроянову, приписывая ему (и используемой последним марксистской социально-экономической литературе 80-х гг. XX в.) известную энгельсовскую триаду признаков государства (территориальное деление, публичная власть, налоги) (Котляр, 1995. – С.40).

57. В выделении этой принципиальной грани он особенно близок М.Б.Свердлову, не признававшему дружинный характер государства (как А.А.Горский).

58. Нельзя, впрочем, не отметить, с методической и логической точки зрения, другую причину – уменьшение количества племен как участников походов Игоря и Святослава (по сравнению с названными и у Олега, и в первом походе Игоря).

Возможно, это не “объективное свидетельство консолидации Древнерусского государства, неуклонно поглощавшего племенные княжения” (Котляр, 1995. – С.39), а последствия кризиса 941-945 гг. и временного отпадения “племенных княжений”. Кстати, последнее предположение представляется более логичным с учетом большого разрыва между самими событиями и их фиксацией летописцами, для которых могла быть понятной сама зависимость (или независимость) того или иного “языка” от Руси, но не нюансы степени интеграции с нею.

59. Кстати, Е.А.Мельникова (1995. – С.20-22) более тонко понимает их сложную взаимозависимость: вначале власть вождей создается в т.ч. и для перераспределения, но затем именно доступ к последнему становится главным способом укрепления их власти и постепенного ее перерастания во власть государственную (политическую) (Мельникова, 1995. – С.20). Частная же собственность не на продукт общественного производства, а на его средства – явление гораздо более позднее и связанное с формированием классовых отношений.

60. Кроме такого рода работ, являющихся итогом многолетней деятельности в данной области, следует отметить дискуссионного плана выступления на конференциях в Институте отечественной истории, славяноведения и балканистики РАН, вызвавшие оживленную и неоднозначную реакцию прежде всего историков-русистов по поводу возможностей археологии в "их" сфере (тезисы, см: Седов В., 1999).
61. Определенное, да и то скорее внешнее, "терминологическое" исключение представляют некоторые работы Е.А.Мельниковой (1995) и Н.Ф.Котляра (1995).
62. Есть, впрочем, точка зрения (М.Б.Свердлова) о более поздней (в XII в., в основном) записи и даже сочинении этих данных.
63. Есть отрывочные сведения о славянах более ранних авторов, но не всегда ясно, о *каких* славянах идет речь, да и политической информации они не содержат (Калинина, 1994. – С.212-213).
64. Есть и иные точки зрения о предшественнике писателей "первой традиции" – "Анонимной записке", но тоже IX в. (Калинина, 1994. – С.221).
65. Подробную историографию вопроса см.: Новосельцев, 1965. – С.356-359. После выхода в свет этой книги появился еще ряд изданий, посвященных анализу восточных источников, например: Рыбаков, 1985. – С.172-235; Калинина, 1976, 1995; Новосельцев, 1982. Из иностранных авторов следует отметить Lewicki, 1977. Основная часть работы над источниками была проведена в 1986-1987 гг., ее результаты частично опубликованы: Шинаков, 1988, 1990. Никаких существенных моментов, могущих служить основой для изменения основных выводов, с тех пор не появилось. Наиболее существенной публикацией, впрочем, преследующей совершенно иные цели, явилась статья Т.М.Калининой 1994 г. Небольшие работы, посвященные использованию части корпуса восточных источников для доказательства тех или иных исторических построений, были (с разной степенью новизны и доказательности), осуществлены Я.Е.Боровским и Ф.А.Андрощуком (Киев), А.А.Александровым (Псков), Т.М.Калининой и И.Г.Коноваловой (Москва), А.С.Матвеевым (Санкт-Петербург) и опубликованы соответственно в 1988, 1991, 1997, 1998 и 1999 гг. Актуальность такого использования наиболее хронологически приближенных к описываемым реалиям и беспристрастных восточных источников доказывают и переиздание, и перевод книг, в которых либо отождествляются русы и славяне и излишне "завышается" уровень их государственности (Б.А. Рыбаков, Л.Н.Гумилев и др.), либо, с другой стороны, постулируется отсутствие у восточных славян до прихода русов даже элементов государственной организации (Р.Пайпс), а то и вообще их (славян) *физическое* отсутствие в Поднепровье, где пересекались границы руси – скандинавов, тюрков, балтов, финнов-угров (М.Э.Аджи).

66. Цит. по: Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. Перевод и комментарий / Под ред. И.Ю.Крачковского. – М.: Изд-во АН СССР, 1939. – С.19-20.
67. Ковалевский, 1956. – С.35-36.
68. Бартольд, 1929. – С.16.
69. Заходер, 1962. – С.7.
70. Там же.
71. Лебедев Г.С. Этнографические сведения арабских авторов о славянах и русах //Из истории феодальной Руси. – Л.: ЛГУ, 1978.
72. По А.П.Новосельцеву, в эту группу входят Ибн Хордадбех (846 и 885 гг.), Ибн Русте (903 – 923 гг.), Гардизи (50-е гг. XI в.), анонимный автор “Собрания истории” (XI (?) в.), ал-Марвази (XI – первая четверть XII вв.).
73. В данном вопросе мы опираемся на “Каспийский свод сведений о Восточной Европе”, а также на явные несовпадения описаний достоверно западных славян (Ибрагим Ибн Якуб и, возможно, ал-Масуди) и “славян” вообще (у авторов I группы). Есть и другие мнения, они будут приведены ниже.
74. Новосельцев, 1965. – С.409-410.
75. Лебедев, 1978.
76. Культ огня, как общий в представлении мусульман для всех немусульманских народов, опущен.
77. Новосельцев, 1965. – С.392. Есть и другие мнения по поводу первоисточника авторов традиций описания “острова русов”, во всяком случае, русской и славянской тем.
78. Подробный комментарий к этой знаменитой фразе Ибн Хордадбеха см.: Новосельцев, 1965. – С.382.
79. Цит. по кн.: Новосельцев, 1965. – С.387-388.
80. Там же. – С.397.
81. Там же. – С.388.
82. Цит. по кн.: Новосельцев, 1965. – С.400.
83. В отношениях со славянами не всегда господствовал “чистый” грабёж. У Гардизи, автора, правда, сравнительно позднего, имеется намек на “полюдьё”: “Всегда 100 – 200 из них русов ходят к славянам и насильственно берут с них на свое содержание, пока там находятся” (цит. по кн.: Новосельцев, 1965. – С.390).
84. Гардизи. Цит. по кн.: Новосельцев, 1965. – С.400.
85. Ибн Русте. Цит. по кн.: Новосельцев, 1965. – С.388-389. Здесь, впрочем, возможно перенесение на “руссов” хазарских порядков, связанное с употреблением их же термина “хакан”.
86. Конечно, может быть выдвинуто возражение, что в данном случае имеются в виду славяне Дунайской Болгарии или Великой Моравии, но и те и другие для середины IX в. не имели, в отличие от восточных славян, зафиксированных контактов с русами, а мораване были еще и христианами, а не язычниками.

87. Ибн Русте. Цит. по кн.: Новосельцев, 1965. – С.398.
88. “Рабы из славян” в восточных странах, естественно, не могли адекватно представлять черты “национального характера” свободных славян.
89. Цит. по кн.: Новосельцев, 1965. – С.389, 391.
90. Там же. – С.398.
91. Цит. по кн.: Новосельцев, 1965. – С.388.
92. Там же. – С.388.
93. О Белой Хорватии и краковском князе говорит еще Маркварт (Marquart, 1903. – S.66), позднее о князе вислян и Белой Хорватии – Т.Левицкий (Lewicki, 1948. – S.26) о Великой Моравии и ее князе Святополке (из последних работ) – Lewicki, 1977. – S.125, хотя ряд авторов, и ранее (Westberg, 1898; 1899; Вестберг, 1908), и сейчас (Kmietowicz, 1978. – S.181, 184) подчеркивают общеславянский характер титулатуры главы славян в восточных источниках.
94. Заходер Б.Н., 1962: Новосельцев, 1965 и др. В начале своей работы выдвинул концепцию о Киеве как центре “славян” еще Маркварт.
95. Рыбаков Б.А., 1982. – С.258. В некоторых случаях видит в “славянах” часть восточных славян (вятичей и северян) и Т.Левицкий (Lewicki, 1949/50. – S.349).
96. Вестберг Ф. К анализу восточных источников о Восточной Европе //ЖМНП. – 1908. – Февраль. – С.364; Validi Togan A. Zeki, 1939. – S.295.
97. Каких именно: карпатских (Новосельцев), “краковских” (Маркварт), западных (Хвольсон, Левицкий), балканских – не ясно из контекста. Термин “жупан” (если так понимать “суб.н.дж.”) более характерен для южных славян, но нет гарантии, что он не зародился еще на карпатской прародине хорватов и оттуда попал на Адриатику.
98. Хвольсон, 1869. – С.125; Westberg, 1899. – S.213; Вестберг, 1908; Рыбаков, 1982. – С.259; Marquart, 1903. – S.189.
99. О версии А.П.Новосельцева уже говорилось, Т.М.Калинина: “прежде всего, для времени написания “Анонимной записки” пребывание печенегов в Причерноморье кажется еще невозможным” (1994. – С.223).
100. Кстати, указанное расстояние – лишний аргумент в пользу “заволжских” печенегов, ибо от северных границ “причерноморских” до любых восточнославянских южных рубежей *такого* расстояния не было никогда, а от южных и западных славян (через Подунавье) причерноморских печенегов отделяли венгры, в этой группе источников (кроме более поздних ал-Марвази и Гардизи) не упомянутые. Последнее, кстати, является дополнительным аргументом в пользу ранней датировки сведений, по крайней мере, Гардизи, т.к. только из Ателькузы, до переселения в Трансильванию и Паннонию, венгры могли нападать одновременно и на гузов, и на славян, и на русов. Константин Багрянородный для первой половины X в. указывает точное расстояние (один день пути) “от Росии” до печенежской “фемы” Харавои. С “подпла-

- тежными Росии местностями” (но в строгом смысле в нее не входящими) “ультинами, дервленианами, лензанинами” граничит уже другая “фема” – Иавдиертим (Константин Багрянородный, 1991. – С.157). Последние выдержки, по-видимому, еще более подкрепляют версию о том, что восточные источники однозначно имеют в виду печенегов до их переселения в Причерноморье на место венгров.
101. Гаркави, 1870. – С.48.
  102. Бартольд, 1963. – С.51.
  103. Kmietowicz, 1973. – S.181-184.
  104. Последнее отнюдь не отрицает возможности отождествления арабскими авторами конца IX – X вв. зафиксированного в более ранних источниках титула с уже известным им от новых информаторов личным именем великоморавского князя.
  105. Косвенным доводом в пользу этого могут являться описания жилищ славян, в которых, вероятно, синтезируются данные и о землянках, и, более смутно, – о банях.
  106. Впрочем, высказывались мнения, что, по крайней мере, часть его сведений о “славянах” (ас-Сакалиба) следует относить к немцам (Вестберг, 1908. – С.364; Validi Togan A.Zeki, 1939. – P.295).
  107. Созданная в XIX в. (дерптским профессором Ф.Крузе, 1839; Kruse, 1851), эта теория получила новое развитие и конкретизацию в последнее время (Александров, 1997 а и б).
  108. Не менее убедительными выглядят и две южнобалтийские теории – рюгенская и прусская. В этих регионах также существовал многочисленный военно-торговый слой, морские пираты и находились опорные базы международной торговли – вики Ральсвик и Трусо (Трухачев, 1981; Кулаков, 1988 и др.), в составе населения которых были и скандинавы. Все три теории, плюс в настоящее время несколько менее убедительная старая, созданная еще Г.Ф.Миллером (высказываются сомнения в “droots” и “Ruotsi” как прототипах слова “русь” (Назаренко А., 1988. – С.73; Александров, 1997 б. – С.223)), вполне соответствуют всем письменным источникам, которые, однако, не дают веских оснований для окончательного выбора одной из них.
  109. Несколько иную, хотя и близкую трактовку применения Феофилом титула “хакан” предлагают А.П.Новосельцев (1982) и А.В.Назаренко (1994. – С.12-13, 19).
  110. Исходя из данного контекста, в определяемом диапазоне времени создания произведения мы берем крайнюю дату – 842 г. (Материалы, 1985. – С.266), которая, впрочем, также не является единственной и окончательно доказанной (историографию вопроса см.: Сахаров, 1980. – С.30-33).
  111. “...ни в чем другом... не находя такого удовольствия, как в смертоубийстве...”

- начав разорение от Пропонтиды и посетив прочее побережье, достигли, наконец, и до отечества святого, посекая нещадно всякий пол, не жалея старцев, не оставляя без внимания младенцев, но противу всех одинаково вооружая смертоубийственную руку и спеша везде принести гибель, сколько на это у них было силы” (Житие св. Георгия Амастридского: Материалы, 1985. – С.267). “На запад от города, называемого ал-Газира, город, называемый Исбилия (Севилья), на большой реке, которая есть река Кордовы. В тот город вошли в 229 г. поганые, называемые ар-Рус, которые захватили пленных, “грабили, жгли и убивали” (ал-Я’куби: Lewicki, 1977. – S.251). На западе арабского мира позднее термин ал-Маджус (“язычники”, “поганые”) применялся к норманнам, но не славянам (Ловмянский, 1985. – С.219).
112. Ошибка в 10 лет – на совести летописца, писавшего все же через 250 лет после событий, или дата начала самостоятельного (без матери-регентши) его правления.
113. Что имеется в виду – описание нападения на Амастриду перед (или в начале) правлением Михаила III или похода Аскольда и Дира в конце его царствования – неясно. Но, поскольку с этим фактом летописец связывает получение Русью известности, речь, скорее всего, идет о первом. В то же время термин “летописанье греческое” указывает скорее на 860 г., т.к. о письме Феофила в византийских источниках не говорится, а набег на Амастриду упоминается в литературе житийного характера.
114. Описывал он реалии 40-х гг. X в., которые ретроспективно можно отнести к более раннему времени.
115. Мы не вдаемся даже в чисто информационного характера попытки интерпретации и локализации последнего названия, поскольку это только увело бы от основной цели работы.
116. “Общих” относительно, т.к. количественные показатели признаков различны.
117. Автором “Слова на положение ризы Богородицы во Влахернах”.
118. Хотя описание это относится к “славянам” (Marquart, 1903. – P. 102), но явно стоит особняком по отношению к стереотипам 1-й и 2-й традиций, четко “славян” и “русов” разделяющим.
119. В этом случае логично, что ад-Дир ал-Масуди возглавлял именно “славянское” протогосударство, “оппозиционное” Руси Рюрика на Севере: противоречие наблюдается со сведениями 2-й традиции восточных источников о *трех* группах русов.
120. Брайчевский даже считает, что текст именно *этого* договора (точнее, трех соглашений Аскольда) приписан при Ярославе Мудром князю Олегу (Брайчевский, 1980; 1982; 1983. – С.35).
121. В основном, правда, комментируются “Арису” и “Арса”. Что же касается “С-л-виюн”, то Гаркави, например (1881. – С.81), полагает, что под этим

- термином скрываются другие славянские племена, в частности радимичи, а Вестберг считает его вообще сомнительным с фонетической точки зрения.
122. Совершённые если не по заданию царя Вениамина в интересах его торговли с Саманидами и Ширваном, которой препятствовали шииты-дейлемиты Азербайджана, Гиляна и Табаристана (как считал Л.Гумилев (1966. – С.242-243)), то с его разрешения. Новосельцев полагает, наоборот, что в интересах хазар и византийцев целью похода русов стали владения Саманидов и их союзника – ширваншаха (1997. – С.53-68).
123. Впрочем, Л.Гумилев вслед за Н.Половым (1961) считает эту войну (939 – 941 гг.) вполне реальным фактом (1996. – С.246).
124. В “тексте Шехтера” говорится о “злodee Ромane” (Голб, Прицак, 1997. – С.141), но не уточняется, каком именно.
125. Этот факт объясняет, в частности, археологически фиксируемые следы присоединения разных частей северянской территории (роменской культуры) к Киеву в период с середины 60-х гг. X в. до рубежа XI в., хотя дань с северян и радимичей брал еще Олег в 80-х гг. IX в.
126. Теория не нова, она предложена еще И.Байером в качестве обоснования скандинавско-дружинных основ легенды, с чем согласился позднее и Б.А.Рыбаков (1982. – С.298).
127. Мы приводим усредненный перевод летописных дат договоров по мартовскому стилю, поскольку это не имеет в данном случае особого значения для наших целей. Если “сдвигать” их по сентябрьскому и ультрамартовскому стилям на 911 и 944 гг., что соответствует годам соправления императоров, от чьего имени заключались договоры, то следует пересмотреть и многие даты для сохранения уже сложившегося хронологического диапазона между ними. Последний для решения задач нашей работы более важен, чем установление абсолютных дат, тем более, как выясняется, достаточно условных, особенно для “мирных переговоров” 911/912 гг.
128. Имеется в виду возможность упоминания других сыновей Игоря (не обязательно от Ольги) среди тех предположительно членов княжеского рода, послы которых прибыли в Константинополь в 944 г.
129. Нашу версию об идентификации X-л-гу “Письма еврея” мы изложим в другом месте. Впрочем, известно, что не во всех летописных традициях Олег признавался киевским князем (Тихомиров, 1969. – С.228, Кузьмин, 1977. – С.101). Факт переговоров россов с Василием I, заключения мирного договора, принятия (частью из них?) христианства и даже архиепископа из греков относится ко второму патриархату Игнатия (867-877). Скорее всего – к 867 г., т.к. крещение “русов” и приглашение ими пастыря упоминается в “Окружном послании” Фотия, датированном 866-867 гг. В нем о крещении говорится как о только что свершившемся факте – “в настоящее время” (Материалы... 1985. –

- С.267, 270). В этом произведении принятие крещения приписывается инициативе самих “русов”, возможно, чтобы принизить роль нового патриарха Игнатия и поставившего его нового же императора Василия I, убившего покровителя Фотия Михаила III. У Константина VII приводятся более реальные причины события – “посредством щедрых подарков золота и серебра и шелковых одежд” (Материалы..., 1985. – С.272). За 867 г. свидетельствует и то, что переговоры легче было вести с только что утвердившимся на престоле василевсом (этим он как бы “ознаменовал” начало царствования). Кроме того, хотя бы частично получает объяснение летописная дата похода – 866 г.
130. Мнение последнего особенно существенно как византиниста, смотрящего на вопрос “с другой стороны”.
131. Характерно, что в “Летописце Переславля Суздальского” (начало XIII в.), автор которого пользовался, с одной стороны, древнейшим (до ПВЛ) киевским летописанием (Приселков, 1940. – С.58-59, 65, 75), с другой – большим кругом византийских источников, чем автор ПВЛ, в статье 912 г. сохранена лишь эта линия повествования. В первой фразе, в отличие от всех редакций версии ПВЛ, говорится, что Олег послал мужей только “мира построить” (ПСРЛ. Т.41. Л.485 об.), но не “положити ряд”. Текст договора опущен полностью, впрочем, отметим, справедливости ради, как и в статье 944 г. (“Иде отмьстити Игорь грекам. Они же, яшясь по дань и смиришясь, и посла рядци укрепити мирь до скончания” (ПСРЛ. Т.41. Л.486)).
132. О творческом подходе к источнику и его переводу говорит титулатура правителей Византии в преамбуле договора 912 г. – “от Бога самодерждцы” (ПСРЛ. Т.2. Л.16 об.), тогда как в статье 907 г. дается, по сути, транскрипция – “цари”, как, кстати, и в статье 945 г. (в ее летописном “обрамлении” и в преамбуле к тексту договора). В статье 912 г. и имена, и титулы (“автократор”) переводятся на русский язык, а для 907 г. даются фактически в транскрипции. Подробнее о содержательной части договоров и их дипломатическом оформлении смотри из последних работ: Малингуди, 1996 а, б; Восточная Европа..., 1997.
133. А скорее всего, хотя и на уровне гипотезы – какому-то болгарскому источнику.
134. Возможно, впрочем, что подразумевается не договор 912 г., в текст ПВЛ вставленный, а договоренность, имевшая место после незавершенного похода 944 г. О ней нет речи в летописи, но сам процесс передачи “золота и паволоки на все вой” (ПСРЛ. Т.2. Л.11) вряд ли мог обойтись вообще без каких-либо переговоров. В этой связи, если временно принять версию о достоверности договора 912 г. и искусственности отчленения от него положений “мира” 907 г. и связанных с ним событий, непонятно, почему летописец реконструировал на основе фразы “равно другого свещания...” результаты одного из них (907 г.), но совершенно опустил хотя бы некоторые сведения о другом, 944 г., если таковое вообще имело место.

135. Впрочем, последнему противоречит почти полное совпадение в разных редакциях остального текста статей 911 и 945 гг. Скорее всего, авторы второй и третьей ранних редакций пользовались сделанным ранее (автором первой редакции) переводом, но иногда давали свою интерпретацию непонятных им мест.
136. Теоретически можно допустить и случайное совпадение, и то, что часть лиц, упомянутых в преамбуле к договору 912 г., действовали в 907 г., а другие – в 945 г. Однако этому противоречит явно механическая, без понимания сути выборка пары имен “посол – князь” “Либиар Фастов”, по-своему интерпретированная для 912 г. в каждой из трех редакций ПВЛ. Кроме того, не только случайной может быть равномерная выборка имен из статьи 945 г. Странно в обеих статьях двойное упоминание достаточно распространенного имени Руалд (Роалд), только для статьи 945 г. разделенных пятью именами (при всего более 70), а в договоре 912 г. – только двумя при 14–18 именах всего (по сути – одним, т.к. одно из двух имен – Фрелав – оригинальное, а не заимствованное из статьи 945 г.). В этом же аспекте можно трактовать и список участников переговоров 911/912 гг. с византийской стороны: Лев и Александр “взяты” из статьи 907 г., а Константин – 944/945 г. Что касается “экскурсии”, проведенной лично престарелым и больным василевсом Львом, то, судя по написанию его имени – “Леон”, именно этот пассаж был взят из “повествовательной” части статьи 907 г., как уже говорилось.
137. Кстати, по нашему мнению, существование легенды о походе 907 г. наряду с русскими и, возможно, иностранными повествовательно-летописными источниками о нем, является дополнительным доказательством его реальности.
138. Последняя ситуация скорее характерна для Руси конца XI – начала XII в., когда ею совместно управляли несколько великих князей, один из которых лишь формально был главным (Святополк Изяславич) и имелось более значительное число князей-подручников.
139. Сохранение этой даты и для похода, и для договора Олега предполагает лишь одно событие, масштаб которого мог поглотить и скрыть за собой в современных ему византийских источниках первые два: это осада болгарским правителем Симеоном Константинополя в 913 г., в результате которой он получил титул василевса болгар. Момент был действительно подходящим: правила после смерти Александра регентша Зоя Карвонопсина при малолетнем (8 лет) Константине, а реально – патриарх Николай Мистик. Для решающего похода Симеон, не располагавший флотом, мог привлечь и русов. В последнем случае отчасти объяснимо молчание греческих источников: русский флот мог для них “раствориться” в многочисленном войске “мисян”. Допустимым становится в противном случае невозможный факт, упомянутый в ПВЛ (или еще в Начальном своде?) – “поиде Олег на *коне* и на *корабле*”

(ПСРЛ. Т.2. Л.14 об.). Впрочем, этому противоречит упоминание, хотя и очень краткое, в ПВЛ похода на Царыград и мира Симеона с греками *отдельно* от мероприятий Олега под 913/914 гг. (ПСРЛ. Т.2. Л.20 об.).

В качестве очень осторожной гипотезы можно допустить существование где-то в конце XI в. совместное творчество антивизантийски настроенных болгарских информаторов русского летописца (знавших о совместном походе) и самого летописца. Последний мог предпочесть “развести” во времени два эти события, но придать известному по легендам походу Олега некоторые черты реального похода Симеона (например, странное для язычника, но вполне уместное для христианского славянского правителя сравнение его со святым Дмитрием). При этой интерполяции и смене дат пришлось, естественно, “заменить” и василевсов, сохранив лишь Константина как связующее звено.

140. Точнее, от мифических обстоятельств, связанных со смертью Олега, если отождествляет его Хл-гу “письма Шехтера”.
141. Вплоть до оправдания обуздания “непокорных” “мечом”.
142. Впрочем, это присуще и иудео-хазарской модели, с упором на библейских первосвященников и судей.
143. Ср. гипотезу М.Д.Приселкова о северокавказском, тмутараканском происхождении Илариона (Приселков, 1940).
144. Византии как *целого* не упоминается вовсе, ее “замещают” “Азия и Эфес и Патм” (Там же. – С.206). Характерно также, что “град Константина назван не “вторым Римом”, как в более поздней русской и современной византийской традиции, а “Новым Иерусалимом” (Там же. – С.210), т.е. преемником не могущества и всевластия Римской империи, а религиозного авторитета центра евангельских событий.
145. Желание подвести идеологическую базу под канонизацию крестителя государства косвенно свидетельствует в пользу развития Руси по условно “славянской” (Болгария, Сербия), средне- (Чехия, Польша, Венгрия) и отчасти североевропейской (Норвегия) моделям ранней государственности, т.к. именно канонизация правителей являлась здесь одним из главных компонентов идеологического обоснования власти.
146. Это особенно наглядно видно в сравнении прямой линии наследования по мужской линии, с отсечением боковых ветвей и князей не из рода Рюриковичей (в X в.) и апологетики верности старшему брату в произведениях 70–80-х гг. XI в. (Жития Бориса и Глеба, Феодосия Печерского (ср., например: “Древняя...”, 1988. – С.37, 42).
147. В первоначальной версии о походе Олега (922 г.) описание этих жестокостей опущено, ограничено фразой “и много убийство створиша Греком, и разбиша многи полати и церкви” (НПЛ, 1950. Л.30 об.). В ПВЛ (907 г.) перечень более пространный, но все же не столь леденящий душу, как в статье о

- походе Игоря 941 г. (в НПЛ – 920 г.), кроме того, все же заканчивается оправдательной фразой: “еликоже ратнии творять” (ПСРЛ. Т. I. Л. 14 об.).
148. Назвавший Олава “дротов полководцев” (Круг земной, 1980. – С. 162).
149. Тем более, что Вольга в былинах иногда имеет отчество: “Святославгович” (былина “Вольга и Микула”: Былины, 1991). Вольга занимается тем же, чем и Олег Святославович (брат Ярополка и Владимира) в момент появления на страницах летописи в качестве князя “в Деревах”: объездом подвластных ему земель (вероятно, в процессе полюдья) и охотой.
150. Есть, впрочем, и абсолютно аналогичный сюжет – в “Саге об Одде”, где герой (правда, не верховный правитель) погибает от укуса змеи (см., например: Вернадский, 1996. – С. 31), вернувшись в Норвегию из Руси (Ляшенко, 1924. – С. 254-288), где оскорбил невниманием провидицу (Рыдзевская, 1978; Петрухин, 1995. – С. 141).
151. В этом плане безусловно случайна, но интересна цифровая параллель: 7 тысяч пятнадцатилетних дружинников у Волха Всеславьевича (Былины, 1991. – С. 72) и “пятнадцать дружин” и “еще семь тысяч” (Старшая Эдда, 1975. – С. 252) у Хельги сына Сигмунда.
152. Даже если конский череп и змея “связаны с культом славянского Волоса-Велеса” (Петрухин, 1995. – С. 142, со ссылкой на Топорова (1974) и Успенского (1982), то, с учетом религиозной психологии скандинавов, это могло послужить лишним поводом для включения Олега-Хельги в свой эпический “пантеон” (в “Эдде”). Автор же русской версии легенды мог интерпретировать “змеиные мотивы” Саги об Олаве Трюггвасоне в духе, приближенном к образам славянского язычества.
153. В Исландию, по словам Снорри Стурлусона, рассказ об их подвигах попал также с их участником-очевидцем, исландцем Снорри Годи (Круг земной, 1980. – С. 406), что свидетельствует если не о достоверности самих деяний (достаточно ясно, что они гиперболизированы), то о возникновении их описаний сразу после событий, т.е. в середине XI в.
154. На него, в частности, ссылается Снорри в указании числа (80) взятых Харальдом в “Стране Сарацин” городов (Там же. – С. 404-405). Вряд ли случайным является точно такое же количество взятых Святославом болгарских городов на Дунае.
155. В этом аспекте можно отметить два одновременно достоинства и недостатка археологических источников. Первое: в отличие от письменных – они абсолютно объективны и непредвзяты, свободны от сознательных искажений, их набор “случаен”. Однако последнее предполагает возможность многозначных трактовок на уровне исторических обобщений данных археологии. Второе: корпус археологических источников пополняется непрерывно, и новые материалы могут как дополнить и подтвердить, так и существенно

изменить и даже опровергнуть сложившуюся ранее картину. В этом аспекте приходится признать, что отсутствие того или иного археологического признака не всегда адекватно отсутствию и отраженного им элемента структуры или процесса: многое зависит от степени изученности территории, которую необходимо учитывать в первую очередь.

156. Ср.: ареал “варварских” подражаний дирхемам совпадает с позднероменским протогосударством (Шинаков, Григорьев, Зайцев) или с “русским каганатом” (Седов, 1996).
157. В первом случае с акцентом на баваро-германское, во втором – болгаро-хазарское направление связей.
158. В наиболее полной форме обращал внимание на данный факт новгородской истории еще К. Кавелин, отрицая наличие государственных начал вообще, вплоть до падения Новгорода (1989. – С.37, 39). Нам представляется это не отсутствием, а особой формой государственности, которая, однако, в изучаемый этап “вождеств” (и “аристократий”) в зародышевом виде мало отличалось от эмбрионов иных форм, в том числе в дальнейшем четко монархических и “деспотических”.
159. Имеется в виду территориальное устройство, при котором все нити управления сходились в столицу, горизонтальных связей почти не было. Столица разделена на несколько кварталов по числу правящих четырех родов, дворцовый квартал и районы с “неаристократическим” населением. Последнее все же добилось (в отличие от любых “провинциалов”, даже из низовых сегментов аристократических кланов) причастности к управлению (Кочакова, 1986; Бондаренко, 1993).
160. Экономика последних могла базироваться на автономном земледелии, что роднит их с Бенином и отличает от Новгорода.
161. В этом плане показательна так называемая “брань о смердах” 1483-1486 гг., отразившая степень готовности даже бедных псковичей встать на защиту своих неотъемлемых гражданских и экономических прав, в том числе права на эксплуатацию несвободных.
162. Обоснованный в литературе Днепро-Даугавский путь существует в X – XI вв. (Мугуревич, 1998. – С.198).
163. По достаточно, впрочем, косвенным данным Й. Херрман, затем А. В. Назаренко постулируют наличие транзитного “баваро-хазарского пути”.
164. Имеются в виду “Белая”, или Карпатская, Хорватия, а также Волынь и отчасти – земля Древлян.
165. Тем более что для конца IX в., по крайней мере четко, не доказывается, но в историографии неоднократно постулируется факт не только влияния Великой Моравии на эти племена, но и включения некоторых из них в состав державы Святополка или Краковского княжества (см., например: Новосельцев, 1991).

Допускает и более позднее влияние Чехии, по крайней мере, культурно-религиозное, в том числе российская “дореволюционная” историография.

166. Именно эти сведения летописи полностью контаминируют с данными археологии по второй половине VIII (после Пеньковки) – IX вв., оставляя полянам узкую полосу Поднепровья между древлянами и северянами. Лишь В.О. Петрашенко считает, что они занимали обширную территорию вольнцевско-сахновской культуры (Петрашенко, 1994. – С.186).
167. Более ранняя пеньковская культура не в счет, ибо речь идет о протогосударственном периоде: даже если часть ее принадлежала полянам, то они явно деградировали позднее.
168. В самом Киеве не очень мощные укрепления, отграничивающие небольшую площадь, возникли в VIII в. н.э. (Шаскольский, 1974), т.е. явно не в легендарные времена Кия.
169. Точнее, сомнительной является не сама его личность, а время существования государства и этнический характер власти. Упоминания ад-Дира у ал-Масуди, автора X в., не дает четких оснований для отождествления этого лица и известного по летописи князя Дира второй половины IX в. Возможно, именно этим (отсутствием объединения) объясняется быстрое исчезновение этнонима поляне, поглощенного новым – русью.
170. Как правило, в одноосновных государствах – монархиях, или там, где есть один господствующий этнозавоеватель (корпоративно-эксплуататорское государство) правитель сакрализуется и обосновывается его “небесное происхождение” (впрочем, как, например, в Бенине и Хазарии, только для подданных, а не правящей элиты).
171. Естественно, с известной долей модернизации. Имеется ввиду противопоставление совета старейшин, как представителя геронтократии, и вождя, как олицетворения военных кругов.
172. Вероятнее всего, это произошло перед тем (или сразу после того), как Владимир решил ликвидировать радимичскую “буферную” зону между владениями своими и Ярополка, о чём говорит и дата – 984 г. Точка зрения о возникновении этих городов в результате самостоятельной колонизации радимичами Посожья (Метельский, 1997) представляется спорной в силу специфики и уровня развития радимичского общества. Гомий же, если и возник самостоятельно, то на окраине радимичской территории – как пограничная крепость и торговый центр.
173. В фольклорно-этнографических материалах эта специфика прослеживается и в настоящее время. Так, праздник “Радуница”, хотя и встречается во многих районах соседних Брянской и Гомельской областей, все же является обязательным атрибутом календарно-праздничных обрядов лишь в тех из них, где ранее проживали радимичи.

174. Если только общество радимичей вообще не было еще акефальным, т.е. не имело никаких властных структур кроме, например, периодически собираемого народного собрания. Как показывает пример некоторых народов Северного Кавказа, и в этом случае иногда могло быть организовано длительное и стойкое сопротивление противнику (Панеш, 1995. – С.24-25). Даже для племени-этнокоса (Бромлей, 1973), т.е. первоначального, еще не социально-потестарного образования, присуща единая военная организация (на примере ашанти: Попов, 1990. – С.108). Явно “родовое” происхождение радимичей по легенде (от первопредка-первопоселенца) лишний раз свидетельствует в пользу их сплоченности, основанной, возможно, в отличие от дреговичей и полян, еще на кровнородственных связях, отраженных тотемами (быктур, например).
175. Впрочем, О.А.Макушников пытается выявить таковые (1990). Однако и они имеют максимум “племенное”, а не “федеральное” значение.
176. Это не снимает иных гипотез (верхнеднепровской – Г.Ф.Соловьевой, В.В.Седова; Висленско-Днепровской – Я.Тышкевич, Г.Ловмянского) о более раннем этногенезе радимичей, хотя бы потому, что славяне-роменцы не являются автохтонами своего региона, а в их украшениях четко прослеживается западнославянское влияние (Шинаков, 1980 б).
177. В этом аспекте идея о тройственном характере роменской культуры иногда дополняется попытками присоединить к ней и кривичей, которые якобы расселились с юга на север вдоль Днепра (Енуков В.В. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей. – М., 1990. – С.85-86, 172-173, 179).
178. Разница между взглядами В.В.Седова и С.В.Белецкого – в определении времени и масштабов западнославянско-южнобалтийского влияния. По Белецкому, оно хронологически совпадает со скандинавским и приводит к становлению Пскова как раннегородского центра на рубеже IX – X вв. и заменяет здесь латгалов как этнокос (Белецкий, 1980 б. – С.15).
179. Значение города как центра потестарной организации было так велико, что заменило старое племенное название “кривичи” на новое – производное от топонима (“полочане”, жители Полоцка и его округи – Хабургаев, 1979. – С.117).
180. “...одно место, называемое Ромове... в котором жил некто по имени Криве, кого они почитали, как папу, ибо как господин папа правит вселенской церковью христиан, так и по его воле и повелению управлялись не только вышеупомянутые язычники, но и литвины и прочие народы земли Ливонской” (Петр из Дуйсбурга, 1997. – С.51).
181. Для Новгорода, Впрочем, имеется не меньше археологических и исторических оснований для “бинарного” (связанного с фратриями), а не “триарного” подразделения этого города в этнопотестарном аспекте.

182. Затем именно Рюриково городище становится столицей одной из трех групп русов (по восточным источникам второй традиции – ал-Истахри, Ибн Хаукаль), причем временно главной. Город Салау (Слава) достаточно убедительно отождествил с Рюриковым городищем Е.Н.Носов (1990. – С.192).
183. Впрочем, тот же Е.Н.Носов высказывает сомнение в реальности такого объединения или, во всяком случае, его долговременности и внутреннего равноправия в силу того, что “меря активно ассимилировалась славянами” (Там же. – С. 190).
184. В НПЛ именно “все” кривичи не упоминаются, зато можно понять, что к “новгородским людям” относились не только словене, но и кривичи и меря, хотя каждые из них и “свою волость имели” и “каждо своим родом владыще” (НПЛ, 1950. – Л.29). С другой стороны, в Ипатьевской летописи (в силу непонимания и самостоятельного творчества южного летописца?) имеются намеки на самостоятельную политическую роль веси (ПСРЛ. Т.38. – Л.8об (“Кривичи и вся”), Л.9об).
185. Даты условны: как известно, сопоставление с иностранными источниками (произведениями патриарха Фотия и “Житием Св. Ангария” Римберта), а также с датой восшествия на престол Михаила III (852 г. вместо 843 г.), позволяют удревнить эти события на 6-9 лет.
186. Впрочем, позднее Л.А.Голубева указывает на существование в конце VIII – середине X в. на Белом озере ремесленно-торгового поселения веси Крутик, предшественника летописного Белоозера (1991. – С.149).
187. Или на Белом озере (Шрамм, 1994. – С.145-150; 145-147), или в Юго-Восточном Приладожье (по Н.И.Платоновой, Г.С.Лебедеву, Г.В.Глазыриной – либо “Городище” на Сяси, либо Олонец) помещается известная из саг (скорее всего для X в.) скандинавская колония Алаборг (Глазырина, Джаксон, 1987. – С.162-165).
188. Хотя мурома и не входила в первоначальное объединение северных племен и ассимилировалась, скорее всего, не словенами, а кривичами и вятичами, но в середине IX в. управлялась из Новгорода, т.к. ею (“муромой”) “обладавшие Рюрик” (ПСРЛ. Т.1. – Л.70об). Отсутствие в самом городе Муроме слоев ранее XI в. (Чалых, 1985) не суть важно, т.к. в летописном сообщении 864 г. речь идет о народе, племени, а не городе (летописец лишь уточняет для современных ему читателей, где проживало, вероятно, уже исчезнувшее к его времени племя).
189. Автор исследований – А.Е.Леонтьев вслед за Б.А.Рыбаковым контаминирует эту территорию “с предполагаемыми областями славянских “малых племен” (1985. – С.27; 1984. – С.29). Однако она сопоставима и с типичными для Руси размерами городской волости с 20-километровой зоной вокруг города – чтобы жители его округа могли за один день съездить в город и вернуться

обратно (Дегтярев, 1982) Очень четко это прослеживается в тех волостях, которые имеют выраженные природно-хозяйственные границы. Так, Стародубская волость, совпадающая с одноименным ополем (Шинаков, 1990 г) имеет размеры 30×16 км, причем его “столица” так же, как и Сарское, находится не в центре волости, а на одной из окраин (Шинаков, Ющенко, 1995; Шинаков, Гурьянов, 1998). Сопоставимы эти размеры и с сельской округой тех земледельческих, с сильным влиянием международной торговли, городов-государств, которые имеют ярко выраженные антропогенно-природные границы (оазисные): Мари (40×15 км), Дамаск (25×16 км).

190. Эта функция не была главной, т.к., судя по ПВЛ, у финно-угорских народов была самостоятельная корпорация “волхвов”, могущих в случае необходимости возглавить народ (события 1024 и 1071 гг. в Суздале и Ростове – Белозере (ПСРЛ. Т. I. – Л. 50, 59-60).
191. В “Великой хронике”, например, первые единоличные правители Польши прямо названы воеводами, строителями крепостей (“Великая хроника, 1987. – С. 56). В этой же функции выступает и легендарный основатель Киева князь Кий, вероятно, защитник племени, после смерти которого поляне “быша обидими древлянам и инеми околними” и платили дань хазарам (ПСРЛ. Т. I. – Л. 6, 7об).
192. В ее основе лежат не столько археологические, сколько историко-нумизматические данные, однако она во многом совпадает с одной из последних, сделанный по комплексу археологических признаков, периодизаций роменской культуры В.В. Приймака: конец VIII – начало IX вв.; середина IX – середина X вв.; середина X – начало XI вв. (1997. – С. 9-10).
193. Из последних, сравнительно новых интерпретаций зарубинецкой и почепской культур следует отметить отнесение их к германцам-росомонам (Уманец, Шевченко, 1992) либо бастарнам (Лебедев, 1989. – С. 114), либо роксоланам-сарматам (Русанова, 1976. – С. 112), либо особым, промежуточным между славянами и западными балтами, народом (Седов, 1979. – С. 76), сложившимся на поморской базе.
194. Аналогичное, с одной стороны, литовским V в. н.э. “с улиткообразным завитком на конце” височным кольцам, с другой – идентичное образцам пеньковского Левобережья, украшение встречено в колочинском слое городища Случевск на р. Судость (Погарский район Брянской области) (Шинаков, 1986 б).
195. Возможно, очень искаженные и смутные реминисценции пребывания германцев-готов на Днепре нашли отражение как в предисловии к “Кругу земному” (“Великая Швеция” в Восточной Европе), так и в “Саге о Хервер и конунге Хейдрекке” (Глазырина, Джаксон, 1987).
196. Не исключена, впрочем, и герульская принадлежность германских артефактов (в том числе пальчатых фабул) западномазовецкой группы. В начале VI в.

“...герулы были побеждены в бою с лангобардами...” и часть из них “обосновалась на самом краю обитаемой земли. Предводительствуемые многими вождями царской крови, они, прежде всего, последовательно прошли через славянские племена, а затем, пройдя через огромную пустынную область, достигли страны так называемых варнов” (Прокопий из Кесарии, 1950. – С.209).

197. Лишним доказательством этого является недавно исследованное тенгрианское святилище болгар в Судаке, в заполнении которого встречена не только пеньковская, но и колочинская керамика (Баранов, Майко, 1994).
198. Археологически зарождение северян-роменцев уже в восточно-европейской среде (от культуры Корчак) постулируют также И.И.Ляпушкин и И.П.Русанова, хотя и для более позднего (конец VIII в.) периода, считая не только пеньковскую, но и ее наследовавшую волынцевскую культуру неславянскими.
199. На археологических материалах эту же точку зрения проводит В.В.Приймак: “анализ погребального обряда показал неоднородность населения роменской культуры, что может быть обусловлено его подосновой (волынцевские памятники несут на себе явные следы нескольких компонентов)... Такая неоднородность также проявляется... в домостроительстве” (1997. – С.30).
200. Верхнюю границу колочинских древностей в некоторых его микрорегионах следует, вероятно, поднять, по крайней мере, до второй половины IX в.: в противном случае образуется хронологическая лакуна в 150 лет между ними и роменскими поселениями, которую немногочисленные волынцевские памятники никак не могут заполнить. Артефактов, подтверждающих данную абсолютную дату, нет, как нет и ее опровергающих. Симбиоз колочинско-волынцевско-роменской керамики в таких поселенческих агломерациях, как Посудичи на Вабле или Хотылево (Гасома) в Брянском ополье – косвенное подтверждение первого положения, т.к. роменские лепные сосуды в Среднем Подесенье чаще встречаются совместно с шестовицкой и местной раннекрюговой, и в то же время – колочинской керамикой.
201. Впрочем, варварские подражания дирхемам встречаются и за пределами Юго-Восточного региона, отражая, возможно, попытки хазар распространить сферу своего экономического влияния и на финно-угорские племена Севера. Так, на местном (весском) предшественнике древнерусского Белоозера – городище Крутим – в слоях IX в. обнаружены не только аббасидские дирхемы начала – первой половины IX в., но и подражания им (Голубева, 1991. – С.149). Эти факты стыкуются с предположением А.П.Новосельцева о хазарской экспансии в земли кривичей (1991). За это и географический фактор – от западных границ Брянского ополья, почти наверняка подчиненного в IX в. Каганату, до юго-восточных кривичских памятников (правда, более поздних) – менее одного дневного перехода. Есть и иная точка зрения на зону “варварских подражаний” как на “Русский каганат”, археологически представленный во-

лынцевской культурой (Седов, 1998 а,б), что контаминирует с соотношением последней с полянами (Петрашенко, 1990).

202. Однако, если принять соотношение “Вангита” первой традиции восточных источников с каким-то пунктом или микрорегионом (агломерацией) в земле вятичей, а основания для этого имеются, то в этой торговле под эгидой хазар участвовала и славянская верхушка. Устанавливаются (или сохраняются) в IX в. культурные связи роменских славян с Великой Моравией и ее южной сферой влияния, о чем свидетельствуют некоторые типы украшений. Косвенно это говорит и о функционировании “хазаро-баварского” пути через славянские земли (Й.Херрман, А.В.Назаренко). Возможно, его установлению способствовало включение славянских территорий в состав Каганата.
203. О характере переселения косвенно свидетельствует изменение погребального обряда – от ингумации салтовцев к кремациям, перенятым у местного населения, волынцевцев (если только не считать последних прямыми потомками пеньковцев или именьковцев).
204. В данном случае, с учетом расположения рядом с Битицким волынцевским городищем частично синхронного ему роменского, можно найти на Севере более удачные примеры “пар городов” (местного и варяго-русского): Рюриково – Новгород, Крутик – Белоозеро, Изборск – Псков, Гнездово – Смоленск, Сарское – Ростов. Хотя вопросы о хронологии, статусе, функциях многих из них достаточно спорны, сама идея о расположении опорного пункта “верхнего уровня власти” рядом с контролируемым им местным административным центром (Петрухин, Пушкина, 1979), концентрирующим собранную с подчиненного последнему волости-княжения дань, представляется плодотворной.
205. Отличие – в наличии в Палужье хоть и небольших, но курганов.
206. Его расположение – не вдалеке от северных окраин верхнедонской группы волынцевской культуры – может свидетельствовать о целях Олега и его попытке захватить донской путь (что позже удалось Святославу) и владения вятичей ударом не с запада, а с севера, вероятно, из земель уже подвластной Руси муромы либо мери.
207. Лишним доказательством их генетической связи с хазарским и алано-болгарским миром являются обнаруженные только на данном типе монет граффити, имеющие аналогии в Саркеле, на Маяцком городище и в Первом Болгарском царстве (Нахапетян, Фомин, 1990. – С.173, 176).
208. Не исключено, что именно к вятичам можно отнести сообщение Ибн Фадлана от 922 г. о славянах, желающих принять ислам: сами волжские болгары, к которым прибыла арабская миссия, уже были мусульманами (по Ибн Русте). Это несколько снижает достоверность аргументов в пользу традиционного отождествления “славян” Ибн Фадлана с болгарями (Marquart, 1903.

- С.342). Возможно, в условиях ослабления Хазарии на рубеже IX – X вв., тем более частично отрезанной от вятичей мадьярами, затем печенегами, вятичская верхушка могла обратиться за помощью против последних, а также русов к тогдашним врагам этих народов – Шатт-аль-Исламу (через Волжскую Болгарию).
209. А после захвата его донских центров Святославом в 965 г. – Волжской Болгарии (для вятичей) и (чисто номинально) I Болгарского царства (для северян), с которыми у позднеуроменской потестарности прослеживаются прямые, возможно, под влиянием инкорпорированных в ее состав болгар, культурно-экономические связи. Недаром удары Святослава и Владимира на вятичей и радимичей хронологически тесно увязаны с походами на Дунайскую и Волжскую Болгарию.
210. П.П.Толочко минимизирует политическое влияние Хазарии, ограничивая его лишь внешними атрибутами власти (титул) и отчасти формой правления (“думвират”) и относит его к весьма гипотетичной восточнославянской державе “Русская земля” начала IX в. (Толочко, 1993. – С.6). Однако эти выкладки проходят совсем в иной плоскости и исходят из иных посылок, чем у автора. Под вопрос можно поставить только: мог ли глава предполагаемого северяно-вятичского – отчасти радимичского протогосударства (если у него вообще был единый правитель) носить титул “каган”, но то, что оно явно не было “русским” – очевидно.
211. Существует предположение, что во время кризиса Каганата и вторжения печенегов, на рубеже IX – X вв. значительные массы алано-болгар отступили в вятичские леса (Винников, 1984; Плетнева, 1989; Петрухин, 1995).
212. А в середине – второй половине X в., возможно, и Волжской Болгарии.
213. Вероятно, то же самое было и к югу Десны: естественным пограничьем служили солонцеватые почвы по Удаю (между Сулой и Трубежем), куда затем были поселены переяславские торки и черные клобуки (Стороженко, 1890. – С.39, 41; Шинаков, 1980 б. – С.104).
214. Используются данные о зонах материальной культуры (декор наличников, рушников, костюм (А.Н.Проскоченко, А.М.Дубровский) и диалектном членении Брянской области и сопредельных зон Украины (Батожок, 1986).
215. Микрорегион (ополье, предополье, предполесье, лесной массив в лесостепи и т.д.) по своим размерам (обычно несколько сот километров квадратных) в археологическом плане совпадает с группой концентрации памятников (Шинаков, 1980 а, б), в потестарном – с племенем и городской волостью. Гнезда поселений внутри него (или отдельные комплексы, например, для “Восточных территорий” (Шинаков, 1991) могут соответствовать “миру” или погосту. Набор же микрорегионов-волостей может быть самым различным и меняться, как в мозаике.

216. Есть и иная точка зрения по данному вопросу – об отсутствии контаминации этнополитических и ландшафтно-географических границ (на примере Белоруссии: Булкин, Герд, 1989).
217. Возможен, но вряд ли вероятен, и иной вариант: расселение радимичей в Посожье из восточной части их территорий через Гомий, под давлением хазар, затем русов.
218. К уже перечисленным компонентам добавим словенских переселенцев на Болве и балтов, наследников колочинской и носителей тушемлинской культур в промежутках между славянскими этнокультурными группами, а также остатки ирано-тюркского населения на левобережье Десны (особенно в Севском участке лесостепи).
219. Первый поход (Святослава в 964 г.) проходил, скорее всего, по старому пути “Большого полюдья” по Снови – Вабле – Судости – Десне с выходом на Оку через Болву либо Снежить из Брянского ополья. Либо, если в Чернигове правили независимые от Святослава, хотя и варяго-русские династы (Шевченко, Новик, Уманец, 1995; Зоценко, 1996), то через Смоленск (Гнездово), далее к Оке либо по “Волжскому пути”, либо по Десне к тому же Брянскому ополью.
220. Достаточно сказать, что оно пережило своего потенциального союзника – Хазарию, и было покорено лишь после нескольких отсекающих и рассекающих ударов трех князей – Святослава, Ярополка и Владимира. И то часть вятичей сохранила независимость до середины XII в., а северяне пользовались любой возможностью для ее восстановления (приход в 1024 г. Мстислава из хазаро-русской Тмутаракани с хазарско-касожской дружиной). Ответные меры Ярослава после смерти Мстислава, вызвали опустошение северянского Посеймья (Рыбаков, 1969; Шинаков, 1980 а, б, в), отход части северян в лесостепь (“Восточные территории” и Донец) и леса Севера, а также их искусственное расселение в глубинных районах государства и пограничных крепостях (Шинаков, 1995 д, в).
221. Б.А. Тимощук имеет о них другое мнение, связывая их с культовыми функциями (1995. – С.36-37), хотя он же приводит сведения немецких источников о разном использовании длинных домов – ”контин”: как места хранения собранных податей, казны общины и князя, места пиров и совещаний (1990. – С.40). Поэтому в оценке Зимно мы ближе к точке зрения его исследователя В.В. Аулиха (Aulich, 1972), чем некоторых интерпретаторов этого памятника как общинного городища-убежища.
222. Что косвенно свидетельствует об отсутствии сакрально-магических функций у князей Юго-Запада, т.к. после замены их на Рюриковичей отправление местных культов не только не прекратилось, но приобрело даже материально более выраженные формы.

223. Существует точка зрения о потестарном единстве древлян и волянян (а также дреговичей) (Милютенко, 1993. – С.162-163) со времен гибели Валинаны, археологически отображенной пожаром городища Зимно конца VIII в.
224. И.П.Русанова и Б.А.Тимощук выделяют три типа центров таких гнезд (свыше 20): городища – административно-хозяйственные центры; городища – убежища; селища – общинные центры (последние – в меньшинстве) (Русанова, Тимощук, 1993. – Рис. 13 т). В 6 случаях первый тип сочетается с городищем-святилищем, в одном – с городищем-убежищем. В одном случае (Бабин) центром гнезда было городище-святилище.
225. Не исключено перечисление в составе войска Олега всех подвластных Руси к XII в. земель с целью придания ореола древности, легитимности этой власти.
226. Возможно, однако, что древлянские послы имели в виду просто предшественников Мала на древлянском княжеском столе.
227. И в то же время косвенное свидетельство о полноте судебной власти князя, отраженное и в первой традиции восточных источников.
228. Применение коэффициента сопряженности позволяет подойти к анализу материала летописей более непредвзято, хотя и более формализовано одновременно.
229. На основе, по преимуществу, данных ПВЛ о кривичах.
230. В основном по материалам археологии для белых хорватов: его обобщающие экскурсии более “вторичны” и менее убедительны.
231. Трактовка данного титула является одним из самых спорных мест как в отечественной, так и в зарубежной историографии, т.к. напрямую связана с конкретной идентификацией “ас-сакалиба” восточных источников. Основываясь на прочтении этого титула как частично лично имени, ряд исследователей (например, Lewicki, 1977. – S.125; Тржештик, Достал, 1991. – С.96) переводят его как “король”, “князь князей”, “Святополк”, имея в виду Святополка Моравского (871-894 гг.). Ранее один из сторонников этой концепции (Т.Левицкий) считал, что в данном отрывке речь идет о князе вислян и Белой Хорватии Lewicki, 1948. – S.26), эта точка зрения была распространена и ранее (см., например; Marquart, 1903, Westberg 1898; Вестберг, 1908) и зарубежных (Kmietowicz, 1978. – S.13-34) авторов, в которых подчеркивается общеславянский характер титулатуры главы славян, в восточных источниках восточнославянским владыкой считают “свиет-малика” Б.Н.Заходер и А.П.Новосельцев (1962, 1965), считал Киев центром “ас-Сакалиба” восточных источников еще Маркварт (Marquart, 1903. – S.200). Включали в состав “ас-сакалиба” и ряд неславянских народов Восточной Европы (Вестберг, 1908. – С.364; Validi Toqan A. Zeki, 1939. – S.295). Видит в “свиет-малике” “светлого князя” только одного из восточнославянских племенных союзов – вятичей – Б.А.Рыбаков (1982. – С.258-261; 1981, часть 2. – С.51-54), ранее иногда считал относящимися только к вятичам и северянам неко-

- торые сведения о “славянах” уже упомянутый Т. Левицкий (Lewicki, 1949/50. – S.349).
232. Подробнее о значении термина “супанедж” в сравнении со славянским “жупан” (чиновник государя, воевода) или схожим тюркским (“Suben”) – “воевода” говорится: Тржештик, Достал, 1991. – С.96.
233. Впрочем, Б.А.Рыбаков считает, что “в самом этом составном титуле “царя” (раис ар-руаса, глава глав – Е. Ш.) явно ощущается и основной характер державы этого царя”. “Мы присутствуем здесь при зарождении феодальной иерархии” (1982. – С.275). Вторую часть титула (свиет-малик) автор отождествляет со “светлыми князьями” (князьями союзов племен, как он считает) договора 911 г. Руси с греками (1982. – С.276). В данном случае эта трактовка не подходит, т.к. сведения о свиет-малике относятся к первой хронологической группе источников (до середины IX в.) и к “славянам”, а упоминание светлых князей в договоре 911 г. – к третьей группе (конец IX – первая половина X в.) и к “Руси”.
234. Точнее, славяно-финский.
235. Как, например, решение о “призвании Руси” в 862 г., принятое, судя по тексту летописи, “чудью, словенами, кривичами” в целом (ПСРЛ. Т. II. Л. 8 об).
236. С другой стороны, в двух финно-угорских центрах, основанных, судя по летописи, до прихода Рюрика – Белоозере и Муроме, слоев IX в. пока обнаружить не удалось (Голубева, 1973. – С.65, Чалых, 1985. – С.53). Впрочем, это может говорить о несовпадении местоположения русских городов X – XI вв. (которые и исследовались), и более древних пунктов веси и муромы.
237. Методически отметим соответствие Доно-Воронежского региона в целом сообщению Ибн Русте о 10 днях пути между славянами и печенегами (во время заволжского их проживания) – дистанция здесь действительно 400 – 500 км, что вполне соответствует расстоянию, указанному Ибн Русте (Новосельцев, 1965. – С.397).
238. С Запада (баварский участок) – ранее Й.Херрман, З.Неедлы (на основе Ибрагима Ибн Якуба и хазарско-иудейской переписки), в настоящее время – А.В.Назаренко (с привлечением германских источников), с Востока (болгаро-хазарский участок) – А.П.Моця, А.Х.Халиков (в основном – по данным археологии), воронежские ученые (А.З.Винников, А.Д.Пряхин) – для “своего” участка (по материалам археологии и нумизматики).
239. Наиболее детально, хотя и регионально ограничено (впрочем, в данном случае это является достоинством), функциональная классификация городищ разработана Б.А.Тимощуком и И.П.Русановой для хорватских земель (1988, 1990, 1990 а, 1995).
240. Вопрос о выделении северо-западной группы (Изборск, ранний Псков, первоначальный Полоцк, “пары городов” Смоленск – Гнездово) неясен в связи

- с большой дискуссионностью хронологии и этно-политической, и функциональной интерпретации некоторых из этих центров.
241. Или: даже в синтезной зоне государственное развитие шло помимо сохранившихся римских городов.
242. М. Грушевский считал, что “система городов” формировалась еще внутри племенных княжений, до начала создания Древнерусского государства (1994. – С.364).
243. Написанное намного позднее, в конце X в. (Материалы... – С.263), “Житие Стефана Сурожского”, впрочем, упоминает русского князя Бравлина, прибывшего в Крым с ратью из Новгорода (Материалы... – С.264). Если здесь есть намек на существование русской государственности в Восточной Европе “в конце VIII – первой четверти IX вв.” (Материалы... – С.263), то на ее Севере.
244. “Они не имеют пащен, а питаются лишь тем, что привозят из земли славян”, “и нет у них недвижимого имущества, ни деревень, ни пащен (Новосельцев, 1965. – С.397). С другой стороны – “у них много городов” (Материалы... 1986. – С.295).
245. Имеется в виду решение тяжбы поединком на мечех – “божьим судом”, в случае несогласия с судом “царским”.
246. Об этом говорят и восточные источники (например: Новосельцев, 1965. – С.295-296), и “ПВЛ” (ПСРЛ. Т.П. Л. 5, 6, 8 об). О наличии отдельных “правящих” родов свидетельствует хотя бы летописный рассказ о признании трех братьев-князей Рюрика, Трувора и Синеуса со “своими родами” (ПСРЛ. Т.П. Л. 8 об). Не совсем, правда, понятно, как у каждого из братьев оказался “свой род”? Возможно, речь идет о сводных братьях, что при языческом многоженстве не редкость, а род считается по линии матери. Не очень влияет на выводы и возможность считать Трувора и Синеуса не реальными лицами, а плодом ошибки переводчика шведского текста договора (Гринев, 1989. – С.37, 42).
247. Род Аскольда и Дира вышел из повиновения у рода Рюрика и пытался основать свою династию в Киеве.
248. Они “...мало доверяют друг другу, и коварство между ними дело обыкновенное. Если кому из них удастся приобрести хоть немного имущества, то родной брат или товарищ его тотчас начнет ему завидовать и пытаться убить или ограбить” (Новосельцев, 1965. – С.296) “...живут они привольно” (там же. – С.295). ср. с “баварским географом” (Херрман, 1988. – С.168), где *Fresiti*, *Ruzzi* “характеризуются как “независимые” люди.
249. Фраза “ПВЛ” о том, что дань взимали варяги, а не русы (“русь”) не должна смущать читателя, т.к. чуть ниже там же русь напрямую отождествляется с частью варягов (не совсем, правда, ясно, в этническом или социальном смыс-

ле). Отношения славян ни с каким иным народом (группой), кроме “варягов” “ПВЛ”, не подходят под описание взаимоотношений “славян” и “русов” восточных источников. Поскольку “ПВЛ” до событий 862 г. о русах (“руси”) не говорит вообще, а остальные три группы источников безусловно документируют их существование и (восточные источники) характер взаимоотношений со “славянами”, приходится предположить, что “русь” в “ПВЛ” до 862 г. упоминается, но под другим именем. Ни авары, ни хазары, также бравшие дань со славян, или мадьяры, нападавшие на них, не подходят под описание русов – морских и речных пиратов и торговцев восточных и византийских источников, а “Бертинские анналы” прямо указывают, что русы, прибывшие в Ингуленгейм в 839 г., были из рода (племени) шведского (свейского) (Материалы... – С.266). Поскольку возникший позднее в Византии и на Руси термин “варяг” был наиболее применим к выходцам на Швецию (викинги которой проявляли наибольшую активность именно в Восточной Европе), можно замкнуть цепь логических построений и отождествить русов “Бертинских анналов”, русов восточных и русь византийских источников с частью “варягов” “ПВЛ” до 862 г. (после описания событий того года содержание терминов “варяги” и “русь” начинает расходиться). То, что “ПВЛ” не говорит о взимании русью дани со славян до 862 г., объясняется, скорее всего, психологией летописца и читателя середины XI – начала XII в., когда термин “русь” приобрел совершенно иное значение, а его первоначальное возможное значение наиболее эквивалентно стал передавать более новый термин “варяг”.

250. Данное уточнение “ПВЛ” восточных источников служит аргументом в пользу того, что их авторы, описывая “славян”, имели в виду всех славян и восточную их ветвь, а также славяно-финское население севера Восточной Европы. Что же касается описаний их системы управления, то, скорее всего, данные об устройстве одного из развитых славянских княжеств (белых хорватов, волынян?) интерполировались на всех “славян”.
251. Г.Вернадский и Н.Карамзин, пожалуй, наиболее образно и обобщенно, на уровне ментальности ведущих особенностей цивилизации “русов” и их государственности, отразили два этих ее “столпа”: “монетарность”, связанную с международной торговлей, и влияние Византии (Вернадский, 1996. – С.15-16). С другой стороны, Н.М.Карамзин подчеркивает необходимый характер господства русов: “Но Олег, наскучив тишиною, опасною для воинственной Державы, и желая доказать, что казна робких принадлежит смелому, решился воевать с Империею” (1989. – С.103).
252. В этом плане, возможно, и прав Р.Пайпс и его предшественники: но только для этого, самого раннего, зародышевого этапа генезиса древнерусской государственности.

253. Английский историк А.В.Соловьев, абсолютизируя эту сторону “хозяйства” русов, утверждает даже, что “в середине X века Русь представляла собой торговую федерацию...” (1979. – С.3).
254. В российской историографии отечественной истории этот политико-антропологический термин, как уже говорилось, впервые применила к древнерусским реалиям Е.А.Мельникова (1995. – С.21). Термин “chiefdom” она переводит как “вождийство”, в отличие от большинства этнологов и востоковедов, дававших его или в транскрипции (“чифдом”), или тактовавшими его как “вождество”.
255. ”...морские конунги – у них были большие дружины, а владений не было. Только тот мог с полным правом назваться морским конунгом, кто никогда не спал под закопченной крышей и никогда не пировал у очага” (характерно, хотя и не обязательно связанное с этими причинами, но полное отсутствие описаний жилищ русов в “первой традиции” восточных источников). “Сага об Инглингах” упоминает о походах в “Восточные страны” (Аустрленд) как мелких “йотландских” “морских конунгов”, владевших одним островом, так и полумифических “общешведских” конунгов Ингвара и Энунда Дороги (Снорри Стурлусон, 1980. – С.28-29).
256. В этом плане показательна смена мест пребывания (владений) “морского конунга” Пална-Токи (по “Саге о Йомсвикингах” в английском переводе Н.Блейка). После ссоры со Свейном Вилобородым и бегства из его палат, он и его люди вернулись в Уэльс, затем на 30 кораблях опустошал Шотландию и Ирландию, “умножая свое богатство и славу”. На четвертое лето, прибыв уже с 40 кораблями к берегам Вендланда, он получил от местного правителя Бурицлейва район для поселения, где был основан викингами “город” Йомсборг (The Saga..., 1962. – P.16-17). События более поздние хронологически, но стадильно укладываются в тот же “переходный период”, каким была эпоха викингов на Балтике.
257. Точнее, викинги не только из Скандинавии. Хакон Добрый, конунг Норвегии (ок. 940 (945?) – ок. 960), проводя политику уничтожения вольных викингских дружин (т.е., по сути, – пиратов), “убивал викингов... как датчан, так и вендов”, “вдоль берегов Сконеи” и “Гаутланда” (Снорри Стурлусон, 1980. – С.71) (т.е. славянские пираты находились не на “своих” землях, а на родине викингов – Скандинавии).
- На последнюю еще в эпоху Инглингов, судя по “саге”, нападали и выходцы из Восточной Прибалтики (“Восточных Стран”): “...на Швецию тогда все время совершали набеги и датчане, и люди из Восточных Стран” (Снорри Стурлусон, 1980. – С.28-29). Не исключено, что под “вендскими викингами” времен Хакона Доброго могли “скрываться” жители островов Фембре и Руяна “напротив областей вагров и вильцев”. Во всяком случае, по Адаму

- Бременскому, “оба эти острова полны пиратами и кровожадными разбойниками” (Адам Бременский, 1969. – С.115).
258. Поселения Ярославского Поволжья и района оз. Неро (земли мери) имеют также слои (и погребения) IX в., а также скандинавский компонент. Но типологическое функциональное назначение этих центров, роль скандинавов, вопросы хронологии, остаются спорными вплоть до противоположных точек зрения (ср., особенно, взгляды А.Е.Леонтьева и И.В.Дубова, а также Д.Н.Эдинга (1941), М.В.Фехнер (1963) Т.А.Пушкиной (1972).
259. Лишь по поводу Ладоги описываемого периода было высказано предположение о ее “государственном” статусе. “У Ладожского поселения и его окрестности, особенно в первые сто лет существования, имелись определенные предпосылки для превращения его в город-государство, типа некоторых “вольных” городов Балтики (Кирпичников, 1979. – С.104). Еще более осторожно оценивает В.И.Кулаков роль Каупа, к середине IX в. аккумулировавшего основной объем балтийской торговли с Востоком (по Г.Янкунину, 1971). Вследствие этого и расположения на краю прусской племенной территории Каупи его округа приобрели достаточную экстерриториальность и независимость от жреческой юрисдикции” (Кулаков, 1994. – С.153).
260. Имеется в виду, что купцы Балтийско-Фрисландского региона, кем бы они ни были, могли достигать лишь Ладоги или район Полоцка, а дальше путь контролировался местными элементами (словене, полочане, весь, меря – или их аристократически-родовая и военно-купеческо-княжеская верхушка – сказать сложно). Впрочем, существует точка зрения, основанная на тех же видах источников, отрицающая наличие сквозного пути с Волги на Балтику в течение всего IX в. (Леонтьев, 1986. – С.6-8). Однако это касается отрицания только маршрута, но не самого факта попадания восточного серебра на Волхов и Двину, далее на Балтику, только не по Волге, а Дону – Оке – Десне – Днепру (Там же. – С.4, рис. 1).
261. “Благоприятная международная торговая конъюнктура и выгодное положение Ладоги не могли не привлечь к ней викингов. Однако первые “находники” высадились в уже существовавшем поселении, когда Великий евразийский торговый путь был проторен и уже функционировал в своей восточной части” (Кирпичников, Лебедев, Булкин, Дубов, Назаренко В., 1980. – С.27). Впрочем, именно в существовании этой “восточной части” и выражает сомнение А.Е.Леонтьев (1986).
262. По мнению С.В.Белецкого, первоначальный Изборск (на Труворовом городище) – и не племенной центр кривичей (как у В.В.Седова), но и не скандинавский ВИК (как у Г. Шрамма), а внеплеменной торгово-ремесленный центр (ВТРП) достаточно ограниченного значения, принадлежавший выходцам из славяно-балтийского региона (Белецкий, 1996. – С.33-33; 1997. – С.172-174).

263. Описываемый тинг происходит где-то в 1016–1017 гг.; конунг Эйрик умер в 882 г. (Лебедев, 1985. – С.93), а правил он примерно с 850 г.; “Аустрленд” – области севера Восточной Европы, “Аустрверг” – Восточная Прибалтика (Джаксон, 1994. – С.196, 197), во всяком случае первоначально – та ее часть, что находилась вдоль “Восточного пути” (отсюда и название).
264. Сам факт взимания с этих племен “варяжской дани” и их консолидации для изгнания варягов является, вероятно, общепризнанным (см. например: Носов, 1990. – С.185-186). Разногласия возникают при определении длительности присутствия скандинавов на Волжском пути. Так, по А.Кирпичникову, их проживание, да и то только в Старой Ладоге, фиксируется для 825–850-х гг. (1985. – С.24-25). Е.Носов, ссылаясь на О.Давидан (1986) и А.Леонтьева (1981), считает возможным констатировать их присутствие в Старой Ладоге во второй половине VIII в., а в середине Волжского пути (Сарское городище) – первой трети IX в. (Носов, 1990. – С.188; см. также: Рябинин, 1985).
Данный вопрос является исключительно важным, т.к. от его решения зависит принципиальная возможность создания какой-либо “варяжской” администрации для сбора дани и контроля над узловыми пунктами Волжского пути. Впрочем, учитывая уровень политогенеза самих скандинавов к середине IX в., вряд ли можно говорить о заимствовании у них. Скорее речь идет о косвенном влиянии (борьба с ними) либо, максимум, о синтезе.
265. Обоснования их выделения приводятся в нашей статье 1998 г. (региональные различия в характере размещения населения в эпоху Древней Руси (опыт историко-географической характеристики) (Проблемы отечественной и всемирной истории. – Брянск, 1998)
266. Несколько по-разному рассматриваются функции того и другого центра уже в начале X в. Исследователи поселения того времени рядом с Сарским городищем расценивают его как временный дружинный лагерь (Леонтьев, Сидоров, Исланова, 1986. – С.7,8; Леонтьев, 1988. – С.14,15), а Ростов считают зарождающимся феодальным древнерусским городом. И.В.Дубов расценивает Сарское городище X–XI вв. как “древнерусский торгово-ремесленный центр, играющий большую роль в трансевропейских связях”, функции которого постепенно переходили к возникшему рядом Ростову как опорному пункту “княжеской феодальной администрации” (1985. – С.40, 41, 43).
267. Отчасти это относится и к собственно Южной Руси в Среднем Поднепровье, в частности, к Киеву, где появление первых укреплений датируется VIII в. (Шаскольский, 1974. – С.71,72). Более поздние и массовые исследования украинских археологов этот вывод существенно не поколебали.
268. Подтверждается этот рубеж и нумизматическими данными по указанному региону (Фомин, 1993).
269. Имеется, впрочем, и отличная точка зрения (Приймак, 1994. – С.50, например).

270. Сходство выражается, в частности, и в самом известном по источникам легендарного характера для Бенина и реконструируемом по данным археологии для Новгородской республики процессе возникновения их центров. Город Эдо был образован из поселков аристократов нескольких родов мегаобщины, составивших после слияния отдельные укрепленные кварталы. Снабжались эти “столичные” кварталы за счет сельскохозяйственной части своих же родов. Постепенно присоединявшиеся к этому городу-государству с помощью разных средств (завоевание, договор, династические браки) новые общины имели разный статус (вплоть до “колониального”) и отношения с центром. И там правящие роды, чтобы не уступать друг другу власть, пригласили “федерального” правителя со стороны. Отличие – в преобладании сакральных механизмов и элементов государственности в Бенине. Различие также в том, что в Эдо резиденция правителя (обы) все время располагалась в центре города, под контролем аристократии, а в Новгороде (в основном) – за его пределами.
271. По данным ПВЛ, наверняка были присоединены к державе Олега лишь поляне (угроза силы и договор), завоеваны свободные до этого древляне, отвоены у хазар (и самих себя) с “переложением” заново хазарской дани северяне; для радимичей, отделенных от Каганата северянской территорией, было достаточно угрозы силы и переадресовки той же дани (ПСРЛ. Т. II. Л. 10).
272. Но не обязательно независимы вообще. Вятичи платили дань хазарам (ПСРЛ. Т. II. Л. 8 об), белые хорваты, имея собственного “архонта” (князя) (Константин Багрянородный, 1991. – С. 131), могли входить в состав древнечешского государства, а вольняне (“лендезяне” Константина Багрянородного, см. комментарий 15 к гл. 37 (Константин Багрянородный, 1991. – С. 390; а также: Wasilewski, 1976. – S. 181-187) – в состав одного из польских племенных объединений (Lowmianski, 1953. – С. 112-114). Впрочем, отождествление вольнян и лендезян достаточно спорно (Константин Багрянородный, 1991. – С. 390; а также: Ногак, 1956. – S. 3), кроме того, ПВЛ не упоминает вольнян как данников руси, славиния же “лендзаниан” – безусловный “панктиот” “Росии” (Константин Багрянородный, 1991. – С. 46) или ее “подплатежная местность” (Константин Багрянородный, 1991. – С. 187). В то же время неясно, почему общеславянский корень (“необработанное поле” (Константин Багрянородный, 1991. – С. 316) может относиться только к польским полянам (полякам) (Константин Багрянородный, 1991. – С. 316), или даже “происходящим от ляхов” восточнославянским радимичам (Ильинский, 1920. – С. 314-319), а не к днепровским полянам? Ведь именно их земли находятся между древлянами, уличами и печенегами, как следует из главы 37 сочинения Константина Багрянородного (Константин Багрянородный, 1991. – С. 157, 390). Тем более, что отдельно полян этот автор не упоминает вообще.

273. Если не считать попытки перенесения на вятичей и данных первой традиции восточных источников (Рыбаков, 1982. – С.273-284; Он же. 1981. – С.52).
274. К моменту вторичного занятия Киева “русь” состояла уже не только из варягов, но и из словен и “прочих”. В 907 же году, во время похода Олега на Царьград, русь отделяется и от варягов, и от словен. Такое же четкое деление существует и более чем через 100 лет – в “Правде Ярослава”. Таким образом, в состав руси, осевшей в земле полян, вошли только те варяги и словене, которые пришли с Олегом в 882 г. или попали туда еще раньше с Аскольдом и Диром. Поляне же после фразы “ПВЛ” (“поляне, яже ныне зовомая русь” (ПСРЛ. Т. II. Л. 11 об.; ПСРЛ. Т. I Л. 9), данной под 898 годом, упоминаются последний раз во время похода Игоря 944 г. (ПСРЛ. Т. II. Л. 18; ПСРЛ. Т. I. Л. 10 об.). Возможно, упоминает полян отдельно от русов под именем лендзанианов Константин Багрянородный.
275. Подробнее об этом см.: Константин Багрянородный, 1991. – С.308-310.
276. Особенно здесь важно свидетельство Гардизи об участии в сборе дани “100 – 200 из них” (Новосельцев, 1965. – С.400).
277. Слово “пактиот” может означать и данника, и союзника (Константин Багрянородный, 1991. – С.316).
278. О существовании договорных отношений между восточными славянами и скандинавами упоминают несколько современных авторов (Свердлов, 1988; Янин, Алешковский, 1971. – С.132-133; Тимощук, 1990. – С.26, 79).
279. Характерно, что после смерти Олега древляне “заратишася” на Игоря, и тому пришлось покорять их заново (ПСРЛ. Т. II. Л. 1 об).
280. В сумме это: Киев (“крепость Киева, называемая Самбамтас” (Константин Багрянородный, 1991. – С.45), Чернигов (“Чернигога”), Любеч (“Телиуца”) в обеих источниках, “крепость Милиниски” (Смоленск), “Вусеград” (Вышгород) и “Немогард” (Новгород) у Константина (все идентификации его названий русских городов даны по: Константин Багрянородный, 1991. – С.312-316), Переяславль, “Полтеск” (Полоцк) и Ростов названы только в ПВЛ.
281. Наиболее активными сторонниками не только особого пути развития Левобережья, но и его полной независимости в X в. как отдельной части древнерусской государственности являются такие черниговские, петербургские и киевские исследователи, как Т.Новик, Ю.Шевченко (1995), В.Зоценко (1996), в более осторожной форме – А.Моця (1990) и В.Петрухин (1997), Ф.Андрощук (1997). Имеет внешнее сходство с данной концепцией гипотеза Е.Шинакова и А.Григорьева (1990) о возникновении на Левобережье в X в. отдельной от Киева государственности. Однако сходство чисто внешнее, т.к. в первой (но более поздней) концепции подразумевается все Левобережье с центром в Чернигове (или Шестовицах) как долговременная составная часть “бинарной оппозиции” внутри Древнерусской государственности. Воззре-

ния Шинакова и Григорьева предполагают кратковременную неудачную в итоге альтернативу последней: попытку северян и, возможно, части вятичей и радимичей обрести независимость от Киева после неудач Игоря, при опоре на слабеющий Хазарский каганат.

282. Указание на “восток” от реки не может считаться обязательным, и не потому, что само сообщение – легендарно, а в связи с неточностью определений стран света в географических сочинениях того времени. В частности, даже у Константина VII в гл. 13 под востоком следует понимать реальный юг (1991. – С.53).
283. Ар-Рус (ал-Маджус ар-Рус 844 г., ар-Русийа Иби Русе и т.д.) могло превратиться в арабо-хазарской трактовке в “Арсу”, т.е. объединяющее начало и для “Славы”, и для “Куйябы”. Сами скандинавы, столкнувшись на рубеже VIII – IX в. заново со своей мифической прародиной – “страной Асов”, ризенготов, часть которых еще уцелела в горах Крыма (Эски-Кермен?), могли для хазар и мусульман отождествить себя с “арсами”, “асиями (подданными кагана) через сложное психологическое посредство арабского звучания своего собственного наименования. После этого появляется вторичное отождествление русов и Арису, русов и ассиев у хазар. Иосиф, перечисляя подданных и соседей хазар, не называет русов в целом, но упоминает их “вид” по восточным источникам “второй традиции” – Арису (Коковцов, 1996. – С.594). Аноним “Кембриджского письма” в списке врагов Хазарии при Вениамине не упоминает русов, хотя по ПВЛ они таковыми являлись. С другой стороны, имеется “царь Азии”, который не мог быть правителем алан (асов, ясов), т.к. они упоминаются отдельно, и как друзья, спасители, а не враги Хазарии. Вряд ли это могли быть узы, т.к. в конце IX в. они были еще отделены от хазар печенегами, возможно, “Асия” этого времени тождественна “Русии” времен Иосифа в том же письме. В этой связи не столь уж нелепо связать народ соседа и победителя аланов по “Книге Иосифон” (Коковцов, 1996. – С.620-621), как с Археймом и Асгардом размещенных мифологическим сознанием на территории Каганата, так и вдруг “всплывшим” “книжным” названием страны хазар – “Ар-к-нус” (Коковцов, 1996. – С.615), т.е. “Арса” (Арису, Азии) – просто более древнее название русов на Востоке, восходящее этимологически к “ар-рус” и ассоциируемое с мифической древней прародиной русов.
284. В данном случае наблюдается некоторое противоречие с выдвинутой нами концепцией, что Артания – мифическая страна асов или промежуточная “родина” готов. Более, казалось бы, ей соответствует понимание “острова русов” как “абстрактной территории”, места деятельности человека вообще, Мидгарда, окруженного (в данном, для Восточной Европы, случае) враждебным иноплеменным миром (Андрощук, 1990. – С.6). Однако Арсания (Артания) восточных источников, судя по хазарским данным, все же реаль-

- ность IX – X вв., название которой восходит к действительно легендарным (хотя полностью ли?) Асгарду и Архейму.
285. Последний, впрочем, отождествляет “остров” восточных источников не только с Поволховьем, а со всей той частью Восточной Европы, которая была освоена русью-скандинавами. Три же центра второй “восточной традиции” находятся внутри него и соотносятся соответственно с Поднепровьем, Поволховьем и Поволжьем (Андрощук, 1991. – С.6).
286. То, что сама терминология возникла, скорее всего, под византийским (а через него – античным) влиянием, не меняет сути явления.
287. В этом аспекте Русь несколько ближе к Аварскому каганату, чем к Болгарии: в нем аварское ядро в целом составляло высший господствующий слой (см., например: История Болгарии, 1987. – С.44; Авенариус, 1991; Кланица, 1987).
288. Такие археологически фиксируемые “пары”, как Шестовицы – Чернигов, Левенка – Стародуб, Кветунь – Трубчевск, городища Брянска возникают не ранее середины X в., имеют иное социально- (этно)-политическое содержание и относятся к следующему этапу государствообразования (периоду “государственного освоения” племенных территорий).
289. Однако не все “славинии” являются “архонтиями” по своему политическому устройству.
290. Предварительно, исходя только из вышеперечисленных источников, понимаемых буквально, данный термин наиболее точно отражает специфику того организма, который в этих источниках фигурирует под названиями “русы”, “русь”, “росы”. На это обратили внимание еще в 70-е гг. XIX в. некоторые их исследователи (Куник, Розен, 1878. – С.112; Ламбин, 1874, июнь. – С.234, 238; июль – С.74).
291. Даже послы выступают в 911 и 944 гг. не от имени “земли” (страны или союза племен) или “княжения”, а только “рода Русского” (ПСРЛ. Т.II. Л.13, 18) и от отдельных его представителей, хотя в этих сообщениях “Русь”, “Русская земля” уже упоминается.
292. Данный вывод сделан автором в 1990 и развит в 1993 г. (“Два уровня государственности...”), в настоящее время аналогичную точку зрения обосновывают и декларируют А.В.Назаренко (1996), Н.И.Платонова (1996, 1997), ее поддерживает В.Я.Петрухин (1997).
293. Существует точка зрения, что список “городов”, издревле считавшихся “русскими” – Киев, Чернигов, Переславль, Полтеск, Ростов, Любеч, был вставлен в текст договора Олега с Византией только составителем “Повести временных лет” (Lind, 1984. – P.362-370).
294. Хотя, судя по НПЛ, были они также еще до призвания руси (НПЛ, 1950. Л.29 об).
295. Это вполне естественно, если основным принципом выделения “русов”,

“руси”, “росов” среди иных общностей является социальный, а не этнический. Впрочем, Ибн Фадлан упоминает о социальной (по знатности, “родовитости”) и имущественной стратификации внутри русов, что, впрочем, естественно при явно господствующей у них, в отличие от “славян”, частной собственности.

296. Контент-анализ восточных источников дает математически четкую картину “перехода” части признаков, присущих “славянам” в первой традиции описания “русов” (“остров русов”), на описания именно “русов” у авторов второй традиции (“три вида русов”) и Ибн Фадлана. Всего от авторов, описывающих реалии “русов” 40 – 50-х гг. IX в., у Ибн Фадлана (922 г.) сохранилось 19 признаков из 84-х, от “славян” первой традиции описания к “русам” Ибн Фадлана перешло 13, особенно “бытовых”, признаков и появилось свыше 20 новых, ранее не присущих ни “славянам”, ни “русам”. Менялся, таким образом, скорее этнокультурный, чем социальный облик “русов”. Впрочем, выбыл такой существенный “социальный” признак, относимый к функциям самообеспечения, как “грабеж иных народов в форме прямых набегов” и такой, характеризующий форму правления, как “знахари, стоящие над царем”. Конечно, подобные различия возможны и в случае наличия различных источников информации у авторов различных традиций описания, однако в данном случае точно датированное произведение Ибн Фадлана, безусловно, несет более поздний пласт информации о русах, чем у группы авторов, описывающих “остров русов”.
297. Впрочем, переводом хазарского слова “HLGW” может быть не только Олег (Хельги), Улеб, но и Олав.
298. Другие механизмы – присвоение одадя (юридический тип) и раздел общегосударственных податей со знатью и должностными лицами (плутократический тип) (Круг земной, 1980. – С.44).
299. Возможно, именно с этим женско-родовым вопросом связаны и летописные эпизоды сватовства древлянского князя Мала к Ольге, и явно выраженное стремление последней породниться с византийским правящим домом, отраженное в ПВЛ прямо, но как бы “от обратного” (ПСРЛ. Т. I. Л. 17 об), и косвенно – в 13 главе политического наставления Константина VII, доказывающего пагубность для власти василевсов подобного рода прецедентов (Константин..., 1991. – С.56-66).
300. Так, жесткие меры Харальда Прекрасноволосого против своих же ближайших родственников совпали с монополизацией только его родом власти в Норвегии (Круг земной, 1980. – С.66).
301. Наличие двух равноправных княжеских “русских” родов (в Киеве и Чернигове) признают в настоящее время В.Зоценко, Ю.Шевченко, Т.Новик.
302. “А наши князи добры суть, иже распасли Деревьскую землю” (ПСРЛ. Т. II. Л. 22).

303. Его сведения о “славянах” относятся, как уже неоднократно отмечалось, возможно, к волжским болгарам (это и “рабство у хазар”, и верховая езда, и, наконец, самое главное – желание принять ислам, реализованное этим народом именно в начале X в.) Для Ибн Фадлана, который перед ответственной поездкой мог изучить все имеющиеся в его распоряжении данные по болгарам, в том числе, вероятно, и византийские источники (описывающие дунайских болгар), они и должны были представляться одним из славянских племен. Для византийцев X в. болгары – уже безусловно славяне. Начиная с ал-Масуди, начинают видеть в болгарях славян и восточные авторы (Maquart, 1903. – S.342). При желании можно представить себе и иной вариант объяснения. Под “славянами” Ибн Фадлана имеются в виду племенные союзы роменской культуры (северяне, вятичи, возможно – радимичи), граничащие со степью и болгарями. В конце IX – начале X вв. они освободились из-под власти хазар (точнее, были “освобождены” русами и печенегами) и попала под номинальную власть русов (Киева). К первой половине – середине X в. относятся признаки городо-, классо- и государствообразования в наиболее развитых частях этой территории (прежде всего у северян (Куза, 1981. – С.88; Шинаков, Григорьев, 1990; Шинаков, 1991 б, С.82). В этой ситуации представляется вполне естественным обращение верхушки формирующегося государства за помощью и против русов, и против печенегов, к мусульманам через волжских болгар, родственники которых жили в роменской лесостепи.
304. Достаточно обоснованные анализом “византийской стороны” договоров сомнения в том, что имело установление выгодных для Руси условий торговли с Византией, а не регулярной дани с последней, высказал специалист по этой стране Г.Л.Курбатов (1988). “Только от государства, в форме дани-контрибуции или откупа (Сахаров, 1978. – С.114), а не по каналам “частной торговли” русы (и болгары) могли... в значительных размерах получать наиболее ценные товары, драгоценные изделия и ткани” (Курбатов, 1988. – С.226).
305. Либо просто наемники, участвовавшие в походах помимо государственных структур.
306. Именно это, вероятно, имел в виду Н.М.Карамзин, когда говорил о том, что государство Олега держалось на постоянных внешних успехах (Карамзин, 1989. – С.108), в противном случае “русская” надстройка над “славянскими” протогосударствами в ту эпоху становилась для последних просто ненужной.
307. В марксистской терминологии; “стратовую” – в политико-антропологической.
308. “Он (конунг Хальфдан) вводил законы, соблюдал их сам и заставлял других соблюдать их, так что никто не мог пойти против законов” (Круг земной. 1980. – С.41).

309. “Он сам установил размеры виры в соответствии с происхождением и дотоинством каждого” (Там же).
310. “Харальд конунг настолько увеличил дани и подати (с богатых и бедных бондов), что у ярлов было теперь больше богатства, чем раньше у конунгов. Когда все это стало известно в Трандхейме, многие знатные люди пришли к конунгу и стали его людьми (Круг земной, 1980. – С.44).
311. “Короли не являлись их авторами... Записи, по-видимому, были произведены по инициативе королевской власти, но по своему содержанию отражают преимущественно именно старинную народную, обычно-правовую традицию...” (Гуревич, 1977. – С.16),
312. А.Гуревич считает, что авторы “королевских саг” переносили черты исландского общества конца XII – начала XIII вв. на Норвегию IX – XII вв. (1977. – С.213).
313. Эта функция – объединения своих земель и завоевания чужих, действительно, за некоторыми исключениями (конунги Бирки и Уппсалы Олав и Эйрик в 50-е гг. IX в.), становится для скандинавских правителей главной лишь с конца IX в., с “расцвета” движения викингов, “ранняя же “эпоха викингов (793/891) характеризуется низкой активностью скандинавских конунгов” (1985. – С.95).
314. В терминах потестарно-политической этнографии можно подобного рода способ получения средств самообеспечения отнести скорее к экзо-, чем эндоэксплуатации, что особенно характерно не для “вождеств”, не для ранней государственности, а именно переходному периоду между ними. Описанный Ибн Русте и его “первой традицией” “объезд” “главой глав” славян своего народа более соответствует либо реципрокности, либо эндоэксплуатации (Материалы..., 1985. – С.294).
315. Хотя характеристика Византии того времени как страны “с развитой торговлей и прибыльными ремеслами”, “выгодно выделяющейся на фоне аграрной и феодальной Европы” (Вернадский, 1996. – С.15), не полностью, как показывают исследования некоторых современных византинистов (Курба-тов, 1988, например), соответствуют истине.
316. Подробные расценки на этот вид товара на Севере Европы, в Византии и на Востоке приводятся: Лебедев, 1985. – С.144-145; Херрман, 1986. – С.80. Впрочем, цифры в этих работах несколько расходятся, но то, что работоторговля давала сотни процентов прибыли, сомнения не вызывает.
317. Последняя, правда, ретроспективно и отчасти компаративистски.
318. О них подробнее: Мельникова, 1979.
319. Не касаясь остальных затронутых в работе этого автора регионов, выскажем сомнение в отнесении такого явления генезиса государственности Древней Руси, как полюдь, к раннегосударственному этапу ее развития. Русь середины X в. не имеет ни одного из признаков раннего государства.

320. По определению последней, в частности, русское полюдьё напоминает стадильно чуть более позднюю вейцлу – королевское “кормление” (Гуревич, 1977. – С.148), восходящее к поездкам по пирам в своих общинах (Гуревич, 1977. – С.6; Данилова, 1994. – С.180). У Кобищанова полюдьё, как универсально-стадийное явление, является полифункциональным. За это его критикует И. Фроянов, выделяя в полюдьё главную, по его мнению, сторону – ритуально-магическую (1996. – С.479).
321. Осторожность в этом вопросе диктуется прежде всего восточными данными о “Валинине” (ал-Масуди) и Хордабе (“первая традиция”).
322. Если оперировать классификацией групп функций, то для росов полюдьё выступает как реализация “общенародных” (экономических и интегративных) их проявлений, в плане же их отношений со славиниями его можно отнести к “самообеспечению” аппарата управления “верхнего уровня”, в аспекте предполагаемого стимулирования социально-дифференционных процессов внутри Славиний – к нарождающимся функциям “классовой” группы.
323. В.Я.Петрухин вообще считает, что речь, собственно, идет не об установке дани “северным племенам” (неважно, им или от них), а о даче им “уставов”, подтверждающих более древний “ряд” (1995. – С.92, 98), в соответствии с которыми и определяется размер дани.
324. Впрочем, НПЛ (а, значит, и “Начальный свод”) подразумевает под “русью”, пришедшей в Киев, только “мужей Варягов и Словен” (вариант: Варягов и мужей Словен) (НПЛ, 1950. Л.30). “Прочие” же лишь “отголе прозвашася Русью” (Там же).
325. Эта цифра обоснована не только ПВЛ, но и византийскими источниками (откуда, вероятно, и попала на Русь (Лев Диакон, 1988. – С.87). Есть данные и о 1 000 кораблей (Лиутпранд Кремонский. Там же. – С.200).
326. Их нет в статье 921-922 г. НПЛ, т.е. “Начального свода”, как, впрочем, и таких “северных” племен, как чудь и меря (ПСРЛ. Т.V. Л.14).
327. В этой связи автор вынужден констатировать некоторое изменение своих взглядов 1990 – 1993 гг., высказанных в наиболее полном виде в книге 1995 г., на состав русского войска при князе Олеге, основывавшихся, прежде всего, на буквальном понимании статьи 907 г. ПВЛ (Шинаков, 1998. – С.258. Приложение 1).
328. Для сравнения: в нападении на Париж в 846 г. участвовало 120 кораблей такого же “класса”, на Севилью годом раньше – около 100 драккаров (кстати, 30 из них было сожжено маврами) (Минорский (по ал-Якуби), 1964. – С.24), в 859.–861 гг. Бьерн Железнобокий обошелся 62 кораблями для опустошения части Испании, Марокко, Южной Франции, Италии, Греции (Гуревич, 1966. – С.228, 248). Напавший в том же году на Царьград флот Аскольда и Дира (?) насчитывал 200 судов (ПСРЛ. Т.I. Л.7 об), если все же

совместить данные ПВЛ и патриарха Фотия и других византийских авторов. Выкуп с Парижа в 846 г. насчитывал 7 000 фунтов, с Англии после сражения при Мэлдоне в 991 г. – 22 000 (Гуревич, 1966. – С.118). При любом размере гривны – 68 г, как в год описываемых событий, в 81 или 51 г – при внесении записи в ПВЛ, или в 200 г (при ее редактировании и переписывании) размер гипотетического выкупа с Константинополя, тогда еще только вступившего в пору своего второго подъема, в десятки раз превышает суммы выкупных платежей с Парижа и Англии, что мало реально.

329. Они есть, например, в походе 907 г., но там не упоминается русь. Последняя присутствует в статье 941 г., но без варягов.
330. Каких именно – мнения расходятся: Л.Н.Гумилев считает, что в интересах хазаро-мусульманской торговли, которой мешали еретики-дайлемиты (1996. – С.242-243), А.П.Новосельцев и Т.М.Калинина – в пользу Византии и ее тогдашнего союзника – Хазарии против мусульман (1997. – С.18-17, 53-68); В.Я.Петрухин и И.Г.Коновалова делают упор на хазаро-мусульманское торговое соперничество на Каспии (Петрухин, 1996. – С.93; Коновалова, 1997. – С.23-27).
331. Мы уже цитировали очень подходящее к данному случаю высказывание представителя “юридической школы” К.Д.Кавелина, сделанное еще в 1846 г., но сделаем это еще раз. “Эта система (управления) строга, убыточна, разорительна для подданных. Она совсем равнодушна к управляемым, противопоставляет их “интересы интересам правителя, его обогащение поставляет главной целью...” (Кавелин, 1989. – С.29). Носителями этой эксплуатации являются не только правитель, но и его варяжская дружина, а объектом эксплуатации являются не только славянские племенные общины – княжества и города, но и их правители (старейшины, князья), позднее – выделившаяся из их среды знать, управлявшая посредством вече (Там же. – С.26, 27, 28).
332. Если не считать высказывания Ибн Хордадбега о том, что “русские купцы – вид славян” (Новосельцев, 1965. – С.887).
333. В отличие, скажем, от Болгарии, где славянский и протоболгарские уровни власти были объединены общей для них внешнеполитической функцией – борьбой с Византией, а с IX в. славянскую знать допустили в высший эшелон власти, потеснив протоболгарских военных аристократов.
334. В дальнейшем именно эти черты имели перспективы развития в пределах “Господина Великого Новгорода” и отчасти – Пскова, хотя и порождены они были иными социально-политическими, хозяйственно-экономическими и природно-географическими условиями.
335. В “Кембриджском документе” X-л-гу прямо назван “царем” (Коковцов, 1996. – С.619; “HLGW, царю RWSY” (Голб, Прицак, 1997. – С.141).
336. Впрочем, в научный оборот введена и точка зрения о неверном в этом аспекте прочтении “Истории” Льва Диакона (Карышковский, 1960. – С.42).

337. Возможен и иной повод для стыда и страха: если Х-л-гу был все же князем Чернигова, то он не только “провалил” свою сферу внешнеполитических интересов “Росии” (хазарскую), неудачно обострив отношения с Каганатом, но и в интересах последнего вторгся в чужую (византийскую) сферу, не добившись успеха и здесь. Оставалось одно – поселиться на мусульманской границе Хазарии, став чем-то подобным “федерата” последней.
338. Споры о том, носило ли оно характер “народного восстания” против феодализации, относилось ли к “национально-освободительным” движениям, или имело смешанный характер, ушли в прошлое.
339. Горналь, Супруты, Кветунь, возможно, Липовое, Зеленый Гай, Гочево.
340. Из трех возможных прототипов ярла Скули подходит лишь сын ярла Оркнейских островов Торфинна Раскалывателя Черепов, который мог покинуть отцовские владения после их временного захвата сыновьями Эйрика Кровавая Секира во время соправления последнего с Хаконом Добрым (т.е. в конце 40-х – начале 50-х гг. X в.) (Круг земной, 1980. – С.70). Два других Скули подходят меньше. Один был скальдом при ярле Эйрике, участником и очевидцем сражения при Свелде в 1000 г. со стороны победителей (Там же. – С.162, 647). Биография второго – сподвижника и воспитателя Олава Тихого, и его владения в центре Норвегии слишком хорошо известны (Круг земной, 1980. – С.461-562), чтобы оставить место для правления Алаборгом в “Восточных странах”. Возможно это лишь в конце 30-х – начале 40-х гг. XI в., когда покровитель Скули – Харальд Суровый – был на Руси и в Византии, но имя “конунга Ярицлейва” в “Саге о Хальфдане...” не упоминается, да и вряд ли была возможна война между правителями двух русских городов в период расцвета правления Ярослава. Кроме того, “Сага об Олаве Святом” называет имена ярлов Альдейгьюборга того времени – это отнюдь не Хергейер Эйстейн и Ульвкелль (Древнерусские города..., 1987. – С.162-163).
341. Он даже называл себя в “стране Вендов”, в походах на саксов, фризов и “Валланд”, в Англии и Ирландии “Оли из Гардарики” (Круг земной, 1980. – С.115-116).
342. Сам по себе этот факт – отнюдь не вопиющее нарушение “правил игры” в отношениях князя и дружины (а в Скандинавии – даже конунга и бондов), но он явился как бы сигналом, что Игорь не выполняет свою часть “договора” (“щедрость” в обеспечении дружины) при реципрокном характере отношений внутри “верхнего уровня” власти. Вероятно, главным аргументом дружины была угроза перейти к другому правителю. Во всяком случае, именно это заставило короля Теодориха в аналогичной ситуации (532 г.) против своей воли пойти грабить его собственную область Овернь (Колесницкий, 1967. – С.29).
343. Это фактически первое упоминание о дифференциации внутри дружины-

”руси”. Если “мужей” логично сопоставлять с будущими “боярами” (ретроспективно этот термин употребляется и в договорах с греками), то “отроки” появляются впервые. Терминологически они, возможно, происходят от греческого “σχυροί” – юные слуги-воины, составляющие личную гвардию военачальников (Анна Комнина, 1996. – С.217, 537), гносеологически восходят к возрастнo-ролевой дифференциации первобытно-родового общества. Что же касается реального содержания данного понятия применительно к Руси середины X в., то ближайшую аналогию, вероятно, можно найти в синхростадиальной Скандинавии эпохи зарождения королевских дружин. Это “гости” – “слуги короля, которые получали вдвое меньше, чем дружинники, т.е. его телохранители. Гости... использовались в основном как посланцы для выполнения разных опасных и неприятных поручений” (Стеблин-Каменский, 1980. – С.649). О численности и соотношении частей русской великокняжеской дружины нет никаких данных. Для сравнения: конунг Норвегии Олав Святой имел 60 дружинников и 30 “гостей”; Олав Тихий (наследник Харальда Сурового) – 120 дружинников, 60 “гостей”, и последнее количество считалось слишком большим в сравнении с “законом” и традициями предшественников (Круг земной, 1980. – С.196, 465).

344. С учетом того, что получение доходов тогда было главной функцией (группы “самообеспечения”) верхнего уровня власти, то это действительно могло случиться (а эпизод с “древлянской данью”, хотя и косвенно, но однозначно свидетельствует в пользу данного факта).
345. Судя по тому, что, покинув их землю, основная часть полюдьа не пошла в дальнейший круговой объезд – в славинию “Другувитов” и прочих “пактиотов” (данников по договору, союзников) (Константин..., 1991. – С.51), а по приказу Игоря вернулась в Киев (“пусти дружину свою домови” (ПСРЛ. Т.1. Л.14 об.)).
346. Подробнее о “волчьей символике” князя и дружины см.: Петрухин, 1995. – С.148-150. Отметим только не упомянутую здесь этимологию слова “варяг”, по Татищеву, истине напрямую не соответствующую, но подметившую некоторую общую тенденцию в этнонимии воинственных скандинавов и тюрок. “Что же до шведов касается, то они сами утверждают, еже варги и варгионы называны, что на древнем готическом языке значит волк (у Петрухина приводится другое – исландское vargr – “волк, изгой”, сопоставимое со славянским “враг” (1995. – С.148-149)) или, образно, разбойник, “понеже они разбоями на море славны были... равно сему в татарах башкурт... то же самое значит главные волки. У турок народ близ Вавилона також для многого воровства названы курты, или волки” (Лексикон... Избранные произведения, 1979. – С.205). О тюрко-монгольской этимологии данного названия, о его связи скорее не с этническими, а социальными характеристиками го-

- ворит Л.Н.Гумилев (1993. – С.21-24): “Хан по его свойствам есть волк”, тюрки делятся на просто “кочевников” и “волков” (дружинников, отборных воинов) (Бичурин, 1960. – С.237, 290). От кого – варягов или хазар, чей правящий род Ашина также восходит к волку, перешло данное сравнение на русского князя-кагана, не суть важно. Значимо само по себе восприятие его и “руси” в целом со стороны славиний, даже их правящей верхушки.
347. В.Я.Петрухин считает, что “государственная власть и воплощавшая эту власть княжеская дружина оказывались “завоевателями” формирующейся государственной территории вне зависимости от того, существовали ли принципиальные различия в этническом составе дружины и подвластных ей земель” (1995. – С.118).
348. Вероятно, именно эта часть дани после смерти Ольги перешла на ее внука Олега, “посаженного” великим князем в “Древех”. Не исключено, впрочем, возможность ее выплаты лично новому великому князю – Святославу, а затем, по логике (но в конкретной ситуации 973 г. отнюдь не обязательно) – Ярополку. В таком случае Олегу (или любому другому князю и наместнику Рюриковичей в Древлянской земле) остаются лишь “уроки” как наследство “туземных” князей, что менее вероятно, чем первый вариант раскладки получаемых видов платежей. Последнее тем более вероятно, что состояние и степень информативности источников не позволяют отбросить и такое понимание древлянских “уроков”, как определение размеров взимаемой с конкретных местностей земли древлян дани. Вполне возможно, что, ликвидировав местных князей, Ольга была вынуждена сама заняться внутренней раскладкой даней.
349. Действительно, возможно юридически неточно называть эти государственно-княжеские владения вотчиной, т.е. частной, передаваемой от отца к сыну (и даже дочери), по РП, ст. 91-106, собственностью.
350. Абсолютно аналогично складывались отношения Поморской торгово-городовой “аристократической” конфедерации с князем и его дружиной, для “кормления” которых был выделен округ в Камно и Узнаме, на завоеванной земле лютичей (Ронин, Флоря, 1991. – С.130-131). Впрочем, точный юридический статус этих земель также не известен: мог ли князь сохранить их в своей собственности, если уходил “со службы” “конфедерации”? Другое дело, что по Луте находилась значительная часть земель води, “роды” которой явно не входили в число основателей гипотетичной (Носов, 1990. – С.189) “Северной” или “славяно-финской конфедерации”.
351. Возможно, упомянутыми в 1016 г. как часть войска Ярослава, отпущенная по домам с оплатой в 10 раз меньшей, чем “всем новгородцам” (НПЛ, 1950. – С.175).
352. Так, в 1333 г. Наримант-Глеб получил Ладогу, Орешек, Корелу с землей, поло-

вину Копорья в “отчину и дедину” (Соловьев, 1988. – С.229). С учетом того, что Орешек был построен незадолго до этих событий, а данные пункты имели статус “пригородов”, речь здесь вряд ли может идти о какой-то освященной традицией княжеской собственности или домене. Это – “кормление”. Ясно это проявилось в 1383 г., когда вече и даровало, и отнимало города у Патрикия Наримантовича, да еще при обязательном условии: договорной грамоте. Во всех случаях фигурирует Ладога, в одном – Орехов, Корела и опять половина Копорья обменены вечем по жалобам жителей последних на другие, но тоже пограничные территории: Русу и “наровский берег” (Там же. – С.228). Впрочем, переносить юридическую практику эпохи расцвета республиканского строя в Новгороде (XIV в.) на реалии X в. вряд ли правомочно. Важно в этих текстах другое: наряду с пограничными, в том числе новыми “пригородами” и землями, упоминается Лузское село, т.е. безусловно частновладельческое поселение на р. Луга, откуда Ольга еще могла получать “оброки”.

353. В данном случае, аналогичные, вероятно, “градам” Олега Вещего и Владимира Святого. В отличие от описаний деятельности этих князей, летописец не сопровождал действия Ольги традиционными “строительными” мотивами. Возможно, место достаточно абстрактных “градов” здесь занимают “места и погосты... суть по всей земле” (ПСРЛ. Т.1. Л.17).

354. Аналогично “черный бор” в Орду (“цесарев выход”) выплачивался за всю Новгородскую республику лишь с некоторых окраинных, в основном, ее составных частей (Новоторжская волость, Вычегда, Печора). Они исключались из системы сбора государственных податей в пользу Новгорода, в частности, “поралья посадника и тысячкого”, составляющих основу финансов боярской республики” (Янин, 1983. – С.107). По мнению последнего, выбор именно Торжка диктовался отчасти “правом завоевания” – только он подвергся татарскому нашествию (Там же. – С.106). Увеличение числа податных Орде через Москву территорий юридически увязано Иваном Калитой в 1333 г. с ростом размеров владений Новгорода на Севере (Там же). С граждан самого Новгорода, где бы они ни жили, “черный бор” не брался (Там же. – С.107). С “колониальных” окраин право сбора ненужной самому Новгороду дани было отдано московскому князю, при сохранении новгородского подданства этих земель. “...И дали князю Ивану на черный бор Вычегду и Печеру; и с тех времен князь московский начал взымати дани с пермских людей” (Документы..., 1958. – С.257; Флоря, 1967. – С.224), “а 500 рублей новгородци повелеша князю великому (Дмитрию в 1386 г.) взяти на Заволочанех...” (ПСРЛ. Т.4, ч.1, вып.2. – С.342 и др.); “Новгород даша князю брати по своим волостям” (ПСРЛ. Т.4, ч.1, вып.2. – С.372-374).

355. Само участие сначала “словен, кривичей, чуди”, а затем “новгородцев” во внутренних смутах Южной Руси – явление достаточно частое для конца X –

начала XI в. (980, 1016-1019, 1024, 1036), причем часто они действовали по своей инициативе, спасая единство страны (1018 г., бегство Ярослава от Болеслава Храброго (ПСРЛ. Т. I. Л. 49). Известны и факты “благодарности” князей Новгороду, в частности правового характера (по мнению многих исследователей – “Правда Ярослава”). Подробнее об этом, а также привлечении северных “верховних воев” к защите южных рубежей Руси см. след. работы автора: На пути к державе Рюриковичей, 1995. – С. 93-94; Новгородцы в процессе становления государственности на Юге Руси // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. – Новгород, 1998. – С. 27-32.

356. “Древлянский пример” лишней раз доказывает неидентичность “Росии” как территориального воплощения главного территориального ядра “двухуровневого”, отчасти переходного от него к “дружинному”, сложносоставного государства середины – третьей четверти X в. и “Русской земли”, “Руси” в узком смысле слова. Последняя, по данным северных летописей конца XII – начала XIII вв., ассоциировалась с Южной Русью в целом (Киев, Чернигов, Переславль), а более компетентные (но и имеющие в виду чуть более поздние явления) южные источники отождествляют ее только с Киевской землей (Флоря, 1993. – С. 44-46). Последняя по традиции воспринималась коллективным совладением рода Рюриковичей, не имеющим постоянной династии. Киевское же княжество включало в себя всю бывшую землю древлян (Рычко, 1988), что косвенно свидетельствует об изначально (с реформ Ольги) “домениальном” для Киева характере последней (исключения могли быть при Олеге Святославиче (970 – 977) и Святославе Владимировиче (+ 1015). Об условности границ “Русской земли” говорит хотя бы их разное понимание северными и южными летописцами. В любом случае в нее в качестве обязательного ядра входила бывшая земля древлян, ни в коем случае к “Росии” не относившаяся. В этой связи представляется преждевременным вывод о существовании в X – XI вв. большого Туровского княжества, включавшего земли не только дреговичей, но и волынян и древлян – наследника их племенного союза (Милютенко, 1990. – С. 174-175). Во-первых, город “в Деревех” упоминается – это Вручий, а не Туров, во-вторых, ни дреговичи, ни Волынь в состав “Русской земли” XII в. не включались, а поскольку она являлась понятием скорее традиционно-идеологическим, чем реально-политическим, то не могло не отразить недавнего единения трех земель в составе одного княжества, в-третьих, если исключить землю древлян, то после обретения Черниговом и Переславлем собственных “столов” для “столичного округа” в середине XI в., по сути, не остается места.
357. Такая система территориально-политических связей, с привилегированным “ядром” государства (“Уппсальским богатством” (Круг земной, 1960. – С. 216), получавшим дани с “несвейских” областей), очевидно, синхроста-

диальная модели той государственности, которую начала строить Ольга, характерна (по А. Сванидзе, 1982. – С.153) для Швеции с начала “эпохи викингов”. Внешним ее показателем является замена племенного деления территориальным, с чего, собственно, и начала Ольга, ликвидировав все местные (“племенные”) органы власти древлян. “Государство” Олега и Игоря поэтому нужно считать стадияльно несколько более ранним, чем Швеция того же времени. Однако с Ольги Русь начала развиваться в этом направлении более высокими темпами, придя к “финишу” (ранней государственности) даже чуть раньше “образца”.

358. По скандинавским аналогам, для этого существовало два типа правовых оснований. Первое – приобретение разными путями (покупка, дарение, постройка и заселение) княжеских усадеб (хусабю, сел, некоторых “гардров” и градов). Второе – “присвоение одаля”, по сути – верховных прав на землю, начатое Харальдом Прекрасноволосым в Норвегии (Круг земной, 1980. – С.44) (с попятным движением – “возвратом одаля” после его смерти) (Там же. – С.67) и завершенное Олавом Святым образованием “одаля короля” (Гуревич, 1977). Последнее позволило собирать дань не как следствие завоеваний “чужих” земель и не как добровольный дар, а как ренту-налог, своеобразную эманацию власти – собственности, характерной либо для ранних, либо для “восточных” государств. О том, какое значение придавали потере одаля бонды, говорит единогласное избрание ими Хакона Доброго в обмен на “обещание вернуть им в собственность их отчизны” (Круг земной, 1980. – С.67).
359. В “Летописце Переяславля Суздальского” приводится размер всех “плат” древлян: “по две куны черных, по две веверицы и скоры, и мед” (ПСРЛ. Т.41. Л.487 об). Все летописи отмечают, что при покорении древлян Олегом Вещим выплаты составляли всего одну “черну куну” (Там же. Л.484, например).
360. Вспомним, что даже в самой развитой из чисто славянских стран (не берется Болгария) – в Чехии право регулировалось отдельными княжескими указами, и даже “Гнезненские статуты” 1038 г. отнюдь не имели всеобъемлющего характера. В руках князя находились все части судебной процедуры. Законы были не нужны, их заменяло конкретное решение князя. То же было в Польше.
361. Данный регион вообще дает поразительное количество совпадающих с Польшей и Чехией этнонимических пар и хоронимов. Вольнь (вольняне) – Волин (велундзяне), пактиоты Руси лендзяне, помещаемые где-то в бассейне Припяти, чье имя “фактически тождественно самозванию поляков” (Мельникова, Петрухин, 1991. – С.316), лучане – Луцк, чешские и восточнославянские (?) дулебы (дудлебы) и хорваты. Совпадения могут быть случайными, связанными с законами создания славянских этнонимов или расселением из единой прародины, но могут оказаться связанными и с политической ситуацией конца IX в. (гегемония Великой Моравии) либо середины второй

- половины X в. (борьба Чехии, Польши, Руси за политическое влияние в этих землях), и связанными с этим миграциями, в том числе “искусственными”.
362. ПВЛ не говорит о построении нового великокняжеского города в земле древлян после сожжения Искоростеня и его старейшин (ПСРЛ. Т. II. Л. 23 об). Возможно, функции сбора дани вместо единого центра были возложены на отдельные “становища”, функционировавшие в основном в период сбора “уроков” и даней. А новый, уже из Рюриковичей, князь – Олег Святославович, возможно, построил столицу “Деревех” – Вручий, который в этом отношении можно сравнить с городом Млада Болеслав в земле пшован. Сам же акт знаменовал замену управления, опосредованного “нижним уровнем власти”, прямым господством центральной власти. Если в правовом отношении Болеслав выступал вначале как князь пшован, потомок не только чешского Пржемысла, но и пшованки Людмилы, то после спровоцированного и выигранного ими с помощью грубой силы конфликта – ритуально-правового действия – как князь-наместник Праги. Так могли вести себя правители, уверенные в своем будущем как властителей более обширной территории, единого государства, не заинтересованные в укреплении составной его части и сепаратизме последней. Возможно, и в назначении фактического (системы престолонаследия еще не было) наследника престола, и в его решительных действиях свою роль сыграло пограничное со Зличанско-Хорватским княжеством расположение крошечной земли пшован.
363. Составленное с литературно-назидательными, а не хроникально-историческими целями “Сказание” о мести княгини Ольги вряд ли можно использовать для категоричных политико-правовых реконструкций (столкновение “родо-племенного и государственного права”). Представляется вряд ли очевидным из текста “Сказания” признание Ольгой правомочности действий древлян против нарушившего “пакт” ее мужа (Петрухин, 1995. – С. 150). Как показали дальнейшие события, “ласковый” вначале прием древлянских посольств был лишь тактическим ходом проигравшей и временно слабейшей стороны, помышляющей о реванше. Вполне возможно, что она ожидала подхода северных дружин Асмуда и Святослава, чтобы начать решительные действия. Обвинять Ольгу в излишнем языческом мистицизме, приверженности к исключительно правовым механизмам урегулирования конфликтов вряд ли позволяют источники. В связи с этим, не рассматривая специально вопрос о “местах” и “знамениях” Ольги “по всей земле”, мы склонны усматривать их происхождение скорее в экономически-правовой, чем в ритуально-мистической сфере (Фроянов, 1996. – С. 431-434).
364. Причина этого – традиционное для кочевников поголовное уничтожение знати враждебных родов (а иногда и “благородных родов” целиком) в борьбе за власть. Отношение к князьям – вождям славиний было иным: их чаще

переселяли или изгоняли из страны (события 762, 827 гг. (История Болгарии, 1987. – С.48, 53). Достаточно мягкие меры протоболгарских ханов по отношению к населению даже мятежных славиний диктовались долговременным курсом на интеграцию двух этносов и уровней власти, а не на искусственную изоляцию “верхнего”, пусть и сопровождаемого сохранением его привилегий. В Болгарии этот процесс начался с введения общего государственного права, затем последовала замена племенного деления территориальным, и в финале было введение общей религии – христианства. В результате и последовали решительные меры Бориса I, опиравшегося на славянское большинство, против протоболгарской аристократической оппозиции христианизации в 865 г.

365. Так, еще в 763 г. свыше 200 000 славян из Македонии было переселено в Малую Азию (Дашков, 1996. – С.135), взамен сюда направляли переселенцев из разных фем (История Болгарии, 1987. – С.50-51). После покорения Болгарии “наиболее видные из них (вельмож), прежде всего представители свергнутой династии, были переселены в Малую Азию, в армянские фемы, где получили поместья, военные и гражданские посты. Туда же были переброшены наиболее боеспособные части уцелевшего болгарского войска” (Там же. – С.99). На их место переселялись не только крестьяне из других фем и пленные кочевники (Там же. – С. 102), но и военная знать, получавшая в новой провинции империи земли на правах “условного военного держания” (пронии), впервые введенного при Комнинах именно на вновь завоеванных землях (по примеру более ранних германских королей, отводивших рыцарям лены в покоренных землях, составивших королевский домен) (Там же. – С.103, 117). Характерно отсутствие сведений о насильственном крещении и преследованиях за языческие обряды (в отличие от Карла Великого в Саксонии, Олава Святого в Норвегии или меченосцев, тевтонских рыцарей и некоторых польских князей в Прибалтике и Пруссии). Жестоким наказаниям подвергались лишь греки-предатели (христиане-рenegаты) (Дашков, 1996. – С.135) или еретики-павликиане, заключившие союз с мусульманами (Там же. – С.156, 158). “Простых” же павликиан Иоанн Цимисхий просто переселил во Фракию, “во-первых, чтобы удалить их из хорошо укрепленных городов и крепостей, которыми они распоряжались как неограниченные правители, а во-вторых, чтобы использовать их как Фракия” (Анна Комиина, 1996. – С.395). Использовали, правда, не столь удачно, византийский опыт и болгары. Потомки 10 тысяч пленных жителей Адрианополя, переселенные в 813 г. на левый берег Дуная с целью его охраны, организовали в 838 г. вооруженное восстание против болгар и были доставлены в Византию на кораблях ее военного флота (История Болгарии, 1987. – С.51, 54, 58).

366. Если принять версию Снорри, что Харальд крестился во время перемирия с Оттоном II (Круг земной, 1980. – С.114), последнее вполне вероятно.
367. Эта дата, впрочем, оспаривается и называются 860-е гг. (Стеблин-Каменский, 1980. – С.645; Ресдаль, 1986. – С.135).
368. Была и другая опасность этого метода. Попытку именно таким образом прокормить “большую дружину” предпринял в конце своего правления, после прекращения завоевательных войн Болеслав Храбрый. Однако резкий переход от преимущественной экзоспексуации к внутренней в одной из самых неприкрытых ее форм, при религиозных различиях дружины и поданных, а также чисто германо-рыцарской спеси “посаженных на землю” дружинников, закончилось для них плачевно и чуть не привело к гибели Польши как единого государства. Отметим, что в Польше как раз отсутствовал аллод (была община “ополе”) и отсутствовал фактор завоевания – попытка феодализации была предпринята на коренных польских землях.
369. И такой титул получил Симеон – “василевс болгар”, затем, правда, ранг был снижен – “цесарь”, зато официально признан Византией благодаря династическому браку Петра и дочери Романа II (Тыпкова-Займова, 1991. – С. 141). Потомки Самуила носили титул “автократор” (самодержец) (Там же. – С.144).
370. Снорри Стурлусон в доказательство этого приводит драпу фактического современника и Олава, и Владимира – Халльфреда Трудного Скальда (867-1007), принявшего христианство и ставшего дружинником Олава, тогда уже конунга Норвегии и христианина (Круг земной, 1980. – С. 149, 644).
371. В ситуации 968-970 г., когда Святослав временно возвратился из Болгарии, в качестве “подарков” он вполне мог привезти сыновьям наложниц или невест. Для Ярополка данное предположение находит летописное подтверждение. “У Ярополка жена грекия, а раньше была черницею. Привез ее отец его Святослав, и отдал ее за Ярополка красоты ради лица ее” (ПСРЛ. Т.41. Л.42). Для Владимира, скорее всего, была привезена одна из княгинь рода царя Петра, что косвенно подтверждает и летопись, называя в числе жен Владимира “болгаряню” (ПСРЛ. Т.41. Л.48 об). Косвенным доказательством первенства ее среди жен князя может являться тот факт, что именно ее сына Бориса Владимир держал при себе во время болезни и перед смертью доверил ему свою дружину (ПСРЛ. Т.41. Л.73-74об), имя первой жены Владимира, возможно, приводится в “Саге об Олаве сыне Трюгтви” – Аллогия (Круг земной, 1980. – С.101).
372. Правда, нужно учитывать возможность переноса Снорри Стурлусоном на эти события исландских реалий XIII в.
373. Это не может быть Болеслав Храбрый Польский по соображениям хронологии, если только все события – не вымысел Снорри или его информаторов. Это вряд ли был и его отец Мешко-Мечислав (Стеблин-Каменский, 1980. –

С.644), не столько из-за имени и проблематичности включения при нем части побережья Балтики в его державу. О последнем можно косвенно судить путем сопоставления фразы “Болеслав... восстановил границы Польши, утраченные прежде (“Великая хроника”, 1987. – С.66) и сведений Снорри о помощи Олава своей жене Гейре в восстановлении ее власти над “теми краями страны Вендов, которые были подчинены Гейре, конунговой дочери, но в то время вышли из повиновения и не платили податей” (Круг земной, 1980. – С.112). Выход же “Страны Вендов” к Балтике обязателен в плане ее локализации, т.к. именно у ее берегов нашли укрытие во время бури Олав и его спутники (Там же. – С.111). Существенно другое: сестра Свейна Вилобородого Тюри отказалась выйти за Бурицлейва как за язычника. А было это ближе к 1000 г., т.е. минимум через 40 лет после крещения польского князя, которое произошло не позднее принятия христианства в Дании. Есть и косвенные данные не в пользу Польши – Тюри бежала от Бурицлейва и быстро достигла Дании (Там же. – С.154), конунг вендов участвовал в походе Оттона II на Данию, как его вассал (Там же. – С.112). Скорее, все эти данные свидетельствуют в пользу Ободритской федерации, либо одной из ее составных частей, скажем, Вагрии. Что касается Йомсборга, то его место точно не установлено, и его отождествление с Волином или расположение в его окрестностях весьма проблематично. В любом случае викингский лагерь не дисгармонировал с местной структурой – его вождь Сигвальди был женат на одной из дочерей князя вендов, сам Бурицлейв все же женился на сестре датского конунга Тюре, предоставив ей земельные владения как еще одной своей дочери, жены Свейна Вилобородого, так и новые (Круг земной, 1980. – С.154). Впрочем, ценность этих рассуждений несколько снижается возможной (и вполне естественной) экстраполяцией исландских общественных отношений XIII в. (не исключено, однако, что синхростадиальных) не только на Скандинавию, но и на некоторые славянские страны X в.

374. “Она унаследовала его державу”... “С тех пор, как он (муж) умер, я (Гюда) правлю державой” (Там же. – С.117).
375. Не только славян и скандинавов, но и других германских племен. У франков по эдикту Хильперика устанавливалось право наследования имущества, включая землю, и по женской линии (История Средних веков, 1969. – С.42).
376. В ПВЛ для обоснования допустимости ее правления вместо сына использовано право “кормильства”: “Кормящи сына своего до мужества его и до возраста” (ПСРЛ. Т. I. Л. 19). В данном случае этот термин равнозначен регентству. Как и регент, кормилец не обязательно должен был быть родственником малолетнему правителю. Так, до 945 г. “кормильцем” Святослава был Асмуд (ПСРЛ. Т. П. Л. 21об).
377. Имеется в виду “Росия” (ее киевская часть, по крайней мере), часть “внеш-

ней Руси с Новгородом и “завоеванная” заново благодаря мятежу Земля древлян.

378. В связи с ее склонностью к компромиссным реформам, редкому использованию военных средств ее можно назвать “Мирной”, но отнюдь не “Доброй” (Лебедев, 1985. – С.98) княгиней.
379. Не менее вероятно (или невероятно) предположение о его нахождении до начала 60-х гг. в Левобережной Руси, на городище “Коровель” под Черниговом, например, вместе с воеводой Претичем. Возможным военно-политическим соседом здесь мог быть Каганат, восстановивший после похода Песаха свою власть над северянами и вятичами, либо гипотетичное протогосударственное объединение этих племен (Шинаков, Григорьев, 1990).
380. Возможное исключение могут составить войны конунгов Хергейра и Эйстейна за Альдейгьюборг, и сыновей последнего с ярлом Алаборга Скули, описанные в “Саге о Хальвдане...” (Древнерусские города..., 1987. – С.162). Впрочем, точная датировка описанных в “Саге” фактов и степень их реальности ставится под сомнение.
381. В качестве единственного внешнего источника дохода возможна лишь плата Романа II за присланный военный отряд и то, если эта помощь носила организовано-“государственный” характер, и именно со стороны “правительства Ольги”, а не иного “русского князя”.
382. Нам представляется, однако, что именно такая цель описанного Ибн Хаукалем похода на Хазарию следует не из той фразы последнего, на которую ссылается А.Н.Сахаров (1982. – С.43, 44). Действительно: “и свершили свой набег эти (русы) на всех, кто был на берегу Итиля, из числа хазар, болгар и буртасов, и захватили их” (Калинина, 1976. – С.91). Во всяком случае, из перевода Т.М.Калининой отнюдь не следует, что захвачены были именно земли, а не люди. Тем более, что в пояснении НПЛ к описанию ПВЛ достоверно первого похода, возглавленного именно Святославом (у Ибн Хаукаля имя руководителя “набега” не упоминается), однозначно говорится о последнем. “И Ясы победи и Касоги” (ПСРЛ. Т.1. Л.19), а затем провел их к Киеву (НПЛ, 1950. Л.38). О “захватнических” целях, по крайней мере второго, волжского похода “русов” (не обязательно киевских) свидетельствует, скорее, описание возвращения части беженцев в “Итиль и Хазаран” при ширваншахе Мухаммеде Ибн Ахмаде ал-Азди (981-991) (Сахаров, 1982. – С.45), когда для этого потребовалось “заключение договора” и “покорность” русам, все еще владевшим, судя по контексту (Калинина, 1976. – С.92), этими землями.
383. Однако, по крайней мере часть сторонников суверенности или автономии Чернигова от Киева, считают его династов до событий 965-969 гг. находящимися в “частичной вассальной зависимости от Каганата” (Уманец, Шевченко, 1995. – С.66). В этом случае, действительно, вряд ли те русы, что

“служат в войске царя и являются его слугами” (Ал-Масуди: Материалы..., 1988. – С.886), а их данная группа ученых относит к черниговским русам, могли извне, через Болгарию, напасть на Каганат.

384. В этой связи уместно напомнить одну из интерпретаций этнонима “Лузния” – “Лудагана” (по еврейско-хазарскому Анониму и ал-Масуди) – ладожане (Кокковцов, 1996. – С.615, 622). В этом случае гораздо более объясним маршрут походов русов – по Волге, с севера. Есть, впрочем, и иные объяснения “странности” маршрута – обход Святославом владений черниговских суверенов (Новик, Шевченко, 1995. С.97). Однако как раз о пути похода 965 г., т.е. безусловно Святослава, нет точных свидетельств. Можно предложить даже не в качестве гипотезы, а своеобразной “игры ума” и третий вариант интерпретации: поход черниговских русов в 969 г. на Хазарию состоялся кружным путем, минуя захваченную в 965 г. Святославом Киевским Саркел – Белую Вежу на Донском пути и ставшими в 968 г. враждебными печенежские степи.

385. В отличие от похода 965 г., когда Святослав от Белой Вежи пошел либо в Киев, либо на вятичей вверх по Дону, участники “набега” 358 г. Хиджры “отправились тотчас же после к стране Рум и Андалус и разделились на две группы” (Калинина, 1976. – С.93). Сама по себе фраза вполне объяснима, хотя и несколькими вариантами, но в применении только ко второму походу:

1. Маршрут самого Святослава пролегал через Чернигов (если следовать версии Андрощука – Зоценко о гибели городища “Коровель” от его рук в конце 60-х гг.), Десну, Оку, Волгу. После разгрома Хазарии основная часть его войска вполне логично “пошла к Руму” (имеется в виду война с Иоанном Цимисхием), а какая-то его часть, преследовавшая лишь грабительские цели (варяжские наемники), двинулась в “Анджулус”. В этом контексте (пополнение дружины) понятен захват пленных – “хазар, болгар, буртасов”, но нелогичной выглядит попытка закрепиться на Волге перед решающей схваткой с Византией за Болгарию.

2. Поход каких-то северных русов-норманнов с Волжского пути, для которых ослабленная в 965 г. Хазария явилась одним из промежуточных объектов грабежа по дороге в Византию. Там одна часть русов могла или попытаться наняться к императору, или присоединилась к “болгарской” армии Святослава, а вторая, в продолжение “викингской одиссеи”, двинулась к Андалузии. Возможно создание с помощью этих варягов какого-то временного русского анклава либо на Нижней Волге, подчиненного какому-то из русских князей Севера (Ростова, Ладоги), либо в самом Итиле.

3. То же допустимо, если поход был организован нежелающими подчиниться Киеву “черниговскими династами” (скажем, после гипотетического разгрома городища “Коровель”). В поисках новой родины и применения своим военным силам они вполне могли попытаться обосноваться в Хазарии, на-

няться к василевсу или халифу Кордовы. Абсолютно логично в этом случае выглядит маршрут похода – в обход Белой Вежи, уже захваченной Святославом, и, естественно, без возвращения в Поднепровье. Косвенно о присутствии русов (или норманнов)-наемников в Византии, возможно, свидетельствует засылка в войско Святослава “переодетых в скифское платье, владеющих обоими языками людей, чтобы они узнавали о намерениях неприятеля и сообщали о них затем императору” (Лев Диакон, 1988. – С.56).

386. Исключение составляют Посеймье и Среднее Подесенье – стык “Росии”, земель радимичей, северян, вятичей, кривичей. Однако это – ареал обретенных в кружок дирхемов, составлявших основу особой денежно-весовой системы, на Киев и Чернигов (“Росию” вообще) не распространявшейся (Янин, 1956. – С.142, 180; Куза, 1981; Фомин, 1986; 1988. – С.76-77; Зайцев, 1991; 1992; Шинаков, 1986а, 1990а; Шинаков, Зайцев, 1993).

387. Здесь можно сопоставить три источника. “Говорят, что, с бою взяв Филиппополь, он со свойственной ему бесчеловечной свирепостью посадил на кол двадцать тысяч оставшихся в городе жителей и тем самым смирил и (обуздал) всякое сопротивление и обеспечил покорность” (Лев Диакон, 1968. – С.56). “...И поиде Святослав ко граду воюя и грады разбивая яже стоят и до днешнего дня (т.е. до создания ПВЛ) пусты” (ПСРЛ. Т.І. Л.21 об). Речь здесь может идти, впрочем, об имперской Фракии, но вот свидетельство Анны Комниной (с опорой на данные Скилицы (Сюзюмов, Иванов, 1968. – С.199): “Как кажется, город (Филиппополь) был некогда большим и красивым. Но с тех пор как в давние времена его поработили тавры и скифы, то приобрел такой вид, в каком я застала его во время правления моего отца (1081 – 1118, – *Е.Ш.*) и, судя по нему, решила, что город действительно был раньше большим” (Анна Комнина, 1996. – С.394-395). Далее описывается переселение Иоанном Цимисхием захваченных в плен манихеев из Малой Азии в опустошенные окрестности Филиппополя, “чтобы использовать их как надежную стражу против скифских набегов, которым постоянно подвергалась Фракия” (т.е. еще во время господства росов в Болгарии) (Там же. – С.355).

388. Косвенно о таком восприятии завоевателями-росами болгар говорит и фраза Иоанна Цимисхия, будто бы сказанная им для успокоения последних после взятия Преслава: “(Я) прибыл не для того, чтобы повергнуть болгар в рабство, но чтобы их освободить” (Скилица, 1988. – С.185-126).

389. Об этом единодушно свидетельствуют и Лев Диакон, и Скилица, утверждая, что Борис был именно “захвачен” (а не освобожден) ромеями с женой и детьми, и был он “украшен знаками царской власти” (Лев Диакон, 1988. – С.72; Скилица, 1988. – С.125).

390. Кстати, именно с ними (Венгрией и Чехией) отмечают прямые контакты Святослава во время пребывания последнего на Балканах. Это не только учас-

- тие венгерской конницы в его войнах с “греками”, но и получение чешского серебра и венгерских коней (ПСРЛ. Т. I. Л. 20 об).
391. Достаточно вспомнить “унитарные” империи Востока, Турецкую религиозную общину (умму) – империю, сложносоставные и двухуровневые империи эллинизма и Рима, “полисные” империи (Афинский морской “союз”), империи торговых городов-государств (Карфаген, Венеция, Генуя), феодально-иерархические и абсолютистские империи Штауфенов и Габсбургов, колониальные империи XIX в. и т.д.
392. Возможно, принцип “личных” дружин, объединенных соглашением, соблюдался даже в “оккупированной” Болгарии (Сфенкел – в Преславе, Святослав – в Доростоле). Однако источники слишком скупы для категоричных выводов.
393. Если в Чехии, Польше, Дании массовые внешние завоевания следовали за крупными внутренними изменениями вышеуказанного раннегосударственного характера или шли параллельно им, в недрах так называемого “дружинного государства”, то на Руси предваряли их.
394. Именно венгерская конница участвовала непосредственно, наряду с печенегами, в боях Святослава с войсками Варды Склира во Фракии (Лев Диакон, 1988. – С. 58; Скилица, 1988. – С. 122, 123). В.Т.Пашуто даже предполагал наличие “какого-то дружественного соглашения с одним из венгерских предводителей времен короля Таксоны (947 – 972)” в период “болгаро-византийского похода Святослава в 970 г.” (1968. – С. 346).
395. По В.Корольюку – это неизбежный для славянских государств четвертый, последний этап их генезиса (1972. – С. 23). Именно он первый сопоставил с этими державами “империю” Святослава Игоревича, но добавил к ним и стадияльно очевидно более ранние “державы Крутого и Готшалка у полабов” и, вероятно, Святополка Великоморавского.
396. Последний, впрочем, обосновавшись в Англии, тратил “данегельд” на свой двор и дружину, в которую входили не только скандинавы, но и часть англосаксонских тэнов в самой Англии.
397. С другой стороны, мы вряд ли можем согласиться со второй частью статьи 1995 г. – историко-интерпретационной: то, что столица Болгарии – Преслав стала известна русским летописцам лишь в XV в. (С. 174), что Анна Комнина путала два эти города (С. 175), а также сомнения в достоверности фразы Святослава на основе отсутствия данных о торговле Чехии и Венгрии с Нижним Дунаем в X в. (С. 176). Но два главных наблюдения В.Б.Перхавко представляются абсолютно фундированными и соответствующими логике событий. Это: “Анализ летописных известий о Переяславце и сопоставление их с данными других источников убеждают в том, что древнерусский летописец, пользуясь, главным образом, устными преданиями, ошибочно отнес к одному Переяславцу действия, происходившие как в нем, так и в Преславе Великом” (1995. – С. 172). “...Летописец

ясно назвал серединой всех владений Святослава (как восточнославянских, так и дунайских) именно Переяславец из-за его нахождения на перекрестке торговых путей между Русью и Византией” (Там же. – С.177).

398. Впрочем, последнее предприятие могло быть направлено на реанимацию прямых торговых связей Среднего Поднепровья с Востоком через восточнопонтийскую зону – как один из вариантов получения внешних доходов.
399. Хотя, с другой стороны, эта же причина вызвала неточности и гиперболы в описании внешней стороны тех же событий: реальная у Льва Диакона численность той части войска Святослава – 30 000 росов, болгар, “турков” (венгров) и печенегов, которая была отправлена им во Фракию (1988. – С.58), у Скилицы “возросла” в 10 раз и достигла 308 000 человек (1988. – С.122), количество же убитых “ромеев” сократилось с 55 до 25 тысяч (соответственно С.59 и С.113).
400. Кстати, Лев Диакон объясняет, откуда после гибели русских дружин в сражениях с хазарами, “греками”, мусульманами, древлянами в 40-е гг. X в. Святослав смог взять столь многочисленное (60 000) войско с ограниченных, по сути, “Росией” и Новгородской землей, владений. Он “...поднял на войну все молодое поколение тавров” (1988. – С.44). Перед нами что-то подобное священной войне – регулярно-ритуальных походов юношей определенного возраста у некоторых индоевропейских народов, имевших значение инициации (Широкова, 1982. – С.48).
401. Игравший, кстати, немалую роль фактор при “выборе родины” в эпоху великого переселения народов и на втором этапе движения викингов. Аргумент “от красоты” сыграл также немаловажную роль и для русских при “выборе веры”, во всяком случае, по мнению автора “Сказаний” о Владимире и “Крещении Руси” (XI в.).
402. Вряд ли здесь поэтому можно видеть зарождение представлений о былом славянском единстве, которое якобы декларировал Святослав (Сюзюмов, Иванов, 1988. – С.198) словами: “Пусть (ромеев) покинут Европу, на которую они не имеют права, и убираются в Азию” (Лев Диакон, 1988. – С.56). Как уже говорилось, острие византийской пропаганды было направлено не против славян, а протоболгар и вообще кочевников Причерноморья. Лев Диакон (по Сюзюмову, Иванову, 1988. – С.182) впервые применил к росам термин “тавроскифы” или, шире, – “скифы”. В данном случае Святослав выступает скорее как правопреемник Каганата или, шире, некоей степной империи от Волжской Болгарии до Дунайской, а, возможно, в качестве “намерения” – и Венгрии (по крайней мере, ее трансильванской части). Недаром и он сам, и его дружинники (возможно) копировали и внешность, и образ жизни степняков. Если даже считать описание внешности Святослава у Льва Диаскона “калькой” образа Аттилы у Приска, (об этом см.: Сюзюмов,

- Иванов, 1988. – С.214; Шевченко, 1965), то ПВЛ вряд ли находилась под влиянием этого источника (например: ПСРЛ. Т.І. Л.19). Возможно, именно в этом (в том, что Святослав возглавит степных варваров – “всех “гуннов”, “скифов”) видели главную опасность византийцы, т.к. после Аркадиополя поголовно были уничтожены лишь печенеги (Скилица, 1988. – С.123).
403. В этом аспекте характерно обращение к Богоматери, культ которой в это время был более распространен в Болгарии, чем в Византии (Очерки истории..., 1996. – С.328). Храм Богородицы Влахернской, где совершал молитвы Иоанн Цимисхий перед походом (Лев Диакон, 1988. – С.68), был, кроме того, связан с чудесным избавлением Константинополя от язычников-росов (по другой версии – сарацин) в конце IX – начале X вв.
404. А хазары как этнос и иногда – самостоятельная политическая сила оставались в этом регионе по крайней мере до 1083 г. (ПСРЛ. Т.І. Л. 68 об).
405. Население второго, скорее всего, имело интернациональный характер, т.к. в отличие от Преслава (который, скорее всего, имеется в виду в начале статьи ПВЛ 971 г.), в котором “затворились Болгаре” (Там же. – Л.21). сообщение печенегам о маршруте отхода Святослава с Дуная (т.е. не из Преслава) “послаша Переяславци” (Там же. – Л.23). Показательно, что, по сводке В.В.Седова, регион от Днестровского лимана до южной границы Добруджи оказывается неохваченным ни одной из культур, связываемых с известными на Балканах в XI – X вв. этносами (болгарами, волохами, греками, венграми), оставаясь “белым пятном” (хотя памятники, совместно обозначенные как протоболгарские и славянские, здесь отмечены) (ср. рис.75 и 76 на С.266 и 267: Седов, 1995).
406. Причины необходимости монархического элемента в структуре земледельческо-торговых городов-государств с родовой аристократией во главе можно уточнить по аналогичным организациям, изученным по данным этнографии. “Город (у йоруба) не может существовать без царя, ибо составляющие его линиджи (“роды”) начнут ссориться, и разрушится единство населения”; “в Ойо (“империя” городов-государств) цари были не только сакральными символами единства и процветания, но и военачальниками” (Кочакова, 1986. – С.176, 190).
407. Показателен сам термин – “люди”, а не “мужи” или “бояре”. В последнем случае можно было бы предположить, что князя просила оставшаяся по какой-то причине без предводителя киево-русская дружина, “расквартированная”, скажем, на Рюриковом городище, селах и погостах по Луге и Мсте.
408. Ее этническая принадлежность остается спорной. В статуэтке с верхнего кострища после ее расчистки опознали изображение Одина (Пушкина, 1984), а семантика оковки рога была признана скандинавской (Чернецов, 1988; Молчанов, 1988). Однако вслед за этим возникла версия о том, что статуэтка – не

собственность “хозяина” погребения, а поминальная жертва одного из его дружинников (Моця, 1995. – С.59). В роге же снова видят венгерскую копию византийского оригинала, полученного в 971 г. в качестве “престижного дара” (Щеглова, 1997. – С.253-254), либо (также в возрожденном варианте) – результат “славянизации групп иранского населения” (Орлов, 1988. – С.164). Сохраняется и прямое отождествление погребенного с Претичем (Мачинский, 1975, 1988).

409. Если считать самообеспечение главной функцией державы Святослава, а его войско, “Дунайскую армию”, – самодостаточным и главным ее элементом, то по-иному представляется “вектор неверности” “сомнений... некоторых историков... в правдоподобности намерений князя Святослава перенести столицу Древнерусского государства в летописный Переяславец на Дунае” (Перхавко, 1995. – С.176). Исходя из представлений М.Погодина, критерий правильности здесь не в том, что подразумевал летописец, указывая, что этот город – “средина земли моей” – все ли государство (“Русь”), или только Болгарию и даже... Добруджу, а в том, что, следуя логике Погодина, Святослав намеревался перенести не столицу, а все государство на Дунай.
410. В этом плане мы понимаем именно как разного рода “выплаты” (не обязательно дань), а не результат только торговли, чешское серебро и венгерских коней. Гипотез может быть много, но в борьбе с тогдашним царем Болгарии (в случае с Византией – на основании договора, отчасти это же верно и для Венгрии) Святослав объективно действовал в интересах противника Германии – Болеслава Чешского и даже... Дании Харальда Синезубого. В этом случае “не работает” аргумент об отсутствии зафиксированных источниками торговых связей Нижнего Подунавья с Чехией и Венгрией (Перхавко, 1995. – С.176).
411. Сам же Святослав, по мнению автора ПВЛ, ставил Чехию, Венгрию, Византию на одну доску с Русью по отношению к “своей земле” (ПСРЛ. Т.1. Л.20 об).
412. С учетом появившейся впервые (война 920 г. уже ушла в прошлое) печенежской опасности, вряд ли ему удалось это за счет населения метрополии, и так уже отдавшей столько юношей, что некому было отогнать одну печенежскую орду от Киева.
413. Впрочем, и Лев Диакон, и Скилица говорят о гибели при возвращении на Русь не только “малой дружины” и князя (ПСРЛ. Т.1. Л.23), но “почти всех росов” (Лев Диакон, 1988. – С.82), “всего его войска” (Скилица, 1988. – С.133). Но это лишь увеличивало относительное богатство Свенельда, безусловно, на Русь вернувшегося, и, вероятно, его отроков. Возможно, кстати, что именно к этой цифре и выплате “путевого довольствия” возвращающимся на Русь воинам византийской стороной восходит количество войск,

- обозначенных Святославом в качестве потенциальных получателей “дани” – 20 000, притом, что по ПВЛ реальное число воинов у него было 10 000 (ПСРЛ. Т.1. Л.21-21 об).
414. Непременным и естественным условием мира было освобождение пленных (Лев Диакон, 1988. – С.81), но Скилица, например, об этом не упоминает. Возможно, речь шла только о византийских, а не болгарских пленных, или росы перед отплытием пограбили напоследок окрестности столицы несостоявшейся “империи” – Переяславца, чем и вызвали такой гнев его жителей, что те не сочли за труд известить печенегов о сроках и маршруте отхода Святослава.
415. Приношу благодарность В.Я.Петрухину, который, не ставя в последних работах (1997. – С.87) под сомнение локализацию части “Начального свода” в тексте НПЛ, подал идею о возможности отделения от него преамбулы, относимой целиком к XIII в.
416. Взяв дань на чуди, Мстислав “и да новгородцам две части дани, а третью часть дворянам” (НПЛ, 1950. – С.251).
417. Для правителей Болгарии после Бориса II и Святослава используется титул “монархос” (у Скилицы) и “самодержец” (автократор) в надписи Ивана Владислава (Тыпкова-Заимова, 1991. – С.143, 144).
418. Об использовании этого титула в “Бертинских анналах” уже говорилось в гл. 2.
419. Впрочем, нельзя сбрасывать со счетов и не всегда адекватную передачу летописцем-переводчиком дипломатической лексики, устойчивых формул греческого оригинала (см., например: Малингуди, 1996 а. – С.61-63).
420. По аналогии с ранними городами-государствами йоруба, у власти которых первоначально находилась родовая аристократия, его нельзя назвать сложившийся городом-государством, т.к. “последние возникали на базе второго общественного разделения труда – ремесла от земледелия”. В городах-государствах земледельческо-торгового варианта “от земледелия отделились общественные функции: управленческие, военно-управленческие, торгово-ремесленные, культовые” (Кочакова, 1986. – С.252).
421. В плане последствий экспансии, а не ее стадияльно-хронологического соотношения с внутренними реформами.
422. Шаг в этом направлении Святослав все же вынужден был, по Скилице, сделать, “прося залогов верности и включения в число союзников и друзей ромеев” (1988. – С.132), но поздно: условием согласия Иоанна стало оставление росами Болгарии.
423. К их элементам можно отнести и вынужденную сплоченность всех росов в Болгарии, ставших там как бы коллективным верхним уровнем власти, осуществляющим и военные, и административные функции. Впрочем, как это и характерно для данной формы государственности, в отличие от схожей с ней корпо-

ративно-эксплуататорской, и те, и другие функции отчасти возлагались на сохраненное болгарское правительство “нижнего уровня” (царя Бориса II) и войско (впрочем, такой вывод можно сделать только по византийским источникам – в русских болгары однозначно фигурируют лишь как враги и “полон”).

424. Этот частный пример и подтверждает, и поддерживается общеэтнологическими наблюдениями: “...Любые варианты внешней эксплуатации требовали особого внимания к военной организации как единственно надежной гарантии ее сохранения. А эта организация составляла уже готовый аппарат власти в случае ее обращения внутрь общества, против своего же народа, т.е. ради эксплуатации внутренней” (Куббель, 1988. – С. 152).
425. Вероятно, восстановлен после гибели значительной части дружины великого князя Игоря в 941, 943, 944/945 гг.
426. А, возможно, эта привычка и не успела сложиться – ведь Святослав увел в поход “все молодое поколение” (Лев Диакон, 1988. – С.44).
427. Иногда в их качестве использовались возникшие в эпоху “двухуровневой государственности” станы в зоне полюдья (Левенка, например (Шинаков, 1987)) и погосты – вне ее, иногда племенные “грады” сжигались и на новом месте строились княжеские города (пара Искоростень – Вручий, например), иногда происходила социально-политическая трансформация “града” (Кветунь: Моця, 1988; Шинаков, 1987а). Иногда происходил долгий процесс сосуществования “пар городов” с разными функциями (Гнездово – Смоленск, Сарское – Ростов, Псков – Изборск, возможно, Шестовицы (урочище “Коровель”) – Чернигов, Левенка – Стародуб, позднее (с XII в.) Кветунь – Трубчевск, возможно, группа памятников в Брянске (Шинаков, 1998). Литература последнего вопроса обширна и частично рассмотрена в историографической главе. В основном, это противостояние точек зрения Петрухина, Пушкиной, Леонтьева, Мельниковой и Алексеева, Дубова, Булкина).
428. Есть иная точка зрения на сидячие захоронения Шестовицкого некрополя, по крайней мере, в “камерах”, связывающая их с чисто скандинавским обрядом (Кольчатов, 1971; Лесман, 1981. – С.55).
429. Именно эта часть исследования нашла достаточно полное отражение в публикациях автора, в том числе в одной коллективной монографии и одной авторской книге (1991, 1995). В связи с этим изложение в данной работе полной археологической аргументации, в том числе обоснование дат, типологии артефактов, послуживших основой для исторических выводов, лишь усложнили бы понимание ее текста и нарушили логику изложения.
430. Супруты, гибель которых датируется 60-ми гг. X в. (Изюмова, 1983. – С.213) и связывается с походом Святослава на вятичей (Шинаков, 1980а).
431. С точки зрения топонимики для Курского Посеймья – Щавелев С., 1996. – С.28-29, а также: Общее и особенное при освоении Русью Курского Посей-

- мья (в печати). Обращает на себя внимание и высокая концентрация таких специфических артефактов скандинавского дружинного быта X в. (зооморфных костяных острий) именно в данном регионе (3 экз.) и прилегающем к нему верхнем и среднем Псле (Гочеве и Горналь). См. об этом: Щавелев С. Зооморфные острия с роменских памятников Курского Посеймья (в печати).
432. Впрочем, после присоединения к Руси именно Средний Псел (регион Сумы – селище Горналь (Белгородка-Николаевка) – Броварки), наряду со Средним Подесеньем (с центром в Кветуни) становится одним из главных этнокультурных центров Северы, откуда (до середины XI в.) культурные импульсы распространялись на Верхней Псел, Сулу, Ворсклу, Сейм и Северский Донец (Шинаков, 1995. – С.92, рис.3).
433. Есть салтовские материалы второй половины X в. и на Среднем Псле и бассейне Ворсклы (Шинаков, 1991. – С.90). При этом такая “дружинная деталь” костюма, как наборные пояса салтовского типа сочетается с полным отсутствием предметов вооружения (Там же; Сухобоков, 1976. – Рис. 85).
434. Аналогичная судьба ждала и роменские городища на Ворскле – Ницахи и Журавное, смененные на рубеже X – XI в., уже при Владимире, расположенными рядом древнерусскими пограничными крепостями (Сухобоков, 1973 – 1974, 1992. – С.162; Шинаков, 1980; Моця, 1993).
435. Возможно, возобновляется (после эпохи “Вантита”), но уже на новой государственной основе.
436. Кстати, как показали неблагоприятные для Киева события 1023 – 1026 гг., сомнения в “благонадежности” Чернигова и северян были вполне обоснованными.
437. Возможность такого пути (От Переяславля на верхний Псел и далее – к Курску) была предусмотрена автором для древнерусской эпохи (1980, карта I); А.П.Моця допускает его существование еще до христианизации Руси, т.е. в период гибели Горнальского городища, в качестве “второго генерального направления расширения политической власти феодальной верхушки” (1993. – С.64-65).
438. Впрочем, даже если Ярополк ее ликвидировал, о чем нет данных (как и прямых сведений о наличии самой династии), то выступил ее правопреемником, в том числе и в сфере ее внешних контактов. Во всяком случае, он поддерживает мир с печенегами (установленный Претичем?), которого не было у Святослава (события 972 г.), и может рассчитывать на получение от них помощи против Владимира в 980 г. (ПСРЛ. Т.I. Л.24 об, 25).
439. Кроме этого направления государственной экспансии, достигавшего Брянска и Кветуни, в этом же регионе выделяется еще одно – Чернигов – Сновск – Новгород-Северский (через Блестовит) (Зайцев А., 1975. – С.70; Моця, 1993. – С.64-65).
440. Отсутствие на Сарском-2 следов ремесленного производства, долговременных

стационарных сооружений, при отсутствии укреплений (или их слабом, не фиксированном археологией, развитии) и обилии предметов вооружения на малой площади, являются также достаточно родственными характеристиками.

441. Именно эти границы достаточно четко прослеживаются по ряду археологических, нумизматических, а иногда – и топонимических признаков, т.е. существовали достаточно времени для их возникновения и закрепления (Шинаков, 1991 а, б, 1994, 1995 а, д, 1996 б; Шинаков, Зайцев, 1993; Шинаков, Гурьянов, 1994; Гурьянов, Шинаков, 1994). Границы, обусловленные военно-политическими причинами, проходят с учетом физико-географического фактора, что облегчает их детализацию (специально об этом: Шинаков, 1990 г, 1991 а, 1996 а).
442. Об этом см.: Шинаков, Гурьянов, 1994. – С.260.
443. Сам сбор которых зачастую составлял отдельную операцию, поручался тем же пришлым “варягам”, выполнявшим одновременно функции внутреннего подавления (Круг земной, 1980. – С.112).
444. Судя по выбору Ярослава, а также прямым сообщениям “Саги о Хальфдане”, именно Ладога была базой полунезависимых варяжских дружин и их предводителей в X в. (Древнерусские города..., 1987. – С.161-164), и в этой связи играла роль и “дружинного лагеря”, хотя по своим основным функциям таковым не являлась.
445. Так, в хорошо изученном Гочевском некрополе (см. историографию в: Шинаков, 1980, 1982) лишь два очень богатых комплекса (с палахом и саблей) приходятся на 30 захоронений рядовых пеших воинов (отроков?), в которых встречены по отдельности три копья и сулицы, 18 топоров, 9 наконечников стрел (Шинаков, 1980. Табл. VIII).
446. По данным археологии, из градов, “поставленных” Владимиром на пограничных реках, с Белгородом сопоставимы по размерам, и то не сразу, лишь Переяславль на Трубеже и Воинь на Суле (последний – за счет обширного посада). Но первый был центром обороны всего Левобережья и с середины XI в. располагал своим князем из старшего поколения Рюриковичей (Всеволодом), а второй был не только ключевой крепостью Посульской линии, но и крайним южным торговым портом Руси на Днепре (Довженок, Гончаров, Юра, 1966). В последнем аспекте, особенно по наличию внутренней гавани, археологически изученный Воинь типо-топографически сближается с Йомсборгом – известным из саг скандинавским дружинным городом в славянских землях.
447. Даже его общая площадь, включая селище, вряд ли превышала 5 га (Древнерусские поселения..., 1984. – С.134).
448. Впрочем, именно последний факт позволил отчасти сделать вывод о многоэтничности поселения.

449. Археологически это полностью подтверждается (см., например: Древнерусские поселения..., 1984. – С.92/103, рис.13).
450. В качестве гипотезы можно высказать мнение, что именно этот пункт в память об оставленной Преславе или Переяславце получил название Переяславль, позднее в некоторых функциях перенесенное на новый город на Трубеже (992 г.).
451. В этом плане Леплява дублировала те функции, которые затем “переехал” Переяславль, взявший на себя одновременно и политико-административные, и религиозно-культурные функции, признаки которых отсутствуют в Лепляве. Из-за близкого к типичному для “пар городов” расстояния между составляющими их пунктами (33 км) и предполагаемого взаимодополнения функций и безусловного хронологического совпадения (конец X – XI вв.), считаем возможным поставить вопрос о существовании в этот период еще одной “пары”, или “бинарной оппозиции”: Леплява – Переяславль, которую, вероятно, можно будет дополнить до “триады” за счет порта при впадении Трубежа в Днепр (Устье). Не менее в данном случае привлекательна, с точки зрения разрешения противоречий ПВЛ: версия двойного Переяславля – в договоре 907 г., как получателя части византийской дани на “русские грады” (ПСРЛ. Т. I. Л. 15 об) и как города, основанного после сражения с печенегами в 992 г. (ПСРЛ. Т. I. Л. 42 об) – и версия о “переносе городов”. В этом случае в 907 г. может упоминаться “леплявский” Переяславль, впрочем, как уже ранее говорилось, возможно, основанный в 971 г. воинами Свенельда. Это лишь предположение, пока не обоснованное более подробными, чем в X в., датировками археологических материалов Леплявы.
452. Крупнейший “лагерь” – Аггерсборг, вмещавший почти столько же воинов, сколько остальные три, находился на участке против Норвегии, недалеко от него Фюркат – напротив Сконе (Лебедев, 1985. – Рис. 25), что, возможно, вызвано необходимостью размещения в них контингентов из этих частей королевства Харальда Синезубого. По “Саге об Олаве сыне Трюгтви”, Датский Вал обороняли одни норвежцы, что косвенно свидетельствует о численности их войска. В Аггерсборге – 48 больших домов “треллеборгского типа”, и по виду, и по вместимости имитировавших корабли викингов, так что общая численность размещенных в нем воинов могла превышать 3 000, что примерно равняется количеству хускарлов (ополченцев) в Норвегии (Лебедев, 1985. – Табл. 9).
453. Действительно, из Аггерсборга лежала наиболее удобная морская дорога в Норвегию, Фюркат связывал Ютландию и Сконе, Оденсе и Треллеборг контролировали пролив между главными датскими островами и заодно – побережье вендов.
454. Первая функция была настолько важна, что постоянно проживавшие в краа-

лях молодые мужчины занимались только военным делом, а это предполагало хотя бы временное наличие в них женщин для выполнения сельских и домашних работ. Последнее отличало краали от лагерей легионеров и, вероятно, от первоначальных “лагерей викингов” и, по-видимому, сближало их (краали) с русскими аналогами.

455. Вся страна и войско разделены на “полки” численностью от 500 до 2000 человек, каждый “полк” имел свой крааль на своей территории (Бюттнер, 1981. – С.185).
456. К этому списку можно добавить косвенное свидетельство из сферы эмблематики. По мнению В.И.Кулакова, трезубец был принесен в Киев Владимиром из Самбии (1986. – С.117), в состав интернациональной дружины которой после 980 г. (поход Хакона Харальдсона) стало входить значительное число датчан (1989. – С.97, 98).
457. Есть и иные данные, впрочем, несущественно отличающиеся – 183 сохранившихся на начало XX в. насыпи в шести группах (Блифельд, 1977. – С.10-11).
458. Для Севера Руси можно назвать: Жарнов, 1990; Дубов, Седых, 1993. Особый вопрос – “камеры” XI в. с рядовым инвентарем, с осязательным влиянием христианской обрядности. Они находятся в гуще рядовых сельских (не дружинных) захоронений, и в небольшом числе. Предположения об их “скадинавской” и русско-дружинной идентичности, актуальное для эпохи складывания государственности (X в.), для эпохи стабилизации раннего государства, отпадают. Для северных камер этого периода было высказано предположение, что в них похоронены представители центральной администрации, по всей видимости – не местного происхождения, присланные в ключевые точки Новгородской земли, и их ближайшие родственники (Соболев, 1998. – С. 277).
459. Косвенно об этом же говорят следы штурма крупных племенных центров Волыни (Зимно) и на припятском пути к ней (Хотомель) на рубеже IX – X вв. (Тимошук, 1995. – С.26, 26, 27).
460. Возможно, но не обязательно, о раннем присоединении к “Русской земле” на уровне ликвидации местной княжеской власти и образования “градов” с русскими дружинными гарнизонами может свидетельствовать достаточно редко встречаемый, кроме “Росии” и северных центров типа Гнездова, Тимерева, Ладоги, Пскова, “камерный” обряд захоронения на Волыни. Здесь он, однако, обладает одной спецификой: “склепы”-срубы были размещены на горизонте (Мельник, 1901. – С.479-876; Моця, 1993. – С.59), хотя имеются и ямные захоронения (Седов, 1982. – С.96), которые некоторые исследователи предлагали даже считать этнокультурной особенностью волянян (Тимофеев, 1961. – С.56-73). Сочетание идеи дома и погребального костра также встречено на Западной Волыни, правда, в единичных случаях (Мельник,

1901. – С.503, 520; Блифельд, 1954. – С.159-160). Прямых аналогий мало – в Кветуни (Шинаков, 1995 а. – С.84-85), близ северо-восточных границ “Русской земли”, возможно, в “Росии” X в. и Сумароково в верховьях Сожа (Енуков, 1990. – С.111, 233), т.е., по нашей концепции, на границах смоленской группы “русов” и Земли радимичей. Интересен факт наличия в обоих последних захоронениях (Кветуни и Сумарокове) такой характерной “ранговой” детали “русского” дружинного костюма, как бляшки воинского пояса (Падин, 1968; Енуков, 1990. – С.113, рис.44). Примечательны прямые аналогии сумароковским бляшкам в дружинных некрополях Сновска, Левенки (к югу от Земли радимичей), а также Гнездова и Тимерева (Самоквасов, 1916. – Рис. 7, 64; Фехнер, Недошивина, 1987. – Рис.4; Сизов, 1902. Табл. III. 44, 48). Сам же обряд уникален: даже в специальной сводке З.Бессарабовой (1973) упоминания о нем отсутствуют. Предварительно его можно интерпретировать как результат длительного мирного синтеза русско-дружинных и местных религиозных воззрений и погребальных обрядов (Шинаков, 1995 г. – С.86; 1995 а. – С.136).

461. Последнее представляется более верным, чем самостоятельная “викингско-основательская” деятельность Тура (Турда) еще и потому, что в событиях с середины X в. (а в ПВЛ – и ранее) дреговичи даже не этноязыковая единица, поглощенная понятием “град Туров” и его земля. Вряд ли Туров можно считать “племенным” центром дреговичей (Тимощук, 1995. – С.49), не только из-за противоречащих этому прямых указаний летописей (ПСРЛ. Т. I. Л.23 об), но и в связи с редкостью случаев, когда центры “русской” государственности возникали непосредственно в бывших “племенных градах” (и даже на их развалинах). Псков постепенно заменяет Изборск, Ростов – Сарское и т.д. В прилегающих землях столица племенных князей и “старцев” – Искоростень – сжигается полностью, его заменяет великокняжеский Вручий (здесь опять не прав Милютенко – в отсутствии стольного города в “Деревах” во второй половине X в. (1990. – С.174).
462. По косвенным данным, в войске Олега были не только “русь”, но и древляне (ПСРЛ. Т. II. Л.29 об).
469. Об этом свидетельствуют дружинные и скандинавские древности в Тимерево и особенно – в Михайловском, иногда интерпретируемом именно как “дружинный лагерь” и погост (Дубов, 1989. – С.126), причем наиболее богатые захоронения с мечами датируются именно второй половиной X в. (Станкевич, 1941. – С.77; Дубов, 1989. – С.126; Недошивина, 1991. – С.172-174). Об этом же говорят скандинавско-дружинные артефакты X в. на Сарском городище и пусть небольшой, но “дружинный лагерь” на другом берегу Сары (Леонтьев, Сидоров, Исланова, 1986. – С.7, 8; Леонтьев, 1988. – С.14-15), хотя и датируемый более ранним временем.

470. Археология же свидетельствует (по клеймам на клинках франкских мечей) о связях Поволжья с Приладожьем и Новгородом – с одной стороны, Волжской Болгарией – с другой стороны (Дубов, 1989. – С.126), но не с Киевом.
471. Кстати, эта ситуация на Руси могла подтолкнуть Хаукаля, получившего новые сведения о ней в Мавераннахре или Нижнем Поволжье около 976 г. (Бартольд, 1963. – С.56), подтвердить более раннюю и отражающую иные реалии традицию описания “трех групп русов” у ал-Истахри (ок. 951 г.).
472. Это хорошо отразил мастер образности в русской истории – М.П.Погодин: “Вероятно, сначала каждому предоставлялось ходить в свою сторону, как далеко сможет” (1847. – С.479).
473. Хотя, возможно, на Русь смогли прибиться и другие отряды, в том числе и из окружения самого Святослава. Об этом косвенно свидетельствуют два рунических камня на Готланде с надписями: “...установили эти камни по Хравну к югу от Ровствейна. Они добрались вплоть до Айфора (одни их днепровских порогов). Вифил вел (отряд) (далее)” (т.е., по мнению Й.Херрмана, Хравн погиб на порогах): “...его (Хродфроса) обманом убили валахи в далекой поездке” (последний мог погибнуть либо в районе Переяславца на Дунае, либо во время отступления войска Свенельда через Валахию и Молдавию) (Херрман, 1986. – С.49; Шинаков, 1995. – С.171).
474. Именно во владениях Ярополка расположена большая часть предполагаемых “дружинных лагерей” при городах, погостах, пограничных крепостях (Шестовицы, Сновск, Левенка, Леплява, возможно, Кветунь, не говоря уже о Киеве и Чернигове). Хотя значительная часть погребений в них датируется более ранним временем, но все же большая их часть, особенно “камерные”, падает на правление Ярополка и чуть более позднее время. Не исключено, что и часть захоронений в Гнездово может принадлежать его дружинникам, предназначенным для борьбы с Владимиром Новгородским.
475. В этой связи вряд ли можно предполагать какие-либо “военные действия Руси (по контексту – Ярополка) на чешско-русском пограничье на Волыни летом 977 г.” (Назаренко, 1993. – С.113-119; 1996. – С.24), т.к. маловероятно, что такое (у Ярополка) пограничье было в то время (до разгрома и убийства Олега Древлянского).
476. Как впрочем, и ее конфликты с Чехией в середине 70-х гг., с точки зрения логики и последующих событий – борьбой за Краковскую землю. Именно занятость Болеслава II Жестокого войной с основным противником – Оттоном II в Чехии летом 977 г., разгром его естественного союзника Олега (возможного гаранта целостности восточных границ державы Болеслава) и выход на них союзного Германии (и, потенциально, Польше) Ярополка были наиболее благоприятным моментом для Польши для начала борьбы за Краков.

Эта, как показали последующие события, вполне реальная угроза целостности своей “империи” могла заставить Болеслава пойти на мир с Оттоном II и, возможно, включить в договор германское обязательство разовой военной помощи против Польши. Если поход 979 г. был реальностью, то именно он, в комплексе с захватом Владимиром Червенских градов в 981 г. и набегом йомсвикингов на г. Волин в 80-е гг., мог сорвать присоединение Кракова к Польше в те годы (Петрухин, 1995. – С.251). В юридической практике того времени подобные прецеденты имели место – участие немецкого отряда по Будишинскому миру 1018 г. в походе Болеслава Храброго на Русь. Кроме того, фактически не было случаев совместных выступлений Польши и Чехии против Германии. Скорее, было наоборот – если одна из этих славянских стран воевала с последней, то вторая либо сохраняла нейтралитет, либо пользовалась этим случаем для укрепления своих позиций в борьбе друг с другом. Примеров последнего множество, обратных в источниках фактически нет. Зато в них нашли полное отражение этнопсихологические симпатии польской верхушки (клира, по крайней мере) к Германии и немцам в целом, и открыто неприязненное отношение к чехам (Галл Аноним, 1996. – С.396-397; Щавелева, 1987. – С.48), что делает еще более маловероятными для Польши совместные с последними действия против первых.

477. И действительно, он не стал вмешиваться в дела своих зарубежных союзников и противников, тем более, что расстановка сил в их лагерях поменялась в конце 977 – начале 978 гг. с заключением германо-чешского мира, а двинулся на Новгород, используя, вероятно, как опорный пункт подготовленный для этого заранее Гнездовский “погост”.
478. Благо Болеслав II, как и его отец, вряд ли был при этом отягощен соображениями религиозно-этического плана. Наоборот, породнение с языческим правящим домом расценивалось как один из способов христианского миссионерства и распространения вместе с тем влияния Чехии и Пшемьсловцев. “Правоверная христианка... Дубровка” согласилась выйти замуж за Мешко I, стоило тому “объявить, что намерен отказаться от обычаев язычества и принять священное учение христианской веры...” (Галл Аноним, 1996. – С.334). Что же касается русской стороны, то она имела “за спиной” скандинавский опыт неоднократной смены вер в зависимости от места и обстоятельств (Гуревич, 1966. – С.90). Для правителей “переходных периодов”, “дружинных” и даже “ранних” государств смена вер вообще имела скорее политико-конъюнктурное, а не принципиально-идеологическое значение. Наглядный пример – литовские кунигасы XIII – XIV вв. в русских землях Великого княжества Литовского.
479. См., например: Тарасау, 1997. – С.233.
480. Об этом см., например: Снорри Стурлусон (Круг земной, 1980. – С.71). Дат-

ские конунги, в отличие от норвежских (в данном случае речь шла об уничтожении викингов Хаконем Добрым) не только терпели скандинавских и славянских пиратов на островах у своего побережья, но и использовали их в своих интересах, как Свейн Вилобородый йомсвикингов против норвежского конунга (друга Владимира и Бурицлейва) (Круг земной, 1980. – С.101, 157), Олава Трюггвасона в 996 г. (Там же. – С.121-125). “Оба эти острова (Фембре, Руяна) полны пиратами и кровожадными разбойниками...” (Адам Бременский, 1969. – С.115).

481. Вполне допустимо участие в этом Олава Трюггвасона, находившегося в то время на службе у Владимира (Джаксон, 1994. – С.118).
482. Возможно, “попутное” завоевание Самбии датскими викингами под руководством сына Харальда Хакона, если только это известие Саксона Грамматика заслуживает доверия (Х.Ловмянский, например, так не считает (1985. – С.119), а титул Харальда, включавший “Самбию” (Danische Rechte, 1938. – S.195) не был выражением более поздних претензий. Вряд ли случайно и созвучие “викинги” – “витинги” (в Пруссии) – “витязи”. Каждый из факторов сам по себе может быть подвергнут сомнению, но все они вместе, плюс увеличение скандинавских древностей в дружинных могильниках Самбии (Кулаков, 1994) показательны. Вряд ли является случайностью и поход Владимира (вероятного союзника Харальда Синезубого) в 983 г. на ятвягов – в тыл Пруссии.
483. Кроме того, норвежцы (Олав Трюггвасон) и самостоятельно находились в войске и при “дворе” Владимира.
484. Наиболее интересный набор монет (19) – от сасанидских драхм до англо-саксонского денария и византийского миллиарисия Константина и Ирины, разрезанные дирхемы с преобладанием саманидских (последняя дата – 953 г. (эмир Нух бен Наср (Толстой, Кондаков, 1897. – С.62). В Митьковке, наряду с дирхемами конца X в., встречены фельсы, сребрники Владимира и Святополка (БГОКМ).
485. Сам Хедебю, правда, не относится к числу “королевских крепостей”, оставаясь и при датском, и при шведском, и при германском владычестве международным торговым центром (Köbler, 1978. – S.13-18).
486. О наличии таких опознавательных-геральдических знаков у англо-саксонских королей, от которых их могли перенять и датчане, говорится в “Саге об Олаве Святом” (Круг земной, 1980. – С.178).
487. В пользу последнего вроде бы свидетельствуют такие археологические факты, как синкретичный (славяно-салтово-скандинавский) характер таких крупных торгово-административных центров Юго-Востока, как Супруты. В пользу этого вроде бы говорят и специфические кремации в наземных или чуть заглубленных “камерах” как в центре (на Оке и Дону) (Бессарабова,

1973), так и на предполагаемых окраинах (Кветунь, Палужье, Сумароково (Енуков, 1990. – С.161, 111, 113; Шинаков, 1995 г) гипотетического северянско-вятичско-радимичского протогосударства, причем в обоих случаях – с “дружинным”, одновременно генетически-салтовским признаком – поясным набором, а также скандинавские, салтовские и синкретичные артефакты на городищах роменско-боршевской культуры (Горналь, Каменное, Титчиха, Гочево и др.).

488. Достаточно вспомнить разного цвета щиты и эмблемы у разных “полков” зулусских воинов, особенно “гвардии” Чаки (Дэвидсон, 1987), включение в состав “Орденов” Орла и Ягуара, пожалование “дворянских” привилегий лучшим воинам ацтеков (Гуляев, 1972. – С.138; 1982. – С.202), шкуры леопардов у воинов дворцовой гвардии в Бенине (Бондаренко, 1993. – С.168), золотые хвосты разных животных – от антилопы до слона у военачальников разных рангов в Асантемане (Попов, 1993). Впрочем, последнее ближе не к корпоративной сплоченности, а к внутренней ранговой дифференциации, хотя престижно-психологический момент присутствует и здесь.
489. Вполне допустимо помещение такой же эмблемы на стяге именно этого отряда датских *hirdmenn*'ов на службе Владимира, по аналогии с вороном на знамени ярла Сигурда в сражении при Клонтавре.
491. В связи с этим вполне возможно, что к Владимиру могли уйти и те викинги и *hirdmenn*'ов, которые не примирились с насильственным навязыванием религии. Нельзя исключить также, что убийство варягов-христиан, возможно, подданных Харальда, могло послужить поводом к ухудшению отношений с датским конунгом незадолго до его гибели. Вероятная “стартовая” поддержка Олава Трюгвасона, временно установившего независимость Норвегии от Дании, также вряд ли могла способствовать улучшению русско-датских отношений. Вряд ли случайной в этом контексте представляется попытка породниться со шведским королевским домом путем брака Всеволода Владимировича, князя Волынского (“Виссивальда”) и вдовы Эйрика Победоносного Сигрид (Круг земной, 1980. – С.126). Однако и здесь постигла неудача: конунг Олав Шведский оказал поддержку бежавшему от вернувшегося в Норвегию Олава Трюгвасона ярлу Эйрику, сыну Хакона, и тот в 997 г. совершил викингский поход на владения Владимира, взяв Ладогу (Там же. – С.153).
492. Вероятно, первоначально этот термин означал скандинавскую часть великокняжеской дружины, в противовес “русинам”, возможно, отличавшимся по статусу, но равными по рангу (ст. I “Правды Ярослава”). Вопрос о гридях в целом заслуживает отдельного рассмотрения. Здесь мы касаемся лишь их происхождения и статуса в период правления Владимира. Естественно, что за 150 – 200 лет, прошедших до упоминания их как “верхних слоев новгородского общества” (в известиях 1164, 1195, 1234 гг. и середины XIII в.), и в

то же время “младшей дружины” (“гриды”) Северо-Восточной Руси (в сообщении ЛЛ от 1177 г.) (Горский, 1989. – С.49), содержание этого термина не только могло, но и должно было меняться и, возможно, не раз. Однако мы считаем отнюдь не вытекающей из контекста летописей (в т.ч., кстати, и сообщения 1177 г., где ниже “гриды” упоминаются “наемники”, также в составе “всей дружины” (ПСРЛ. Т. I. Л. 128 об.) принадлежность “гридей к младшей дружине Святослава, Владимира, Ярослава” (Горский, 1989. – С.49). Скорее всего, это все же “средний” слой большой великокняжеской дружины, находящийся постоянно при князе и пирующий с ним, в отличие от “бояр” (“лучших мужей”), имевших дворы и стол, да воевод и посадников. В Скандинавии последним соответствуют ярлы, гридам и русинам – *hirdmenn*’ы, “отрокам” – “прислужники”, “гости” (Круг земной, 1989. – С.465). В Польше – также “трехчленное” деление дружины: “князья”, “рыцари”, “щитники” (Галл Аноним, 1996. – С.335, 338). Вполне объяснимо, с точки зрения физически, а не только терминологически скандинавского происхождения первых “гридей”, и появление понятия “гридница” – места их почти постоянного пребывания. Бояре, часто перечисляемые по именам, вряд ли могли занять в ней много места, а несколько тысяч отроков просто не поместились бы. “Русская” же часть средней дружины имела свои дворы, а пришлые скандинавы еще в “королевских крепостях” Дании могли привыкнуть к коллективному проживанию в “казармах”, вблизи конунга и в его постоянном распорядке. Представление о гридах как дружинниках среднего ранга согласуется и с ранее сделанным выводом о пребывании в предполагаемых “дружинных лагерях” именно этого слоя воинов и их слуг.

493. Не считая “хвалебных” сообщений нескольких саг (об Олаве Трюгтвасоне, Олаве Святом, Эймунде Хрингссоне) типа: “и правил Ярицлейв обоими княжествами по советам и разуму Эймунда конунга. Норманны были в большой чести и уважении и были конунга защитой, в том числе, что касалось советов...” (Джаксон, 1994. – С.110), есть и прямое упоминание этого качества (“смыслены”) оставленных на руси варягов (ПСРЛ. Т. I. Л.25). В ситуации первой половины 80-х гг., завершения территориального объединения и начала переустройства государствами, некоторые датские дружинники действительно могли быть носителями ценного для Владимира в этих аспектах опыта.
494. Особенно хорошо это видно в войнах на западной границе: завоевав Червенские грады, принадлежавшие “ляхам”, он не повернул тут же на рядом расположенную землю белых хорватов (все еще, возможно, находившихся под “протекторатом” Чехии), а сделал это только через 10 лет, воспользовавшись, вероятно, благоприятной внешней конъюнктурой. Почти наверняка здесь могли сыграть роль два фактора: захват Кракова поляками, отрезавший карпатских хорватов от Чехии, и внутренняя (?) борьба в последней.

Неясности касаются статуса Либицкого княжества Славниковцев в державе Болеслава II, но то, что Владимир выиграл без риска при любом раскладе сил, очевидно. Либо он помогал Болеславу в ликвидации Зличанско-Хорватского княжества, либо просто воспользовался борьбой между ними. Летопись косвенно свидетельствует скорее о последнем. Под 996 г. помещено сообщение о мирных отношениях с реально тогда правившим Стефаном Венгерским (с 997 г.) и Болеславом Польским, с которыми Владимир мог поделить “восточное наследство”, но не с Болеславом II Чешским, а только с “Андрихом” – ставшим самостоятельным правителем Чехии с немецкой помощью в 1004 г. (а то и в 1012 г.) (Назаренко, 1994. – С.114) Ольдржихом. Впрочем, вполне возможна случайная датировка этих сведений 996 г., и их отнесение к концу (но до 1013 г. – обострение отношений с Польшей) правления Владимира. В этом случае допустим “протекторат” над хорватами не Болеслава II Жестокого, а Мешко I, и тогда выбор Владимиром именно 992 года был продиктован в том числе смертью последнего.

495. В этой связи напомним об одной версии локализации “лендзян” – пактиотов “Росии” при Игоре: на сандомирско-червенских землях (Lowmianski, 1953. – S.96-114; Lehr-Splawinski, 1959. – S.198; Kuczynski, 1962. – S.234-251), а не юго-восточнее их, в районе Луцка (“лучане” (Хабургаев, 1979. – С.186-187), или на волынянско-дулебских землях (Wasilewski, 1979. – S.161-193; Флоря, 1991. – С.390). Даже в случае с Волжской Болгарией ситуация могла быть аналогичной 964 – 966 гг., когда для завоевания вятичей потребовался поход на Хазарию. Возможно, удар по Болгарии потребовался для закрепления за Владимиром каких-то территорий на Северо-Востоке (часть земель мери и вятичей?). Путь Владимира проходил на “ладьях”, т.е. либо по Оке, через вятичей, либо по Волге, через мерю. Вероятно, он не ставил целью завоевание самой Болгарии. Есть даже точка зрения, что “болгарыня” Владимира была родом не из Дунайской, а из Волжской Болгарии (см.: Толочко П., 1996. – С.88). Именно здесь, в Ростове и Муроме, сидели сыновья “болгарыни” – Борис и Глеб (ПСРЛ. Т. I. Л.42). Впрочем, есть и прямо противоположная точка зрения – о том, что поход 985 г. был совершен не на Волжскую, а на Дунайскую Болгарию (Князьский,). Однако это делает его “наследником” политики Святослава, а не Ольги, что противоречит направленности остальных его мероприятий.

496. В этой связи примечательны и аналогичные по форме, но противоположные по смыслу сведения литовских источников о дани литовцев Руси “вениками и льком” (Хроника Литовская..., 1975. – С.17). Поэтому становится вероятным, что цели присоединения земель были не только экономические (как позднее, во время русско-христианской “колонизации” Прибалтики), но и политико-престижные. Возможны также попытки сомкнуть границы Руси с

- другими “цивилизованными” странами, разделив между собой пограничные “дикие” народы (поход на ятвягов в 983 г.).
497. О буквально насильственном породнении Владимира с домом Рогволода и ветвью Ярополка прямо говорит летописец (через Рогнеду и “грекиню” – “грехиню”), о восприятии части наследства брата-союзника – Олега – косвенно свидетельствует наличие у Владимира двух жен – “чехинь”. Одна из них по горизонтальному, одному из самых ранних в истории политогенеза, принципу наследования власти от брата к брату (Бондаренко, 1993. – С.150) и могла достаться Владимиру от Олега (возможно, через Ярополка, но, вероятно, еще в 977 г. найдя у Владимира убежище после гибели мужа).
498. Здесь наблюдается абсолютная аналогия системе правления, введенной в Норвегии, судя по “Саге о Харальде Прекрасноволосом”, после завоевания им всех фюльков в стране и убийстве или “разжаловании” в ярлы всех местных конунгов. “Он дал всем своим сыновьям сан конунга и сделал законом, что каждый его потомок по мужской линии должен носить сан конунга, а если он происходит по женской линии, то сан ярла. Он разделил между ними страну” (Круг земной, 1980. – С.60).
499. В 997 г., судя по фразе “он приплыл во владения Вальдамара конунга”, “осаждал” и “взял”, “разрушил и сжег весь город” Альдейгьюборг (Круг земной, 1980. – С.152), последний принадлежал великому князю. Отдельный княжеский стол Рюриковичей там не возник, т.к. в перечне городов, где была посажены сыновья Владимира, Ладога не упоминается. О принадлежности ее к “домену” косвенно свидетельствует “Сага об Олаве Святом”: полученная Регнвальдом в лен от княгини Ингигерд округа Ладоги названа “ярлством”, а не княжеством (Джаксон, 1994. – С.75).
500. Если только мы опять не имеем дело с библейским заимствованием.
501. На создание этой версии могло повлиять “Житие Стефана Сурожского”, в котором действует также новгородский по происхождению князь, фигурирует взятие греческого города в Крыму, недуг, ниспосланный князю за святотатство, чудесное исцеление и обращение к Богу (Материалы..., 1985. – С.264).
502. Косвенно об этом свидетельствует “последний аргумент” при “выборе веры” Владимиром – ссылка на прецедент со стороны “мудрейшей из всех людей” Ольги (ПСРЛ. Т.1. Л.37 об.).
503. Термин “великий князь” применяется условно, т.к. в источниках для этого времени, в отличие от “кагана” и “архонта”, он не фигурирует.
504. Абсолютно наглядно это отражено в “Сказании”, когда посланные 10 мужей должны были изучить не суть той или иной веры, а “кто како служит Богу” (ПСРЛ. Т.1. Л.36 об.). На обрядовую сторону делали упор “корсунские попы”, отвращая Владимира от “латинского учения” (Там же. – Л.39 об.), а еще ранее – “греческие философы” в Киеве (Там же. – Л.28).

505. К соображениям “престижа” власти в военно-дружинной среде можно, вероятно, отнести и сразу последовавший отказ от иудаизма из-за слабости его последователей: “Аще бы Бог любил вас и закон ваш, то не были бы расточены по чужим землям” (ПСРЛ. Т. I. Л. 28). Вряд ли пользовалась бы популярностью среди дружинников религия разгромленного ими же государства; предполагаемый каганский титул Владимира (Иларион, 1990. – С. 206) связан скорее не с соображениями престижа, а с претензиями на бывшие земли Каганата. Тем более он употреблен в одной фразе с термином византийского происхождения “единодержец” (Там же). Принять же веру в победоносного Вседержителя, помогавшего “грекам” дважды торжествовать над русами-язычниками (в 941 и 971 г.) было для воинов-профессионалов не зазорно. Наглядное превосходство одного “бога” над другим – типично языческая психология, проявление которой наблюдалось и при “крещении” Прибалтики меченосцами в 1211 г.: “Мы признаем, что Бог ваш выше наших богов: побеждая нас, Он склонил наши души к почитанию Его” (Генрих Латвийский, 1996. – С. 242). Для Владимира (по “Сказанию”) этот вопрос также был существенен: лишь когда греки доказали всемогущество христианского Бога тем, что он наслал на “жидов, его же распяхом” “римляны”, чьими руками “расточил” этот народ “по странам” и превратил в рабов (ПСРЛ. Т. I. Л. 28, 28 об.), он стал слушать их дальше.
506. Из последних работ по этому поводу см.: Голб, Прицак, 1997. – С. 42-43 и комментарий В. Я. Петрухина (С. 203, например).
507. Кстати, последний, как и вся эта кампания была, возможно, направлен в том числе и на оживление торговли по Волжскому пути и желание взять ее в свои руки. В этом свете вполне вероятным представляется и русское посольство в Хорезм, и договоренности с новыми хозяевами нижневолжских степей – торками. Конечная неудача войны с Болгарией, так образно отраженная летописью, возможно, была одной из причин обратить внимание на иные варианты пути на Восток (через восточное Причерноморье), а затем на альтернативный источник товаров “престижного потребления” – Византию. Видеть в этом шаге Владимира попытку овладеть Крымом и возродить “имперскую” политику, для которой “престижная” религия, титулы и инсигнии власти, династический брак были лишь внешним антуражем, вряд ли стоит.
508. Впрочем, в Европе того времени чаще практиковалось предоставление военной силы в качестве приданого невесты мужу, а не наоборот, как выкупа жениха (вена) за невесту (Анну, в данном случае: Любарский, 1973. – С. 266). На рубеже X – XI вв. в ближайшем окружении Руси было несколько таких случаев. Принцесса Гизела не только “крестила” своего жениха Иштвана в 996 г., но и привела к нему в качестве приданого баварских рыцарей (Жемличка, Марсина, 1991, С. 181-182). Ингигерд, невесту Ярослава, сопровож-

дал в “Гарды” отряд варягов ярла Регнвальда (Джаксон, 1994. – С.74-78), Казимир “восстановил” Польшу с помощью немецких рыцарей своей матери (помощь хотя и не со стороны жены, но вдовы отца) и дружинников из “приданого” Марии-Добронегги (“Великая хроника...”, 1087. – С.70; Галл Аноним, 1996. – С.347; ПСРЛ. Т.1. Л.52, 52 об.).

509. “Бояре” в данном случае не представляют дружину, т.к. авторитетом у них пользуется не Святослав за военную удачу, а Ольга – за “мудрость” (Там же. – Л.37 об.).
510. То есть на первое место автор “Сказания” ставит обрядовую сторону первого (ментального) аспекта “выбора веры”.
511. Эта идея применительно к Курскому Посеймью наиболее обоснованно была высказана Б.А.Рыбаковым (1979. – С.47). Об этом см. также: Шинаков, 1980. – С.131-133.
512. “Придоша по оной стороне от Сулы” (ПСРЛ. Т.1. Л.42). Кстати, и в 1185 г. уже половцам все же удалось взять “города по Суле”, но с тыла, тайком (“отай”), от Переяславля (ПСРЛ. Т.1. Л.136).
513. Наверняка именно из-за неучастия новгородского ополчения (“воев”) норвежскому ярлу-изгою Эйрику со шведской помощью и удалось в 997 г. взять Ладогу.
514. Особенно если при этом были, хотя и гипотетичные, перспективы смыкания болгаро-германского с допускаемым в историографии германо-русским союзом 991/992 гг. (Ludat, 1968. – S.144; Lubke, 1989). А.В.Назаренко отрицает его возможность, исходя не только из источниковых, но и политических соображений (1994. – С.134). Однако никто и не говорит о реальной ценности союза. После изгнания Болеславом мачехи Оды и двух ее сыновей (Титмар, гл.IV, 58) угроза такого сближения Германии с чуть ли не главным и сильным врагом Польши на востоке, могла подействовать на только что занявшего престол князя отрезвляюще. Особенно, если в этом же контексте он мог воспринять действия русских войск в Карпатах. Царьград же мог истолковать явно демонстративные, если они вообще имели место, дипломатические демарши Оттона III в превратном смысле (в плане сближения Владимира с “латинством”), и попытался заранее нейтрализовать его в аспекте возможной помощи “комитопулам” Болгарии.
515. “Пачинакия... к Херсону очень близка, а к Боспору еще ближе” (Константин..., 1991. – С.157).
516. Печенеги, безусловно, воспользовались отсутствием князя и дружины (он был в земле хорватов) и удар нанесли по центру русской обороны Правобережья, главной крепости и “дружинному лагерю” Белгороду, хотя только что перестроенному и, возможно, не с полным гарнизоном. Вероятно, на такой шаг могли решиться все четыре правобережные орды, в том числе и соседи уличей и тиверцев, а не только “фема” Харавои, ближняя к “Росии”.

517. О замене “племенного” ополчения территориальным, типа того, когда “каждый ярл должен был поставлять конунгу 60 воинов, а каждый херсир – 20” (Сага о Харальде Прекрасноволосом: Круг земной, 1980. – С.44), данных нет, если не считать личных дружин из “отроков” у некоторых воевод (Свенельд) в более ранний период. Еще менее вероятна система типа “корабельных округов”: “Было определено, сколько кораблей и какой величины должен выставить каждый фюльк в случае всенародного ополчения, а ополчение должно было собираться, когда чужеземное войско вторгалось в страну” (Сага о Хаконе Добром: Там же. – С.78). Возможно, в этом плане на Руси сработал принцип, отмеченный и для Свеаланда: “Он (Ингьяльд) увидел, что войско, собранное им в землях, которые он подчинил силой, не будет ему верным” (Там же. – С.32). Отсюда и исключение для новгородцев, добровольно, по ряду, подчинившихся Рюриковичам.
518. На Руси (вероятно, первоначально) гриди – не варяги-наемники, а свои дружинники, но скандинавско-вендского (возможно, и прусского) происхождения.
519. Однако связь тысячного деления даже этого и последующего времени со “служебной организацией” остается проблематичной. Что касается достоверных, письменных и топонимических свидетельств о наличии последней, то они относятся только к концу XV – началу XVI вв. и территории Велико-го княжества Литовского, куда могла проникнуть из Польши в XIV в. (Любавский, 1892. – С.323-324) и Московского государства (Горский А.Д., 1960. – С.183-184). Б.Н.Флоря считает, что это – не новообразования под чужим влиянием, а “реликты” “служебной организации”, сохранившиеся у восточных славян позднее, чем у западных, но возникшие, следовательно, одновременно, в рамках схожих форм государственности с “системой централизованной эксплуатации” (1987. – С.146, 150). Материалы Среднего Подесенья дают доказательства путем сопоставления письменных, археологических и топонимических источников в пользу наличия такой организации и ее топографической и функциональной связи с достоверным княжеским селом Рогов, упомянутым под 1194 г. (ПСРЛ. Т.П. Л.235; Поляков, Шинаков, 1997. – С.119-122). Однако хронологическая привязка топонима (деревня “Бобрик”) и достоверного села Рогов с небольшим кольцевым городищем и обширным селищем древнерусского времени затруднена из-за археологической неизученности первого и отсутствия письменных данных о втором. Топоним может относиться и к периоду Велико-го княжества Литовского, а то и Московского государства. Косвенно могут свидетельствовать о наличии “служебной организации” названия “Бобровницы” и “Бортницы” в “Уставной грамоте” Ростислава Смоленского 1136 г., однако этому противоречит факт взимания с этих пунктов обычной денежной дани (10 и 40 гривен соответственно) (Материалы..., 1997. – С.30).

520. Ранее мы говорили о том, что на Руси нет данных об использовании наложниц по дагомейскому образцу (4-й вариант “политического” объяснения наличия большого числа наложниц у Владимира). Однако нельзя не отметить размещение именно в Вышгороде значительной части гарема, и здесь же нашлись особо доверенные и преданные “болярцы”, которых Святополк почитал возможным использовать во внутрисемейных делах. По сути, он был незаконнорожденным, бастардом, т.к. его мать была не законной женой, а “грехиней” даже у его отца Ярополка, не говоря уже о Владимире, который не был ей мужем даже по языческим нормам (ПСРЛ. Т. I. Л. 25). Не исключено, что часть сыновей от наложниц могла включаться в состав дружины (“болярцев”), и те в данном случае испытывали естественную симпатию также к бастарду Святополку. С учетом возможного размещения не только наложниц, но и жен по “селама” вокруг Киева на правах владелиц (ПСРЛ. Т. I. Л. 25 об.) можно допустить и принадлежность Вышгорода именно “грехине”-грекине и то, что ее сын воспитывался первоначально здесь совместно с сыновьями наложниц, в том числе польского происхождения.
521. Которое становится просто одной из разновидностей дани, собираемой, вероятно, с бывших станов на пути полюдья, где кормился княжеский “поезд”, либо с тех населенных пунктов, которые должны были снабжать их продуктами питания. В Польше времен Болеслава Храброго “путешествия по стране” (аналог полюдья) еще сохраняли свое значение для содержания дружины и осуществления ее административно-судебных функций (Галл Аноним, 1996. – С. 341).
522. Варианты социальной идентификации “мужей” с учетом более поздних летописных известий приведены А.А. Горским (1989. – С. 48-49).
523. Что не исключает наличия у гридей, как ранее у варягов, собственных дворов в столице. В частности, к такому двору пришли в 983 г. захватить варягов-христиан (ПСРЛ. Т. I. Л. 26 об.).
524. Что отнюдь не исключает, а скорее предполагает их чуть более раннего (в 80-е гг. X в.) участия в “объединительных” войнах и в связи с этим – размещения в предполагаемых самостоятельных (или в комплексах “погостов”) “дружинных лагерях”.
525. Вряд ли, судя, правда, по более поздним данным, их отряды были не слишком многочисленны. Так, в 1071 г. в Белоозере с целью сбора дани был один боярин (Ян Вышатич) с 12 отроками и советником по идеологии – священником. Срок пребывания отряда ограничивался периодом сбора дани, решением возникших правовых конфликтов (мятеж “волхвов”) и суда над смердами своего князя. Но даже такой небольшой отряд дружинников был достаточен для подавления восстания, в котором участвовало 300 человек, а во вторых, был настолько обременителен в плане прокорма для горожан (ср.

- нормы питания по “Покону Вирному”), что угроза Яна остаться “на лето” (ПСРЛ. Т. I. Л. 69-59 об.) заставила их быстро выловить бежавших в леса после военного разгрома восстания двух волхвов – его зачинщиков. В этом эпизоде примечательны также два момента. Это – спорность права суда дружинников над смердами даже своего князя (ПСРЛ. Т. I. Л. 59 об. – 60), и наличие на Волге, вблизи Ярославля, “погоста” (какого-то из трех археологически известных комплексов), в котором в тот момент находились “лучшие жены” (Там же. – Л. 59). Отсутствие “мужей-дружинников может быть объяснено их участием в каком-либо ином княжеском мероприятии. И еще: конкретная личностная (частновладельческая) принадлежность смердов (точнее, пункта их проживания) не зависела от того, чьей (какого именно князя) волостью с правом сбора дани являлась на тот момент территория их локализации.
527. Впрочем, в последних двух случаях, в условиях войны, это могла быть и часть великопольской “большой дружины”.
528. В момент создания “большой (государственной) дружины” при Мешко I, еще до польской экспансии, она уже насчитывала 3000 человек (Kowalski, 1946. – S. 50), что равно или всего вдвое меньше, чем датская королевская дружина при Свейне Вилобородом, Кнуде Великом (Danische Rechte, 1938. – S. 198-198), или в несколько раз больше, чем дружины главных конунгов Норвегии (ср.: Снорри Стурлусон, 1980. – С. 179, 191 в др.), которые насчитывали при Олаве Святом всего 100 – 200 человек (не берется в расчет ледунг, дружины других конунгов и частных лиц (лендрманнов) (Там же. – С. 177, 184).
529. В этом плане к Руси близка Венгрия, где на рубеже X – XI вв., когда Геза и Иштван включили в состав государственной дружины баварских рыцарей для борьбы с родоплеменными ополчениями венгерской “кочевой” аристократии.
530. За образец могла быть принята демагогически называемая “дань за мир” в Чехии, установленная Болеславом I и взимавшаяся в деньгах (но в монетах местной чеканки, а не как в Польше – скорее всего, в дирхемах) (Тржештик, Достал, 1991. – С. 102).
531. Отсюда войны с Волжской Болгарией за Волжский путь.
532. В среднем – 3000 гривен с “Земли” (1014 г. – Новгород Великий (ПСРЛ. Т. I. Л. 44 об.), 1136 г. – Смоленское княжество (“Устав” Ростислава Смоленского). “Полюдь”, “гостиная дань” собирались далеко не со всех пунктов и часто не имели постоянного характера, как и продажи, и виры. 10% шло церкви.
533. Если только, как и, скорее всего, в случае с восьмьюстами наложницами Владимира, мы не имеем подражания описаниям пиров Соломона в “Книге Царств”.

534. “Знатные воины не были подданными князя... были обязаны князю только верностью, но не безусловным повиновением. Отношения верности не были отношениями службы, они одинаково обязывали как правителя, так и его воинов, их верность была взаимной, и выражением ее были дары, награды и должности, с одной стороны, и безупречная служба, – с другой” (Тржештик, 1987. – С.123). Перед нами – отношения реципрокности, характерные для этапа “вождеств” (Видукинд Карвейский, 1975. – С.33; Thietmar, VII.17). Архаические традиции в среде правящего класса в Польше, как и на Руси, сохранялись дольше, чем между ним и остальным “обществом”.
535. Впрочем, и здесь существуют значительные отличия: на Руси гораздо большую роль (хотя и не столь значительную, как в Швеции) играло право – обычное и дружинное, существовавшее как минимум с начала X в. (Свердлов, 1988), и зарождавшееся в XI в. внутривотчинное и общегосударственное княжеское, причем кодификация первых двух была проведена уже в начале XI в. В Польше закон заменяла воля князя в каждом конкретном случае (Галл Аноним, 1996. – С.338- 339), формально подкреплённая иногда ссылками на учение Церкви.
536. Будущую (для описываемого времени) Новгородскую республику мы считаем по форме “сложным (расширившимся) городом-государством, в территориально-ступенчатом плане (не в социальном, естественно) имевшим типологически ближайшие аналоги в державе Ацтеков во главе с городом-государством Теночтитлан, Карфагенской “империи”; полисам с несколькими городами и коллективными, посаженными на землю “государственными рабами” есть некоторые соответствия в отношениях “города” с “пригородами” и “смердами”. Наиболее же ценные наблюдения над процессом формирования социально-политических структур Новгорода, в источниках не отраженным для ранних периодов, могут дать этнографические параллели, особенно Бенина с особой ролью столицы-протогорода. Основные особенности в отношениях “государство – общество”: все социально-господствующие слои имели представительство в многочисленных, взаимопереплетающихся ветвях власти; с другой стороны, каждая “столичная” отрасль власти имела самостоятельную экономическую опору в “провинции”.
537. Пожалуй, наиболее давние традиции развития “дружинные” тенденции имели в регионах, описанных ал-Масуди и ИбнРусте (“Валинана” и “Хордаб”), составлявших если и не часть Великой Моравии, то наиболее близкие к ней территориально и типологически княжества восточных славян.
538. Это закрывало для Польши путь, которым пошли для нового “трудоустройства” дружинников Чехия и, возможно, Русь, позднее – Мазовия, превратившие их в крестьян – военных поселенцев.
539. Да и в последних двух случаях (борьба с Мстиславом и битва под Киевом)

главную роль играла уже не личная дружина князя, а словенское ополчение и варяжские наемники.

540. Польские источники, впрочем, о последнем факте умалчивают, приписывая победу над Моиславом Казимиру Восстановителю, а убийство мазовецкого князя – его бывшим союзниками – пруссам (Галл Аноним, 1996. – С.347343; “Великая хроника...”, 1987. – С.70).
541. Пожалуй, только для этого периода можно говорить о собственно “дружинном государстве” на Руси.
542. До него существовала правящая военно-торговая корпорация “русь”, которая не являлась дружиной в полном смысле.
543. Есть в плане реальных политических контактов и более близкая аналогия: пожалование Харальдом Синезубым всей Норвегии в “ярлство” Хакону и связанные с этим права и обязанности. “Хакон ярл правил Норвегией и не платил никаких податей, ибо конунг датчан уступил ему все подати, на которые конунг имел право в Норвегии, в возмещение за труд и расходы ярла по обороне страны...” (Круг земной, 1980. – С.112).
Налицо реальный пример “кормления” или “феода, состоящего из даней”, по К.Марксу, средства и содержания войска, и обороны страны. На Руси же эти функции дополнялись возможностями колонизации с территории Ладожского ярлства давно известной скандинавам, но с севера, “страны Биармов” вплоть до Ледовитого океана. Как показали последние археологические исследования, процесс этот был в основном завершен еще до образования независимой Новгородской республики, в пределах XI в. (Макаров, 1994. – С.164). Несколько десятилетий (при Регнвальде и его сыне Эйливе) могло существовать субгосударственное образование в составе Древней Руси.
544. Этой римско-византийской системе предшествовала уже упомянутая византийская практика поселения “военной аристократии” из покоренных племен и размещение пленных (впервые – ляхов в 1031 г. на р.Рось (ПСРЛ. Т.І. Л.61)).
545. Кстати, как и в Польше, где в 1138 г. была введена система “перемещения столицы” по 4-м частям государства (Руссоцкий, 1974. – С.140) вместе с переходом старшинства внутри рода Пястов, эта формула, при сохранении долгое время прав “старшего стола” за Киевом, еще не означала распада государства, а лишь обозначала принцип территориального разделения еще единой власти.
546. По некоторым летописным сообщениям можно судить о том, что отроки включались источниками в состав дружинников далеко не всегда. Так, об этом свидетельствует эпизод “третьей мести” Ольги древлянам. Она приказала отрокам “служити пред Древлянами” и “пити” с ними. Дружина же ее находилась в стороне и в тризне с древлянами не участвовала, т.к. “сама отиде кроме и повеле дружине своей сечи Деревляне” (ПСРЛ. Т.І. Л.16). В этом

случае отроков на Руси можно сравнить с “гостями” Олава Тихого, входивших в ближайшее окружение правителя, но не в его дружину, и не относившихся к упомянутым отдельно, вероятно, невооруженным, “прислужникам” (Круг земной, 1980. – С.468). В этом аспекте важно, с какой дружиной “думал” Игорь в 944 г., и чьего “решения” (или “речения”) “послушал”, отменив поход на Царьград (ПСРЛ. Т. I. Л. 11). Впрочем, смысл статьи можно в этом отношении изменить, отождествив отроков и дружину, если следовать более позднему чтению слова “пити” – “ити” (ПСРЛ. Т. I. Примечание “б” к стб. 57), “поити” (ПСРЛ. Т. II. Примечание “ж” к стб. 46), “прийти на них” (ЛПС; ПСРЛ. Т. 41. Л. 487). В РЛ – только один вариант – “пити” (ПСРЛ. Т. 38. Л. 29 сб.).

547. Масштабы “восстаний” 1024, 1068 и 1071 гг. (в “провинции”) явно несопоставимы с крестьянскими войнами в этих странах (достаточно сказать, что “смердов” в районе Белоозера разогнали 12 “отроков” Яна Вышатича, а новгородское языческое движение того же 1071 г., по сути, “подавил” князь Глеб единолично). Киевские же восстания 1068 и 1113 гг., безусловно, достаточно масштабные и, главное, результативные, связаны, скорее всего, с появлением на политической арене нового, претендующего на долю власти, института – веча и представляемых им социальных сил, а также типичной (для Византии в особенности) особой ролью и ментальностью “столичного” населения в целом.

ИСТОЧНИКИ

- Адам Бременский. Деяния первосвященников Гамбургской церкви // История средних веков. Хрестоматия. – М., 1969. – С. 114-116.
- Бартольд В.В. Очерк истории туркменского народа // Туркмения. Т.2. – Л., 1929. – БОМ, № БОМ 2604 (Митьковка).
- “Великая хроника” о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. – М., 1987. – С. 51-202.
- Галл Аноним. Хроника деяния князей или правителей польских // Славянские хроники. – СПб., 1996. – С.325-412.
- Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. – СПб., 1870.
- Гаркави А.Я. Сказание мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р.Х.). – СПб., 1870.
- Документы по истории Коми. Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Вып. 4. – Сыктывкар, 1958.
- Древнеанглийская поэзия. – М., 1982. – С.5-168.
- Ильинский Г.А. Кто были *lenxaninoi* Константина Багрянородного // *Slavia*. – 1925-1926. – Т.IV.
- Истрин В.М. Книги временныя и образныя Георгия Мниха. “Хроника” Георгия Амартола в древнем славянском переводе. Текст, исследование и словарь. Т.1. – Пг., 1920.
- Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. – Харьков, 1956.
- Лев Диакон. История. – М., 1988. – С. 7-94.
- Летописец Переславля Суздальского (Летописец Русских Царей) // ПСРЛ. Т.41. – М., 1995.
- Минорский В.Ф. Куда ездили древние русы // Восточные источники по истории народов Юго-восточной и Центральной Европы. – М., 1964.
- Михаил Пселл. Хронография. – М., 1978. – С. 5-196.
- Никоновская летопись // ПСРЛ. Т.32. – М., 1975.
- Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. – М.-Л., 1950.
- Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Новосельцев А.П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. – М., 1965. – С. 355-419.
- Снорри Стурлусон. Круг земной. – М., 1980. – С. 9-578.
- Хенинг Р. Неведомые земли. Т.2. – М., 1961.
- Хроника Быховца. Хроника Литовская и Жмойтская // ПСРЛ. Т.32. – М., 1975.
- Якубовский А.Ю. Ибн Мискавейх о походе русов в Бердаа в 322 г. – 943/944 г. // ВВ. – Т. XXIV. – Л., 1926.
- Horak V., Travnicek D. Descriptio civitatum ad septentrionalem plagam Danubii (tzv. Bavorsky geograf). – Praha, 1956.

ЛИТЕРАТУРА

- Авенариус А. Авары и славяне. "Держава Само" // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне к VI – XII вв.). – М., 1991. – С.26-36.
- Аджи М. Польнь Иоловецкогоноля. – М., 1994.
- Акимова О.А. Комментарий к гл.29-31 // Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М., 1991. – С.361-378.
- Александров А.А. О руссах на Западе и на Востоке: от Ишельхайма до могилевского клада // Гистарычна-археалагічны зборнік. №12. – Мінск, 1997. – С.17-22.
- Александров А.А. Остров русов // Stratum. Петербургский Археологический Вестник. – СПб.-Кишинев, 1997. – С.222-224.
- Андронщук Ф.А. К этносоциальной характеристике русов арабских авторов // Проблеми вивчення та охорони пам'яток археології Київщини. – Київ, 1991. – С.4-6.
- Андронщук Ф.А. К этносоциальной характеристике русов арабских авторов // Археология и история Юго-Востока Руси. – Курск, 1991. – С. 12-14.
- Андронщук Ф.А. Чернигов и Шестовица // Деснинские древности. – Брянск, 1995. – С.118-121.
- Андронщук Ф.О. Ранні етапи формування давньоруської культури у межиріччі Дніпра та Десни (IX сер. X ст.): Автореф. ... канд. истор. наук. – Київ, 1997. – С. 1-16.
- Андронщук Ф.О., Осадчий Р. Про культурний тип та конструктивно-ритуальні особливості камерних поховань Південної Русі (на матеріалах Києва та Чернігова) // Археологія. – 1994. – №3. – С. 115-422.
- Андронщук Ф.А., Зоценко В.Н. О времени и обстоятельствах появления норманнов в междуречье Днепра и Десны // Русский сборник: К 25-летию историч. ф-та Брянского госуниверситета. – Брянск, 2002. – С.25-34.
- Анпилогов Г.Н. О городе Курске X – XVI вв. // Вестник МГУ. Серия 8. История. – 1979. – №5.
- Арутюнова-Фиданян В.А. Комментарий к гл. 43-46 // Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М., 1991. – С.404-425.
- Ауліх В.В. Зимнівське городище слов'янські пам'ятка VI – VII ст. в Західній Волині. – Київ, 1972.
- Афанасьев Г.Е. Донские аланы. – М., 1993.
- Багновская П.М. Сложные вопросы этнической истории летописной Северы (постановка проблемы) // Проблемы истории СССР. Вып. VIII. – М., 1979. – С. 15-36.
- Баранов И.А., Майко В.В. Среднеднепровские элементы в культуре населения раннесредневеко
- Барац Г.М. Происхождение летописного рассказа о начале Руси. – Киев, 1913.

- Батожок Н.И. Диалектный словарь как источник лингвогеографического изучения региона //Диалектное слово в лексикографическом аспекте. – Л., 1986. – С.142-162.
- Бахрушин С.В. Держава Рюриковичей //ВДИ. – 1938. – №2.
- Белецкий С.В. Некоторые итоги археологического изучения Псковского городища //Науч. семинар “Археология и история Пскова и псковской земли”. 1980: Тезисы докладов. – Псков, 1980. – С.8-10.
- Белецкий С.В. Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города) //КСИА. – 1980. – Вып. 160. – С.3-18.
- Белецкий С.В. Происхождение Пскова //Города Верхней Руси: истоки и становление. – Торопец, 1990. – С.8-14.
- Белецкий С.В. Начало Пскова. – СПб., 1996.
- Белецкий С.В. К вопросу о “племенном пути” становления городов на Руси // Slavia Antiqua. Т. XXXVIII. – 1997. – С.169-170.
- Белков П.Л. Социальная стратификация и средства управления в доклассовом и предклассовом обществе //Ранние формы социальной стратификации. – М., 1993.
- Белков П.Л. “Эпос миграции” в системе атрибутов традиционной власти //Символы и атрибуты власти. – СПб., 1996. – С.63-71.
- Березкин Ю.Е. Инки. Исторический опыт империи. – Л., 1991.
- Берзин Э.О. Некоторые вопросы возникновения раннеклассовых формаций // Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. – М., 1966.
- Березовец Д.Т. Слов’яни и племена салтівської культури //Археологія. – 1965. – № XXIX – XXX. Бессарабова З.Д. Славянские курганы второй половины первого тысячелетия н.э. с трупосождениями и деревянными сооружениями на территории Восточной Европы //Археологический сборник. Вып.15. – Л., 1973. – С.65-82.
- Бичурин Н.Я. Собрание сведений по исторической географии Срединной и Восточной Азии. – Чебоксары, 1960.
- Бліфельд Д.І. Давньоруські пам’ятки Шестовиці. – Київ, 1977.
- Блифельд Д.И. К исторической оценке дружинных погребений в срубных гробницах Среднего Поднепровья IX – X вв. //СА. – Т.20. – 1954.
- Богомольников В.В. О близости радимичей, вятичей и северян (по письменным и археологическим данным) //Старожиності Південної Русі. – Чернігів, 1993. – С. 167-169.
- Бондаренко Д.М. Привилегированные категории населения Бенина накануне первых контактов с европейцами. К вопросу о возникновении классов и государства //Ранние формы социальной стратификации. – М., 1993. – С. 148-166.
- Боровский Я.Е. Восточные источники о трех группах русов. Артания и анты // Чернигов и его округа в IX – XIII вв. – Киев, 1988. – С. 41-46.

- Боровский Я.Е. Восточные источники о трех группах русов //Историко-археологический семинар "Чернигов и его округа в IX – XIII вв." – Чернигов, 1985. – С.22-24.
- Бочаров В.В. Социально-политическое управление и общественные традиции (на примере тропической Африки) //Этнические аспекты власти. – СПб., 1995. – С.79-98.
- Брайчевский М.Ю. Восточнославянские союзы племен в эпоху формирования Древнерусского государства //Древнерусское государство и славяне. – Минск, 1983. – С. 100-103.
- Брайчевский М.Ю. К вопросу о правовом содержании первого договора Руси с греками (860-863) //Советский ежегодник международноу права. 1982. – М., 1983.
- Брайчевский М.Ю. О первых договорах Руси с греками //Советский ежегодник международного права. 1978. – М., 1980.
- Брайчевский М.Ю. Первое письменное упоминание Чернигова в связи с проблемой формирования города //Чернигов и его округа в IX – XIII вв. – Киев, 1988. – С.33-41.
- Брайчевский М.Ю. Походження Русі. – Київ, 1968.
- Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. – М., 1972.
- Бромлей Ю.В., Першиц Л.И. Ф.Энгельс и современные проблемы первобытной истории //Вопросы философии. – 1984. – №4.
- Булкин В.А., Герд А.С. К этноисторической географии Белоруссии //Славяне. Этногенез и этническая история. – Л., 1989. – С.67-76.
- Булкин В.А., Лебедев Г.С. Гнездово и Бирка (к проблеме становления города) // Культура Средневековой Руси. – Л., 1974. – С.11-17.
- Быков А.Л. Из истории денежного обращения Хазарин в VIII и IX вв. //Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. – М., 1974.
- Былины. – М., 1991.
- Бюттнер Т. История Африки с древнейших времен. – М., 1981. – С. 3-253.
- Валеев Г.К. Антропонимия "Повести временных лет": Автореф. ... канд. ист. наук. – М., 1982.
- Васильев Л.С. История Востока. – М.: Высшая школа, 1994.
- Вернадский Г.В. Киевская Русь. – Тверь-М., 1996.
- Викинги: набеги с севера. – М., 1996.
- Виллинбахов В.Б. Балтийско-Волжский путь //СА. – 1963. – №3. – С. 126-135.
- Винников А.З. Торговля донских славян (К вопросу о торговых путях Руси с востоком) //Археологическое изучение микрорайонов: итоги и перспективы. – Воронеж, 1990.
- Винников А.З. Славянские курганы лесостепного Дона. – Воронеж, 1984.
- Винокур І.С., Тимошук Б.О. Давні слов'яни на Дністрі. – Ужгород, 1977. – С.3-99.

- Виткин М.А. Подход к проблеме азиатского способа производства //Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. – М., 1966.
- Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н. Древнерусские города в древнескандинавской письменности. – М., 1988.
- Годелье М. Понятие “азиатского” способа производства и марксистская схема развития общества //Народы Азии и Африки. – 1965. – №1.
- Голубева Л.А. О дате поселения веси на Белом озере //КСИА. – 1965. – Вып.104. – С.12-17.
- Голубева Л.А. Литейное дело на поселении Крутик в Белозерье. – М., 1991. – С.147-164.
- Горемыкина В.И. К проблеме истории докапиталистических обществ (на материале Древней Руси). – Минск, 1970.
- Горемыкина В.И. О генезисе феодализма в Древней Руси //ВИ. – 1987. – №2.
- Горина Л.В. Византийская и славянская хронография (Существовали ли Болгарский хронограф?) //Византия. Средиземноморье. Славянский мир. – М., 1991. – С.121-129.
- Горский А.А. Древнерусская дружина. – М., 1989. – С.1-124.
- Горский А.А. Дружина и генезис феодализма на Руси //ВИ. – 1984. – №9.
- Горский А.А. Кривичи и полочане в IX – X вв. (Вопросы политической истории) //Древнейшие государства Восточной Европы. 1992-1993. – М., 1995. – С.50-63.
- Горский А.Д. Очерки экономической положения крестьян Северо-Восточной Руси: XIV – XV вв. – М., 1960.
- Григорьев А.В. О границе Руси и Северы в Подесенье //Слов’яни і Русь у науковій спадщині Д.Я.Самоковасова. – Чернігів, 1993. – С.98-99.
- Григорьев А.В. О роменской и древнерусской керамике на Левобережье Днепра / /Старожитності Південної Русі. – Чернігів, 1993. – С.76-82.
- Григорьев А.В. О роменской культуре в Среднем Подесенье //Чернигов и его округа в IX – XIII вв. – Киев, 1988. – С.65-74.
- Григорьев А.В. Соспица и Роменско-Русское пограничье в X в. //Минуле Сосницьта і околиць. – Чернігів, 1990. – С. 19-21.
- Гринев П.П. Легенда о призвании варяжских князей (об источниках и редакциях в Новгородской первой летописи) //История и культура древнерусского города. – М., 1989. – С.31-44.
- Грушевський М. Історія України – Руси. Т. I. – Київ, 1994.
- Гуляев В.И. Америка и Старый Свет в доколумбову эпоху. – М., 1968.
- Гуляев В.И. Древнейшие цивилизации Мезоамерики. – М., 1972.
- Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М., 1993.
- Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. – М., 1996. – С. 17-256.
- Гуревич А.Я. Норвежское общество в раннее средневековье. – М., 1977. – С.1-321.
- Гуревич А.Я. Походы викингов. – М., 1966.
- Гуревич А.Я. История и сага. – М., 1972.

- Гурьянов В.Н. Камерные погребения на Брянщине //Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д.Я.Самоквасова. – Чернігів, 1993. – С. 31-33.
- Гутова Е.В., Удальцова З.В. К вопросу о типологии развитого феодализма в Западной Европе //Проблемы социально-экономических формаций. – М., 1975. – С.108-120.
- Давидан О.И. Этнокультурные контакты старой Ладogi VIII – IX веков //АСГЭ. – 1986. – Вып. 27. – С. 99-105. Данилова Л.В. Сельская община в средневековой Руси. – М., 1984.
- Дашков С.Б. Императоры Византии. – М., 1996. – С. 1-369.
- Дегтярев А.Я. О влиянии средневековых городских центров на формирование сельской округи //Город и государство в древних обществах. – Л., 1982.
- Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). – М., 1994.
- Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.) (Тексты, перевод, комментарии). – М., 1993.
- Довженок В.И. Сторожевые города на юге Киевской Руси //Славяне и Русь. – М., 1968. – С. 37-45.
- Довженок В.И., Гончаров В.К., Юра Р.О. Давньоруське місто Воїнь. – Київ, 1966.
- Древняя русская литература. – М., 1988.
- Древнерусские поселения Среднего Поднепровья (археологическая карта). – Киев, 1984.
- Древняя Русь. Город, замок, село. – М., 1985.
- Дубов И.В. Великий Волжский путь. – Л., 1989.
- Дубов И.В. Ярославское Поволжье в IX – XIII вв. (ведущие исследователи и основные проблемы //Славяно-русские древности. 1. Историко-археологическое изучение Древней Руси. – Л., 1988. – С. 136-150.
- Дубов И.В., Седых В.Н. Камерные и срубные гробницы Ярославского Поволжья //Историческая этнография (Проблемы археологии и этнографии. Вып. 4). – СПб., 1993. – С. 143-152.
- Дьяконов И.М. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. – СПб., 1912.
- Дэвидсон Б. Африканцы. Введение в историю культуры. – М., 1975.
- Енуков В.В. Курское княжение в монгольское время //Деснинские древности. Вып. I. – Брянск, 1995. – С.140-143.
- Жарнов Ю.Э. Гнездово и Шестовицы (проблемы сравнительного анализа двух археологических памятников) //Тезисы историко-археологического семинара “Чернигов и его округа в IX – XIII вв.” – Чернигов, 1990. – С.152-155.
- Жемличка Й., Марсина Р. Возникновение и развитие раннефеодальных централизованных монархий в Центральной Европе //Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI – XII вв.). – М., 1991. – С. 167-189.
- Завадская С.В. К вопросу о “старейшинах” в древнерусских источниках XI – XII вв. //Древнейшие государства на территории СССР. 1987. – М., 1989. – С.36-42.

- Зайцев А.К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X – XIII вв. – М., 1975.
- Зайцев В.В. К вопросу об обращении обрезанных в кружок куфических монет в X в. // Елец и его окрестности. – Елец, 1991. – С. 110-112.
- Зайцев В.В. О топографии кладов куфических монет X в., обрезанных в кружок / Тезисы докладов нумизматической конференции “Итоги научно-исследовательской и хранительской деятельности”. – СПб., 1992. – С.27-28.
- Зализняк А.А. К исторической фонетике древненовгородского диалекта // БСИ. 1981. – М., 1981. – С.61-80.
- Зализняк А.А. Наблюдения над берестяными грамотами // История русского языка в древнейший период. – М., 1984. – С.36-153.
- Зализняк А.А. Новгородские берестяные грамоты и проблема древних восточнославянских диалектов // История и культура древнерусского города. – М., 1989. – С. 18-30.
- Засурцев П.И. Отчет о раскопках Липенского курганного могильника в 1949 г. // Архив ИА РАН, Дело Р1 /480. – М., 1949.
- Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX – X вв. – М., 1962.
- Звіздецький Б.А. Малинське древлян // Старожитності Русі – України. – Київ, 1994. – С. 119-125.
- Зимин А.А. Память и похвала Иакова Мниха и Житие князя Владимира по древнейшему списку // КСИС. – 1963. – Вып.37.
- Зоценко В.Н., Моця А.П. Среднее Поднепровье в системе прибалтийских связей конца I – первой половины II тыс. // From Varangians to Greeks. Problems of Cultural Interaction in the Medieval world. – М., 1996. – С.9-12.
- Иванов Б.А. Два типа феодальных отношений в Непале. К постановке проблемы // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. – М., 1982.
- Иванов Н.А. О типологических особенностях арабо-османского феодализма // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. – М., 1982.
- Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в. Т.1. – М., 1952.
- Изюмова С.А. Древности Тульской земли // Путешествие в древность. – М., 1983.
- Иларион // Хрестоматия по истории русского языка. – М., 1990.
- История русской литературы X – XVII веков. – М., 1980.
- История первобытного общества. – М., 1986.
- Калиганов И.И. Болгарская литература в IX – XII столетиях // Очерки истории культуры славян. – 1996.
- Калинина Т.М. О походе русов на Каспий 909-912 гг. // Восточная Европа в древности и средневековье. IX чтения памяти В.Т. Пашуто. – М., 1997. – С.13-18.
- Калинина Т.М. Сведения Ибн Хаукаля о походах Руси времен Святослава // Древнейшие государства на территории СССР. 1975. – М., 1976.

- Калугин В. Герои русского эпоса. – М., 1983.
- Каменецкая К.А. Заольшанская курганная группа Гнездова // Смоленск и Гнездово. – М., 1991. – С. 125-175.
- Карамзин Н.М. История государства Российского. Т.1. – М., 1989.
- Карташов А.В. Очерки по истории русской церкви. Т.1. – М., 1993.
- Карышковский П.О. Лев Диакон о Тмутараканской Руси // ВВ. – 1960. – Вып. 18. – С.39-51.
- Кирпичников А.Н. Ладога и Ладожская волость в период раннего средневековья / Славяне и Русь. – Киев, 1979. – С.92-106.
- Кирпичников А.Н. Ладога и Ладожская земля VIII – XIII вв. // Славяно-русские древности. Вып. 1. – Л., 1978. – С.38-79.
- Кирпичников А.Н. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. – Л., 1985. – С. 3-26.
- Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. – М., 1986. – С. 189-297.
- Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С., Булкин В.А., Дубов И.В., Назаренко В.А. Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения // КСИА. – 1980. – Вып. 160. – С.24-38.
- Кланица З. Падение Аварской державы в Подунавье // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. – М., 1987. – С.74-83.
- Ключевский В.О. Историография // Соч.: В 9-ти т. – М., 1989. – Т.7. – С.136-400.
- Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч.1 // Соч.: В 9-ти т. – М., 1987. – Т.1. – С.33-366.
- Кобищанов Ю.М. Полюдье: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. – М., 1995. – С. 1-321.
- Кобищанов Ю.М. Феодализм, рабство и азиатский способ производства // Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. – М., 1966.
- Ковалевский М.М. Генетическая социология, или учение о сходных моментах в развитии семьи, рода, собственности, политической власти и психической деятельности. – СПб., 1910.
- Ковалевский М.М. Происхождение семьи, рода, племени, государства и религии / Итоги науки в теории и практике. – М., 1914. – Т.10.
- Коваленко В.П. Основні етапи розвитку літописних міст Чернігово-Сіверської землі // Український історичний журнал. – 1983. – №8.
- Коваленко В.П. Основные этапы развития древнего Чернигова // Чернигов и его округа в IX – XIII вв. – Киев, 1988. – С.22-33.
- Койчева Е. О характере аристократии в раннефеодальных государствах на Балканах // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. – М., 1987. – С.151-164.

- Койчева Е., Кочев Б. Болгарское государство с середины VIII до конца IX вв. // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI – XII вв.) – М., 1991. – С. 51-68; 116-136.
- Коковцев П.К. Еврейско-хазарская переписка // Открытие Хазарии. – М., 1996. – С. 539-622.
- Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. – Л., 1989.
- Кольчатов В.Л. Камерные гробницы Шестовицкого могильника // Тезисы докладов V Всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии. – М., 1971.
- Коновалова И.Г. Русско-хазарские отношения на Каспии // Восточная Европа в древности и средневековье. IX чтения памяти В.Т. Пашуто. – М., 1997. – С.23-28.
- Корзухина Г.Ф. Курган в урочище Плакун близ Ладоги // КСИА. – 1971. – Вып. 125.
- Корзухина Г.Ф. О времени появления укрепленного поселения в Ладоге // СА. – 1961. – №3.
- Корзухина Г.Ф. Предметы убора с выемчатыми эмалями – первой пол. VI в. н.э. в Среднем Поднепровье // САИ. – Вып. Е1-43. – Л., 1978.
- Коротяев А.В. Некоторые общие тенденции и факторы эволюции сабейского культурно-исторического ареала (Южная Аравия: X в. до н.э. – IV в. н.э.) // Ранние формы социальной стратификации. – М., 1993.
- Корсунский А.Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. – М., 1963.
- Котляр Н.Ф. Древняя Русь и Киев в летописных преданиях и легендах. – Киев, 1986.
- Котляр Н.Ф. К истории возникновения нормы частного землевладения в обычном праве Руси // Древние славяне и Киевская Русь. – Киев, 1989. – С.147-154.
- Котляр Н.Ф. О социальной сущности Древнерусского государства IX – первой половины X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992-1993. – М., 1995. – С.33-56.
- Кочуркина С.И. Юго-Восточное Приладожье в X – XIII вв. – Л., 1973.
- Краткая история Болгарии. – М., 1987.
- Кропоткин В.В. Новые материалы по истории денежного обращения Восточной Европы в конце VIII – первой половине IX вв. // Славяне и Русь. – М., 1968. – С.72-60.
- Крузе Ф. О первом вторжении южных ютландцев в Россию // ЖМП. – Ч.10. – 1836. – Июнь.
- Куббель Л.Е. “Формы, предшествующие капиталистическому производству” К.Маркса и некоторые аспекты возникновения политической организации // СЭ. – 1987. – №3.
- Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. – М., 1988.
- Куза А.В. Большое городище у села Горналь // Древнерусские города. – М., 1981. – С.6-39.
- Куза А.В. Социально-историческая типология древнерусских укрепленных посе-

- лений IX – середины XIII вв. (Методика исследования) // Археологические памятники Лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н.э. – Воронеж, 1983. – С.21-42.
- Куза А.В. Малые города Древней Руси. – М., 1989.
- Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. – М., 1977.
- Кулаков В.И. Степные реминисценции у раннесредневековых сембов // Волжская Болгария и Русь. – Казань, 1986.
- Кулаков В.И. Ирзекапинис и Шестовицы // Проблемы археологии Южной Руси. – Киев, 1990. – С. 111-116.
- Кулаков В.И. Пруссы (V – XIII вв.). – М., 1994.
- Кулаков В.И. Птица-хищник и птица-жертва в символах и эмблемах IX – XI вв. // СА. – 1988. – №3.
- Кусков В.В. История древнерусской литературы. – М., 1982.
- Куник А., Розен В. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Вып. 2. – СПб., 1978.
- Курбатов Г.Л. Византия и Русь в IX – X вв. (некоторые аспекты социально-экономических отношений) // Славяно-русские древности. Вып. 1. Историко-археологическое изучение Древней Руси: итоги и перспективы. – Л., 1988. – С.213-231.
- Кухаренко Ю.В. Пинские курганы // Славяне и Русь. – М., 1968. – С.87-91.
- Кучерга М.П., Иванченко Л. І. Давньоруська оборонна лінія в Пороссі // Археологія. – Вип. 59. – 1987. – С. 67-79.
- Кучкин В.А. “Русская земля” по летописным данным XI – первой трети XIII вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992-1993. – М., 1995. – С.74-101.
- Кучкин В.А. Институт тысяцких в средневековой Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. Спорные проблемы истории. Чтения памяти В.Т.Пашуто. – М., 1993. – С. 46-48.
- Ламбин Н. Источник летописного сказания о происхождении руси // ЖМНП. – 1874. – Июнь, июль.
- Лаптева Л.П. Вымысел и фальсификация в чешских хрониках XII – XIII вв. // Восточная Европа в древности и средневековье. Спорные проблемы истории. Чтения памяти В.Т.Пашуто. – М., 1993. – С.48-50.
- Лапшин В.А. Ранняя дата Владимирских курганов // КСИА. – 1981. – Вып. 166. – С.45-48.
- Лебедев Г.С. Конунги-викинги (к характеристике типа раннефеодального деятеля в Скандинавии) // Политические деятели античности, средневековья и нового времени. – Л., 1983.
- Лебедев Г.С. Русь и чужь, варяги и готы (итоги и перспективы историко-археологического изучения славяно-скандинавских отношений в I тыс. н.э.) // Славяно-русские древности. Историко-археологическое изучение Древней Руси. – Л., 1988. – С.79-99.

- Лебедев Г.С. Археолого-лингвистическая гипотеза славянского этногенеза //Славяне. Этногенез и этническая история. – Л., 1989. – С.105-115.
- Лебедев Г.С. Русь Рюрика, Русь Аскольда, Русь Дира? //Старожитності Русі – України. – Київ, 1994. – С.146-153.
- Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. – Л., 1985. С. 1-26.
- Лебедев Г.С. (Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С.) Археологические памятники Древней Руси IX – XI вв. – Л., 1978.
- Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М., 1994.
- Леонтьев А.Е. Археологические памятники ростовской мери //Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы Северо-Восточной Руси). – М., 1988.
- Леонтьев А.Е. Волжско-балтийский торговый путь в IX в. //КСИА. – 1986. – Вып. 183. – С.3-9.
- Леонтьев А.Е. Городище Выжегша в Юрьевском районе Владимирской области /Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. – М., 1987.
- Леонтьев А.Е. Поселения мери и славян на озере Неро //КСИА. – 1984. – Вып. 179. – С.26-32.
- Леонтьев А.Е. Ростов (предпосылки образования древнерусского города) //Тезисы докладов советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии. – М., 1985. – С.61-62.
- Леонтьев А.Е. Сарское городище в истории Ростовской земли (VIII – XI вв.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1975.
- Леонтьев А.Е., Сидоров В.В., Исланова И.В. Волго-Окская экспедиция в 1977-1983 гг. //КСИА. – 1986. – Вып. 188.
- Литаврин Г.Г., Наумов Е.П. Этнические процессы в Центральной и Юго-Восточной Европе и особенности формирования раннефеодальных славянских народностей //Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне в VI – XII вв.). – М., 1991. – С.232-249.
- Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. – М.-Л., 1947.
- Ловмянский Х. Рюрик Фрисландский и Рюрик Новгородский //СС. – Таллин, 1963. – Вып. 7. – С. 222-242.
- Ловмянский Х. Русь и норманны. – М., 1985. – С.23-229.
- Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства. – М., 1982.
- Любарский Я.Н. Историограф Михаил Пселл. Примечания //Михаил Пселл. Хронография. – М., 1978. – С. 198-303.
- Люблинская А.Д. Типология раннего феодализма в Западной Европе и проблема романо-германского синтеза //СВ. – Вып. 31. – М., 1968.
- Лященко А.И. Летописные сказания о смерти Олега Вещего //ИОРЯС. – 1924. – Т.29.

- Мавродин В.В. О племенных княжениях восточных славян // Исследования по социально-политической истории России. – Л., 1971.
- Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. – М., 1971.
- Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства. – Л., 1945.
- Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата (по материалам археологических исследований и письменным данным). – М., 1983. – С. 3-225.
- Маркарян Э.С. Об основных принципах сравнительного изучения истории // Вопросы истории. – 1966. – №7.
- Марков А.К. Топография кладов восточных монет. – СПб., 1910.
- Маркс К. Секретная дипломатия XVIII в. // ВИ. – 1989. – №2.
- Мартышкин О.В. Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. – М., 1992.
- Маскаев А.И. Мордовская народная эпическая песня. – Саранск, 1964.
- Мачинский Д.А. Кто был погребен в Черной могиле? // Рукопись. – 1975.
- Мачинский Д.А., Мачинская А.Д. Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII – XI вв // Культура Русского Севера. – Л., 1988.
- Мачинский Д.А. Чорна могила – поховання воеводи Претича? // Друга Чернігівська обласна наукова конференція з історичного краєзнавства. Тези доповідей. Вип. II. – Чернігів-Ніжин, 1988. – С.15-17.
- Мельник Е.Н. Раскопки в стране лучан, произведенные в 1897 и 1898 гг. // Труды XI АС. Т.1. – М., 1901.
- Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. – М., 1977.
- Мельникова Е.А. Историзация мифа или мифологизация истории? По поводу книги О.Прицака “Происхождение Руси” // История СССР. – 1984. – №4. – С.201-209.
- Мельникова Е.А. К вопросу о характере исторической информации в древнескандинавских письменных источниках // Восточная Европа в древности и средневековье: Проблемы источниковедения. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т.Пашуто. Тезисы докладов. – М., 1990. – С.75-79.
- Мельникова Е.А. К типологии предгосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992-1993. – М., 1995. – С.16-32.
- Мельникова Е.А. Меч и лира. Англо-саксонское общество в истории и эпосе. – М., 1987.
- Мельникова Е.А. Предпосылки возникновения и характер “северной конфедерации племен” // Восточная Европа в древности и средневековье. Спорные проблемы истории. Чтения памяти В.Т.Пашуто. – М., 1993. – С.53-55.
- Мельникова Е.А. Ранние формы торговых объединений в средневековой Северной Европе // СС. – 1979. – Вып.27.
- Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Комментарии к гл. 9 // Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М., 1991. – С.291-332.

- Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Формирование сети раннегородских центров и становление государства (Древняя Русь и Скандинавия) // История СССР. – 1986. – №5. – С.64-78.
- Мельникова Е.А., Петрухин В.Я., Пушкина Т.Л. Древнерусские влияния в культуре Скандинавии раннего средневековья // История СССР. – 1984. – №3.
- Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Начальные этапы урбанизации и становления государства (на материале Древней Руси и Скандинавии) // Древнейшие государства на территории СССР. – 1985. – М., 1986. – С.99-108.
- Метельский А.А. Становление Посожских городов Смоленской земли // 1997. – С.181-187.
- Милютенко И.И. Туровское княжество и Древлянская земля в составе Киевской Руси в X – XI вв. // Тезисы историко-археологического семинара “Чернигов и его округа в IX – XIII вв.” – Чернигов, 1990. – С.172-176.
- Модестов Ф.Э. Амулеты-коньки и культ богини плодородия // Деснинские древности. – Вып.1. – Брянск, 1995. – С.75-79.
- Молчанов Л.Л. О сюжете композиции на обкладке турьего рога из Черной могилы // Тезисы историко-археологического семинара “Чернигов и его округа в IX – XIII вв.” – Чернигов, 1988. – С.67-70.
- Моргунов Ю.Ю. Древнерусские памятники поречья Суды. – Курск, 1996.
- Москаленко А.Н. Славяне на Дону (боршевская культура). – Воронеж, 1981.
- Моця А.П. К проблеме градообразования на Левобережье Днепра в XI – XII вв. // Труды V Международного конгресса славянской археологии. – Т.1. Вып. 2а. – М., 1987.
- Моця А.П. Население Среднего Поднорья в IX – XIII вв. – Киев, 1987.
- Моця А.П. Новые сведения о торговом пути из Булгара в Киев // Земли Южной Руси в IX – XIV вв. – Киев, 1985. – С.131-133.
- Моця А.П. Срубные гробницы Южной Руси // Проблемы археологии Южной Руси. – Киев, 1990. – С.99-107.
- Моця А.П., Халиков Л.Х. Нові дослідження шляху з Булгара в Київ (попередня повідомлення) // Археологія. – 1989. – №4.
- Моця А.П., Халиков Л.Х. Булгар – Киев. Пути – связи – судьбы. – Киев, 1997. – С.7-191.
- Моця О.П. Дружинна культура Чернігівщини (IX – XI ст.) // Слов’яно-руські старожитності Північного Лівобережжя. – Чернігів, 1995. – С.56-60.
- Моця О.П. Населення Південно-руських земель IX – XIII ст. (за матеріалами некрополів). – Київ, 1993.
- Мугуревич Э.С. Значение Днепро-Даугавского пути на территории Латвии // История Руси – Украины (историко-археологический сборник). – Киев, 1998. – С.189-193.
- Мыльников А.С. Отзвуки легенды о Палемоне в русском Хронографе: к вопросу о взаимосвязях литовской, западославянской и русской этногенетических легенд // Курьер Петровской Кунсткамеры. Вып. 6-7. – СПб., 1997. – С.34-40.

- Назаренко А.В. Древняя Русь и Запад: русско-немецкие связи IX – XII вв. // Автореф. ... диссерт. докт. ист. наук. – М., 1996. – С.3-54.
- Назаренко А.В. Еще раз о дате поездки княгини Ольги в Константинополь: источниковедческие заметки // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992-1993. – М., 1995. – С.154-168.
- Назаренко А.В. Идея империи и некоторые черты политического строя раннесредневековых государств Европы // Славяне и их соседи: имперская идея в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. – М., 1995. – С.38-41.
- Назаренко А.В. К вопросу об образовании древнерусского права в договорах Руси с Византией X в. // Восточная Европа в древности и средневековье: международная договорная практика Древней Руси. – М., 1997. – С.41-46.
- Назаренко А.В. Некоторые соображения о договоре Руси с греками 944 г. в связи с политической структурой Древнерусского государства // Восточная Европа в древности и средневековье. VIII чтения памяти В.Т.Пашуто. – М., 1996. – С.58-63.
- Назаренко А.В. О языке восточноевропейских варягов IX – X вв. // Восточная Европа в древности и средневековье. X чтения к 80-летию В.Т.Пашуто. – М., 1998. – С.75-79.
- Назаренко А.В. Русь и Германия в IX – X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. – 1991. – М., 1994. – С.5-138.
- Назаренко А.В. Южнонемецкие земли и европейских связях IX – X вв. // СВ. – Вып. 53. – 1990. – С.121-136.
- Недошивина П.Г. Предметы вооружения, снаряжения всадника и верхового коня Тимеревского могильника // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. – М., 1991. – С.164-181.
- Неусыхин А.И. Переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному // Вопросы истории. – 1967. – №1.
- Неусыхин А.И. Проблемы европейского феодализма. – М., 1974.
- Новик Т.Г., Шевченко Ю.Ю. Княжеская династия Чернигова и киевские Рюриковичи // Деснинские древности. – Брянск, 1995. – С.96-99.
- Новосельцев А.П. “Худуд ал-Алам” как источник о странах и народах Восточной Европы // История СССР. – 1986. – №5.
- Новосельцев А.П. Арабские источники об общественном строе восточных славян IX – первой половины X в. (полюдье) // Социально-экономическое развитие России. – М., 1986.
- Новосельцев А.П. Арабский географ IX в. Ибн Хордадбех о Восточной Европе // Исследования по истории и историографии феодализма: К 100-летию со дня рождения Б.Д.Грекова. – М., 1982. – С.120-127.
- Новосельцев А.П. Внешняя политики Древней Руси во времена князя Олега // Восточная Европа в древности и средневековье. IX чтения памяти В.Т.Пашуто. – М., 1997. – С.50-58.

- Новосельцев А. П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // История СССР. – 1982. – №4.
- Новосельцев А. П. Образование Древнерусского государства и его первый правитель // ВИ. – 1991. – №2/3.
- Носов Е. Н. Волховский водный путь и поселения конца I тысячелетия н.э. // КСИА. Вып. 164. – М., 1981. – С.18-24.
- Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. – Л., 1990. – С. 3-209.
- Носов Е. Н. Нумизматические данные о северной части балтийско-волжского пути конца VIII – IX в. // ВИД. – 1976. – Т. VIII. – С.95-110.
- Озере И. Раскопки могильника Гробиняс Нраединес в 1984 г. // Археология и история Пскова и Псковской земли. – Псков, 1985. – С.53-55.
- Окладникова Е. А. Миф как символ власти (на материале индейцев Северной Америки) // Символы и атрибуты власти. – СПб., 1996. – С.46-62.
- Орлов Р. С. Художественный металл Чернигова (Семантика оковки из Черной могилы) // Чернигов и его округа в IX – XIII вв. – Чернигов, 1988. – С.152-165.
- Падин В. А. К истории славян Подесенья // Деснинские древности. – Вып. 1. – Брянск, 1995. – С.54-58.
- Пайпс Р. Россия при старом режиме. – М., 1993.
- Панеш Э. Х. Традиции в политической культуре народов Северо-Западного Кавказа // Этнические аспекты власти. – СПб., 1995. – С.13-35.
- Пархоменко В. А. У истоков Русской государственности. – Л., 1924.
- Пашуто В. Т. Новое в изучении Древней Руси // ПИШ. – 1973. – №5.
- Перхавко В. Б. Летописный Переяславец на Дунае // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992-1993. – М., 1995. – С.168-182.
- Перхавко В. Б. Несколько комментариев к русско-византийским договорам X в. // Восточная Европа в древности и средневековье. IX чтения памяти В. Т. Пашуто. – М., 1997. – С.58-65.
- Перхавко В. Б. Украшения из раннесредневековых памятников междуречья Днепра и Немана // Вестник МГУ. История. – 1978. – №2. – С.59-72.
- Петращенко В. О. Волынцевская культура на Правобережном Поднепровье // Проблемы археологии Южной Руси. – Киев, 1990. – С.47-50.
- Петращенко В. О. До проблеми археологічної інтерпретації літописних полян // Сторожитності Русі – України. – Київ, 1994. – С.181-187.
- Петрухин В. Я. Большие курганы Руси и Северной Европы. К проблеме этнокультурных связей в раннесредневековый период // Историческая археология: традиции и перспективы. – М., 1998. – С.360-369.
- Петрухин В. Я. К проблеме формирования “Русской земли” в Среднем Поднепровье // Древнейшие государства на территории СССР. – 1987. – М., 1989.
- Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX – XI веков. – М.-Смоленск, 1995. – С.1-317.

- Петрухин В.Я. О функциях раннегородской сети в становлении Древнерусского государства // Труды V Международного конгресса славянской археологии. – Т. I. – Вып. 26. – М., 1987.
- Петрухин В.Я. Походы Руси на Царьград: к проблеме достоверности летописи // Восточная Европа в древности и средневековье. Международная договорная практика Древней Руси. Материалы IX чтений памяти В.Т. Пашуто. – М., 1997. – С. 65-70.
- Петрухин В.Я. Славяне, варяги и хазары на юге Руси. К проблеме формирования территории Древнерусского государства // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992-1993. – М., 1995. – С. 117-124.
- Петрухин В.Я. Три цвета Руси: фольклорные истоки и историческая традиция // Художественный язык средневековья. – М., 1982. – С. 143-158.
- Петрухин В.Я., Пушкина Т.А. К предыстории русского города // История СССР. – 1979. – № 4. – С. 100-121.
- Платонова Н.И. Договоры Руси и Византии и социальные верхи русского общества X в. // В печати.
- Платонова Н.И. Русско-византийские договоры как источник для изучения политической истории Руси X в. // Восточная Европа в древности и средневековье. IX чтения памяти В.Т. Пашуто. – М., 1997. – С. 70-74.
- Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. – М., 1989.
- Плетнева С.А. Половцы. – М., 1990.
- Плетнева С.А. Хазары. – М., 1976. – С. 3-93.
- Погодин М.Н. Исследования, замечания и лекции по русской истории. Т. 1-3. – М., 1846-1847.
- Подпалова Г.И. О типологии японского феодализма // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. – М., 1982.
- Половой Н.Я. О маршруте похода русских на Бердаа и русско-хазарские отношения в 943 г. // ВВ. – Т. 20. – 1961. – С. 90-105.
- Поляков Г.П., Шинаков Е.А. Летописный Рогов // Любецький з'їзд князів 1097 року в історичній долі Київської Русі. – Київ, 1997. – С. 117-123.
- Попов В.А. Этносоциальная история аканов в XIX – XX вв. – М., 1990.
- Прицак О.Й. Два етюди з нумізматички Київської Русі // Історія Русі – України (історико-археологічний збірник). – Київ, 1998. – С. 217-221.
- Приймак В.В. Протоміські центри роменської культури та їх округа у верхів'ї Ворскли, середній течії Псла та Сейму // Вивчення історичної та культурної спадщини Роменщини: проблеми та перспективи. – Суми-Ромни, 1990. – С. 64-66.
- Приймак В.В. Роменська культура Межиріччя Десни і Ворска. Дискусійні питання, нові матеріали – Полтава-Суми, 1997.
- Приймак В.В. Територіальна структура межиріччя середньої Десни і середньої Ворскли VIII – поч. IX ст. – Суми, 1994.

- Прокопий из Кесарии. Война с готами /Пер. с греч. С.П.Кондратьева. – М., 1950.
- Пушкина Т.А. Бронзовый идол из Черной могилы //Вестник МГУ. – Сер. 8. История. – 1984. – №3.
- Пушкина Т.А. О проникновении некоторых украшений скандинавского происхождения на территорию Древней Руси //Вестник МГУ. Сер. 8. История. – 1972. – №1.
- Пьянков А.П. Происхождение общественного и государственного строя Древней Руси. – Минск, 1980.
- Ресдаль Э. Дания и даны. Язычество, христианство и международные связи // Славяне и скандинавы. – М., 1986. – С.134-139.
- Рыер Я.Р. Грамадскія адносіны у сярэднявечнай Цэнтральнай Еўропе на археалагічных даных //Гістарычна-археалагічны зборнік. – №12. – Мінск, 1997. – С.221-230.
- Розов Н.Н. Санодальный список сочинений Илариона – русского писателя XI в. //Slavia. Rocnik XXXII. Sesitz. – Praha, 1963. – S.141-175.
- Ронин В.К. Самосознание карантанской и ободритской знати (опыт сравнительной характеристики) //Этические процессы в Центральной и Юго-Восточной Европе. – М., 1988. – С.94-111.
- Русанова И.П. Славянские древности VI – VII вв. – М., 1976.
- Русанова И.П., Тимощук Б.А. Древнерусское Поднестровье. – Ужгород, 1977. – С.3-126.
- Русанова И.П., Тимощук Б.А. Языческие святилища древних славян. – М., 1993.
- Рыбаков Б.А. Древние русы //СА. – XVII. – 1953.
- Рыбаков Б.А. Древняя Русь: сказания, былины, летописи. – М., 1963.
- Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII – XIII вв. – М., 1982.
- Рыбаков Б.А. Любеч и Витичев – ворота “внутренней Руси” //Тезисы докладов советской делегации на I Международном конгрессе славянской археологии в Варшаве. – М., 1965.
- Рыбаков Б.А. Новая концепция предыстории Киевской Руси //История СССР. – 1982. – №1, 2.
- Рыбаков Б.А. Путь из Булгара в Киев //МИА. – №169. – М., 1969.
- Рыбаков Б.А. Смерды //История СССР. – 1979. – №1, 2.
- Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия. – М., 1978.
- Рычко В.М. Киевская земля в X – XIII вв. – Киев, 1988.
- Рябинин Е.А. Новые открытия в Старой Ладого (итоги раскопок на Земляном городище в 1973-1975 гг.) //Средневековая Ладога. – Л., 1985.
- Самоквасов Д.Я. Раскопки Северянских курганов в Чернигове во время XIV АС. – М., 1916.
- Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси (IX – первая половина X вв.). – М., 1980.
- Сахаров А.Н. Дипломатия Святослава. – М., 1982.

- Сахаров А.Н. Русско-византийский договор 907 г.: Вымысел или реальность? // ВИ. – 1978. – №2, 3.
- Свердлов М.Б. От Закона Русского к Русской Правде. – М., 1988.
- Свердлов М.Б. Системно-структурный метод и проблема становления феодализма в Восточной Европе // Восточная Европа в древности и средневековье. Х чтения к 80-летию В.Т.Пашуто. – М., 1998. – С.103-106.
- Свердлов М.Б. К изучению моравских исторических произведений в составе “Повести временных лет” // Феодальная Россия: Новые исследования. – СПб., – С. 17-25.
- Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. – Л., 1983.
- Седов В.В. Восточные славяне в VI – XIII вв. – М., 1982.
- Седов В.В. Восточнославянские племенные образования и земли Древней Руси / Восточное европейское древневековье. X Чтения к 80-лети. чл.-корр. АН СССР В.Т.Пашуто. – М., 1998. – С.106-109.
- Седов В.В. Начало славянского освоения территории Новгородской земли // История и культура древнерусского города. – М., 1989. – С.12-18.
- Седов В.В. Об этнической принадлежности псковских длинных курганов // КСИА. – 1981. – Вып. 166. – С.5-11.
- Седов В.В. Первые Страницы истории Пскова // Історія Русі – України (історико-археологічний збірник). – Київ, 1998.
- Седов В.В. Работы в Изборске в 1984 г. // Археологическая история Пскова и Псковской земли. – Псков, 1985. – С.73-75.
- Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. – М., 1995.
- Седов В.В. Этнокультурная дифференциация славян в период великого переселения народов // Славяне и их соседи: межславянские взаимоотношения и связи. – М., 1999. – С.143-145.
- Седов Л.А. О социально-экономических типах развития // Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. – М., 1966.
- Семенов Ю.И. Категория “социальный организм” и ее значение для исторической науки // ВИ. – 1966. – №8.
- Семенов Ю.И. Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества // Советская этнография. – 1982. – №2. – С.53-59.
- Сенаторский Н. Исторический очерк г. Рыльска в политическом и церковно-административном отношениях. – Курск, 1907.
- Сизов В.И. Курганы Смоленской губернии. – Вып. 1. Гнездовский могильник близ Смоленска // МАР. – Т.28. – 1902.
- Славяне и их соседи в конце III тысячелетия до н.э. – первой половине III тысячелетия н.э. – М., 1993.
- Смирнов А.П. Древняя Русь и Волжская Болгария // Славяне и Русь. – М., 1968. – С.167-172.

- Соболева Н.С. Традиции в системе власти на острове Тимор // Этические аспекты власти. – СПб., 1995. – С.99-113.
- Соболев В.Ю. О древнерусских камерных погребениях Новгородской земли // Памятники старины. Т. II. – СПб.-Псков, 1997. – С.268-277.
- Сосновский К.П. Городища и курганы в бассейне верхнего течения р. Псла в пределах Обоянского уезда, Курской губернии // Труды КГУАК. – Вып. 1. – Курск, 1911.
- Сперанский М. Раскопки курганов в Рыльском уезде (Курской губернии) // АИЗ. – 1894. – №1-12. – СПб., 1894.
- Средневековая Ладога: Новые археологические открытия и исследования. – Л., 1985.
- Стам С.М. К проблеме города и государства в раннеклассовом и феодальном обществе // Город и государство в древних обществах. – Л., 1982.
- Станкевич Я.В. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX – X вв. // МИА. – Вып.6. – М., 1941.
- Стеблин-Каменский М. Примечания к “Старшей Эдде” // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. – М., 1975. – С.661-706.
- Стеблин-Каменский М. Мир саги. – Л., 1971. – С.3-138.
- Стеблин-Каменский М. “Круг земной” как литературный памятник // Снорри Струлуссон. Круг земной. – М., 1980.
- Стороженко А.В. Очерки Переяславской старины. – Киев, 1890.
- Стороженко А.В. Очерки Переяславской старины. – Киев, 1900.
- Сухобоков О.В., Вознесенская Г.А., Приймак В.В. Клад орудий труда и украшений из Бетицкого городища // Древние славяне и Киевская Русь. – Киев, 1989. – С.92-105.
- Сухобоков О.В., Моця А.П. Давньоруські пам'ятки поблизу хутора Зелений Гай Сумської області // Археологія. – Вып.58. – 1987.
- Сухобоков О.В., Юренко С.П. Северные границы расселения восточнославянского племенного союза “Север”: летопись и археология // Тезисы докладов I Брянской межвузовской историко-краеведческой конференции. – Брянск, 1988. – С.90-92.
- Сузюмов М.Я., Иванов С.А. Лев Диакон и его время. Комментарий // Лев Диакон История. – М., 1988. – С.137-226.
- Тарасау С.В. Сацыяльна-гісторычная тапаграфія Полацка X – XVII ст. // Гістарычна-археалагічны зборнік. – №12. – Мінск, 1997. – С.231-240.
- Татищев В.Н. История Российская. – Т.1 – М.-Л., 1962.
- Татищев В.Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской // Избранные произведения. – Л., 1979. – С.153-360.
- Творогов О.В. Литература Древней Руси. – М., 1981. – С.29-42.
- Тизенгаузен В. Норманский меч // Труды МАО “Древности”. – Т.3. – Вып. 2. – М., 1871.

- Тимофеев Е.И. Расселение юго-западной группы восточных славян по материалам могильников X – XIII вв. //СА. – 1961. – №3.
- Тимощук Б.Л. Восточнославянская община VI – X вв. – М., 1990.
- Тимощук Б.Л. Восточные славяне: от общины к городам. – М., 1995.
- Тимощук Б.Л. Начало классовых отношений у восточных славян //СА. – 1990. – №2.
- Тимощук Б.Л. Социальная сущность городища Зимно //Раннеславянский мир. Материалы и исследования. – М., 1990.
- Тимощук Б.Л., Русанова И.П. Второе Збручское (Крутиновское) святилище //Древности славян и Руси. – М., 1988. – С.78-91.
- Толочко П.П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. – Киев, 1987.
- Толочко П.П. Русь і Хазарія //Старожитності Південної Русі. – Чернігів, 1993. – С.3-7.
- Толочко О.П. “Князь-робичич” та “король-орач”: східноєвропейські паралелі до давньоруських генеалогічних легенд //Старожитності Русі-України. – Київ, 1994. – С.210-216.
- Толочко О.П. Київська Русь і кочовики південноруських степів у X – XIII ст. // Старожитності Русі – України. – Київ, 1994. – С.80-90.
- Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. – Вып. 5. Курганные древности и клады домонгольского времени. – СПб., 1897.
- Топоров В.П. О космологических источниках раннеисторических описаний // Труды по знаковым системам. Вып. 6. – Тарту, 1973. – С.106-150.
- Топоров В.П. Вокруг “лютого зверя” (голос в дискусии) //Балто-славянские исследования. – 1986. – М., 1988. – С.249-258.
- Топоров В.П. Из славянской языческой терминологии //Этимология. – 1986-1987. – М., 1989. – С.3-50.
- Тржештик Д. Среднеевропейская модель государства периода раннего средневековья. //Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. – М., 1987. – С.124-133.
- Тржештик Д., Достал Б. Великая Моравия и зарождение Чешского государства // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI – XII вв.) – М., 1991. – С.87-105.
- Трубачев О.Н. В поисках единства. – М., 1992.
- Трухачев Н.С. Попытка локализации Прибалтийской Руси на основании сообщений современников западноевропейских и арабских источников X – XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. – 1980. – М., 1981.
- Тышкова-Заимова В. Структура болгарского государства (конец IX – начало XI вв.) и проблемы гегемонии на Балканах //Раннефеодальные государства и народности. – М., 1991. – С.137-150.

- Тюрин В.А. Типы социально-политической структуры средневековых обществ Юго-Восточной Азии // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. – М., 1982.
- Удальцова З.В. Проблемы типологии феодализма в Византии // Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования. – М., 1975. – С.127-155.
- Уманец А.Н., Шевченко Ю.Ю. Причерниговские памятники начала эпохи великого переселения народов // Архітектурні та археологічні старожитності Чернігівщини. – Чернігів, 1992. – С.30-40.
- Успенская А.В. Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории русской деревни X – XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. – М., 1967. – С.88-132.
- Успенский Ф. Первые славянские монархи на северо-западе. – СПб., 1872.
- Фехнер М.В. Некоторые данные археологии по торговле Руси со странами Северной Европы в X – XI вв. // Новое о прошлом нашей страны. – М., 1963.
- Фехнер М.В. Тимеревский могильник. Ярославское Поволжье X – XI вв. / Под ред. А.П.Смирнова. – М., 1963.
- Фехнер М.В., Недошивина Н.Г. Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря // СА. – 1987. – №2.
- Флоря Б.Н. “Служебная организация” у восточных славян // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. – М., 1987. – С.142-151.
- Флоря Б.Н. Исторические судьбы Руси и этническое самосознание восточных славян в XII – XV вв. (к вопросу о зарождении восточнославянских народностей) // Славяноведение. – 1993. – №2.
- Флоря Б.Н. Коми-Вымская летопись // Новое о прошлом нашей страны. Памяти акад. М.Н.Тихомирова. – М., 1967.
- Фомин А.В. “Сновская тысяча” по нумизматическим данным в X в. // Тезисы историко-археологического семинара “Чернигов и его округа в IX – XIII вв.” – Чернигов, 1985. – С.37-39.
- Фомин А.В. Древнерусские денежно-монетные рынки в 70-80-х гг. X в. // Древнейшие государства Восточной Европы. – 1992-1993. – М., 1995. – С.63-73.
- Фомин А.В. Начало распространения куфических монет в районе Балтики // КСИА. – 1982. – Вып. 171.
- Фомин А.В. Топография восточноевропейских кладов с дирхемами конца IX – начала X вв. // Восточная Европа в древности и средневековье. Спорные проблемы истории. Чтения памяти В.Т.Пашуто. – М., 1993. – С.78-79.
- Фомин А.В. Топография кладов куфических монет X в. в междуречье Днепра и Десны // Чернигов и его округа в IX – XIII вв. – Киев, 1988. – С.74-80.
- Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса // Становление и развитие раннеклассовых обществ. – Л., 1986. – С.8-99.

- Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. – Л., 1980.
- Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. – Л., 1974.
- Фроянов И.Я. Князь Святослав и воевода Свенельд // Исторический опыт русского народа и современность. Мавродинские чтения. – СПб., 1994.
- Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян (VI – X вв.). – СПб., 1996. – С.8-512.
- Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. – Л., 1988.
- Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси // Становление и развитие раннеклассовых обществ. – Л., 1986. – С.198-311.
- Хабургаев Г.А. Этнонимия “Повести временных лет”. – М., 1979.
- Хвостова К.В. Социологические модели “западный и восточный типы отношений” // Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. – М., 1966.
- Херрманн Й. Славяне и норманы в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы. – М., 1986.
- Херрманн Й. К вопросу об исторических и этнографических основах “баварского географа” (первая половина IX в.) // Древности славян и Руси. – М., 1988. – С.163-169.
- Цукерман К.А. Византия и Хазария в середине X в.: проблемы хронологии // Славяне и их соседи. – Вып. 6. – М., 1996. – С.68-80.
- Чалых Н.Е. Археологическое изучение Мурома // Археология и история Пскова и Псковской земли. – Псков, 1985. – С.52-53.
- Чернецов А.В. О языческой дружинной культуре Черниговщины // Чернигов и его округа в IX – XIII вв. – Чернигов, 1988. – С.143-152.
- Шаскольский И.П. Возникновение государства на Руси и в Скандинавии (черты сходства) // Становление раннефеодальных государств. – Киев, 1972.
- Шаскольский И.П. Когда же возник Киев? Культура средневековой Руси. – Л., 1974. – С.70-73.
- Шаскольский И.П. О начальных этапах формирования Древнерусского государства // Становление раннефеодальных государств. – Киев, 1972.
- Шаскольский И.П. Образование Древнерусского государства // Советская историография Киевской Руси. – Л., 1978. – С.137-141.
- Шахматов А.А. Повесть временных лет и ее источники // ТОДРЛ. – Т.4. – Л., 1940.
- Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. – СПб., 1908.
- Шинаков Е.А. Население междуречья Десны и Ворсклы в конце X – первой половине XIII века // Дисс.... канд. ист. наук. – М., 1980.
- Шинаков Е.А. Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец / СА. – 1980. – №3. – С.110-127.
- Шинаков Е.А. Демография и этнография населения междуречья Десны и Ворск-

- лы в конце X – первой половине XIII вв. //ИНИОН АН СССР, №6673. – М., 1980.
- Шинаков Е.А. Население верхнего течения реки Псел в XI – XII вв. (по материалам Гочевского археологического комплекса) //Вестник МГУ. История. – 1982. – №2.
- Шинаков Е.А. Брянский участок пути “Большого полюдья” X в. //Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. – М., 1986.
- Шинаков Е.А. Захоронения I тысячелетия н.э. на городище у с. Случевск //Культура Восточной Европы I тысячелетия. – Куйбышев, 1986.
- Шинаков Е.А. О происхождении раннесредневековых городов Брянского Подесенья //Материалы V Международного конгресса славянской археологии. – М., 1987.
- Шинаков Е.А. Поселение у села Левенка (к вопросу о пунктах-погостах Древней Руси) //Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. – М., 1987.
- Шинаков Е.А. Русы IX – середины X вв. (контент-анализ восточных источников) //Чтения памяти А.В.Арциховского. – М.-Новгород, 1987.
- Шинаков Е.А. “Русы” и “славяне” IX в.: контент-анализ восточных источников //VI Международный конгресс славянской археологии (г. Прилеп, 1990). – М., 1990.
- Шинаков Е.А. Северные границы “Русской земли” X века //Тезисы историко-археологического семинара “Чернигов и его округа в IX – XIII вв.” – Чернигов, 1990.
- Шинаков Е.А. О западной границе распространения северянских украшений //Тезисы и сообщения Сумской областной историко-краеведческой конференции. – Сумы, 1990. – С.31-33.
- Шинаков Е.А. К вопросу о естественных и антропогенных границах Стародубского ополья в конце X – XII вв. //Археологические исследования в Центральном Черноземье в XII пятилетке. – Белгород, 1990.
- Шинаков Е.А., Григорьев А.В. О возможности существования государственности на территории поздне-роменской культуры X в. //Вивчення історичної та культурної спадщини Роменщини: проблеми і перспективи. – Суми-Ромни, 1990.
- Шинаков Е.А. “Восточные территории” Древней Руси в конце X – начале XIII вв. (этнокультурный аспект) //Археология славянского Юго-Востока. – Воронеж, 1991.
- Шинаков Е.А. Освоение ополей Брянского Подесенья в X – XIII вв. //Брянские ополья: природа и природопользование. – М., 1991.
- Шинаков Е.А. Керамический комплекс севера “Русской земли” и возможные источники его заселения //Проблеми вивчення та охорони пам’яток архелогії Київщини. – Київ, 1991. – С.101-103.
- Шинаков Е.А., Шмидт Е.А., Кондращенко А.А. Гл.1. Население западнорусских

- земель в древности. Зарождение производящего хозяйства. Гл.2. Формирование крестьянства как общественного класса //История крестьянства Западного региона РСФСР. Период феодализма. – Воронеж, 1991.
- Шинаков Е.А. Два уровня государственности Древней Руси //Актуальные проблемы истории и филологии. – Измаил-Брянск, 1993.
- Шинаков Е.А., Зайцев В.В. Клады как источник по политической географии Среднего Подесенья в древнерусской государственности (к постановке проблемы) //Археология и история Юго-Востока Древней Руси. – Воронеж, 1993.
- Шинаков Е.А., Миненко В.В., Сафронов И.В. Города Чернигово-Смоленского пограничья: факторы и этапы развития //Роль ранних міських центрів в становленні Київської Русі. – Суми, 1993.
- Шинаков Е.А. Дружинная культура и русско-славянское противостояние в Брянском Подесеньи (рубеж X – XI вв.) //Чернігівська земля у давнину і Середньовіччя. – Київ, 1994.
- Шинаков Е.А., Гурьянов В.Н. Русско-радимичское пограничье середины X – середины XII вв.: природно-географический аспект //Гістарычна-археалагічны зборнік. №3. – Мінск, 1994.
- Шинаков Е.А. От пращи до скрамасакса: На пути к державе Рюриковичей. – СПб.-Брянск, 1995.
- Шинаков Е.А. Нетрадиционные источники по реконструкции процесса формирования древнерусской государственности (к постановке проблемы) //Отечественная и всеобщая история, методология, источниковедение, историография. – Брянск, 1993. – С.177-184.
- Шинаков Е.А. Камерные захоронения Среднего Подесенья //Деснинские древности. – Брянск, 1995.
- Шинаков Е.А. Еще раз о лучевых височных кольцах и их этнокультурной принадлежности //Гістарычныя леси Верхняго Подняпроуя. Ч.1 – Маголеу, 1995.
- Шинаков Е.А. Подесенье как историко-культурный регион //Деснинские древности. Вып. 1. – Брянск, 1995.
- Шинаков Е.А., Ющенко Н.Е. Стародуб и его округа в конце X – XII вв. //Проблемы социальной истории Европы: от античности до нового времени. – Брянск, 1995.
- Шинаков Е.А. Археологические работы в Брянской области в 1988-1989 гг. (древнерусская эпоха) //Слов'яно-руські старожитності Північного Лівобережжя. – Чернігів, 1995. – С.158-162.
- Шинаков Е.А. О характере размещения населения на пограничье степи, лесостепи и леса в древнерусскую эпоху по материалам Левобережья Днепра //Гістарычна-археалагічны зборнік. №8. – Мінск, 1996.
- Шинаков Е.А. Возникновение Брянска в свете теории “бинарных оппозиций” и “пар городов” //Страницы истории города Брянска. – Брянск, 1997.

- Шинаков Е.А. Региональные различия в характере размещения населения в эпоху Древней Руси (опыт историко-географической характеристики) // Проблемы отечественной и всемирной истории. – Брянск, 1998.
- Шинаков Е.А. Северные элементы в культуре Среднего Подесенья X – XI вв. // Историческая археология: традиции, перспективы. – М., 1998.
- Шинаков Е.А. “Дружинное государство” в Польше и на Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. X чтения к 80-летию В.Т. Пашуто. – М., 1998.
- Шинаков Е.А. Новгородцы в процессе становления государственности на юге Руси // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. – Новгород, 1998.
- Широкова Н.С. Переселения кельтов (к вопросу о роли миграций и войн в становлении раннеклассового общества) // Город и государство в древних обществах. – Л., 1982.
- Шкунаев С.В. Герои и хранители ирландских преданий // Предания и мифы средневековой Ирландии. – М., 1991.
- Шрамм Г. Ранние города Северо-Западной Руси: исторические заключения на основе названия // Новгородские археологические чтения. – Новгород, 1994.
- Щавелев А.С. Еще раз о Люте Свенельдиче (Летописные известия в свете скандинавской повествовательной традиции) // Этнокультурный контекст. – Славянск-на-Кубани, 1998.
- Щавелева Н.И. Предисловие. Комментарий // “Великая хроника” о Польше, Руси и их соседях в XI – XIII вв. – М., 1987. – С.5-50, 203-250.
- Щавелева Н.И. Тенденциозность средневековой историографии (на примере хроники Винцента Кадлубка) // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. – М., 1978.
- Щеглова О.А. О возможном прототипе изображений на оковке большого рога из Черной могилы // Stratum. Петербургский Археологический Вестник. – СПб.-Кишинев, 1997. – С.246-257.
- Щеглова О.А. Проблемы формирования славянской культуры VIII – X вв. в Среднем Поднорвье (Памятники конца VII – первой половины VIII вв.) Автореф. дисс... к.и.н. – Л., 1987.
- Щепанская Т.Б. Власть пришельца: атрибуты странника в мужской магии русских (XIX – начало XX в.) // Символы и атрибуты власти. – СПб., 1996. – С.72-101.
- Эдинг Д. Сарское городище. – Ростов-Ярославский, 1928.
- Юшков С.В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. – М.-Л., 1939.
- Янин В.Л. “Черный бор” в Новгороде XIV – XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. – М., 1983. – С.98-107.
- Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. – М., 1956.
- Янин В.Л. Княжеский домен в Новгородской земле // Феодализм в России. – М., 1987.
- Янин В.Л., Алешковский М.Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. – 1971. – №2. – С.32-61.

- Ahrweiler, 1975 H.L'idejlogie politique de l'empire dyzantin. – P., 1975.
- Brockelmann C. Al-Masudi // Enzyklopedie des islam. – Leipzig, 1936.
- Buczek K. Polska poludniowa w IX i X wieku // Malopolskie studia historyczne. – 1959. – T.2. – S.23-48.
- Danische Rechte – Weimar. 1938.
- Dvornik F. The Making of Central and Eastern Europa – L., 1949.
- Dwornik F. Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. Vol.II. Commentary by F.Dwornik, R.J.Jenkins, B.Lewis, G.Moravcsik, D.Obolensky, S.Runciman. – L., 1962. – P.98.
- Franklin S., Shepard J. The Emergence of Rus 750 – 1200. – L.-N.Y., 1996.
- Jankuhn H. Typen und F'unktionen vor-und freihwikingenzeitlicher Handelsplatatze im Ostseegebiet. – Wien, 1971.
- Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Bd.II. – Helsinki, 1951.
- Kobler G. Civitas und vicus, burg, stat, dorf und wik. – Gottingen, 1972.
- Koczerska M. Jan Dlugosz devant ses sources et leurs silences // L'historiographie medievale en Europe. Paris 29 mars – april 1989. – Paris, 1991.
- Kowalski T. Relacja Ibrahima ibn Jakuba z podrozy do krajow slowianskich w przekazie al-Bekriedo. – Krakov, 1946.
- Kruse F. Chronikon Nortmannorum, Wariago-Russorum nec non Danorum, Sveonum, Norvegiorum inde ab a.777 ad a.879. – Hlamburgi, 1851.
- Kuczynski S. Wschodnia granica panstwa polskiego w X wieku // Poczatki Panstwa Polskiego. – T.I. – Warszawa, 1962. – S.234-251.
- Laslo G. Etudes Archeologiques sur l'histoire de la Societe dcs Avars // Archacologia Hundarica. – Vol.4. – Budapest, 1955.
- Lehr-Splawinski T. Ledzice-Ledzianie-Lachowie // Opuscula Casimiro Tymieniecki septuagenario dedicata. – Poznan, 1959.
- Lewicki T. Panstwo Wislan-Chorwatow w opisie al Masudiego // Sprawozdania z posiedzen Polskiej Akademie Umiejentnosci. – Krakow, 1948.
- Lewicki T. Swiat slowianski woczach pisarzy arabskich // Slavia Antiqua. – T.2 – Poznan, 1949/50.
- Lewicki T. Zrodla arabskie do dziejow Slowianszczyzny. – T.2. – R.2. – Wroslaw ect., 1977.
- Lietuviu Liaulies Menas. – Vilnius, 1958.
- Lind J.H. The Russo-Byzantine Treaties and the Early Urban Structure of Rus // The Slavonic and East European Review. – 1984. – Vol.62. – №3.
- Lotze D. Metaxu ebutheron kai doulon. Studien zur Rechtsstellung unfreier Landbevolkerungen in Griechenland bis zum 4. Jahrhundert v. Chr. – Berlin, 1959.
- Lowmianski H. Ledzianie // SA. – 1953. – T.4. – S.96-114.
- Lowmianski H. Ledzianie // Slavia Antiqua. – 1953. – T.4. – S.97-114.
- Lowmianski H. Poczatki Polski. – T.6. – Warschawa, 1985.

- Lowmianski H. Początki Polski. – T.II. – Warszawa, 1965. – S.142, 163-168.
- Lowmianski H. Podstawy gospodarcze formowania się państw słowiańskich. – Warszawa, 1953.
- Lubke Ch. Ottonen, Rjurikiden, Piasten: Ergänzende Bemerkungen zum Verwandtenkries Kunos von Ohuingen // *Jarbucher für Geschichte Osteuropas*. – Bd.37. – München-Wiesbaden, 1989.
- Ludat H. Piasten und Ottonen // *L'Europe aux IX – XI siècles: aux origines des états nationaux*. – Warszawa, 1968.
- Maine H.S. Ancient Law: its Connection with the Early History of Society, and its Relation to Modern Ideal. – L., 1861.
- Mair L.P. Primitive government. – Harmondsworth, 1962.
- Makarov N. A. Portages of the Russian North: Historical Geography and Archaeology // *Fennoscandia Archaeologica*. – Helsinki, 1994. – P.13-27.
- Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. – Leipzig, 1903.
- Migdal J. Strong societies and weak state. – Princeton, 1988.
- Millar D. Origin of the Distinction of Ranks. – L., 1771.
- Mit dem Zehnten Finger an. – München, 1956.
- Morgan L. Ancient Society. – L., 1877.
- Morgan L. League of the Ho-de-no-sau-nee or Iroquois. – Rochester, 1851.
- Mrusek H.I. Thüringische und Sächsische Burgen. – Leipzig, 1965.
- Nadel S.F. A black Byzantium: The kingdom of the Nupe in Nigeria. – Oxford, 1942.
- Neiderle L. Slovanské starozitnosti. – T.II. – Praha, 1910.
- Norris R. Memoirs of the Reign Bosso Ahadee, king of Dahomey. – London, 1968.
- Nosov E.N. International trade routes and early urban centres in the North of Ancient Russia // *Fenno-Ugri et Slavi*. 1978 – Helsinki, 1980. – P.49-62.
- Nový R. Premyslovský stát 11 a 12 století. – Praha, 1972.
- Obolensky D. The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe, 500-1453. – L., 1982.
- Oppenheimer F. The State: its History and Development Viewed Sociologically. – L., 1908.
- Orans M. Surplus // *Human Organization*. – 1966. – Vol.25.
- Ortega y Gasset J. Man and Crisis. – N.Y., 1958.
- Ortega y Gasset J. Una Interpretación de la Historia Universal en Torno a Toynbee. – Madrid, 1959.
- Otterbein K. Of War. – New Haven, 1970.
- Petrenko V., Urtans J. The Archeological Monuments of Grobina. – Stockholm-Riga, 1995. – P.1-19.
- Polani K. Trade and Market in the Early Empires. – Glencoe, 1957.
- Polani K. Trade, Market and Money in the European Early Middle Ages // *Norwegian Archeological Review*. – 1963. – №3. – P.92-117.

- Polanyi K. Dahomey and the Slave Trade. An Analysis of the Archaic Economy. – Washington, 1966.
- Polanyi K. Ports of Trade in Societies //The Journal of Economic History. – 1963. – Vol.XXIII.
- Political anthropology. – Chicago, 1966.
- Pound D.W. Varangian Political Influence on Kievan Rus'. Diss., – Maryland, 1970.
- Pritsak O. Stammesnamen und Titulaturen der altaischen V'olker //Ural-Altäische Jahrbuchcr. – Bd.24. – 1952.
- Pritsak O. The Origin of Rus. – Cambridge, 1981.
- Randsborg K. The Viking Age in Denmark. – L., 1980.
- Randsborg K. The Viking Age State Formation in Denmark. – Offa. 1981. – 38.
- Rocka M. Mykolas Lietuvis. – Vilnius, 1988.
- Russ H. Das Reich von Kiev //Handbuch der Geschichte Russlands. – Bd.II. – Stuttgart, 1980.
- Russ H. Die Warangcrfrage //Handbuch der Geschichte Russlands. – Bd.I, 1.4/5. – Stuttgart, 1979.
- Schlozer. August Ludwig V. Schlozer und Russland //Herausgegeben von E. Winter // Quellen und studien zur Gesehichte Osteuropas. – Berlin, 1961.
- Serviec E.R. Origins of the state and civilization. – N.Y., 1975.
- Service E.R. Primitive Social Organization. – An Evolutionary Perspective. – N.Y., 1971.
- Servise E.R. Classical and Modern Theories of the Origins of the Government //Orugins of the State. The Anthropology of Political Involution (R.Cohen and E.R.Service). – Philadelphia, 1978. – P.21-34.
- Sevcenco I. Sviatoslav in Byzantine and Slavic Miniatures //Slavic Review. – 1965. – Vol.24.
- Slama J. K pocatku hradске organizace v Cechach //Typologie rane feudalnich slovanskych statu. – Praha, 1987.
- Soloviev A. "Reges" et "Regnum Russiae" au moyen age //Byzantion. – 1966. – Vol.36.
- Soloviev A.W. Byzance es la formasion de l'etat russe: Recucil d'esudes. – L., 1979.
- Southhall A.W. Alur Society a Study of Processes and Types of Domination. – Camb., 1953.
- Stagl J. Politikethnologie //Ethnologie (Einfuhrung). – B., 1983.
- Steward J.H. Theory of Culture Chande. The Metodology of Multilinear Evolution. – Urbana, 1955.
- Stokl G. Russische Geschichte. – Stuttgart, 1965.
- Talbot P.A. The Peoples of Southern Nigeria. Sketch of their History, Ethnology and languages. – Vol.I. – London, 1926.
- The Early State. The Haque. – Paris-N.Y., 1978.
- Thompson G.R. The English Church in the sixteen century. – L., 1958.

- Trestik D. Pocatky Premyslovcu. – Praha, 1981.
- Trestik D. Trh Moravanu – ustredni Trh state Moravy //CSCH. – 1973. – 21.
- Trigger B. Generalized coercion and inequality the basis of the state. //Development and decline: the evolution of sociopolitical organization. – South Hadly, 1985.
- Valdi Togan A. Zeki. Ibn Fadlans Reisebericht //Abhandlungen fur die Kunde des Morgenlandes. – B.24. – H.3. – Leipzig, 1939.
- Velka Morava a pocatky ceskoslovenske statnosti. – Praha-Brno, 1985.
- Wasilewski. Dulebovic – Ledzianie – Chorwaci z zaganien osadnictwa plemiennego i stosunkow politycznych mad Bugiem, Saniem i Wisla w X wieku //Przeglad Historyczny. – T.57/2. – Warszawa, 1976.
- Webb M. The flag follows trade: An aasay on the necessary interaction of military and commercial factory in state formation //Ancient civilization and trade. – Albuquerque, 1975.
- Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft //Grunddriss der Sozialokonomik. III. – Tubingen, 1922.
- Webster D. Warfare and the evolution //Ancient civilization and trade. – Albuquerque, 1975.
- Westberg F. Ibrahims-ibn-Jackubs Reisebericht uber die Slawenlande //3AH. – V ce-рия. – 1898.
- White L. The evolution of culture: Civilization to the fall of Rome. – N.Y., 1959.
- White L. The science of culture. – N.Y., 1949.
- Wilson D.M. East and West: a Comparison of Viking Settlement //Varangian Problems. Scando-Slavica. Supplementum I. – Copenhagen, 1970.
- Wilson D.M., Klindt-Jensen O. Viking Art. – N.Y., 1966.
- Winkler E.A. Political anthropology //Biennal review of anthropology. – Stanford, 1970.
- Wittfogel K. Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power. – New Haven, 1957.
- Woodbum S.C. Some Connection between Property, Power and Ideology //Hunters and gatherers 2: Property, Power and Ideology. – Oxf., 1988.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Сравнительная таблица признаков и видов источников по разным этапам древнерусского политогенеза

Признаки этапов и фаз	Виды источников	Содержание этапа в археологическом аспекте
1	2	3
<p>1.1.* Наличие поселений, которые можно интерпретировать как "славянские" княжеские центры или племенные "грады"</p>	<p>Археология, топонимика</p>	<p>Городище и "посад", материальная культура которых отличается от материальной культуры окружающих одноэтничных данному комплексу поселений. Одноэтничность определяется по керамике, погребальному обряду. На поселениях: особый, связанный с окружающим "племенным", но более богатый набор украшений (лучевые височные кольца группы IV – V на Ницахе, позднеполовчанских центрах (Горналь, Перезево – Воробьевка, Студзенец – Голубовка (?), Кветунь, Тигчица, Супруты, Ляличи (?)). Доказательства совмещения военно-дружинных, погребальных черт и признаков социального господства. Вторичны, но допустимы – ремесленно-торговые функции, клады, монеты. Примеры (кроме упомянутых): Зимно, Ровно, Хотомель, Добриновка, Труворово городище (?), раннее Сарское городище, Большое Боршево. Аналогии в письменных источниках: "Хордаб", "Вангит", "Искоростень".</p>
<p>1.2. Особые денежно-весовые системы</p>	<p>Нумизматика, археология, историческая этнография</p>	<p>Клады с обрезанными в кружок дирхемами с 930-х гг. в Юго-Восточном регионе, где ранее был основной ареал варварских (хазарских?) подражаний дирхемам. На Горнале – следы собственного чекана. Обрезаются в кружок и более ранние варварские подражания. Клады: Новозыбков, Старый Дедин, Береза, Горналь, Курск, Безлюдово, Шпилевка, Воробьевка.</p>

1.3. Этнокультурные и политические границы	2 Археология, топонимика, историческая этнография, физическая география, нумизматика	3 Картографирование, в т.ч. ретроспективное, этноопределяющих комплексов украшений, типов керамики, в сочетании с физико-географическим районированием (для уточнения конкретного происхождения и характера пограничья). Для последнего используются также: поселения с признаками пограничных крепостей и наличием специализированного на обслуживании военных контингентов ремесла. Существенно: наличие двух параллельных линий разноэтничных или принадлежавших к разным потестарно-этническим образованиям укрепленных пунктов, сопровождаемых следами вооруженных столкновений (воинские некрополи, находки утерянных на полях сражений предметов вооружения, погжары и скелеты со следами насильственной смерти в слое городищ), синхронные им клады. В топонимике: название, отражающие понятия "рубеш", граница и достоверно восходящие к древнерусскому времени, но не находившиеся на государственном или междукняжеском пограничье. Названия, отражающие антропонимию эпохи государствообразования (например, скандинавские или княжеские имена во внутренних районах Руси, достоверно примененные не к городам и селам-усадебам).
1.4. Наличие социальной и этнической дифференциации общества (внутри регионов)	Археология, историческая этнография, антропонимика	Градация типов поселений, выделение социально-потестарно "элитных", а также профессионально (функционально, корпоративно) специализированных: святилища, военные лагеря, торговые места (ОТРП, или "ВТРП" (по С.Белецкому)). Наличие следов элитных воинских формирований, "вертикальной" дифференциации погребального обряда (размеры курганов, наличие парных и тройных захоронений, предметов вооружения разных рангов и упряжи, материал и количество женских украшений (для кремаций – по объему костей, оплавленных слитков металлов)). Наличие и характер

деревянных и иных подкурганых и материковых сооружений. Отмечая в некоторых регионах связь социально-профессиональной и этно-религиозной дифференциации населения. Фиксируемые топонимикой и письменными источниками антропонимы иностранного и социально-рангового происхождения, связываемые с конкретными урочищами и археологическими памятниками.

Зафиксированные ранее в археологической литературе материальные признаки "виков", особенно достоверно связываемых с фиксируемыми по монетным потокам и движению инородных артефактов торговыми путями трансевропейского значения. Важны клады, являющиеся "слепок монетного обращения на данный момент времени" (по А. Фомину), т.е. достаточно однородные и хронологически одновременные по составу. Возможно сочетание в одних комплексах и даже агломерациях поселений памятников разнотипных и связанных с разными социально-профессиональными слоями (ОТРП плюс военно-дружинный лагерь) – надплеменной административно-контрольный пункт. Принципиально разнотипный и отличный от окружающих "племенной" культуры облик этих центров. Для менее значительных поселений, где избыточный продукт концентрировался лишь временно, до и во время "полюдь" – "станов" на его маршруте – эти признаки также характерны, но в миниатюре. Так, для юго-восточной (в бассейне Десны) части пути "Большого полюдь" такими индикаторами могут выступать укрепления, причем желательны (при наличии раскопок) – местной конструкции, керамика "шестовицкого" типа, инзтичные и дружинные захоронения (даже единичные). Вторичный признак – возможное расположение в зоне "полюдь" непосредственно с ним не связанных ОТРП (в "станах" обязательны укрепления) и контаминированных с ними кладов, в т.ч. не только "торгового", но и накопительского облика (Бобрик 1,2).

Археология, нумизматика, историческая этнография, физическая география, антропонимика

1.5. Наличие и время возникновения "международных" центров, как правило, на важных торговых путях и с обязательным присутствием скандинавского элемента. Свидетельство о концентрации в них дани из разных регионов Восточной Европы и импортных вещей Путь "полюдь".

1	2	3
<p>1.6. Вещественные следы присутствия русов (руси, росов)</p>	<p>Археология, физическая география, историческая этнография, топонимика, антропология</p>	<p>Данный признак является составным элементом прежде всего предыдущего (1.5). Культура русов достаточно однозначно вычленяется на базе сочетания данных письменных источников (в т.ч. контент-анализа восточных) и материалов археологии. Трудность – в “вертикальном” (в данном случае хронологическом) ее членении, фактическом отсутствии в Восточной Европе (даже на “Аустрвеге”) “камерных” захоронений IX в., безусловно соотносимых с русами авторами первой традиции описания (Ибн Русте и др.), а также в принципах социально-этнических “горизонтальных” разграничений (“вольные” купцы и викинги скандинавского происхождения, с одной, разнотническая княжеская дружина (правлящая корпорация) “русь”, – с другой стороны, временные наемники – варяги, – третьей. Для регионов, расположенных не на трансевропейских путях, последнее разграничение менее существенно: здесь свидетельством присутствия русов может служить не только погребальный обряд (“камеры”), но и отдельные артефакты “циркумбалтийского” в целом происхождения, для Юга Руси – даже словенского и кривичского, а также финно-угорского.</p>
<p>1.7. Этнокультурное и политическое воздействие сопредельных государств (Великой Моравии, Хазарии)</p>	<p>Археология, нумизматика, топонимика, антропология</p>	<p>Фиксируется не столько в артефактах конкретного происхождения (оружие, украшения), которые могли быть предметом импорта либо падают вместе с определенным иностранным компонентом русской дружины, сколько в вещах синкретичных либо предметах местного производства, но восходящим к иноземным прототипам. В этом смысле наиболее показательны, хотя и проблематичны, скандинавско-салтовский синтез на славянской базе Юго-Востока (Супруты, например), “подражания подражаниям” варварской чеканке дирхемов на Горнале, великоморавско (византийский в итоге?) – восточный (через Хазарию?) импульс, породивший местный комплекс украшений роменской культуры. Воз-</p>

	3	<p>можно, к фактам этого же порядка относится появление наземных “камер” с трупосожжением на Дону, Оке, Десне и ранняя (до Владимира Святого) христианизация Вольни (из Чехии? (по А. Назаренко)), отразившаяся в местных “ямных” ингумациях (по Е. Тимофееву), а также, судя по всему, волынецкая культура.</p>
2		<p>Исходный момент – термины ПВЛ и связанные с ними социально-экономические и полетарно-управленческие характеристики. “Становища”, контаминированные с “уставами” и “уроками” (т.е. деятельностью властно-законодательной и фискальной), упомянуты для вновь покоренной при ликвидации “нижнего (“славянского”) уровня власти” земли Древлян. Погосты, связанные данью и оброками (т.е. функциями публично- и частноэксплуататорскими) – для Новгородских земель по Луге и Мсте, т.е. тех регионов, у которых с Рюриковичами были особые, договорные отношения и сохранялось самоуправление. “Села” и “перевесища” находятся по Днепру и Десне, т.е. в метрополии Рюриковичей – “Росии”, земле русов, где, вероятно, публично-правовая эксплуатация “своего” населения была по инерции традиции еще невозможна. “Ловища”, наряду со “знаменьями” и “местами” есть также “по всей земле”. Разный статус по отношению к Киеву и Ольге разных частей ее владений, в принципе допускающий определенное археологическое выражение. Не упомянутые как ей подвластные регионы могут обладать археолого-нумизматически отраженным суверенитетом, что и есть в действительности, по крайней мере для Юго-Восточного региона. Это сравнение также помогает в дефинициях, связанных с новым этапом государствообразования типов памятников. Затрудняет определение конкретной идентификации “погостов” – это и такой гигант, как Гнездово, и менее заметные центры сельских округ (по предположениям автора, ряд пунктов Подесенья).</p>
2.1. Пункты нового типа – погосты и ловища	Археология, топонимика	

3

Склоняемся к мысли, что они могли возникнуть как путем трансформации функций и внешнего облика старых центров ("градов", "станов"), так и посредством включения их в структуру многофункциональных комплексов (Гнездово), или постройкой рядом с таковыми (Тимерево - Михайловское-Петровское).

Что касается "ловищ", то есть лишь одна попытка их "идентификации на местности" (Борки III на Судости) и выделения их археологических критериев (Шинаков, 1987), и то ее нельзя признать полностью удачной. В сфере нумизматики характерными для погостов, следует, вероятно, признать прежде всего, накопительские клады, отражающие материальный состав дани с подчиненных ему в фискальном отношении территорий.

Именно с вопросом о "погостах", по сути, связана известная, не завершенная и сегодня, дискуссия о "парах городов" (в последнем ее варианте - ВТГП ("старший город") - "протогородской племенной центр" (Белецкий С., 1997)).

Прежде всего, особый и временный (вторая половина X - начало XI) тип поселений - военные ("дружинные") лагеря на стратегически важных направлениях, охватывавших с разных сторон земли "племенных княжений". Признаки - значительная, но не сильно укрепленная площадь. Внутреннее членение возможно, но предполагает дополнительные функции данного типа поселений. При раскопках желательна (но не обязательна для Руси) особая (неместная) конструкция укреплений и казарменного типа строения, выявленные на зарубежных аналогичного типа поселениях, предназначенных для концентрации войск (датские "королевские крепости", зулусские краали). Наоборот, абсолютно неизбежным для конкретной ситуации на Руси того времени представляется

2

Археология,
нумизматика,
топонимика,
историческая
этнография

2.2. Археологические выраженные следы подготовки к территориальным захватам

их ярко выраженная разнотничность, причем ее "набор" для разных зон, регионов и территорий может варьироваться. В отличие от этнической, внутренняя социальная дифференциация некрополей-спутников отсутствует (возможна, но не обязательна "ранговая" – единичные курганы воевод, вождей дружин), а также постоянного ее состава, костяка, возможно, идентифицируемого в некоторых случаях по "камерным" захоронениям. Мужские захоронения резко преобладают над женскими (последние вообще могут быть вынесены на отдельные кладбища, либо, наоборот, сопровождают мужские погребения). Среди первых – резкое преобладание воинских, среднего уровня (разнообразный, но не слишком богатый (в плане отделки) набор оружия и снаряжения профессионального воина, в реальности – почти всегда "разнотничный" или синкретичный генетически) захоронений.

В женских захоронениях и инвентаре слоя возможны иноплеменные для данной территории, региона и зоны наборы и отдельные украшения и детали костюма, в т.ч. попавшие сюда с потенциально главных "операционных" направлений (добыча – "сувениры", одежда пленниц-наложниц). Процент женских захоронений еще более уменьшается за счет кенотафов – символических захоронений не вернувшихся в лагерь дружинников. Следы торговли в погребениях и кладах в окрестностях отнюдь не обязательны, хотя и не исключены.

Иные, не только военно-завоевательные функции, допустимы в тех предположительно лагерях, которые возникли на базе (или в комплексах) ранее существовавших поселений (Гнездово, Тимерево-М.-П., Шестовицы (?)), а не "чистых", появившихся на месте "станов" или вообще заново (Лешяво, Левенка). В некоторых случаях в качестве лагерей – административно-контрольных центров могли какое-то время использоваться старые "грады" (Кветунь, по материалам изменения социально-этнической

1	2	3
		<p>структуры некрополя). Иногда лагерь (вероятно, "чистых" наемников-скандинавов) не имел укреплений и находился рядом с основным поселением (Сарское 2, по А. Леонтьеву). Возможно, пестрый этно-социальный состав инвентаря "Владимирских курганов" также отражает наличие "дружинных лагерей" к северу от Оки в период подготовки захвата вятичских земель в конце X в. (с северо-востока).</p> <p>Некоторые из возможных лагерей, созданных на общегосударственном пограничье, перерастают в постоянные крепости (Гочево), другие, оказавшись "в тылу" и потеряв военные функции (Лепляво, замененное (?) Переяславлем, Шестовицы, чьи функции целиком перешли к Черниговской агломерации, Левенка, отгесненная Стародубом), затухают, трети становятся малыми (и не очень) княжескими городами (Седнев – Сновск, Бобрин – Сенино (Синин Мост), Белгород) под Киевом.</p> <p>Еще один источник, свидетельствующий отчасти о предвоенной пограничной ситуации, отчасти о самом действии военно-завоевательных механизмов, – клады конца IX в. и 60-80-х гг. X в. на русско-роменском пограничье и в глубинах радимичско-северянско-вятичских земель (Шинаков, Зайцев, 1993), а также на Припяти и Волыни (Фомин, 1993).</p>
<p>2.3. Первые поселения присоединения территорий, ликвидация "нижнего уровня власти</p>	<p>Археология, нумизматика, топонимика, историческая этнография</p>	<p>Пожары и следы разгрома на славянских поселениях, датируемые кладами и типологией оружия. Для отличия от аналогичных явлений, связанных с внешними воздействиями (викингов в Ладого, печенегов на Юго-Востоке) следует фиксировать последующие изменения в топографии (перенос городищ в пределах ближайших окрестностей (от нескольких сот метров в центрах местного, нескольких километров – общегосударственного (столицы "земель" и регионального ("племенные" "грады) значения. Сопровождается изменением облика материнской культуры, особенно керамики. На старых поселениях жизнь либо</p>

вообще прекращается (Супруги), либо перемещается на прилегающее се-
лице (Горналь), либо на их площадках размещаются некрополи XI в. (Хоты-
лево 9). В некоторых случаях – мирного развития событий – подобная заме-
на обходится без предварительных пожаров (Гнездово – Смоленск, Сарское –
Ростов). Погибают, точнее, “отмирают” (не в физическом смысле) не только
“туземные” грады-центры государственности “нижнего уровня”, но и посе-
ления, связанные с международной торговлей и процессами первоначаль-
ной эксплуатации и военного присоединения автономных образований.

В итоге следует различать три вида процессов: мирный переход и
изменение функций; внешний военный разгром без социально-полити-
ческих последствий (вне зависимости от того, погибло ли поселение
(Новотроицкое) или возродилось на старом месте (Ладога); внутреннее
завоевание с последующим изменением статуса. Один из самых ран-
них, зафиксированных археологически примеров первого порядка –
Труврово городище – Псков (и по В. Седову, и по С. Белецкому, но с
разным ролевым соотношением двух центров), последнего – переход
жизни в Битице с волынецкого городища на рядом расположенное
роменское. Важный источник – клады в слоях Ладоги, поселения Кру-
тик на Белом озере, Горналя, Щиленки, Воробьевки, Супрут и др. В
некоторых случаях события буквально “читаются” по находкам воору-
жения и снаряжения, особенно за пределами слоя поселений и комп-
лексов погребений и топонимическим легендам. Пример – русско-ро-
менское (радимичско-северянско-вятичское) пограничье в Подесенье
(см.: Шинаков, 1994, 1995 а; 1998 б; Шинаков, Гурьянов, 1994. – С. 260).

Один из вариантов непосредственных последствий начала “госу-
дарственного освоения” территорий – временное залужение некото-
рых из них. Один из примеров – отсутствие памятников середины XI в.
в Нижнем и Среднем Посеймье, на Среднем Псле и в верховьях Сулы.

3

Уничтожены границы между отдельными этнополитическими образованиями предшествующего этапа ("Славиниями", волостями протогородов-государств) и между ними и "Росией" (первые были выражены этнокультурно и физико-географически, вторые - военно-политически и этнически) (см., например: Шинаков, 1990 б, 1996). Ликвидация вторых проходит почти мгновенно, стирание последних растянуто во времени и связано с переселенческой политикой правительства, "государственным освоением" ("окняжением") и христианизацией регионов, которые как процессы и механизмы институционализации власти имеют отдельные археологические признаки.

Созданием укрепленных линий и "буферных" районов расселения федератов - "своих поганых" на Юге оформляются в течение конца X - XI вв. новые, общегосударственные границы Руси вместо старых "племенных". Одновременно эти военно-территориальные мероприятия выступают в качестве знаковой, вещной грани созданного раннего государства (монументальное строительство, в т.ч. фортификационные). К грандиозным предприятиям только что оформившейся в территориально-политическом плане государственности можно отнести и меры по изменению этнополитической и демографической ситуации на подконтрольной ей территории.

Христианизация и порожденное ею стирание этнокультурных различий и унификация погребального обряда проходила, по данным археологии (и для Юго-Запада, и для Юго-Востока по крайней мере) в два этапа разной хронологической длительности. Практически сразу, в течение 50-70-ти лет христианизируется "Росия" и отходящие от нее пути (вдоль Снова - Вабли - Судости, например), городские центры и их ближайшие округа. Затем процесс затянулся на 150-200 лет, а в землях вятичей и некоторых финно-угорских - и на более длительный срок.

2

Археология, физическая география, историческая этнография

2.4. Ликвидация старых и оформление новых границ. Ликвидация этнокультурных различий. Разноплеменные пограничные крепости

1	2	3
		<p>При этом принцип выборки территорий для "ускоренной" христианизации не совсем понятен: в частности, крайнее Курское Посеймье теряет языческое этнокультурное своеобразие уже до середины XI в. (исключение – Липинский комплекс), а прилегающие к нему с юга и также крайние "Восточные территории" сохраняли этнокультурную специфику в отдельных "островках" до середины XII в. (Шинаков, 1991). Здесь же наглядно прослеживается переселенческая политика раннего государства - по разнотипному составу некрополей пограничных крепостей (Шинаков, 1982). С другой стороны, построены "северянские" древности в значительном количестве встречены на севере и востоке вятичских земель (в районах Москвы и Рязани), в финно-угорских районах верховой Волги, Плещеева озера, во "Владимирских курганах", даже у мордвы (Шинаков, 1995 б). Можно привести множество иных примеров того же порядка.</p>
<p>2.5. Этнокультурная и социальная трансформация "верхнего уровня" власти. Частновладельческие села</p>	<p>Археология, антропология, сфрагистика, нумизматика, эмблематика, эпиграфика</p>	<p>В смешанных по этническому, социальному, религиозному составу некрополях XI в. (Гочево, Липовое, Ницахи, Кветунь, Липино) правящая верхушка ранее всего представлена христианизированными захоронениями, которые не противоречила и идея камерно-ямных погребений, в которых постепенно уменьшается количество инвентаря. В этнически и социально однородных сельских кладбищах одна-две "камеры" маркируют местную управленческую верхушку типа сельских старост (для Юга – Гурьянов, 1993; Севера – Соболев, 1997). Самая верхушка государства и Церкви отделяется после смерти – захоронения внутри церквей. Реальные социально-политические отличия, по материалам поселений можно уловить лишь в княжеских столицах (терема и дворы князей) и Новгороде (боярские усадьбы, маркированные поименно и по должностям данными сфрагистики). Восстановление отдельных моментов и деталей политической структуры и</p>

3

истории по печатам, монетам русской чеканки и эмблемам Рюриковичей.

Дифференциация наблюдается не столько внутри поселений, сколько между ними: выделяются княжеские "грады" – замки типа Вышгорода и Любеча, княжеские и боярские села, отмеченные письменными и эпиграфическими источниками, данными топонимики и антропонимики (названия по титулам и именам княжеского и боярско-дружинного типа), нумизматики (клады гривен, в т.ч. именных (Стародубское ополье) и драгоценностей). Топографически они достаточно однотипны – небольшое, на один двор, обычно круглое (кольцевое или останцовое) городище с прилегающим обширным селищем, слой которого по составу находок обладает чертами как деревни – веси, так и города (стеклянные браслеты, например).

С учетом отсутствия сословных или кастовых границ наличие (или отсутствие) оружия на поселениях не является социально-политическим индикатором, однако его количество и особенно – качество, тип – таким может являться.

* *Первая цифра* – номер этапа: 1 – "варварской" или сложносоставной государственности;

2 – этап формирования "ранней государственности".

Вторая цифра – показывает не только на порядковый номер фазы этапа, но и на особое, специфическое его явление.

Таблица 1

Взаимосвязь терминов "славяне" и "русы" у восточных авторов,
описывающих реалии середины IX века

Блоки	I	II	III	IV
Признаки	1 2 3 4	6 2 1 3 5 4 7 8	1 4 5 9 7 8 2 10 12 13 3 6 11	1 2 3 4 5
Славяне	1 1	4 2 4 5 4	7 4 1 2 1 4 4 5 5 1	2 1
Русы	3 1 1 1 1	12 3 1 1 1 4	8 5 4 1 3 1	5 3 1 1

Блоки	V	VI	VII	VIII	IX
Признаки	5 1 2 3 4 6	1 2	1 2 3 4	7 4 8 9 5 6 1 2 3	1 2 3 6 7 8 9 10 4 5 11
Славяне	1 2 6 4	4 1	1 2	10 4 3 1	1 6 3 3 3 1 3 1
Русы	3	2 3	2 1	2 2 5 4 6	6 1 2 4 1 5

Развитие термина "русы" с середины IX по середину X вв.

Блоки	I			II										III																								
	1	2	3	4	5	6	2	1	3	5	4	7	8	9	10	11	12	1	4	5	9	7	8	2	10	12	13	3	6	11	14	15	16	17	18	19		
Признаки	1	2	3	4	5	6	2	1	3	5	4	7	8	9	10	11	12	1	4	5	9	7	8	2	10	12	13	3	6	11	14	15	16	17	18	19		
Русы, по данным первой группы	3	1	1	1		12	3				1	11	4				8	5	4	1	3	1						1	4	2								
Русы, по данным второй группы источников	2				12	12					3	2							1						4				2									
Фадлану						6			4				19	3	11	1		7	2	1	11	5	1			1			3	1	2	3	1	3	2	5		
Русы, по Ибн Мискавейху																			1				1															

Блоки	IV										V									
	1	2	3	4	5	6	7	8	5	1	2	3	4	6	7	8	9	10	11	
Признаки	1	2	3	4	5	6	7	8	5	1	2	3	4	6	7	8	9	10	11	
Русы, по данным первой группы источников			5	3	1				3				2	3						
Русы, по данным второй группы источников			3	3					2		3									
Русы, по Ибн Фадлану			1	1	1	6	2	3	8	1	8	3	1	3	13	4	1	1		
Русы, по Ибн Мискавейху									2					2		2	1	1		

КАРТЫ

Серия I

Восточная Европа в процессе образования
ранней государственности на Руси

Основа – из книги Куза А.В. Малые города Древней Руси. – М., 1980. С дополнениями автора (см., например: Шинаков Е.А. На пути к державе Рюриковичей. – СПб.-Брянск, 1995. – Ч.П. гл.1, 2, 5, 6; Он же. Каменные захоронения Среднего Подесенья // Деснянские древности. – Брянск, 1995. Он же. Еще раз о лучевых височных кольцах и их этнокультурной принадлежности // Гістарычныя леси Верхняго Подняпроуя. Ч.І. – Магілеу, 1995. Он же. Региональные различия в характере размещения населения в эпоху древней Руси: опыт историко-географической характеристики // Проблемы отечественной и всемирной истории. – Брянск, 1998; Он же и Гурьянов В. “Внутренние пограничья” Древней Руси: к постановке проблемы // Проблеми ранньослов’янської давньоруської археології Посем’я. – Білопілля, 1994; Он же и Зайцев В.В. Клады как источник по политической географии среднего Подесенья в древнерусскую эпоху // Археология к истории Юго-Востока Древней Руси. – Воронеж, 1994; Шинаков Е.А. “Служебная организация” и “Сновская тысяча”: проблемы, результаты, задачи // Славяне и их соседи. Межславянские взаимоотношения и связи. – М., 1999) также из основных: Кропоткин В.В. Новые находки сасанидских и кушанских монет в Восточной Европе // Нумизматика и эпиграфика. IX. – М., 1971; Фомин А.В. Топография восточноевропейских кладов с дирхемами конца IX – начала X вв. // Восточная Европа в древности и средневековье. Спорные проблемы истории. Чтения памяти В.Т.Пашуто. – М., 1993; Мельничук А.П. Срубные гробницы Южной Руси // Проблемы археологии Южной Руси. – Киев, 1990; Он же. Население Південно-руських земель IX – XIII ст. матеріалами некрополів). – Київ, 1993; Бессарабова З.Д. Славянские курганы вт. пол. I тыс. н.э. с трупосожжением и деревянными сооружениями на территории Восточной Европы // Археологический сборник. Вып. I. – М., 1973; Енуков В.В. Ранние этапы формирования смоленско-полоцкой кривичей. – М., 1990; Винников А.З. Славянские курганы лесостепной зоны Дона. – Воронеж, 1984.

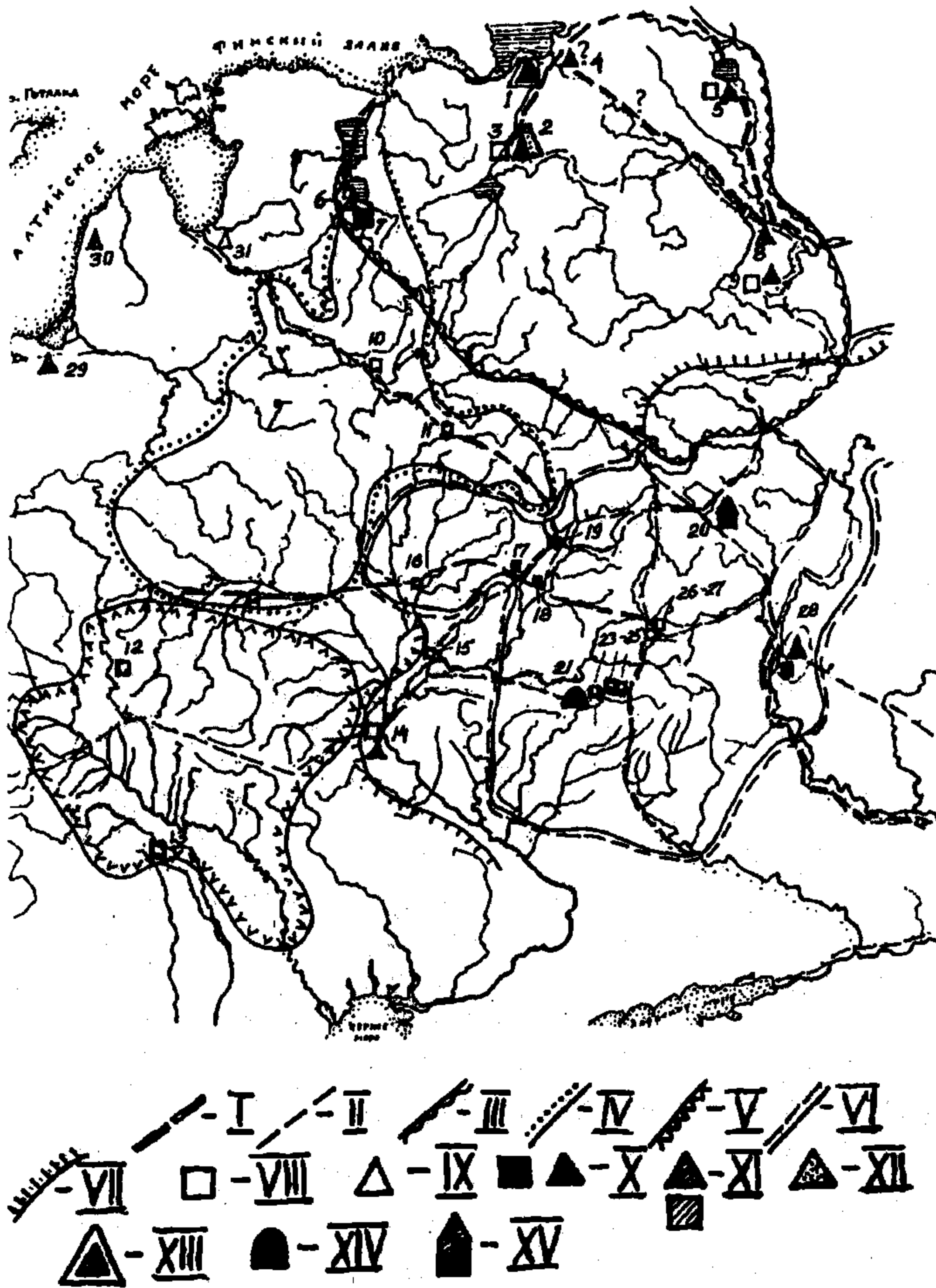

рис. 1, 1. Этап отдельных "воздеств", протогородов-государств. Начало проникновения русов на "Восточные пути". Потестарно-культурные регионы Восточной Европы

Условные обозначения к рис. 1, 1: I - основные торговые пути; II - варианты транзитных путей; III - основные внутренние пути; IV - границы северного, V - северо-западного, VI - юго-западного, VII - восточного потестарно-культурных регионов; VII - возможная граница славянских владений зарского каганата до конца IX в.; VIII - племенные и межплеменные "грады" - столицы; IX - международные торговые центры ("вики", ОТРП, ВТРП); X - центры под салтовским (алано-болгарским) культурным влиянием; XI - присутствие элементов скандинавской культуры; XII - прибалтийско-славянские элементы в культурном облике; XIII - древнейший русский город и первая столица.

Рюрика; XIV – предполагаемая столица хазарских владений в славянских землях (резиденция ту-дуна?); XV – центр славяно-скандинаво-салтовского синтеза.

Цифрами на карте (рис. 1, 1) обозначены: 1 – Старая Ладога; 2 – Рюриково городище; 3 – Новгород (“Славио”); 4 – Городище на Сяси (Алаборг?); 5 – Белоозеро (Алаборг?), городище Крутик; 6 – Труворово городище; 7 – Псков (Иссуборг?); 8 – Тимерево; 9 – Сарское поселение; 10 – Полоцк; 11 – Смоленск; 12 – Зимно; 13 – Ревно; 14 – Киев; 15 – Чернигов; 16 – Гомий; 17 – агломерация Левенка-Бобрик-Синин; 18 – Кветуль; 19 – Хотылево; 20 – Супруты; 21 – Битица; 23 – Белгородка-Николаевка; 24 – Горналь; 25 – Гочево; 26 – Воробьевка; 27 – Переверзево; 28 – Воронежская агломерация (Вантит?)

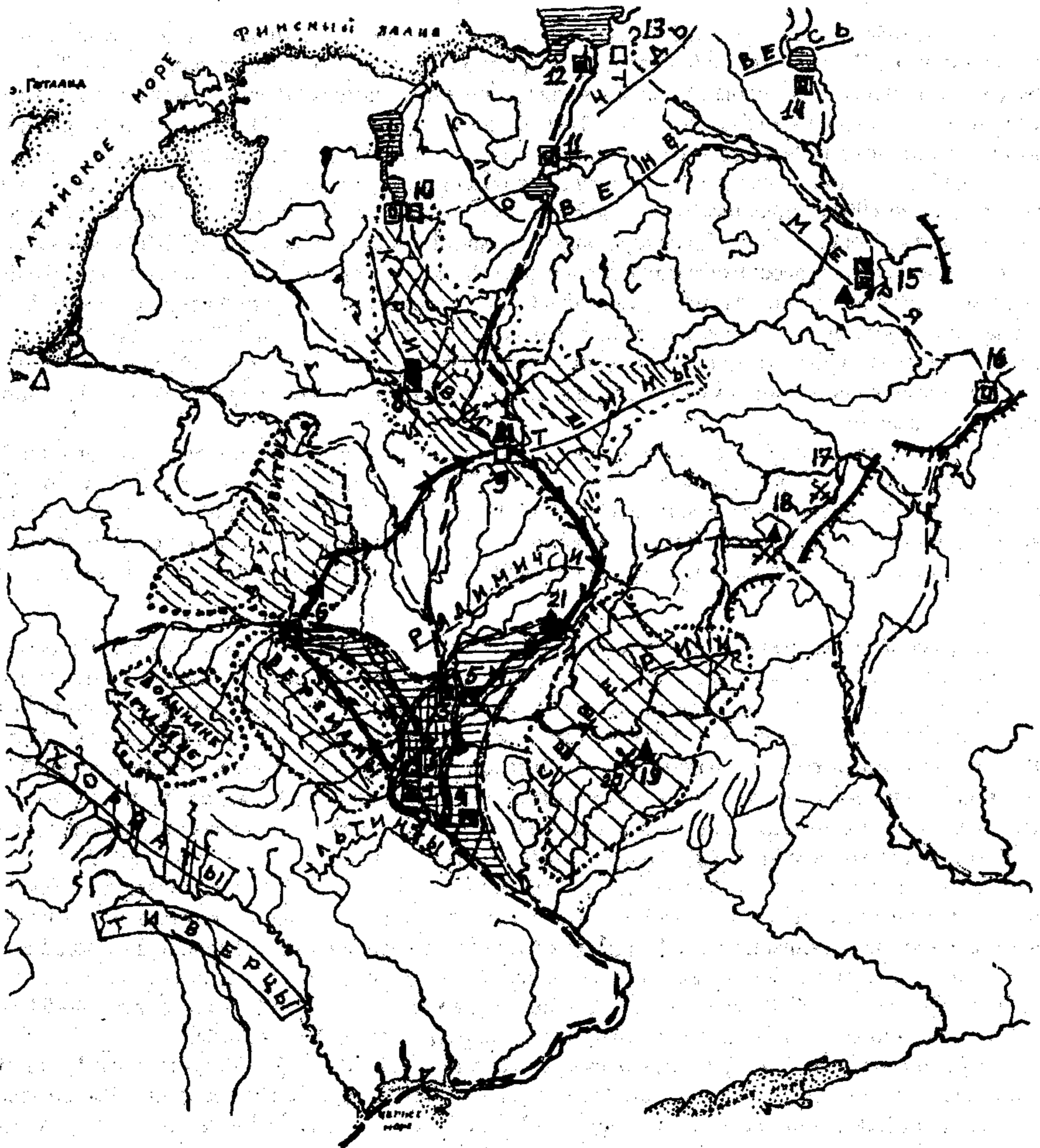

Рис. 1, 2. Сложносоставное государство во главе с “Росией” на потестарно-политическом этапе (при Олеге Вещем и Игоре Старом)

Условные обозначения к рис. 1, 2: I – основные торговые пути; II – варианты транзитных путей и внутренние пути; III – “Росня” по Константину Багрянородному (минимальные параметры); IV – “Росия” (максимальные параметры); V – возможная граница подвласных “Росии” земель на востоке (по данным археологии и нумизматики); VI – Путь “Большого полюдя”; VII – племена и “княжения” упомянутые в эпизодах “варяжской дани”, призвания “руси” и походе Олега на Киев; VIII – племена и “княжения”, покоренные Олегом; IX – племена и “княжения”, контаминированные с “Росией” только в связи с походом 907 и (тиверцы) 944 г. в качестве союзников (как и печенеги); X – “пактиоты” росов; XI – упомянутые Константином Багрянородным “славинии”, подвластные “Росии”; XII – русские “грады”, статус и степень суверенитета которых неизвестны; XIII – “города”, “срубленные” мужики Рюрика, им самим или полученные им, Труворой и Синеусом от конфедерации северных племен; XIV – города, упомянутые и при Рюрике и при Олеге как центры власти; XV – “грады”, где сидят “князи, под Олгом суще” (для Турова – по данным ономастики); XVI – “крепость-пактиот” Витичев; XVII – “грады” с местными династиями; XVIII – места, связанные по данным археологии и нумизматики с борьбой Олега с хазарами.

Цифрами на карте (рис. 1, 2) обозначены: 1 – Киев (Киоава); 2 – Вышгород (Вусеград); 3 – Любеч (Телиуца); 4 – Переяславль; 5 – Чернигов; 6 – Туров; 7 – Витичев; 8 – Полтеск; 9 – Смоленск (Милянски); 10 – Труворово городище (Изборск); 11 – Новгород; 12 – Ст. Ладога; 13 – Городище на Сяси (Алаборг?); 14 – Белоозеро (Крутик, Алаборг?); 15 – Ростов – Сарское городище (?); 16 – Муром; 17 – Железницкий (Зарайский) клад; 18 – Супруты; 19 – Горналь; 20 – Битица; 21 – Стародуб.

Условные обозначения к рис. 1, 3: I – погосты, “дружинные лагеря”; II – “русские грады” с особыми династиями; III – “племенные” центры, захваченные русами в X веке; IV – находки предметов скандинавского вооружения на предполагаемых местах сражений; V – ареалы кладов, связанных с “внутренними пограничьями” и походами русов конца IX-X веками; VI – позднеероменская культура; VII – этнокультурные границы радимичей XI-XII веков; VIII – этнокультурная граница кривичей XI-XII веков; IX – юго-восточная этнокультурная граница дреговичей XI-XII веков; X – зона погостов княгини Ольги и возможная граница ее владений на севере; XI – первоначальная (древлянская) зона “государственного освоения”; XII – зона плотного распространения грунтовых “камер”; XIII – зоны кремаций в наземных или легка заглубленных деревянных “камерах”; XIV – предполагаемый левобережный участок пути “большого полюдя” и первоначальные станы, ловища, княжеские села и поселения “служебной организации”; XV – ядро владений Рюриковичей X века (Киев, Вышгород, Берестово, Белгород, Василев, Витичев); XVI – наиболее вероятные границы владений Ольги и первоначальных – Святослава; XVII – возможные границы временного хазарского “протектората” (40-50-е гг. X в.) над северяно-вятчско-радимицким протогосударственным объединением.

Цифрами на карте (рис. 1, 3) обозначены: 1 – Плисненск; 2 – Ревно; 3 – Хотомель; 4 – Туров; 5 – Искоростень; 6 – Малин; 7 – Чернигов-Шестовицы; 8 – Горналь; 9 – Переверзево; 10 – Воробьевка; 11 – Новгород-Северский; 12 – Кветунь, Борок; 13 – Любожичи (Монастырище); 14 – Супруты; 15 – Рязань; 16 – Салтыково; 17 – Полоцк; 18 – Гнездово; 19 – Муром; 20 – Псков; 21 – Новгород (Рюриково); 22 – Ладога (Альдейгьюборг); 23 – Пескуново; 24 – Сарское; 25 – Тимерево-Михайловское-Петровское; 26 – Белоозеро (Крутик); 27 – Лепляво; 28 – Вышгород, “град Вользин”.

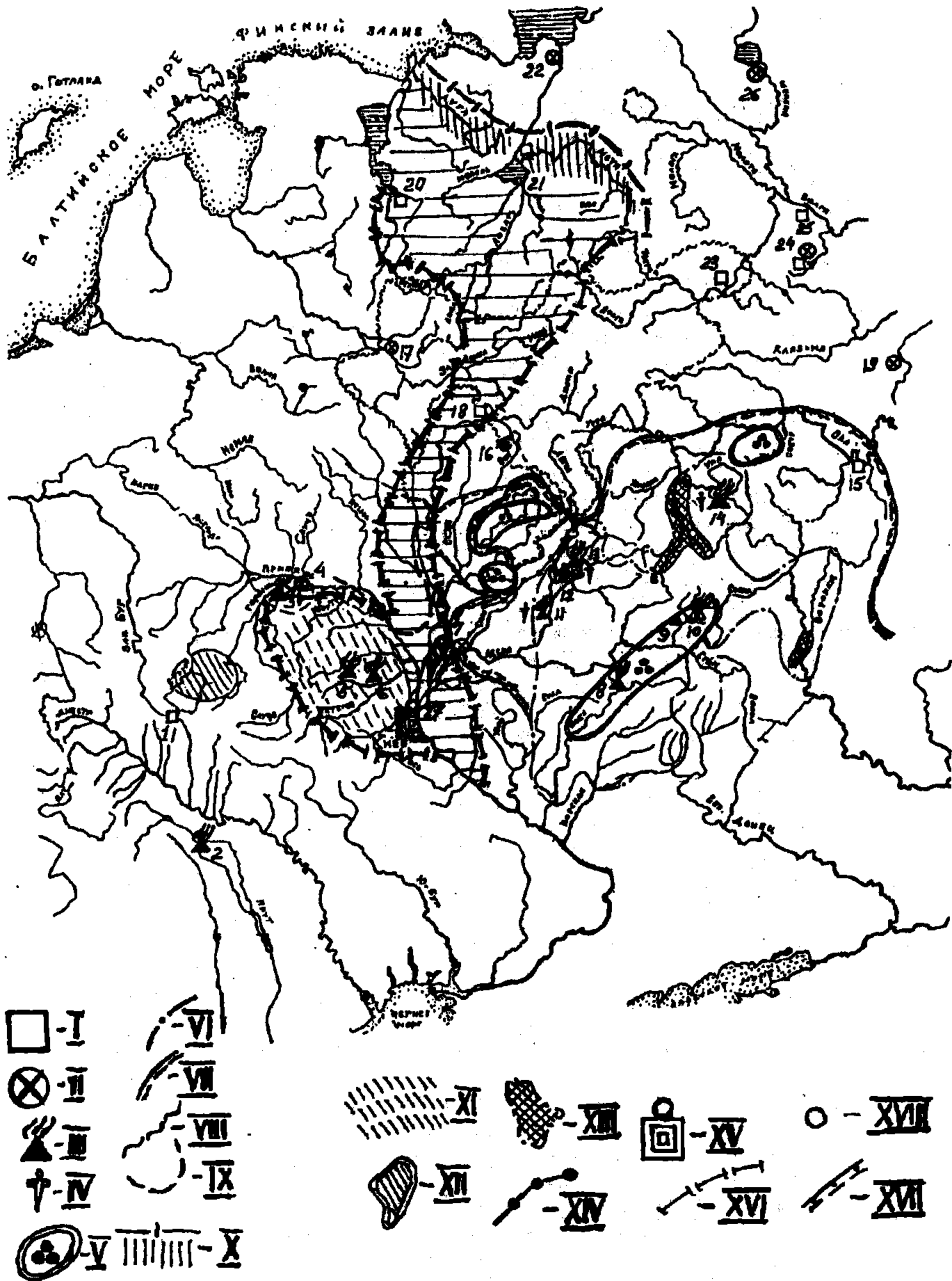
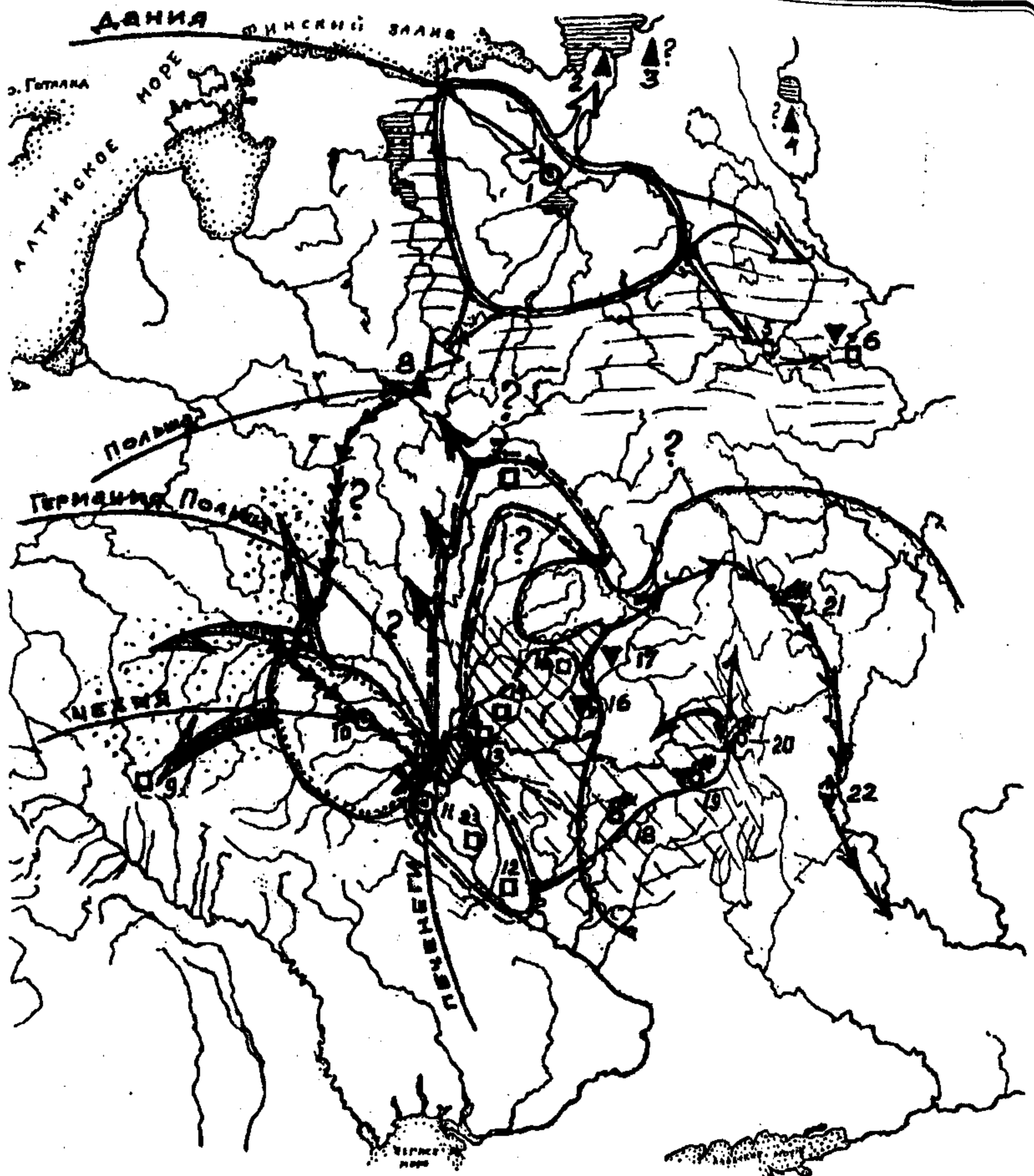

Рис. 1, 3. Кризис Древней Руси в середине X в.

- I
  II
  III
  IV
  V
  VI
- VII
  VIII
  IX
  X
  XI
- XII
  XIII
  XIV
  XV
  XVI
  XVII
- XVIII
  XIX
  XX
  XXI

Рис. 1, 4. Русь при Святославе и его сыновьях: выбор пути

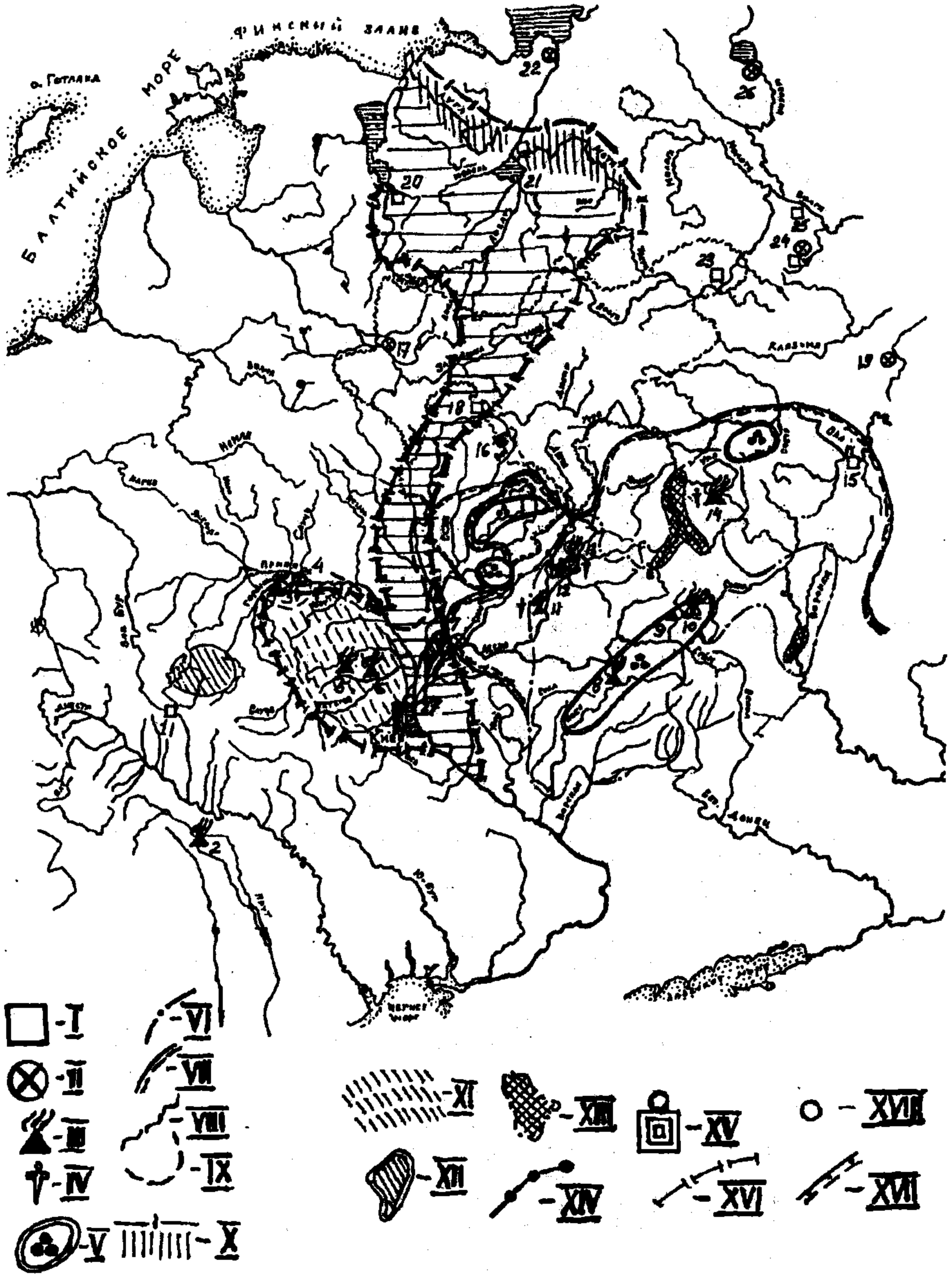

Рис. 1, 3. Кризис Древней Руси в середине X в.

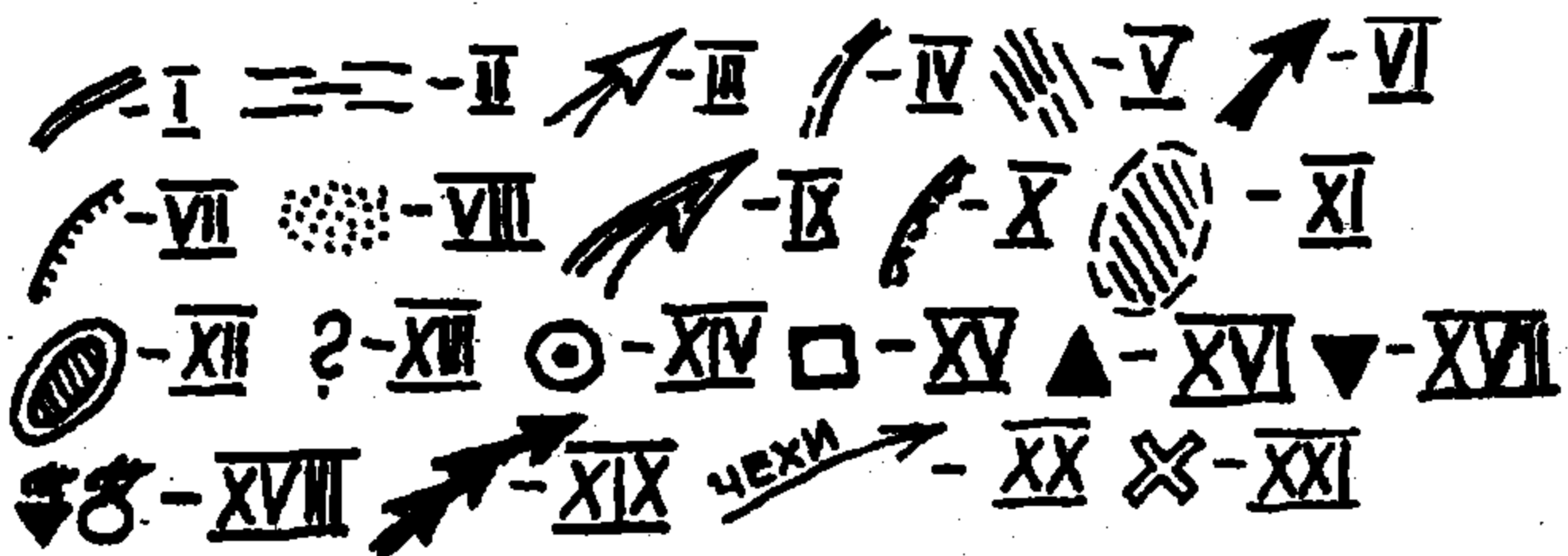
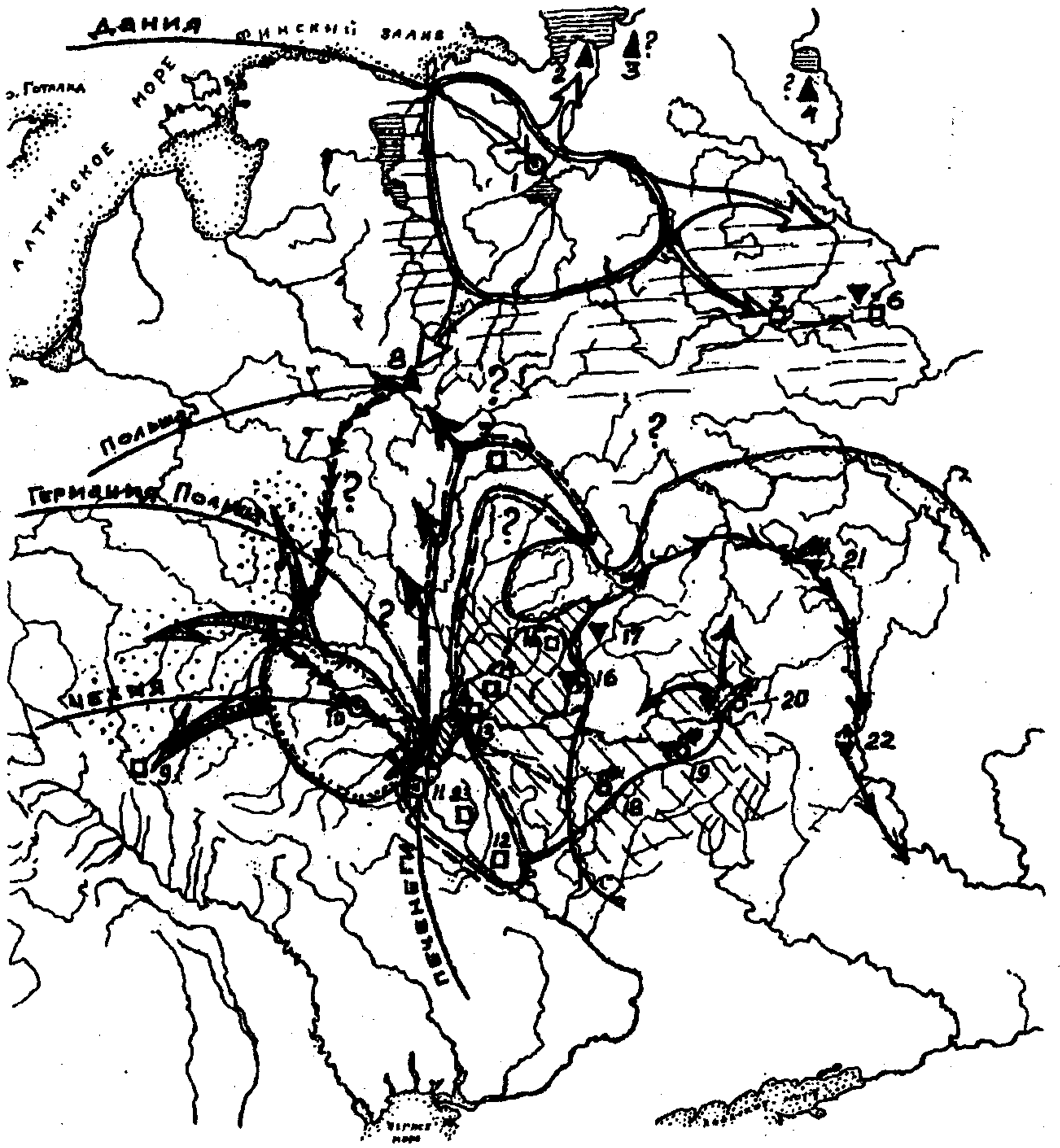

Рис. 1, 4. Русь при Святославе и его сыновьях: выбор пути

Условные обозначения к рис. 1, 4: I – владения Владимира до 977 г.; II – возможная сфера его влияния; III – вероятные направления интересов Владимира; IV – владения Ярополка до 977 г.; V – вероятная сфера его влияния; VI – направление интересов и археолого-нумизматически документированный удар 970-х годов; VII – владения Олега до 977 г.; VIII – сфера влияния Олега; IX – возможные направления его интересов; X – возможная западная граница северянско-вятичско-радимичского объединения – протогосударства; XI – возможные владения “черниговских династов”; XII – основной район концентрации дружинных погребений (“камер”) “руси”; XIII – территории, владельческая принадлежность которых не определена даже предположительно; XIV – столицы Святославичей; XV – опорные пункты Руси; XVI – города с самостоятельными “русскими династиями”; XVII – местные княжеские центры; XVIII – свидетельства походов киевских князей; сожженные “племенные” “грады” и денежно-вещевые клады 60-х – 80-х гг. X в.; XIX – поход Святослава на вятичей и хазар (964-965 гг.); XX – направление внешнеполитических контактов Ярополка, Олега, Владимира, Рогволода; XXI – конфликт 975 г., подтолкнувший первый внутридинастическую борьбу на Руси и передел сфер влияния.

Цифрами на карте (рис. 1, 4) обозначены: 1 – Новгород Великий; 2 – Ст. Ладога; 3 – городище на Сяси (Алаборг?); 4 – Белоозеро (Алаборг?); 5 – Пескуново; 6 – Сарский комплекс; 7 – Смоленск-Гнездово-Ольшанка; 8 – Полоцк; 9 – Плисненск; 10 – Вручий; 11 – Киев; 12 – Ляпляво; 13 – чернигов-Шестовицы; 14 – Сновск (Седнев); 15 – Левенка; 16 – Новгород Северский; 17 – Кветунь; 18 – Шпилевка; 19 – Горналь; 20 – Воробьевка-Курск; 21 – Супруты; 22 – Титчиха; 23 – Переяславль.

Условные обозначения к рис. 1, 5: I – западные границы Руси в конце X – начале XI вв.; II – формирующееся “ядро” “Русской земли” – домена Рюриковичей; III – возможные территории “Русской земли”; IV – “Червенские” земли; V – район расселения пленных “ляхов” и первых “федератов” Руси (печенежского рода Беренчин) на р. Рось; VI – районы наиболее ранней и интенсивной христианизации; VII – пограничные и внутренние крепости – тверди; VIII – центры обороны Право- и Левобережья Днепра; IX – города, где “сидели” сыновья Владимира I; X – главные линии обороны Руси от печенегов по р. Сула и Рось; XI – промежуточные и вспомогательные линии обороны по р. Стугна, Супой, Трубеж, Остер, Рать; XII – возможный центр отдельной русской династии в конце X в.; XIII – граница славянско-го заселения лесостепи за оборонительными линиями (“Восточные территории”); XIV – южная граница “Ладожского ярлства” – территории – аналога западных “марок”; XV – направление продвижения Руси на север; XVI – направление насильственных и естественных (под давлением процесса “окняжения” и степной опасности) миграций племен и их военной аристократии (“лучших мужей”).

Цифрами на карте (рис. 1, 5) обозначены: 1 – Белгород; 2 – Переяславль; 3 – Чернигов; 4 – Воннь; 5 – Лтава (Полтава); 6 – Журавное-Петровское; 7 – Мерчик; 8 – Донец; 9 – Гочезо; 10 – Курск; 11 – Рязань; 12 – Муром; 13 – Ростов; 14 – Пескуново; 15 – Ст. Ладога; 16 – Новгород; 17 – Юрьев; 18 – Ерсике; 19 – Полоцк; 20 – Смоленск; 21 – Владимир Вольнский; 22 – Плисненск; 23 – Туров; 24 – Вручий.

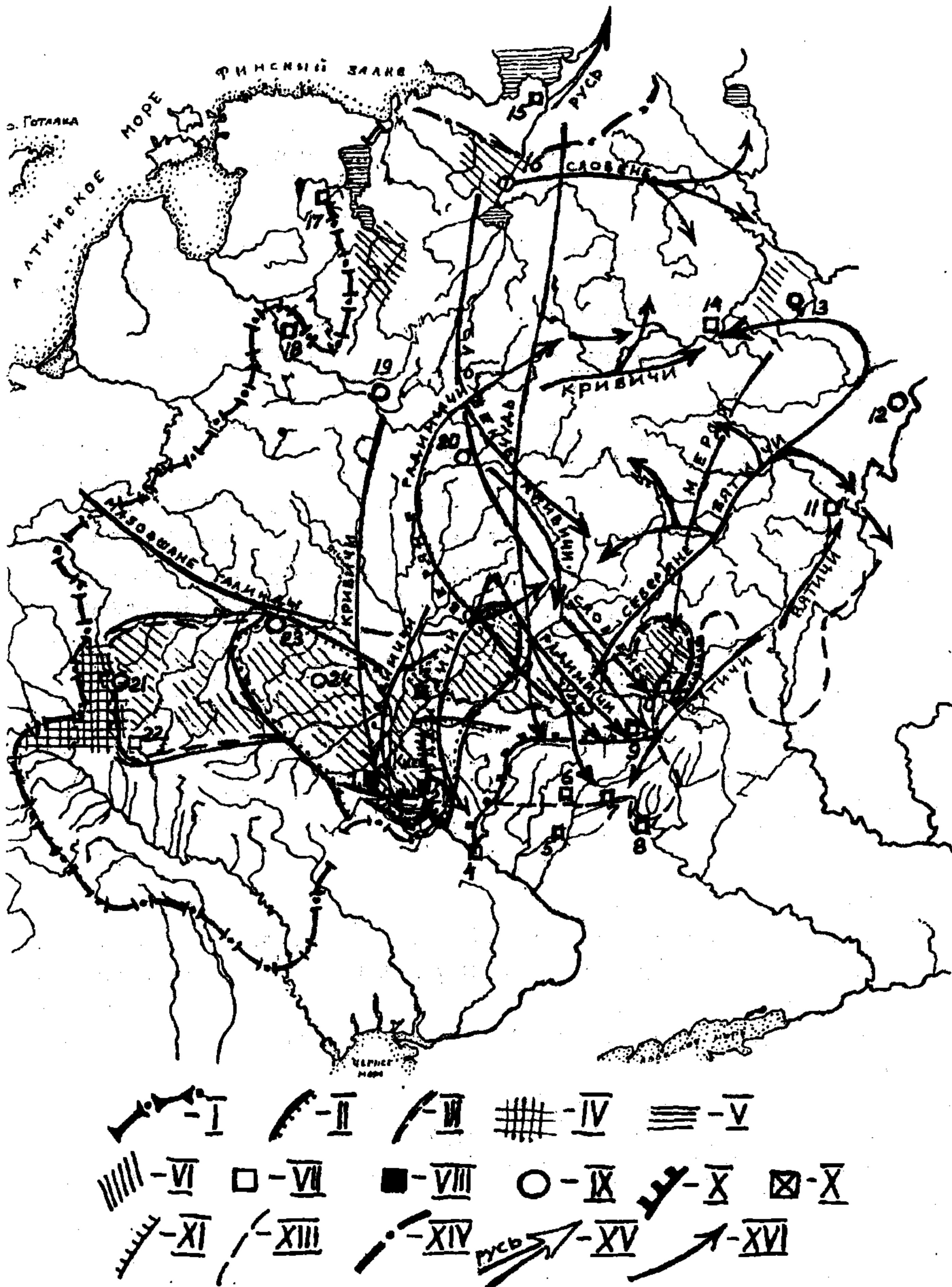

Рис. 1, 5. Русь в процессе становления "ранней государственности" (конец X – начало XI вв.)

СЕРИЯ II

Потестарно-политические процессы IX – начала XI вв. в Юго-Восточном регионе и их археолого-нумизматическое отражение

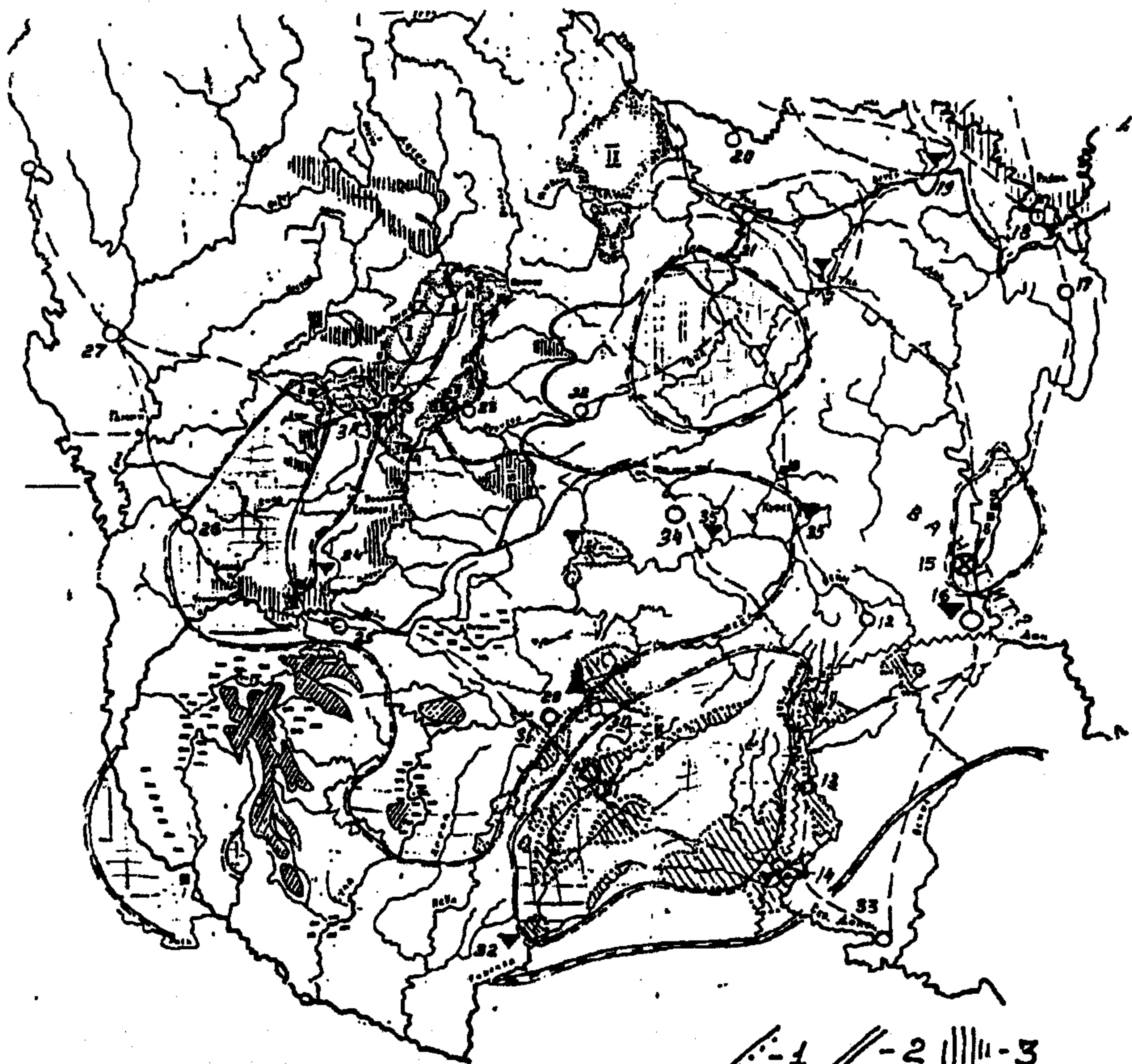
Основа: Спец. карты Европейской России масштаба 10 верст в дюйме Картографического отдела Корпуса военных топографов (М., 1920) и “Карта физико-географических районов Нечерноземного центра” под ред. Н.А. Гвоздецкого и В.К. Жучковой // Географический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1960 с дополнениями с карты (табл. 2, 3) из кн.: Древности железного века в междуречье Десны и Днепра (М., 1962) (САИ, Д1-Д2), областных карт Левобережья Днепра (масштаба 1:400.000 и 1:200.000), и исследований автора (см.: Шинаков Е.А. О характере размещения населения на пограничье степи, лесостепи и леса в древнерусскую эпоху по материалам Левобережья Днепра // Гістарычна-археалагічны зборнік №8. – Мінск, 1996; Он же. “Восточные территории” Древней Руси в конце X – начале XI в. (этнокультурный аспект) // Археология славянского Юго-Востока. – Воронеж, 1991; Он же. Классификация и этнокультурная атрибуция лучевых височных колец // СА. – 1980. – №3; Он же. Еще раз о лучевых височных кольцах и их этнокультурной принадлежности // Гістарычныя лёсы Верхняго Подняпроуя. Ч.1. – Магілеу, 1995; Он же. Региональные различия в характере размещения населения в эпоху Древней Руси (опыт историко-географической характеристики) // Проблемы отечественной и всемирной истории. – Брянск, 1998; Седов В.В. Славяне в раннем Средневековье. – М., 1995. – Рис. 56.

Общие условные обозначения для карт серии “Б”:

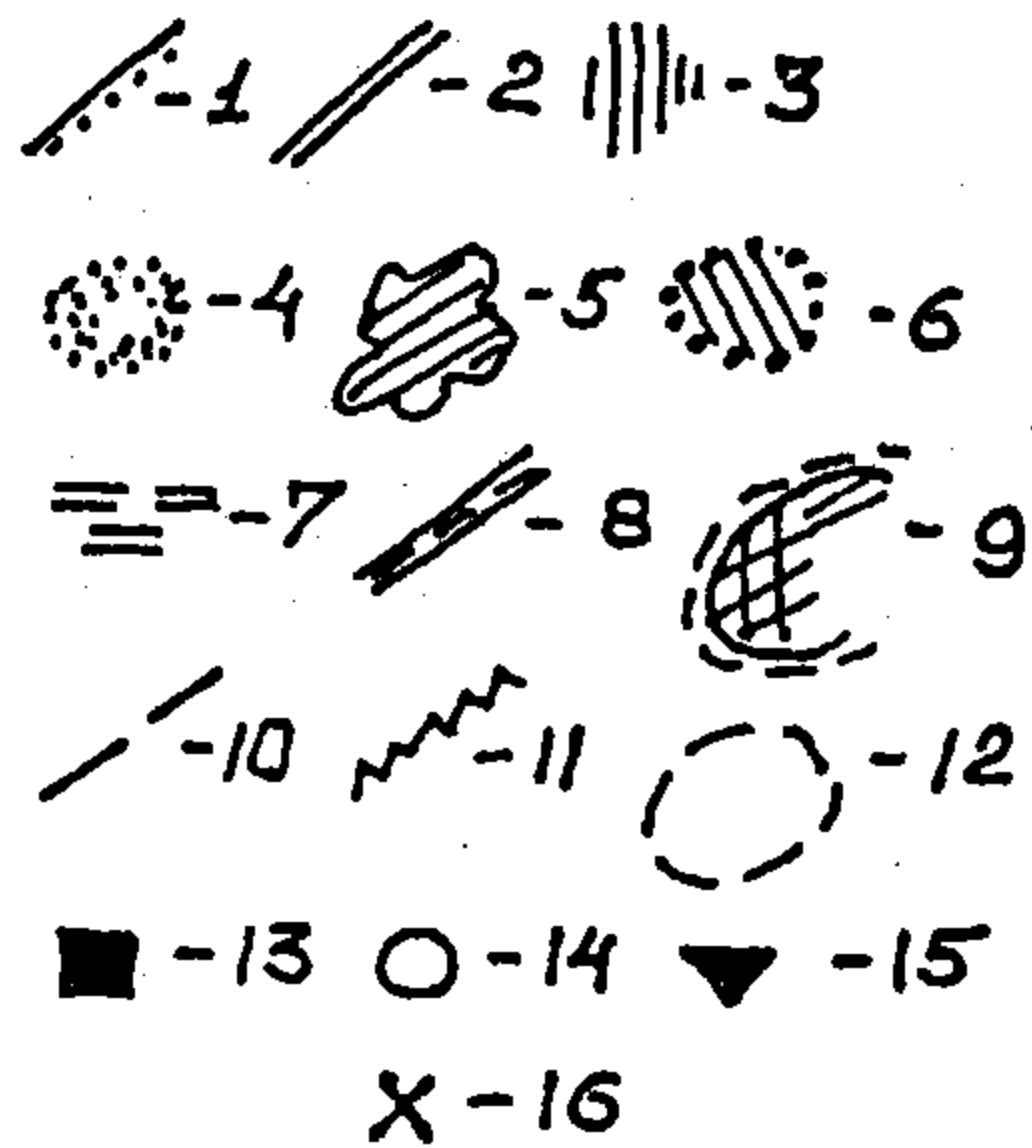
1 – северо-западная граница лесостепи по данным лесорастительных карт; 2 – северо-западная граница лесостепи по данным почвенных карт; 3 – участки лесостепи в лесной зоне и ландшафты, близких опольям (предополья, предполесья, “степки”, “рамени” (аналоги ополей)); 4 – ополья; 5 – солонцеватые почвы; 6 – крупные лесные массивы в лесостепи; 7 – болотистые почвы в лесостепи; 8 – южная граница лесостепи.

Римскими цифрами на картах обозначены ополья и их аналоги:

I – Стародубские; II – Присудостьское; III – Брянское; IV – Трубчевское; V – Вара-Судотское; VI – Севское; VII – Новгород-Северское; VIII – Сосницкое; IX – Мещовское.

**Рис. II, 1. Юго-Восточный регион
в волинско-хазарскую эпоху
(сер. VIII – конец IX вв.)**

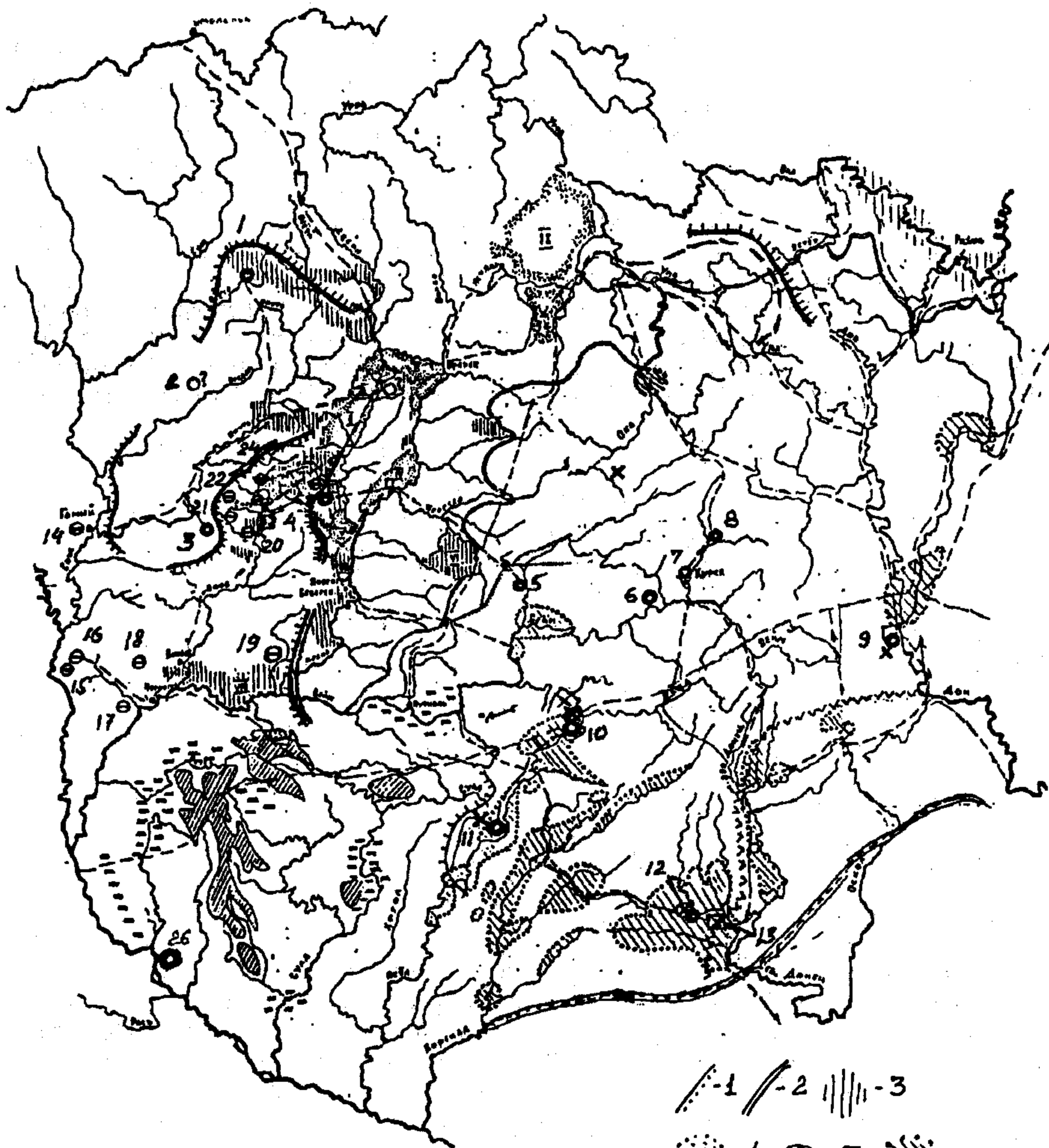

Условные обозначения к рис. II, 1: 9 – ареалы волынцевых древностей (в окружении и смешении с колочинскими, роменскими, борщевскими); 10 – возможные маршруты торговых путей; 11 – северо-западная граница салтовской культуры; 12 – зоны многочисленных кладов конца X – начала XI в.; 13 – ключевые археологические памятники; 14 – клады конца X – перв. трети XI в.; 15 – клады вт. пол. IX – нач. X в. (до 914 г.); 16 – “варварские” (хазарские) подражания дирхемам; 17 – Битица – предполагаемый хазарский центр управления подвластными Каганату славянскими землями.

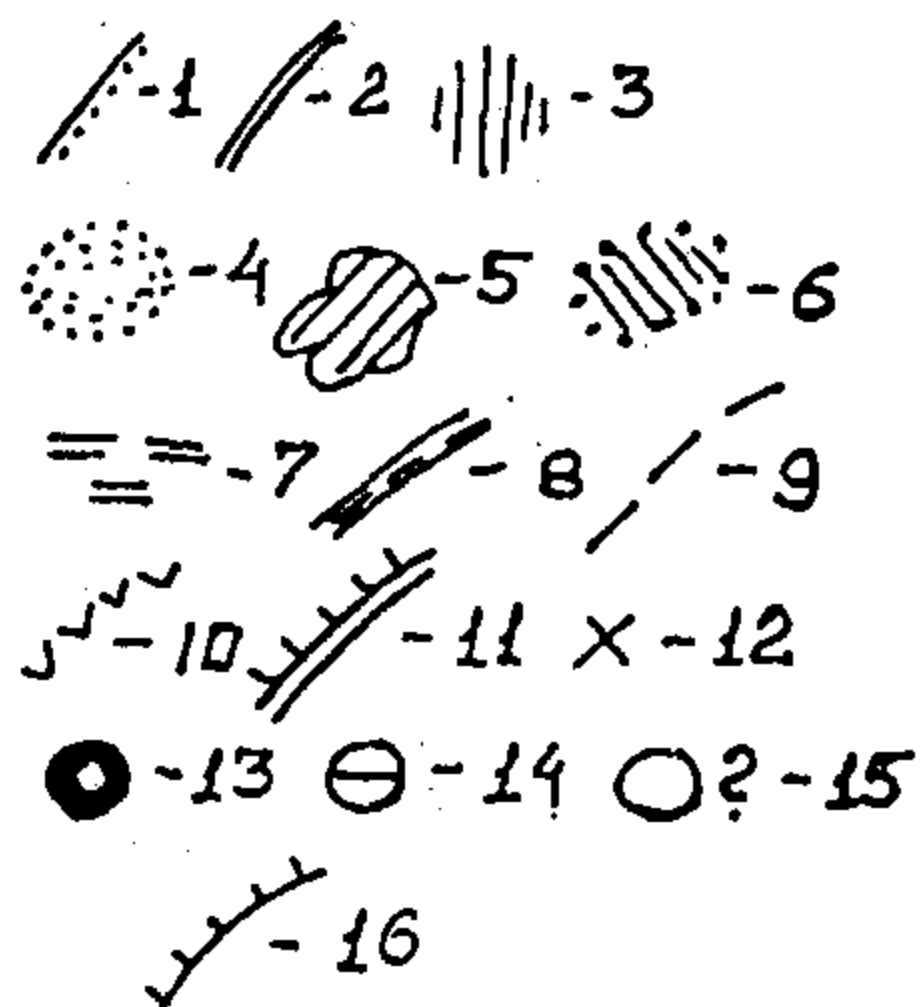
Цифрами на карте (рис. II, 1) обозначены: 1 – Монастырёк; 2 – Рябцево; 3 – Посудичи; 3а – Бобрик; 4 – Случевск; 5 – Кветунь; 6 – Трубчевск; 7 – Супруты; 8 – Лысогорский могильник; 9 – Белгородский могильник; 10 – Воробьевка; 11 – Дмитриевский могильник; 12 – Завалишино; 13 – Верхнее Салтово; 14 – Донец; 15 – Девица; 16 – Титчиха, Урыв; 17 – Скопинский уезд; 18 – Борки; 19 – Железницы; 20 – Баскач; 21 – Лапотково; 22 – Кремлевский; 23 – Нижние Новоселки; 24 – Сосницкий уезд; 25 – Новые Млины (Паристово); 26 – Яриловичи; 27 – Литвиновичи; 28 – Могилев; 29 – Битица; 30 – Нижняя Сыроватка; 31 – Петровское; 32 – Полтава; 33 – Райгородок; 34 – Гнездилово; 35 – Липино; 36 – Новотроицкое.

Условные обозначения к рис. II, 2: 9 – возможные торговые пути; 10 – северо-западная граница салтовской культуры; 11 – роменско-русская граница по материалам археологии и топонимики; 12 – “варварские” (роменские) подражания дирхемам; 13 – дирхемы юго-восточной системы (обрезанные в кружок); 14 – дирхемы общерусской системы X в.; 15 – клады X в. неизвестной системы; 16 – роменско-русская граница по материалам нумизматики.

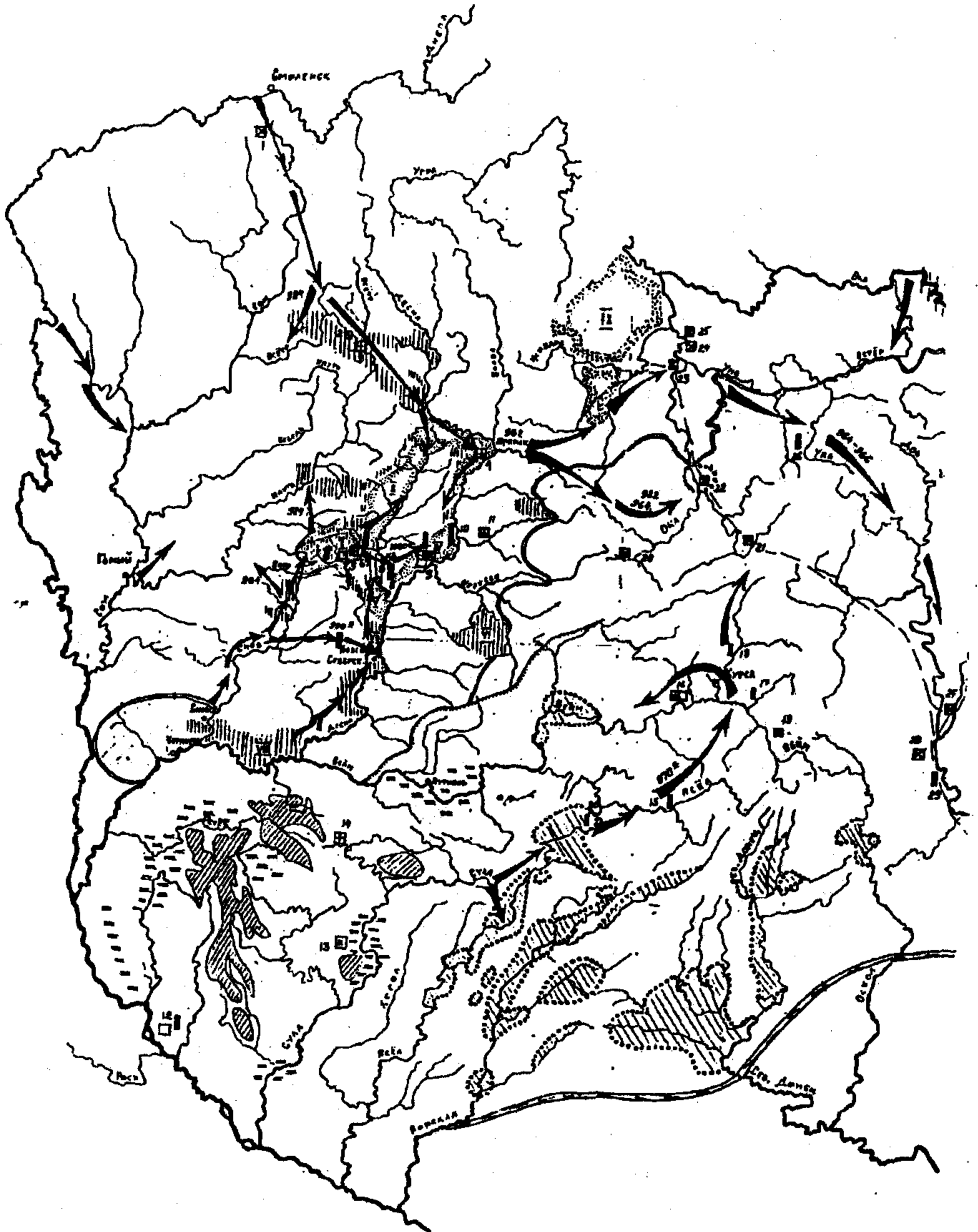
Цифрами на карте (к рис. II, 2) обозначены: 1 – Старый Дедн; 2 – Ивановка (Лотаки); 3 – Новозыбков; 4 – Бобрик; 5 – Береза; 6 – Липино; 7 – Курск; 8 – Воробьевка; 9 – Малое Боршево; 10 – Горналь; 11 – Шпилевка; 12 – Безлюдово; 13 – Донец; 14 – Гомель; 15, 16 – Любеч; 17 – Рудки; 18 – Звеничев; 19 – Сосницкий уезд; 20 – Могилевцы; 21 – Митьковка; 22 – Большой Кривец; 23 – Медведово; 24 – Рябцево; 25 – Лужки.

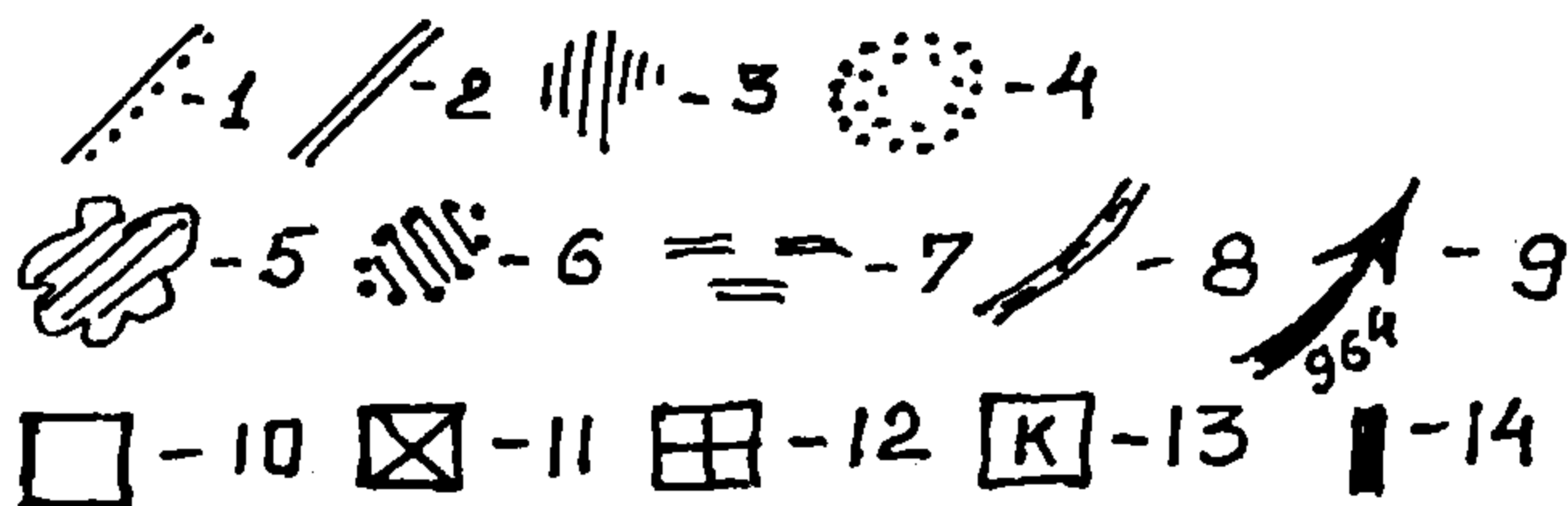
Рис. II, 2. Юго-Восток в эпоху русско-роменского противостояния по данным нумизматики (середина – вторая половина X в.)

**Рис. II, 3. Юго-Восточный регион в эпоху киево-русского завоевания
(60 – 90-е годы X в.)**

Условные обозначения к рис. II, 3: 9 – основные направления походов русских князей при присоединении Юго-Востока в 60-е – 90-е годы X в.; 10 – “камерные” захоронения руси; 11 – кремации в наземных или слегка заглубленных “камерах”; 12 – христианизированные “камеры” XI в.; 13 – кочевнические “камеры”; 14 – скандинавские и русские дружинные артефакты X века на роменско-боршевской территории.

Цифрами на карте (рис. II, 3) обозначены: 1 – Салтыково; 2 – Рославль-Воронки; 3 – Азобичи; 4 – Антоновка; 5 – Левейка; 6 – Алефино; 7 – Сенино; 8 – Борок; 9 – Кветунь; 10 – Любожичи (Монастырище), 11 – Салтановка (Святое); 12 – Лепляво; 13 – Бессалы; 14 – Липовое; 16 – Гочево; 17 – Ратское; 18 – Переверзево; 19 – Клиннова; 20 – Лебедка; 21 – Воротынцево; 22 – Воронеж; 23 – Песковатое; 24 – Западная; 25 – Доброе; 26 – Супруты; 27 – Лысогорский могильник; 28 – Боршево; 29 – Титчиха; 30 – Горналь.

ЭТНОГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ДЛЯ ОСНОВНОГО ТЕКСТА

А

- Абаскун – 83
 Авидос – 187, 274
 Авары, обры – 119, 120, 121, 129, 130, 134, 140, 162, 187, 274, 330, 337, 383, 389
 Аггерсборг – 364
 Адрианополь – 350
 Адриатика – 53, 310
 Азербайджан – 313
 Азия, азиатский – 13, 14, 144, 155, 299, 300, 301, 316, 350, 355, 357, 384, 389, 402
 Айфор (днепровский порог) – 367
 Ал Маджус – 56, 312, 336
 Алаборг – 150, 186, 190, 198, 200, 210, 321, 343, 353
 Аланы – 121, 122, 125, 126, 129, 130, 139, 153, 233, 258, 273, 304, 324, 325, 336, 383
 Альдейгьюборг, Aldeigja – 36, 65, 66, 148, 161, 190, 198, 343, 353, 373
 Амастрида – 39, 55, 144, 312
 Ангкор – 300
 Англия, англо-саксы, английский – 21, 31, 160, 206, 214, 215, 242, 243, 254, 255, 269, 271, 296, 331, 342, 343, 356, 369, 382, 393
 Андалус, Андалусия, Анджулус – 354
 Анты – 21, 120, 121, 384
 Арабы (арабский) – 39, 40, 44, 46, 47, 49, 55, 123, 124, 127, 148, 150, 233, 309, 311, 312, 324, 336, 383, 388, 395, 396, 402
 Армения (армянский, армяне) – 15, 83, 164, 165, 224, 350
 Аркадиополь – 211, 358
 Ар-к-нус – 336
 Аркона – 111
 Арису – 68, 312, 336
 Ар-Рус – 115, 336, 312
 Ар-Русия – 336
 Артания (Арта, Ал-Арсания, Арса) – 58, 59, 68, 159, 160, 161, 162, 312, 336, 384
 Архейм – 160, 162, 336, 337
 Ас-сакалиба – 49, 93, 115, 144, 169, 311, 327
 Ас-Славийа (Салау, Слава) – 58, 68, 159, 160, 321
 Асгард – 160, 162, 336, 337
 Асия, Ассия (страна асов) – 160, 336
 Асы (ясы, осы) – 336, 353
 Ателькуза – 310

- Аустрвег – 65, 66, 72, 152, 173, 294, 333
 Аустрлэнд – 147, 152, 331, 333
 Афины – 302, 356
 Африка (мусульманская, Тропическая, Чёрная, Южная) – 15, 16, 31, 34, 55, 117, 299, 385, 386
 Ахейцы, ахейский – 300
 Ацтеки – 114, 185, 186, 302, 370
 Ашанти (асантеман) – 137, 320, 370

Б

- Бабин – 327
 Балканы, балканский – 14, 15, 26, 53, 96, 120, 210, 251, 310, 355, 358, 390, 402
 Балтика, балтийский, Прибалтика – 15, 18, 37, 54, 65, 72, 111, 119, 120, 142, 148, 149, 151, 152, 153, 155, 162, 174, 206, 213, 214, 234, 271, 272, 285, 288, 296, 300, 303, 304, 311, 320, 331, 332, 333, 350, 362, 372, 374, 385, 388, 392, 396, 403
 Балты, балтский – 53, 111, 112, 119, 120, 121, 124, 125, 129, 147, 305, 308, 322, 326
 Банту – 31
 Бари – 55
 Бастарны – 119, 322
 Башкурт (башкиры) – 344
 Белая Вежа – 70, 215, 231, 354, 355
 Белгород – 192, 236, 238, 239, 241, 242, 255, 260, 263, 269, 270, 272, 363, 375, 404
 Белгородка-Николаевка – 233, 362
 Белобережье – 190, 273
 Белое Озеро (Белоозеро) – 115, 141, 150, 154, 186, 218, 321, 322, 323, 324, 328, 327, 381, 386
 Белоруссия – 326, 385
 Белые хорваты (“Белая”, “Великая” Хорватия) – см. Хорваты.
 Бенин – 107, 113, 114, 124, 155, 166, 185, 299, 318, 319, 334, 370, 379, 384
 Бердаа – 63, 64, 69, 83, 168, 187, 188, 382, 397
 Берестово – 239, 260
 Беседь – 130, 131
 Бирка – 54, 66, 72, 151, 294, 300, 340, 385
 Битица (городище) – 122, 123, 125, 126, 324
 Блестовит – 233, 362
 Бобрик – 376
 Бобровницы – 376
 Богемия – 51
 Богит – 140
 Βουλγαροῦ – 94

Болва – 131, 326

Болгария Волжская – 129, 133, 169, 217, 250, 257, 259, 261, 267, 296, 324, 325, 339, 357, 367, 372, 378, 391, 400

Болгария Дунайская (болгары, болгарский) – 15, 35, 53, 70, 72, 75, 79, 85, 89, 90, 91, 93, 94, 95, 119, 120, 121, 125, 126, 129, 130, 132, 153, 155, 162, 163, 164, 168, 169, 180, 181, 182, 183, 185, 186, 189, 193, 194, 195, 201, 205, 211, 212, 214, 215, 216, 217, 218, 220, 221, 224, 225, 226, 228, 229, 230, 233, 237, 241, 258, 259, 261, 265, 267, 268, 271, 272, 273, 284, 285, 286, 289, 290, 291, 292, 295, 300, 304, 309, 314, 315, 316, 317, 323, 328, 339, 350, 351, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 372, 374, 375, 386, 388, 390

Бортницы – 376

Боршевская культура – 121, 123, 130, 133, 153, 154, 370, 399

Боспор Киммерийский – 187, 217, 218, 249, 375

Босфор – 238, 255

Бремен – 332, 369, 382

Броварки – 362

Брянск – 106, 119, 123, 125, 126, 127, 131, 236, 247, 319, 322, 323, 325, 326,, 327, 361, 362, 404, 405, 406

Буг (Западный и Южный) – 188, 247, 248, 272

Будишин (Баутцен) – 368

Буковина Северная – 134

Булкар (Булгар) – 44, 54, 60, 175, 217, 233, 266, 353, 354, 394, 398

Бургасы – 353, 354

Бурунди – 200

Бьярмия, Бьярмы (Биармы) – 36, 354

В

Вабля – 247, 323, 326

Вавилон – 344

Вагрия, вагры – 54, 296, 331, 352

Валахи, Волохи – 227, 358, 367

Валентино – 120

Валинана – 50, 132, 134, 140, 141, 153, 327, 342, 379

Валланд – 343

Valkaborg – 150

Вальгалла – 96

Вальхерен – 54, 148

Ва-ит, Вант, Вантит, В-н-н-тит – 46, 50, 53, 133, 141, 142, 155, 324, 362

Вара-Судостьское ополье – 131

Варны – 323

- Велеград – 135
 Велеты – 303
 “Великая Моравия” – 26, 53, 108, 126, 129, 133, 135, 153, 293, 309, 318, 324, 348, 379, 401
 Великая Польша – 279, 280, 282
 Великая Швеция – 322
 Велундзяне – 348
 Венгрия, венгры (мадьяры), венгерский – 48, 51, 52, 73, 93, 130, 133, 135, 140, 162, 165, 185, 214, 215, 220, 221, 225, 227, 228, 262, 272, 277, 281, 284, 288, 293, 295, 296, 310, 311, 316, 325, 330, 355, 356, 357, 358, 359, 378
 Вендельская эпоха – 257
 Вендланд, венды – 147, 148, 190, 236, 241, 254, 255, 303, 331, 352, 376
 Венеды – 120
 Венеция – 77, 114, 155, 356
 Вервианы – 135, 158, 177
 Вестготы – 31
 Весь – 115, 120, 139, 140, 145, 200, 321, 328, 332, 386
 Византия, византийский – 14, 15, 44, 49, 54, 55, 57, 66, 69, 70, 83, 84, 87, 90, 91, 94, 95, 98, 120, 133, 136, 166, 170, 171, 172, 174, 175, 179, 181, 182, 183, 184, 185, 190, 191, 194, 201, 206, 208, 209, 212, 214, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 285, 291, 292, 294, 295, 296, 314, 316, 330, 337, 358, 359, 374, 381, 386, 387, 391, 395, 397, 402, 403
 Византийский – 15, 35, 36, 44, 47, 52, 56, 60, 61, 70, 72, 74, 76, 77, 79, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 94, 95, 144, 165, 171, 180, 182, 183, 187, 189, 193, 194, 203, 204, 206, 211, 212, 214, 215, 221, 285, 286, 289, 290, 291, 294, 299, 312, 314, 315, 316, 330, 337, 338, 339, 341, 343, 350, 356, 357, 359, 360, 361, 364, 369, 374, 380, 386, 396, 397, 399
 Висла – 111, 303, 310, 320, 327
 Витичев – 158, 186, 263, 398
 Владимир на Клязьме – 107
 Влахерны – 312, 358
 Водь – 345
 Воинь – 30, 263, 363
 Волга (Поволжье) – 50, 53, 54, 116, 130, 217, 221, 250, 301, 332, 354, 372, 378, 382, 392
 Волжский – 53, 115, 116, 122, 129, 142, 148, 149, 150, 154, 210, 267, 294, 310, 326, 328, 333, 353, 354, 357, 374, 385, 387, 392, 396
 Волин – 254, 255, 348, 352, 368, 383
 Волохи – 227, 358
 Волхов, Поволховье – 108, 116, 332, 337, 396,
 Волянь, воляняне – 50, 106, 108, 293, 295, 296, 324, 327, 330, 334, 347, 348, 365, 367, 372

- Волынцевская культура – 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 319, 323, 324
 Воробьёвка – 232
 Воронеж – 141, 142, 155, 328
 Ворскла – 123, 127, 130, 362, 398, 404
 Восточнофранкское государство –
 Восточная Европа – 14, 15, 20, 34, 35, 36, 39, 41, 42, 49, 53, 54, 60, 67, 101, 102, 103, 104, 106, 115, 137, 138, 140, 142, 143, 145, 149, 150, 154, 155, 156, 157, 158, 161, 162, 165, 170, 171, 175, 251, 258, 304, 309, 310, 314, 322, 323, 327, 329, 330, 333, 336, 337, 384, 386, 387, 388, 390, 391, 393, 394, 395, 396, 397, 399, 402, 403, 406
 Восточные территории Руси – 232, 325, 326, 405
 Вроцлавек – 279
 Вручий (Овруч) – 250, 347, 349, 361, 366
 Вусеград – 189, 395
 Вычегда – 346
 Выш(е)город, град Вользин – 194, 195, 197, 206, 239, 260, 262, 275, 335, 377
 Вятичи – 37, 50, 68, 70, 71, 106, 108, 110, 111, 117, 118, 122, 123, 124, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 137, 156, 200, 208, 209, 210, 215, 218, 231, 233, 236, 239, 247, 250, 255, 257, 261, 262, 263, 293, 296, 305, 310, 321, 324, 325, 326, 327, 334, 335, 336, 339, 353, 354, 355, 361, 370, 372, 384

Г

- Галицкая земля – 52, 106, 296
 Гамбург – 148
 Гардарики, гарды – 21, 36, 65, 72, 91, 152, 175, 190, 205, 343, 348, 375
 Гасома (река и поселение) – 323
 Гаутланд – 331
 Гдечь (Геч) – 279
 Германия, германцы – 16, 22, 23, 26, 72, 119, 120, 129, 143, 161, 199, 201, 202, 203, 205, 209, 228, 251, 252, 254, 271, 284, 286, 289, 293, 297, 302, 304, 305, 318, 322, 328, 350, 351, 352, 359, 367, 368, 369, 375, 393, 395
 Генуя – 356
 Герула – 322, 323
 Геты – 119, 120
 Гиасихопон – 272
 Гилян – 313
 Гомий (Гомельская область) – 110, 319, 326
 Гнездово – 186, 234, 237, 240, 241, 244, 245, 246, 256, 257, 300, 324, 326, 328, 361, 365, 366, 367, 368, 385, 387, 389, 400
 Гнезно – 279, 348

- Горналь – 127, 128, 132, 231, 232, 343, 362, 370, 391
 Городище на Сяси – 321
 Готланд – 367
 Готы (в целом), Готская держава (в Причерноморье) – 31, 120, 121, 122, 160, 161, 303, 322, 336, 344, 392, 398
 Гочево – 233, 236, 244, 246, 256, 257, 343, 362, 363, 370, 404
 Гренландия – 166
 Греция, греки, греческий – 16, 55, 56, 69, 74, 77, 79, 80, 82, 83, 85, 89, 91, 94, 95, 98, 99, 157, 159, 160, 174, 175, 187, 197, 208, 212, 214, 220, 221, 222, 224, 267, 312, 313, 314, 315, 316, 328, 344, 350, 351, 356, 357, 358, 360, 373, 374, 377, 385, 395, 403
 Гробица, Гробицяс – 148, 149
 Грузия – 15
 Гузы – 48, 129, 273, 310

Д

- Дагомея (дагомейский) – 31, 377
 Дайлемиты – 342
 Далмация – 165
 Дамаск – 322
 Дания, датский, датчане – 53, 54, 66, 72, 96, 148, 150, 154, 173, 190, 202, 213, 214, 215, 227, 236, 240, 242, 243, 244, 245, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 263, 269, 271, 277, 286, 289, 290, 291, 292, 293, 295, 296, 297, 303, 331, 352, 356, 359, 364, 365, 369, 370, 371, 378, 380, 398
 “Датский вал” (Даневирке) – 365, 369, 370, 371, 378, 380, 398
 Двина Западная (Даугава) – 148, 318, 332, 395
 Дербент (Дербенд) – 57
 Деревска земля – 158, 169, 261
 Дерпт – 311
 Дервленианы – 158, 311
 Джарваб – 44, 46, 49, 50, 133, 139, 140, 141, 142,
 Днепровский путь (“Из варяг в греки”) – 67, 1730, 197
 Днестр, Поднепровье – 134, 188, 272, 320, 358, 398
 Добруджа – 215, 273, 358, 359
 Добрыновцы – 134
 Долина Брони – 98
 Дон, Подонье – 123, 124, 129, 130, 133, 141, 155, 160, 210, 233, 324, 325, 328, 332, 354, 369, 383, 385, 391, 394
 Донец – 130, 233, 326, 362
 Дорестада – 54, 148

Доростол – 356

Древляне – 34, 68, 97, 98, 108, 110, 133, 134, 135, 136, 141, 142, 154, 157, 158, 169, 171, 180, 188, 191, 192, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 207, 210, 213, 218, 227, 248, 250, 251, 261, 263, 287, 294, 296, 318, 319, 322, 327, 334, 335, 344, 345, 347, 348, 349, 353, 357, 366, 367, 380, 388, 394

Древнерусское государство – 10, 17, 18, 19, 20, 21, 23, 25, 28, 30, 33, 35, 37, 38, 68, 101, 102, 103, 106, 118, 128, 132, 137, 138, 139, 143, 147, 152, 156, 159, 161, 173, 174, 186, 225, 246, 264, 279, 286, 288, 292, 293, 298, 301, 302, 304, 329, 330, 335, 356, 382, 385, 390, 393, 395, 396, 397, 403, 405

Дреговичи – 106, 108, 109, 133, 158, 200, 240, 248

Droots – 311

Другувиты – 158, 344

Дублин – 206

Дуйсбург – 320

Дулебы, дудлебы – 132, 140, 171, 181, 348, 372

Дунай – 15, 23, 120, 122, 190, 215, 217, 218, 220, 221, 241, 271, 304, 325, 339, 357, 359, 372

Е

Евразия – 148, 332

Евреи – 68, 69, 70, 75, 88, 128, 313, 354, 390

Египет – 300

Еллинг – 243, 255, 256

Ессурские горы – 160

Ж

Железницкий (Зарайский) клад – 126, 130, 132

Жиды – 267, 374

Журавное – 128, 362

З

Заволочье –

Закавказье – 14

Запад, западный (как социально-политический феномен) – 13, 14, 22, 54, 90, 174, 203, 211, 248, 249, 272, 286, 296, 302, 304, 383, 395, 403

Западная Европа – 174, 387, 390, 393

Зарубинецкая культура – 119, 122, 322

Збруч – 135, 401

Западномазурская культурная группа – 120

Западные славяне – 35, 50, 53, 111, 120, 122, 148, 240, 306, 309, 310, 320, 395, 383, 387, 390, 392, 402
 Зелёный Гай – 233, 343, 400
 Зимно – 134, 141, 142, 326, 327, 365, 401
 Зличане – 51, 52, 108, 133, 153, 201, 249, 250, 271, 349, 372
 Зулусы – 243, 245, 370
 “Змиевы валы” – 192, 242, 269

И

Иавдиертим – 272, 311
 Ивановка – 131
 Иерусалим – 316
 Изборск – 112, 141, 142, 149, 150, 153, 154, 186, 324, 328, 332, 361, 366, 399
 Именьковская культура – 122, 324
 Ингельгейм (Ингуленгейм) – 54, 55
 Индейское царство – 96, 99
 Индейцы (индейский) – 34, 117, 300, 396
 Инки – 12, 186, 384
 Ипотешти-Кындештская культура – 120
 Ипуть – 130, 131, 132
 Иранский (язык) – 44, 119, 120, 122, 124, 125, 161, 326, 359
 Искоростень – 98, 157, 349, 361, 366
 Исландия, исландцы – 317, 340, 344, 351, 352, 387
 Испания – 49, 304, 341
 Италия – 55, 99, 155, 341
 Итиль – 353, 354, 54
 Is (s)uborg – 150

Й

Йомсборг – 147, 236, 237, 254, 331, 352, 363
 Йомсвиканги – 236, 238, 241, 254, 255, 271, 331, 368, 369
 Йоруба – 155, 358, 360

К

Кавказ – 49, 124, 320, 396
 “Каганат Русь” – 20, 56
 Каменное – 128, 370
 Камно – 345
 Кампучия – 300
 Карантания – 73, 117, 205, 398

- Карпаты (Прикарпатье) – 23, 50, 51, 52, 53, 108, 132, 134, 135, 142, 248, 271, 272, 310, 318, 371, 375
- Карфаген – 114, 124, 155, 356, 379
- Касоги – 353
- Каспий – 49, 54, 69, 75, 83, 84, 124, 162, 168, 175, 183, 191, 210, 294, 309, 388
- Кауп – 148, 149, 332
- Кведлинбург – 252
- Кверфурт – 51, 271
- Кветунь – 121, 127, 128, 236, 245, 247, 260, 280, 337, 343, 361, 362, 366, 367, 370
- Кельты – 110, 119, 406
- Кембридж – 36, 68, 70, 71, 88, 98, 182, 187, 231, 336, 342
- Кесария – 48, 323, 398
- Киев, киевский – 17, 19, 20, 21, 23, 25, 58, 67, 72, 84, 85, 86, 90, 98, 106, 109, 119, 123, 126, 128, 129, 131, 137, 142, 153, 154, 155, 153, 158, 159, 160, 163, 168, 172, 178, 180, 182, 183, 188, 188, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 203, 204, 209, 210, 211, 214, 218, 219, 221, 222, 223, 230, 231, 232, 233, 234, 238, 239, 240, 241, 245, 247, 248, 250, 255, 259, 260, 261, 267, 269, 270, 272, 275, 276, 280, 283, 284, 285, 286, 287, 293, 301, 302, 304, 308, 310, 313, 314, 319, 322, 327, 329, 333, 335, 336, 337, 338, 339, 341, 344, 347, 352, 353, 354, 355, 358, 359, 362, 365, 367, 373, 377, 379, 380, 381, 383, 389, 390, 394, 395, 400, 403, 407
- Киевская культура –
- Киево-Печёрский монастырь – 90, 223
- Кипчаки, Дешт-и-Кипчак – 21
- Китай – 299
- “Климаты” – 273
- Клонтавр – 320
- Кограбен (вал) – 259
- Колочинская культура (Колочин) – 119, 121, 123, 322, 323, 336
- Константинополь – 54, 55, 75, 84, 86, 90, 91, 94, 180, 190, 194, 204, 209, 217, 223, 313, 315, 342, 358, 395
- Копорье – 198, 346
- Корела – 198, 345, 346
- Коровель, городище – 183, 230, 231, 353, 354, 361
- Корсунь – 90, 190, 226, 265, 267, 268, 281, 373
- Корчак (поселение и культура) – 323
- Костомлотский клад – 247
- Краков – 50, 108, 133, 142, 252, 271, 283, 304, 310, 318, 367, 368, 371
- Кремона – 341
- Кречют – 110

Кривичи – 107, 108, 111, 112, 115, 122, 131, 139, 140, 141, 142, 145, 158, 165, 177, 178, 179, 180, 181, 189, 200, 239, 262, 263, 321, 323, 327, 328, 332, 346, 355
 Крит – 204, 208, 209
 Крутик – 321, 324, 386
 Куйаба, Куява – 58, 67, 159
 Кура – 188
 Курды, курты – 187, 344
 Курланд (Курляндия) – 67, 152
 Курск – 132, 232, 233, 246, 361, 362, 383, 387, 400

Л

Ладога (город), ладожане – 54, 73, 92, 107, 114, 115, 125, 141, 142, 148, 149, 150, 153, 154, 161, 162, 178, 183, 186, 190, 200, 208, 210, 218, 234, 237, 262, 272, 286, 321, 332, 333, 345, 346, 354, 363, 365, 367, 370, 373, 375, 380, 387, 389, 390, 393, 399, 400
 Ладога (Нева) –
 Лангобарды – 323
 Латвия – 395
 Латгалы – 112, 186, 320
 Латен, Латенская культура – 119, 120
 “Латиняне” – 223
 Левенка – 233, 238, 243, 246, 258, 269, 337, 361, 366, 367, 404
 Левобережье Днепра – 103, 118, 120, 122, 125, 132, 153, 159, 183, 201, 218, 219, 221, 232, 231, 235, 239, 255, 262, 269, 322, 335, 353, 363, 386, 394, 406
 Ледовитый океан – 380
 Лендзанины, лендзане – 135, 158, 334, 335
 Ленинград, областн. – 256
 Лепитраз –
 Леплява – 109, 236, 240, 241, 244, 245, 246, 269, 364, 367
 Лех (река) – 215
 Либице – 108, 372
 Ливония – 320
 Ливонский орден – 200
 Липино – 246
 Липовое – 233, 343
 Литва, литвины, литовский – 186, 228, 320, 322, 358, 372, 376, 382, 392, 395
 Ломбардия – 165
 Лондон – 21
 Луга, Полужье, Лузское село – 195, 196, 197, 198, 345, 346, 358
 Лудагана (Лузния) – 161, 354

Лука-Райковецкая – 133, 153, 154
Луна – 99
Луцк, лучане – 348, 372, 393
Любек – 202
Любеч – 182, 186, 286, 335, 337, 398
Любожичи – 243, 255, 258
Людково – 131
Лютичи, вильцы – 110, 111, 112, 148, 279, 331, 345
Ляличи – 131, 256
Ляхи – 110, 252, 280, 264, 334, 371, 380

М

Мавераннахр – 54, 367
Мазовия (Мазуры, мазовшане) – 120, 279, 283, 284, 285, 297, 322, 379, 380
Мая – 300
Малая Польша – 52, 252, 279
Малин – 134
Мари – 322
Марокко – 341
Мартыновский клад, древности (ареал) – 119, 120
Маяцкое городище – 324
Мекленбург – 111
Меря – 115, 116, 139, 140, 141, 145, 149, 154, 166, 177, 178, 179, 181, 234, 250, 321
Месопотамия – 300
Милиниски – 179, 335
“Мисяне” – 211, 212, 216, 217, 218, 315
Митьковка – 256, 369, 382
Михайловское – 366
Мишенская (Мейсенская марка) – 279
Млада Болеслав – 349
Молдавия – 215, 367
Монголы – 25, 344, 387, 389, 401
Моравия – 51, 53, 164, 215, 279, 399
Мордва – 117, 130, 393
Москва – 106, 107, 308, 346
Мста – 195, 196, 197, 198, 358
Мужиново – 119
Муром – 115, 186, 200, 321, 328, 372, 403
Мурома – 130, 321, 324, 328, 342
Мэлдон – 342

Н

- Нарова, Нарва, наровский – 346
Неман – 148, 303, 396
Немогард – 159, 160, 396
Немцы – 51, 52, 133, 251, 296, 300, 302, 303, 311, 326, 368, 372, 375, 395
Непал – 299, 388
Неро – 116, 250, 392
Нижняя Гиля – 272
Ницаха – 128, 236, 362
Новгород Великий, новгородский – 73, 74, 86, 92, 106, 107, 113, 114, 115, 141, 153, 154, 155, 158, 159, 167, 170, 177, 178, 179, 181, 182, 183, 184, 186, 187, 190, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 205, 207, 218, 221, 222, 223, 226, 227, 234, 249, 250, 251, 253, 270, 173, 280, 282, 283, 284, 295, 297, 318, 320, 321, 324, 329, 334, 335, 342, 346, 347, 353, 357, 365, 367, 368, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 386, 388, 390, 400, 406, 407
Новгород-Северский – 106, 128, 159, 362
Новозыбков – 131
Норвегия, норвежцы, норвежский – 93, 94, 95, 152, 168, 172, 173, 175, 206, 242, 244, 255, 256, 269, 270, 271, 272, 291, 295, 296, 297, 316, 317, 338, 343, 344, 348, 350, 351, 364, 369, 370, 373, 375, 380, 386
Норманны, Нормандия – 21, 22, 56, 73, 198, 303, 312, 354, 355, 371, 383, 392
Нортумбрия – 206, 229

О

- Ободриты – 73, 148, 20, 207, 228, 271, 288, 292, 297, 303, 352, 398
Овернь – 343
Оденсе – 364
Одер – 111
Ойо – 358
Ока – 116, 123, 129, 130, 233, 326, 332, 354, 369, 372, 392
Океания, океанийский – 117
Олонец – 321
Ольжичи – 198
Ольшанское городище – 237
Онежское озеро – 150
Оркнейские острова – 343
Османы, Османская империя – 299, 388
Ост-Индская компания – 301
Остер (город) – 262
Остер (река) – 131

Лука-Райковецкая – 133, 153, 154
Луна – 99
Луцк, лучане – 348, 372, 393
Любек – 202
Любеч – 182, 186, 286, 335, 337, 398
Любожичи – 243, 255, 258
Людково – 131
Лютичи, вильцы – 110, 111, 112, 148, 279, 331, 345
Ляличи – 131, 256
Ляхи – 110, 252, 280, 264, 334, 371, 380

М

Мавераннахр – 54, 367
Мазовия (Мазуры, мазовшане) – 120, 279, 283, 284, 285, 297, 322, 379, 380
Майя – 300
Малая Польша – 52, 252, 279
Малин – 134
Мари – 322
Марокко – 341
Мартыновский клад, древности (ареал) – 119, 120
Маяцкое городище – 324
Мекленбург – 111
Меря – 115, 116, 139, 140, 141, 145, 149, 154, 166, 177, 178, 179, 181, 234, 250, 321
Месопотамия – 300
Милински – 179, 335
“Мисяне” – 211, 212, 216, 217, 218, 315
Митьковка – 256, 369, 382
Михайловское – 366
Мишенская (Мейсенская марка) – 279
Млада Болеслав – 349
Молдавия – 215, 367
Монголы – 25, 344, 387, 389, 401
Моравия – 51, 53, 164, 215, 279, 399
Мордва – 117, 130, 393
Москва – 106, 107, 308, 346
Мста – 195, 196, 197, 198, 358
Мужиново – 119
Муром – 115, 186, 200, 321, 328, 372, 403
Мурома – 130, 321, 324, 328, 342
Мэлдон – 342

Н

- Нарова, Нарва, наровский – 346
 Неман – 148, 303, 396
 Немогард – 159, 160, 396
 Немцы – 51, 52, 133, 251, 296, 300, 302, 303, 311, 326, 368, 372, 375, 395
 Непал – 299, 388
 Неро – 116, 250, 392
 Нижняя Гиля – 272
 Ницаха – 128, 236, 362
 Новгород Великий, новгородский – 73, 74, 86, 92, 106, 107, 113, 114, 115, 123, 141, 153, 154, 155, 158, 159, 167, 170, 177, 178, 179, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 190, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 205, 207, 218, 221, 222, 223, 224, 226, 227, 234, 249, 250, 251, 253, 270, 173, 280, 282, 283, 284, 295, 297, 303, 318, 320, 321, 324, 329, 334, 335, 342, 346, 347, 353, 357, 365, 367, 368, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 386, 388, 390, 400, 406, 407
 Новгород-Северский – 106, 128, 159, 362
 Новозыбков – 131
 Норвегия, норвежцы, норвежский – 93, 94, 95, 152, 168, 172, 173, 175, 206, 226, 242, 244, 255, 256, 269, 270, 271, 272, 291, 295, 296, 297, 316, 317, 338, 340, 343, 344, 348, 350, 351, 364, 369, 370, 373, 375, 380, 386
 Норманны, Нормандия – 21, 22, 56, 73, 198, 303, 312, 354, 355, 371, 383, 392
 Нортумбрия – 206, 229

О

- Ободриты – 73, 148, 20, 207, 228, 271, 288, 292, 297, 303, 352, 398
 Овернь – 343
 Оденсе – 364
 Одер – 111
 Ойо – 358
 Ока – 116, 123, 129, 130, 233, 326, 332, 354, 369, 372, 392
 Океания, океанийский – 117
 Олонец – 321
 Ольжичи – 198
 Ольшанское городище – 237
 Онежское озеро – 150
 Оркнейские острова – 343
 Османы, Османская империя – 299, 388
 Ост-Индская компания – 301
 Остер (город) – 262
 Остер (река) – 131

Остров русов – 41, 47, 49, 59, 62, 161, 162, 309, 336, 338, 383

Охрид – 91

П

Пайнила – 69

Палужье – 125, 324, 370

Пальнатоки – 241, 331

Паннония – 135, 310

Париж – 4341, 342

Пастырская культура – 118, 120, 121, 122, 124

Патм – 316

Пафлагония – 56, 67

“Пацанаки” (Пачинакия) – 225, 375

Пеньковская культура, Пеньковка – 118, 119, 120, 121, 122, 319, 322, 323, 324

Пересечен – 188

Переяславец – 214, 215, 218, 220, 221, 222, 273, 356, 357, 358, 359, 360, 364, 367, 396

Переяславль Южный – 84, 95, 239, 261, 263, 270, 362, 363, 364, 375

Переяславль Суздальский – 95, 348

Пермь, пермский – 114, 346

Персия, персы – 46, 47, 69, 70, 97, 187

Перынь – 140

Печенеги – 50, 51, 53, 70, 93, 128, 129, 130, 133, 180, 189, 215, 219, 222, 224, 225, 227, 233, 236, 239, 252, 259, 265, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 283, 284, 285, 310, 311, 328, 334, 336, 339, 354, 357, 358, 359, 360, 362, 364, 375

Печёра – 346

Пинск – 106, 247, 248, 391

Плисненск – 255

Погар – 322

Подесенье – 108, 118, 123, 130, 132, 159, 186, 231, 232, 233, 234, 262, 323, 355, 362, 376, 386, 396, 404, 405, 406

Поднепровье – 22, 118, 186, 207, 211, 247, 257, 276, 308, 319, 333, 337, 355, 357, 384, 387, 388, 390, 391, 396, 397

Познань – 279

Половцы – 223, 284, 375, 397

Полоцк – 95, 96, 97, 106, 107, 109, 112, 141, 153, 154, 155, 179, 186, 190, 200, 201, 210, 218, 248, 249, 250, 253, 254, 295, 296, 297, 320, 328, 332, 335

Полтава – 240

Полтескья – 182, 335, 377

Польша, польский – 15, 22, 43, 51, 52, 88, 110, 117, 200, 205, 213, 214, 216, 228,

252, 254, 255, 262, 268, 275, 277, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286,
288, 293, 295, 296, 297, 316, 322, 334, 348, 349, 350, 351, 352, 356, 367,
368, 371, 372, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 382, 406

Почепская культура – 322

Прабалто-славяне – 119, 121, 123

Правобережье Днепра – 126, 153, 195, 239, 270, 375, 396

Прага – 52, 117, 252, 253, 262, 271, 349

Праславяне – 74

Преслав Великий – 211, 212, 215, 218, 222, 355, 356, 358, 364

Преслав Малый – 215

Припять – 135, 247, 248, 348, 365

Прислава (Куфару) – 215

Пропонтида – 312

Прославица, Преславец – 215

Протоболгары, тюрко-болгары, Великая Болгария – 15, 119, 120, 121, 124, 162,
163, 169, 217, 218, 225, 342, 350, 357, 358

Прупой – 110

Пруссы, Пруссия – 110, 111, 112, 147, 148, 280, 311, 332, 350, 369, 376, 380, 391

Прут – 272, 273

Псёл – 126, 132, 232, 233, 257, 362, 404

Псков – 106, 107, 112, 114, 149, 153, 155, 186, 297, 308, 320, 324, 328, 342, 361,
365, 366, 384, 396, 399, 403

Пшеворская культура – 119

Пшоване – 200, 349

Р

Радимичи – 103, 106, 108, 110, 111, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 131, 132,
137, 158, 180, 200, 215, 233, 236, 246, 247, 250, 255, 256, 257, 261, 262, 263,
293, 296, 313, 319, 320, 325, 326, 334, 336, 339, 355, 366, 370, 384, 405

Ральсвик – 311

Рана, Руяна, раны, руяне – 110, 111, 147, 148, 303, 331, 369

Ревно – 134, 141, 142

Регенсбург – 23

Рейз-море – 160

Рейзготы, резенготы – 160

Рейн – 304

Ретра – 111

Рим – 16, 17, 26, 79, 90, 91, 119, 206, 243, 252, 269, 302, 316, 329, 356, 380

Ровствеин – 367

Рогов – 376, 397

- Рогово – 130
- Родня – 281
- Розенгау – 54
- Романский – 15
- Роменская культура, роменский – 111, 119, 121, 122, 123, 126, 127, 128, 130, 131, 133, 154, 155, 189, 233, 313, 318, 320, 322, 323, 324, 325, 339, 362, 370, 386, 404
- Ромове – 111, 320
- Ропеск (Ропск) – 233
- Росия, в т.ч. “внутренняя” – 51, 130, 135, 151, 156, 157, 158, 159, 160, 165, 167, 170, 176, 177, 179, 181, 182, 183, 184, 185, 189, 190, 191, 195, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 211, 213, 222, 227, 230, 247, 248, 261, 262, 276, 310, 311, 334, 343, 347, 352, 353, 355, 357, 365, 366, 372, 375
- Рослаген – 54
- Росомоны – 161, 303, 322
- Россия (российский) – 16, 18, 21, 32, 108, 133, 137, 300, 319, 331, 389, 390, 393, 396, 399, 400, 401, 407
- Ростов – 106, 107, 108, 115, 116, 141, 250, 297, 322, 324, 333, 335, 337, 354, 361, 366, 372, 392, 407
- Росы – 54, 55, 56, 66, 74, 143, 147, 158, 160, 164, 165, 170, 179, 189, 208, 212, 216, 220, 229, 330, 338, 341, 355, 357, 358, 359, 360
- Рось – 239, 264, 280, 302, 380
- Руанда – 200
- Рум, ромей – 44, 45, 49, 57, 58, 59, 165, 171, 172, 175, 205, 211, 216, 217, 225, 228, 267, 354, 355, 357, 360
- Румыния – 215
- Руса Старая – 198
- Русины – 170, 276, 370, 371
- “Русская земля” – 239, 261, 325, 337, 391
- Русы – 37, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 71, 74, 76, 83, 84, 86, 118, 126, 129, 130, 133, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 150, 152, 154, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 170, 171, 172, 174, 175, 176, 179, 182, 183, 187, 188, 190, 210, 218, 294, 295, 303, 308, 309, 310, 312, 313, 315, 321, 325, 326, 329, 330, 331, 335, 336, 337, 338, 339, 353, 354, 355, 366, 367, 382, 383, 384, 388, 398, 404
- Русь (как народ, группа, корпорация) – 23, 38, 54, 78, 115, 144, 145, 156, 158, 160, 161, 165, 172, 174, 178, 180, 181, 184, 187, 189, 274, 284, 286, 294, 303, 311, 319, 329, 330, 331, 335, 337, 341, 342, 366, 380
- Русь – 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 29, 52, 55, 56, 77, 79, 80, 84, 86, 91, 106, 117, 130, 149, 150, 151, 153, 156, 157, 161, 162, 165, 174, 180, 187, 189, 193, 194, 204,

211, 215, 220, 221, 226, 230, 239, 243, 250, 251, 257, 263, 270, 271, 272, 274, 278, 280, 283, 286, 288, 289, 291, 295, 296, 297, 301, 303, 304, 312, 331, 337, 340, 341, 347, 348, 357, 359, 361, 367, 368, 379, 385, 386, 387, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 398, 400, 401, 403

Рюриково городище – 113, 114, 148, 149, 153, 154, 186, 234, 236, 321, 358

Рюстрингия – 54

Рязань – 106, 115, 132

С

Саба – 16, 390

Савиры, савирский – 231

Саксония, саксы – 31, 243, 252, 255, 263, 396, 350, 356, 369, 393

Салтово-маяцкая культура, салтовский – 119, 121, 122, 123, 125, 127, 130, 362, 370

Самарканд – 247

Самбия – 365, 369

Самбамтас – 335

Самкерц – 70, 97

Санкт-Петербург – 308, 335, 383, 406

Сандомир, сандомирский – 372

Сарацины – 56, 164, 317, 358

Саркел – 70, 125, 256, 324, 354

Сарматы – 322

Сарское городище – 116, 141, 142, 149, 153, 154, 186, 210, 234, 241, 246, 322, 324, 333, 361, 362, 366, 392, 406

Свапа – 256

Свёльд – 93

Свинец (Свинья) – 237, 241

Свитьод (Свеоланд) – 185, 198

Север, северяне – 29, 50, 68, 69, 70, 71, 78, 103, 104, 106, 108, 111, 122, 123, 124, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 137, 158, 180, 192, 196, 199, 200, 215, 218, 219, 231, 232, 233, 236, 240, 246, 247, 249, 253, 257, 262, 293, 295, 296, 305, 310, 313, 319, 323, 325, 326, 327, 334, 336, 339, 353, 355, 362, 370, 383, 384, 386, 398, 400, 404

Северная (Север Восточной Европы) Русь, северные племена – 18, 66, 106, 179, 204, 211, 227, 239, 245, 301, 304, 321, 341, 347, 349, 354, 393

Северная Европа – 53, 73, 251, 288, 392, 393, 396, 402

“Северная конфедерация”, объединение племён – 28, 29, 78, 113, 115, 140, 145, 158, 172, 177, 345, 393

Северное море – 148

Северное Причерноморье – 50, 120, 310

- Северский Донец** – 130, 233, 362
- Северо-Восток Руси** – 153, 371, 372, 386, 392, 395
- Северо-Запад Руси** – 74, 111, 122, 149, 150, 152, 153, 155, 183, 185, 200, 213, 284, 328, 402, 406
- Севилья** – 39, 54, 55, 56, 312, 341
- Севск** – 326
- Сейм, Посеймье** – 123, 132, 125, 127, 231, 232, 233, 236, 249, 256, 257, 326, 355, 361, 362, 375, 397
- Сербия, сербы** – 51, 164, 215, 316
- Силезия** – 279, 283
- Сицилия** – 36, 57, 98, 99, 155, 229
- Скандинавия, скандинавы, скандинавский** – 15, 18, 20, 21, 22, 27, 31, 32, 36, 37, 56, 65, 66, 67, 70, 73, 74, 91, 92, 93, 95, 96, 97, 98, 99, 107, 108, 116, 125, 129, 130, 147, 148, 149, 150, 152, 154, 155, 160, 161, 166, 167, 168, 170, 172, 173, 174, 175, 191, 202, 206, 208, 214, 225, 229, 231, 232, 234, 240, 241, 245, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 272, 274, 275, 282, 283, 288, 290, 292, 293, 294, 295, 303, 308, 311, 313, 317, 320, 321, 331, 332, 333, 335, 336, 337, 340, 343, 344, 348, 352, 356, 358, 361, 362, 363, 366, 368, 369, 370, 371, 376, 380, 386, 389, 390, 391, 393, 398, 403, 406
- Скифы и тавры (тавроскифы)** – 204, 212, 267, 274, 355, 357, 358
- Сконе** – 331, 364
- Славяне** – 14, 20, 21, 22, 23, 26, 28, 32, 34, 35, 36, 37, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 52, 53, 54, 56, 57, 59, 61, 62, 64, 65, 68, 70, 72, 74, 75, 78, 79, 89, 91, 93, 94, 96, 98, 110, 112, 115, 116, 117, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 128, 132, 133, 135, 139, 140, 141, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 153, 154, 156, 157, 158, 159, 163, 164, 165, 169, 170, 171, 174, 175, 176, 181, 182, 185, 194, 199, 205, 210, 217, 228, 231, 237, 254, 262, 266, 272, 275, 292, 294, 296, 302, 303, 305, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 316, 317, 320, 321, 322, 323, 324, 326, 327, 328, 330, 331, 334, 338, 339, 340, 342, 344, 345, 348, 350, 352, 356, 357, 358, 359, 363, 368, 369, 376, 379, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 401, 402, 403, 404, 405, 406
- Славяне восточные** – 19, 22, 23, 24, 29, 36, 37, 49, 50, 51, 53, 93, 108, 128, 133, 137, 138, 140, 143, 147, 149, 169, 209, 216, 222, 280, 299, 302, 303, 304, 306, 308, 309, 310, 325, 327, 334, 348, 357, 376, 379, 382, 385, 388, 393, 395, 399, 400, 401, 402, 403
- Славяне Полабские** – 271, 356
- Славяне южные** – 186, 310
- С-л-виюн** – 68, 312
- Словакия** – 51, 272, 279, 293

- Словене – 65, 108, 113, 115, 116, 139, 140, 145, 156, 158, 165, 170, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 184, 189, 221, 239, 263, 321, 326, 328, 332, 335, 341, 346, 380
- Случевск – 322, 404
- С-м-к-рай – 69, 182
- Смальсархорн – 93
- Смоленск – 108, 112, 129, 179, 186, 246, 250, 256, 257, 320, 324, 326, 328, 335, 361, 366, 376, 378, 389, 394, 399, 405
- Снов – 123, 126, 130, 221, 326
- Сновск (Седнев) – 233, 238, 244, 246, 256, 362, 366, 367
- “Сновская тысяча” – 130, 131, 233, 236, 238, 247, 402
- Сож, Посожье – 118, 124, 131, 319, 326, 366, 394
- Солунь, Фессалоника – 94, 120
- Средиземноморье – 13, 55, 56, 386
- Среднеднепровский регион – 22, 118, 186, 207, 333, 357, 383, 384, 387, 388, 390, 396
- Средняя Европа – 15, 32, 74, 89, 91, 134, 139, 153, 155, 158, 185, 212, 214, 277, 281, 288, 290, 292, 306, 401
- СССР (советский) – 10, 12, 17, 18, 20, 23, 25, 28, 30, 31, 32, 41, 51, 137, 176, 300, 302, 306, 307, 382, 383, 385, 387, 388, 392, 393, 394, 395, 396, 398, 399, 401, 403, 404, 406
- Стародуб – 130, 231, 246, 247, 257, 258, 269, 322, 337, 361, 404, 405
- Стародединский клад – 131
- “Старый Свет” – 300, 386
- Стодоране – 73, 205
- Стугна – 238, 239, 242, 262, 269
- Судак – 323
- Судость – 130, 322, 326
- Суздаль – 95, 107, 115, 196, 314, 322, 348, 382
- Суков – 111
- Сула (река) – 127, 130, 242, 261, 269, 270, 325, 362, 363, 375
- Сумароково – 366, 370
- Сумы – 362, 400, 404
- “Syrnes” (Нос на реке Свинья) – 237
- Супой (река) – 241
- Супруты – 127, 128, 130, 132, 343, 361, 369
- Сурож – 39, 329, 373

Т

- Табаристан – 57, 313
- Танаквисль – 160
- Тара – 111

- Татары (Орда) – 25, 223, 344, 346
 Тевтонский орден – 200
 Телиуца – 160, 335
 Теночтитлан – 379
 Тиверцы – 108, 156, 158, 171, 180, 181, 189, 200, 272, 375
 Тимерево – 186, 234, 237, 241, 245, 365, 366, 395, 402
 Титчиха – 127, 128, 141, 370
 Тмутаракань – 70, 267, 316, 326, 389
 Торжок – 346
 Торки – 267, 270, 273, 325, 374
 Трандхейм – 340
 Трансильвания – 215, 272, 310, 357
 Треллеборг – 364
 Три группы (джинс) русов – 57, 58, 59, 67, 159, 312, 321, 367, 384, 385
 Трубеж – 262, 270, 325, 363, 364
 Трубчевск – 119, 131, 231, 260, 337, 361
 Труссо – 148, 311
 Туареги – 31
 Тулча – 215
 “Турки” (венгры) – 165, 204, 357
 Турки (османы) – 299, 388
 Туров – 106, 109, 190, 200, 248, 249, 250, 261, 271, 347, 366, 394
 Тушемлинская культура – 326
 Тюрки – 15, 21, 22, 49, 89, 93, 119, 120, 121, 124, 125, 201, 225, 284, 291, 326, 328,
 344, 386

У

- Угры – 130, 280, 308
 Узнам – 345
 Украина – 28, 108, 137, 301, 325, 333
 Уличи, угличи – 108, 156, 158, 188, 200, 241, 272, 334, 375
 Ультины – 158, 311
 Уппсала – 36, 65, 66, 152, 173, 294, 295, 340, 347
 Урал, Приуралье – 130, 294
 Устье – 364
 Уэльс – 331

Ф

- Фембре – 331, 369
 Фессалия – 120

- Филиппополь – 211, 355
 Финланд – 65, 152
 Финно-угры – 108, 115, 116, 117, 123, 130, 132, 133, 161, 222, 280, 305, 322, 323, 328
 Франки – 14, 23, 31, 44, 51, 53, 61, 66, 67, 144, 205, 263, 352, 367
 Фракия – 132, 211, 217, 229, 269, 350, 355, 356, 357
 Франкская (Каролингская империя) – 56, 73, 129, 148
 Fresiti – 329
 Франция – 13, 206, 341
 Фрисландия – 66, 72, 148, 149, 332, 392
 Фюркат – 243, 258, 364

X

- Хазаран – 44, 353
 Хазария, хазары, Хазарский каганат – 21, 22, 27, 32, 36, 37, 50, 53, 57, 68, 69, 70, 71, 84, 91, 96, 103, 108, 111, 118, 120, 121, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 131, 133, 137, 140, 142, 153, 158, 161, 163, 164, 165, 168, 177, 182, 183, 184, 189, 193, 204, 208, 209, 217, 221, 225, 231, 232, 258, 267, 280, 285, 293, 303, 304, 309, 313, 316, 318, 319, 322, 323, 324, 325, 326, 328, 330, 334, 336, 338, 339, 342, 343, 345, 353, 354, 357, 358, 390, 393, 397, 401
 Хазарское море – 44
 Халифат (арабский) – 45, 133
 Харавои – 310, 375
 Хедебю (Хайтабу) – 254, 257, 369
 Хольмгард – 175, 190
 Хорватия – 26, 51, 52, 53, 108, 135, 310, 318, 327
 Хорваты – 15, 20, 49, 50, 51, 52, 108, 133, 134, 135, 136, 140, 142, 153, 156, 158, 164, 165, 171, 181, 200, 201, 248, 250, 253, 270, 273, 293, 295, 310, 327, 328, 330, 334, 348, 371, 372, 375
 Хорезм (Ховаризм), хорезмийцы – 57, 266, 374
 Хород (Серук), Серез – 159
 Хотомель – 134, 141, 142, 365
 Хотылево – 127, 128, 323
 Хред-готы – 160
 Хрейд (море) – 160
 Хрейдготаланд – 160
 Хрейдмар – 160

Ц

- Царьград – 55, 66, 67, 69, 73, 75, 76, 77, 79, 85, 90, 95, 97, 158, 179, 180, 183, 186, 188, 206, 316, 335, 341, 375, 381, 397

Центральная Америка – 300

Центральная Европа – 14, 15, 22, 53, 133, 251, 382, 385, 387, 392, 395, 398

Ч

Червенские грады – 200, 251, 261, 285, 368, 371, 372

“Чёрная могила” – 109, 219, 231, 258, 393, 394, 396, 398, 406

Чернигов, черниговский – 84, 106, 109, 118, 123, 126, 129, 130, 159, 182, 183, 186, 188, 191, 200, 201, 210, 211, 218, 219, 221, 225, 230, 231, 233, 234, 241, 246, 249, 250, 253, 261, 326, 335, 337, 338, 343, 347, 353, 354, 355, 361, 362, 367, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 394, 395, 396, 398, 402, 403, 404

Чернигога – 160, 335

Чёрное море, Причерноморье – 50, 51, 120, 124, 210, 219, 227, 267, 270, 273, 304, 310, 311, 357, 374

Чёрные клобуки – 325

Черняховская культура – 119, 120

Чехия, чешский, “чехина” – 15, 22, 32, 50, 51, 52, 99, 108, 117, 130, 133, 137, 140, 143, 153, 194, 193, 200, 201, 205, 213, 214, 215, 220, 221, 226, 227, 228, 235, 251, 252, 253, 259, 262, 266, 268, 271, 277, 279, 280, 281, 283, 284, 285, 286, 288, 290, 292, 293, 295, 296, 297, 299, 304, 316, 319, 334, 348, 349, 355, 356, 359, 367, 368, 371, 372, 373, 378, 379, 391, 401

Ч-р-нк (Черник) – 159

Чудь, чудский – 115, 139, 145, 165, 181, 200, 208, 239, 263, 328, 341, 346, 360, 391

Ш

Швабия – 252

Швеция – 15, 26, 54, 55, 65, 66, 72, 74, 151, 152, 173, 185, 198, 206, 226, 243, 245, 257, 280, 286, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 297, 303, 322, 329, 330, 331, 344, 348, 369, 370, 375, 379

Шестовицы – 109, 126, 127, 130, 183, 186, 231, 233, 234, 236, 237, 238, 240, 244, 245, 246, 323, 335, 337, 361, 367, 383, 384, 387, 390, 391

Ширван – 313, 313, 353

Шотландия – 331

Э

Эдо – 113, 114, 155, 334

Эйстланд (Эстония) – 65, 152

Эрфурт – 304

Эски-Кермен – 336

Эфес – 48, 316

Ю

Юго-Восточная Азия – 299

Юго-Восточное Приладожье – 115, 321, 390

Юго-Восток Европы, Руси – 15, 106, 108, 111, 117, 118, 121, 124, 125, 128, 130, 132, 211, 257, 292, 293, 323, 369, 382, 383, 385, 392, 395, 398, 404, 405

Юго-Запад Европы, Руси – 108, 126, 132, 133, 134, 136, 138, 139, 140, 154, 293, 326

Южная Русь – 27, 67, 106, 177, 211, 245, 255, 301, 333, 346, 347, 391, 394, 396

Ютландия – 390

Я

Ярославль – 107, 108, 177, 178, 250, 256, 257, 332, 378, 387, 400, 402

Ясторфская культура – 119

Ятвяги – 259, 261, 369, 373

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

- Абдар-Рахман – 56
 Абрамович В.Г. – 307
 Авенариус А. – 337, 383
 Адам Бременский – 332, 369, 382
 Ад-Дир – 56, 109, 312, 319
 Адальберт – 51, 203, 204
 Адамс Р. – 12, 213, 299
 Аджи М.Э. – 21, 308, 383
 Акимова О.А. – 51, 383
 Ал-Балхи – 57
 Ал Джарми, Муслим Ибн – 39, 43, 50, 133
 Ал-Идриси – 57, 58, 59, 62
 Ал-Истахри – 57, 58, 59, 62, 63, 160, 161, 321, 367
 Ал-Марвази – 43, 44, 48, 93, 133, 266, 309, 310
 Ал-Масуди – 41, 50, 53, 54, 56, 57, 67, 72, 83, 84, 132, 141, 153, 161, 182, 217, 309,
 312, 319, 339, 341, 354, 379
 Ал-Якуби – 39, 55, 341
 Александров А.А. – 55, 308, 311, 383
 Алексеев А.В. – 361
 Алексей III Ангел – 223
 Алексей IV Ангел – 223
 Алексей I Комнин – 223
 Алешковский М.К. – 113, 335, 406
 Аллогия – 351
 Амунд – 72, 167
 Ангантюр – 160
 Ангелы – 223
 Андрей Ярославич – 295
 Андрошук Ф.А. – 162, 183, 210, 230, 234, 245, 255, 308, 335, 336, 337, 354, 383
 Анна, жена Владимира I –
 Анна Комнина – 344, 350, 355, 356
 Анна Ярославна – 76, 206
 Аноним “Собрания истории” – 43, 309
 Анпилогов Г.Н. – 233, 383
 Ансгарий С.В. – 37, 56, 65, 66, 72, 148, 152, 154, 321
 Арвейлер (Ahrweiler) – 36, 407

Арпад – 165
 Аругюнова-Фиданян В.А. – 224, 383
 Аскольд – 29, 67, 72, 73, 77, 86, 87, 97, 109, 126, 169, 172, 180, 182, 304, 312, 329, 335, 341, 392
 Асмуд – 167, 197, 204, 208, 349, 352
 Асы (Асси) – 336
 Атли – 166
 Аттила – 357
 Ашина – 345
 Ашот II Еркат – 164
 Аулих В.В. – 326
 Афанасьев Г.Е. – 129
 Ахмед Ат-Туси – 159

Б

Багновская Н.М. – 104, 122, 383
 Байер И. – 313
 Баранов И.А. – 323, 383
 Барац Г.М. – 35, 36, 383
 Бартольд В.В. – 309, 311, 367, 382
 Батожок Н.И. – 325, 384
 Батый – 223
 Бахрушин С.В. – 305, 384
 Белецкий С.В. – 32, 99, 107, 111, 154, 320, 332, 384
 Белков П.Л. – 105, 301, 384
 Березкин Ю.Е. – 12, 213, 300, 384
 Березовец Д.Т. – 122, 123, 384
 Бессарабова З.Д. – 366, 369, 384
 Бичурин Н.Я. – 345, 384
 Блейк Н. – 331
 Блифельд Д.И. – 238, 365, 384
 Блуд – 225
 Богомольников В.В. – 111, 384
 Божья Матерь – 95
 Болеслав II Жестокий – 200, 214, 228, 249, 250, 251, 252, 253, 259, 367, 368, 372
 Болеслав Храбрый – 347, 351, 368, 377
 Болеслав I Чешский – 200, 359
 Бондаренко Д.Н. – 113, 300, 301, 318, 370, 373, 384
 Борис Святой Владимирович – 94, 218, 275, 316, 351, 372
 Борис II, царь Болгарии – 211, 212, 215, 217, 218, 220, 225, 355, 360, 361

- Боровской Я.Е. – 159, 308, 384, 385
 Бочаров В.В. – 117, 385
 Бравлин – 329
 Брайчевский М.Ю. – 67, 69, 77, 86, 304, 312, 385
 Бржетислав II – 296
 Брокельман (Broskelmann С.) – 54, 407
 Бромлей Ю.В. – 13, 176, 306, 320, 385
 Бруно Кверфуртский – 51, 271
 Брюнеста – 206
 Будилович А.С. – 160
 Булкин В.А. – 18, 150, 300, 326, 332, 361, 385, 389, 392
 Бурицлейв (Бурицлав) Вендский – 148, 190, 205, 254, 331, 352, 369
 Бучек К. – 252
 Быков А.А. – 123, 385
 Бьёрн Эйриксон (Железнобокий) – 173, 341
 Бюттнер Т – 365, 385

В

- Вадим Храбрый – 154
 Валеев Г.К. – 104, 167, 385
 Вальдамар – 190, 205, 373
 Валиди Тоган А. Зеки (Validi Togan A.Zeki) – 310, 311, 327
 Варда Склир – 356
 Варда Фока – 267, 274
 Василий I Македонянин – 68, 85, 86, 90, 165, 180, 267, 273, 313, 314
 Василий II Болгаробойца – 274
 Васильев Л.С. – 13, 16, 301, 385
 Васильевский В.Г. (Wasilewski) – 161? 334, 372, 410
 Вацлав Святой – 296
 Вебер М. – 16
 Вельфы – 252
 Вениамин, каган – 313, 336
 Вернадский Г.В. – 18, 21, 137, 174, 301, 317, 330, 340, 385
 Вестберг Ф. (Westberg) – 37, 68, 133, 310, 311, 313, 327, 410
 Видсид – 160
 Видукинд Карвейский – 282, 379
 Вильсон Д.М. (Wilson D.M.) – 21, 255, 303, 410
 Винников А.З. – 32, 133, 141, 155, 325, 328, 385
 Винокур И.С. – 272, 385
 Винцент Кадлубек – 279, 282, 406

- Виссивальд – 370
 Виткин М.А. – 301, 386
 Вифил – 299
 Витфогель К. – 367
 Владимир (Василий) Святой – 25, 30, 52, 91, 95, 142, 192, 193, 207, 210, 228, 232,
 239, 241, 247, 257, 279, 282, 287, 346
 Вознесенская Г.А. – 155, 400
 Волос (Велес) – 317
 Волх Всеславьевич – 95, 96, 97, 99, 317
 Волчий Хвост – 110
 Вольга – см. Ольга кн.
 Вольга Воилуа – 94, 95, 317
 Всеволод Владимирович Волынский – 370
 Всеволод Ярославич – 223
 Всеслав Полоцкий – 95, 96, 97
 Высоцкий С.А. – 99
 Вятко – 110

Г

- Габсбурги – 356
 Галл Аноним – 88, 117, 262, 279, 281, 282, 283, 284, 368, 371, 375, 377, 379, 380,
 382
 Гардизи
 39, 43, 48, 93, 133, 139, 145, 146, 152, 157, 174, 175, 176, 309, 310, 335
 Гаркави А.Я – 37, 50, 57, 59, 68, 311, 312, 382
 Гачиньский Н. – 52
 Геза – 73, 272, 378
 Гейра, дочь Бурицлава Вендского – 205, 206, 352
 Генрих Ободритский – 202
 Генрих Латвийский – 374
 Георгий Амартол – 35, 67, 71, 78, 187, 382
 Георгий Амастридский – 39, 55, 144, 312
 Георгий Святой – 94
 Герд, сын Кольбейна – 93
 Гизела – 374
 Глазырина Г.В. – 36, 321, 322, 386
 Глеб – 94, 316, 372, 381
 Годелье М. – 13, 299, 386
 Голб Н. – 35, 68, 128, 313, 342, 374
 Голубева Л.А. – 115, 321, 323, 328, 386

- Гомер – 16, 300
 Гончаров В. – 363, 387
 Горемыкина В.И. – 17, 386
 Горина Л.В. – 35, 95, 195, 386
 Горский А.А. – 17, 18, 20, 28, 30, 71, 75, 77, 137, 279, 301, 307, 371, 377, 386
 Горский А.Д. – 307, 386
 Готшалк – 202, 207, 228, 288, 356
 Греков Б.Д. – 17, 157, 395
 Григорий Мних – 95, 382
 Григорьев А.В. – 122, 126, 127, 129, 130, 154, 190, 233, 305, 318, 335, 336, 339, 353, 386, 404
 Гринёв Н.Н. – 74, 197, 329, 386
 Грушевський М. – 21, 142, 329
 Гудлейк – 175
 Гуды, Алвид Гудов, Сфирка Алвид Гудов – 81, 167
 Гуляев В.И. – 300, 370, 386
 Гумилёв Л.Н. – 20, 21, 22, 56, 70, 84, 303, 308, 313, 342, 345, 386
 Гуревич А.Я. – 14, 15, 23, 26, 36, 96, 97, 173, 208, 236, 257, 299, 340, 341, 348, 368, 386
 Гурьянов В.Н. – 111, 131, 245, 247, 257, 322, 363, 387, 405
 Гутнова Е.В. – 15, 299, 387
 Гюда, дочь Олава Кворана – 206, 352

Д

- Давидан О.И. – 148, 333, 387
 Далимил – 99
 Даниил Заточник – 280, 286
 Данилова Л.В. – 176, 306, 341, 387
 Дашков С.Б. – 56, 350, 387
 Дворник Ф. – 52
 Дворниченко А.Ю. – 19, 23, 301, 302, 305, 403
 Десницкий С.Е. – 299
 Джаксон Т.Н. – 36, 37, 65, 72, 152, 173, 237, 254, 270, 274, 321, 322, 333, 369, 371, 373, 375, 386, 387
 Дир – 29, 56, 67, 72, 73, 77, 86, 87, 97, 109, 126, 169, 172, 180, 304, 312, 319, 329, 335, 341, 392
 Дмитрий Донской – 346
 Дмитрий Солунский – 93, 94
 Длугош Ян – 35
 Добрыня, дядя Владимира – 197, 220, 225

- Довженок Г.И. – 269, 270, 363, 387
 Достал – 133, 158, 327, 328, 378, 401
 Дубов И.В. – 18, 32, 104, 149, 150, 154, 245, 255, 332, 333, 361, 365, 366, 367, 387,
 389, 392
 Дубровка – 368
 Дубровский А.М. – 325
 Дука – 223
 Дьяконов И.М. – 196, 387
 Дэвидсон Б.А. – 299, 300, 387

Е

- Елизавета Ярославна – 76, 98
 Енуков В.В. – 111, 233, 320, 366, 370, 387
 Ермунгард – 258
 Ефименко Т. – 305
 Ефрем, епископ – 91

Ж

- Жарнов Ю.Э. – 240, 244, 245, 257, 365, 387
 Жемличка Й. – 15, 52, 134, 158, 193, 194, 262, 272, 277, 283, 299, 374, 387

З

- Забелин И.Е. – 303
 Завадская С.В. – 136, 387
 Зайцев А.К. – 130, 231, 233, 362, 388
 Зайцев В.В. – 103, 123, 127, 128, 189, 231, 305, 355, 363, 388, 405
 Зализняк А.А. – 303, 388
 Затыркевич М. – 305
 Заходер Б.Н. – 40, 41, 310, 327, 388
 Звездецкий Б.А. – 134
 Зимин А.А. – 252, 388
 Зоценко В.Н. – 154, 183, 188, 201, 210, 219, 230, 233, 255, 326, 335, 338, 354, 383,
 388
 Зоя – 206
 Зоя Карвонапсина – 76, 315

И

- Иаков Мних – 252, 388
 Ибн Исфендийар – 57, 83, 84
 Ибн Мискавейх – 57, 60, 63, 64, 65, 88, 168, 187, 188, 382

- Ибн Русте – 39, 43, 47, 50, 51, 59, 61, 93, 108, 133, 135, 141, 274, 309, 310, 324, 328, 336, 340, 379
- Ибн Фадлан, Ахмед – 40, 42, 44, 57, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 76, 157, 159, 169, 175, 309, 324, 338, 339, 382
- Ибн Хаукаль – 42, 57, 58, 59, 62, 321, 353, 367, 388
- Ибн Хордадбех – 43, 44, 45, 50, 54, 309, 342, 395
- Ибн Якуб, Ибрагим – 57, 309, 328
- Иван Владислав – 360
- Иван Калита – 346
- Иванов Б.А. – 299, 388
- Иванов Н.А. – 299, 388
- Иванов С.А. – 88, 225, 355, 357, 358, 400
- Игнатий – 85, 313, 314
- Игорь – 30, 69, 70, 71, 72, 75, 76, 80, 83, 85, 87, 88, 89, 92, 128, 136, 151, 157, 159, 160, 164, 167, 168, 177, 180, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 193, 195, 197, 207, 209, 210, 212, 213, 218, 225, 229, 248, 249, 259, 267, 272, 294, 307, 313, 314, 317, 335, 336, 343, 344, 348, 361, 372, 381
- Изюмова С.А. – 361, 388
- Икмор – 220, 226
- Иларион – 77, 85, 88, 89, 90, 91, 93, 203, 225, 316, 374, 388, 398
- Иллуги Скальд – 98
- Ильинский – 334, 382
- Ингвар Шведский – 331
- Ингигерд (Ирина) – 36, 65, 66, 91, 98, 152, 373, 374
- Инглинги – 152, 160, 172, 173, 331
- Ингор (Игорь в византийских источниках) – 160
- Ингьяльд-конунг – 376
- Инь, династия –
- Иоанн Диакон – 77
- Иоанн Екзарх – 225
- Иоанн Цимисхий – 87, 187, 206, 211, 212, 216, 217, 225, 226, 228, 229, 350, 354, 355, 358
- Иоанн Эфесский – 48
- Иордан – 121
- Иосиф – 36, 68, 69, 70, 71, 128, 336
- Ирина, жена Константина VII – 369
- Исаак II Ангел – 223
- Исаак I Комнин – 223
- Исакий – 223

Исланова И.В. – 234, 333, 366, 392
 Истрин В.М. – 77, 78, 382
 Иштван (Стефан) – 73, 272, 374, 378

К

Кавелин К.Д. – 301, 318, 342
 Каждан А.П. – 15
 Казимир Восстановитель – 375, 380
 Калиганов И.И. – 94, 388
 Калинина Т.М. – 50, 69, 83, 210, 308, 310, 342, 353, 354, 388
 Калокир – 211, 216, 217
 Калугин В.И. – 95, 389
 Каменецкая Е.А. – 237, 389
 Карамзин Н.М. – 185, 330, 339, 389
 Кардини Ф. – 31
 Кареев Н. – 305
 Карл Великий – 350
 Карнейро Р. – 13
 Каролинги – 129, 174, 286
 Карташов А.В. – 91, 389
 Карышковский П.О. – 342, 389
 Кёблер Г. – 369, 407
 Кивикоски Е. – 256, 407
 Кий – 67, 109, 319, 322
 Кирилл, епископ – 91
 Кирпичников А.Н. – 18, 32, 37, 148, 149, 150, 153, 245, 255, 300, 332, 333, 389
 Кланица З. – 337, 389
 Клессен А. – 12
 Ключевский В.О. – 18, 19, 21, 25, 137, 301, 303, 389
 Кмитович – 133, 310, 311, 327
 Кнут (Кнуд) Великий – 214, 215, 228, 243, 378
 Кобищанов Ю.Н. – 13, 24, 26, 176, 299, 341, 389
 Ковалевский М.М. – 105, 389
 Ковалевский А.П. – 40, 60, 61, 62, 164, 166, 175, 309, 382
 Коваленко В.П. – 126, 230, 247, 389
 Козьма Пражский – 117, 252, 253, 262
 Койчева Е. – 15, 162, 169, 225, 300, 389, 390
 Коковцов П.К. – 36, 71, 129, 161, 182, 187, 336, 342, 354
 Колесницкий Н.Ф. – 14, 26, 343

- Колесов В.В. – 74, 390
Кольчатов В.А. – 361, 390
Комнины – 223, 350
Кондаков Н. – 256, 258, 369, 401
Коновалова И.Г. – 69, 83, 84, 188, 308, 342, 390
Константин VIII – 267, 273
Константин VII Багрянородный – 25, 35, 51, 56, 57, 68, 70, 86, 95, 130, 135, 146, 156, 157, 158, 159, 160, 164, 175, 176, 179, 195, 204, 214, 224, 253, 266, 310, 311, 314, 334, 335, 336, 338, 382, 383, 393
Константин Великий – 90
Константин X Дука – 223
Константин IX Мономах – 98
Корзухина Г.Ф. – 119, 148, 149, 154, 390
Королюк В.Д. – 15, 26, 32, 356
Коротаяев А.В. – 300, 390
Корсунский А.Р. – 14, 173, 299, 390
Костомаров Н.И. – 305
Котляр Н.Ф. – 28, 29, 30, 142, 249, 304, 307, 308, 390
Кочев Б. – 15, 162, 300, 390
Кочкуркина С.И. – 115, 390
Крачковский Ю.И. – 37, 309
Криве-Кривайтис – 112
Кропоткин В.В. – 123, 390
Крузе Ф. (Kruise F) – 311, 390, 407
Крум – 162, 212, 291
Крутой – 356
Крылов Б.В. – 299
Крымский А.Е. – 159
Куббель Л.Е. – 12, 13, 16, 31, 227, 264, 300, 301, 306, 361, 390
Куза А.В. – 103, 127, 142, 154, 189, 231, 305, 339, 355, 390, 391
Кузьмин А.Г. – 75, 78, 222, 313, 391
Кулаков В.И. – 112, 148, 149, 280, 311, 332, 365, 369, 391
Куник А.А. – 37, 166, 337, 391
Куно из Швабии – 252
Курбатов Г.Л. – 179, 339, 340, 391
Кусков В.В. – 90, 222, 391
Кухаренко Ю.В. – 247, 391
Кучинский С. (Kuczynski) – 372, 407
Кучкин В.А. – 233, 239, 247, 275, 282, 306, 391

Л

- Лаврентий – 75, 76, 78, 81, 82, 109, 177, 178, 195, 196
 Ламбин Н. – 77, 337, 391
 Лалтева Л.П. – 35, 391
 Лапшин В.А. – 116, 391
 Ласло Г. (Laslo G.) – 130, 258, 407
 Лебедев Г.С. – 18, 32, 37, 41, 56, 66, 67, 96, 111, 122, 137, 150, 160, 161, 162, 172, 202, 208, 242, 243, 245, 255, 257, 262, 300, 304, 309, 321, 322, 332, 333, 340, 353, 364, 385, 389, 391, 392
 Лев Диакон – 57, 68, 87, 88, 187, 191, 211, 212, 216, 217, 218, 220, 222, 224, 225, 226, 230, 285, 341, 342, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 382, 389, 400
 Лев (Леон) Мудрый – 72, 79, 80, 84, 86, 315
 Лев Торник – 99
 Леви-Брюль Л. – 24, 392
 Леви-Строс К. – 163
 Левицкий Т. (Lewicki) – 133, 308, 310, 312, 327, 328, 407
 Ленин В.И. – 16, 301, 302
 Леонтьев А.Е. – 115, 116, 141, 142, 149, 154, 163, 234, 321, 332, 333, 361, 366, 392
 Лер-Сплавинский Т. (Lehr-Splawinski) – 372, 407
 Лесман Ю.М. – 361
 Либи Арьфастов (Арфостов); Лиду Фост; Лидул Фост; Лидульфост; Либиар Фастов, Иабар Фастов – 82, 83, 315
 Линд Дж. (Lind J.) – 18, 337, 407
 Литаврин Г.Г. – 15, 36, 76, 77, 94, 162, 195, 204, 224, 392
 Лиутпранд Кремонский – 341
 Лихачёв Д.С. – 73, 90, 222, 392
 Ловмянский Г. – 15, 52, 72, 151, 279, 312, 320, 334, 369, 392, 407, 408
 Логофет – 75
 Лордкипанидзе М.Д. – 15
 Лотарь – 56
 Лыбедь – 109
 Любарский Я.Н. – 374, 392
 Любке (Lubke) – 375, 408
 Люблинская А.Д. – 299, 392
 Людат (Ludat) – 375, 408
 Людовик Благочестивый – 55
 Лют (Мстислав) – 97, 248, 249, 406
 Ляпушкин И.И. – 323
 Ляшко, боярин – 275
 Лященко А.И. – 392

М

- Мавродин В.В. – 26, 27, 67, 304, 305, 393, 403
 Магнус Добрый – 91
 Магомедов М.Г. – 123, 393
 Майко – 323, 383
 Макаров Н. – 380
 Македонская династия – 206
 Макушников О.А. – 111, 320
 Мал – 136, 169, 193, 195, 199, 203, 327, 338
 Малингуди Я. – 314, 360
 Малуша – 225
 Мария-Добронега – 375
 Маркарян Э.С. – 105, 393
 Маркварт – 68, 133, 142, 310, 312, 327, 339, 408
 Марков А.К. – 247, 393
 Маркс К. – 16, 301, 380, 390, 393
 Марсина Р. – 15, 52, 134, 158, 193, 194, 262, 272, 277, 283, 299, 374, 387
 Мартышкин О.В. – 197, 223, 393
 Маскаев А.И. – 117, 393
 Матанов Х. – 15
 Матвеев А.С. – 308
 Мачинский Д.А. – 359, 393
 Мачинская А.Д. – 148, 393
 Медведев Е.М. – 206
 Мельник – 365, 393
 Мельникова Е.А. – 18, 20, 21, 27, 28, 29, 30, 32, 36, 55, 66, 104, 142, 161, 162, 163,
 234, 242, 243, 280, 302, 304, 307, 308, 331, 340, 348, 361, 393, 394
 Меровинги – 206
 Метельский – 319
 Мешко I (Мечислав) – 252, 282, 285, 351, 368, 372, 378
 Микула (Селянинович) – 317
 Миллер Г.Ф. – 311
 Милютенко Н.И. – 132, 248, 327, 347, 366, 394
 Миненко В.В. – 131, 234, 405
 Минорский В.Ф. – 39, 341, 382
 Михаил III – 55, 56, 67, 68, 72, 85, 86, 312, 314, 321
 Михаил VIII Дука – 223
 Михаил V Калафат – 98
 Михаил Псел – 98, 267, 270, 274, 382, 392
 Михеев В.К. – 124

- Модестов Ф.Э. – 112, 394
 Моислав (Мечислав) – 285, 380
 Молчанов – 358, 394
 Мономах Владимир – 21; 232, 239, 286, 289
 Моргунов Ю.Ю. – 242, 269, 394
 Москаленко А.Н. – 133, 141, 155, 394
 Моця А.П. – 32, 129, 154, 163, 183, 210, 214, 219, 233, 236, 245, 255, 258, 263, 280,
 301, 304, 328, 335, 359, 361, 362, 365, 388, 394, 400
 Мстислав Мстиславович Удалой (Удатный) – 360
 Мстислав Владимирович Храбрый – 223, 224, 285
 Мугуревич – 318, 394
 Мухамед ибн Ахмад ал-Азди – 353
 Мьльников А.С. – 105, 394

Н

- Назаренко А.В. – 22, 23, 32, 83, 104, 167, 203, 247, 251, 305, 311, 318, 328, 337, 375, 395
 Назаренко В.А. – 18, 332, 389
 Наримант-Глеб – 345
 Наумов Е.П. – 162, 392
 Нахалетян В.Е. – 104, 304, 324
 Недошивина Н.Г. – 237, 366, 395, 402
 Нееды З.Р. – 328
 Нестор – 80, 189
 Неусыхин А.И. – 14, 23, 299, 395
 Нидерле Л. – 52
 Никита Пафлагонский – 56, 67
 Никитинский А. – 305
 Николай I (папа) – 77
 Николай Мистик – 224, 315
 Никон, Никоновская летопись – 90, 154, 180, 182, 252, 382
 Никифор III Вотаниат – 223
 Никифор Фока – 206, 208, 209, 216
 Никифоров В.Н. – 213
 Новик Т.Г. – 70, 183, 188, 210, 219, 231, 233, 326, 335, 338, 354, 395
 Новосельцев А.П. – 18, 19, 21, 22, 26, 32, 37, 39, 41, 43, 50, 51, 53, 54, 57, 65, 83,
 93, 133, 137, 139, 146, 174, 175, 210, 302, 308, 309, 310, 311, 313, 318, 323,
 327, 328, 329, 335, 342, 382, 395, 396
 Носов Е.Н. – 32, 114, 115, 116, 148, 149, 154, 321, 333, 345, 396
 Нух бен Наср – 247, 369

О

- Оболенский Д. – 77, 95
 Ода Саксонская – 252, 375
 Одд Стрела – 317
 Один – 92, 96, 256, 343, 358
 Озере – 149, 396
 Окладникова Е.А. – 105, 396
 Олав из Бирки – 66, 72, 340
 Олав Кворан, король Дублина – 206
 Олав Тихий, король Норвегии – 343, 344, 381
 Олав (Оли), сын Трюггви – 92, 351, 364
 Олав Трюгвассон – 88, 92, 93, 96, 97, 190, 205, 206, 270, 271, 274, 275, 317, 369, 370, 371
 Олав Харальдсон “Святой” – 36, 56, 88, 90, 91, 99, 152, 175, 202, 343, 344, 348, 350, 369, 371, 373, 378
 Олав Шведский “Шётконунг” – 152, 272, 370
 Олег Вещий – 70, 78, 85, 86, 89, 90, 91, 92, 93, 95, 96, 97, 98, 151, 187, 206, 348, 392
 Олег Святославович Древлянский – 97, 98, 367
 Олекса (Лекса) – Александр – 223
 Оли из Гардарики – 91, 343
 Ольга (Вольга) – 29, 75, 76, 86, 88, 90, 91, 94, 95, 98, 99, 128, 136, 167, 190, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 213, 214, 215, 216, 218, 220, 221, 222, 227, 229, 235, 261, 265, 268, 287, 289, 291, 294, 313, 317, 338, 345, 346, 347, 348, 349, 353, 372, 373, 375, 380, 395
 Ольдржих (Андрих) Чешский – 372
 Омуртаг – 162, 212
 Орлов Р.С. – 359, 396
 Отгон I – 51, 204, 252, 367
 Отгон II (Отто Кейсар) – 190, 242, 251, 252, 254, 271, 351, 352, 368
 Отгон III – 375

П

- Павел, апостол – 90
 Падин В.А. – 119, 366, 396
 Пайпс Р. – 21, 22, 23, 150, 301, 302, 303, 308, 330, 396
 Пална-Токи (Пальнатоки) – 241, 331
 Панеш Э.Х. – 320, 396
 Пархоменко В.А. – 305, 396
 Патрикий Наримантович – 346
 Пашуто В.Т. – 77, 101, 105, 298, 305, 356, 388, 390, 391, 393, 395, 396, 397, 399, 402, 406

- Перхавко В.Б. – 119, 215, 356, 359, 396
Першиц И.А. – 176, 306, 385
Песах – 68, 69, 128, 191, 353
Пётр, апостол – 90
Пётр Делян – 93
Пётр I, царь Болгарии – 211, 217, 224, 351
Пётр из Дуйсбурга – 320
Петрашенко В.О. – 123, 319, 324, 396
Петренко В.П. (Petrenko) – 148, 149, 408
Петрухин В.Я. – 18, 20, 21, 22, 27, 28, 32, 35, 36, 52, 55, 66, 69, 70, 73, 74, 78, 86, 98, 104, 111, 123, 142, 160, 161, 163, 183, 197, 207, 214, 219, 234, 243, 255, 257, 258, 280, 300, 302, 317, 324, 325, 337, 341, 342, 344, 345, 348, 349, 360, 361, 368, 374, 393, 394, 396, 397
Платонова Н.И. – 69, 70, 83, 167, 321, 337, 397
Плетнёва С.А. – 124, 129, 253, 258, 270, 325, 397
Погодин М.П. – 77, 221, 230, 302, 359, 367, 397
Подпалова Г.И. – 299, 397
Поляков Г.П. – 130, 376, 397
Половой Н.Я. – 313, 397
Попов В.А. – 24, 137, 320, 370, 397
Потехин И.И. – 299
Пресняков А.Е. – 305
Претич – 218, 219, 225, 238, 241, 353, 359, 362, 393
Пржемысл I – 349
Пржемысловцы – 99, 283
Прибыслав (Генрих) Стодоранский – 73
Приймак В.В. – 122, 124, 125, 126, 127, 129, 155, 322, 323, 333, 397, 400
Приселков М.Д. – 77, 314, 316
Приск – 357
Прицак О.Й. – 21, 22, 35, 68, 104, 128, 303, 304, 313, 342, 374, 393
Продолжатель Георгия Амартола – 78
Продолжатель Феофана – 75, 88, 208
Прокопий Кесарийский – 48, 323, 398
Проскоченко А.Н. – 325
Пряхин А.В. – 32, 133, 141, 155, 328
Пушкина Т.А. – 18, 32, 66, 142, 163, 197, 234, 243, 280, 300, 324, 332, 358, 361, 394, 397, 398
Пьянков А.П. – 17, 398
Пясты – 252, 279, 282, 283, 380

Р

- Радзивилловская летопись – 75, 76, 78, 81, 82, 178, 195, 196, 198
 Радим – 110
 Регнвальд Норвежец –
 Регнвальд, ярл Ёталанда и Ладуги – 65, 190, 250, 373, 375, 380
 Ресдаль Э. – 202, 259, 351, 398
 Римберт – 37, 65, 321
 Рогволод (Рогнвальд) Полоцкий – 169, 190, 201, 207, 248, 249, 250, 251, 253, 373
 Рогнеда, дочь Рогнвальда – 201, 253, 373
 Рожер II – 57
 Рожков Н.А. – 305
 Розен В.Р. – 37, 40, 166, 337, 391
 Розов Н.Н. – 90, 398
 Роман II – 70, 208, 351, 353
 Роман IV Диоген – 223
 Роман I Лакапин – 70, 224
 Роман, царевич, сын Петра I –
 Ронин В.К. – 15, 26, 112, 283, 345, 398
 Рорик Ютландский – 54, 66, 72, 151
 Ростислав Смоленский – 376, 378
 Руад, Руалд, Роалд, Алд – 82, 315
 Рулав, Раул, Руар, Рюар – 81, 82
 Русанова И.П. – 134, 135, 141, 154, 272, 322, 323, 327, 328, 398, 401
 Руссоцкий С. – 284, 380
 Рыбаков Б.А. – 19, 20, 21, 22, 23, 37, 51, 73, 122, 134, 141, 155, 163, 197, 234, 270, 281, 303, 305, 307, 308, 310, 313, 321, 326, 327, 328, 335, 375, 398
 Рыдзевская Е.А. – 36, 74, 317, 398
 Рыер Я.Р. – 263, 398
 Рычко В.М. – 347, 398
 Рюрик – 16, 21, 67, 72, 73, 74, 86, 87, 113, 141, 153, 154, 167, 197, 302, 304, 312, 321, 328, 329, 392
 Рюриковичи – 21, 38, 70, 92, 102, 142, 153, 156, 163, 186, 189, 190, 194, 195, 198, 199, 200, 204, 206, 207, 218, 221, 248, 250, 261, 262, 282, 283, 285, 286, 301, 303, 316, 326, 345, 347, 349, 363, 373, 376, 384, 395, 405
 Рюс (Russ H.) – 302, 409
 Рябинин Е.А. – 149, 153, 333, 398

С

- Саксон Грамматик – 369
 Салинз М. – 299

- Самоквасов Д.Я. –
 Саргон –
 Сафронов И.В. –
 Сахаров А.Н. –
 Свава, валькария – 97
 Сванидзе А.А. – 15, 348
 Сванидзе И.А. – 299
 Свейн Вилобородый – 148, 214, 236, 242, 254, 271, 331, 352, 369, 378
 Свенельд – 97, 167, 188, 191, 195, 200, 208, 209, 222, 225, 230, 235, 238, 241, 248,
 249, 250, 251, 286, 359, 364, 367, 376, 403, 406
 Свердлов М.Б. – 19, 24, 26, 27, 28, 170, 302, 306, 307, 308, 335, 379, 399
 Свиег-Малик (Свт.м.лк) – 50, 51, 52, 53, 133, 139
 Святополк Великоморавский (Сфендополк) – 49, 50, 164, 356
 Святополк Изяславич – 223, 315
 Святополк Туровский (Окаянный) – 271
 Святослав – 68, 70, 75, 76, 89, 93, 96, 118, 128, 159, 167, 182, 183, 187, 190, 192, 194,
 195, 197, 200, 201, 203, 206, 208-222, 224-230, 232, 235, 241, 249, 251, 267,
 268, 273, 282, 284, 285, 287, 288, 291, 295, 307, 317, 324, 325, 326, 345, 347,
 349, 351-362, 367, 371, 372, 375, 388, 398, 403
 Седов В.В. – 32, 56, 101, 107, 111, 112, 119, 120, 122, 123, 132, 141, 149, 272, 303,
 308, 318, 320, 322, 324, 332, 358, 365, 399
 Седов Л.А. – 300, 399
 Седых В.А. – 365, 387
 Семёнов Ю.М. – 13, 299, 306, 399
 Сенаторский Н.П. – 122, 399
 Сервис Э. – 13, 28, 29, 299
 Сецех – 283
 Сигвальди – 352
 Сигмунд, отец Хельги (из саг) – 96, 317
 Сигрид Гордая – 206, 370
 Сигурд, ярл – 370
 Сидоров В.И. – 234, 333, 366, 392
 Сизов В.И. – 366, 399
 Синеус – 74, 329
 Скальник П. – 12
 Скегги – 98
 Скилица – 211, 212, 216, 217, 224, 225, 226, 267, 355, 356, 357, 358, 359, 360
 Скули, сын Торстейна – 93, 343, 353
 Славник – 51
 Славниковцы – 51, 52, 201, 372

- Смбат I – 164
 Смирницкая О.А. – 96, 97
 Смирнов А.П. – 123, 399
 Снорри Стурлусон – 93, 98, 148, 317, 331, 351, 352, 368, 378, 382, 400
 Соболев В.Ю. – 365, 400
 Соболева Е.С. – 117, 400
 Соловьёв (Soloviev) А.В. – 18, 331, 409
 Соловьёв С.М. – 346
 Соломон – 95, 260, 378
 Сосновский К.П. – 244, 400
 София Светлая – 156
 Сперанский М. – 256, 400
 Срезневский И.И. – 77
 Стам С.М. – 143, 400
 Станкевич Я.В. – 366, 400
 Стеблин-Каменский М.И. – 36, 93, 96, 97, 160, 166, 242, 259, 344, 351, 400
 Стефан, василевс – 80
 Стефан (Иштван) Венгерский – 372
 Стефан Сурожский – 39, 329, 373
 Стороженко А.В. – 325, 400
 Стюард Д. – 299
 Сухобоков О.В. – 131, 155, 233, 362, 400
 Сфандра – 167, 168, 187, 231
 Сфендослав (Святослав в византийских источниках) – 160
 Сфенкел – 211, 220, 356
 Сюзюмов М.Я. – 88, 225, 355, 357

Т

- Таксона, венгерский вождь – 356
 Тарасау С.В. – 107, 368, 400
 Татищев В.Н. – 77, 167, 299, 344, 400
 Творогов О.В. – 73, 222, 400
 Теодорих Меровинг – 206
 Тизенгаузен В. – 255, 400
 Тимофеев Е.И. – 365, 401
 Тимощук Б.А. – 20, 32, 33, 134, 135, 137, 140, 154, 272, 326, 327, 328, 335, 365, 366, 385, 398, 401
 Тиодорик (Теодорих) – 160, 343
 Титмар Мерзебургский – 243, 282, 375
 Тихомиров М.Н. – 313, 402

- Толочко О.П. – 99, 104, 401
 Толочко П.П. – 249, 372, 401
 Толстой И. – 256, 258, 369, 401
 Томановская О.С. – 13
 Топоров В.Н. – 74, 249, 317, 401
 Торарин, сын Скегги – 98
 Торгнир – 36, 65, 152, 173
 Травничек Д. –
 Третьяков П.Н. – 122
 Тржештик Д. – 15, 133, 134, 158, 262, 277, 281, 299, 327, 328, 378, 379, 401
 Троица Св., Троицкий список – 156, 177, 222
 Трубачёв О.Н. – 122, 401
 Трувор – 74, 154, 329, 332
 Трухачёв Н.С. – 311, 401
 Турд, Тур – 167, 190, 207, 248, 366
 Турилов А.А. – 35
 Тыпкова-Заимова В. – 15, 162, 224, 351, 360, 401
 Тьодольв – 98
 Тышкевич Я. – 320
 Тюр – 67
 Тюри, сестра Свейна Вилобородого – 352
 Тюштян – 117

У

- Удальцова З.В. – 15, 299, 387, 402
 Улеб – 167, 168, 187, 231, 338
 Ульв, сын Рёгнвальда – 237
 Ульвкель, герой саги о Хальфдане – 343
 Уманец А.Н. – 161, 219, 231, 322, 326, 353, 402
 Успенская А.В. – 256, 402
 Успенский Ф. – 252, 317, 402

Ф

- Фарлоф – 81
 Феодора II – 206
 Феодосий Печерский – 316
 Феопемпт – 91
 Феофано – 76, 206
 Феофил – 55, 56, 144, 311, 312
 Феофилакт Симокатта – 121

- Фехнер – 332, 366, 402
 Филипп, дофин – 206
 Флоря Б.Н. – 15, 26, 32, 112, 239, 281, 283, 299, 306, 345, 346, 347, 372, 376, 402
 Фомин А.В. – 32, 103, 104, 130, 135, 149, 210, 211, 233, 247, 304, 324, 333, 355, 402
 Фотий, патриарх – 56, 67, 68, 72, 78, 85, 180, 313, 314, 321, 342
 Франклин (Franklin) – 69, 77, 407
 Фредегонда – 206
 Френ Х.М. – 37, 68, 161
 Фрид М. – 13, 29
 Фроянов И.Я. – 17, 19, 23, 24, 25, 142, 176, 177, 207, 249, 263, 301, 302, 303, 305, 306, 307, 341, 349, 403

X

- Хабургаев Г.А. – 104, 109, 112, 320, 372, 403
 Хакан (Хакон ?) – 56, 143, 348, 376
 Хакон Добрый – 56, 172, 270, 331, 343, 365, 369, 370
 Хакон, ярл Норвегии – 380
 Халиков А.Х. – 32, 129, 328, 394
 Халльфред, Трудный Скальд – 93, 351
 Хальвдан, сын Эйстейна – 36, 96, 353
 Хальвдан, конунг Дании – 96
 Хальфдан Чёрный – 339, 343, 363
 Харальд Гардрада (Суровый) – 36, 90, 91, 93, 95, 98, 294, 295, 343, 344
 Харальд Прекрасноволосый – 168, 172, 338, 348, 373, 376
 Харальд Синезубый – 359, 364, 369, 380
 Хаскульд (Освальд) – 67
 Хастинг – 99
 Хвольсон – 310
 Хвостова К.В. – 299, 403
 Хейдрек – 322
 Хельги (из саг) – 91, 92, 96, 97, 317, 338
 Хельги, сын Хальвдана, конунга Дании – 96
 Хельги Хаддингъяскати – 96
 Х-л-гу, Хельгу (Hl-Gw) – 69, 70, 75, 128, 313, 342, 343
 Хеннинг – 56
 Хервер – 160, 322
 Хергейр – 353
 Херрманн Й. – 18, 22, 300, 305, 318, 324, 328, 329, 340, 367, 403
 Хильперик Меровинг – 352
 Хлёд – 160

Хорив – 109
 Хравн – 367
 Хродфрос – 367
 Хьервард, отец Хельги (из саг) – 96

Ц

Цукерман К.А. – 36, 70, 403

Ч

Чака – 370
 Чалых Н.Е. – 321, 328, 403
 Черепнин А.В. – 24
 Чернецов А.В. – 358, 403
 Чжоу, династия – 300
 “Чудин” Иванко – 280

Ш

Шаскольский И.П. – 20, 26, 27, 32, 66, 319, 333, 403
 Шахматов А.А. – 73, 77, 78, 115, 222, 403
 Шевченко Ю.И. – 70, 161, 183, 188, 210, 219, 231, 233, 322, 326, 335, 338, 353, 354, 358, 395, 402
 Шепард Дж. (Shepard) – 69, 77, 407
 Шехтер – 36, 68, 69, 168, 188, 313, 316
 Шинаков Е.А. – 37, 38, 103, 111, 118, 119, 127, 129, 130, 131, 132, 154, 162, 163, 189, 190, 211, 214, 218, 220, 228, 231, 232, 233, 234, 236, 240, 243, 244, 245, 246, 247, 255, 256, 257, 258, 263, 269, 274, 279, 280, 300, 305, 308, 318, 320, 322, 325, 326, 335, 339, 341, 353, 355, 361, 362, 363, 366, 367, 370, 375, 376, 397, 403, 404, 405, 406
 Широкова Н.С. – 357, 406
 Шкунаев С.Е. – 112, 406
 Шмидт Е.А. – 111, 404
 Шрамм Г. – 150, 154, 161, 237, 321, 332, 406
 Штауфены – 356
 Штокль (Stokl) – 303, 409
 Шульги – 300

Щ

Щавелев А.С. – 219, 249, 406
 Щавелев С.П. – 104, 122
 Щавелева Н.И. – 35, 254, 368, 406

Щеглова О.А. – 99, 122, 359, 406

Щек – 109

Щепанская Т.Б. – 406

Э

Эверс Г. – 77

Эгвельд, конунг – 92

Эдинг Д. – 332, 406

Эйлив, сын Рёгивальда – 237, 380

Эймунд Хрингсон – 371

Эйольв Дадаскальд – 36

Эйрик из Уппсалы – 66, 152

Эйрик Кровавая Секира – 269, 343

Эйрик Победоносный – 152, 206, 370

Эйрик Хаконарсон ярл – 72

Эйрик, ярл – 36, 190, 343, 370

Эйстейн, герой саги “О Хальфдане” – 36, 190, 343, 353

Энунд Дорога – 331

Эрманарих – 161

Ю

Юра Р.А. – 363, 387

Юренко С.П. – 131, 400

Юшков С.В. – 14, 282, 305, 406

Ющенко М.Е. – 247, 322, 405

Я

Якубовский А.Ю. – 63, 188, 382

Ян Вышатич – 377, 381

Янин В.Л. – 99, 113, 149, 196, 197, 335, 346, 355, 406

Янкунн (Jankuhn H.) – 300, 332, 407

Ярицлейв – 343, 371

Ярополк Святославович – 88, 97, 128, 195, 215, 218, 221, 225, 230, 232, 241, 249,
250, 251, 252, 253, 254, 260, 267, 268, 287, 288, 295, 317, 319, 326, 345, 351,
362, 367, 373, 377

Ярослав Мудрый – 36, 88, 90, 91, 94, 95, 98, 170, 177, 178, 223, 232, 264, 276, 279,
282, 284, 285, 287, 289, 291, 312, 326, 335, 343, 345, 347, 363, 370, 371, 374

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИЗ — Археологические известия и заметки
- АО ИА РАН (АН СССР) — “Археологические открытия”. Институт археологии
Российской Академии Наук
- АС — Археологический съезд
- БГПУ — Брянский государственный педагогический университет
- БОКМ — Брянский областной краеведческий музей
- БГОКМ — Брянский государственный объединенный краеведческий музей
- БОМ — Брянский областной музей
- БСИ — Балкано-славянские исследования
- ВВ — Византийский временник
- ВДИ — Вестник древней истории
- ВИ — “Вопросы истории”
- ВИД — “Вспомогательные исторические дисциплины”
- ВИНИТИ — Всероссийский институт научной и технической информации
- ВИС — Вопросы истории славян. Воронеж
- ВТРП — Внеплеменные торгово-ремесленные поселения
- ГУ — Горьковский государственный университет
- ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва)
- ЗАН — Записки АН СССР
- ИА АН УР — Институт археологии Академии наук Украинской республики
- ИА РАН — Институт археологии Российской Академии наук
- ИИМК — Институт истории материальной культуры (Петроград-Ленинград-
Санкт-Петербург)
- ИНИОН АН СССР — Институт научной информации по общественным наукам
Академии Наук СССР
- ИОРЯС — Известия отделения русского языка и словесности
- ИЛ — Ипатьевская летопись
- КГУАК — Курская губернская ученая архивная комиссия
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии
- КСИС — Краткие сообщения института славяноведения
- ЛЛ — Лаврентьевская летопись
- ЛПС — Летописец Переславля Суздальского
- МАО — Московское археологическое общество
- МАР — Материалы по археологии России
- МГУ — Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР

-
-
НПЛ	– Новгородская Первая летопись
ОРЯС	– Отделение русского языка и словесности Академии наук
ОТРП	– Открытые торгово-ремесленные поселения
ПВЛ	– Повесть временных лет
ПИШ	– Преподавание истории в школе
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей
РЛ	– Радзивилловская летопись
РП	– Русская Правда
СА	– “Советская археология”
САИ	– Свод археологических источников
СВ	– Средние века
СЭ	– “Советская этнография”
ТОДРЛ	– Труды отдела древнерусской литературы
ČSČH	– Československé časopis historický. Praha
НČ	– Historické časopis. Bratislava

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5

Введение	10
Историографические замечания	10
§ 1. Типы (социальная основа) государственности в отечественной литературе конца XX века	12
§ 2. Вопрос о социальной сущности и механизмах образования Древнерусского государства в отечественной историографии последней четверти XX века	17
§ 3. Образование древнерусского государства: политико-антропологический и сравнительно-типологический аспекты	23
§ 4. Вопрос о дружинном государстве	30
Глава 1. Источники	34
§ 1. Общий обзор, оценка степени информативности и достоверности	34
§ 2. Источники по этапу вождеств	39
<i>Специфика "восточных" источников. Контент-анализ содержания их "первой традиции"</i>	39
§ 3. Иные виды письменных источников о славянах и русах первой половины IX века	54
<i>Источники периода "двухуровневого государства" переходного этапа</i>	56
§ 4. Иностраные источники. Контент-анализ "восточных" источников "второй традиции"	57
<i>Мусульманские авторы "второй традиции"</i>	57
<i>Дополнения Ибн Фадлана и Ибн Мискавейха</i>	60
<i>Скандинавские источники</i>	65
<i>Византийские источники</i>	66
<i>Иудео-хазарские данные</i>	68
§ 5. Отечественные источники и их взаимоотношения с иностранными	71
§ 6. Реалии второй половины X – начала XI вв.: возможные истоки описания в отечественных источниках	88
<i>Иларион</i>	89
<i>Олег Вещий</i>	91
<i>Харальд и Ольга</i>	98

§ 7.	Обзор типов неписьменных источников	100
	<i>Некоторые особенности использования</i>	
	<i>археологических источников</i>	100
	<i>Иные виды вещественных и этнологических источников</i>	
	<i>и методы их применения</i>	103
Глава 2.	Государствообразовательные процессы и структуры на Руси	
	до середины X века	
§ 1.	Регионально-потестарное деление	106
	<i>Общие принципы</i>	106
	<i>Центральный регион</i>	109
	<i>Северо-Западный регион</i>	111
	<i>Северный регион</i>	113
	<i>Юго-Восточный регион</i>	118
	<i>Юго-Западный регион</i>	132
§ 2.	Формы и элементы государственности	
	в восточных вождествах	138
§ 3.	Социально-потестарная структура русов к середине IX в.	143
Глава 3.	“Двухуровневое государство” переходного периода	
	(середина IX – X вв.)	
§ 1.	Механизмы образования “варварского” двухуровневого	
	государства Русь (“Росия”)	151
§ 2.	Территориальная и этопотестарная структура “варварского”	
	двухуровневого государства (880 – 940 гг.)	156
§ 3.	Форма правления	164
§ 4.	Функции аппарата управления “верхнего” и “нижнего” уровней.	
	Источники и способы получения средств обеспечения	
	правлящего слоя	169
§ 5.	Кризис “двухуровневости” в 40-е годы X века и его	
	стадиально-типологические аналоги	186
Глава 4.	Поиск путей: Ольга и Святослав	
§ 1.	Реформы Ольги и их последствия	193
§ 2.	Святослав – “имперский” эксперимент:	
	причины и перспективы	208
§ 3.	Функции, источники получения средств содержания	
	военно-административного аппарата державы Святослава	220

Глава 5. Становление и консолидация раннего государства Русь	
§ 1. Святославовичи: поиски путей (механизмы создания территориальной базы раннего государства)	230
§ 2. “Гражданские войны” 977 и 980 годов в государствообразующем аспекте	249
§ 3. Механизмы консолидации “сложносоставного” государства и его трансформация в “раннее” “дружинной формы”	260
§ 4. Роль оборонительных войн в консолидации государства	268
§ 5. “Дружинное государство” на Руси в сравнительно-историческом аспекте и тенденции развития ранней государственности	277
Начало русской государственности (вместо заключения)	290
Примечания	299
Источники	382
Литература	383
Приложения	411
<i>Сравнительная таблица признаков и видов источников по разным этапам древнерусского политогенеза .....</i>	<i>412</i>
Таблица 1	424
Таблица 2	425
Карты	426
Этногеографический указатель	440
Алфавитный указатель имен	462
Список сокращений	483

Евгений Александрович Шинаков

Монография

**ОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА
Сравнительно-исторический аспект**

Набор и верстка – М.В.Лозинская

Редактор – В.П.Лозинский

ЛР № 020070 от 25.04.97

Подписано в печать 13.08.2002. Формат 60x84 1/16. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл. п.л. 28,4. Тираж 500 экз. Заказ № 1684

Издательство Брянского государственного университета имени академика
И.Г.Петровского. 241036, Брянск, Бежицкая, 14.

Отпечатано в Клинцовской городской типографии.
243140, Брянская обл., г. Клинцы, пер. Богунского полка, 4а.
Тел. (08336) 2-24-56; 2-04-18; 2-35-89.